РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

ПАМЯТИ БОРИСА АНАТОЛЬЕВИЧА ЛИТВИНСКОГО

4 (38)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2012

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,* д.п.н. *О. В. Гневэк,*
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.п.н. *З. М. Уметбаев,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2012
© Магнитогорский государственный университет, 2012
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2012

© 2012

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Борис Анатольевич Литвинский родился 17 апреля 1923 г. в Пролетарском районе Ленинабадской области Таджикской ССР. Отец его работал ремонтником в железнодорожных мастерских, мать — бухгалтером. Как-то отец, будучи на работе, посетовал на то, что не хватает нужного инструмента. Кто-то из коллег донёс на него, и он был арестован. Это случилось в 1938 году. Борису потом удалось увидеть отца лишь один раз, когда его отправляли после суда в лагерь, где он и умер. На семейном совете было решено отправить Бориса в Ташкент, где жили две его тёти. Без отца жилось тяжело. Борис Анатольевич неохотно вспоминал эти годы. Пирожок купить в школьном буфете было для него роскошью.

В этой школе, в параллельном десятом классе, училась Лена Давидович. Они познакомились на школьном собрании. Сидя на подоконнике, отличники блистали друг перед другом полученными знаниями. Два подростка: Лена, миниатюрная, красивая и энергичная, и Борис, высокий, нескладный, выросший из своих брюк. Так началась их дружба. Чтобы быть ближе к Борису, Лена попросила директора школы перевести его в их класс. Мотивировала она просьбу тем, что класс нужно было усилить. Директор согласился. В образовавшемся тандеме Лена была лидером, она опекала Бориса, а иногда и защищала его. Однажды она решила проверить преданность кавалера, провожавшего её домой, оригинальным способом: предложила ему прыгнуть в арык в одежде, что он и сделал, хотя была осень. Это, видимо, и покорило Лену окончательно.

Окончив школу, Борис и Лена решили поступать в Московский институт философии, литературы и истории, но остались учиться в Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте, на историческом факультете. Чем был вызван такой выбор? Бориса в школе одинаково интересовали как гуманитарные науки, так и математика. Участвуя в математической олимпиаде, он получил приз — фотоаппарат. Лена по складу ума была склонна к естественным наукам. Тем не менее, выбрали они истфак.

Когда началась война, Б. А. Литвинский пошёл в военкомат и попросил отправить его на фронт добровольцем в десантные войска, но его оставили учиться в университете. Он и Е. А. Давидович днём учились, ночью работали на заводе, спали урывками. Через два года Б. А. Литвинского призвали в армию. Перед этим они решили пожениться. Вначале Б. А. Литвинский был отправлен в военное училище в г. Кушку. Порядки в нём отличались суровостью: строевая подготовка сменялась марш-бросками в полной выкладке и противогазах по пустыне. Окончив училище, он получил звание лейтенанта и был отправлен на фронт в 8-ю гвардейскую армию генерал-полковника Чуйкова. Взвод автоматчиков, которым он командо-

вал, всегда был впереди, лишь волей случая его командир остался жив. Во время боёв за Зееловские высоты на подступах к Берлину недалеко от него разорвался снаряд, Б. А. Литвинский был тяжело ранен и контужен. На излечение в госпиталях ушло пять месяцев. Выписался он инвалидом второй группы, за храбрость его наградили орденом Красной Звезды. Полученные во время войны раны давали о себе знать всю оставшуюся жизнь.

Е. А. Давидович к этому времени обогнала его на два года в учёбе в университете и поступила в аспирантуру. Чтобы её догнать, Б. А. Литвинский экстерном окончил два курса. После этого встал вопрос о специализации. Решился он благодаря тому, что на одной из студенческих конференций они делали совместный доклад «Семейные отношения казахов» по собранным ими во время практики материалам. На этой конференции присутствовал заведующий кафедрой археологии Ташкентского университета М. Е. Массон. Он обратил внимание на молодых учёных. Его комментарии и выступления также произвели на них впечатление. Это послужило причиной того, что Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович решили специализироваться по археологии. М. Е. Массон сыграл большую роль в формировании научных интересов Б. А. Литвинского — он был человеком большой энергии, разнообразных талантов, мог увлечь студентов своими идеями. Студенты любили его и невольно подражали ему. Как вспоминал позже Б. А. Литвинский, «я стремился охватить все области археологии Средней Азии от бронзы до средневековья, детально знать историю, географию, этнографию Средней Азии. Предполагалось также, что археолог должен знать до мельчайших подробностей любые статьи и заметки дореволюционных путешественников. Из археологических дисциплин наибольшее внимание уделялось изучению общих линий развития среднеазиатских городов (курс “Историческая топография” читал М. Е. Массон) и “История архитектуры”, который блестяще преподавала Г. А. Пугаченкова».

М. Е. Массон прекрасно снимал топографические планы археологических памятников и обучал этому студентов, он также учил их тщательной графической и дневниковой фиксации раскапываемых памятников. Им было придумано описание стратиграфии раскапываемых объектов с помощью ярусов. Многое из того, чему М. Е. Массон учил студентов на кафедре археологии в Ташкентском университете, прижилось в полевой практике среднеазиатских исследователей и сохранилось до наших дней. Это не раз демонстрировал Б. А. Литвинский, обучая нас методике ведения раскопок.

В студенческие годы Б. А. Литвинский начал заниматься историей горного дела Средней Азии. Тема его дипломной работы касалась истории добычи полезных ископаемых на территории Туркмении. Она была успешно защищена, а материалы, относящиеся к добыче полезных ископаемых на острове Челекен в Каспийском море, были опубликованы в 1-м выпуске «Материалов ЮТАКЭ» в виде отдельной статьи. Это была вторая публикация молодого исследователя, но уже она показывает, как основательно он подходил к разработке выбранной темы, максимально используя имеющиеся материалы. Интерес к истории добычи полезных ископаемых в Средней Азии сохранился у него и в дальнейшем, поэтому, поступив в аспирантуру, он стал работать над темой «История добычи ртути в Средней Азии», однако отсутствие необходимых денежных средств явилось причиной того, что Б. А. Литвинский не стал разрабатывать её дальше. Когда

геологи, работавшие в Зерабулакско-Зияддинских горах под Самаркандом, нашли древние выработки олова, он обследовал их и написал статью, которая не утратила научной ценности и в наши дни.

В конце концов, тему кандидатской диссертации пришлось поменять и использовать для неё материалы, полученные при обследовании средневековых поселений области Нисы. Диссертация была защищена в 1951 году. По своему объёму (473 страницы текста, 70 таблиц и 560 цитированных источников) она значительно превосходила требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям.

На одном из заседаний Хорезмийской экспедиции в 1951 году Б. А. Литвинский сделал доклад о своих работах в Туркмении. С. П. Толстов, присутствовавший при этом, предложил ему стать его заместителем по экспедиции и помог опубликовать в журнале «Советская этнография» небольшую заметку об этих работах.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая научная судьба Б. А. Литвинского, прими он предложение С. П. Толстова. В конечном итоге сомнения молодого учёного и его жены решились для них самым благоприятным образом. А. А. Семёнов, которого они хорошо знали по университету, переезжал из Ташкента в Сталинабад (Душанбе), где ему предложили должность директора Института истории, археологии и этнографии, входившего в структуру организуемой республиканской Академии наук. Одним из подразделений института должен был быть сектор археологии, и на должность его заведующего А. А. Семёнов приглашал Б. А. Литвинского. Переезд в другой город, переход на новую работу — дело достаточно серьёзное, поэтому Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович решили посоветоваться с А. Ю. Якубовским, который в это время находился в Ташкенте и работал над средневековыми рукописями в Институте востоковедения. Оказалось, что он уже знал обо всём. Старший коллега посоветовал им принять приглашение, которое открывало для молодых учёных перспективы самостоятельной работы на новом месте.

Переезд в Сталинабад состоялся. Первое время Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович жили на правительственной даче, а затем получили двухкомнатную квартиру недалеко от Института. А. А. Семёнов представил их первому секретарю ЦК КП Таджикистана Б. Г. Гафурову, который прекрасно понимал значение археологии в изучении прошлого республики, знал многие памятники. Он был не только выдающимся государственным деятелем, но и учёным. Ещё до Великой Отечественной войны Бободжан Гафурович хотел приступить к созданию «Истории таджиков и Таджикистана» в двух томах. Для этой работы предполагалось привлечь ведущих специалистов-востоковедов из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Планировалось издать оба тома в течение 1941–1943 годов, предполагаемым авторам были разосланы приглашения на совещание, которое должно было состояться в мае 1941 года в столице Таджикистана. Однако осуществлению этого проекта помешала начавшаяся война.

Б. А. Литвинскому было всего 28 лет, когда он взялся за организацию сектора археологии. Сделать это ему было непросто, потому что в Таджикском государственном университете не было кафедры археологии, которая бы готовила кадры археологов. Одним из первых сотрудников Б. А. Литвинского и Е. А. Давидович

стал В. А. Ранов, который был тогда студентом второго курса исторического факультета университета. Затем из Государственной библиотеки им. А. Фирдоуси в сектор пришли Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль, окончившая истфак Ленинградского государственного университета, М. А. Бубнова. Небольшой коллектив археологов проделал большую работу. Началось изучение стоянок каменного и бронзового века в Кайраккумах, на цитадели Хульбука, на городищах Кухнакала и Кумтепа в Вахшской долине.

50-е годы — романтический период в археологии Таджикистана. Все археологи были молоды, полны сил и энтузиазма, они чувствовали себя первооткрывателями древних цивилизаций. Как вспоминал позже Б. А. Литвинский: «Сил было много и с первыми моими сотрудниками мы буквально вдоль и поперёк изъездили Республику. Экспедиции продолжались 6–8 месяцев. Денег было немного, объём раскопок невелик, но кое-что стало вырисовываться… Мы не думали об отдыхе, ни об удовольствиях, ни о минимальном комфорте. Нередко спали прямо на земле, иногда на подложенном клоке соломы, уезжали из экспедиций уже после того, как палатки засыпало снегом. Как и в любой работе, не всё складывалось гладко, возникали иногда конфликты». Б. А. Литвинский считал, что виной некоторых из них был он сам, так в нём «клокотал максимализм молодости, бескомпромиссный ригоризм; к ним примешивалась изрядная доля самоуверенности. Я слишком любил поучать, читать мораль, причём отнюдь не в мягкой форме. Возникали взаимные обиды. Но всё гасилось нашим общим интересом к делу, и мы вновь продолжали работу».

По словам участников экспедиций тех лет, особенно трудными они были в Кайрак-Кумах, где археологов мучили жара, пыльные бури. Результаты поисков в этой пустыне были опубликованы в монографии «Древности Кайрак-Кумов», вышедшей в 1962 г. под фамилиями трёх авторов: Б. А. Литвинского, А. П. Окладникова, В. А. Ранова. Трудными были экспедиции и на Восточном Памире, где раскопки велись на высоте более 4000 м над уровнем моря — здесь даже летом иногда выпадает снег, замерзает вода в ёмкостях. Разрежённый воздух не позволяет быстро двигаться, а обычные движения вызывают усиленное сердцебиение. Несмотря на всё это, археологи раскопали на Восточном Памире 260 сакских курганов. Позже материалы раскопок были опубликованы Б. А. Литвинским в монографии «Древние кочевники “Крыши мира”» в 1972 году.

В 50-е годы у Б. А. Литвинского сложилось представление о том, каким должен быть археолог-профессионал, как полевым, так и кабинетным работником. Прежде всего, считал он, учёный должен быть искренне предан своему делу. Работа на раскопе, в экспедиционном лагере должна вестись постоянно. Археолог должен многое уметь: снимать топографические планы памятников, делать чертежи, определять время находок, делать описание вскрываемого культурного слоя и архитектурных деталей. Быть знакомым с антропометрией. Раскопки должны вестись не ради находок, археолог должен получить от памятника максимальную информацию для того, чтобы восстановить всю его историю. Но правильно раскопать памятник — это часть дела, главное — осмысление полученных материалов. Для этого археолог должен быть хорошим кабинетным работником, знать не только отечественную, но и зарубежную литературу. Так, любой археолог может найти интересные вещи, но не любой может их правильно интерпретировать.

Первые научные публикации результатов археологических памятников Таджикистана помещались в «Известиях отделения общественных наук АН ТаджССР» и «Докладах АН ТаджССР». У Б. А. Литвинского возникла идея постоянного издания, в котором бы оперативно публиковались итоги раскопок в Республике. Так появился на свет сборник «Археологические работы в Таджикистане». Первые его выпуски выходили в течение года, но затем стали выходить с большими задержками — сказывалась загруженность типографии Академии наук. До 2011 года издано 34 выпуска этого сборника, в них опубликована значительная часть полученных во время раскопок материалов. Статьи его авторов цитируются отечественными и зарубежными специалистами.

Позже стал издаваться сборник «Материальная культура Таджикистана». Всего было опубликовано 4 сборника. В «Предисловии» к первому тому Б. А. Литвинский отметил: «Значительная часть археологического материала, добытого в процессе многолетних исследований, ещё ждёт издания — статьи, содержащие публикацию важных археологических объектов, будут помещаться в каждом томе “Материальной культуры Таджикистана”… Разработка общих вопросов археологии Таджикистана, проблем древней истории, историографии, археологических исследований, публикация и исследования нумизматического материала и на базе его, с привлечением письменных источников, изучение политической и социально-экономической истории, критико-библиографические работы — такова достаточно широкая программа новой серии, отражающая тематику работ сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша».

Масштабными были раскопки в 1951–1957 гг. курганов и курумов под руководством Б. А. Литвинского в Северном Таджикистане. Изучение их начал ещё до революции Н. И. Веселовский. В 1885 г. он раскопал в окрестностях кишлака Ашт 15 курумов, или мугхона. В советский период раскопки погребальных сооружений велись в Ферганской долине в больших масштабах. В таджикистанской её части археологами было раскопано 259 курганов и 160 курумов. Богатый археологический материал, найденный в них, лёг в основу докторской диссертации.

С её написанием и защитой Б. А. Литвинский не спешил. Елена Абрамовна уже несколько лет была доктором наук. Это обстоятельство явилось поводом для шуток знакомых. Наконец Борис Анатольевич взялся за диссертацию, основой для которой послужили богатые материалы из раскопок курганов и курумов. Знакомые и родственники спрашивали: «Когда?». Было уже готово около трёх тысяч страниц текста, но по замыслу автора ещё должно было быть написано около двух тысяч страниц. В окончательном варианте диссертация состояла из четырёх внушительных по объёму томов текста и трёх томов фотографий. На защите один из оппонентов внёс шутливое предложение: «Прошу просить ВАК принять закон о защите оппонентов от диссертантов». Объём этой диссертации во много раз превышал объём докторских диссертаций, установленный немного позже (300–400 страниц).

Защита проходила в Москве, в Институте археологии АН СССР, в 1969 году. Она была длительной, с одним из оппонентов Борис Анатольевич три раза сменился за кафедрой. Знакомый, присутствовавший на защите, высказал опасение, что это может повредить диссертанту, однако при голосовании Совет, при одном воздержавшемся, проголосовал за присуждение ему докторской степени.

Постепенно коллектив сектора археологии увеличивался преимущественно за счёт выпускников местных вузов. В него пришла работать другая по возрасту генерация исследователей: Т. М. Атаханов, А. Д. Бабаев, Х. Ю. Мухитдинов, Л. Т. Пьянкова, Ю. Якубов, А. Юсупов. Соответственно увеличилось количество изучаемых археологами памятников. После организации Е. А. Давидович в Институте нумизматического кабинета сектор археологии стал именоваться сектором археологии и нумизматики.

Б. А. Литвинский не только возглавлял сектор археологии и нумизматики, но и руководил работами Южно-Таджикистанского археологического отряда. В 1959 году работавшая в его составе Т. И. Зеймаль проводила разведочные работы в Вахшской долине. Недалеко от посёлка им. С. М. Кирова она обнаружила холм Аджинатепа. Уже первые раскопки показали, что это очень интересный памятник. Он имел необычную планировку: в рельефе его восточной половины хорошо выделялась крупная впадина — двор, в центре западной половины возвышался холм. Траншея, заложенная в восточной половине холма, попала в помещение, украшенное настенной живописью; холм в западной половине скрывал монолитное сооружение высотой 4,5 м, возведённое из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей. Необычная планировка, украшенное настенной живописью помещение позволили Т. И. Зеймаль уже после первого сезона раскопок сделать предположение о том, что Аджинатепа представляет собой «какое-то культовое раннесредневековое сооружение». Дальнейшие раскопки подтвердили это предположение и позволили установить, что оно является крупным буддийским монастырём. В восточной его половине располагались кельи монахов, святилище и зал собраний, в западной половине — храмовая часть, куда приходили молиться и миряне. С 1960 года Аджинатепа стало основным объектом раскопок Южно-Таджикистанского археологического отряда, проводились они под руководством Б. А. Литвинского и его заместителя Т. И. Зеймаль.

Изучение Аджинатепа продолжалось до 1975 года, монастырь раскопан практически почти полностью. Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль восстановили его сложную, почти вековую историю (середина VII — первая четверть VIII в.). За годы своего существования монастырь подвергался мелким и крупным ремонтам, а после разгрома, учинённого арабами, он пришёл в запустение и использовался окрестными жителями в производственных целях. Можно без преувеличения сказать о том, что Аджинатепа является одним из самых хорошо и полно изученных археологических памятников Средней Азии.

Ещё до завершения раскопок Аджинатепа Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль начали готовить монографию, в которой суммировались их предварительные итоги. Раздел по истории буддизма в Средней Азии написал Б. А. Литвинский. Несмотря на то, что буддологией до раскопок Аджинатепа он не занимался, им была дана впервые развёрнутая характеристика его судеб в среднеазиатском регионе. Крупнейший современный зарубежный специалист по искусству и культуре Востока профессор Б. Роуленд в своей рецензии на монографию отметил: «Замечательное исследование истории буддизма в Средней Азии принадлежит русскому учёному Б. А. Литвинскому, и нам не остаётся ничего, как суммировать его открытия». На русском языке монография «Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура»

вышла в свет в издательстве «Искусство» в 1971 году; в 2002 году расширенный вариант этой книги был издан в Риме на английском языке.

Раскопки Аджинатепа, находки великолепных по художественным достоинствам образцов скульптуры и живописи привлекли внимание к памятнику отечественных и зарубежных учёных. Результаты раскопок важны и в другом отношении. Китайские паломники Сюань-Цзан и Хуэй Чао, посетившие Тохаристан в VII и VIII вв., сообщали о широком распространении среди всех слоёв населения страны буддизма. Об этом исследователи знали давно, но подтверждение сведения паломников получили после раскопок Аджинатепа. Позже были открыты буддийская часовня во дворце правителей области Вахш на городище Кафиркала в Вахшской долине, городской храм на городище Калаи Кафирниган, остатки святилища на Калаи Шодмон, монастырь Хишттепа в Ховалингском районе. Выяснилось также, что в раннем средневековье функционировала ступа в местности Шутурмулло в Кобадиане, возведённая в кушанский период.

Переезд в Москву состоялся в 1971 году, а главной причиной его явилась крайне неблагоприятная обстановка, сложившаяся для Б. А. Литвинского не по его вине. Шла борьба за сектор археологии. Его заседания сопровождались скандалами, некоторые из коллег начали писать вначале открытые, а затем анонимные письма в руководящие органы республики и Москвы, выдвигая против него ложные обвинения. Организовывались комиссии для их проверки, обсуждения на собраниях. Особенно подлыми были анонимки, на них нужно было реагировать, коллектив Института лихорадило. Факты, фигурировавшие в письмах, не подтвердились, но они выбивали Б. А. Литвинского и Е. А. Давидович из колеи, отражались на здоровье.

На этой почве у Бориса Анатольевича случился инфаркт. После одного из полевых сезонов он поехал в командировку в Ленинград. Ночью почувствовал сильную боль в области сердца. Утром обратился в поликлинику, его уложили на кушетку, сделали кардиограмму, а потом увезли в больницу, поместили в палату и запретили шевелиться. Когда немного полегчало, он попросил ленинградских друзей принести ему нужные книги и стал работать — писать очерк по истории буддизма в Средней Азии. Работать приходилось лёжа на спине. После больницы был санаторий; на полное излечение ушло три месяца.

Сложившаяся обстановка явилась главной причиной их переезда в Москву. В Институте востоковедения АН СССР, возглавляемого Б. Г. Гафуровым, организовывался новый отдел. Б. А. Литвинский возглавил его. После реорганизации он стал именоваться Сектором исторических и культурных взаимоотношений Советского и зарубежного Востока в древности и средневековье. По замыслу Б. А. Литвинского, его сотрудники должны были заниматься изучением истории культурных связей народов, населявших огромный регион, используя для этого совокупность археологических, лингвистических, этнографических материалов.

Время показало, что ему в полной мере удалось реализовать свои идеи. Под руководством Б. А. Литвинского и при его непосредственном участии были подготовлены к печати четыре тома коллективного труда «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье». Изданы они в 1992–2000 годах. Это настоящая энциклопедия, при написании которой дана характеристика основных этапов изучения и развития региона, начиная с каменного века, этносов, языков, материальной и духовной культуры его жителей. В работе над главами и разделами уча-

ствовали многие сотрудники отдела: Е. В. Антонова, М. Б. Мейтарчиян, М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, А. В. Серов, Т. П. Удыма, Т. А. Шеркова, Л. А. Чвырь. В отделе был организован семинар по истории культуры, который пользовался популярностью у исследователей различных организаций Москвы.

Когда Б. А. Литвинский планировал тематику научных исследований сектора в Институте востоковедения, имелось в виду, что археология будет входить в неё, но не будет доминировать над другими научными исследованиями. Появилась идея организации Южно-Таджикистанской археологической экспедиции, в которой бы работали сотрудники Института истории им. А. Дониша, Государственного Эрмитажа и Института востоковедения АН СССР. Активно сопротивлялся организации экспедиции В. А. Ранов, который стал после отъезда Б. А. Литвинского заведующим сектором археологии и нумизматики в Институте истории. Он очень ревниво относился к работам экспедиции, а иногда чинил нам всякие препятствия. В дело пришлось вмешаться душанбинскому академическому начальству, и экспедиция стала реальностью. Б. А. Литвинский планировал закончить раскопки Аджинатепа, продолжить работы на вахшской Кафиркале, памятниках каменного и бронзового века.

Работы первого сезона экспедиции были сосредоточены на изучении небольшого города кушанского времени Тепаи-шах, расположенного в оазисе Шах Кобадианского района. Была выявлена частично его застройка, раскопаны в пригороде четыре науса, давшие интересный материал для характеристики погребального обряда Бактрии. Кроме того, были проведены раскопки на некоторых других памятниках оазиса. Итоги исследований опубликованы Б. А. Литвинским и А. В. Седовым в книге «Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии» в 1983 году.

В 1974–1976 гг. работы экспедиции сосредоточились преимущественно на Калаи-Кафирнигане. Этот памятник был найден случайно в 1973 году гидрогеологом В. Марьенко. Располагаясь между рекой Кафирниган и горами, он контролировал путь, идущий вдоль её левого берега. Как и в случае с некоторыми другими памятники Бактрии, на его месте в греко-бактрийское время была построена крепость, которая в кушанский период увеличилась в размерах и превратилась в небольшой город, жизнь в нём продолжалась и в раннем средневековье. Всё это помогли установить раскопки. Ими на большой площади вскрыты постройки последнего периода. Экспедиция была трудной, потому что в ней принимал участие большой коллектив археологов, архитекторов, реставраторов, рабочих. «Дирижировать» коллективом Б. А. Литвинскому было сложно. Жили в наспех отремонтированной старой школе. Ко всем сложностям экспедиционного быта прибавлялась сильная жара, её не снижала даже река, текущая рядом с лагерем.

Параллельно с раскопками Калаи-Кафирнигана Б. А. Литвинский решил начать исследования на городище Тахти Сангин в Кобадиане. В 1976 году он поручил сотруднику своего сектора И. Р. Пичикяну заложить разведочный шурф на цитадели памятника, расположенного километрах в двух от слияния Пянджа с Вахшем.

Через десяток лет был раскопан храм, состоящий из парадного входа — пропилей, большого двора — теменоса, двух помещений, в которых располагались жертвенники огня, крупного, четырёхколонного зала и подсобных построек.

Число находок из храма постоянно увеличивалось и достигло восьми тысяч. Некоторые из них имели прямые аналогии в находках из Амударьинского клада. И это при том, что храм был ограблен во время завоевания Бактрии кочевниками во II в. до н. э. Возведён храм в конце IV — III вв. до н. э. Сам город отождествляется с Александрией на Оксе. Вскоре после начала раскопок храма появились первые публикации найденных материалов, они вызвали большой интерес у советских и зарубежных исследователей. В лице Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна сложился удачный научный тандем, в котором первый был археологом-востоковедом, а второй — антиковедом. Поэтому находки надёжно датированы и атрибутированы.

Раскопки храма не удалось завершить из-за того, что в Таджикистане началась гражданская война. Б. А. Литвинский очень жалел об этом. Все годы после открытия и раскопок храма он готовил к публикации полученные материалы — вначале с И. Р. Пичикяном, а затем один. Первый том был опубликован ими совместно в 2000 году — «Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь». В следующем году вышел из печати второй том материалов — «Храм Окса», написанный одним Б. А. Литвинским. Он посвящён характеристике предметов вооружения, найденных в храме. В третий том, написанный также им, включены предметы искусства, художественного ремесла и музыкальные инструменты. Опубликован он в 2010 году уже после смерти Б. А. Литвинского.

Находки, полученные в ходе раскопок Тахти Сангина, имеют первостепенное значение для изучения культуры древней Бактрии и всего эллинистического Востока. Вместе с тем они оказались сложными для изучения, особенно это касается предметов искусства. Вопрос о том, кому был посвящён храм, решился благодаря находке каменного алтарика, увенчанного бронзовой фигурой Силена Марсия. На лицевой стороне алтарика вырезано посвящение божеству Окса (Амударьи). Культ воды здесь сочетался с культом огня, возжигаемого на алтарях в двух помещениях, расположенных по обе стороны от входа в храм.

Интересные материалы были получены во время раскопок курганных могильников и поселений в Бешкентской долине, являющейся частью Кобадианского оазиса. Долина была удобной для зимовок скота, поэтому её облюбовали кочевники, весной они перегоняли стада на летние пастбища. За несколько столетий здесь образовались большие родовые могильники. В 50-е годы XX века изучение их начал А. М. Мандельштам. По его мнению, в курганах были похоронены кочевники, которые во II в. до н. э. разгромили Греко-Бактрийское царство, а затем двинулись в Индию. Его книга, изданная в 1966 году, так и называется — «Кочевники на пути в Индию».

Ещё в студенческие годы у Б. А. Литвинского появился интерес к этнографическим исследованиям. Отчасти это было связано с тем, что одним из научных его кумиров тех лет был С. П. Толстов, который первым из археологов Средней Азии стал использовать данные этнографии для объяснения археологических находок. При этом он не ограничивался только примерами из среднеазиатского региона, а выходил далеко за его пределы. Работая в Южной Туркмении, Б. А. Литвинский познакомился с этнографом В. Г. Мошковой, специалистом по изучению быта туркмен. Тогда же у него появился вкус к полевой и кабинетной этнографии. Интересу к этнографии у него способствовало знакомство с известными этнографами

А. К. Писарчик, О. И. Сухаревой, а позже — с Б. Х. Кармышевой. Сыграл в этом большую роль и М. С. Андреев, крупнейший специалист по этнографии таджиков.

На основе археологических и этнографических материалов Б. А. Литвинский написал книгу «Кангюйско-сарматский фарн», опубликованную в 1968 году. В ней, как всегда, на широком фоне даётся представление о фарне и о бытовании его у древних народов, прежде всего у кангюйцев и сарматов. Чаще всего фарн почитался в виде какого-нибудь полезного животного. Автором рассматриваются также пережитки, связанные с почитанием фарна у современных народов Средней Азии, в частности, у таджиков. Этнографические материалы привлечены Б. А. Литвинским и для изучения погребального обряда у древних жителей Средней Азии.

По инициативе Б. А. Литвинского в 1983 году была организована выставка археологических находок из Таджикистана «Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана». Она экспонировалась в Государственном музее искусства народов Востока. На ней были представлены материалы, полученные во время раскопок, проводившихся в Южном Таджикистане. К выставке был выпущен каталог. За ней в 1985 году последовала выставка «Древности Таджикистана» в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. В экспозицию вошли археологические находки, найденные на всей территории Таджикистана. В каталоге, изданном на хорошем полиграфическом уровне, были собраны великолепные вещи и монеты, некоторые из них опубликованы впервые, что было важно для специалистов.

Затем Б. А. Литвинский предложил организовать выставку археологических находок за границей. Во время встречи с немецким этнографом профессором Гейдельбергского университета К. Йетмаром они договорились, что музеем, который может принять выставку, будет музей Ритберг в Цюрихе, специализирующийся на восточном искусстве. Весной 1989 года выставка «Окс: 2000 лет искусства Советской Средней Азии» открылась. Оксом древние греки называли реки Вахш и Амударью. Сюда же, в музей Ритберг, из Британского музея были привезены для экспозиции двенадцать предметов из Амударьинского клада. Выставка была хорошо встречена швейцарской общественностью, её посетили также жители соседних европейских государств. Она экспонировалась полгода.

Из Цюриха выставка переехала в музей Фёлькеркунде (Народоведение) в Мюнхен, здесь она экспонировалась под названием «Искусство Средней Азии от Александра Великого до ислама». Её посещали мюнхенцы, гости города, специалисты. Не обошла стороной выставку и баварская пресса. Главная газета Баварии «Зюддойче Цайтунг» поместила статью, в которой говорилось: «Для археологов и историков культуры Средняя Азия превратилась после войны в интереснейший регион мира. Две тысячи лет меняющейся истории Советской республики Таджикистан мы знаем сегодня благодаря археологическим находкам… Сто находок различного рода, из различных материалов, раскопанных или найденных случайно в области между Амударьёй, границами Китая и Афганистана, представлены на выставке…». Затем была выставка в г. Розенхайме, на которую отобрали экспонаты, связанные с буддизмом; некоторые находки экспонировались и в других странах.

Научное наследие Б. А. Литвинского велико: им опубликовано более 400 книг и статей на русском и иностранных языках, он участвовал в серии научных кон-

ференций разного уровня. Его доклады всегда отличались большой эрудированностью, сочетающейся с хорошим слогом, что неизменно привлекало к ним внимание коллег. Всё это принесло Б. А. Литвинскому большой авторитет в научных кругах. В 1978 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук Таджикской ССР, а в 1985 году его избрали академиком АН Таджикской ССР.

К нему пришло и международное признание. В 1981 году он стал членом-корреспондентом Германского археологического института, в 1989 году — членом-корреспондентом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, в 1992 году — иностранным членом Академии Национале деи Линчеи (Италия). Б. А. Литвинский был членом Международного совета журнала «Бюллетень Института Азии» (Детройт, США), Международного научного комитета Итальянской энциклопедии по мировой археологии (Рим, Италия), членом редколлегии журналов «От Скифии до Сибири», «Вестник древней истории». Ему были присуждены две престижные премии имени выдающихся востоковедов Р. Гиршмана и С. Ф. Ольденбурга.

Последние годы жизни были для Бориса Анатольевича особенно трудными. Он сильно болел: сдавало сердце, зрение, давали о себе знать фронтовые раны. Писать и читать ему приходилось со специальным устройством, увеличивающим текст. Несмотря на это, он никогда не жаловался на здоровье, стремился, как и прежде, работать. За месяц до смерти я навещал Бориса Анатольевича, он радовался выходящему из печати третьему тому «Храма Окса», строил планы на следующий год, но им не суждено было сбыться. Смерть, случившуюся 20 августа 2010 года, спровоцировал сильнейший смог, накрывший столицу тем летом во время лесных пожаров, бушевавших в Подмосковье.

В. С. Соловьев,
профессор, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории ЕГУ
им. И. А. Бунина.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Восток

© 2012

S. de Pontbriand, P. Leriche

UN BÂTIMENT D'ARTISANAT KOUCHAN À L'ANCIENNE TERMEZ

Французско-Узбекская археологическая миссия в Бактриане ежегодно проводит раскопки в Термезе. Сезон 2011 года явился продолжением предыдущих исследований в районе западных укреплений мусульманского города, а также раскопок 2009 г., проводившихся на участке между мусульманскими укреплениями и мавзолеем Хакима Термезского. В ходе последних исследований открыто здание мастерских с двумя печами, относящееся к ранне-кушанскому периоду. Среди находок — гипсовый медальон баграмского типа и несколько великолепных терракотовых статуэток. Эти находки проливают новый свет на материальную культуру и историю Термеза и Бактрии в древности.

Ключевые слова: Термез, Бактрия, Кушанский период, терракотовая фигурка, гипсовый медальон, военные укрепления

PRÉSENTATION GÉNÉRALE DE LA CAMPAGNE 2011

La ville de Termez était dans l'Antiquité et au Moyen-Age l'une des cités majeures de la Bactriane-Tokharestan. Avec ses faubourgs, elle couvrait une surface de cinq cents hectares lorsqu'elle fut anéantie par les Mongols en 1220. Depuis la ville a été déplacée et le site est resté pratiquement déserté. Il a été exploré de manière ponctuelle depuis le début du XXe siècle[1].

Les fouilles de la MAFOuz de Bactriane[2] ont montré que les vestiges les plus anciens se trouvent le long de l'Amou Daria dans un secteur en grande partie inclus dans la zone de sécurité de la frontière et dans l'emprise d'une caserne.

Cependant, grâce à l'appui de l'Académie des Sciences de l'Ouzbékistan, nous avons pu travailler sur la citadelle[3] où avait été implanté un *phrourion* hellénistique

---

Пьер Лериш — доктор наук, CNRS-ENS. E-mail: pierre.leriche@ens.fr
Сеголен Де Понтбрианд — докторант Университета Пантеон. E-mail: segopon@yahoo.fr

[1] L'exploration de l'Ancienne Termez a commencé avec B. P. Denike (1926-1928) et a été poursuivie par M. E. Masson (1936-1938) puis par L. I. Albaum (1979-1985) et par Ch. R. Pidaev à partir de 1979. Les monastères bouddhiques aux alentours de la ville ont été explorés par B. I. Staviskij (Kara Tepe, 1962-1994) et L. I. Albaum (Fayaz Tepe, 1968-1976). Sur tous ces travaux voir P. Leriche, Ch. Pidaev, Termez sur Oxus 2008.

[2] Mission Archéologique Franco-Ouzbèque de Bactriane, fondée en 1993 et dirigée par P. Leriche, D. R. Emérite au CNRS et Ch. Pidaev, Directeur de l'Institut des Beaux-Arts d'Ouzbékistan. S. de Pontbriand, adjointe de P. Leriche est doctorante en Archéologie à l'Université de Paris I.

[3] Tranchées stratigraphiques, fouilles des fortifications de l'angle sud-est, prises de photographies depuis le milieu du fleuve.

(début IIIe s. av. n. è.). Par la suite, les recherches se sont étendues au Nord-Ouest de cette citadelle, jusqu'à la colline de Tchingiz Tepe. Sur cette colline, a été découverte une fondation urbaine puissamment fortifiée du début de l'époque kouchane (fin du Ier s. de n. è.). Plus au Sud, était mis au jour un «Complexe Monumental» (Tchingiz Tepe 2) d'époque hellénistique et kouchane et comprenant un bâtiment cultuel et un palais. Enfin à l'Est de cette zone, dans la partie non militarisée du site, des chantiers ont été implantés dans ce qui apparaissait comme la zone de développement de la ville islamique (*chahristan* et environs du mausolée du Hakim al Termezi).

Les résultats obtenus dans tous ces secteurs depuis 1993 ont renouvelé et considérablement enrichi l'histoire de Termez depuis l'époque hellénistique et kouchane jusqu'à la période chaybanide (XVIIe siècle).

En 2011, les crédits de la partie française de la MAFOuz de Bactriane ayant été fortement diminués, les travaux n'ont duré que six semaines (15 septembre au 3 novembre) au lieu des deux mois habituels. De plus, l'effectif a été limité tant en ce qui concerne l'équipe scientifique que les ouvriers de terrain. D'autre part, les autorités militaires nous ayant refusé l'accès à la citadelle et ayant extrêmement réduit les possibilités de travail sur le Complexe Monumental, nous avons dû déployer l'essentiel de notre activité de terrain plus à l'Est, hors de la zone militaire.

Deux objectifs précédemment mis en chantier[4] ont ainsi été poursuivis: un quartier de la ville islamique dont l'exploration a été entamée il y a dix ans (L. Baratova) et la fortification occidentale de la ville islamique où des nettoyages avaient déjà été opérés en 2006 et 2009 (P. Leriche et F. Desset).

En outre, un nouveau chantier (bâtiment d'artisanat kouchan) a été ouvert afin de développer les résultats d'une fouille d'urgence[5] conduite en 2009, entre le rempart islamique, la face nord de la citadelle et le mausolée du Hakim al Termezi (S. de Pontbriand, assisté d'A. Bertrand). (**fig. 1**)

Parallèlement à ces trois chantiers, un travail de topographie générale a été conduit par R. Schwerdtner assisté de L. Umarov.

Cette campagne a été très riche en informations nouvelles et importantes sur l'histoire du site. C'est le cas en particulier du chantier du bâtiment d'artisanat kouchan qui a fourni un matériel d'un intérêt majeur sur Termez antique et c'est à la présentation des résultats de ce chantier que nous consacrons cet article.

LE BÂTIMENT KOUCHAN: DONNEES ARCHEOLOGIQUES

Le mausolée du Hakim al Termezi connaît depuis quelques années un succès de fréquentation croissant qui a entraîné la construction de nombreux bâtiments nouveaux. En 2009, une fouille d'urgence avait mis au jour des murs de briques crues, des sols de terre battue et un matériel céramique souvent bien conservé et typique de la période des Grands Kouchans (IIe s. de n. è.). Fait tout à fait exceptionnel, un médaillon de plâtre visiblement importé d'Occident y avait alors été trouvé. Ces découvertes avaient entraîné l'abandon du projet de construction qui avait motivé la fouille et celle-ci n'avait pas été poursuivie. L'occasion nous était ainsi donnée de reprendre l'étude des niveaux

[4] Dans la zone militaire, il nous a été permis de poursuivre l'exploration du Complexe Monumental durant dix jours avec une dizaine d'ouvriers.

[5] Cette fouille avait été menée en 2009 par Ch. Pidaev et Z. Khalikov, Maître de Conférences à l'Université de Termez. En 2011, ces derniers étaient en charge d'un autre chantier de grande ampleur consacré au dégagement de l'angle nord-ouest de la citadelle.

Fig. 1. Plan général du site de l'Ancienne Termez et localisation des chantiers de la MAFOuz de Bactriane en 2011

les plus anciens de la ville, à proximité de la citadelle, point de départ de la première agglomération de Termez.

Après un nettoyage préalable pour retrouver l'état de 2009, ce chantier a été étendu dans l'espoir de déterminer les limites du bâtiment. On a alors pu constater que tout ce secteur a été largement perturbé par l'activité humaine moderne (canalisations, lignes électriques, dépotoir, routes et terrassements) et que le bâtiment lui-même a été très fortement arasé.

Le chantier a été élargi au Sud sur un maximum de 7 m, au Nord sur 4 m environ et, à l'Est et à l'Ouest sur 2 m environ (voir plan général **fig. 2**).

Ces limites nous ont été imposées à l'Ouest par la présence de la route d'accès au Mausolée et, au Sud, par une zone marécageuse due à la présence d'une d'évacuation permanente d'eaux usées. Au Nord et à l'Est en revanche, le chantier a pu s'étendre sans obstacle autre que les masses de déblais de la fouille précédente et le temps limité dont nous disposions.

A la fin de la campagne, le chantier mesurait 14,5 m Est-Ouest sur 20,5 m Nord-Sud. Dans aucun secteur, sauf peut-être à l'Ouest, nous n'avons atteint les limites du bâtiment.

Le bâtiment lui-même occupe la zone centrale du chantier caractérisée par la présence de nombreuses maçonneries de direction est-ouest et nord-sud, alors qu'au Sud et au Nord, nous nous trouvons dans des espaces dépourvus de construction. (**fig. 3**)

L'état de conservation des vestiges architecturaux et la faible durée de la fouille, nous interdisent pour le moment de proposer une restitution des différents états du bâtiment[1]. On peut cependant considérer que les travaux ont mis en évidence l'existence de deux grands états successifs avec probablement des modifications intermédiaires. L'état le plus ancien a conditionné l'organisation de l'état le plus récent: plusieurs maçonneries du dernier état se superposent à des murs plus anciens, dont certains faits de *pahsa*[2], alors que dans le dernier état toutes les maçonneries ont été construites en briques crues.

Ce bâtiment semble avoir été le lieu d'activités domestiques ou artisanales avec des espaces de petites dimensions et des installations de travail ou de stockage (fosses et jarres encore en place appartenant au dernier état). Cette impression est confirmée par le fait que la zone sud pourrait être interprétée comme une cour avec des installations de cuisson et des activités liées aux arts du feu: un four de céramiste à arcades dont la sole aurait disparu et, peut-être, un four de verrier en forme de fosse contenant de nombreuses scories de verre[3].

La phase la plus récente d'occupation de ce secteur est constituée par la présence, dans l'angle sud-est du chantier, d'une grotte souterraine bouddhique dont l'accès avait été aménagé à partir d'un niveau supérieur à celui du sol actuel[4]. Seule la partie septentrionale et occidentale de cet accès a pu être dégagée dans la fouille puisque l'escalier

[1] L'érosion du dernier état est telle que les maçonneries qui apparaissent en surface ne sont conservées qu'en fond de fondation comme l'indique le fait que les murs sont encadrés par des tranchées relativement minces.

[2] Sorte de pisé argileux et non banché.

[3] Pour un parallèle d'atelier de céramiques moulées, voir : A. Doulgeri-Indzessiloglou, «Un atelier de produits » 1997.

[4] Signalons également la présence d'une fosse dépotoir d'époque islamique (badrab).

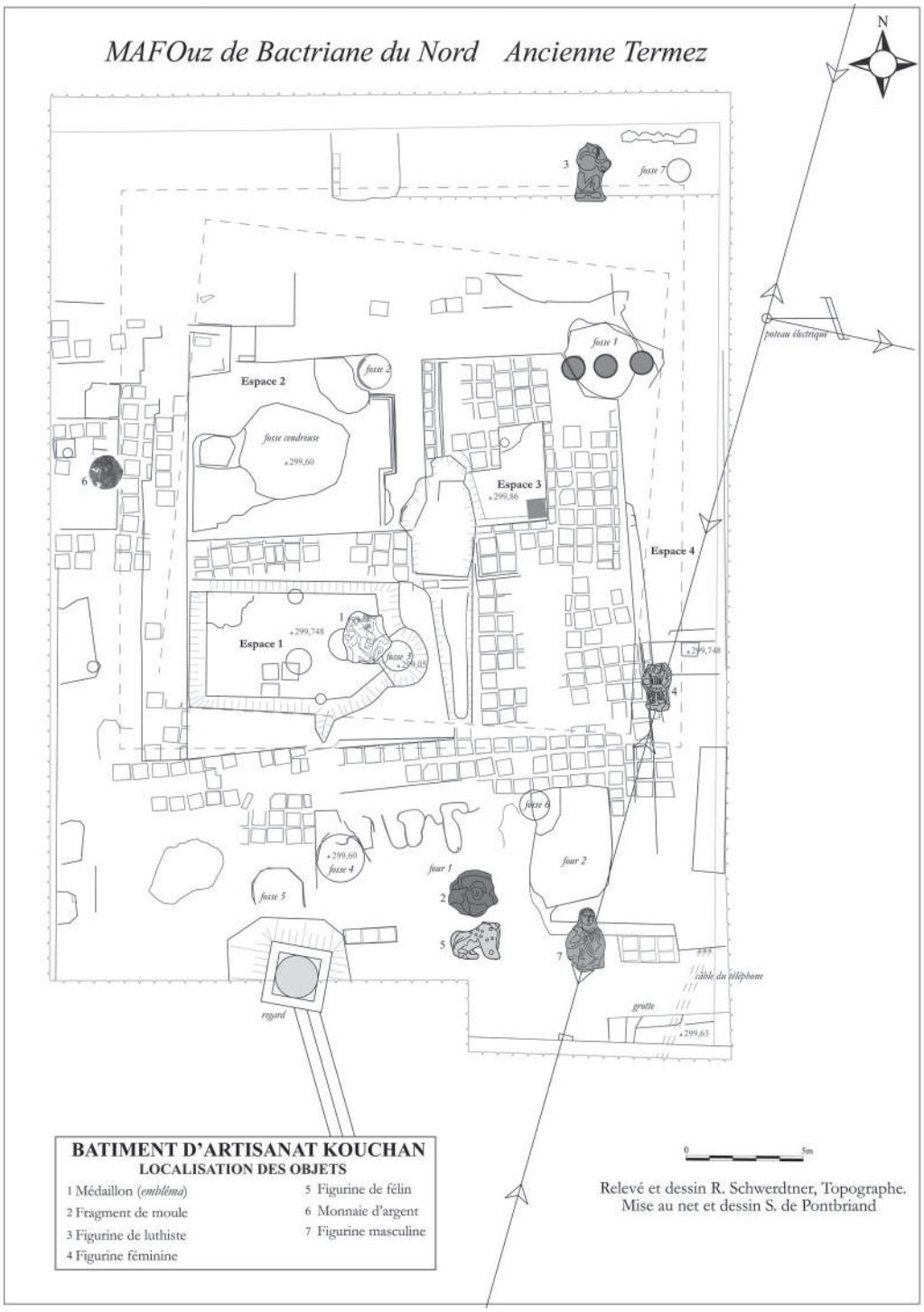


Fig. 2. Plan du bâtiment d'artisanat kouchan. Emplacement de la découverte des objets

de la grotte descend sous la limite orientale du chantier. En dehors de ce secteur précis, nulle part le sol vierge n'a été atteint.

Quant au secteur nord, entièrement occupé par des couches de boue et de sable éolien, il semble avoir été fortement détruit à une date récente.

LE MATERIEL MIS AU JOUR

Cette année, outre un matériel céramique abondant, de nombreux objets ont été découverts sur ce chantier, tous dans des contextes perturbés et répartis sur l'ensemble du secteur, à moins de 50 cm de la surface actuelle. Dans la zone du bâtiment, mis à part le médaillon de plâtre trouvé en 2009 dans une fosse, seuls de nombreux pesons de tissage pyramidaux ou circulaires ont été recueillis. En revanche, cinq terres cuites et une petite monnaie d'argent ont été mis au jour à l'extérieur du bâtiment: au Nord, une figurine de musicien, à l'Ouest, la monnaie d'argent, à l'Est, une figurine féminine et, au Sud, une figurine masculine, un moule et un félin en terre cuite[5]. (**fig. 2**)

Le médaillon (*emblêma***)**

Secteur central ouest

Dimensions: 200 x 180 x de 20 à 40 mm. (**fig. 4**)

Il s'agit d'un médaillon en plâtre de forme circulaire dont les bords ont été détruits ainsi qu'une partie du motif figuré. Ce médaillon était cassé en trois morceaux jointifs.

D'après les vestiges du cadre qui subsistent, on peut restituer une scène inscrite dans un cercle de 19,5 cm de diamètre. La partie arrière du médaillon a été laissée brute.

Il s'agit d'une représentation mettant en jeu trois personnages masculins traités en bas-relief, nus et représentés de face dans une composition classique en «V». Au centre, un homme jeune semble se débattre entre un personnage plus âgé et barbu à gauche et un homme à droite dont malheureusement le corps a été martelé mais dont les jambes sont préservées. Le personnage central est probablement un Héraclès jeune, tenant sa léontè du bras gauche et brandissant sa massue derrière sa tête. Le personnage de gauche est un géant anguipède dont on distingue l'extrémité de l'aile gauche derrière le personnage central. A ce géant s'oppose le personnage de droite, jambe droite tendue appuyée sur la jambe gauche de l'anguipède et jambe gauche repliée sous lui, dans une position nettement inclinée vers la droite. Apparemment, le jeune Héraclès repousse ce personnage et s'apprête à lui asséner un coup de sa massue. Peut-être s'agit-il d'un épisode de gigantomachie inspirée par celle très célèbre du grand autel de Pergame qui date de la première moitié du IIe s. av. n. è.

Il est clair qu'il s'agit d'une œuvre réalisée à partir d'un moule importé d'Occident. Par son inspiration et sa facture, ce médaillon est tout à fait semblable à ceux découverts à Begram[6] (Ier-IIe s. de n. è.) et l'on peut sans se tromper leur attribuer une origine commune. Begram était l'un des carrefours majeurs des échanges entre l'Occident, l'Asie centrale et le monde indien à l'époque kouchane et, visiblement, Termez participait à ce flux d'échanges.

La présence de ce médaillon dans le bâtiment kouchan peut également signifier que nous avions ici un atelier de fabrication d'œuvres d'art et cet objet n'aurait échappé au pillage que parce qu'il avait été jeté dans un dépotoir.

[5] Sur les terres cuites de la région en général voir Meshkeris 1991; Dvurechenskaja 2009; Dossiers d'Archéologie n°211, 1996.

[6] Hackin et alii 1954, 110-146;Tissot 2006, 294-303; Cambon, Jarrige 2006, 214-215, 236-239.

Figurine masculine

Secteur sud

Dimensions: 75 x 50 x 13 mm

Le tiers inférieur manque. (**fig. 5**)

Cette figurine est également tout à fait remarquable. Nous avons ici une terre cuite engobée, finement travaillée, réalisée dans un moule monovalve puisque l'arrière n'est pas traité. Des traces de peintures rouges subsistent sur le torse du personnage. La cassure de la partie inférieure est nette mais des éclats ont endommagé la partie inférieure droite.

Il s'agit d'un homme jeune, corpulent, représenté de face, habillé à la grecque (*khitôn* et *himation*) et se tenant dans une position d'offrande ou de prière. Sa tête est couverte d'un voile tenu par un diadème[7]. Le voile laisse apparaître des boucles de cheveux qui descendent assez bas sur le front et passe derrière les oreilles. Le visage est poupin, les yeux sont grands et écartés, avec des sourcils nettement marqués. Le nez et la bouche sont affectés par une cassure mais ils semblent tous les deux avoir été assez délicatement dessinés. Le menton est fort et les joues sont pleines. Le cou est massif et orné à la base d'un pectoral.

Le corps est enveloppé d'un manteau agrafé sur l'épaule droite formant des plis serrés sur la poitrine et le côté gauche. De ce manteau sort un bras droit charnu, la main ramenée sur le haut de la poitrine. Cette main est représentée de profil, l'index et le majeur levés, et les trois autres doigts repliés, probablement dans un signe de bénédiction ou de salutation. Le bras gauche dirigé vers le bas est masqué par le manteau, mais ce dernier semble s'écarter au passage de la main. Celle-ci est endommagée, mais on distingue deux doigts qui tiennent une sorte d'objet allongé et pointu, peut-être un embout de fuseau. La main et l'objet que celle-ci tient écrasent les plis verticaux[8] d'une chemise qui descendait probablement jusqu'aux pieds.

Cet objet est exceptionnel par la qualité de sa réalisation, tout à fait inhabituelle dans le contexte de la Bactriane kouchane. Visiblement, il est de la fin de l'époque hellénistique ou immédiatement postérieur. On est en droit de se demander si cette statuette a été fabriquée sur place [9] ou s'il ne s'agit pas d'une importation en provenance d'Iran, de Mésopotamie ou des rives de la Méditerranée orientale. Malheureusement, nous n'avons guère trouvé de parallèle précis dans les principales collections de ces différentes régions. Espérons que des analyses de laboratoire permettront d'avancer vers la résolution de la question de l'origine de cet objet.

Figurine féminine

Secteur central est

Dimensions: 75 x 50 x10 mm

La tête est manquante. Traces d'engobe rougeâtre (**fig. 6**)

---

[7] On peut trouver une coiffure approchant et un visage de même type dans la figurine de harpiste n°190 de L. Martinez-Sève 187-189, voir aussi n°592 à 594, 394, mais dans ces cas l'auteur les interprète comme des figures féminines.

[8] Le dessin des plis du manteau et de la chemise pourrait laisser penser que nous affaire à un harpiste. Les plis seraient en fait les cordes l'instrument. Malheureusement rien ne permet de restituer l'existence de la caisse de résonnance et du montant d'une harpe éventuelle. Sur les figurines de harpiste voir :. Martinez-Sève 2002, 166-201.

[9] Suleymanov 2000, en particulier pl. 145, n°4 et pl. 157, n°1.

Cette terre cuite représente un personnage féminin trônant, tenant dans la main droite un globe. La main gauche a disparu et l'objet présente des signes d'usure.

Le personnage semble vêtu d'une cuirasse à lames verticales sur un justaucorps de cotte de maille qui vient recouvrir le haut d'un pantalon lui aussi en cotte de maille. Quatre pastilles sur le haut du buste pourraient figurer des bijoux. Le fait que le sein gauche est nettement plus petit que le droit, rond et bien visible, pourrait signifier que nous avons affaire ici à une amazone.

Le style de cette figurine de facture locale est tout à fait caractéristique de l'époque kouchane.

igurine de luthiste

Secteur nord

Dimensions: 100 x 55 x18 mm

La tête est manquante. Les parties saillantes sont polies par l'usure. (**fig. 7**)

FComme la précédente, cette figurine en terre cuite a été moulée et la partie arrière n'est pas traitée. Il s'agit visiblement d'un homme vêtu d'une robe longue, tenant un luth à caisse circulaire avec un manche terminé en forme d'anneau. Le musicien est agenouillé sur sa jambe droite et appuie son instrument sur sa cuisse gauche. Il joue de la main droite et, de la main gauche, plaque les accords sur le manche de son instrument.

L'ensemble est très élégamment réalisé et appartient sans doute aussi à l'époque kouchane.

Fragment de moule

Secteur sud

Diamètre: 70 mm, épaisseur: 20 mm

Seule la tête et le haut du buste du personnage sont préservés. (**fig. 8 et 8bis**)

Ce moule en terre cuite représente un buste de femme apparemment âgée de face, aux traits marqués, à la chevelure épaisse et courte. Le corps nu est en grande partie caché par une grande lyre tenue à sa gauche. On distingue le haut du bras droit et le sein droit.

La représentation est relativement fruste et rien ne permet de lui assigner une date précise. A ce jour, c'est le seul exemple de moule retrouvé sur les chantiers de la MAFOuz de Bactriane.

Remarque générale: La présence de deux représentations de joueur de luth et de lyre nous incite à souligner que le thème du musicien[10] est très courant en Asie Centrale, en particulier en Bactriane du Nord. Rappelons que c'est non loin de l'Ancienne Termez qu'a été trouvée la fameuse frise des musiciens d'Ayrtam.

Figurine de félin

Dimensions: 90 x 60 x 40 mm

Secteur sud

La tête est manquante. (**fig. 9**)

Cette figurine en terre cuite modelée représente un félin portant un pendentif autour du cou. Le pelage est uni sur les flancs et sur la partie arrière. En revanche le poitrail, le

[10] Suleymanov 2000, pl. 156 ; Abdulallev, Rtveladze, Shishkina 1991, 89, fig. 73; Meshkeris, n°211, 62-71.

garrot et le dos sont parsemés de petits cercles imprimés en creux, probablement pour représenter une crinière. Nous aurions donc ici une représentation de lion. La queue est épaisse est descend jusqu'au sol. Un fait n'a pas encore pu être expliqué, c'est la présence de longues incisions obliques sur les cuisses arrière de l'animal.

A leur extrémité les quatre pattes sont percées horizontalement de manière à laisser passer une tige servant d'axe à des roulettes. Nous aurions donc là un jouet d'enfant.

Cette représentation est exceptionnelle car, en général, on trouve plutôt des figurines modelées de chevaux et de cavaliers, dont de nombreux fragments ont également été recueillis ici.

ELÉMENTS DE CHRONOLOGIE

Le matériel recueilli sur ce chantier appartient aux périodes Yue Tche et kouchane[11] de la ville et remonte peut-être même à la fin de l'époque hellénistique. On y trouve, en effet, en abondance de la vaisselle à engobe rouge, typique de la période des Grands Kouchans, ainsi que de nombreux exemplaires de céramique grise («*grey ware*») dont au moins une très belle forme complète **(fig. 10)**. On associe généralement la présence de céramique grise à la fin de l'époque hellénistique et à l'époque Yue Tche. La présence d'un tétrobole d'argent d'apparence hellénistique, malheureusement non en place (et non nettoyé), pourrait indiquer que nous ne sommes pas éloignés de la fin du royaume gréco-bactrien.

Pratiquement tout ce matériel donne une impression de richesse. Malheureusement, rappelons-le, il provient de couches mélangées (décombres, fosses, zones de perturbation modernes) et ne peut servir à dater précisément les différentes phases du bâtiment[12].

L'abondance de figurines de terre cuite dont on peut penser qu'il s'agit d'ex-votos, à l'exception de la figurine de félin, n'est apparemment pas liée à la présence dans les limites du chantier d'un lieu de culte précis. Il semblerait plutôt que nous ayons affaire ici à un centre de fabrication de terre cuites, de céramiques et probablement aussi de verrerie. Cette production serait à mettre en relation avec la présence probable d'un centre cultuel dont le Mausolée du Hakim al Termezi aurait pris la place. Toute cette zone d'activités aurait par la suite subi un abandon et sans doute aussi un pillage.

Enfin, la mise en évidence de la nouvelle grotte bouddhique s'ajoute aux nombreuses autres découvertes de grottes du même type autour du Mausolée du Hakim al Termezi et dans le secteur de la ville islamique. C'est là, rappelons-le, que la MAFOuz de Bactriane a mis au jour une base de stoupa et un chapiteau gréco-bactrien. Tout ceci confirme la vitalité de la culture bouddhique à Termez dès les premiers siècles de notre ère.

CONCLUSION

La présence du bâtiment d'artisanat kouchan à proximité du rempart de la ville islamique confirme de manière claire le développement d'un quartier d'habitation dès l'époque Yue Tche, à l'Est de l'ensemble que constituaient le Complexe Monumental et la nouvelle fondation fortifiée du Tchingiz Tepe. Cette découverte semble aller de pair avec la présence, sous l'emplacement de la muraille islamique, d'un mur d'enceinte d'époque kouchane avec tour quadrangulaire découvert au cours de cette même campagne. Ce mur pourrait avoir matérialisé à un moment donné la limite orientale

[11] Milieu du IIe s. av. n. è. - milieu du IIIe s. de n. è.

[12] L'étude du matériel céramique apportera de nouveaux éléments de typologie et de datation par une spécialiste de la céramique antique en Asie centrale.

de la ville kouchane. Mais il n'est pas impossible que ce secteur d'artisanat, et sans doute d'habitation, ait déjà constitué une extension de l'agglomération de Termez dès d'époque hellénistique au-delà des limites du *phrourion*.

Il est donc impératif de poursuivre cette fouille et même de l'étendre vers la citadelle pour compléter notre vision de la première occupation de l'Ancienne Termez dans ce secteur.

On pourra alors peut-être comparer cette évolution avec celle d'autres sites de la région, en particulier avec celle du site voisin de Kampyr Tepe. Cela nous permettra, nous l'espérons, d'affiner le tableau des traits principaux de la culture matérielle qui s'est développée dans la basse vallée du Surkhan Daria depuis le début de l'époque hellénistique jusqu'à l'arrivée de l'Islam.

LITERATURE

Abdulallev K. A., Rtveladze E. V., Shishkina G. V. (ed.) 1991: Culture and Art of Ancient Uzbekistan. V. I. M.

Cambon P., Jarrige J.-F. 2006: Afghanistan, les trésors retrouvés: collections du Musée national de Kaboul. Paris.

Dossiers d'Archéologie. 1996: La Bactriane de l'hellénisme au bouddhisme. №211. Dijon.

Doulgeri-Indzessiloglou A. 1997: Un atelier de produits céramiques moulés à Phères (Thessalie) // Müller A.: Le moulage en terre cuite dans l'Antiquité. Lille, 295-314.

Dvurechenskaja N. D. 2009: Terrakotovaja plastika Srednei Azii, IV v. do n. è. — IV v. n. è. (arkheologiceskij aspekt)/. M. (thèse non publiée).

Hackin J. et al. 1954: Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapico) (1939-1940). (I:) Texte. (II:) Planches// Memoires de la Delegation Archeologique Francaise en Afghanistan. T. 11. Paris.

Leriche P., Pidaev Ch. 2008: Termez sur Oxus, Cité-capitale d'Asie Centrale. Paris.

Martinez-Sève L. 2002: Les figurines de Suse. De l'époque néo-élamite à l'époque sassanide. T. 1, 2. Paris.

Meshkeris V.A. 1991: Opyt periodizatsii koroplastiki Baktrii-Tokharistana // Kratkie Soobchenija. 204, 57-65.

Suleymanov R. Kh. 2000: Drevnij Nakhchab. Samarcande; Tachkent.

Tissot F. 2006: Catalogue of the National Museum of Afghanistan 1931-1985. Paris.

HANDICRAFT BUILDING IN ANCIENT TERMEZ (ON THE EXPEDITION OF 2011)

S. de Pontbriand, P. Leriche

Every year witnesses excavations of MAFOuz de Bactriane at the site of Termez. In 2011, research was mostly undertaken outside the military zone of the border, which is a continuation of previous diggings in the Islamic city and its western fortifications, and of a 2009 emergency excavation between the Islamic fortifications and the mausoleum of Hakim al Termezi. The last one uncovered the early Kushan period handicraft building with two kilns. A gypsum medallion (Bagram type) and several high quality terracotta figurines were also found there. These finds shed new light on the material culture and history of Termez and Bactria in Antiquity.

Key words: Termez, Bactria, Kushan period, terracotta figurines, gypsum medallion, fortifications

© 2012

Г. А. Кошеленко, В. А. Гаибов

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ПАРФИИ ПРИ АРШАКЕ II*

На основе сравнения нарративных источников и нумизматических материалов авторы статьи приходят к заключению о том, что к чекану Аршака II следует отнести серию монет, которую Д. Селлвуд относил к чекану Митридата I (Sellwood, 1980, 34-35 = type 10).

Ключевые слова: Парфия, монетное дело, Аршак II, царский культ

В одной из предшествующих работ авторы попытались дать детальное описание своего подхода к исследованию проблем ранней парфянской истории[1]. В дальнейшем эти принципы были апробированы при анализе не только нарративных источников, но и нумизматических материалов, в частности, при исследовании монетного чекана времени первого из парфянских царей — Аршака I[2]. В результате этого исследования мы пришли к выводу, что история монетного дела Парфии при этом правителе распадается на три этапа. К первому этапу необходимо отнести типы S 5,1; S 6,1; S 7,1; S 8,1[3]. Второй этап представлен типами S 1,1; S 2,1; S 3,1; S 4,1; наконец, третий этап — типом S 9,1-4[4].

Исследуя в данной статье следующий период — время правления Аршака II — мы, естественно, не будем повторять того, что было написано ранее относительно методики, отметим только самое основное: мы твердо убеждены, что монетное дело неизбежно в той или иной форме отражает основные события истории того государственного образования, которое выпускает данную монету. Практически это означает, что анализу собственно нумизматического материала должен предшествовать анализ исторических источников, характеризующих данный период.

Исходя из этого принципа, попытаемся рассмотреть политические события времени царствования Аршака II. Информации в источниках не очень много, но она все же позволяет представить, хотя бы и в самых общих чертах, происходившие события. Основную канву дает нам Юстин (Помпей Трог) в своем предельно кратком очерке царствования этого царя. Некоторую информацию по вопросам истории военных действий времени похода Антиоха III на Восток (в частности, против парфян) содержит труд Полибия. Наконец, отдельные сведения относительно начала царствования Аршака II сохранил для нас Аммиан Марцеллин.

Юстин, прежде всего, дает информацию относительно родственных отношений между Аршаком I и его преемником. Он определяет их следующим образом: «сын и преемник Арсака, тоже Арсак по имени» (Iust. XLI. 5. 7). Хотя в старой

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

Гаибов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 11-01-000141.

[1] Кошеленко, Гаибов 2009, 78-87.

[2] Кошеленко, Гаибов 2012.

[3] Мы пользуемся общепринятой системой обозначения типов парфянских монет (согласно типологии Д. Селлвуда).

[4] Обилие типов, принадлежавших чекану этого правителя, подтверждает мысль о длительности его царствования.

литературе очень широко было распространено представление о том, что Аршак I царствовал очень короткое время, и ему наследовал его брат Тиридат, в настоящее время практически все исследователи сходятся в том, что информация Юстина о значительной длительности царствования Аршака I и о наследовании власти его сыном совершенно справедливы[5].

С фактом перехода власти связана и определенная информация, касающаяся оценки деятельности Аршака I населением Парфии. Юстин об этом говорит очень кратко, указывая на то, что парфяне «чтили память» его, и в знак этого все последующие цари стали носить имя Аршак (Iust. XLI. 5. 6). Более развернуто об этом пишет Аммиан Марцеллин. Говоря о кончине первого царя новой династии, римский историк следующим образом характеризует отношение парфян к нему: «Знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем, и его первого присоединили к сонму звезд, как это они полагают в своих религиозных представлениях. 5. Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны; и подобно тому, как нашим императорам приятно и желанно имя Августа, так для жалких и бесславных некогда парфянских царей под счастливыми ауспициями Аршака создались величайшие отличия. 6. И теперь еще воздают ему культ, как богу…» (Amm. Marcel. XXIII. 6. 4-6).

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что Аршак I был обожествлен после смерти. В этом акте, несомненно, значительную роль сыграл его сын.

Следующая часть наличествующей информации касается военных действий. Имеется в виду знаменитый поход Антиоха III на Восток. Юстин, как обычно, дает предельно краткую информацию: «Арсак… с удивительной храбростью сражался против Антиоха, сына Селевка, у которого было сто тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников» (Iust. XLI. 5. 7). В произведении Полибия эта война была отображена много более подробно, но до нас дошли только отдельные эпизоды его повествования, которые не складываются в общую картину. Полибий, в частности, дает описание конфликта с Самосатой, который можно считать прологом к Восточному походу (Polyb. VIII. 25). Позднее он описывает Мидию и ее столицу Экбатаны[6] в связи с пребыванием там царя Антиоха III и изъятием золотых и серебряных пластин из местного храма, которые были перечеканены в монету (Polyb. X. 27)[7]. Этот сюжет явно представляет собой уже часть описания военных действий, направленных против парфян[8]. Следующий эпизод, нашедший отражение в сочинении Полибия, — вступление селевкидских войск в Гекатомпил и некоторые события, предшествующие этому: описание системы водоснабжения

[5] Подробнее см. Wolski 1962, 136-145; Assar 2004, 80-91. Отметим, однако, что некоторые авторы (см., например, Verstandig 2001, 43-44) продолжают придерживаться взгляда, высказанного еще в начале прошлого века (см., например, Wroth 1903, XIX), о том, что Аршак II был сыном Тиридата.

[6] Й. Вольский (Wolski 1993, 71) предполагал, что Экбатаны перед этим были захвачены парфянами, но для такого предположения нет никаких оснований.

[7] Предположительно весной 209 г. до н.э. См. Walbank 1967, 232. А. Верстандиг (Verstandig 2001, 44) относит начало военных действий к первым месяцам этого года.

[8] В связи с этим необходимо отметить, что точка зрения, согласно которой парфяне в это время не владели восточной Мидией и Гирканией, а только совершали сюда грабительские походы (см. Sherwin-White, Kuhrt 1993, 197), не может быть принята. Она была подвергнута резкой критике со стороны П. Бернара (Bernard 1994, 473-511).

посредством подземных каналов (канатов), попытка парфян засыпать их, действия селевкидской конницы (Polyb. X. 28). Отметим в связи с этим, что в тексте Полибия Гекатомпил не называется столицей Парфии[9], что, с нашей точки зрения, свидетельствует о ранней дате той информации, которую в данном месте использовал Полибий. Наконец, достаточно большой сохранившийся фрагмент текста представляет собой описание завоевания Гиркании (Polyb. X. 29-31)[10]. Помимо чисто военных деталей этой кампании Полибий упоминает несколько городов Гиркании, давая их краткую характеристику. Здесь же рассказывается об эпизоде в Сиринксе, когда парфяне убивают эллинское население города, подозревая его в симпатиях к Селевкидам.

Последующие события похода Антиоха уже происходили вне парфянской территории. Можно только думать, что восточной границей Парфии была река Арий (Герируд-Теджен), как это можно предположить на основании одного из эпизодов, описанного Полибием (Polyb. X. 49)[11]. В результате этого мы можем полагать, что Селевкиды в этот момент контролировали всю парфянскую территорию. Результаты войны нам сообщает Юстин: «В конце концов Антиох принял Арсака в союзники» (ad posternum in societaten eius adsumptus est — Iust. XLI. 5. 7).

Наконец, завершение жизни Аршака II нашло отражение у Юстина в одной фразе: «Третьим парфянским царем был Приапатий, но и он назывался Арсаком» (Iust. XLI. 5. 8).

Опираясь на эти исторические сведения, сообщаемые письменными источниками, можно попытаться выявить собственный чекан Аршака II. Нам кажется, что есть определенные точки соприкосновения между данными письменных источников и нумизматическими материалами. Мы имеем в виду нарративные свидетельства об обожествлении основателя государства — Аршака I. Но в парфянском монетном деле в целом ряде случаев и монеты указывают на наличие культа обожествленных правителей[12]. При этом самым ранним экземпляром из монет такого типа является монета, определяемая (согласно обычной системе) как тип S 10, II[13] (рис. 1)[14].

Описание типа: Лицевая сторона: безбородая голова царя влево, на голове башлык. Оборотная сторона: лучник, сидящий на омфале вправо. Легенда: слева (снизу вверх) — ΒΑΣΙΛΕΩΣ; вверху (над лучником) — ΘΕΟΥ; справа (сверху вниз) — ΑΡΣΑΚΟΥ. В целом — «[монета] царя \бога Арсака».

Хотя в литературе существуют довольно значительные расхождения относительно эмитента данного типа[15], для авторов статьи несомненным кажется факт принадлежности его Аршаку II. Совпадение свидетельства нарративной традиции

---

[9] Ср. Strab. XI. 9. 1 — τὸ τῶν Παρθυαίων βασίλειον.

[10] В связи с этим необходимо напомнить о том, какое значение придавал Юстин завоеванию Гиркании парфянами (Iust. XLI. 4. 8).

[11] Walbank 1967, 265.

[12] Кошеленко, Гаибов 2010, 169-178.

[13] Sellwood 1980, 35: тип 10, легенда II.

[14] Здесь и далее использованы фотографии монет, размещенных на сайте: http://www.parthia.com/mithradates1.htm; прорисовки легенд даны по: Sellwood 1980, 34-35.

[15] В. Рос относил данный тип к чекану Приапатия (правда, под вопросом) (Wroth 1903, 5). Д. Селлвуд (Sellwood 1980, 34-35, тип 10) и следующий ему Ф. Шоур (Shore 1993, 91, №18) — к чекану Митридата I, но никаких доказательств этому не приводили.

и нумизматических данных в данном случае настолько поразительно, что в точности этого определения монеты вряд ли могут быть сомнения. Правда, один из авторов (Г. А. Кошеленко) в одной из ранних работ утверждал, что данная монета выпущена Аршаком I, ссылаясь на упомянутое выше свидетельство Аммиана Марцеллина относительно его обожествления[16]. Но это — явная ошибка, поскольку весь контекст сообщения говорит об оценке закончившийся деятельности царя знатью и простым народом. Следовательно, мы можем предполагать, что данный тип был выпущен при Аршаке II, но был оформлен как посмертный выпуск его отца Аршака I.

Рис. 1

Практика посмертных выпусков монет была достаточно обычным явлением в эллинистическом мире. Достаточно напомнить, что сам Александр в силу определенных причин осуществлял на ряде македонских монетных дворов выпуск посмертных монет с именем Филиппа[17], точно так же все те монеты с именем Александра (и Лисимаха), которые выпускались десятками полисов на протяжении почти всей эллинистической эпохи, были, в сущности, посмертными выпусками[18]. На некоторых монетных дворах Селевкидов начальные выпуски также производились от имени Александра[19]. Подобная практика существовала и позднее в Селевкидском государстве[20], Греко-Бактрии[21] и ряде других государств.

Выявление одного типа монет, принадлежавших чекану Аршака II, позволяет, как нам кажется, выделить целиком весь (или почти весь) чекан этого правителя. Дело в том, что этот выпуск является своего рода элементом гомогенной группы, характеризующейся аналогичными типами лицевой и оборотной сторон и характерным расположением легенды на оборотной стороне. Мы имеем в виду П-образное расположение легенды. Наиболее близкую аналогию нашему экзем-

[16] Кошеленко 1968, 53-71.
[17] Thompson 1982, 57-63; Mørkholm 1991, 43.
[18] Mørkholm 1991, 35-37.
[19] Например, монетный двор Суз. См. Newell 1978, 108-109.
[20] См., например, Mørkholm 1960, 25-30.
[21] Bopearacchi 1991, 193-194, 214-216, 330-343.

пляру мы видим в типе S 10, I[22] (рис. 2). Этот тип отличается от предыдущего только одним словом в легенде. Его легенда выглядит следующим образом: слева (снизу вверх) — ΒΑΣΙΛΕΩΣ, вверху (над лучником) — ΜΕΓΑΛΟΥ, справа (сверху вниз) — ΑΡΣΑΚΟΥ.

Таким образом, этот тип практически полностью совпадает с тем, который был первым этапом нашего исследования. Разница состоит только в одном слове легенды: в одном случае легенда звучит следующим образом: «[монета] великого царя Аршака», в другом же — «[монета] царя бога Аршака». Кажется, нет оснований сомневаться в том, что оба эти типа вышли из одной мастерской и практически одновременно.

Рис. 2

Еще два типа этой группы имеют минимальные отличия от исходных типов. Один из них — тип S 10, IV[23] (рис. 3). Он отличается от предыдущего типа тем, что в легенде справа от лучника присутствуют два слова, а не одно: ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡ, так что в целом легенда означает: «[монета] великого царя Аршака, имеющего божественного отца». Необходимо подчеркнуть, что термин ΘΕΟΠΑΤΟΡ чрезвычайно редко присутствует в документах и нарративных источниках[24].

Рис. 3.

[22] Sellwood 1980, 34: тип 10, легенда II; Wroth 1903, 5; Shore 1993, 91, № 19.
[23] Sellwood 1980, 35: тип 10, легенда IV.
[24] Gariboldi 2004, 367-368.

Наконец, имеется еще один тип, принадлежащий к этой группе — тип S 10, III[25] (рис. 4). Он отличается тем, что здесь появляется еще одно слово в легенде и это слово находится внизу, под изображением лучника. Легенда в целом читается следующим образом: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΙΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΜΕΝΕΔ. Последнее слово представляет собой сокращение от μενεδήϊος. Согласно словарю И. Х. Дворецкого это слово означает «не отступающий перед врагом, стойкий в бою», согласно же словарю LSJ- “standing one’s ground against the enemy, staunch”. Таким образом, в целом легенда должна читаться следующим образом: «[монета] великого царя Аршака, стойкого в бою». Думается, что военные коннотации такой легенды совершенно несомненны. Монета с подобной легендой бесспорно должна была чеканиться в период военных действий.

Рис. 4

Таким образом, как нам кажется, мы смогли выделить те типы монет, которые были выпущены в период царствования Аршака II. Опираясь на данные письменных источников и эти нумизматические материалы, мы можем попытаться более полно представить историю Парфии в это время, или, по крайней мере, затронуть некоторые проблемы.

Прежде всего, если наши построения верны, то есть все основания предполагать, что новый царь очень скоро после своего восшествия на престол принял титул «Великий». Были ли какие-либо особенные основания для этого? Думается, что такое основание могло дать завоевание восточной Мидии. Как известно, в период царствования Антиоха III против его власти восстал сатрап Мидии Молон, который даже провозгласил себя царем[26]. Союзником в этом предприятии был его брат, занимавший пост сатрапа Сузианы. Естественно, что в таких условиях, когда среди самих Селевкидов шла ожесточенная борьба, парфяне вполне могли захватить часть Мидии. У нас есть некоторые основания полагать, что этот факт нашел свое, хотя и слабое, отражение в источниках. В эпоху раннего эллинизма была широко распространена практика основания (или переоснования) городов, носящих имя правящего царя и предназначенных быть столицами или важными региональными центрами. Начал эту практику еще Филипп Македонский, основавший Филиппы, а затем Филиппополис, продолжил Александр, градостроительная политика которого хорошо известна[27]. По стопам Александра пошли

[25] Sellwood 1980, 35: тип 10, легенда III.
[26] Fischer 1988.
[27] Fraser 1996.

диадохи. Не перечисляя все города основанные в этот период, приведем далеко не полный список таковых: Птолемаида (в Верхнем Египте), Кассандрия, Лисимахия, Антигония (в дальнейшем Антиохия на Оронте)[28]. Создатель Селевкидского государства Селевк I основал сначала Селевкию на Тигре, которая должна была стать столицей его державы[29]. Необходимо подчеркнуть, что здесь в единый комплекс взаимозависимых событий сливаются следующие факты: военная победа (Селевк отстоял свои владения), провозглашение правителя царем и создание города его имени.

Немного позднее, когда Селевк после победы при Иссе захватил Сирию, ставшую настоящим ядром державы, была основана в числе нескольких городов Тетраполиса новая Селевкия — Приморская, ставшая на какое-то время столицей. Значение этого города было подчеркнуто созданием здесь Никатория — храма обожествленного (после смерти) Селевка I (см. App. Syr. 63). Полибий называл Селевкию Приморскую «родоначальницей и как бы очагом могущества» Селевкидов (Polyb. V. 58. 4)[30].

Близкую ситуацию мы видим и в Парфии. В пределах Астауены Исидор Харакский отмечает город Асаак, «в котором Арсак первый был провозглашен царем и где хранится бессмертный огонь»[31]. При анализе этого сообщения необходимо иметь в виду одно обстоятельство: уже давно было доказано, что термин «Асаак» — это ошибка и в оригинальном тексте стояло слово «Арсакия»[32]. Таким образом, мы можем предполагать, что при Аршаке I был основан город, носящий его имя, и этот город был сакральным центром государства и, может быть, даже его первой столицей. Здесь также провозглашение нового царя и строительство города его имени сливаются в один акт.

Письменные источники, однако, доносят до нас сведения и о другом городе, носящем имя Аршака. У Стефана Византийского под словом Арсакия имеется следующая информация: «Известный полис в Мидии, самый восточный в Мидии»[33]. Но у того же автора имеется еще дополнительная информация об этом городе, однако находящаяся под словом «Раги»: «Раги, полис в Мидии, основанный Селевком Никатором, названный Европом, переименованный в Арсакию по Арсаку, царю персов»[34]. Сопоставление этих свидетельств позволяет высказать следующее предположение: древний мидийский город Раги в начале эллинистической эпохи был преобразован в греческий полис и получил популярное у македонян название Европ. Будучи захваченным парфянами, он снова изменил свой статус и название, став Арсакией (Аршакией). Наиболее вероятная дата этого события — начальные годы царствования Аршака II. Имя Аршак было его личным именем, а мы знаем,

---

[28] Billows 1995, 90.
[29] Capdetrey 2007, 53-59.
[30] Capdetrey 2007, 67-69.
[31] Isid. Char. Mans. Parth., 11: ἐν ᾗ Ἀρσάκης πρῶτος βασιλεὺς ἀπεδείχθη, καὶ φυλάττεται ἐνταῦθα πῦρ ἀθάνατον.
[32] Chaumont 1973, 197-198; Verstandig 2001, 31.
[33] Ἀρσακία, πόλις Μηδίας ἐπίστημος ἀνατολικωτέρα Μηδίας – St. Byz. s.v. Ἀρσακία.
[34] Ράγα, πόλις ἐν Μηδίᾳ ἐκτισμένη ὑπὸ Σελεύκου τοῦ Νικάτορος ἐκαλεῖτο δὲ Εὐρωπός, μετωνομάσθη δὲ καὶ Ἀρσάκη ἀπὸ Ἀρσάκου βασιλέως Περσῶν — St. Byz. s.v. Ράγα.

что парфянские города, основывавшиеся позднее, также носили личные, а не тронные имена: Митридакерт (Mihrdatkirt)[35], Вологезокерт (и ему подобные)[36].

Особую проблему в истории царствования Аршака II представляет окончание войны с Антиохом III и условия мира. Как отмечалось выше, Юстин описывает это событие весьма кратко, указывая, что Аршак стал союзником Антиоха. В литературе, в общем, наблюдается тенденция преуменьшать тяжесть условий мира, наложенных на Парфию. Имея перед собой пример мирного договора между Антиохом III и Евтидемом, предполагают, что дело ограничилось формальным признанием сюзеренитета Селевкидов и даже сохранением за Аршаком царского достоинства[37].

При этом забывается, однако, коренное отличие между ситуацией Евтидема и ситуацией Аршака. Антиох III длительное время безуспешно осаждает Бактры, защищаемые Евтидемом, а Парфия Аршака уже занята селевкидскими войсками. Воевать в Бактрии, не поставив перед этим под контроль Парфию невозможно.

Следовательно, Аршак находился в момент заключения договора в неизмеримо более печальной позиции, нежели Евтидем. Внимательное изучение текста Полибия, в котором рассказывается о переговорах между Антиохом и представителями Евтидема, показывает, что единственным предметом дискуссий является сохранение царского титула за последним. В результате Евтидем сохранил его (Pol. XI. 34). Кроме того, он стал союзником селевкидского царя[38].

Исходя из всего вышеизложенного, мы вправе предполагать, что в ситуации с Аршаком дело обстояло совершенно иным образом. Покоренному правителю, видимо, пришлось расстаться с царским титулом и довольствоваться каким-то иным, более скромным, типа «династа». Источники свидетельствуют о существовании на территории Селевкидской империи таких автономных политических образований, частично являвшихся пережитком ахеменидской эпохи[39]. Отметим, что терминология, использовавшаяся Юстином (Помпеем Трогом) для обозначения статуса Аршака после подчинения его Антиоху — «союзник» — очень точна. Союзник в римской политической теории и практике — это всегда зависимый от Рима субъект.

Наконец, отметим еще одно обстоятельство. Все зависимые от Селевкидов местные правители этого типа (кроме тех, которые поднимались на открытую политическую борьбу за независимость) не имели права на чеканку собственной монеты[40]. Мы можем с определенным основанием предполагать, что Парфия в результате этого поражения и возобновления зависимости от Селевкидов лишилась права на чеканку собственной монеты[41].

Подводя некоторые итоги, мы, кажется, можем с определенной долей уве-

---

35 Лившиц 2010, 192.

36 Chaumont 1974, 76-89.

37 См., например, Wolski 1993, 47; Verstandig 2001, 208.

38 См. Polyb. XI. 39. 10 — συμμαχίαν ἔνορκον.

39 О династах в составе государства Селевкидов см. Бикерман 1985, 155-156; Capdetrey 2007, 112-133.

40 Capdetrey 2007, 116.

41 Г. Ф. Ассар и М. Г. Баглу (Assar, Bagloo 2006, 25-36) прямо этого не пишут, но общий контекст их статьи явно говорит о том, что они не сомневаются в прекращении чеканки парфянской монеты после похода Антиоха III.

ренности полагать, что основу монетного чекана царя Аршака II составлял тип S 10 с его 4 вариантами (по Селлвуду). К сожалению, мы не можем сейчас установить, были ли в чекане этого царя типы, в легендах которых он называл себя просто «царь Аршак». Если этот факт имел место, то это мог быть только тип 9. Нам представляется несомненным, что поражение в войне с Антиохом III привело Парфию к статусу вассального государства Селевкидов, утрате права на царский титул ее правителем и, соответственно, утрате права на чеканку монеты.

ЛИТЕРАТУРА

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Кошеленко Г.А. 1968: Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1. 53-71.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2009: Некоторые источниковедческие проблемы истории ранней Парфии // ВДИ. 3, 79-87.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2010: Нумизматические данные по проблеме царского культа в Парфии // ВДИ. 3, 169-178.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2012: Аршак I и его монетный чекан // Сборник научных трудов, посвященных памяти академика Г.М. Бонгард-Левина (в печати).

Лившиц В.А. 2010: Парфянская ономастика. СПб.

Assar Gh. F. 2004: Genealogy and Coinage of early Parthian Rulers. 1 // Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. 6, 69-93.

Assar Gh. F., Bagloo M.Gh. 2006: An early Parthian “Victory” coins // Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. 8, 25-36.

Bernard P. 1994: L’Asie Centrale et L’Empire séleucide // Topoi. 4.2, 473-511.

Billows R.A. 1995: Kings and colonists. Aspects of Macedonians Imperialism. Leiden; New York; Köln.

Bopearacchi O. 1991: Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris.

Capdetrey L. 2007: Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finance d’un royaume hellénistique(312-129 avant J.-C.). Rennes.

Chaumont M.-L. 1973: Capitales et résidences des premiers Arsacides // Syria. 50, 197-198.

Chaumont M.-L. 1974: Les villes fondées par les Vologèse // Syria, 76-89.

Fischer Th. 1988: Molon und seine Münzen (222-220 v.Chr.). Bochum.

Fraser P.M. 1996: Cities of Alexander the Great. Oxford.

Gariboldi A. 2004: Royal Ideological Patterns between Seleucid and Parthian Coins: the Case of Θεοπάτωρ // Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction. Proceedings of the Fifth Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project held in Innsbruck, Austria, October 3-8 2002 / R. Rollinger, Ch. Ulf. Wiesbaden (eds.).

Mørkholm O. 1960: A Posthumous Issue of Antiochus IV of Syria // NC. 20, 25-30.

Mørkholm O. 1991: Early Hellenistic Coinage from the accession of Alexander to the Peace of Apamea (336-186 B.C.). Cambridge.

Newell E.T. 1978: The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. New York.

Sellwood D. 1980: An Introduction to the Coinage of Parthia. 2-nd ed. London.

Sherwin-White S., Kuhrt A. 1993: From Samarkand to Sardis. A new Approach to the Seleucid Empire. London.

Shore F.B. 1993: Parthian coins and history. Ten dragons against Rome. Quarryville.

Thompson M. 1982: Posthumous Philip II staters in Asia Minor // Studia Paolo Naster oblate I: Numismatica antiqua / S. Sheers (ed.) (Orientalia Lovaniensia Analecta, 12). Louvain.
Verstandig A. 2001: Histoire de l'émpire parthe (-250 — 227). Bruxelles.
Walbank F. W. 1967: A Historical Commentary on Polibius. Vol. II. Oxford.
Wolski J. 1962: Arsace II et la genealogy des premiers Arsacides // Historia. XI, 136-145.
Wolski J. 1993: L'empire des Arsacides (Acta Iranica 32). Lovanii.
Wroth W. 1903: Catalogue of the Coins of Parthia. London (reimp. — Bologna, 1964).

PARTHIAN COINAGE IN THE REIGN OF ARSACES II

G. A.Koshelenko, V.A. Gaibov

Narrative sources and numismatic materials comparison suggests that a series of coins that was referred by D. Sellwood (Sellwood, 1980, 34-35 = type 10) to Mithradates' I coinage should be attributed to the coinage of Arsaces.

Key words: Parthia, coinage, Arsaces II, king cult

© 2012

Г. В. Шишкина, О. Н. Иневаткина

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ САМАРКАНДСКОГО СОГДА. ТИПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Авторы статьи предлагают типологию археологических памятников Самаркандского Согда, в основу которой легли материалы археологического изучения городища Дурмен (древний Исбискет) и разведок Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея народов Востока в 1986–1991гг. в Пастдаргомском районе Самаркандской области Республики Узбекистан. Авторы выделяют 22 типа памятников, в том числе жилые структуры; военную архитектуру; культовые постройки; погребальные сооружения; гидротехнические сооружения; сельскохозяйственные угодья; горные выработки и т.д.

Ключевые слова: Средняя Азия, Согд, археология, аэрофотосъемка, типология памятников, исторический ландшафт

Граница затронутого нашими исследованиями участка Согда Самаркандского (Паст-Даргом — Задаргомье) определяется естественными пределами оазиса:

Шишкина Галина Васильевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории материальной культуры и древнего искусства народов Средней Азии Государственного музея искусств народов Востока. E-mail: olinevat@rambler.ru

Иневаткина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории материальной культуры и древнего искусства народов Средней Азии Государственного музея искусств народов Востока. E-mail: olinevat@rambler.ru

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 12-01-00152 «История освоения левобережья Зеравшана (Пастдаргом) в середине I-го тысячелетия до н.э. — VII в.н.э. Структура согдийской общности».

на севере южным протоком реки Зарафшан-Карадарьей; на юге подножьем отрогов Зарафшанского хребта; на востоке каналом Даргом, несколько расширяясь в сторону Самарканда; на западе параллельными руслами сходящих с гор саев, за которыми лежит степная полоса. Здесь наблюдается пучок меридионально направленных ныне сухих русел, которые просматриваются по аэрофотоснимкам и картам. Эти древние водотоки ко времени освоения оазиса либо стали слишком маломощными, либо сказались другие, может быть политико-экономические, причины, остановившие развитие оазиса на запад. Во всяком случае, к западу за Бакраксаем резко уменьшается количество древних поселений (в том числе замков), а вместе с тем концентрируются укрепления в виде застав (рис. 1).

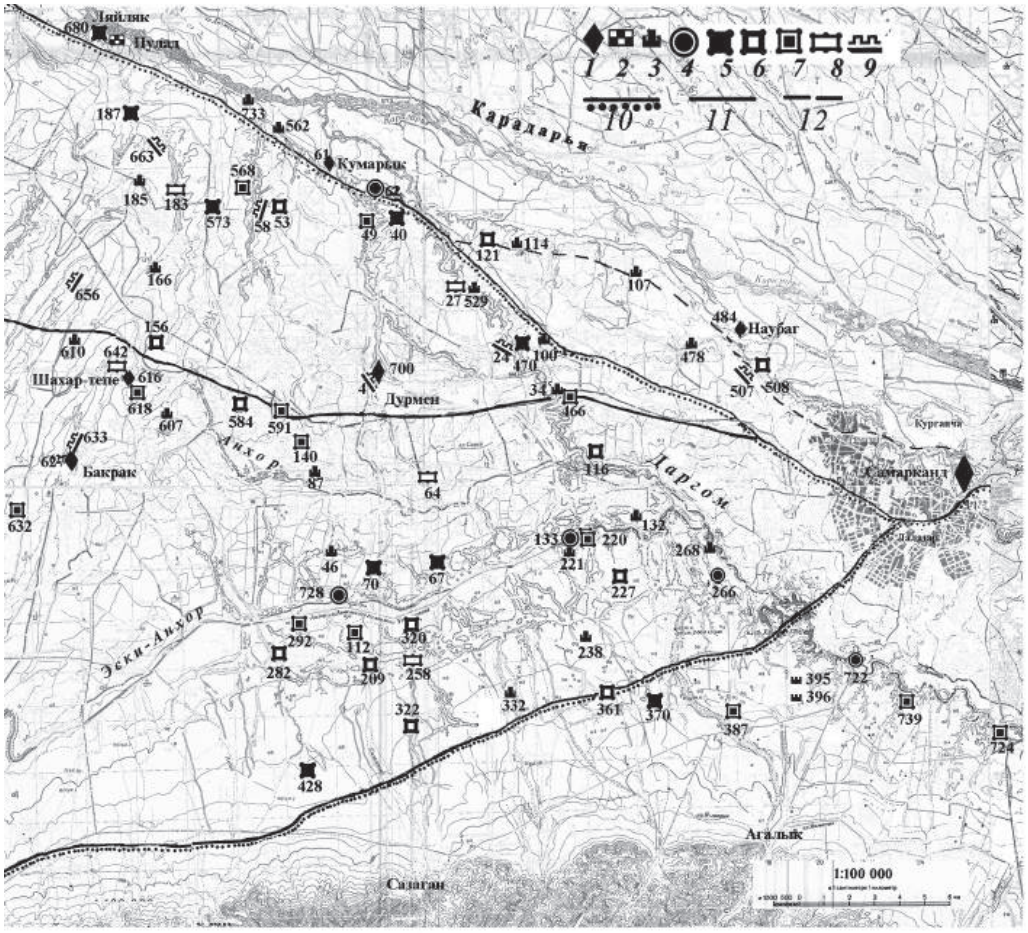


Рис. 1. Карта владений Исбискета. Условные обозначения: *1* — город; *2* — село; *3* — замок-крепость; *4* — круглая крепость предположительно середины 1-го тыс. до н.э.; *5* — квадратная эллинистическая крепость; *6* — эллинистическая крепость модифицированная в раннее средневековье; *7* — раннесредневековая крепость, возможно, с эллинистической основой; *8* — прочие крепости; *9* —застава; *10* — основная дорога; *11* — второстепенная дороги по картам конца XIX — нач. XX вв.; *12* — предполагаемая древняя дорога.

В 1986–1991 гг. Среднеазиатской археологической экспедицией Государственного музея Востока (САЭ ГМИНВ) проводились исследования на городище Дурмен и обследование археологических памятников его округи[1] (рис. 2).

Городище Дурмен наиболее крупное и древнее из урочищ, в самом центре западно-Задаргомского оазиса. Еще в 1977 году И. Д. Иваницкий сопоставил Дурмен с селением (в историческом прошлом — городом) Исбискет[2], упомянутым в словарях XII в. — первой трети XIII в. Самани и Якута[3]. Такое предположение, как нам представляется, вполне обосновано и подтверждается рассмотрением списков ворот самаркандской округи — Дивари-Киамат[4], представленных у автора X в. Истахри. «Стена тянется от места, известного под названием Афшина, мимо ворот Кухак, потом последовательно обходит Варснин, ворота Фенек, ворота Ривдат, и ворота Фаррухшид и ворота Гадавад; потом тянется до реки», что предполагает относительно прямое ее направление[5].

Твердо определяются позиции трех ворот (рис. 2): Кухак (1) в районе одноименной высоты, сохранившей название до наших дней; Варснин (3) — близ холма с современным названием Талли Варсин; ворота Фаррухшид выходившие на окраину одноименного села, где в X в. уже стоял известный и ныне мавзолей Ходжа Абди Бирун (5). Поскольку сказано, что за воротами Гадавад стена «тянется до реки», то эти ворота предпочтительно поместить на повороте стены к северу (7), а, следовательно, западные ворота Дивари Киамат в первом списке не упоминаются. Во втором списке перечисление названий идет в том же направлении, но начинается от ворот Гадавад и далее: Исбиск (8 или 9), Сухашин (9 или 10, или 11), Афшина, Варснин, Кухак (здесь последовательность нарушена), Ривдад, Фаррухшид.

Между Гадавад и Афшина появляются два новых названия — Исбиск и Сухашин, которые должны принадлежать западным воротам[6]. Так, ворота Исбиск оказываются направленными в сторону городища Дурмен — руин древнего и средневекового города второго (после столичного Самарканда) ранга, а указан-

---

[1] Шишкина, Наймарк 1987, 56. Состав экспедиции: начальник — Г. В. Шишкина; заместитель начальника — А. Наймарк; руководители раскопов — Н. Вишневская, З. Галиева, Т. Мкртычев, М. Подольский, А. Яковлев; сотрудники — Т. Алпаткина, А. Волков; архитекторы — М. Бойцова, В. Марковский и Е. Куркина; фотограф — М. Ялов (ныне священник о. Михаил). На разведывание памятников округи выезжали либо Г. Шишкина, либо А. И. Наймарк (1987г) и Т. Мкртычев. Обязанности топографа (глазомерная съемка) выполнялись архитекторами В. Марковским (он же был и фотографом) и М. Бойцовой и Е. Куркиной.

[2] Иваницкий отождествляет городище Дурмен так же с упомянутым на Бухарской дороге Кёшк- и Алькама VIII-X в. Ростовцев, Иваницкий 1976, 540; Бартольд 1963а, 148, прим. 5.

[3] Бартольд 1963а, 177.

[4] У одного из средневековых авторов находим упоминание двенадцати ворот в стене самаркандской округи, другие называют только восемь (см. Бартольд 1963а, 138). В период раннего средневековья ворота представляли собой двухэтажные здания, одно из которых сохранилось до нашего времени в руинах Дарвоза-хона. Верхний этаж занимали жилые комнаты, под которым был проход, запиравшийся двумя двухстворчатыми воротами со стороны наружного и внутреннего фаса стены (о раскопках Дарвоза-хона см.: Бурякова 1985). Неправильно понятое описание ворот в источнике обернулось ошибочным предположением о двух рядах стен (Бартольд 1963а, 135).

[5] Бартольд 1963а, 138.

[6] Абсолютная точность локализации западных ворот Исбиск и Сухашин для нашего случая не имеет принципиального значения; что же касается ворот Фенек, то их условно помещаем вслед за воротами Кухак на одной из намеченных пригородных магистралей.

ная арабским автором протяженность пути до Исбискета в два фарсаха вполне соответствует реальному расстоянию между городищем и стеной самаркандской округи — Дивари-Киамат.

Работа по обследованию округи сильно ограничивалась разными обстоятельствами и проводилась во время стационарных работ на городище, где были заняты все сотрудники экспедиции, и поэтому выезды были нерегулярными, кратковременными и зависели от транспорта и возможности высвободить двух сотрудников, один из которых занимался глазомерной съемкой. В период работ в нашем распоряжении не было ни аэрофотоснимков, ни картографического материала, кроме сельскохозяйственной карты 1973 года масштаба 1:25 000, охватывающей только часть интересовавшего нас района.

Рис. 2. Схема самаркандской округи в пределах Дивари-Киамат. Схема составлена Г. В. Шишкиной на основе материалов архива В. А. Шишкина.

Мысль о продолжении работы над осмыслением исторического ландшафта Паст-Даргома возникла много позднее, уже в 2000-е годы, с появившейся возможностью привлечь и аэрофотоснимки, и карты (хотя и те и другие с лакунами)[7].

Воспроизведение (в меру наших возможностей) исторического ландшафта древнего оазиса Исбискета (городище Дурмен) в его последовательном развитии в пределах от середины 1-го тыс. до н.э. до VIII-IX вв. н.э. настоятельно требовала четкой типологии археологических объектов. Приступив к разработке типологии, мы опирались также на материал, накопленный опытом многолетних исследований и наших коллег, отдавая при этом должную дань признательности трудам наших предшественников.

Первая попытка систематизировать археологические памятники Согда была предпринята И. А. Сухаревым в 1936 г. Им были выделены четыре основных типа поселений: кёшки, «бесформенные» поселения, укрепления и тепа[8]. Автор осознавал несовершенство своей предварительной схемы, но вернуться к теме не смог. Добровольцем он ушел на фронт и погиб на полях сражений Великой Отечественной войны.

С сороковых годов прошлого (XX) века внимание исследователей больше привлекали вопросы стратиграфии и культурно-исторических связей, хотя предлагалась и классификация памятников (В. И. Пилипко, Р. Х. Сулейманов, Э. В. Ртвеладзе[9]). Начало разработки нашей типологии было положено Г. В. Шишкиной в 90-х гг. XX в. для раннесредневековой истории Согда[10].

Наша типология непосредственно исходит из характера объектов археологии, насыщающих земли Исбискетского оазиса. Однако для лучшего понимания значимости изучаемого района состав памятников должен быть расширен включением всего разнообразия следов человеческой деятельности. Разработка типологической схемы наталкивается на слабо преодолимое препятствие: невозможность строгого понимания памятника без достаточно широких раскопочных работ. Предложенная нами типология не претендует на всеобъемлющие формулировки, выражающие их смысловое содержание, и основана сугубо на морфологических признаках. Значительная часть определений того или иного типа памятника сделана на основе аэрофотоснимков и карт без осмотра на местности.

По функциональным характеристикам памятники, типы которых определены морфологическими признаками оплывших руин в современном их состоянии, группируются в категории разной емкости и сложности состава:

А — жилые структуры;
Б — военная архитектура;
Д — гидротехнические сооружения;
Е — сельскохозяйственные угодья;

---

[7] Галиева, Иневаткина 2005, 275-291; Шишкина, Иневаткина 2006, 37-49. В работе с аэрофотоснимками какое-то количество памятников могло остаться неучтенным из-за качества снимков, неясной конфигурации возвышенности (невозможности отличить их от естественных останцев), а при близости к протокам — из-за обилия выбросов при чистке русел. Особенно это касается небольших холмов типа «сельский дом». Особо выражаем благодарность за помощь в пополнении картографического материала руководителям Франко-Узбекской и Итало-Узбекской экспедициями Ф. Грене, М. Този, С. Мантелини.

[8] Сухарев 1935-1936, лл. 16-24; Шишкин 1966, 106.

[9] Пилипко, Кошеленко 1985, 215; Пилипко 1985, 243-246; Сулейманов 2000; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990.

[10] Распопова, Шишкина1999, 53-54.

В — культовые постройки;

Г — погребальные сооружения;

Ж — горные выработки (нами не исследовались).

В состав категории включаются разделы, содержащие в большей или меньшей степени достоверно родственные объекты. Любой из разделов предполагает возможность градации по второстепенным, третьестепенным и далее по нисходящей степени) признакам. При строго формальных условиях выделения типа, его наименование выражает смысловое содержание (назначение) объекта.

А. Жилые структуры.

I — город;

II — село;

III — замок;

IV — сельский дом;

V — сельская усадьба;

VI — караван-сарай;

VII — загородная резиденция, дача.

В формировании жилых структур существенная организующая роль принадлежит архитектурному компоненту, замыкающему (очерчивающему) определенное пространство, начиная от одиноко стоящего среди сельских угодий дома до значительных агломераций городского типа. Морфологическое разнообразие жилых структур можно свести к ряду типов, каждый из которых может выражаться в большем или меньшем количестве вариантов.

I. Город

Структурно развитая агломерация, обладающая комплексом разнообразных функций, частично выраженных морфологически: четкие границы, фиксируемые валами внешней линии обороны; укрепленный административный центр; холмы монументальных зданий; свободные пространства — площади.

I.1 — город укрепленный, с внешней оборонительной линией и развитым укрепленным административным центром — «акрополем» (Самарканд).

I.2 — город укрепленный с цитаделью в черте городской ограды (Исбискет) (рис. 3).

I.3 — город укрепленный, с внешней оборонительной линией и цитаделью, вынесенной за пределы городской ограды (Бухара, Бунджикет).

I.4 — город неукрепленный с «акрополем» (Варахша, формально не обладающая статусом города; роль акрополя выполняла реконструированная древняя крепость[11]).

I.5 — город неукрепленный с цитаделью (Кумышкент, возможно, 61 — Кумарык) (рис. 4, *2*).

В процессе развития во времени структура укрепленного города может усложняться путем включения пригорода-рабада в единую с городом фортификационную систему: акрополь/цитадель — шахристан(ы) — рабад.

Об иерархии согдийских городов можно судить на основании письменных источников, проецируя на них археологические свидетельства.

I.а — столичный город. Крупнейший населенный пункт — политико-административный, экономический, религиозный и культурный центр всего Согда или значительной его части.

[11] Распопова, Шишкина1999, 55.

Рис. 3. **А — Жилые структуры. I. Город. I.2.** Городище Дурмен — древний Ибискет (700), центр района (сер. I-го тыс. — VIIв.н.э — город). Аэрофото и дешифровка снимка: места раскопов указаны с их порядковыми номерами: Р-1 — замок-крепость (Турт-тепа, 700/1); Р-2 — цитадель; Р-3, Р-4, Р-5, Р-6, Р-9 — фортификация; Р-4 — пригородная усадьба (V-VIII вв.), фортификация, наус (VIII в.); Р-7 — сельская махалля (квартал) (середина VIII (?) — начало XI вв.); Р-10 — село (расчистка силосных траншей). В — предполагаемые места расположения ворот. *2-5, 12, 13* — номера тепе (памятники пригорода). Римскими цифрами указаны естественные низины, залиты серым цветом.

Особо выделяются два столичных города — Самарканд и Бухара — центры восточного и западного отделов Согда, не раз сменявшие друг друга в качестве столиц обширных государственных образований. Вне зависимости от того, которому из этих двух городов в тот или иной исторический период отдано предпочтение как столичному, второй продолжает сохранять свою значимость либо во всей полноте, либо живет в отблеске былой славы, как это случилось в конце концов с Бухарой.

I.б — главный город (как его можно назвать в отличие от столицы) для какой-либо обширной области Согда (в южном Согде: Еркурган, Наутака: — Сангир-Узункыр[12], Несеф — Кеш; Бухара для времени, когда первенство принадлежало Самарканду и Самарканд, когда столицей в X в. становится Бухара).

I.в — центр района (оазиса, рустака) — город второго ранга (рис. 3, *3*).

Во второй четверти — второй половине 1-го тысячелетия выявляется довольно ясная система соподчиненности центральному Самарканду менее масштабных городов, расположенных от него в некотором отдалении — не ближе 19-20 километров, в сферу экономического и административного влияния которых, вероятно, входила их округа (Исбискет-Дурмен, Маймург-Кулдор, Бунджикент-Пенджикент, Кумышкент-Бердад и другие)[13].

В пределах оазиса, рустака складывается система соподчинения, повторяющая схему «столица — город второго ранга», в которой доминирует уже город второго ранга с устойчивой округой, несмотря на отсутствие фиксирующей ее границы оборонительной системы, функции которой в какие-то исторические периоды несут заставы. Так же, как и в отношениях столицы или «главного города» со второстепенным городом (Самарканд → Дурмен), город второго ранга сохраняет дистанцию и не допускает развития за определенные пределы в какой-то мере подчиненных ему городков третьего ранга (в Пастдаргомье: Дурмен-→ Наубаг (487), Кумарык, Шахартепе: рис. 1; 3; 4).

I.г — городок — неукрепленный, но с цитаделью, по всей вероятности, в какой-то мере подчиненный районному центру (городу второго ранга), (рис. 4, *1*, *2*).

II — село

Агломерация, выраженная слитно-холмистым урочищем без геометрически четких границ, как правило (исключения известны из письменных источников), не зафиксированных оборонительной линией и без топографически выделенных структурообразующих элементов, современных жизни села (цитадель, монументальные здания).

Обращаем внимание на пример урочища Пулад (672), где выраженные рельефом сооружения — замок-кешк (674), замок-каср (673), караван-сарай (676), усадьба-хоули (675) — не входили в структуру более раннего по отношению к ним села (рис. 6, *1*), а возникли много позднее конца его жизни, что засвидетельствовано подъемным материалом и зачистками[14].

---

[12] Rapin et al 2001, 33-34; Grenet 2005, 1052-1053.
[13] Shishkina 1996; Распопова, Шишкина1999, 53-54.
[14] Иваницкий 2006, 48-58; Иневаткина 2010, 56-57.

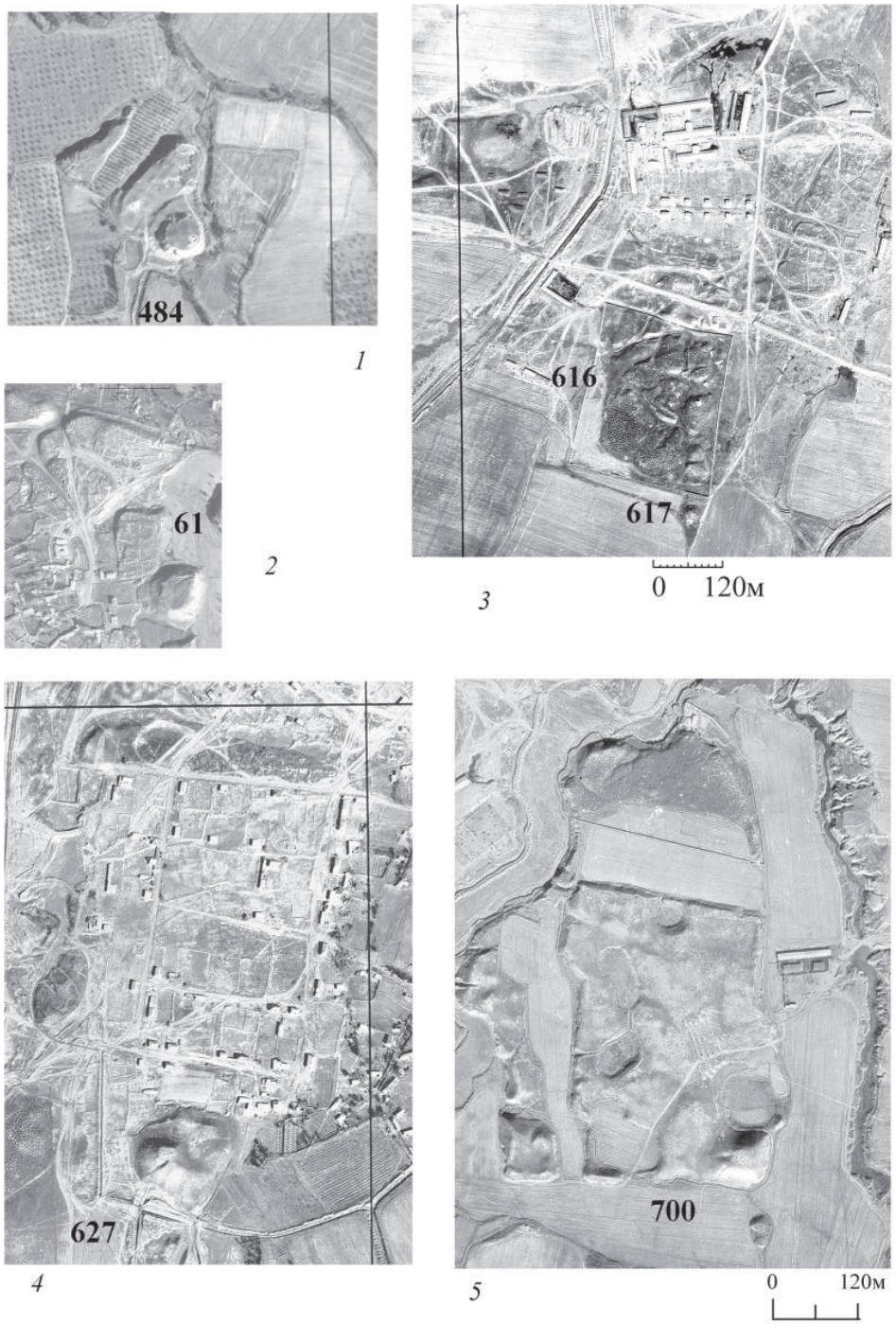


Рис. 4. **I. Город. 1 — I.2.** Наубаг (середина 1-го тыс. до н. э., III-II до н.э.); 2 — **I.5**. Кумарык (первые вв.до н.э. — V в. н.э.), 3 — **I.5**. Шахартепе; 4 — **1.3.** Бакрак (первые вв. до н.э.). 5 — **I.2**. Дурмен (середина 1-го тыс. до н.э. — VIII в. н.э. (город); середина VIII (?) — начало XI вв. (село).

Наиболее обширные села своей масштабностью могут соперничать с городом, но непременно отличаются от него структурой. Так, некоторые селения в Согде (рустак Абгар), согласно ибн Хаукалю, достигали в окружности 2-х фарсахов[15], а селение Кесба было обширнее города Несефа[16].

Морфологическими признаками определяются несколько типов сельского поселения (села).

II.1 — село с застройкой поквартальной (городского типа), выраженной относительно спокойным рельефом (рис. 5, рис. 6, *1*).

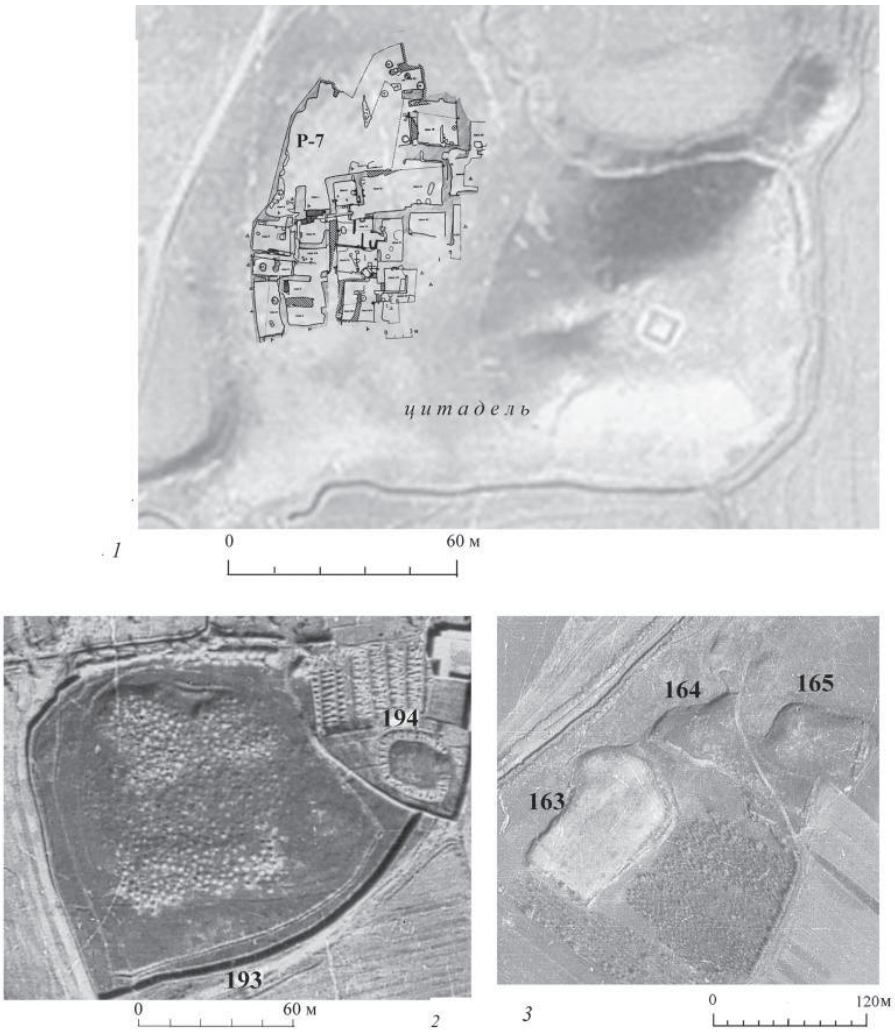
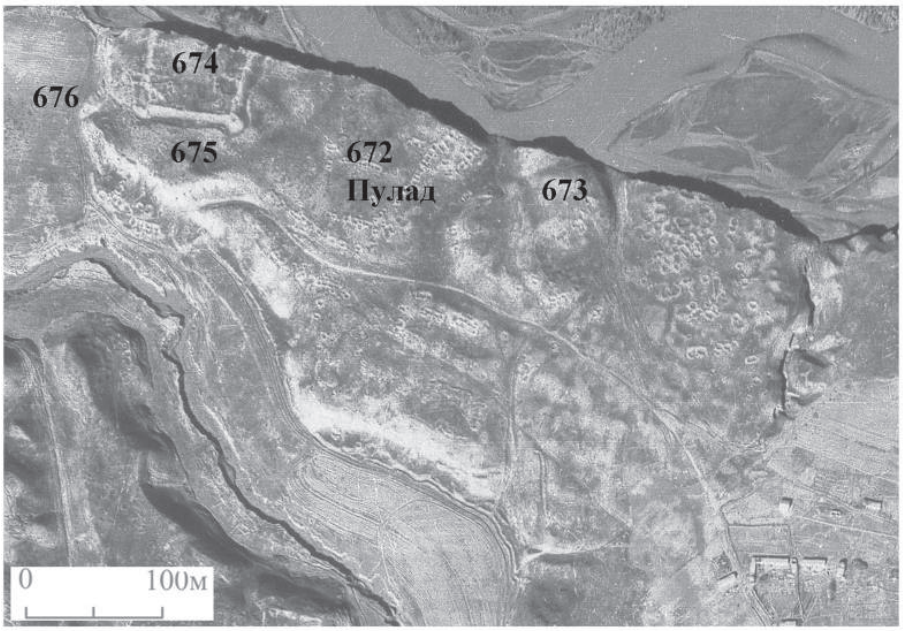
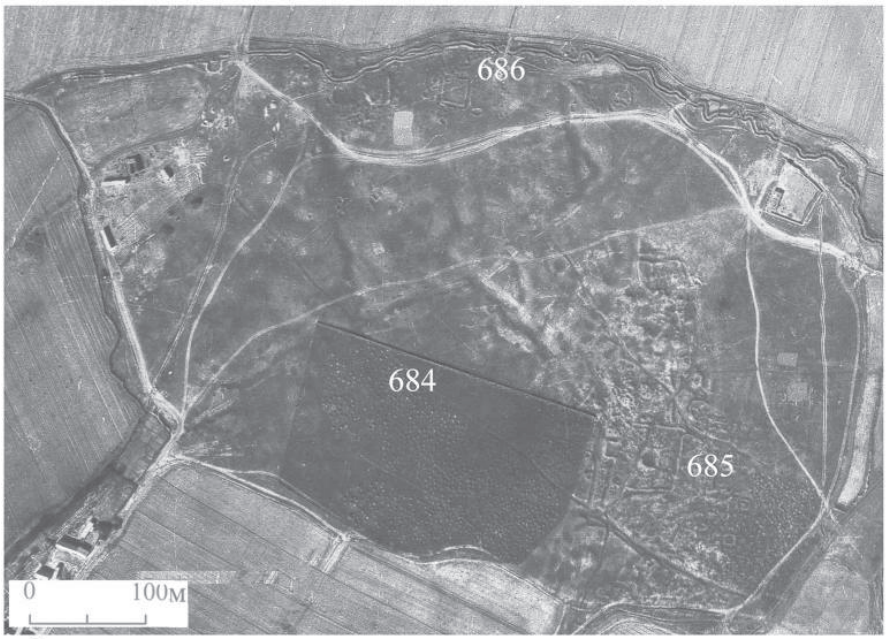


Рис. 5. **II. Село. II.1.Село с застройкой поквартальной**: *1* — сельская махалля X — нач. XI в. на нижней площадке городской цитадели, Дурмен, раскоп 7; *2* — село 193,194 (первые вв. до н.э., первые вв. н.э.); *3* — село 163, 164, 65 (первые вв. до н.э. — первые вв. н.э.; IV — первая половина V вв.н.э.).

[15] Бетгер 1957, 18.
[16] Бартольд 1963а , 190.



1



2

Рис. 6. **II.1. Село с застройкой поквартальной** *1*— Пулад (672) на берегу Кара-дарьи (первые вв. до н.э., первые вв. н.э.), замок-каср 673, замок-кешк 674, сельская усадьба нового времени (хоули) 675; 673-675 на городище Пулад; караван-сарай 676. **I.2. Село с застройкой хуторского типа**: *2* — село 684, культовые постройки 685 и 686 (**IX, X**) (см. рис. 16).

II.2 — застройка хуторского типа (конгломерация усадеб), выраженная в рельефе компактным скоплением сравнительно равновеликих холмов, может представлять собой разросшееся родовое гнездо или два-три разросшихся и слившихся родовых гнезда; в таком случае застройка оказывается несколько разреженной (рис. 6, 2; 7).

II.3 — село с топографически выделенным элементом — замок или другое монументальное здание, современное жизни села.

II.4 — село, защищенное оборонительной стеной (по средневековым источникам), упоминаются селения Рамитан, Афшина, Зермитан и Вахсун[17]. В Пастдаргоме, возможно, селение 187 в верховьях Карасу (рис. 16, *1*).

В случаях локализации села на территории деградировавшего города в его пределы включается холм бывшей цитадели (рис. 5, *1*), утратившей свои первоначальные функции (городище Дурмен)[18].

Минимальная площадь уплощенного холма или пространства, занятого скоплением мелких холмов, подлежащих определению «село», в первом случае условно должна превышать 0,25 гектара, во втором — количество холмов-домов (по реальной ситуации в предгорной полосе Пастдаргома) должно быть не менее 12-ти, при высоте менее 3-х метров (рис. 7, *1*).

Благодаря письменным источникам определяется функциональная значимость села.

II.а — административный центр района (рустака), наряду с городом: Ривдад — центр рустака, Варагсер.[19]

II.б — торговый центр обширной округи (селения под Бухарой: Тававис, а также Шарг-Искиджкет, Гиждуван, Вардана, Нур — важные торгово-промышленные пункты[20]). Примером торгового пункта Задаргомья, может служить и древнее селение Пулад первых вв. до н.э. на прибрежной дороге Самарканд — Бухара[21] (рис. 1; 6, *1*).

II.в — ремесленный центр, специализированный преимущественно на одной из отраслей производства (селение ткачей Зандана[22], или древнее Сара-тепо — селение керамистов середины 1-го тыс. до н.э., на окраине нынешнего Самарканда[23]).

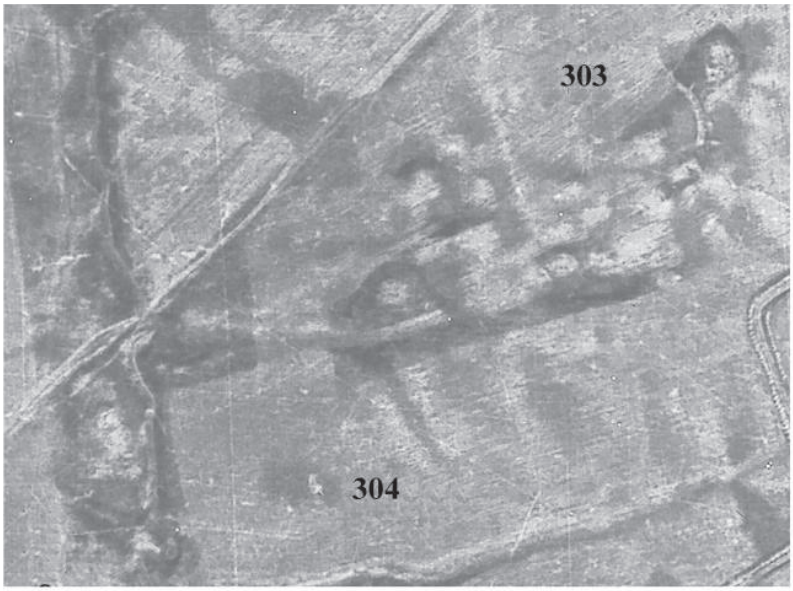
II.г — контрольный пункт в важных экономических (торговый путь; граница со степью, освоенной номадами и т.п.) или стратегических (граница владения, «ворота» перевала и проч.) точках, как, например, селения Вардана, Нур, ныне Нур-Ата[24].

III. Замок.

Моно-, двух- и поли- структурные холмы — руины сельского жилища земледельца, поставленного на платформу и обладавшего некоторой обороноспособностью.

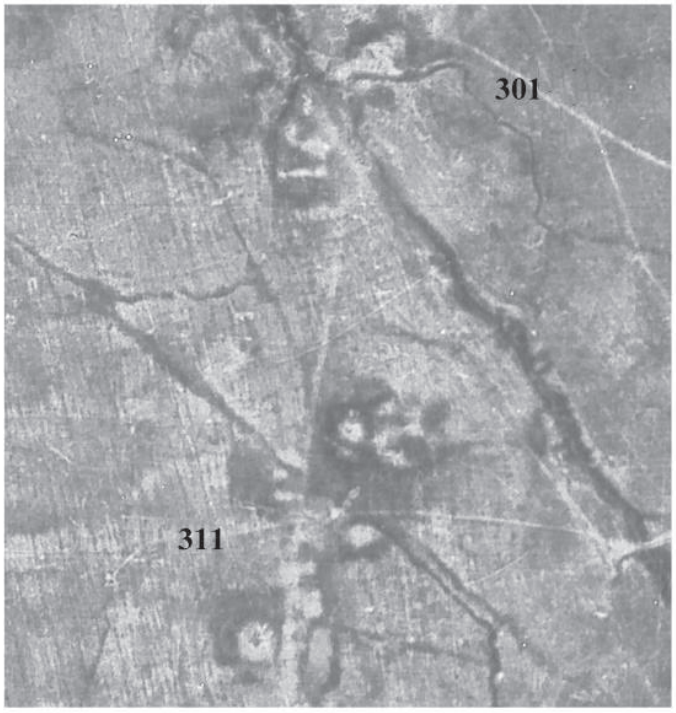
---

[17] Бартольд 1963а, 167-168, 171-172.
[18] Вишневская 2005, 101-133.
[19] Бартольд 1963а, 139,145.
[20] Бартольд 1963а,149-150, 165.
[21] Иневаткина 2010, 56-57.
[22] Бартольд 1963а, 164, 286.
[23] Иваницкий 1992, 22-40.
[24] Бартольд 1963а,165,171.



1

0 200 м



2

0 200 м

Рис. 7. **II.2**. Село с застройкой поквартальной: *1* — село 303, 304 — сельский дом; *2* — село 301; 311 — село.

III.1 — замок-кешк.
Моноструктурный холм.
III.1.1 — замок-кешк, рядовой.
III.1.2 — замок-крепость.
III.1.3 — родовое гнездо: группа моноструктурных холмов.
III.2 — замок-каср.
Двух- или поли- структурный холм.
III.2.1 — каср с одной хозяйственной площадкой, с одним кешком.
III.2.1.1 — каср с одной хозяйственной площадкой и двумя кешками.
III.2.2 — каср с двумя хозяйственными площадками, с одним кешком.
III.2.2.1 — каср с двумя хозяйственными площадками, с двумя кешками.
III.2.3 — каср с тремя хозяйственными площадками.

В современном ландшафте долины Зарафшана преобладают (или до недавнего времени преобладали) холмы (тепе), которые, опираясь на (хотя и незначительные по объему) археологические работы, можно с большой долей вероятности определить как землевладельческие замки разного социального ранга[25].

Обилие достаточно высоких холмов объясняется возведением замковых построек на монолитных платформах, по площади достаточных для размещения жилого дома, необходимых при нем помещений (кухни, кладовые и тому подобное), обходных террас или айванов, а в определенных случаях (в замках-каср) и обширных дворов в окружении служебных построек. Платформа могла включать руины (забутованные) более раннего сооружения, по существу оставаясь монолитной по отношению к покоящимся на ней постройкам.

Широкое строительство замков начинается в IV в., а в V в. они уже в обилии рассеяны по всей согдийской (да и не только согдийской) земле. Надо отметить, что планировочно замки — каср ведут свое происхождение от двухчастной цитадели древних городов. Уже в VI до н.э. сложилась двухчастная структура цитадели Самарканда с наиболее возвышенным элементом кешком и прилегающей к его подножию обширной нижней площадкой в единой фортификационной системе[26]. Именно модель древней цитадели послужила моделью для замка–каср, а не замок-каср для цитаделей раннесредневековых городов. Замки, возвышающиеся над зеленой долиной, упоминает ибн-Хаукаль[27], однако археологически для X в. такие постройки не выявлены. Остается предположить, что нередко средневековые жилища устраивались на основе раннесредневековых замков, что подтверждается и составом собранной при разведках на руинах замков керамики, датируемой и периодом V-VI вв., и IX-X вв. (тепе 23, 25, 61, 100, 103, 104, 109, 110, 115, 117, 124). Наиболее монументальные замки, перестроенные и обжитые в VIII в. (что известно по археологическим работам), могли сохранять свой величественный облик до времени арабских путешественников.

В более поздних средневековых письменных источниках упоминаются замки, по всей видимости, двух разрядов: менее значительные замки-кешк и более представительные замки-каср[28]. У Наршахи упоминается «ках» (быть может, сопо-

[25] Распопова, Шишкина 1999, 53.
[26] Shishkina 1996, 84-85; Иневаткина 2002, 30-31.
[27] Бетгер 1957, 17, 18.
[28] Бартольд 1963б, 207-209.

ставим с замком «каср»?), в состав которого входили «кешк», как это явствует из контекста[29]. Оба понятия — «кешк» и «каср» — вполне выражены в современной морфологии их руин: моноструктурный замок-кешк и двух-, полиструктурный, более величественный и композиционно более сложный замок-каср.

III.1.1 — замок-кешк, рядовой — жилище землевладельца, поставленное на платформу, может включать хозяйственные и даже производственные помещения. Прочие хозяйственные службы расположены у подножья замка, в современном рельефе не выражены и только в единичных случаях намечаются.

В рубрику «замок-кешк» включены моноструктурные округлые в плане холмы диаметром не менее 25-ти метров и примерно соответствующие им по масштабности, холмы прямолинейных очертаний со сторонами не менее 18-19 м, высотой более 3-х метров (рис. 8).

Эти отправные параметры определились в известной мере в результате рассмотрения плана замка-кешк, расположенного близ крепости Кафир-кала на Даргоме (в первой публикации назван усадьбой[30]). Если принять во внимание, что все периферийные помещения кафиркалинского замка несут хозяйственные функции, а жилая центральная часть засть замка образует квадрат со стороной около 19 м (рис. 8, *4*), то вполне допустимо предположить существование такого малого замка, хозяйственные постройки которого вынесены за пределы платформы к ее подножью. Таким образом, определяются наименее представительные замки-кешк, в то время как замки масштаба кафиркалинского составляют средний пласт землевладельческих сельских жилищ.

Сборы подъемного материала и зачистки срезов холмов, нарушенных механизмами, показали, что большинство замков, вне зависимости от их масштабности и структуры, возведены на руинах построек эллинистического времени — на месте пригородных и сельских вилл. Никакой родовой преемственности здесь ожидать не приходится, поскольку между древними и раннесредневековыми постройками оказывается разрыв в три-четыре столетия (рубеж н.э. — IV в. н.э.). Такая приверженность к определенным точкам на местности, скорее всего, объясняется сложившейся еще в глубокой древности устойчивой сетью водоснабжения, сохраняющейся в своей основе и по сей день. В связи с длительным перерывом в плотном обживании исследуемого района встает вопрос об облике сельской округи Исбискета и всего Задаргомья в этот промежуток времени. Не стали ли сельские угодья мелковладельческими, значительные жилые здания исчезли, а недолговечные постройки не оставили заметных следов?

Среди массы памятников, составивших раздел «замок-кешк», неизбежно должны оказаться редко встречающиеся (в силу их особого назначения) сооружения иного рода: культовые (сельские храмы), погребальные (одиночный курган, дахма) и другие, характер которых может быть выявлен только углубленным исследованием[31].

---

[29] Наршахи 1897, 22.

[30] Шишкина 1961, 192-223; Распопова, Шишкина 1999, 52-57.

[31] В данном случае иллюстративен пример храма Джартепа II (VII-VII вв.), в основе которого, согласно археологическим исследованиям, лежат замковые сооружения более ранних времен: Бердымурадов, Самибаев 1999.

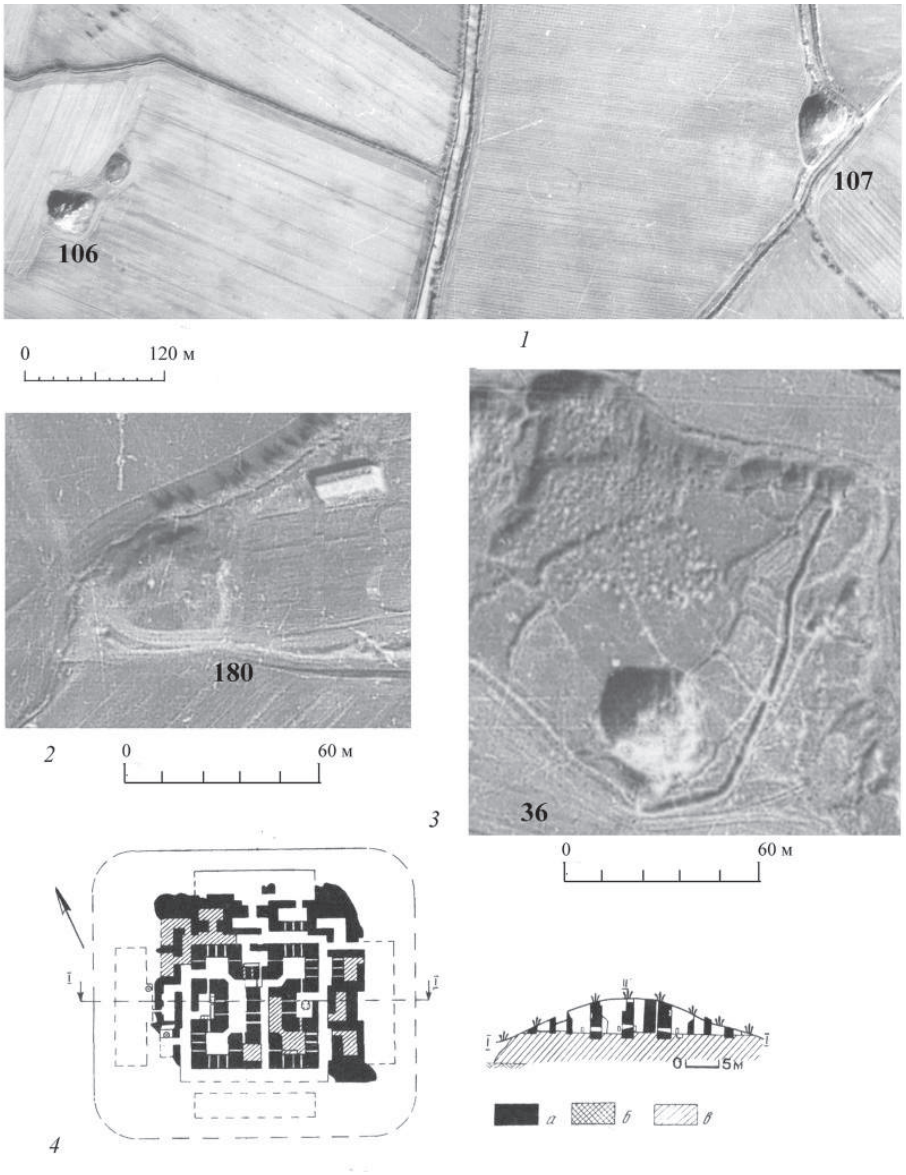


Рис. 8. **III.1. Замок-кешк**: *1* — замок-кешк 106 и 107 — замок-крепость (**III.1.2**) ; *2* — замок-кешк 36; *3* — замок-кешк 36 ; *4* — замок-кешк близ Кафыркалы, план, разрез .

III.1.2 — замок-крепость. Моноструктурный, как руины всех замков-кешк, большой холм. Обороноспособность замка повышена довольно надежными внешними стенами, не уступающими крепостным. Обширное хозяйство сконцентрировано в селе у подножья замка (рис. 9).

Монументальностью и внутрипланировочными особенностями (насколько позволяют судить зачистки случайных срезов) замок-крепость резко выделяется из группы рядовых замков-кешк, но структурно также отличается и от замка-каср,

в состав которого входит особое здание жилого кешка. Построенные по периметру платформы оборонительные стены замка-крепости фиксируют его абрис и по мере разрушения создают сильную крутизну оплывов (рис. 9, *1,2*).

Выделенные нами в группу замок-крепость холмы при округлом плане имеют диаметр не менее 70-ти метров, при прямолинейном абрисе стороны не менее 60-ти метров, наименьшая высота 5-6 м, в большинстве случаев эта цифра много превышается. Село при замке-крепости отмечено не во всех случаях, что может объясняться его разрушением (рис. 8, *1*; 9, *2-3*), и не обязательно противоречит нашему определению.

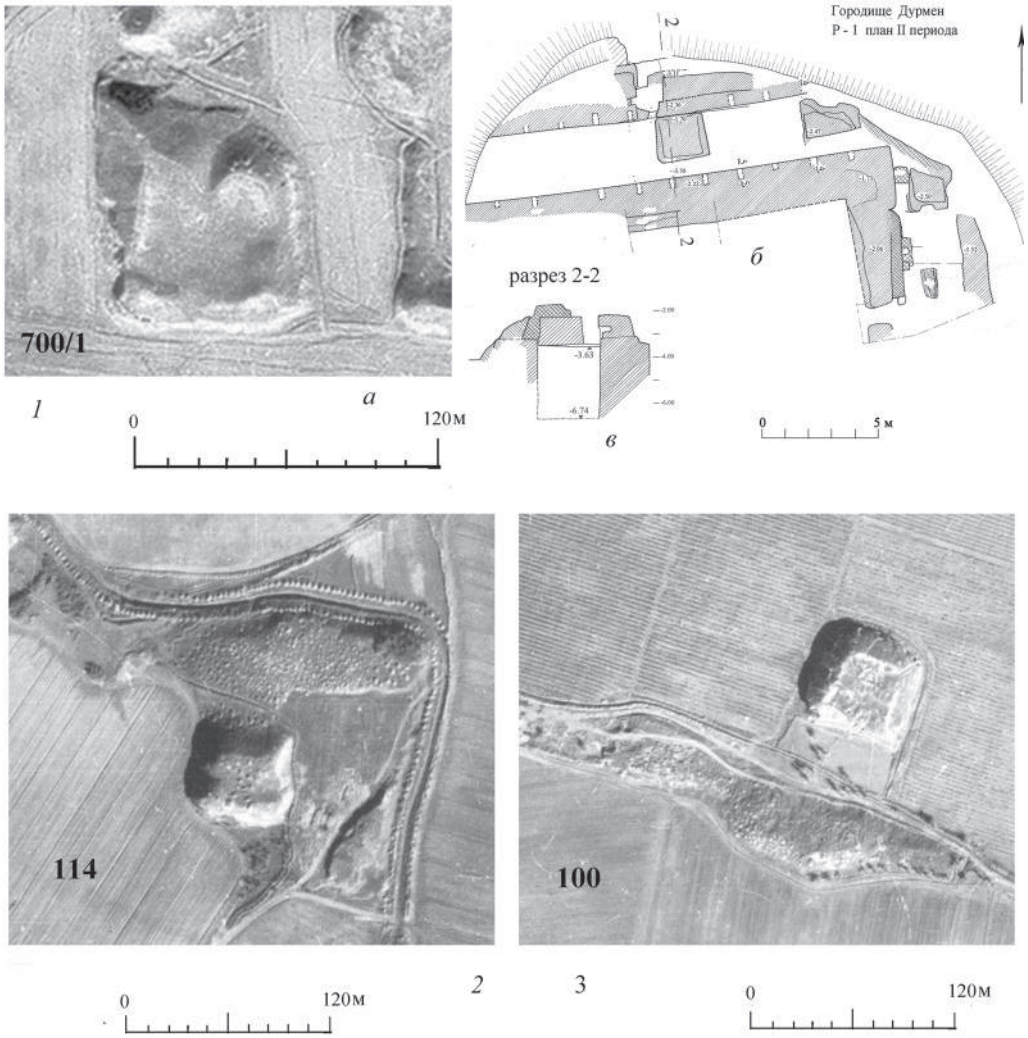


Рис. 9. **Замок-крепость III.1.2:** *1* — городище Дурмен, западный пригород раннесредневекового Исбискета, Турт-тепе (700/1): *а* — аэрофото, *б* — раскопанная часть обводного коридора с ремонтными контрфорсами, *в* — поперечный разрез; *2, 3* — замки-крепость 114 и 100, села при замках (хозяйственные службы).

Подтверждением надежности состава группы «замок-крепость» служит закономерное распределение этих, выделенных только на основе параметров замков на местности (рис. 1).

III.1.3 — Родовое гнездо (рис. 10).

Группа холмов (от 4-х до 11-ти), рассматриваемых как единый памятник:

III.1.3.1 — группа замков-кешк.

III.1.3.2 — смешанная группа замков и сельских домов.

III.1.3.3 — группа сельских домов (помещены в раздел «замок-кешк» в качестве исключения).

III.1.3.4 — в состав родового гнезда включен плоский холм усадьбы.

Родовое гнездо определяет пейзаж всего пространства между Эски Анхором и подножьем гор, чем отражается патриархальный уклад обитателей южной предгорной полосы Паст-Даргома. Можно предположить, что заметное место в их хозяйстве занимало отгонное скотоводство, чем и объясняется тяга к предгорью. Но не исключена возможность, что здесь было развито и земледелие и что карты полей, пронизанные оросительной сетью и видимые на аэрофотоснимках (см.: рис. 10), принадлежали этим скотоводам.

Здесь, как и в северной половине района Пастдаргом, выше Эски Анхора, раннесредневековые поселенцы занимали места, освоенные в период эллинизма, если не раньше.

III.2. Замок-каср.

Жилище высшего сословия землевладельцев, хотя и здесь есть сильная градация, выраженная степенью монументальности руин.

Холм касра представляет собой обширную платформу, часть которой занимает жилой кешк, вполне соответствующий замку-кешк и также стоящий на платформе, особой для кешка и возведенной на общей платформе, другая часть которой занята двором в окружении хозяйственных и служебных построек (рис. 11, *1-3*).

Просторные хозяйственные дворы касра, поднятые на платформу (при раскопке в таком дворе найден корень росшего здесь большого дерева[32]), отнюдь не исключали хозяйственных построек за пределами собственно замка.

Структура руин замка-каср (его холма) настолько выразительна, что нет необходимости оговаривать границы его параметров, помимо случаев, когда размеры холма соответствующей касру структуры слишком малы (дом 189: протяженность 12 м, «кешк» — 5х5 м), чтобы причислить его к замкам (меньшие из касров: 40-45х25 м и один замок-каср 36х30 м), и относятся к разряду «сельский дом» (см. ниже).

Планировка хозяйственной площадки касра со временем может усложняться и обретать новые постройки — дополнительный кешк (III.2.1.1) — жилой дом выделившейся молодой семьи (рис.11, *5*). Следует допустить возможность и поздних построек на руинах замка.

III.2.2 — возможно, какому-то социальному слою владельцев или какому-то определенному времени принадлежат касры с двумя хозяйственными площадками, в результате своей планировки имеющие трехчастную платформу: нижнюю,

[32] Нагора-тепе близ Самарканда. Работы Э.Ю. Буряковой.

наиболее обширную (нижний хозяйственный двор); вторую, занимающую часть нижней платформы (верхний хозяйственный двор), и, наконец, платформа кешка (рис. 11, *4*). Собственно два верхних уровня представляют собой замок-каср, возведенный на дополнительной нижней платформе (рис. 11, *5*).

III.2.2.1 — при необходимости на одной из хозяйственных площадок может быть возведен второй кешк (рис. 11, *5*).

III.2.3 — касры с тремя площадками первоначально, по всей видимости, проектировались и строились с двумя площадками и уже впоследствии расширялись пристройкой дополнительных платформ.

IV — Сельский дом. Сельская усадьба (рис. 12).

В это понятие включаются руины двух видов, холмы которых определяются несовпадающими морфологическими признаками.

IV.1 — сельский (пригородный) дом — малый холм, либо моноструктурный, либо с намечающейся (редко ярко выраженной) двухструктурностью. Однако и под моносруктурным холмом скрывается двухструктурное строение, в миниатюре подобное замку-каср с его кешком и хозяйственной площадкой. Такой дом («кешк») сооружен на платформе, а на свободный от постройки участок платформы занимает открытый дворик или, скорее всего, айван[33] (рис. 12). Сельский дом на платформе представляет собой сохранившуюся (благодаря монолиту платформы) часть усадьбы, другие недолговечные постройки которой не сохранились в рельефе.

В отличие от землевладельческого замка сельский дом — это жилище земледельца. Вознесенный над подсобными постройками усадьбы, такой дом со стороны должен был смотреться вполне представительно и мог выражать особый социальный статус или всего лишь амбиции хозяина.

Холмы сельского дома определяются параметрами менее 17-18-ти метров любой из сторон при прямолинейном абрисе или диаметром (большим сечением) менее 25-ти метров при округлом (овальном) плане[34] — например, раскопанное тепе Авиля в восточной округе (60) и загородный дом (усадьба) (700/2) в западном пригороде раннесредневекового Исбискета (рис. 12, *1*, *2*).

IV.2 — сельская (пригородная) усадьба (хутор) — относительно плоский холм площадью от 0,04 гектара и не более 0,25 гектара (в наших случаях до 0,20 гектара с разрывом в 0,05 гектара между величиной усадьбы и малого села); высотой менее 3-х метров (чаще всего 1,5-2 м). В таком холме можно предположить один, два-три двора с застройкой жилыми и хозяйственными помещениями. При этом жилой дом, как правило, не выделяется своей монументальностью из общего массива застройки (рис. 12, *3*-*4*).

В случаях, когда общая высота холма или отдельного его участка достигает трехметровой высоты или ее превышает, это может объясняться длительным обживанием, что легко определяется при наличии археологического материала, в противном случае определение остается предположительным (рис. 12, *2*).

---

[33] Распопова, Шишкина 1999, 53.

[34] Сельский дом VIII в. на городище Мингтепа (село с застройкой хуторского типа) в правобережье Зеравшана, исследованный И. Д. Иваницким, до раскопок представлял собой круглый холм диаметром 12 м высотой 2 м. Вскрытое здание построено без платформы, имеет размеры 11 х12 м и изначально было двухэтажным. Малые размеры дома отражают форму семейного уклада — жилище самостоятельной малой семьи (Иваницкий 1990, 126-134).

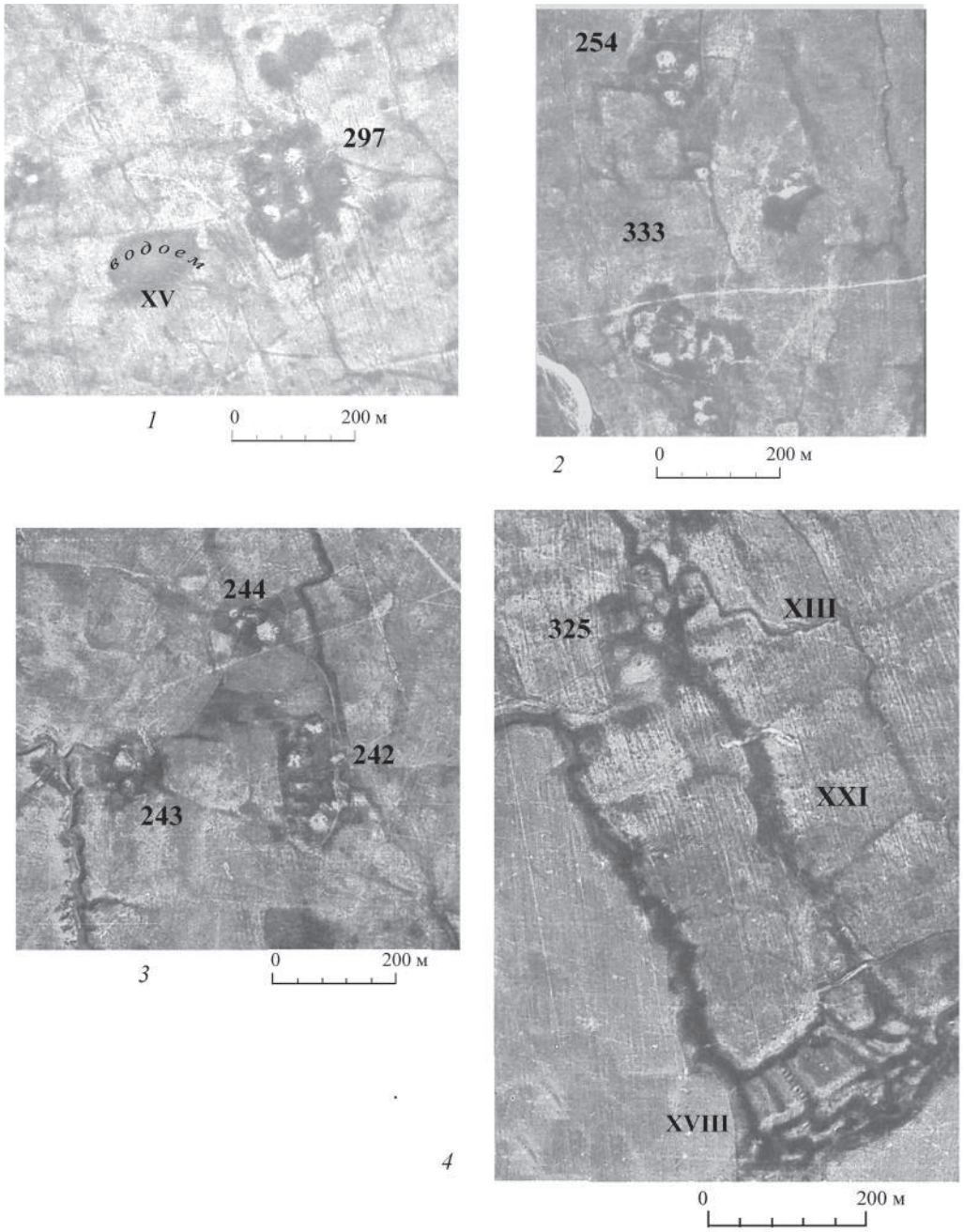


Рис. 10. **III.1.3**. — Родовое гнездо. **III.1.3.1**: *1*— 297 группа из пяти замков — кешк с водоемом (**XV**). *2* — 254 группа из пяти замков-кешк; **III.1.3.2**: 333 три родственных гнезда (замки-кешк, сельские дома). *3* — 242 замки-кешк, сельские дома; 244 замки-кешк (три), сельский дом, 243 — родовое гнездо: замок-кешк в кольце сельских домов; *4* — 325 родовое гнездо в ландшафте сельскохозяйственных угодий (**XXI**), с ирригационной сетью каналов и мелких оросителей (**XIII**), дамбами и запрудами (**XVIII**).

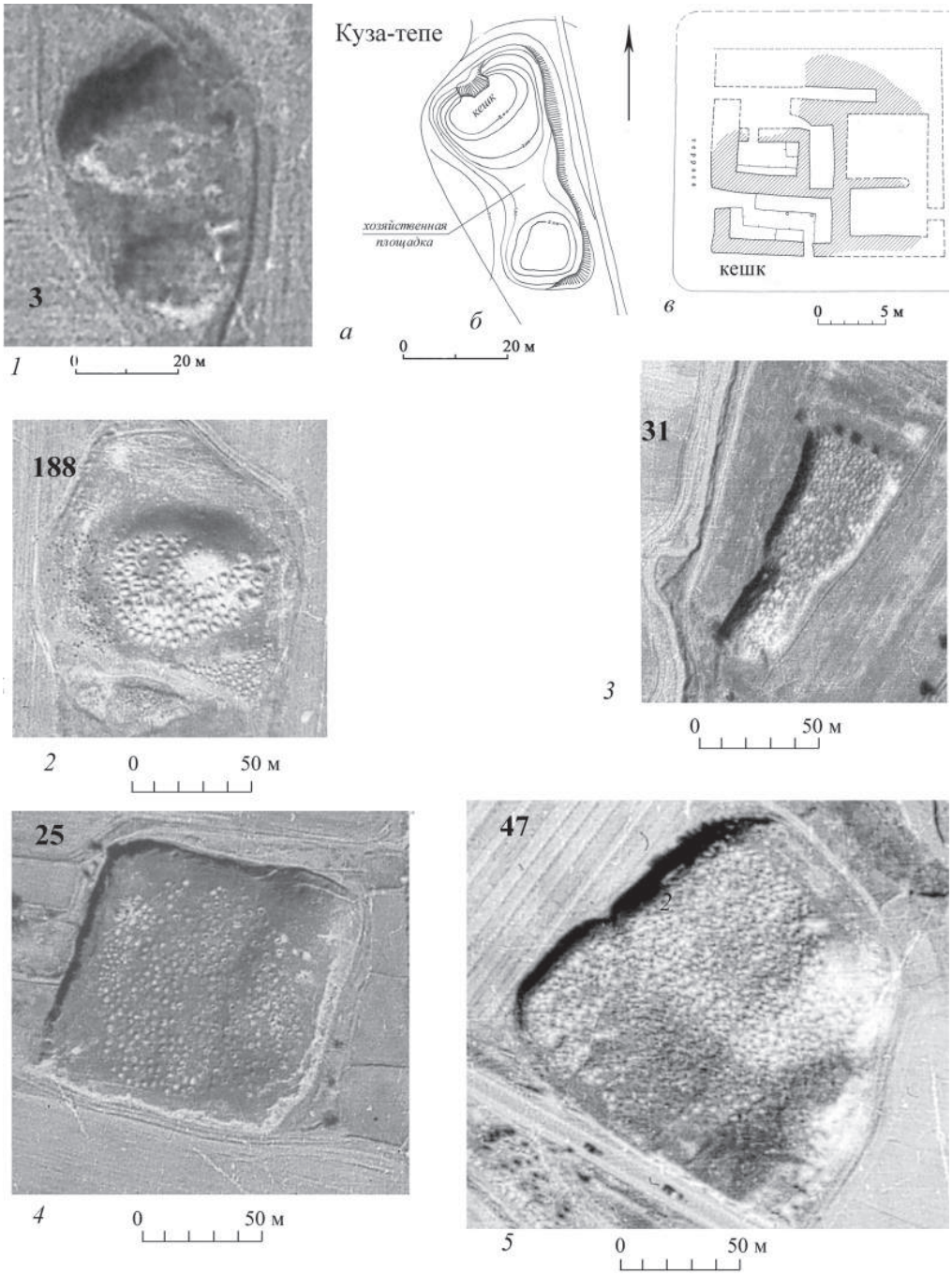


Рис. 11. **III.2.1. Замок-каср с одной хозяйственной площадкой, с одним кешком III.2.1**: *1* — тепе 3 (Куза-тепе), а — аэрофото, б — план холма, в — план раскопанного кешка, *2* — тепе 188, 3 — тепе 3; III.2.2 : каср с двумя хозяйственными площадками, с одним кешком: *4* — тепе 25, (Мазар-тепе); **II.2.2.1: каср с двумя хозяйственными площадками, с двумя кешками**: *5* — тепе 47 (Карабуин).

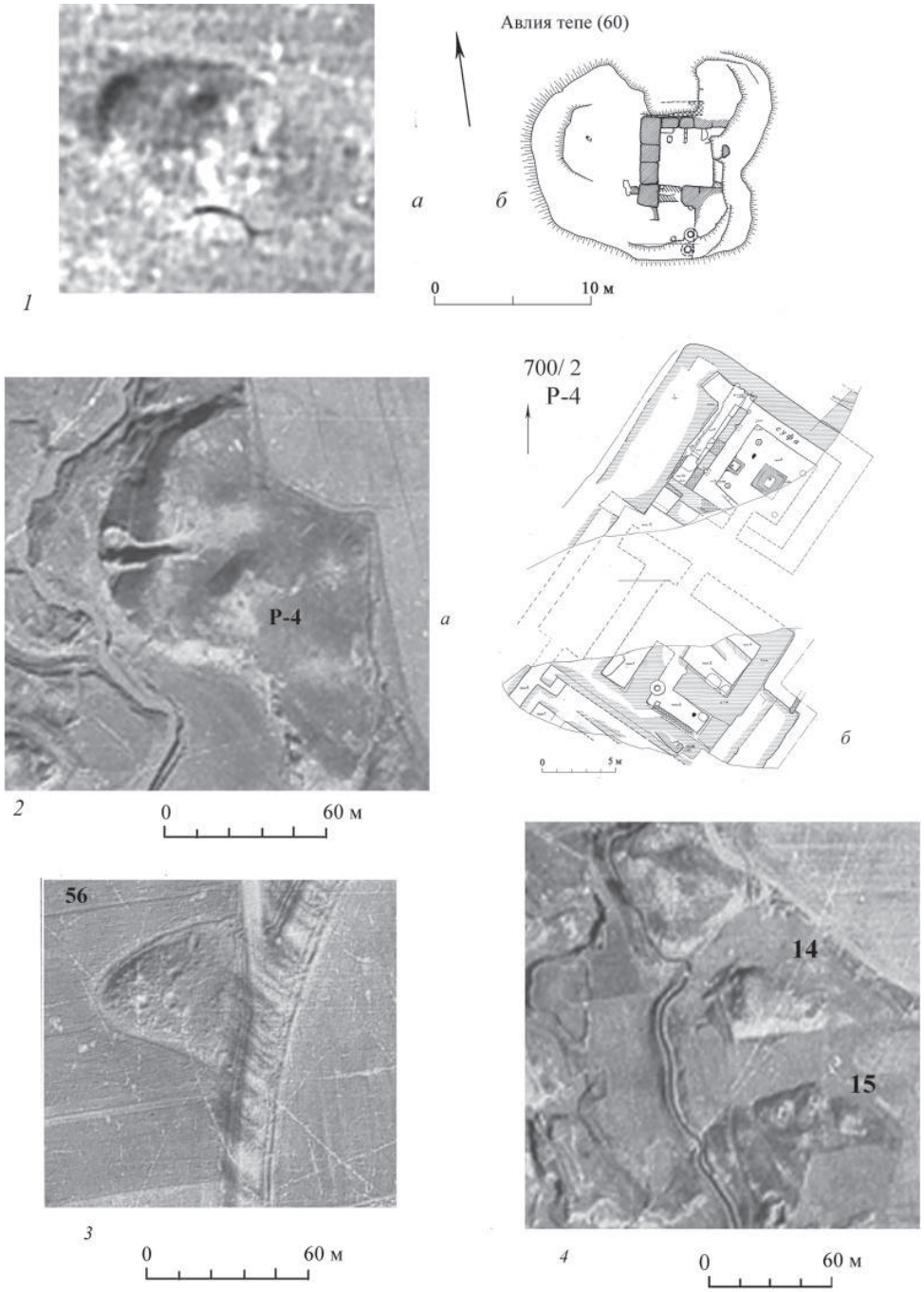


Рис. 12. **IV.1. Сельский дом:** *1* — Авлия тепе (60), *а* — аэрофотоснимок, *б* — план раскопа;. **IV.2 . Сельская усадьба**: *2* — усадьба в пригороде раннесредневекового Исбискета: *а* — аэрофото (холм еще не нарушен), *б* — план (разрез землеройными механизмами); ***3*** — усадьба 56; *4* — усадьбы 14 и 15 на высоких естественных холмах в пригороде Исбискета.

Поскольку на подавляющем большинстве обследованных памятников найден материал эллинистического времени, очевидно, что раннесредневековые и более поздние усадьбы (как это наблюдалось и с замками, и с другими объектами) занимали место древних поместий в силу удобства их расположения относительно водообеспечивающей системы.

V — караван-сарай — плоский холм квадратного или несколько вытянутого плана, рельеф которого выявляет широкую полосу застройки по четырем сторонам, окружающую прямоугольный двор (рис. 13).

VI — загородная резиденция правителя, высокопоставленного лица, дача — сооружение в ландшафтной среде, выявляемое регулярной арычной сетью или садово-парковой оградой, с холмом жилого павильона. Высоткой на которой возводилось жилое здание, по всей видимости, служили руины замка, оплывшего до холмообразного состояния (рис. 14).

Осмыслению руин, составивших рубрику «Загородная резиденция», способствовала планировка одного из загородных дворцов Тимура — Давлятабад в свете хроники путешествия к ханскому двору испанского посла Клавихо[35].

Б. Военная архитектура

Разной конфигурации и высоты холмы, оборонительные функции которых выражены валами периферийных стен, высотками башен и бастионов или их защитная роль (вал заставы) предполагается по ситуации местоположения.

Морфологические признаки крепости:

1. Замкнутое оборонительной стеной пространство с единственным, в отличие от города, въездом;
2. Преимущественно геометрический четкий абрис плана — круг, квадрат, прямоугольник, многоугольник;
3. Наличие (помимо башен и бастионов) кешка — жилого дома «коменданта» крепости, возможно, совмещающего и другие функции;
4. Полоса изначальной застройки по периметру (либо оставляющая проход вдоль стен, либо к ним прилегающая), долженствующая включать казармы, арсеналы, склады.

Поздняя застройка может сильно изменять облик крепости, и все же основные ее признаки, как правило, легко угадываются.

Как и крепость, защищенный оборонительной стеной город через свои ворота открыт в окружающую среду на все четыре стороны. Крепость же замкнута в себе. Предназначенная для военных целей крепость своей планировочной организацией и ограниченным пространством не оставляет места структурам, необходимым для жизни города, да и не имеет такой задачи.

---

[35] Перед садом Давлятобад, как пишет Рюи Гонзалес де Клавихо, расстилались обширные поля, по которым протекала река и множество каналов. В саду находился красивый дворец /Клавихо1990, 113, примечание 409/. Другие сады вокруг Самарканда, по описанию Клавихо, представляли собой огороженное глинобитной стеной хорошо организованное пространство площадью не менее 1х1 км, внутри которого находилось множество разных плодовых деревьев, тенистых аллей и больших водоемов, сад пересекал канал, «бурлящий поток». Центром сада являлся дворцовый павильон, сооруженный на искусственном холме. Холм, как правило, окружен глубоким рвом, наполненным водой, так как в него постоянно вливается вода из водовода. Рядом с садом располагались не меньшие по площади виноградники, обнесенные также глинобитной стеной (Клавихо 1990, 105-106, 110-113, см. прим. 405,409). См. также: Кабанов 1978, 67, 73-74.

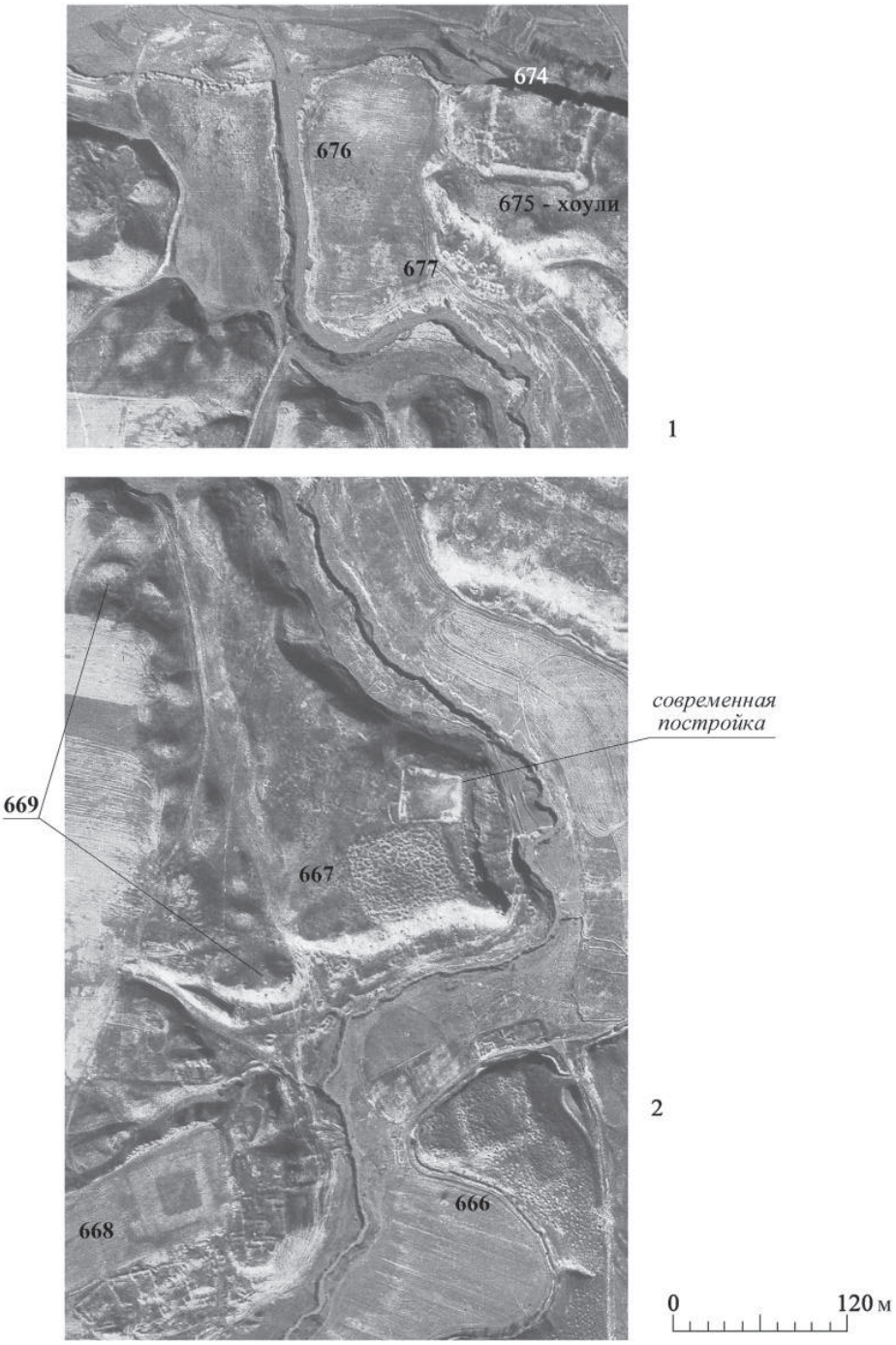
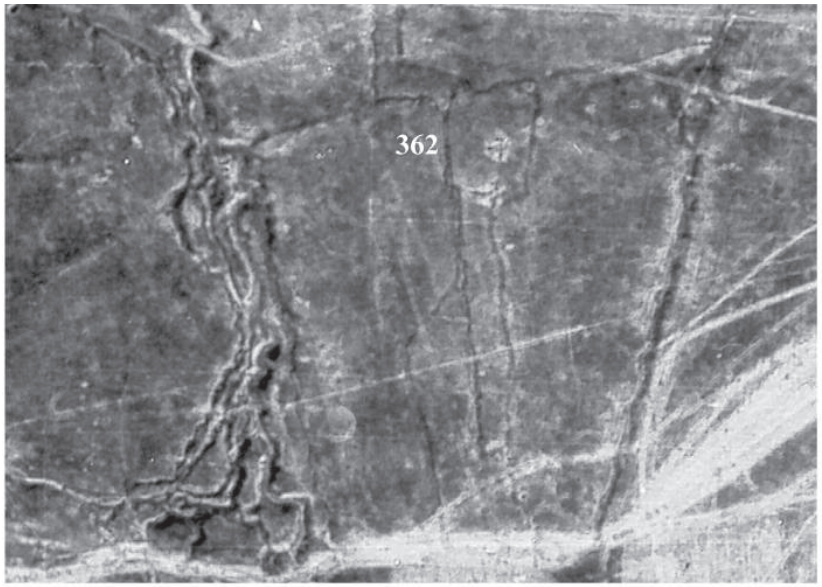


Рис. 13. **V. Караван-сарай**. Караван-сараи в низовьях Карасу, у переправы через Зарафшан. *1* — караван-сараи 676, 677; усадьба-хаули 675, включившая в свою ограду замок-кешк 674; *2* — караван-сараи 666, 667, 668; 669 — холмики вдоль предполагаемой караванной дороги, возможно, дома с торговыми лавками, кузницами и т.п.



1

2

Рис. 14. **VI. Загородная резиденция (дача).** *1* — тепе 362, окруженное руслами подведенных двух параллельных, затем коленчатым поворотом разведенных в разные стороны каналов; *2* — тепе 341 на площадке, окруженной стеной и пересеченной каналом с коленчатым руслом.

VII — Крепость.

VII.1 — круглая в плане: в кольце вала, в центре круга — холм крепостного кешка (рис. 15, *1-2*).

VII.2 — квадратная в плане, внутри каре стен свободное пространство двора-плаца, холм кешка на линии стен (рис. 15, *3-4*).

VII.3 — квадратная в плане, кешк внутри дворового пространства (рис. 15, *5-6*).

VII.4 — продолговатого плана, разного абриса (рис. 16, *1-4*).

Предположительно круглые крепости возведены не позднее 1-го тыс. до н.э.

К крепостям квадратного плана следует отнести и трапециевидные со слегка скошенными фасами и несколько деформированного плана (например, крепость 209), абрис которых определялся рельефом местности и водоотводами (рис. 16,*4*)

Квадратные в плане крепости, построенные в эллинистическое время, модифицировались в период раннего средневековья. Вероятно, менялись или расширялись функции кешка и теперь возводился новый мощный кешк, занимавший значительную часть двора.

В период раннего средневековья в архитектуре происходит переход на новые модули. Как в строительной технике квадратный кирпич сменяется продолговатым, так и план крепостей приобретает удлиненные пропорции (рис. 16, *1-4*).

Раннесредневековое время сооружения крепостей продолговатого плана можно предположить по составу материала, собранного на их руинах, что определенно выяснить возможно только раскопочными работами.

VIII — Застава

Нашим обследованием местности, а затем и дешифровкой аэрофотоснимков выявлены своеобразные оборонительные сооружения, названные нами заставами. Застава представляла собой незамкнутый отрезок довольно мощной стены протяженностью до 150 м. Рядом возводился замок, надо полагать, начальника заставы (рис. 16, *5-6*). Зачистки стены одной из застав (24) выявили кладки раннесредневекового периода, но на месте по крайней мере двух застав (24 и 58) находились какие-то сооружения эллинистического времени (рис. 16, *5-6*). Система застав фиксировала границы земель, входивших в сферу непосредственного подчинения городу Исбискету. Под контролем заставы находились, может быть, наиболее важные головные сооружения каналов.

Выявленные нами регулярно расположенные оборонительные сооружения: древние эллинистические и раннесредневековые крепости, заставы дают возможность предположить, что стихийные процессы расселения в удобных для ведения хозяйства местах не позднее середины 1-го тыс. до н.э. входят в русло, направляемое волевым решением власти. Линиями крепостных сооружений определяются действия центральной власти (например, по охране торговых путей), границы влияния местных властей, важные экономические и стратегические точки. В IV–VI вв. безопасность дорог дополнительно к действующим крепостям подкреплялась линией обороноспособных особо мощных замков (замки-крепости).

В отдельных районах (оазисах) такой большой страны, какой уже в середине 1-го тысячелетия был Согд, осуществлялась организация своих местных линий обороны. В Пастдаргоме цепь местных укреплений проходила по берегам (по преимуществу и по возможности крутым) крупных водных артерий — речек, саев и каналов.

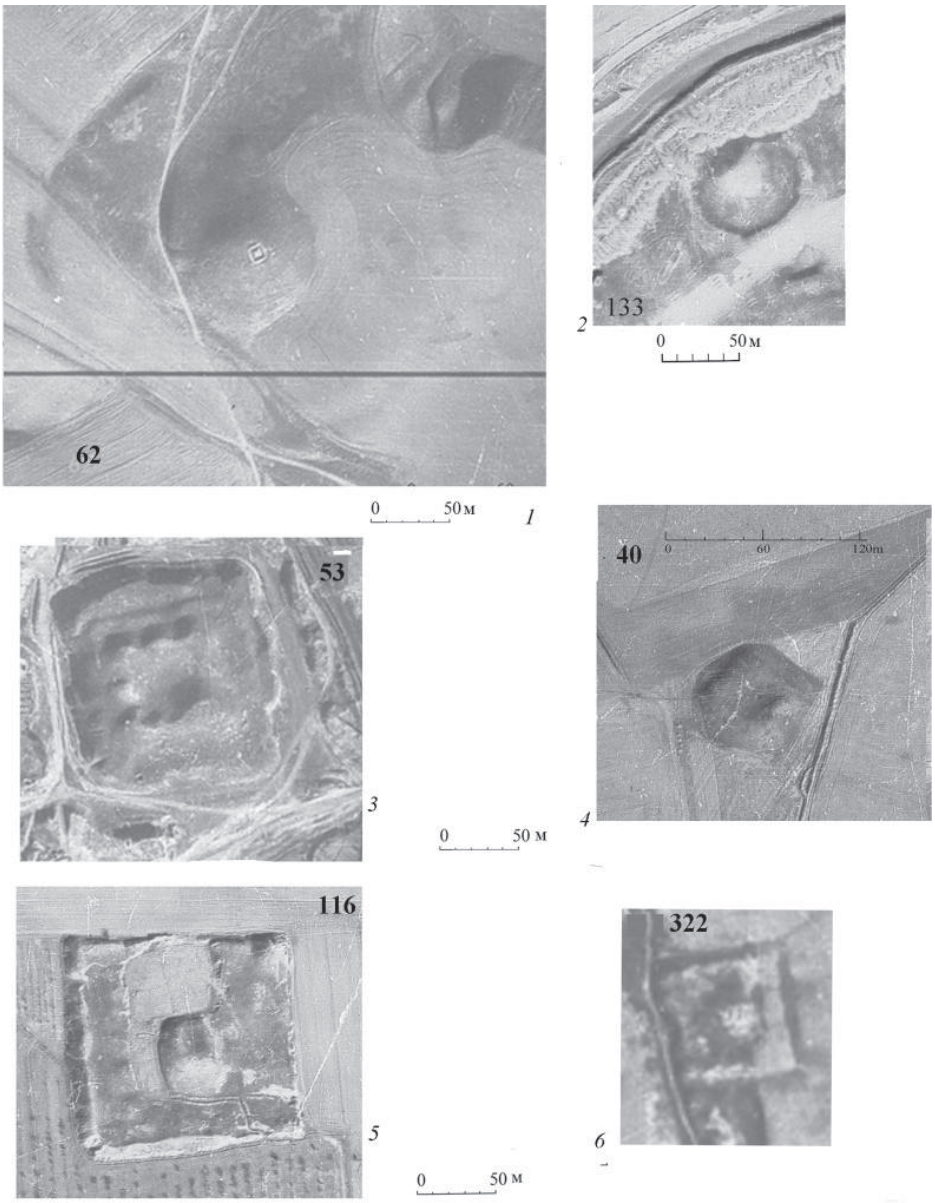


Рис. 15. **Б. Военная архитектура VI. Крепости. Круглые крепости середины 1-го тыс. до н.э. VII.1:** *1* — 62 (Караултепа), *2* — 133; **квадратная эллинистическая крепость VII.2:** *3* — 53, *4* — 40 — первые вв. до н.э.; **раннесредневековая крепость с эллинистической основой VII.3:** 5 — 116; *6* — 322.

Поскольку возведение крепостных сооружений, тем более в виде протяженных оборонительных линий, — это сфера государственной деятельности, то пример Пастдаргома бесспорно показывает, что в руках самаркандских ихшидов была достаточно крепкая централизованная власть.

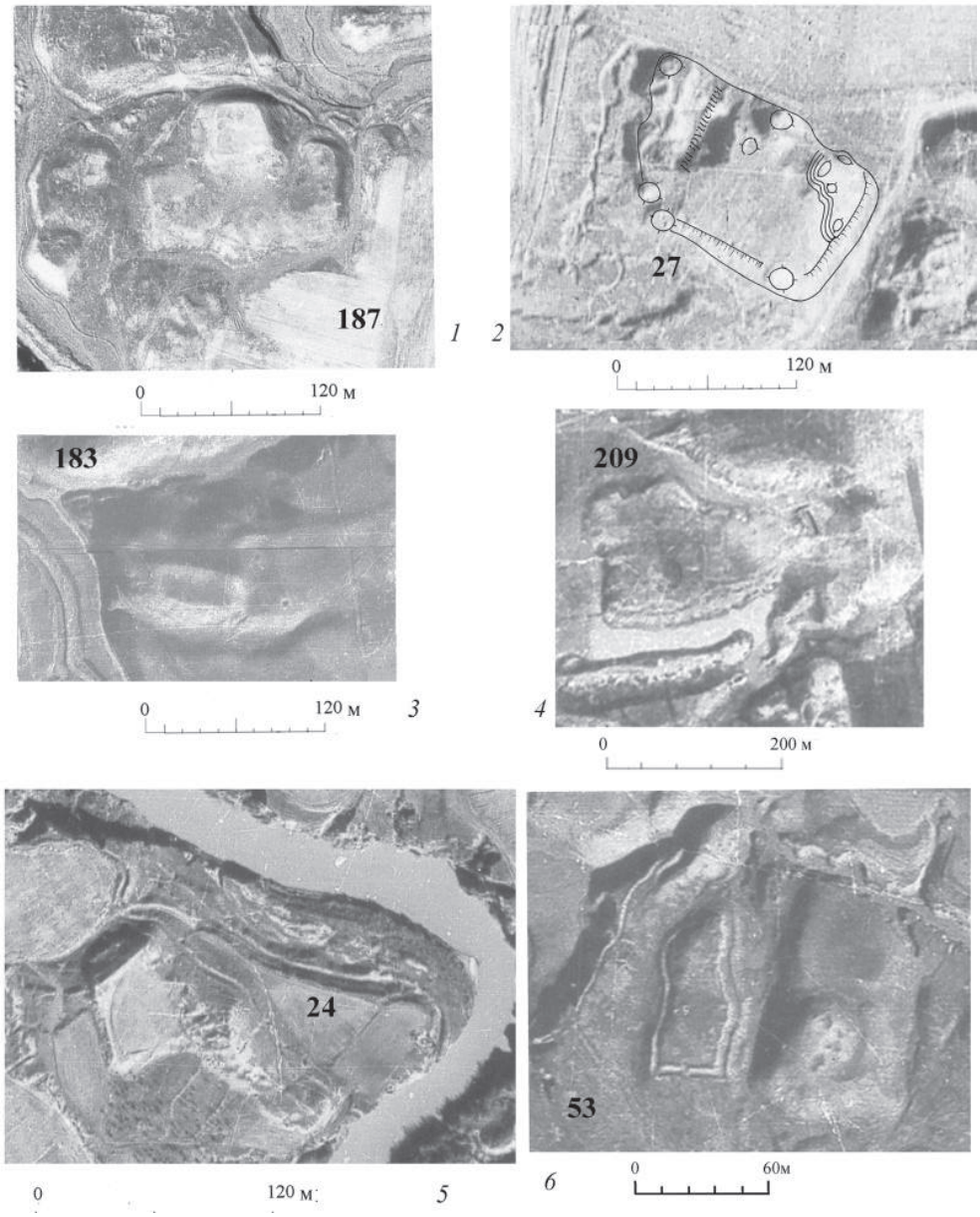


Рис. 16. **VII.4. Крепость продолговатого плана, разного абриса**: *1* — крепость 187 (дозорный пункт); *2* — крепость 27; *3* — крепость 183; *4* — крепость 209, дамбы. **VIII. Застава**: *5* — застава 24 (Курачи); *6* — застава 58.

В. Культовые и связанные с ними постройки.

IX — загородный храм, мечеть-намазгох. Храм может скрываться любым моноструктурным холмом, предположительно как храм может интерпретироваться и монументальное здание в ограде (рис. 17, *1*). Мечеть определяется михрабной нишей и минаретом (рис. 17, *2, а,б*).

X — монастырь, хонако (странноприимный дом на месте паломничества) – теоретически монастырь по морфологии холма может быть близок караван-сараю. Хонако — здание с полосой застройки худжрами, менее значительное по масштабам, чем монастырь или караван-сарай (рис. 17, *3*).

Г. Погребальное сооружение.

XI — дахма (рис. 18, *1*) — морфологически не отличается от замка-кешк, интерпретация при осуществлении осмотра, в лучшем случае, возможна по находкам возле холма обломков костей и оссуариев или раскопок, как в случае дахмы Еркургана[36] и дахмы в пригороде Дурменя, раскоп-2[37].

XII — некрополь, отдельное захоронение.

XII.1 — курганный некрополь.

Разные по диаметру и высоте холмы, организованные в регулярные цепочки или скопления (рис. 19. *1,2*). По аэрофотоснимкам выявляются уничтоженные насыпи в виде светлых или темных кружков (рис. 19, *3*).

XII.1.1 — одиночный курган может быть определен как погребальное сооружение только по ситуации. В качестве кургана (для впускных погребений) могли использоваться оплывшие руины древних сооружений, например, цитадель Куктепе[38], раннесредневековая усадьба в пригороде Дурмена (Раскоп-12)[39].

XII.2 — грунтовый могильник или наземные погребения, перекрытые сводом-сагана.

Разного рода подземные погребальные сооружения с небольшой насыпью или надгробием. Чаще всего такие древние и средневековые погребения, как, например, на Турт-тепе (раскоп 1) на городище Дурмен и в его восточном пригороде (раскоп 12), выявляются только раскопами[40].

XII.2.1 — одиночная почитаемая могила.

XII.3 — некрополь мавзолейный (группа мавзолеев, наусов). Постройки целевые (рис. 19, *3*). Захоронения в наземных архитектурных сооружениях (некрополь Кафыр-калы[41], наусы в западном пригороде раннесредневекового Исбискета, раскоп 4).

XII.3.1 — отдельно стоящий наус, мавзолей.

---

[36] Сулейманов 2000, 115-120 .
[37] Шишкина 2005, 755-775; Куркина 2005, 56-61.
[38] Rapin et al 2001, 33-92.
[39] Наймарк, Яковлев 2005, 71-72, рис. 2, погребения 6,8.
[40] Шишкина 1995, 53-66
[41] Сухарев 1938.

XII.4 — захоронение очищенных костей в руинах, используемых в качестве науса. Заброшенные замки Сарытепе[42], Кумарык (61)[43] на прибрежной дороге; замок «усадьба» близ Кафыр-калы[44], крепостные стены древнего Самарканда[45], Дурмен, раскоп-13.

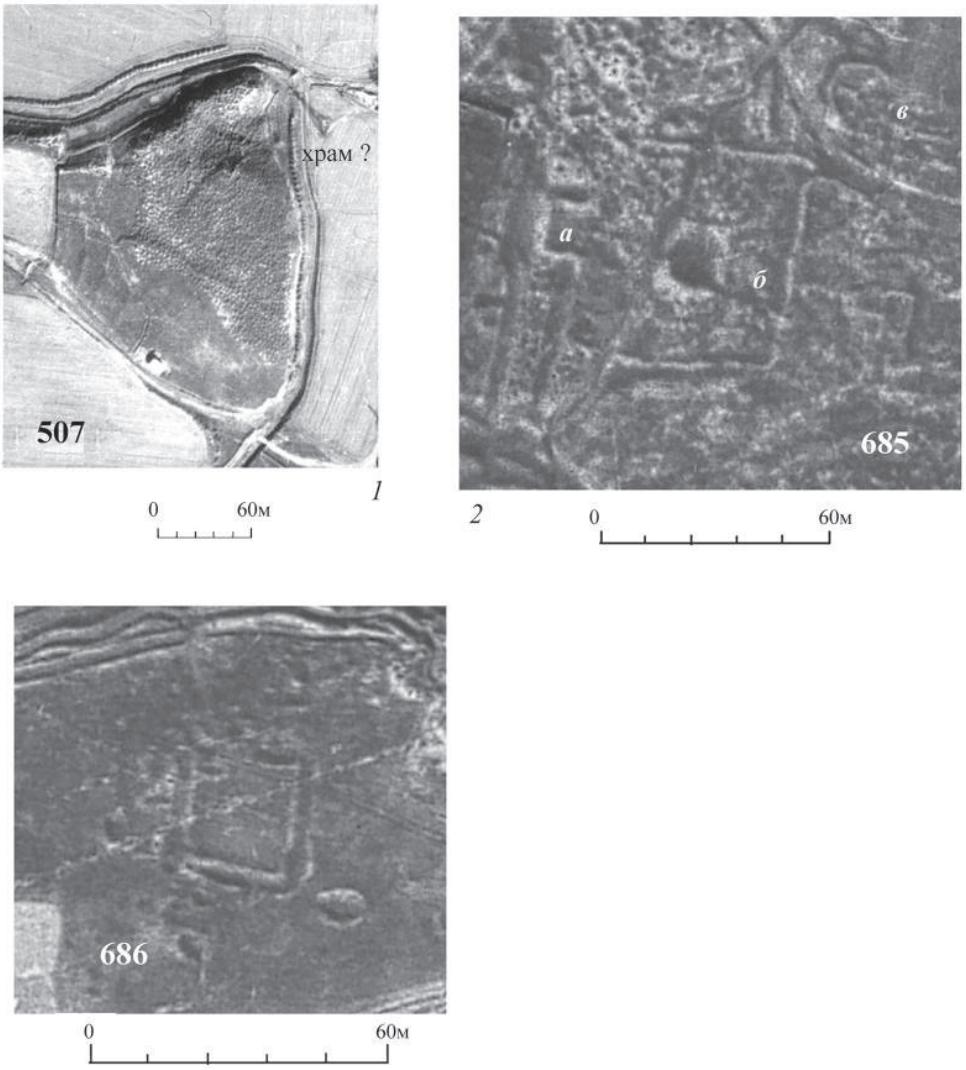
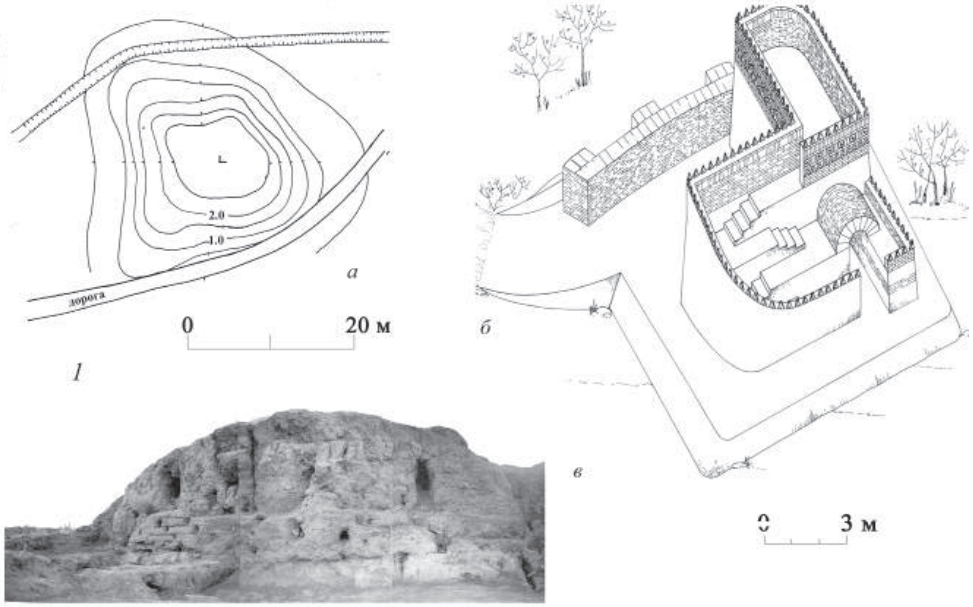


Рис. 17. **В. Культовые и связанные с ними постройки. IX. Храм, мечеть**: *1* — сельский храм(?), застава 507; *2* — мечеть 685: *а* — михрабная ниша; *б* — павильон; *в* — минарет, квадраты и прямоугольники вокруг — мавзолеи (**XII**). **X.** Хонако: сооружение неясного назначения 685 (может быть, хонако) на территории более раннего села 684 (см. рис. 6,2).

[42] Павчинская, Ростовцев 1988, 91-101.
[43] Жўракулов, Хамидов 2001, 60-62.
[44] Шишкина 1961, 218-220.
[45] Кириллова 2004, 87-88.



2

Рис. 18. **Г. Погребальное сооружение. XI. Дахма**: *1*, *а* — план тепе 2 в южном пригороде Исбискета; *б* — реконструкция первого строительного периода Е. А. Куркиной, *в* — восточный фасад дахмы после расчистки, широкие щели отмечают размытые стыки кладок. **XII.3.** Некрополь мавзолейный: *2* — 599: на снимке под пашней прослеживается дорога, подводящая к большой постройке (ограде), по сторонам дороги — мавзолеи или так называемые “дахмы” (возвышенное сооружение с группой захоронений).

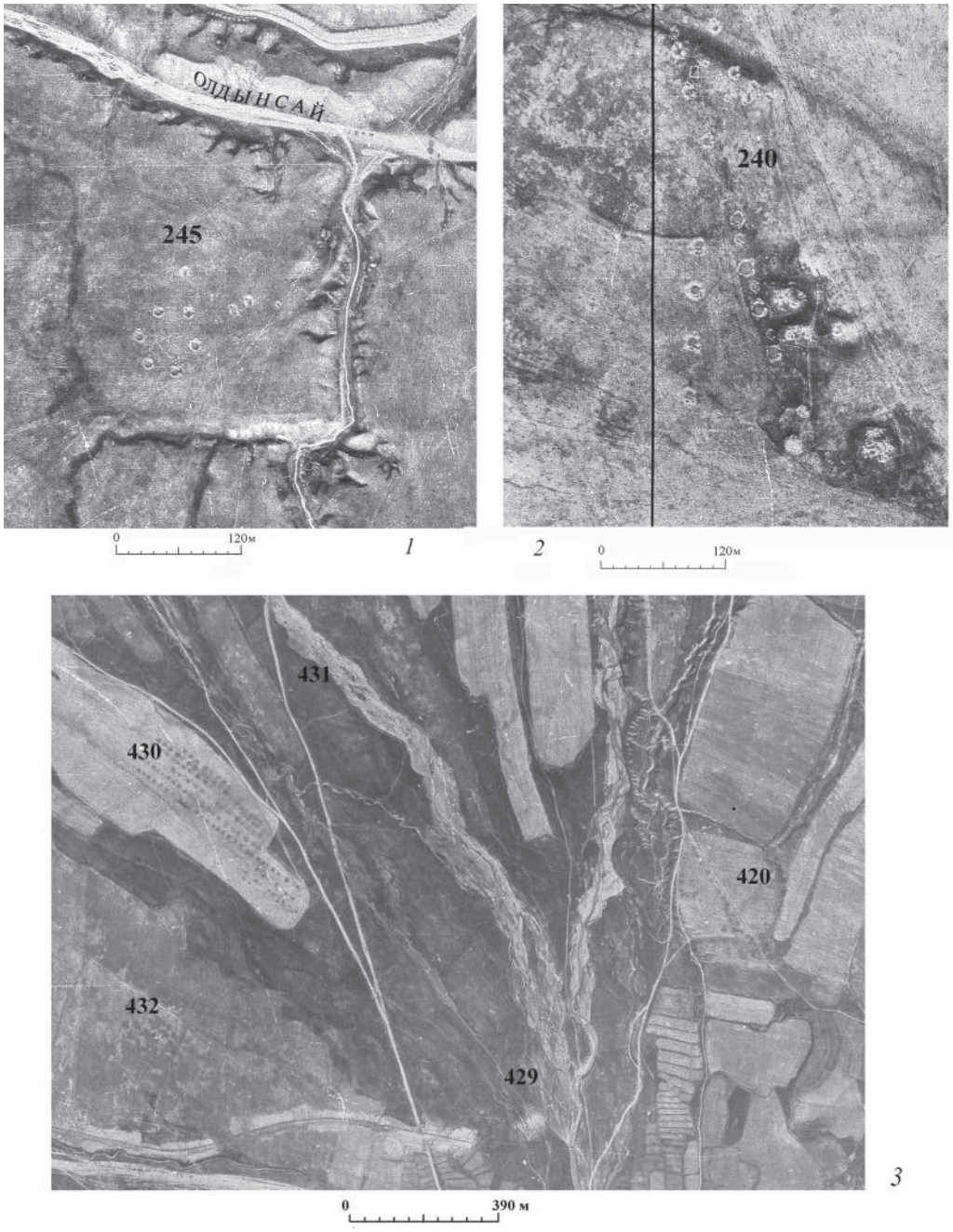


Рис. 19. **XIII.1. Курганный некрополь**: *1,2* — курганные могильники в предгорной зоне: 245 — курганы (9 раскопаны), 240 — курганные цепочки (не менее 19-ти курганов (раскопаны); *3* — 420, 430, 432 — скопления и цепочки пятен несохранившихся курганных насыпей, 431 — скопление и цепочка курганных насыпей, 429 — замок-кешк **(III.1.1).**

Д. Гидротехнические сооружения.

XIII — канал, арык — на местности нередко видно углубленное ложе наиболее крупных водотоков. На аэрофотоснимке в виде темных полос разной ширины прослеживаются и крупные, и мелкие оросители, и видимые, и незаметные с земли (рис. 10, *4*). Наблюдая за направлением канала по аэрофотоснимку, удается выявить объекты смазанного рельефа, полууничтоженные и трудноопределимые, особенно это касается усадеб и селений

XIV — кяриз — выявляется цепочкой колодцев с окружающим их кольцом выброса, тянущейся от предгорья в равнину (рис. 20).

XV — водоем открытый — выявляется темным пятном на более светлом фоне аэрофотоснимка (рис. 10, *3*).

XVI — водоем крытый — сардоба — в районе Пастдаргома нами не отмечен.

XVII — водозаборное устройство — предполагается на местах вывода каналов и более мелких оросителей.

В наиболее важных пунктах водозабор сопровождается укреплением в виде заставы и контрольно-сторожевого замками.

XVIII — плотина, дамба, запруда — валы в паутине русел Олдынсая и на других водотоках (рис. 10, *4*). Например, известная из письменных источников плотина в месте Варагсер в 4-х фарсахах от Самарканда[46].

XIX — водоподъемное устройство — намечается, например, по чигирной яме (городище Афрасиаб, возле берега канала в районе Шахи-Зинда, см.: Немцева, 1966, с. 202).

XX — акведук — нами не отмечен.

Е. Сельскохозяйственные угодья.

XXI — поля, виноградники, сады, огороды — поля на юге нашего района выявляются системой параллельных каналов и полевых карт, пронизанных сетью мелких оросителей (рис. 10, *4*).

Ж. Горные выработки.

XXII — открытые выработки, штольни и др. — не были предметом наших исследований.

Неизбежные ошибки в интерпретации археологических объектов на аэрофотоснимках в результате все же оставляют надежду на достаточную правдоподобность полученной картины системы освоения района в силу специфики архитектурных форм (преимущественно замков и крепостей), наиболее полно представленных для времени раннего средневековья. Что же касается периода более раннего, то цепочки крепостей, датируемых на основании особенностей планировки (квадратный план, свободный от застройки внутренний двор-плац, включенный в периферийную застройку кешк), строительные приемы, выявленные при зачистке крепостной стены, и собранный на обследованных памятниках материал, дают возможность сопоставления системы расселения эллинистического времени с последующим раннесредневековым, выявляя их сходство.

[46] Бартольд 1963а, 133.

Устойчивость локализации, в частности землевладельческих поместий на протяжении тысячелетия, вероятнее всего, объясняется устойчивостью сети водоснабжения, хорошо продуманной с самого начала ее организации на базе пучков естественных русел саев, стекающих с отрогов Зарафшанского хребта.

Типология археологических памятников, на первый взгляд представляющаяся сугубо формальной, уже в процессе работы над ее принципами и определяющими признаками ставит разнообразные вопросы (в числе которых и касающиеся организации согдийского общества в исторической перспективе) и предоставляет возможность их решения.

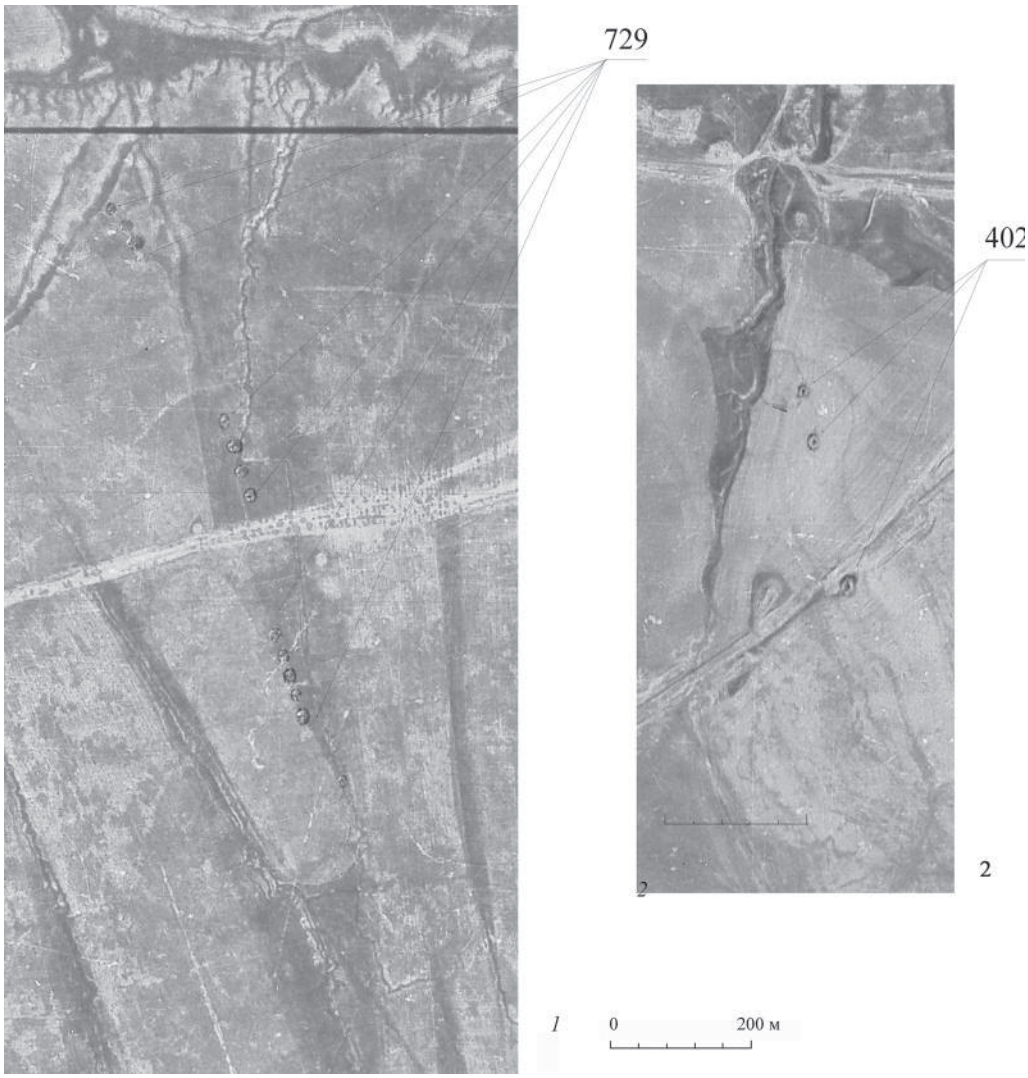


Рис. 20. **Д. XIV. Гидротехнические сооружения. Кяриз.** *1* — линия кяризных колодцев 729 в предгорьях вдоль Агалыксая; *2* — кяризные колодцы 402 близ Тепакульсая.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В. В. 1963а: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. М.

Бартольд В. В. 1963б: История культурной жизни Туркестана. Т. II. Ч. 1. / Б. Г. Гафуров (ред.). М., 169-393.

Бердымурадов, А.Э., Самибаев М. К. 1999: Храм Джартепа. Ташкент.

Бетгер Е. К. 1957: Извлечение из книги «Пути и страны Абу-л-Касыма ибн Хаукаля» // Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 14-27.

Бурякова Э. Ю. 1985: Южные ворота столицы Согда. Архив Института археологии АН РУз. Фонд 4. О-1. Дело №159.

Вишневская Н. Ю. 2005: Сельское поселение X — начала XI веков на территории городища Дурмен // Материальная культура Востока. 4 / Л. М. Носкова (ред.). М., 101-133

Жўрақулов М. Ж., Хамидов А. 2002: Қумариқ топилмаси // Археологические исследования в Узбекистане в 2001 г. / Т. Ш. Ширинов (ред.). Ташкент, 60-62.

Галиева З. С., Иневаткина О. Н. 2005: Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменсая) // Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского. Москва, 3-5 апреля 2003 г. / Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев (ред.). М, 275-291.

Иваницкий И. Д. 1990: Жилой дом в Самаркандском Согде // ИМКУ. 24 /А. А. Аскаров (ред.), 126-134.

Иваницкий И. Д. 1992: Саратепе 2, поселение керамиков середины 1-го тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. 26 / А. А. Аскаров (ред.). 22-41.

Иваницкий И. Д. 2005: Согдийские поселения Пулад и Ляйлякуй // Материальная культура Востока. 4. / Л. М. Носкова (ред.). М., 48-58.

Иневаткина О. Н. 2002: Фортификация акрополя Самарканда // Материальная культура Востока. 3 /Л. М. Носкова (ред.). М., 24-46.

Иневаткина О. Н. 2010: Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // Материальная культура Востока. 5 / Л. М. Носкова (ред.). М., 6-26

Иневаткина О. Н. 2010: Бухарские дороги Самаркандского Согда // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы конференции к 80-летию Г. В.Шишкиной. Москва. 23-25 августа 2010 г. / С.Б.Болелов (ред.). М., 56-57.

Мухаммад Наршахи. 1897: История Бухары. Ташкент (пер. Н. Лыкошина).

Кабанов С. К. 1978: Археологическая разведка в Придаргомской степи // ИМКУ. 14, / А. А. Аскаров (ред.). 66-78.

Кириллова О. В. 2004: Оссуарный некрополь на Афрасиабе (по материалам Р-35) // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Академии Наук Республики Узбекистан Ю. Ф. Бурякова / Т. Ш. Ширинов (ред.). Самарканд, 87-88

Куркина Е. А. 2005: Реконструкция дахмы Исбискета // Материальная культура Востока. 4, 59-65

Наймарк А. И., Яковлев А. А. 2005: Сельская усадьба третьей четверти VII в. в окрестностях городища Дурмен // Материальная культура Востока. 4, 66-86.

Немцева Н. Б. 1969: Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб / Я. Я. Гулямов (ред.). Ташкент, 153-205

Павчинская Л. В., Ростовцев О. М. 1988: Оссуарии из Сарытепе // ИМКУ. 22 / А. А Аскаров (ред.). Ташкент, 91-106.

Пилипко В. Н., Кошеленко Г. А. 1985: Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 209-224.

Пилипко В. Н. 1985: Побережье Средней Аму-Дарьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 243-249.

Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. 1990: Северная Бактрия-Тохартистан: Очерки истории и культуры: Древность и средневековье. Ташкент.

Распопова В. И., Шишкина Г. В. 1999: Согд // Средняя Азия в раннем средневековье / Г. А Брыкина. (ред.). М., 50-77.

Руи Гонсалес де Клавихо 1990: Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) (пер. И. С. Мироковой). М.

Ростовцев О. М., Иваницкий И. Д. 1977: Работы в Самаркандской области // АО 1976. М., 540.

Сулейманов Р. Х. 2000: Древний Нахшеб. Ташкент.

Сухарев И. А. 1935-1936: Работа над составлением археологической карты Самаркандской группы районов // Архив ГМИКИУ. № 558 (старый № 347).

Сухарев И. А. 1938: Отчет по раскопкам зороастрийских наусов городища Кафыркала // Архив ГМИКИУ. Д. 568. Самарканд.

Шишкина Г. В. 1961: Раннесредневековая усадьба под Самаркандом // ИМКУ. 2 / Л. М. Носкова (ред.). Ташкент, 193-223.

Шишкина Г. В. 1995: Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории культов Средней Азии (христианство) / Л. И. Жукова (сост.). Ташкент, 56-63.

Шишкина Г. В. 2005: Сооружение у стен Исбискета // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского. Москва, 3-5 апреля 2003 г. / Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев (ред.) М., 755-775.

Шишкина Г. В., Наймарк А. И. 1987: Историческая топография Дурмен-тепе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. Суздаль; М., 56-57.

Шишкина Г. В., Иневаткина О. Н. 2006: К решению проблем истории культуры Самаркандского Согда // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005, №3(40) / Ю. Л. Воротников (ред.). М., 37-49.

Rapin, Cl., Isamiddinov, M., Khasanov, M. 2001: 'La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, janvier-mars, 33-92.

Grenet. F. 2005: Marakanda /Samarkand, une metropole pre-mongole. Sours ecrites et archeology // Annales HSS, septembre-decembre 2004, n 5-6, Edition de l' Ecole des Hautes Etudes en siences sociales. Paris, 1043-1067.

Shishkina, G.V. 1996. Ancient Samarkand: Capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute 8, 1994 / B.A Litvinskii and C. H.Bromberg (eds.), 81-99.

WESTERN LANDS OF SAMARQAND SOGHD. TYPES OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS

G. V. Shishkina, O. N. Inevatkina

The paper advances the typology of Samarqand Soghd archeological monuments on the basis of archeological study of Durmen settlement (the ancient Isbisket) and archeological survey undertaken by Central Asian expedition of State Museum of The East Nations Art in 1986–1991 in Pastdargom District of Samarqand Province in Uzbekistan. Twenty two types of monuments are identified, including dwellings, military architecture, worship buildings, burial monuments, hydraulic facilities, arable land and excavation facilities, etc.

Key words: Central Asia, Soghd, archeology, aerophotography, monument typology, historical landscape

© 2012

Н. Д. Двуреченская

МАСШТАБНОЕ СООРУЖЕНИЕ РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА НА КАМПЫРТЕПА

Уникальное сооружение 36 (32×7×4,5 м), расположенное в восточном секторе Кампыртепа, было построено в раннеэллинистический период. Оно функционировало в качестве жилья до конца греко-бактрийского времени. Последний этап жизни в нем хорошо датирован монетой Евкратида, а также данными радиоуглеродных исследований. Археологический комплекс первого периода сооружения представляет материалы, иллюстрирующие основные вехи истории от эллинистической экспансии в регион Бактрии до времени синкретического сплетения эллинистической и местной материальных культур. Второй период сооружения связан с изменением его функционального значения и использованием его площади под размещение производства, с применением открытого обжига, относится к юэджийскому времени. Сооружение 36 пока не находит прямых аналогий в Бактрии и является одним из важных объектов, в понимании истории раннего этапа не только Кампыртепа, но и эллинистической эпохи бактрийского региона в целом.

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, Кампыртеп

Личности такого масштаба, как Борис Анатольевич Литвинский, оставляют по себе необычайно широкий след.

Я не могу не рассказать о двух эпизодах из его жизни, свидетелем которых мне довелось быть. Первый из них характеризует его как человека, поистине служившего науке, порой попирая даже самые насущные свои личные нужды. Борис Анатольевич был оппонентом моей диссертации, и накануне защиты он серьезно заболел, ему настоятельно рекомендовали лечь в больницу. Однако он отказался от госпитализации, чтобы иметь возможность лично присутствовать на защите и довести, как он считал необходимым, дело до логического завершения. И как стало мне известно позже, это был далеко не первый случай в его жизни.

Второй эпизод связан как раз с тем временем, когда Борис Анатольевич уже лег в академическую больницу в Ясенево и ожидал операции. Будучи атеистом, даже в такой исключительно тяжелой ситуации он не только не терял присутствие духа, но и умел шутить и смеяться над собой и окружающей действительностью. Так, он накануне операции, смеясь, рассказывал, как с трудом отбился от священника, который перепутав палату, пытался добиться от него покаяния и хотел отпустить ему грехи. На что Бориса Анатольевич ему ответил: «Я не ваш, и поймите, я даже не их!».

После операцию отменили, болезнь несколько отступила, и еще два года Борис Анатольевич служил науке, дописав за это время третий том «Храма Окса» и почти завершил книгу «Калаи-Кафырниган».

Исследованиями Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН за последние годы в восточном секторе

Двуреченская Нигора Давлятовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail: nigoradvur@mail.ru

Рис. 1. План Кампыртепа с указанием расположения сооружения 36. Чертеж.

«нижнего города» крепости Кампыртепа был открыт ряд уникальных сооружений, датируемых эпохой эллинизма. Одним из них является масштабное сооружение 36, впущенное в материк (рис. 1).

В 2007 году, благодаря закладке стратиграфического шурфа и разреза, была вскрыта часть этого сооружения. Позднее здесь был заложен раскоп с дополнительной прирезкой. Для этого потребовалось провести доследование и снос двух помещений №11 и 12, которые перекрывали сооружение 36 сверху[1]. Снос стен этих рядовых помещений кушанской застройки дал возможность расширить площадь раскопа до 60 кв. м.

При доследовании кушанских пом. 11 и 12 была выявлена их изначальная планировка, последующие этапы обживания и получен комплекс керамики и индивидуальных находок. Датировку раннекушанским периодом подтверждает археологический комплекс с первого пола. Он включал две монеты Сотер Мегаса, одна из которых была обнаружена на полу у прохода в пом. 11, а вторая — в бутовочном слое под стеной пом. 11–12. В этот период было возведено помещение размером 3×6 м, имевшее ярко выраженный жилой характер. Лишь позднее оно было разделено перегородкой, которая была возведена на накопленном культурном слое мощностью 0,2 м от уровня первого пола. В результате образовалось два смежных помещения №11 и 12 с проходом в северной части. В пом. 11 в северо-

[1] Кушанские помещения №11, 12 ранее были исследованы К. Шейко (Шейко 2000, 75, рис.1)

восточном углу в пол был вмурован хум, от которого сохранилась нижняя треть. В пом. 12 под восточную стену перегородки уходит пятно концентрации золы, маркируя верхний уровень культурного слоя, накопленного еще до ее возведения.

Комплекс керамического материала и индивидуальных находок также соответствует раннекушанскому периоду. Среди находок можно отметить керамическую солонку, которая находит близкие аналогии на памятнике Мирзакултепа[2]; костяную поделку в виде подвески–шишечки с резным орнаментом; бронзовую булавку с шаровидным навершием, железное шило, мраморные пряслица с рельефным профилем, выточенные на токарном станке.

После сноса двух стен кушанских помещений №№ 11 и 12 основной раскоп был расширен. Разбор культурного слоя во вскрываемом сооружении 36 велся по пластам мощностью в 0,2 м. В течение нескольких полевых сезонов 2008–2011 гг. удалось в рамках всего раскопа (за исключением останца и бровок) дойти до материка и полностью установить стратиграфию напластований, выявить конструкцию сооружения на вскрытом участке.

По итогам работ выделяется три основных хронологических этапа функционирования сооружения (рис. 2).

1 этап (эллинистический) — сооружение вырублено в материке, от уровня древней дневной поверхности на глубину до 4,5 м. Оно имеет восточный более отвесный борт и западный более пологий. Так, ширина сооружения у древней дневной поверхности 6,5 м, а на самом дне сводится к 2,5–3 м (рис. 2, 3б). В целом же уровень материкового дна сооружения 36 от его входа до юго-восточного угла раскопа имеет небольшой уклон в юго-восточном направлении. Верхний край материковых бортов в наиболее сохранившихся участках имеет небольшой сводчатый выступ внутрь сооружения. По всей видимости, данный прием позволял несколько сократить длину пролета для конструкций легкого перекрытия.

В восточном борту на высоте 0,6 м от уровня материкового пола (на отметке — 7,5 м) зафиксировано две небольших ниши (размером 0,35×0,25×0,25 м) с закопченными и прокаленными бортами, которые использовались, по всей видимости, для установки осветительных приборов. Выше при зачистке этого же борта была выявлена большая и глубокая ниша вырубленная в нем. Она имела свод в виде полуциркульной арки. Размер ниши 1,25 м в высоту, столько же в ширину и более 1 м в глубину. Полностью ее расчистка не была завершена из соображений безопасности. Ниша была расположена выше уровня материкового дна сооружения более чем на 2 м. В ее заполнении материал отсутствовал.

Стратиграфия напластований, относимых к первому хронологическому этапу, на всей вскрытой площади раскопа однотипна. Она представлена плотным светлым слоем, насыщенным карбонами, угольками, гумусными линзами, печиной, фрагментами керамики, костями животных и индивидуальными находками. Однако принципиально отлична сохранность этого слоя в разных частях раскопа. Так, если в северной половине сохранилось до 1,5 м мощности слоя, то в южной — не более 0,25 м от уровня материкового дна сооружения (– 8,23), что обусловлено характером эксплуатации данного участка на втором этапе функционирования сооружения.

---

[2] Пидаев 1978, 39, 41, рис.9.

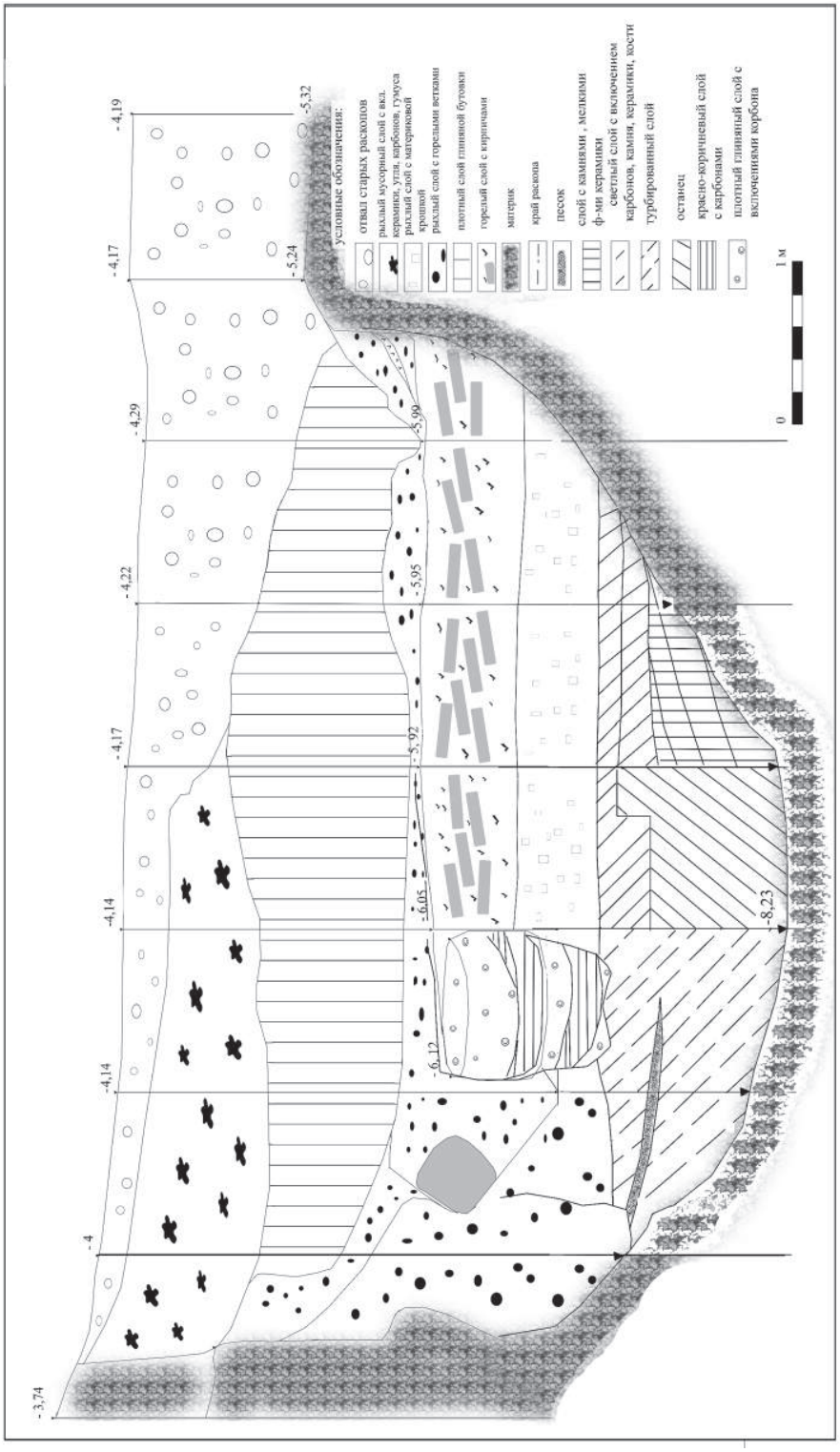


Рис. 2. Стратиграфический разрез А-А1 сооружения 36. Чертеж.

В свою очередь, разная сохранность слоя предопределила методику исследований. В южной части раскопа разбор культурного слоя велся по пластам. В северной части — по пластам и дополнительно был разбит на 4 квадрата с оставлением контрольных стратиграфических бровок. Это позволило получить комплекс эллинистической керамики условно закрытого характера.

Несмотря на однородную стратиграфию первого этапа, необходимо отметить, что функционально он разбивается на три временных отрезка.

К первому относится время постройки и начало обживания с уровня материкового дна сооружения по уровень первого пола включительно. На материковом выровненном и гладком дне сооружения среди индивидуальных находок можно выделить глиняные необожженные ядра для пращи, крупные дисковидные обожженные грузила. Керамический комплекс включает в основном формы столовой посуды, в частности, многочисленные фрагменты кратеров, чаш, кубков, встречены также фрагменты кувшинов.

Выше материкового дна на 0,25 см был зафиксирован и расчищен первый пол. На нем был собран аналогичный керамический комплекс, который содержал фрагмент необычного светлоглиняного сосуда с цилиндрической горловиной, без ангоба. Морфологически наиболее близкие аналогии последний находит среди курганзольских и кызылтепинских материалов. В целом полученный комплекс может быть отнесен к ранне эллинистическому времени.

На втором отрезке функция сооружения кардинально изменяется. На том же первом полу в юго-восточной части раскопа были зафиксированы останки нескольких людей в виде разрозненных костей и черепов. Один череп лежал на боку, рядом были обнаружены еще две нижние челюсти, здесь же разрозненные кости: позвонок, кости руки, кости ноги, не потревоженные в сочленении (бедерная кость и голень), несколько ребер. Один череп, стоявший в полуметре к югу, удалось расчистить почти без повреждений. Он стоял, как если бы был поставлен в виде отчлененной головы. Под ним располагался фрагмент стенки крупного сосуда. Останки не были потревожены прокалом и производственными конструкциями более позднего второго периода. Стратиграфия южного и восточного бортов раскопа четко выявляет границу наслоений первого и второго этапа, которая проходит всего на 0,05 м выше макушки открытого черепа.

Захоронение костных останков на полу, по всей видимости, было произведено в период, когда сооружение 36 было оставлено. Стратиграфически этот период никак не вычленяется. Нет видимых прослоек, свидетельствующих о сколько-нибудь длительном запустении и в северной части раскопа, там, где слой первого этапа сохранился на 1,5 м и в принципе однороден по всей своей мощности, из чего можно сделать заключение о крайне непродолжительном времени использования сооружения в качестве места для погребения. Из-за того, что вышележащие слои на участке с погребением разрушены котлованами сооружений второго этапа, мы не можем сказать, как происходил в дальнейшем процесс освоения помещения. Невозможно установить, были ли останки затянуты естественным путем, или были искусственно засыпаны, или этот участок вовсе не был освоен.

Следует отметить, что на соседнем памятнике ахеменидского времени Шортепа ранее были зафиксированы также разрозненные костные останки нескольких людей, в том числе хорошо сохранившийся череп[3].

И, наконец, третий отрезок первого этапа представлен культурным слоем почти метровой мощности, образовавшимся с момента возобновления жизни в рамках этого сооружения. Предварительно он может быть отнесен к греко-бактрийскому времени. Среди индивидуальных находок рассматриваемого этапа, расположенных выше уровня захоронений, необходимо отметить фрагмент кувшина, изготовленного восстановительно-окислительным обжигом, покрытого темно-серым ангобом с рельефным оттиском под ручкой в виде виноградного листа (рис. 4 д). Аналогии известны в материалах Ай-Ханум, однако не в керамике, а в бронзовой отделке мебели[4]. Также можно отметить наличие глиняных ядер для пращи, дисковидных и пирамидальных грузил, каменных терочников, пестов, а также точил.

В северной части раскопа на отметке (– 7,20) был выявлен уровень последнего сохранившегося (верхнего) пола. На нем в квадрате №1 была обнаружена серебряная монета — обол Евкратида ранней серии (рис. 4е)[5].

Таким образом, первый стратиграфический и хронологический этап функционирования сооружения 36 охватывает промежуток от раннеэллинистического времени и завершается в середине — последней трети II до н.э. Он характеризуется в основном жилым характером использования, за исключением непродолжительного отрезка времени, когда на уровне первого пола было совершено захоронение.

2 этап (юэджийский) — стратиграфически этот период четко отделен от предыдущего. Он представляет собой горелый слой, который фиксировался на площади всего раскопа, состоял из мощного настила обгорелых веток, достигающих в диаметре до 5 см, расположенных снизу и в большей части сохранивших свою структуру, а также из продуктов горения в виде угля, золы и пепла, обожженного лесса охристого цвета, поверх которых располагались кирпичи, подвергшиеся нецеленаправленному обжигу. Большая часть крупноформатного кирпича лишь приобрела рыхловатую структуру и охристый цвет. Формат кирпичей от 37×37×10–12 до 42×42×16 см. Кирпичи имеют прочерченные по сырой глине знаки и следы, в том числе от детских ног, собачьих лап и т.п.

Слой, несмотря на рыхлость, не был потревожен, т.к. горелые ветки сохранили первоначальную форму, тогда как при малейшем прикосновении они рассыпались и теряли структуру. При разборе горелого слоя стало очевидным, что он не был равномерно распределен по всей площади, а в разных частях сооружения имел разную мощность и представлял из себя несколько участков концентрации. Если в северной половине раскопа горелый слой с кирпичами был расположен на широкой площади и залегал почти горизонтально, то в бортах южной половины раскопа стало очевидным, что здесь этот слой имел вид углубленных чашевидных

---

[3] Об обнаружении на Шортепа захоронения нескольких черепов нам любезно сообщил В. Макробородов.

[4] Francfor 1984, pl. XX, n. 27

[5] Bopearachchi 1991, 201, serie 3, 18–21, hl. 16, F. Необходимо также отметить, что ранее, при закладке стратиграфического шурфа в 90-х годах, выше описываемого нами уровня в переотложенном слое был обнаружен обол Деметрия (Ртвеладзе, Горин 2011, 189, 203).

ям очень большого диаметра (до 8–10 м), развернутой сферической формы и глубиной до 2,5 м (рис. 2, 3б). С небольшими смещениями эти ямы организовывались на одном и том же месте, прорезая более ранние. Именно поэтому ранние эллинистические слои наиболее пострадали в южной части раскопа, сохранившись здесь на высоту не более 0,25 м от материкового дна.

Таким образом, площадь внутри сооружения 36 на втором этапе использовалась под организацию широко площадного открытого обжига. Многократность использования хорошо прослеживается в стратиграфии. Можно отметить, что вначале устройство для обжига имело горизонтальный характер, фиксируемый в северной половине раскопа, что, вероятно, не позволяло достичь желаемой температуры. Постепенно характер меняется в сторону устройства воронкообразных или чашевидных конструкций, в которых удалось достигать очень высокой температуры. Так, в последней чашевидной яме, уходящей в южный борт раскопа, прокал достиг мощности около 1 м. Несколько изъятых из этого слоя крупноформатных кирпичей были прокалены до состояния полного обжига.

Искусственный характер создания здесь этих ям очевиден. Назначение их неоднозначно и требует интерпретации. По всей видимости, эти ямы были связаны с каким-то производством, включавшим в себя цикл открытого обжига. Как вариант предполагается, что здесь мог производиться обжиг крупных сосудов типа хумов.

Сотрудниками Барселонского университета были взяты на анализ фрагменты древесного угля из горелого слоя с кирпичом. В результате было установлено использование в качестве топлива четырех видов дерева: виноградника, ивы, платана и сосны. Помимо этого было выяснено, что в качестве топлива использовалось также и обработанное дерево, вероятно, части мебели.

Среди материала, содержащегося в горелом слое, можно отметить керамику эллинистических форм и юэджийского периода, многочисленные ядра для пращи и метательных машин, пирамидальные и дисковидные грузила. Необходимо подчеркнуть, что в этот слой в результате прорубания глубоких ям попадали также находки из ниже залегающего слоя эллинистического времени. К ним относятся фрагменты различной столовой посуды эллинистических форм, грузила и ядра.

В Лаборатории датирования по радиокарбону Барселонского университета отобранные образцы угля из горелого слоя с кирпичом были датированы поздним греко-бактрийским периодом — в районе 154–114 гг. до н.э.[6]

В целом археологический комплекс, так же как и данные радиоуглеродных проб позволяют горизонт с горелым слоем и кирпичом, как и весь 2 этап, отнести ко времени последней трети-конца II вв. до н.э.

3 этап (раннекушанский) — стратиграфически маркируется разнохарактерной нивелировочной засыпкой полости ямы на месте сооружения 36 (рис.2). По всей видимости, засыпка производилась в течение короткого срока и велась целенаправленно под выравнивание площадки для строительства жилых зданий в раннекушанское время. Можно отметить неоднородность засыпки, местами сохранившей довольно рыхлую структуру и местами целенаправленно плотно утрамбованную и, вероятно, уплотненную поливкой водой.

---

[6] Joan, Mesters i Torres 2010,7/8, Taula III, KPT-C14–4 D

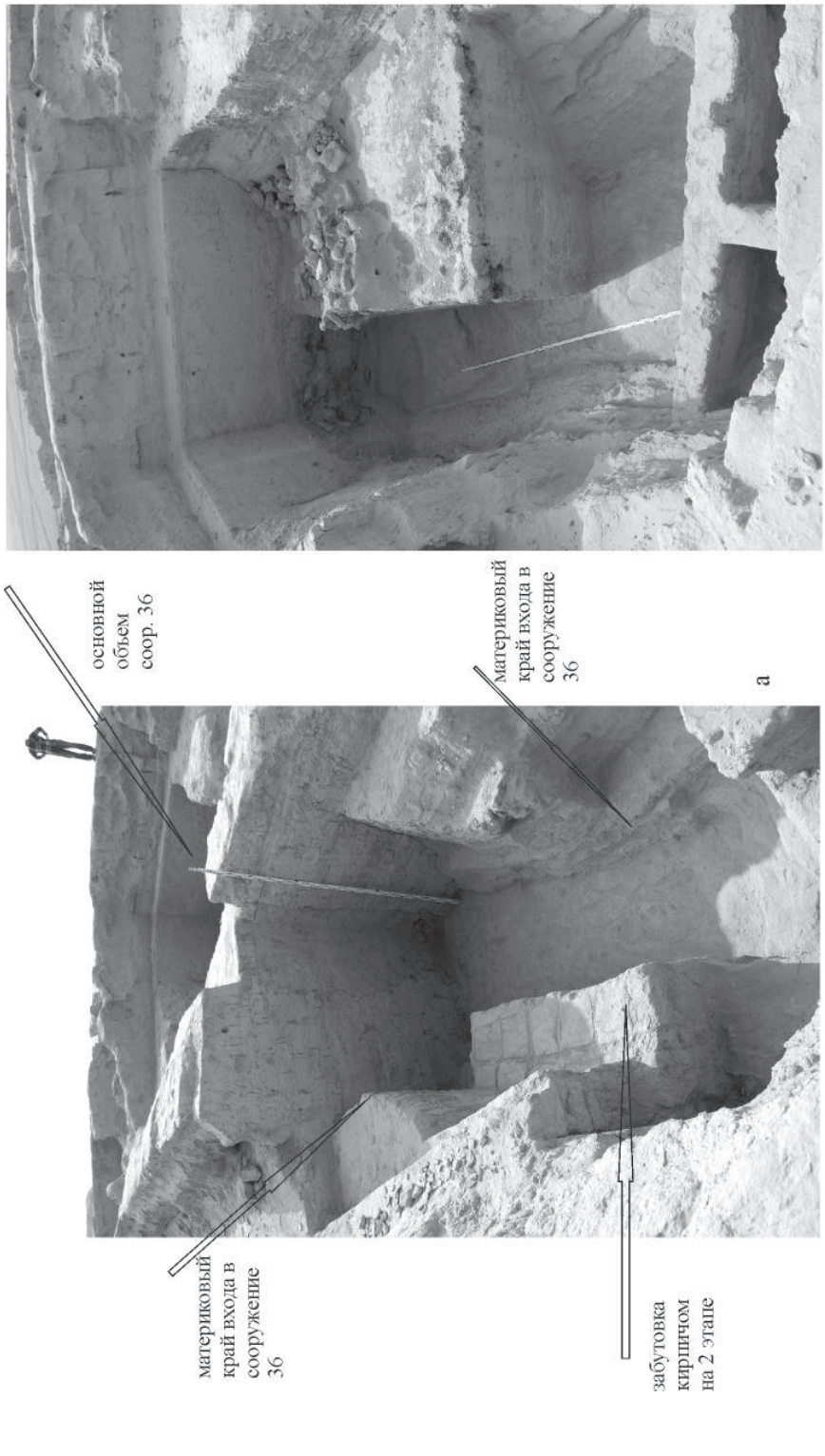


Рис. 3. а) Вход в сооружение 36. Вид с северо-запада; б) сооружение 36 основной открытый объем. Вид с севера. Фото.

Находки из слоя засыпки имеют явно выраженный переотложенный характер. Керамический материал здесь представлен маловыразительными, в основном измельченными фрагментами крупной, чаще всего тарной посуды. Анализ вновь полученного керамического материала выявил его разнородность, наряду с кушанскими формами в нем встречаются и фрагменты столовой посуды эллинистического времени.

Среди редких индивидуальных находок необходимо отметить фрагмент блюда, изготовленного на токарном станке из плотного серого камня. Блюдо находит прямые аналогии в материалах Ай-ханум[7]. Интересны также находки нескольких бусин: из сердолика — шаровидной и каплевидной формы, крупной бусины из агата бочонковидной формы.

После нивелировки поверхности над сооружением 36 были возведены стены кушанских помещений 11 и 12.

Планировка. Для выявления планировки и периметра сооружения 36, оказавшегося значительно шире первоначального участка раскопа, был заложен дополнительный северо-западный участок раскопа, вскрывший входную часть в сооружение. Также был произведен ряд площадных зачисток, заложены два стратиграфических шурфа на месте межквартальной улицы, разделяющей кушанские жилые блоки-кварталы V и IV.

В результате проведенных работ удалось выявить, что сооружение 36 имеет вид вытянутой по направлению с северо-запада на юго-восток подпрямоугольной формы углубленной в материк ямы-землянки. Вход в сооружение вырублен и впущен в материк. Уровень его материкового пола почти на 2 м выше уровня дна основной части сооружения 36 и располагается на отметке (– 5,39), что позволяет предполагать наличие ступенек или пандуса в нераскрытой части между двумя участками раскопов. Вход имеет вид коридорчика в 2 м шириной и столько же длиной (рис. 3а). Материковые стенки входа через 2 м плавно разворачиваются и уходят в южный и восточный борта раскопа. Наиболее хорошо сохранился западный борт входа, он прослеживается на высоту до 2,35 м. Восточный материковый борт также сохранил высоту до 2,2 м, что хорошо видно в северном профиле участка. Он отличается наличием двух невысоких ступенек, расположенных с уровня пола в северо-восточном углу раскопа. Назначение их не совсем ясно, т.к. нет продолжения ступеней, ведущих выше.

На втором этапе, когда сооружение 36 меняет свое функциональное назначение, вход был забутован кирпичной кладкой, которая содержала крайне мало артефактов. Среди них можно отметить фрагмент черно-ангобированного рыбного блюдца с г-образным сильно заостренным венчиком. Сосуд относится к раннеэллинистическим формам. Черный ангоб в эллинистическом комплексе Кампыртепа встречается довольно редко, в единичных случаях (сейчас фрагмент находится на обработке в Университете Барселоны).

Основная вскрытая часть сооружения 36 имеет ширину в 6,5–7 м при глубине до 4,5 м. Однако расчистки и шурфы за пределами раскопа установили, что сооружение расширяется в южном направлении, достигая 10 м ширины, и прослеживается на длину более 32 м по западному материковому борту и более 24 м по

[7] Rapin 1992, pl. 74, 17–19

восточному борту. Окончательно проследить юго-восточные границы сооружения пока не удалось. Однако уже сегодня можно предварительно оценить площадь сооружения. Она составляла не менее 210 квадратных метров, для создания которых было изъято не менее 800 кубических метров материковой породы. Масштаб работ позволяет связывать строительство этого объекта с неординарными историческими событиями.

На сегодня уместной представляется лишь предварительная интерпретация первичного функционального назначения сооружения 36 как землянки (блиндажа), используемой в качестве жилья для небольшого воинского подразделения, оставленного на стратегически важном пункте речной переправы через Окс. В пользу последнего говорит очевидный походный и временный характер планировки сооружения, отсутствие отделки или штукатурки, отсутствие очагов для приготовления пищи, наличие ядер для пращи и метательных орудий. В пользу жилого характера использования сооружения 36 говорит также обнаружение ниш для светильников, хорошо утоптанный и выровненный уровень первого пола, жилой характер слоя с включением органики, костей животных, птиц, керамики и индивидуальных находок, керамический комплекс с большим количеством столовой посуды, в особенности фрагментов кратеров, чаш, кубков.

Наличие останков людей, зафиксированных на уровне первого пола, вносит дополнительные затруднения в интерпретацию функционального значения сооружения 36. Возможно, после сооружения землянка недолго функционировала в качестве жилья для воинского подразделения, затем была оставлена. И именно в этот промежуток времени местные жители могли использовать ее для погребения. Этот этап был непродолжительным, к сожалению, стратиграфически не удалось выделить его особенности. Вскоре площадь землянки вновь была освоена в качестве жилья.

Время возведения этого, не находящего себе прямых аналогий, масштабного сооружения может быть отнесено к раннеэллинистическому периоду и, возможно, связано с какими-то крупными военными действиями. Оно представляет собой одну из наиболее ранних построек на Кампыртепа. Расположение сооружения на верхней площадке восточного сектора Кампыртепа по диагонали с северо-запада на юго-восток связывает его с раннеэллинистическим жилым комплексом с одной стороны и с местом расположения юго-восточной пристани и входного комплекса[8] — с другой. Это недвусмысленно указывает на характер основной деятельности людей, живших в сооружении 36. В первую очередь она была связана с контролем и функционированием переправы.

Мы надеемся, что дальнейшие исследования сооружения 36 позволят детализировать картину в рамках выделенных трех основных хронологических этапов, особенно это важно для начального периода функционирования постройки.

[8] Несмотря на то, что оба эти сооружения, по данным раскопок, относятся к более позднему времени, это не меняет основного функционального значения сооружения 36, которое расположено между эллинистическими жилыми сооружениями на восточном террасном склоне оврага (напротив цитадели) и выходом к реке с юго-восточной стороны Кампыртепа, который мог функционировать и ранее до возведения здесь каких-либо сооружений.

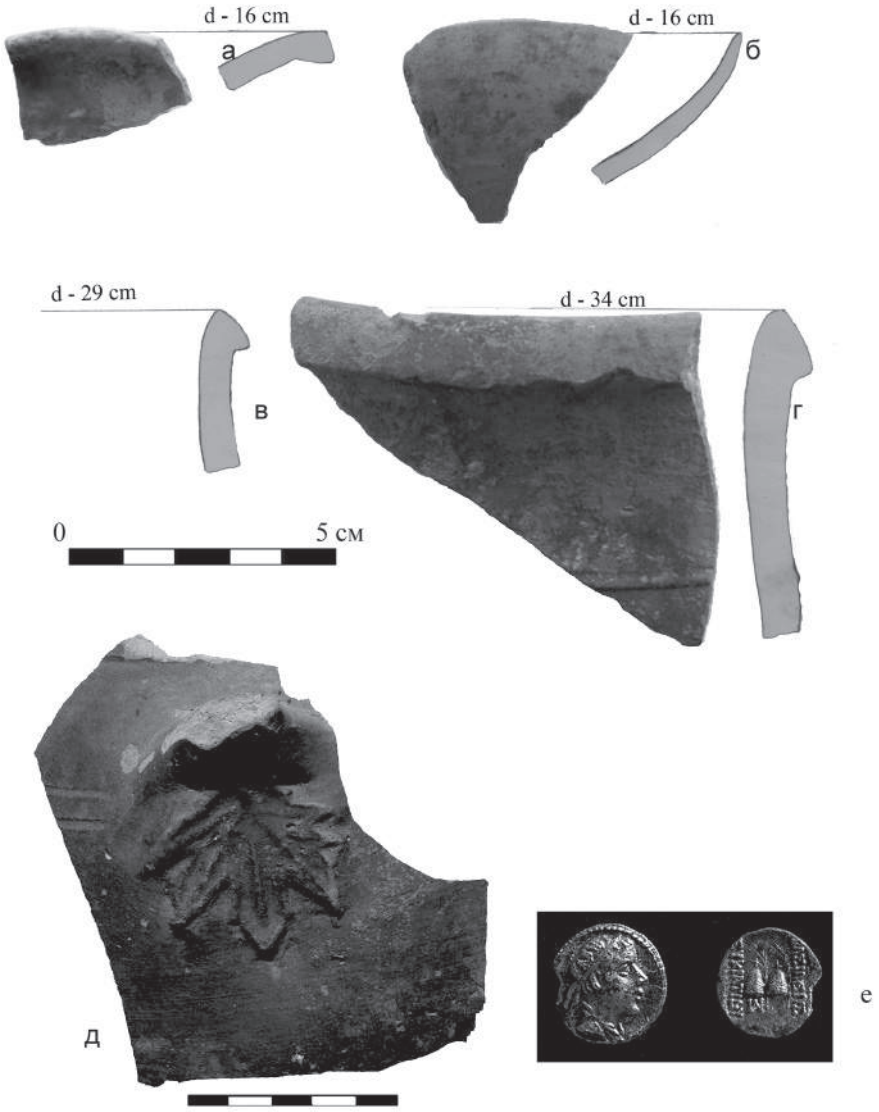


Рис. 4. Кампыртепа, "нижний город", сооружение 36.
Археологический комплекс греко-бактрийского времени 1 хронологического этапа функционирования сооружения 36 : фрагменты тарелки (а), миски(б), кратеров (в, г), кувшина (д). Индивидуальные находки - обол Евкратида (увеличено в 2,5 раза).

Рис. 4. Греко-бактрийский археологический комплекс из слоя над уровнем захоронений (1-ый хронологический этап освоения сооружения 36).

ЛИТЕРАТУРА

Пидаев Ш. Р. 1978: Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.

Ртвеладзе Э. В., Горин А. Н. 2011: Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 4, 180–210.

Шейко К. А. 2000: Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // МТЭ, I/ Э. В. Ртвеладзе, Д. Я. Ильясов(ред.). Ташкент, 75–96.

Bopearachchi O. 1991: Monnaies Greco-bactriennes et indo-grecques. Paris.

Claude Rapin 1992: La Tresorerie du palais hellenistique d'Ai Khanoum // MDAFA. T. XXXIII. Fouilles d'Ai Khanoum. T. VIII. Paris.

Dr. Joan S. Mesters i Torres 2010: Datacio per radiocarbon de material carbonos precedent de Kampyr tepe.Uzbekistan.

Francfor H. P. 1984: Le sanctuare du temple a niches indentees // MDAFA.T XXVII; Fouilles d Aikhanoum.T. III. Paris.

EARLY HELLENISTIC LARGE-SCALE CONSTRUCTION IN KAMPYRTEPA

N. D. Dvurechenskaya

A unique construction 36 (32×7×4,5 m) situated in the eastern sector of Kampyrtep was built in the early Hellenistic period. It was till the end of Greek-Bactrian period that it served as housing. Eucratides coin and radiocarbon analysis data help to precisely date the last period it was used as living quarters. Archeological complex of the first period present the material testifying to the principal historical landmarks from Hellenistic expansion into Bactrian area till syncretic merging of Hellenistic and local cultures. The second period of the construction is connected with its functional change. They began to use its floor space for open fire ceramic baking. No parallels to the Construction 36 are found in Bactria yet. It remains one of the most significant objects that help to understand the early historical period of both Kampyrtepa and the Hellenistic epoch of Bactria at large.

Key words: Bactria, the Hellenism, Kampyrtepa

© 2012

С. В. Павлова

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ТОХАРИСТАНА В XI–XII ВВ.

Вслед за арабским завоеванием Тохаристана и Средней Азии в целом последовала исламизация региона. Она затронула все сферы жизни местного населения, в частности, был введен запрет на изобразительное искусство. Однако несмотря на это, в живописи Тохаристана возродились и стали развиваться домусульманские традиции, существовавшие в стране до вторжения арабов.

Ключевые слова: Средняя Азия, Тохаристан, археология, культура, изобразительное искусство

Арабское завоевание Тохаристана, включавшего в свои пределы юг Средней Азии и северные районы Афганистана, длилось около ста лет (середина VII — середина VIII вв.). Последовавшая за ним исламизация оказала влияние на все сферы жизни его населения, в частности на изобразительное искусство. Накануне вторжения арабов в страну в декоре парадных и культовых построек применялась настенная живопись, скульптура, резное дерево, архитектурный орнамент.[1] Во время завоевания тохаристанских городов и селений, религиозных сооружений арабы уничтожали памятники искусства, поэтому, как правило, они несут следы повреждений. Несмотря на запреты, тохаристанское изобразительное искусство сохранило в конце VIII–IX вв. некоторые доисламские традиции, которые развивались в XI–XII вв.

Изменения в изобразительном искусстве проходили постепенно. К первой половине VIII в. относится настенная живопись крепости Тавка, расположенной в Южном Узбекистане. Здесь, видимо, изображена сцена свадебного пира. Судя по тому, что головы изображенных мужчин и женщин покрыты чалмой, они уже были мусульманами.[2] Во время раскопок поселения Шуробкурган в этом же регионе обнаружены постройки IX в. Из них происходит глазурованная чаша с изображением юноши, сидящим на фоне трехлопастной арки. Голову и плечи его обрамляет черная полоса с поперечными белыми штрихами — видимо, чалма. Это изображение носит явные следы подражания более древней буддийской настенной живописи.[3]

Для X в. нам ещё не известны образцы антропоморфной или зооморфной живописи и скульптуры. Это можно объяснить религиозной ортодоксальностью саманидских правителей. Той же идеологии придерживались и представители династии Газневидов. Сохранилось сообщение Абу Бейхаки — автора «Истории Масуда», — согласно которому правитель Махмуд Газневи следил за тем, чтобы

Павлова Сусанна Владимировна — ассистент кафедры всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: susanna2006@bk.ru

[1] Альбаум 1976, 87-96; Кругликова 1979, 120-143; Литвинский 1980, 126-129; 1981, 116-138; 1982, 126-128; 1971, 76-101; Литвинский, Соловьёв 1985, 109-113.

[2] Рахмонов 2001, 30-61, 108, 122; Рахманов, Реутова 2001, 13-16; Соловьёв 2004, 162.

[3] Пугаченкова 1984, 32-34; Соловьёв 2011, 88-89.

его подчиненные не декорировали свои дворцы настенной живописью.[4] В XI в. ситуация меняется, пришедшие к власти Караханиды и Сельджукиды не придерживались строгих запретов на изображение живых существ, что сказалось на дальнейшем развитии изобразительного искусства в Тохаристане.

К традициям домусульманского времени восходит сюжетная живопись с изображениями музыкантов, обнаруженная во дворце на цитадели городища Хульбук (XI в.) в Южном Таджикистане, которое отождествляется со столицей области Хутталь. Хорошую сохранность имеет двухъярусная живопись в простенке

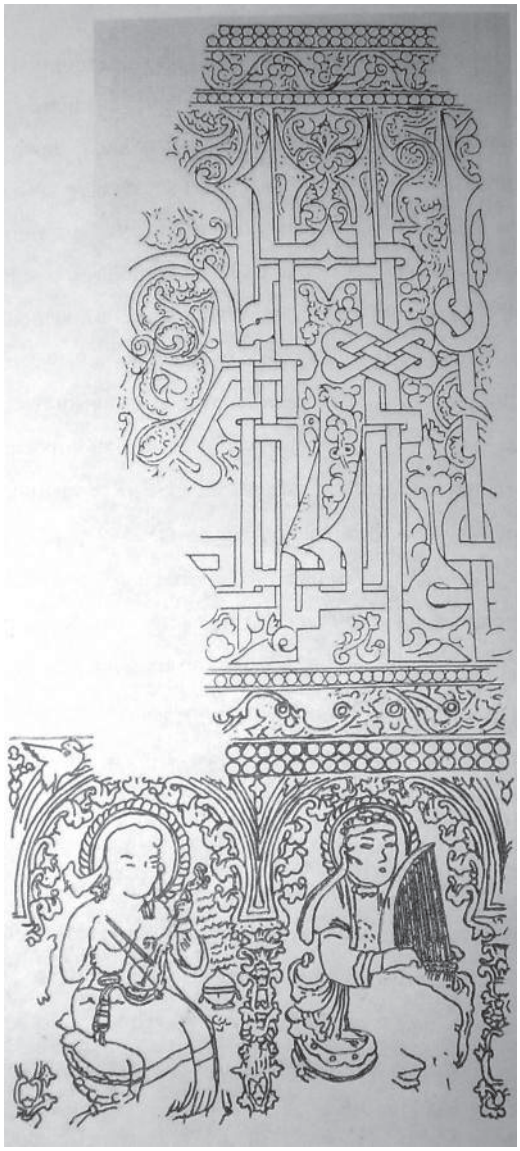


Рис. 1. Настенная живопись городища Хульбук.

[4] Абу-л-Фазл Бейхаки 1962, 58-65.

между помещениями 4 и 5. Верхнюю часть заполняет эпиграфический рисунок, сочетающийся с растительными мотивами. В нижнем ярусе изображены под стрельчатыми арками два музыканта, сидящие на стульях вполоборота к зрителю. Слева показана женщина, играющая на смычковом музыкальном инструменте с двумя струнами. Сохранились часть её лица и фрагмент высокой прически, правое ухо украшено серьгой. Она одета в блузку и шаровары, опоясанные в талии шарфом. Второй персонаж, видимо, тоже женский. На ней надета туника с длинными рукавами, на плечи накинут легкий шарф, ниспадают ленты и локоны волос. В руках она держит арфу. Над дугами арок изображены птицы с широко распахнутыми крыльями (рис. 1).[5]

Из Хульбука происходит ещё один образец антропоморфной настенной живописи. Она была обнаружена в северной части дворца и представляет собой изображение мужчины. Несмотря на фрагментарность живописи, можно предположить, что это воин. Персонаж изображен идущим вправо, одет в длинную складчатую одежду, видимо, охваченную в талии поясом. Через V-образный вырез горловины видна рубашка белого цвета, имеющая воротник-стойку с застежкой с левой стороны. В правой руке воина, согнутой в локте, находится палица, левая рука, вероятно, придерживает полы одежды. Лицо персонажа безбородое, волосы аккуратно убраны назад (рис. 2, а). По мнению С. Хмельницкого, изображение этого воина имеет стилистические сходство с образами мужчин, участвующих в шествии в живописи Лашкари-Базара.[6] Особенности этой живописи будут рассмотрены ниже.

Живопись городища Хульбук продолжает художественные доисламские традиции Тохаристана и имеет монументальный характер, четко прорисованы черты лица персонажей, детали и орнамент одежды. Вместе с тем, она являет собой неизвестную ранее для Средней Азии так называемую ковровую технику нанесения эпиграфических и растительных мотивов, сочетающихся с живописью (рис 1).[7]

Во дворце Хульбука обнаружены многочисленные фрагменты алебастрового декора. Один из них представляет собой декоративную колонку, капитель которой украшена стилизованными изображениями морд двух львов (рис. 4, а). На другом фрагменте штука сохранились также две морды львов, изображенные в другом ракурсе (рис. 4, б), идентичные по стилю предыдущим. На третьем фрагменте изображена бегущая влево птица, напоминающая фазана.[8] Кроме того, здесь обнаружены ганчевые элементы декора с более реалистичными львиными мордами, сценой гона зверей — козлов и, видимо, львов (рис. 2, б), а также терракотовые статуэтки, изображающие людей и животных, бронзовая курильница в виде гепарда.[9]

Раскопки, проведенные Э. Г. Гулямовой в жилом богатом доме на другом крупном хуттальском городище Сайед (X–XI вв.), расположенном на берегу р. Пяндж в Хатлонской области Таджикистана, дали разнообразный дополнительный материал, характеризующий средневековое изобразительное искусство Тохаристана.

---

[5] Гулямова 1991, 298-307.
[6] Хмельницкий 2006, 87-88.
[7] Гулямова 1991, 302.
[8] Древности Таджикистана 1985, 286.
[9] Ходжаев 2010, 82, 119, 161, 166.

а)

б)

Рис. 2. Городище Хульбук: а — настенная живопись с изображением воина; б — фрагмент штука со сценой звериного гона.

Рис. 3. Городище Лашкари-Базар. Настенная живопись с изображением процессии мужских персонажей.

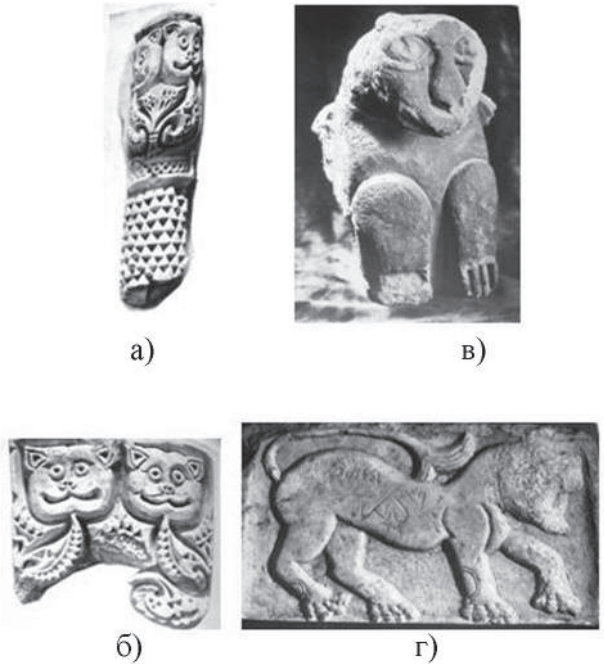


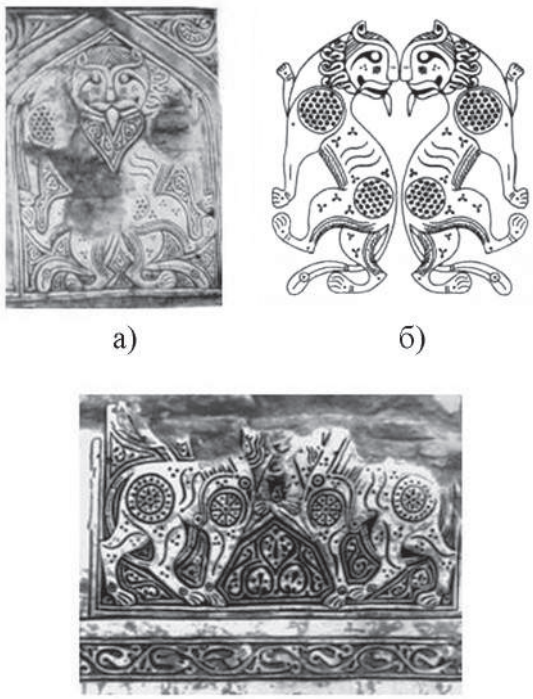
Рис. 4. Изображение львов: а, б — городище Хульбук; в — городище Сайед; г — Лашкари-Базар.

В частности, здесь найден декоративный фрагмент капители колонки, выполненной из алебастра. На нем — обращенный к зрителю в анфас крылатый лев (рис. 4, в).[10]

Во время раскопок дворца термезшахов (XI–XII вв.), расположенного в Южном Узбекистане, был найден разнообразный по характеру ганчевый декор. Он представлен геометрическими мотивами — так называемыми гирихами, а также двумя изображениями львов. На первом рельефе показаны идущие навстречу друг другу крылатые львы, обладающие одной общей головой (рис. 5, в).[11] Второй сюжет имеет другую композицию. Львы расположены стоя на задних лапах, спинами друг к другу. Морды их обращены вовнутрь. Таким образом они, сливаясь, создают впечатление не двух разных голов, а одной большой головы. Мнения исследователей по поводу интерпретации этого сюжета разделились. Все их аргументы подробно проанализировала Т. Г. Алпаткина и пришла к выводу о том, что все-таки на термезском панно представлены два льва с раздельными головами (рис. 5, а, б).[12]

Большой интерес вызывают находки во дворце термезшахов круглых и овальных медальонов диаметром 46-58 мм. Они выполнены из красного и зеленого стекла и являлись частью архитектурного декора. Некоторые медальоны были обрамлены алебастровым штуком, другие — подготовлены для вставки в ганчевые

[10] Древности Таджикистана 1985, 290-291.
[11] Ремпель 1961, 247.
[12] Алпаткина 2009, 185-196.



а) б)

в)

Рис. 5. Дворцовый штуковый декор в Термезе: а — изображение львов; б — реконструкция (по Т.Г. Алпаткиной); в — фантастические львы.

решетки, образующие панно. На медальонах с помощью штампа были нанесены зооморфные и антропоморфные изображения, а также растительные рисунки и эпиграфический мотив. Среди антропоморфных сюжетов — всадник на коне, стоящая на земле женщина с птицей в руках, рядом с ней конь. Особое внимание привлекает сцена охоты хищных птиц на животных, видимо, джейранов. Птицы показаны в напряжении, они вонзили лапы в спину свои жертвам. Эпиграфический мотив представлен надписью на арабском языке, переведенной исследователями как «царь». На одном из медальонов имеется изображение льва, голова его запрокинута назад, фон заполнен растительным узором.[13]

Изображение льва обнаружено также во время раскопок резиденции султанов династии Газневидов — Лашкари-Базар, расположенной в долине р. Гильмент в Южном Афганистане. Здесь был открыт обширный комплекс дворцовых и садово-парковых сооружений XII в. В отличие от находок с городищ Хульбук и Сайед, в Лашкари-Базаре рельеф с изображением льва выполнен из мрамора (рис. 4, г). Зверь изображен стилизованно, его тулово сильно изогнуто. У него мощные лапы, голова не сохранилась. Стилистически изображение льва, видимо, восходит к сасанидской традиции.[14] В Лашкари-Базаре имеется также антропоморфная живопись, представляющая собой шествие мужчин (рис. 3). Они показаны идущими

[13] Жуков 1945, 133-162.
[14] Auboyer 1968, 60, 110.

влево, одеты в кафтаны с правосторонним треугольным отворотом, в талии охваченные поясом. На ногах — сапоги. В правой руке они держат предмет, напоминающий скипетр. Голова персонажей обрамлена нимбом. Интересной деталью одного из персонажей является кошелек, свисающий с пояса кафтана.[15]

Сохранение и возрождение доисламских изобразительных традиций произошло не только в Тохаристане, но и в других регионах Средней Азии, в частности, в Согде. Ибн Хаукаль, посетив Самарканд в середине X в., отметил, что здания в городе были украшены изображениями лошадей, верблюдов, быков и антилоп. Композиция была выстроена таким образом, что складывалось впечатление предстоящего боя между ними.[16] К концу XII — началу XIII относятся фрагменты настенной живописи, обнаруженные на цитадели Самарканда. На одном из них изображена женщина, обращенная в ¾ к зрителю. Она одета в платье голубого цвета с длинным рукавом. Голову обрамляет нимб, волосы собраны в две косы, по лбу проходит полоса — деталь головного убора (рис. 6).[17]

Рис. 6. Фрагмент живописи из цитадели Самарканда с изображением женщины.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на исламизацию, в искусстве средневекового Тохаристана продолжали сохраняться домусульманские традиции. В саманидскую эпоху его развитие было приостановлено. Причины этого, видимо, следует искать в ортодоксальности правителей, которые строго соблюдали запрет на изображение людей и животных. С середины X — начала XI вв. ситуация меняется. Это было вызвано прежде всего отделением Средней Азии от Халифата. Возрождавшееся изобразительное искусство продолжало художественные традиции, сложившиеся в доисламский период, которые не могли исчезнуть с приходом арабов одномоментно. Художественная культура Тохаристана продолжала развиваться и позже, оформившись в миниатюру.

[15] Laskari Bazar 1978, 121-124.
[16] Ибн Хаукаль Абу-л-Касым. 1957, 15.
[17] Иневаткина 1999, 83-90; Карев 2010, 58-60.

ЛИТЕРАТУРА

Абу-л-Фазл Бейхаки. 1962: История Мас'уда / Пер. А. К. Арендса. — Ташкент.

Алпаткина Т. Г. 2009: Изображение львов в резном декоре правителей Термеза XI-XII вв. (вариант реконструкции) // Культура, история и археология Евразии. М, 185-196.

Альбаум Л. И. 1960: Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.

Гулямова Э. Г. 1991: Раскопки на городище Хульбук в 1983 г. //АРТ. Вып. XXIII (1983 г.). Душанбе, 298-307.

Древности Таджикистана. 1985: Каталог выставки. Душанбе.

Жуков В. Д. 1945: Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей // ТАКЭ. Т. 2. (Труды АН УзССР. Сер. 1). Ташкент, 133-162.

Ибн Хаукаль Абу-л-Касым. 1957: Книга путей и стран. / Перевод Е. К. Бетгера // Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. IV. Ташкент.

Иневаткина О. Н. 1999: Фрагмент сюжетной живописи конца XII — начала XIII вв. из цитадели Самарканда // Материальная культура Востока. М., 83-90.

Карев Ю. В. 2010: Нижняя площадка цитадели Афрасиаба в домонгольский период — Исследования Узбекско-Французской экспедиции в 1999-2007 гг. // Древние цивилизации на Дальнем Востоке. Археология, история, культура. М., 58-60.

Кругликова И. Т. 1976: Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской археологической экспедиции 1963-1973 гг. М., 87-110.

Кругликова И. Т. 1979: Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджин // Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 120-143.

Литвинский Б. А. 1980: Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // АРТ. Вып. XVI. Душанбе, 120-146.

Литвинский Б. А. 1981: Настенная живопись Калаи Кафирниган // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., С. 116-138.

Литвинский Б. А. 1982: Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.) // АРТ. Вып. XVI (1976 г.). Душанбе, 106-135.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. 1971: Аджинатепа. М.

Литвинский Б. А., Соловьев В. С. 1985: Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М.

Пугаченкова Г. А. 1984: Уникальная чаша из Шуробкургана // ОНУ. 5, 32-34.

Рахмонов Ш. А. 2001: Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент.

Рахманов Ш., Реутова М. 2001: Монументальная живопись крепости Тавка // San'at. 2. Ташкент, 13-16.

Ремпель Л. И. 1961: Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент.

Соловьёв В. С. 2004: Рецензия на книгу Ш. А. Рахмонова. Тавка // РА. 4, 161-162.

Соловьёв В. С. 2011: Кафиркала и Шуробкурган. Елец.

Хмельницкий С. 2006: Дворцы Хульбука. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX–XII веков. Berlin.

Ходжаев Ш. 2010: Дворец хуталляншахов — Хульбук. Душанбе.

Auboyer J. 1968: Afganistan und seine Kunst. Prague.

Laskari Bazar. 1978: Une residence royale ghaznevide et ghoride. Tome XVIII. Planches. Paris.

CONTINUITY OF TOKHARISTAN GRAPHIC ART IN THE 11th — 12th CENTURIES

S. V. Pavlova

Arab conquest of Tokharistan and Central Asia brought forth Islamization of the region, which had an overall effect on the local population life. Particularly, a ban was imposed on graphic art. Yet, despite it Tokharistan painting revived, and pre-Moslem traditions that existed before Arab intrusion began to gain momentum.

Key words: Central Asia, Tokharistan, archeology, culture, art

---

И. А. Ладынин

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПОЛНОМОЧИЙ И ФОРМАЛЬНОМ СТАТУСЕ КЛЕОМЕНА ИЗ НАВКРАТИСА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с личностью Клеомена из Навкратиса — главного финансового администратора Египта и его фактического наместника при Александре Великом (332–323 гг. до н.э.). По мнению автора, есть основания полагать, что Клеомен не имел формального титула сатрапа и, в силу своих сугубо гражданских полномочий, был «аутсайдером» во властной элите державы Александра, в которой безусловное лидерство принадлежало македонским военачальникам.

Ключевые слова: Клеомен из Навкратиса, Александр Великий, Египет, администрация, властный статус

Изучение начала эллинистического времени в Египте невозможно без обращения к личности Клеомена из Навкратиса — как видно по его этникону, уроженца древней общегреческой колонии на западе Дельты Нила[1]. Античные источники однозначно указывают на его лидерство в администрации Египта, созданной Александром Великим в 332 г. до н.э., которое сохранялось вплоть до прихода к власти над страной в качестве сатрапа Птолемея, сына Лага (в 323 г. до н.э. он попытался вступить с ним в противостояние, но потерпел в этом поражением и был казнен Птолемеем)[2]. Вместе с тем в античных свидетельствах о Клеомене много неясного: мы не только ничего не знаем о его биографии до македонского завоевания Египта, но, как увидим далее, едва ли можем с полной уверенностью судить о его формальном статусе во главе египетской администрации (прежде всего о наличии у него титула сатрапа). Попытки прояснить этот момент предпринимались не раз, в том числе и крупнейшими исследователями начального периода

Ладынин Иван Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ladynin@mail.ru

[1] Stähelin 1921, 710-712; Berve 1926, 210-211 (Nr. 210); Heckel 2006, 88-89. Об эллинистическом Навкратисе см.: Cohen 2006, 414-416.

[2] См. с подробными отсылками к источникам: Литвиненко 1998, 156-158.

эллинизма[3]; и если они до сих пор не привели к однозначному результату, то он вряд ли будет достигнут и в настоящей работе. Ее задача состоит скорее в том, чтобы наметить подходы к решению некоторых спорных вопросов, связанных с личностью и статусом Клеомена, исходя из того, каковы были его практические функции в Египте и какими, судя по источникам, должны были быть его взаимоотношения с Александром и место в элите созданной им державы.

Античная традиция дает весьма четкое описание организации Александром Великим управления Египтом в ходе его пребывания в этой стране в 332-331 гг. до н.э.[4] Согласно Арриану, формальными наместниками двух частей страны стали Долоасп и Петисис; их Арриан называет «номархами Египта» и считает египтянами по происхождению (Arr. III. 5.2: δύο μὲν νομάρχας Αἰγύπτου κατέστησεν Αἰγυπτίους, Δολόασπιν καὶ Πέτισιν). Находка в Мемфисе (в зоне некрополя священных животных в Саккара) демотического остракона с именем Петисиса[5] позволяет заключить, что в его «зону ответственности» мог входить Нижний Египет, хотя скоро последовала его отставка, после которой Долоасп стал единственным наместником страны (ibid.). Как мы видим, статус титульных наместников Египта был предоставлен не македонянам и не эллинам: Петисис, как видно по его имени, был точно египтянином, а Долоасп, по предположению ряда авторов, мог быть не египтянином, как думал Арриан, а персом[6]; при этом, по мнению А. Б. Босворта,

[3] Andreades 1929, 16-18; Groningen 1925; 1933, 183ff.; Seibert 1969, 39-51; 1972, 125-126; 1972a; Vogt 1971; Polanyi 1977, 240-251; Le Rider 1997.

[4] См. в общих работах: Hölbl 2001, 12; Huss 2001, 72-75.

[5] Данный остракон содержит следующий демотический текст (в транслитерации по: Smith 1989, 185):

1……..]*ꜣrgstrꜣs* *ḫ*(*.t*) (*?*)

2…….]. *Pꜣ-di-ist pꜣ iḫštrpny*

Очевидно, стк. 1 содержит имя «Александр» (без картуша и благопожелания ʿ(*nḫ*) *w*(*dꜣ*) *s*(*nb*) — «да будет жив, силен, здоров», — что позволило публикатору допустить, что в данном случае в документе упомянуто не царское имя: Ibid.; на наш взгляд, это все же не так). В стк. 2, несомненно, читается собственное имя, древнегреческую транскрипцию которого мы видим у Арриана (Ranke 1935, 121 (Nr. 18): *pꜣ-di-ꜣst* «данный Исидой») и демотическая транскрипция иранского титула «сатрап» (о данном слове в демотических текстах см.: DWL 04608; в иероглифических текстах уникальная транскрипция слова «сатрап» *p*(*ꜣ*) *ḫšdrpn* встречается применительно к Птолемею в его хорошо известной «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э.: Urk. II. 19.7). Сохранность остракона не позволяет предпочесть одну из двух его возможных интерпретаций: либо сочетание слов в стк. 2 следует читать как «Педиисе сатрап» (в таком случае Петисису было передано по крайней мере на время титульное наместничество надо всем Египтом, о чем не говорит Арриан, либо же его полномочия в зоне его ответственности описывались этим титулом; ср. с титулом *ḫštrpn tꜣ št rs* «сатрап южной области» в одном демотическом документе персидского времени: Smith 1992, 296), либо оно представляет собой начало письма «Педиисе – сатрапу» или нечто подобное (тогда перед нами документ, фиксирующий некое обращение или отношение Петисиса к титульному наместнику Египта — может быть, Долоаспу, если его возвышение оставило Петисиса наместником низшего ранга; едва ли адресатом этого послания мог быть Клеомен из Навкратиса, обращение к которому, скорее всего, не было бы демотическим текстом).

[6] Bengtson 1952, 5, Anm. 1 (cf. Huss 2001, 72, Anm. 10); его мнение повторяет ряд других исследователей: Yoyotte 1989, 82; Chauveau, Thiers 2006, 380; Rowlandson 2010, 238-239 (египтянином Долоаспа считает, в принципе не уделяя данному сюжету большого внимания, В. Хекель: Heckel 2006, 115). При обсуждении другой нашей работы о Клеомене из Навкратисе нам пришлось встретиться с доводом М.Д. Бухарина против персидской «идентификации» Долоаспа, основанном на том, что в древнеперсидских именах *l не встречается. Признаем в связи с этим, что мнение по данному поводу Г. Бенгтсона и его последователей действительно не получило обоснования с позиций лингвистики. Вместе с тем, во-первых, для наших построений в принципе совершенно достаточно того,

к этим сановникам были приставлены в качестве специальных «наблюдателей» некие Эсхил и Эфипп, сын Халкидея (id. 5.3; cf. Curt. IV. 8.4)[7]. Помимо этого, в Египте было создано командование введенными туда воинскими контингентами, естественно, укомплектованное македонянами: назначенные Александром начальники стояли во главе двух групп войск, занимавших, очевидно, две части страны (согласно Арриану, это были Певкест сын Макартата во главе войск, занимавших Мемфис[8] и, очевидно, север страны, и Балакр сын Аминты — во главе войск, видимо, размещенных на юге[9]: Arr. id. 5), нильской флотилии (Полемон сын Ферамена: Arr., Curt. ibid.), двух важнейших крепостей — Мемфиса и Пелусия (соответственно, гетайры Панталеонт из Пидны и Полемон сын Мегакла из Пеллы: Arr. id. 3). Кроме того, отдельное командование было учреждено для военных контингентов, обозначенных Аррианом как ξένοι и, по мнению некоторых исследователей, вобравших в себя военных поселенцев прежней ахеменидской службы в Египте и бывших предшественниками κάτοικοι эллинистического времени[10] (их возглавил этолиец Ликид: ibid.). Очевидно, что именно полномочия македонских и греческих военачальников и представляли реальную силу и власть в Египте, вошедшем во владения Александра. Вообще же, согласно Арриану, разделение власти над Египтом между целым рядом функционеров объяснялось тем, что, будучи поражен природными особенностями этой страны и ее естественной защищенностью, Александр опасался доверить управление ею единоличному наместнику (Arr. id. 7).

По сути дела, в особые административные округа Египта Александром были выделены приграничные районы «Ливии» (крайняя северо-западная область Египта, которая стала осваиваться с основанием Александрии и была включена в систему египетских номов по крайней мере ко времени первых Птолемеев;

что это имя очевидно не греческое. Во-вторых, следует учесть, что в данном случае перед нами не аутентичная форма данного имени, а его древнегреческая передача; между тем λ известна, в частности, в передаче ряда скифских (не персидских, но иранских!) имен, отражающей свойственный скифскому языку фонетический процесс (см. с отсылками к литературе: Иванчик 2009, 63 и сл.); кроме того, несмотря на слияние в индоиранских языках на раннем этапе *l и *r (Соколов 1979, 244), греческая передача r через λ (правда, уже византийская, и не в древне-, а в среднеперсидском личном имени) все же известна: urābzīn — Δολαβζὰν (Justi 1895, 8-9). Финальный же компонент интересующего нас имени — -ασπις — имеет надежную этимологию в древнеперсидском aspa- «лошадь» (Kent 1950, 173). В качестве полного древнеперсидского (или неперсидского иранского?) соответствия древнегреческой передаче Δολόασπις можно было бы предположить нечто подобное словосочетанию Dāraya- + aspa- (по аналогии с ахеменидскими именами Dārayava^{h}u-«Держащий добро», Vištāspa- «Тот, у кого наготове лошади»: Kent 1950, 189, 209); впрочем, автору настоящей работы, не имеющему специальной подготовки ираниста, трудно настаивать на данном предположении.

[7] Bosworth 1980, 276.

[8] Судя по находке в Саккара папируса с краткой фиксацией его приказа, адресованного, очевидно, воинам, расквартированным в районе некрополя священных животных: «(Приказ) Певкеста: никому не входить — помещение жреца» (Turner 1974, 240: [[μ]]Πευκέστου˙| μὴ παραπορεύεσθαι μηδένα˙| ἱερέως τὸ οἴκημα).

[9] По мнению Берве, эти группировки были размещены соответственно в Нижнем и Верхнем Египте (Berve 1926, 260); возможно, более прав Бенгтсон, считавший, что, как и ранее на протяжении I тысячелетия до н. э., они соответствовали военно-административному делению страны на Фиваиду и Северный Египет (с границей, проходящей между ними в районе эль-Хибе): Bengtson 1952, 9. Логично считать, что в этом случае таким же могло быть и территориальное разграничение полномочий Петисия и Долоаспа.

[10] Schachermeyer 1973, 238, Anm. 263; Bosworth 1980, 275.

cf. p. Rev. Laws. Col. 31a) и «Аравии у Герооополя» (cf. ibid. — XX ном Нижнего Египта)[11]; во главе первого из этих округов был поставлен Аполлоний, сын Харина, во главе второго – Клеомен из Навкратиса (Arr. III. 5.4: Λιβύης δὲ τῆς προσχῶρου ἄρχειν δίδωσιν Ἀπολλῶνιον Χαρίνου, Ἀραβίας δὲ τῆς πρὸς Ἡρώων πόλει Κλεομένην τὸν ἐκ Ναυκράτιος)[12]; при этом уже на данном этапе, согласно Арриану, управителю Аравии был поручен сбор податей с номархов, которым было вверено управление их «номами» согласно прежним обычаям Египта (id.: καὶ τούτῳ (Клеомену) παρηγγέλλετο τοὺς μὲν νομάρχας ἐᾶν ἄρχειν τῶν νομῶν τῶν κατὰ σφᾶς καθάπερ ἐκ παλαιοῦ καθειστήκει). Как представляется, правы исследователи, которые считают, что в данном контексте «номархи» — это упомянутые выше Петисис и Долоасп, а «номы», соответственно, — вверенные им части страны[13]. В таком случае уже со времени пребывания Александра в Египте Клеомен из Навкратиса был поставлен над формальными наместниками страны в качестве ее главного финансового администратора; и это, безусловно, стало предпосылкой для его дальнейшего возвышения вплоть до первенствующего положения в администрации Египта при Александре.

Другой предпосылкой для этого стала, без сомнения, деятельность Клеомена по сооружению и заселению Александрии Египетской. Античная традиция указывает вполне определенно, что эта задача была прямо поручена Клеомену Александром ([Arist.] Oec. II. 33c: Ἀλεξάνδρου <τε> τοῦ βασιλέως ἐντειλαμένου αὐτῷ οἰκίσαι πόλιν πρὸς τῇ Φάρῳ…; характерно, что сам этникон Клеомена у Псевдо-Аристотеля — «александриец», а не «навкратиец»: id. 33a: Κλεομένης Ἀλεξανδρεὺς Αἰγύπτου σατραπεύων…; cf. Iust. XIII. 4.11: cui ad tradendam provinciam Cleomenes, qui Alexandriam aedificaverat, datur)[14]. То, что строительство Александрии стало делом человека, контролировавшего финансы Египта, достаточно естественно[15]; напомним, однако, что администратором района Александрии был исходно не

[11] Helck 1972, 170ff., 197ff., 212 (Karte 12).

[12] Bosworth 1980, 276-277 (cf. Polyb. XV. 25. 12, Bengtson 1952, 157 — о «либиархии» птолемеевского времени; OGIS. II. 256-258 — о полномочиях «арабархов». Данные административные институты обнаруживают сходство с полномочиями управителей «Ливии» и «Аравии» эпохи Александра и, возможно, восходят именно к ним).

[13] Badian 1965, 171-172; по мнению Ж. Йойотта (Yoyotte 1989, 81-82), полномочия Петисиса и Долоаспа прямо восходили к полномочиям т.н. *сенти*, возглавлявших экономическую администрацию трех частей Египта в сер. IV в. до н.э. Это весьма вероятно, т.к. при фактическом изъятии из компетенции Петисиса и Долоаспа военной сферы им оставалось, по существу, прежде всего руководство государственным хозяйством (об их причастности к этому очевидно говорит их подчинение Клеомену в сфере финансов). В то же время их формальный статус высших администраторов страны должен был предполагать, что по крайней мере теоретически их контролю подлежит более широкая сфера, чем только экономика.

[14] В «версии А» «Романа об Александре» Клеомен из Навкратиса представлен участником основания города (более того, советчиком царя в связи с этим: Hist. Alex. Magni, rec. α´. I. 31.5). Едва ли это свидетельство достоверно: оно не находит подтверждения ни в одном из описаний основания Александрии у историков Александра (см. об этом эпизоде в целом: Fraser 1972(1), 3-7; (2), 1-12). Скорее, традиция «Романа…» делает Клеомена его участником исходя из его последующей хорошо известной роли в становлении этого города; см. также наше след. прим.

[15] В «версии В» «Романа…» Александр, обязывая египтян платить ему дани, прежде собиравшиеся в пользу Дария, говорит, что цель этого — не его обогащение, а строительство на их земле города, который станет столицей всего обитаемого мира (id., rec. β´. I. 34). Очевидно, что эти слова представляют собой аллюзию именно на фискальную деятельность Клеомена, представляющуюся уже неразделимой с сооружением Александрии.

Клеомен, а Аполлоний сын Харина (см. выше). Хотя Курций Руф и уточняет, что Клеомену с самого начала был доверен сбор налогов и с областей, управлявшихся Аполлонием (Curt. IV. 8.5), все же очевидно, что эта функция не тождественна прямому управлению соответствующими территориями (без чего градообразовательная деятельность на них была бы невозможна). Видимо, управление районом Александрии должно было с определенного момента уйти из полномочий Аполлония и перейти к Клеомену, причем, исходя из того, что вообще известно о последнем, весьма вероятно, что это стало результатом какой-то интриги (возможно, сначала фактического оттеснения Аполлония от этих функций, а затем уже формального их закрепления царем за Клеоменом). Причины, по которым Клеомен должен был стремиться к руководству сооружением и заселением Александрии, очевидны: эта миссия должна была вывести его на прямой контакт с царем, причем контакт весьма значимый, поскольку сооружение этого города без сомнения было для Александра своего рода «личным проектом». В связи с этим показательно, что на исходе своей жизни Александр поручает Клеомену в известном смысле еще более «личное» дело — возведение в Александрии храмов Гефестиона, суля ему за это прощение за все мыслимые проступки в прошлом и будущем (Arr. VII. 23.6-8)[16]. Однако следствием подобного положения Клеомена с неизбежностью должна была стать столь прочная «ассоциация» его с Александром и делами последнего в Египте, что отношение к Клеомену со стороны египтян невольно должно было включить в себя реакцию не только собственно на его мероприятия, но и, шире, вообще на плюсы и минусы начала македонского владычества над их страной[17].

Наконец, еще один весьма важный нюанс в полномочиях Клеомена из Навкратиса состоял в том, что их общепризнанной основой, придавшей этому деятелю немалую одиозность, была сфера хозяйства и финансов. Особенное место в ней занимало развитие хлебной торговли Египта: так, сама миссия Клеомена по обустройству Александрии предполагала, согласно «Экономике» Псевдо-Аристотеля[18], концентрацию в новом городе морской торговли ([Arist.] Oec. II. 33c), а некоторые стратагемы по извлечению дохода, приписываемые в этом источнике Клеомену, связаны с экспортом египетского хлеба (id. 33a, e); об усилиях Клеомена, направленных на создание для этой цели инфраструктуры за пределами Египта и на извлечение из хлебного экспорта максимальной выгоды, говорит и речь «Против Дионисодора» ([Demosth.] XLVI. 8). Даже в связи с почестями, которые Клеомен должен был воздать умершему Гефестиону, Александр, согласно Арриану, специально оговорил, что одна из них должна состоять в помещении его изображения на перстнях-печатях, которыми в Александрии будут скреплять свои договоры купцы (Arr. VII. 23.7). Подобный характер деятельности Клеомена привел исследователей даже к обсуждению вопроса о том, был ли он «финансовым гением» своего времени[19] или же его действия, напротив, заслуживают в

[16] См. о вероятной аутентичности данного сообщения Арриана труду Птолемея об Александре: Hammond 1993, 304-305.

[17] Данный вопрос мы постарались подробно рассмотреть в отдельной статье «Сведения Псевдо-Аристотелевой “Экономики” о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды» (ВДИ; в печати).

[18] См. об этом источнике: Wilcken 1901; Жебелев 1937; Таронян 1969; Descat 2003.

[19] Seibert 1969, 44; Polanyi 1977, 243.

этом отношении некоей критики[20]. Не включаясь в это обсуждение (и не будучи уверены в его плодотворности), мы в то же время должны сказать, что сама постановка подобного вопроса, может быть, не очень заметно, но достаточно тесно связана с целями приобретения Александром Великим Египта. В литературе уже давно высказывалось мнение, что одной из этих целей было установление контроля за крупнейшим в Средиземноморье центром хлебного экспорта (при том что второй важнейший в IV в. до н.э. путь поступления зерна в полисы Балканской Греции — через Черноморские проливы из Северного Причерноморья — прочно контролировался уже отцом Александра)[21]; концентрируя в своих руках контроль над путями и отчасти над источниками поступления хлеба в греческие полисы, Александр тем самым значительно усиливал в них свое политическое влияние[22]. В таком случае значение деятельности Клеомена для Александра должно было определяться не только «личным», субъективно важным для него аспектом обустройства Александрии Египетской, но и не менее значимыми объективными экономическим и политическим аспектами этого. Разумеется, не менее важна была и деятельность Клеомена как организатора налогообложения Египта и, соответственно, больших поступлений в общеимперскую казну; однако как раз она едва ли предопределила бы особый персональный контакт между Клеоменом и Александром. При этом, однако, Клеомен оказывался в своеобразном положении администратора (к тому же не просто главы хозяйства и финансов крупного региона, а его фактического правителя), не имеющего практически никакого отношения к военной сфере и «специализирующегося» на сугубо меркантильных делах в эпоху, когда военные заслуги по преимуществу определяли положение людей при особе царя и в том числе их право на занятие видных постов в государственной иерархии[23]. Эта особенность положения Клеомена, несомненно, предопределяла его некоторое «аутсайдерство» среди других высших сановников державы Александра, которое и не замедлило сказаться после смерти царя, когда о сохранении за Клеоменом высшего статуса в администрации Египта не велось и речи. Было бы ошибкой думать, что данная особенность могла остаться незаметной для тех, кто наблюдал македонский «истэблишмент» времени Александра хотя и несколько со стороны, но все же в неизбежно тесном соприкосновении с ним, — для египтян: при прочной, как мы говорили, «ассоциации» Клеомена с делами Александра в Египте и вместе с тем при его «аутсайдерстве» по отношению к военному окружению царя, он оказывался не только естественной, но и весьма удобной мишенью для недовольства египтян новым этапом чужеземного господства над их страной (см. наше примечание 17).

Охарактеризовав важнейшие черты фактических полномочий Клеомена из Навкратиса в Египте, мы подходим теперь к вопросу о его формальном статусе, как мы сказали выше, неоднозначному в решении. Как мы видели, находясь в Египте, Александр Великий не назначил Клеомена на должность сатрапа этой

[20] Vogt 1971; cf. Le Rider 1997, 72.

[21] Cohen 1931; cf. Seibert 1971, 111.

[22] См. о роли этого фактора в политике эллинистических правителей: Трофимова 1961, 59 сл.

[23] В отличие от Клеомена, даже знаменитый Гарпал был все же вписан в круг с македонской военной знати своим прямым родством с Аргеадами, хотя физическая неспособность делала его непригодным для чисто военной карьеры: Heckel 2006, 129.

страны; однако сообщения ряда источников звучат таким образом, что можно заключить, что он ее все же имел (см. подробнее ниже). Ряд исследователей считает, что Клеомен стал сатрапом Египта уже после отбытия Александра Великого из Египта (как мы видели, находя, то ли присвоив его себе самостоятельно и поставив Александра перед свершившимся фактом[24], то ли получив его от царя в какой-то неизвестной нам ситуации[25]. На наш взгляд, уязвимы обе эти версии. Первую из них — узурпацию Клеоменом титула сатрапа — следует, как кажется, отвести уже по тому соображению, что Александр менее всего был человеком, которого было возможно «поставить перед свершившимся фактом», в особенности в вопросе управления столь значимой территорией, как Египет[26]. Что касается второй версии, то, на наш взгляд, есть все основания присоединиться к вопросу, который задает Ж. Ле Ридер: с какой целью стал бы Александр повышать статус Клеомена[27]? В самом деле, нет серьезных оснований думать, что задачи, поставленные Александром перед Клеоменом и связанные прежде всего с организацией экономики Египта и сооружением Александрии, не могли быть выполнены в рамках полномочий, которые, как мы знаем достоверно, были предоставлены ему царем в соответствующих сферах. В то же время мы помним указание Арриана о нежелании Александра допускать концентрацию власти над этой страной в одних руках (см. выше): наделение Клеомена формализованным статусом единоличного наместника Египта по инициативе Александра было бы немыслимо без отказа от таких соображений. Собственно говоря, статус наместника Египта — исходно не единоличный, но в итоге ставший таковым вопреки замыслу Александра — предусматривался при организации управления Египтом в полномочиях «номархов» Петисиса и Долоаспа. Как мы помним, последний в итоге стал единственным титульным наместником Египта; и, скорее всего, именно один из этих сановников был обозначен как «сатрап» в демотическом остраконе времени Александра из Саккара (см. наше примечание 5). То, что данный статус был придан Александром не македонянину или греку, а представителям восточных народов, несомненно, не случайность, а вполне обдуманный шаг, который можно объяснить, с одной стороны, стремлением продемонстрировать самоотстранение завоевателей от фор-

[24] Vogt 1971.

[25] Groningen 1925, 111-113 (по мнению данного автора, ради большей эффективности миссии Клеомена по сооружению Александрии); Seibert 1969, 43. Показательным образом суждений по данному вопросу не высказывает автор обобщающей работы о сатрапиях времени Александра и диадохов Х. Клинкотт: в ней он говорит о Клеомене как о сатрапе (Klinkott 2000, 19) и даже показывает графически в одной из таблиц, что тот должен был соединить в своих руках полномочия, принадлежавшие исходно «номарху» Долоаспу и управителю района Александрии Аполлонию (Klinkott 2000, 79; см. настоящую работу выше), однако от того, чтобы пояснить повествовательно, как именно это должно было произойти, он воздерживается.

[26] Этого же мнения придерживается Я. Зайберт, который считает, что Клеомен сумел настоять перед Александром на повышении его статуса, опираясь при этом на собственные наемные отряды (именно их обеспечением ему, по мнению данного автора, пришлось заниматься, согласно одному из сообщений «Экономики» Псевдо-Аристотеля: [Arist.] Oec. II. 39): Seibert 1969, 43-44). Такая возможность маловероятна, если судить по ситуации, в которой Клеомен оказался при вступлении во власть над Египтом Птолемея в 323 г. до н.э.: тогда на его сторону встала лишь очень небольшая группа войск, находившихся вместе с ним в Мемфисе (Литвиненко 1998, 158-159). Гибельный для Клеомена исход этого противостояния как нельзя лучше показывает, что его наемные войска, во всяком случае, не были бы реальной угрозой для армии державы Аргеадов.

[27] Le Rider 1997, 75.

мально высшей должности, а с другой — все же резко ограничить ее обладателей в их реальной власти (понятно, что уроженцы Востока не имели бы отношения к командованию размещенными в Египте македонскими контингентами). В таком случае передача статуса сатрапа Клеомену была бы весьма значимым отступлением Александра от этой политики.

Как мы уже сказали, основанием для самой постановки вопроса о наличии у Клеомена этого статуса служат свидетельства ряда источников. Так, Павсаний говорит об убийстве Птолемеем Клеомена, которого назначил «осуществлять в Египте власть сатрапа» Александр (Paus. I. 6.3: αὐτὸς δὲ ἐς Αἴγυπτον διαβὰς Κλεομένην τε ἀπέκτεινεν, ὃν σατραπεύειν Αἰγύπτου κατέστησεν Ἀλέξανδρος); сходное описание властных полномочий Клеомена при помощи глагола σατραπεύω мы видим в начале сообщения о нем трактата Псевдо-Аристотеля ([Arist.] Oec. II. 33a: Κλεομένης Ἀλεξανδρεὺς Αἰγύπτου σατραπεύων…). О «сатрапии» Клеомена, полученной им от Александра, говорится в связи с его подчинением новому сатрапу Египта Птолемею после смерти Александра в сообщениях Арриана и Дексиппа, известных в передаче Фотия (Arr. Succ. 1.5: Κλεομένης δὲ ὁ ἐξ Ἀλεξάνδρου τῆς σατραπείας ταύτης ἄρχειν τεταγμένος Πτολεμαίῳ ὕπαρχος εἶναι; FgrHist. 100. F. 8, § 2: ὁ δὲ τῷ βασιλεῖ Ἀλεξάνδρῳ ἐπὶ τῇ σατραπείᾳ ταύτῃ τεταγμένος Κλεομένης ὕπαρχος Πτολεμαίῳ ἀποκατέστη). В связи с этими свидетельствами мы хотели бы обратить внимание на несколько моментов. Прежде всего, достаточно показательно, что в них мы видим не как таковой термин «сатрап» (σατράπης), отнесенный к Клеомену, а лишь производные от него (формы глагола σατραπεύω и слово σατραπεία), описывающие его власть. В ряде свидетельств статус Клеомена в Египте описан без употребления и этих терминов ([Demosth.] LVI. 7: Κλεομένους τοῦ ἐν Αἰγύπτῳ ἄρξαντος; Hist. Alex. Magni, rec. α΄. III. 19: Κλεομένην Αἰγύπτου ἐπιμελητὴν); при этом титул сатрапа ни разу не приписан ему в таком известном своей достоверностью источнике, как «Анабасис» Арриана[28]. Далее, стоит обратить внимание на смысловой и отчасти исторический контекст сообщений, в которых статус Клеомена описывается при помощи производных от слова «сатрап». В случае «Экономики» Псевдо-Аристотеля это описание типа т.н. «сатраповской экономии», рассматриваемой как один из типов извлечения доходов наряду с «экономиями» полисной, царской и частной ([Arist.] Oec. I. 1-2, 4, 7); соответственно, употребление глагола σατραπεύω при описании деятельности Клеомена в какой-то мере может быть продиктовано именно ее соответствием этой хозяйственной модели. Что же касается сообщений Павсания, а также Арриана и Дексиппа, которых цитировал Фотий, они посвящены установлению власти над Египтом Птолемея, ко-

[28] Теоретически умолчание о наличии у Клеомена статуса сатрапа в «Анабасисе» Арриана можно было бы объяснить враждебностью к нему автора одного из главных первоисточников этого произведения — Птолемея Сотера, столкнувшегося с Клеоменом при своем утверждении в Египте в кон. 320-х гг. до н.э. (см. выше; об использовании Аррианом труда Птолемея см.: Маринович 1982, 29-31, 59-63; об аутентичности труду Птолемея сообщений VII книги Арриана о Клеомене см. наше примечание 16). Вместе с тем, учитывая, что свое произведение Птолемей писал спустя не столь уж долгий срок со времени Александра, подобное искажение реальности могло не достигнуть своей цели, столкнувшись с критикой со стороны тех, кто помнил реальный статус Клеомена. Мы не говорим уже о том, что умолчание о статусе Клеомена как сатрапа, при том что его констатация ничем не могла повредить Птолемею, уже ставшему царем, было бы проявлением необычайной мелочности, вроде бы несвойственной основателю дома Лагидов.

торый, как мы знаем наверное, носил титул сатрапа этой страны; соответственно, Клеомен упоминается здесь не просто как управитель Египта, подчиненный македонскому царю, а именно как предшественник в этом качестве Птолемея, причем ставший теперь его подчиненным как сатрапа в должности гипарха (об этом говорят Арриан и Дексипп; ср. Iust. XIII. 4 14). Как видно, в данном контексте полномочия Клеомена при Александре тесно соотнесены с последующим статусом Птолемея как сатрапа Египта; поэтому не было бы удивительно, если бы данное обозначение было перенесено на прежние полномочия Клеомена независимо от того, как они были на самом деле определены формально, так сказать, «по аналогии» с Птолемеем. Кроме того, схождения между этими цитатами, приведенными Фотием, столь существенны, что должны объясняться либо связью между соответствующими произведениями (зависимостью их обоих от общего первоисточника или использованием труда Арриана более поздним автором Дексиппом[29]), либо же сходной перефразировкой тематически близких сообщений самим Фотием. Понятно, что если мы имеем дело с последним, то сам термин σατραπεία как описание власти Клеомена над Египтом может исходить от эпитоматора; и в таком случае его соответствие реальному статусу Клеомена достаточно проблематично.

В этой связи нам хотелось бы обозначить следующий вопрос, выходящий за рамки нашей непосредственной темы: обязательно ли считать производные от термина «сатрап» termini technici для обозначения соответствующего формального статуса или же они могут использоваться и иначе, как, скорее, описательная характеристика единоличной административной власти над тем или иным регионом, независимо от формального статуса ее обладателя? Надо сказать, что в недавней обобщающей работе Х. Клинкотта, посвященной институту сатрапов в Ахеменидской державе, этот вопрос не ставится в явной форме; однако можно понять, что ее автор скорее исходит из того, что и термин «сатрап», и производные от него в античных источниках обозначают соответствующий формальный статус; если же источники дают основания понять этот термин иначе, то речь идет не о вариации в его значении, а скорее о неверном его употреблении в значении, которое корректно передается термином «гипарх»[30]. В отечественном антиковедении примерно такого же мнения о значении термина «сатрап» придерживается Э. В. Рунг; между тем в недавней публикации он обратил внимание на его применение к управителям как больших объединений, включавших в себя по нескольку сатрапий (например, Кира Младшего, бывшего в 407–401 гг. «сатрапом» сразу Лидии, Великой Фригии и Каппадокии), так и территориальных единиц внутри сатрапий. По мнению Рунга, попытки выделить четко разграниченные «этажи» в административной иерархии державы Ахеменидов и соотнести корректное употребление термина «сатрап» лишь с одним из них были бы искусственны: как он говорит, «разумнее предположить, что одни сатрапы руководили другими сатрапами на основании особых полномочий, предоставляемых царем»[31]. Заметим, однако, что такое допущение само по себе выводит употребление термина «сатрап» за пределы обозначения наместников основных территориальных округов

[29] Schwartz 1905.

[30] Klinkott 2005, 28-37, bes. 35-36 und Anm. 22 (о «сатрапском» статусе наместника Эолиды Зения и даже его жены Мании; см. ниже).

[31] Рунг 2012, 31.

державы Ахеменидов и придает ему значение термина, относящегося к любым чиновникам, поставленным над той или иной территорией. В то же время в адресованном нам частном письме Э. В. Рунг обратил внимание на сообщение Ксенофонта о Мании — жене подчиненного Фарнабаза правителя Эолиды Зения, должность которого была определена как «сатрап» (Xen. Hell. III. 1.10); это обозначение имело в виду управление небольшим округом, выделенным внутри, так сказать, «стандартной» сатрапии, что, в частности, побудило Х. Клинкотта считать его употребление ошибкой Ксенофонта[32]. После смерти мужа Мании «Фарнабаз признал справедливым, чтобы его жена осуществляла власть сатрапа» (id. 12: ὁ Φαρνάβαζος ἔγνω δεῖν τῆν γυναῖκα σατραπεύειν), коль скоро она выразила готовность исправно собирать и передавать Фарнабазу подати, положенные с Эолиды, как это делал ее муж. Затруднение, порождаемое терминологией этого сообщения, очевидно: если статус Зения как сатрапа может быть признан реальным, исходя из того расширительного истолкования этого термина, которое предлагает Э. В. Рунг, то Мания, будучи женщиной, вряд ли вообще могла быть наделена данным титулом, так сказать, «всерьез». Собственно говоря, мы и не видим в данном фрагменте употребления по отношению к Мании как таковых титулов «сатрап» или «гипарх» (см. наше примечание 30), по достаточно полной аналогии с Клеоменом из Навкратиса. Между тем, смысл данного сообщения ясен: независимо от формальной стороны дела, речь в нем идет об исполнении Манией обязанностей по управлению соответствующей территорией и, в частности, по сбору с нее доходов (напомним, что именно это в первую очередь входило в обязанности Клеомена в Египта, чья деятельность рассматривалась с небольшой временной дистанции в «Экономике» Псевдо-Аристотеля как один из примеров «сатраповской экономии»). Не следует ли в таком случае заключить, что и термин «сатрап» и производные от него могут в древнегреческих источниках IV в. до н.э. служить все же характеристикой фактической власти единоличного администратора над той или иной территорией, даже независимо от ее формального статуса, и что именно с таким словоупотреблением мы сталкиваемся в ряде сообщений о Клеомене из Навкратиса?

На данном тезисе мы завершим наши наблюдения над античной традицией об этом деятеле времени Александра. Как уже было сказано, эти наблюдения так или иначе едва ли позволят решить вопрос о формальном статусе Клеомена однозначно. В то же время принципиально важны, на наш взгляд, специализация Клеомена на хозяйственно-финансовой сфере, не столь уж типичная в элите державы Александра и связанное с этим его «аутсайдерство» среди делавших в ней погоду военачальников. Думается, эти факторы определили несравненно большую зависимость Клеомена от расположения македонского царя, чем может показаться из сообщений источников.

---

[32] Klinkott 2005, 35-36 und Anm. 22; Клинкотт обращает внимание, что далее Ксенофонт именует вдову и преемницу Зения Манию «правильным» в этом контексте термином «гипарх» (Xen. Hell. III. 1.12). Заметим, кстати, что здесь Клинкотт серьезно ошибается: Ксенофонт не называет Манию «гипархом», а лишь говорит, что при визитах Фарнабаза в ее владения она принимала его много лучше и любезнее всех прочих гипархов (καὶ ὁπότε ἐκεῖνος εἰς τὴν χώραν καταβαίνοι, πολὺ πάντων τῶν ὑπάρχων κάλλιστα καὶ ἥδιστα ἐδέχετο αὐτόν).

ЛИТЕРАТУРА

Жебелев С.А. 1937: «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. 1, 114-125.

Иванчик А.И. 2009: К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2, 62-88.

Литвиненко Ю.Н. 1998: Сострат Книдский, Птолемей и захват Мемфиса: Проблема датировки // ВДИ. 1, 152-159.

Маринович Л.П. 1982: Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / В.И. Кузищин (ред). М., 22-65.

Рунг Э.В. 2012: Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. // ВДИ. 1, 16-39.

Соколов С.Н. 1979: Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / В.И. Абаев и др. (ред.). М., 234-271.

Таронян Г.А. (пер.) 1969: Аристотель. Экономика // ВДИ. 3, 217-242.

Трофимова М.К. 1961: Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 2, 46-68.

Andréadès A. 1929: Antimène de Rhodes et Cleomène de Naucratis // BCH. 53, 1–18.

Badian E. 1965: The Administration of the Empire // Greece & Rome. 12, 166-182.

Bengtson H. 1952: Die Strategie in der hellenistischen Zeit: Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. 3 (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 36). München.

Berve H. 1926: Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. 2. München.

Bosworth A.B. 1980: A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. 1: A Commentary on Books I-III. Oxford.

Chauveau M., Thiers Chr. 2006: L'Égypte en transition: des Perses aux Macédoniens // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques / P. Briant & F. Joannès (eds.) (Persika, 9). P., 375-404.

Cohen D. 1931: Alexander de Groote en Egypte // Tijdschrift voor Geschiedenes. 46, 225-234.

Cohen G.M. 2006: The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin and North Africa (Hellenistic Culture and Society, 46). Berkeley; L.A.; L.

Descat R. 2003: Qu'est-ce que l'economie royale? // L'Orient mediterraneen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée / Fr. Prost (ed.). Rennes, 149-168.

Fraser P.M. 1972: Ptolemaic Alexandria. 1-2. Oxford.

Groningen B.A. van. 1925: De Cleomene Naucratita // Mnemosyne. 53, 101-130.

Groningen B.A. van. 1933: Aristote, le second livre de l'économique. Leiden.

Hammond N.G.L. 1993: Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandri. Cambridge.

Heckel W. 2006: Who Was Who in the Age of Alexander the Great? Prosopography of Alexander's Empire. Malden (Ma.); Oxford;Victoria.

Helck W. 1972: Die altägyptische Gaue (Beihefte zum Tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, 42). Wiesbaden.

Hölbl G. 2001: A History of Ptolemaic Empire. L.; New York.

Huss W. 2001: Ägypten in der hellenistischer Zeit, 332-30 v. Chr. München.

Justi F. 1895: Iranisches Namenbuch. Marburg.

Kent R. 1950: Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven.

Klinkott H. 2000: Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit (Historia Einzelschriften, 145). Stuttgart.

Klinkott H. 2005: Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte, 1). Frankfurt a.M.

Le Rider G. 1997: Cléomène de Naucratis // BCH. 121, 71–93.

Polanyi K. 1977: The Livelihood of Man. New York. Ranke H. 1935: Die ägyptischen Personennamen. I. Glückstadt; Hamburg.

Rowlandson J. 2010: Administration and law: Graeco-Roman // A Companion to Ancient Egypt / A.B. Lloyd (ed.). 1. Malden (Ma.); Oxford, 237-254.

Schachermeyer F. 1973: Alexander der Grosse: Das Problem seiner Personlichkeit und seines Wirkens (Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil-Hist. Kl., 285). Wien.

Schwartz 1905: Dexippos // RE. 5, 288.

Seibert J. 1969: Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 56). München.

Seibert J. 1972: Alexander der Große. (Erträge der Forschung, 10). Darmstadt.

Seibert J. 1972a: Nochmals zu Kleomenes von Naukratis // Chiron. 2, 99-102.

Smith H. S. 1989: A Memphite miscellany // Pyramid Studies and Other Essays presented to I. E. S. Edwards / J. Baines (ed.). L., 184-192.

Smith H. S. Foreigners in the documents from the sacred animal necropolis // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / J. H. Johnson (ed.) (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). Chicago, 295-301.

Stähelin 1921: Kleomenes (8) // RE. 21, 710-712.

Turner E. G. 1974: A commander-in-chief's order from Saqqara // Journal of Egyptian Archaeology. 60, 239-242.

Vogt J. 1971: Kleomenes aus Naukratis — Herr von Ägypten // Chiron. 1, 153-157

Wilcken U. 1901: Zu den Pseudo-Aristotelischen Oeconomica // Hermes. 36, 187-200.

Yoyotte J. 1989: Le nom égyptien du "ministre de l'économie" de Saïs à Méroé // Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 133e année, 73-90.

OFFICIAL STATUS AND PERSONAL POWERS

I. A. Ladynin

The article considers issue concerning Cleomenes of Naucratis — chief financial administrator and actual governor of Egypt under Alexander the Great (332–323 B.C.). It is the author's opinion that there is a reason to believe that Cleomenes did not have an official rank of satrap and due to his purely civilian duties was in a way an outsider of Alexander empire elite whose indisputable leaders were Macedonian high-rank officers.

Key words: Cleomenes of Naucratis, Alexander the Great, Egypt, administration, authority

© 2012

Т. Г. Алпаткина

САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ РЕЗНОГО ГАНЧА ИЗ ДВОРЦА ВАРАХШИ

Статья посвящена анализу нового источника для изучения садово-паркового искусства VI–VIII вв. – фрагментов коллекции резного ганча из дворца Варахши под Бухарой, в которых представлен образ царского сада.

Ключевые слова: средневековье, сасанидский период, письменные источники, книжная миниатюра, поэзия, ковры, резной ганч

Садово-парковое искусство Центральной Азии исследовалось, как правило, в связи с изучением исторической топографии различных городов в определенные исторические периоды, например, Герата XV в.[1] Существует лишь несколько специальных работ по данной теме. Это большая статья Г. А. Пугаченковой, изучавшей главным образом ландшафтную архитектуру Самарканда конца XIV–XV вв.[2], и исследования М. А. Юсуповой, посвященные садам Бухары начиная с IX–X вв. и вплоть до XIX в.[3]

Краткие сведения предоставляют данные археологических раскопок, письменных источников, литература (средневековая восточная поэзия), книжная миниатюра, живопись; своеобразными источниками являются также иранские ткани и так называемые “садовые” ковры. Как отмечает Э. М. Исмаилова, «пейзаж и его атрибуты — одна из древнейших тем изобразительной деятельности человека. Осознанное и неосознанное восприятие пейзажа и отражение его запечатлено в разных областях художественной культуры, прежде всего в устной традиции и письменной литературе, изобразительном искусстве»[4]. Под последним здесь подразумевается книжная миниатюра — иллюстрации к поэмам Фирдоуси, Низами, Саади, Дехлеви, Джами, Навои. Между тем имеется еще один род изобразительной деятельности человека, отражающий пейзаж. Это один из видов архитектурного декора — резьба по ганчу.

Никогда ранее резной ганч не рассматривался как источник по изучению средневекового садового искусства. Собственно, до настоящего времени это и не представлялось возможным. В резьбе по ганчу на известных памятниках Ирана, Ирака, Афганистана, Алжира, Сирии парфянского, сасанидского и исламского периодов широко используются растительные мотивы, как правило, в качестве орнаментальных обрамлений. Единственным памятником, где растительный мир в ганчевом декоре представлен настолько натуралистично, что это дает возмож-

Алпаткина Татьяна Геннадьевна — старший научный сотрудник, хранитель фонда «Раннесредневековый архитектурный декор Центральной Азии» Государственного музея Востока. E-mail: alp_tatyana@mail.ru

[1] Беленицкий 1946, 175-202.

[2] Пугаченкова 1951, 143-168; переиздание с дополнениями: 1987, 172-185.

[3] Юсупова 2000, 247-251; 2005, 115-123.

[4] Исмаилова 2006, 5.

ность говорить об изображении сада, является загородный дворец бухар-худатов, раннесредневековых правителей Бухары, на городище Варахша в Узбекистане. Сейчас, по завершении работы по разбору коллекции фрагментов резного ганча из раскопок на айване дворца, хранящейся в Государственном музее Востока (Москва), мы можем привлекать этот вид архитектурного декора в качестве нового археологического источника для изучения раннесредневекового садово-паркового искусства Бухары. Дополнительные сведения предоставляют изученные автором фрагменты варахшинского ганча из раскопок экспедиций В. А. Шишкина 1930–1950-х гг., которые хранятся в разных музеях Узбекистана.

Варахша, бывшая крепость на торговом пути из Бухары в Хорезм, с V в. н.э. становится одним из политических и экономических центров Бухарского оазиса. В VI–VII вв. это оживленный и хорошо укрепленный город, окруженный садами и полями, которые орошались арыками, выведенными из реки Заравшан. В VII–VIII вв. Варахша является одной из загородных резиденций бухар–худатов, при которых здесь были возведены цитадель и дворец[5]. Ганчевый декор дворца датируется 30–80-ми годами VIII в.[6]

Целый ряд реалистично выполненных изображений в ганче Варахши: стволы, ветви, листья и плоды деревьев, виноградная лоза и разнообразные цветы, — на наш взгляд, позволяют говорить о существовании на территории Варахши или рядом с городом такого сада, который в письменных источниках и научной литературе принято называть “царским” (или дворцовым), в мусульманский период — “райским”.

В. В. Бартольд в работе «История культурной жизни Туркестана» пишет о существовании в Бухаре в VIII–IX вв., в Исфахане и Нишапуре в XI в. «частных жилищ и парков царей и вельмож», отмечая при этом, что «из рассказов о походе Александра Македонского видно», что уже в IV в. до н.э. подобные парки были известны не только в Персии, но и в Туркестане. В Персии такой парк (сад) обозначался словом “пардес”, которое «перешло из древне-персидского языка в греческий, где оно служило также для обозначения райского сада и до сих пор сохранило это значение в нескольких языках (франц. paradis)»[7].

А. Регель в своем обширном исследовании «Изящное садоводство и художественные сады» в историческом очерке, посвященном восточным садам, описывает персидские “парадизы”, которые «украшали каждую из царских резиденций» и в которых «помещались все местные растения, отличавшиеся красотой или полезностью… Главную и лучшую часть сада занимали редкие деревья и роскошные цветы, … завезенные со всех частей тогдашнего мира»[8]. При раскопках иранских памятников получены данные о существовании царских садов сасанидского периода[9]. Первые же сведения о среднеазиатских садах и парках появляются только в арабских источниках. О садах IX–X вв. мы знаем из «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи: в главе «Описание царских дворцов, находившихся в Бухаре» он

[5] Наршахи 1897, 26; Шишкина 1990, 108-110.
[6] Алпаткина 1999, 61-71; Naymark 2002, 25; Адылов, Мирзаахмедов 2008, 74-76.
[7] Бартольд 1927, 36.
[8] Регель 1896, 11-12.
[9] Pope, Ackerman 1939, 1427-1445.

рассказывает о распланированных садах с плодовыми деревьями, цветниками и водоемами[10].

Постепенно была выработана определенная типология в среднеазиатском садово-парковом строительстве, что привело к появлению в конце XIV в. чарбага. Чарбаг — буквально “четыре сада” — это сад, окружающий дворец со всех сторон[11]. “Баги” — сады при дворцах правителей, членов их семей и видных вельмож, при мавзолеях, а также типовые чарбаги известны в различных городах: в Самарканде и Кеше с конца XIV–XV в., в Герате — с XV в., в Бухаре, Исфахане, Балхе, Кабуле, Несефе, Мерве — с XVI в., в Хиве — в XIX в.[12] В труде «Матлаб ат-Талибин» бухарский автор XVII в. Мухаммад Талиб приводит данные о том, что его отцу, одному из джуйбарских шейхов, «в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Андижане, Хисаре, Хузаре, Шахрисябзе, Карши, Мианкале, Каракуле, Чарджоу и Балхеему принадлежали 1000 участков плодородных земель, *50 садов и чарбагов* (выделено нами — Т.А.), каменные дворцы, сардоба и базары»[13]. Для Бухары имеются сведения о чарбагах вплоть до XIX — начала XX в.[14]

Начиная с XIV в. дворцовые сады часто встречаются среди изображений пейзажа в миниатюрах из Бухары, Самарканда, Багдада, Шираза, Табриза[15]. Цветущие сады нашли отражение в рисунках иранских тканей XVI–XVII вв.[16] Традиция отражения в искусстве образа сада — земного воплощения райских кущ — выражена и в названиях поэтических произведений, содержащих в себе слова “сад”, “цветник”[17].

Таким образом, в источниках, литературе, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве есть свидетельства существования средневосточных садов и парков. Что же касается городов Средней Азии, то ранее X в. сведений об их ландшафтной архитектуре нет, за исключением приведенного выше сообщения В. В. Бартольда о «парках царей и вельмож» в Бухаре VIII–IX вв. В некоторой мере восполнить лакуну для среднеазиатских садов периода VI–VIII вв. позволяет материал из раскопок на айване дворца Варахши.

Одной из отличительных особенностей резьбы по ганчу во дворце Варахши является двуплановая резьба — низкая и более высокая, переходящая в барельеф и даже горельеф, который зачастую достигает такой высоты и размеров, что практически превращается в объемную скульптуру. Это пристенная скульптура, когда отдельные фигуры, выполненные в натуральную величину, выступают из стены на три четверти своего размера. Так, среди находок из раскопок 1930–50-х гг.

---

[10] Наршахи 1897, 37-38; см. также Сухарева 1958, 36, прил. I; Юсупова 2005, 116, 122. В тексте Наршахи упоминаются сады — “баг”, парки (рощи) — “чемен” и цветники — “бустан” (Бартольд 1927, 36).

[11] Бартольд 1927, 36; Пугаченкова 1951, 152; Юсупова 2000, 247.

[12] Беленицкий 1946, 193-196; Мухамеджанов 1955, 32, 42, рис. 2; Веймарн 1974, 60, 104, ил. 56, 106; Ахмедов 1985, 107, 123, 136, 143, 187; Пугаченкова 1987, 174-182; Клавихо 1990, 103-104; Юсупова 2000, 247-250; 2005, 116-123.

[13] Ахмедов 1985, 188-189, 191-192.

[14] Ханыков 1843, 94, 96; Сухарева 1958, 96, прил. II; Юсупова 2005, 121.

[15] Среднеазиатские миниатюры 1964, №№ 16, 24-25; Миниатюры… 1983, №№ 63, 67, 73; Бертельс 1997, 328-337, ил. 12-14; Абу-л Фазл Аллами 2003, 80-81, 128-129, 144-145, 160-161; Бабурнаме 2005, илл. 67, 70.

[16] Веймарн 1974, 145-156, илл. 203-206; Сазонова 2004, 80.

[17] Исмаилова 2006, 24.

имеются обломки с изображениями стволов деревьев, позволившие определить, что они достигали до 2-3 м высоты[18].

По различиям в технике резьбы мы выделили в ганче шесть типов изображений, представляющих несколько видов деревьев.

1. Гранат (рис. 1, *1-4*)[19].

2. Черешня или вишня (рис. 1, *5*). Это дерево с созревшими плодами[20]. Судя по форме листьев и плодов, это могут быть как черешня, так и вишня[21].

Рис. 1. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты: *1-4* — изображение граната, размеры от 6x8 до 10x14 см; *5* — изображение черешни или вишни, размер 42-74 см.

[18] Шишкин 1963, 171.
[19] Тахтаджян 1981, 211, рис. 107, 3.
[20] Шишкин 1963, 76, 179, рис. 98.
[21] Франке и др. 1979, 155.

3. Акация (или пальма?). Два варианта изображений: 1) отдельные листья (рис. 2, *1*); 2) по четыре листа, наложенных друг на друга в длину (рис. 2, *2*).

4. Деревья с гладкой корой. Два варианта изображений: стволы деревьев без веток и стволы с отходящими от них веточками (рис. 2, *3-6*).

5. Деревья со стволами, у которых кора выполнена рельефными линиями. Три варианта изображений: стволы деревьев с ветками и без них, стволы с резной корой, на которой показаны “глазки” (рис. 3, *1-3*).

Рис. 2. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты: *1-2* — изображение листьев акации, размеры от 4х12 до 18х24 см; *3-6* — изображения гладкоствольных деревьев, размеры от 4х11 до 16х27 см.

6. Разрозненные единичные листья (рис. 3, *4-8*).

К деревьям с гладкой корой можно отнести тополя, они растут в Средней Азии и известны в садах Самарканда, Бухары, Герата XV–XVIII вв.[22] Рельефная кора имеется практически у всех деревьев, как плодовых, так и декоративных, в том числе у граната, черешни, вишни, акации, изображения которых есть в варахшинском ганче, а также у яблони и груши. Есть также изображения, которые своей формой напоминают листья яблони, груши, хурмы (рис. 3, *4, 8*)[23].

Рис. 3. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты: *1-3* — изображения деревьев с рельефной корой, размеры от 8х15 до 15х24 см; *4-8* — разрозненные листья, размеры от 3х7 до 6х15 см.

[22] Регель 1896, 12-13; Среднеазиатские миниатюры 1964, № 53; Пугаченкова, Галеркина 1979, 84, 86-89, №№ 16, 18; Тахтаджян 1981, 81- 83; Пугаченкова 1987, 178-179; Юсупова 2005, 119-120.

[23] Тахтаджян 1981, 102-103, 183-185, рис. 52, 89.

Тщательность моделировки коры, а также различная форма листьев, как нам кажется, демонстрируют стремление художников и резчиков представить в ганчевом декоре на стенах айвана дворца Варахши реальные растения из местных садов. Нужно отметить, что в коллекциях варахшинского ганча из Эрмитажа и музеев Узбекистана имеются фрагменты с изображением деревьев очень крупных размеров и большой высоты, от корней до вершин, иногда стволы и ветви обвивает виноградная лоза.

Все перечисленные деревья растут в Средней Азии. В X в. пригородные сады Бухары «были полны прекрасных плодов: груш, миндаля, орехов, черешни, винограда»[24]. В земледельческом трактате «Иршад-аз Зира'а» (Герат, начало XVI в.) в «Главе о посадке саженцев, цветов, деревьев, душистых трав, об устройстве чарбага и последовательности его возведения» из плодовых деревьев названы абрикос, персик, груша, гранат, айва, вишня, черешня. Г. А. Пугаченкова пишет: «Едва ли самаркандский ассортимент чем-либо отличался [от гератского]; вероятно, к нему следует добавить яблоки и миндаль. Большая часть этих пород, которыми славится и сегодня Средняя Азия, не менее обычна на миниатюрах XV в., чем в среднеазиатской поэзии»[25]. Яркий пример — миниатюра из рукописи «Хаварнаме», 1480 г., где представлен цветущий "райский" сад с прудом, в котором плавают лебеди; посреди сада пруд, от него отходят арыки, а вокруг растут цветы и цветущие деревья, одно из которых — гранат с крупными плодами[26]. Известны иранские "садовые" ковры XVII в., на которых показаны гранат со спелыми плодами, цветущая вишня[27].

Что касается изображения листьев, которые мы отнесли к акации, своей формой они очень напоминают также листья пальмы, которые встречаются на миниатюрах[28]. Устраивая сады в Кабуле, Герате, Адинапуре, Бадахшане Бабур, «который очень увлекался селекционными экспериментами, охотно ввозил в более северные районы всяческие экзоты», среди которых были и банановые пальмы[29]. На миниатюре 1543 г. «Лейла в саду» к рукописи Низами «Хамсе» показан сад с ручьем, на берегу которого растут три пальмы[30]. Г. А. Пугаченкова отмечает, что экзотическую растительность в среднеазиатские сады завозили в XV в.: в настенной живописи ряда мавзолеев этого времени в Самарканде и Шахрисябзе наряду с обычными для Средней Азии деревьями изображены какие-то пальмовидные экзоты»; ветви пальмы широко представлены в росписи на самаркандской керамике[31]. "Пальмовым листом" назвал В. А. Шишкин изображение на одном из фрагментов варахшинского ганча[32]. Но все же, пока нет данных о том, что в VII–VIII вв. в Бухару для посадок в садах ввозились эти экзотические деревья, похожие на них изображения в ганче Варахши мы отнесли к листьям акации.

---

[24] Наршахи 1897, 37-38.
[25] Пугаченкова 1987, 179.
[26] Веймарн 1974, 106, илл. 112.
[27] Кверфельдт 1940, 271-272, табл. VI; Веймарн 1974, 148-149.
[28] Бабур-наме 2005, илл. 20.
[29] Пугаченкова 1987, 179.
[30] Веймарн 1974, 129, илл. 164.
[31] Пугаченкова 1987, 179.
[32] Шишкин 1947, 241, рис. 46.

Какие еще деревья были изображены в варахшинском ганче, можно только предполагать. С X–XII вв. в письменных источниках и поэтических произведениях, начиная с XIV в. — в миниатюрах, на коврах и тканях описаны и показаны разнообразные деревья, которые росли в садах и парках Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии: абрикос, персик, айва, цитрон, лимон, померанец, миндаль, орех; чинара, кипарис, ива, карагач, платан; шиповник; сосна, пихта[33].

В варахшинской резьбе по ганчу легко узнаваемы очень реалистично выполненные изображения виноградной лозы (рис. 4). Интересно, что у гроздьев различная форма и размеры, возможно, это разные сорта винограда.

Виноградники часто упоминаются вместе с садами. В начале XV в. Клавихо описал дворцовый сад Гюль-Баг в пригороде Самарканда и указал, что оттуда проход вел в виноградник, «по размеру равный [самому] саду»[34]. Виноград рос в саду Баг-и-Мурад в пригороде Герата в XV в.[35], его предписывалось сажать в типовом чарбаге согласно трактату «Иршад-аз Зира'а»[36]. Виноградный сад упоминает бухарский автор начала XVII в.[37]

В отличие от винограда и плодовых деревьев, намного сложнее обстоит дело с распознаванием в резьбе по ганчу изображений реальных цветов. В коллекции варахшинского ганча имеется значительное количество фрагментов с цветочными розетками, у которых чаще всего по 5 и 6, чуть реже по 4, 8 и 10, еще реже по 16 и 18 лепестков (рис. 5, *3-9*).

Перечень цветов в восточных средневековых садах, парках и цветниках весьма обширен. А. Регель пишет о розах, нарциссах, лилиях и фиалках[38]. В типовом чарбаге XVI в. предписывалось сажать фиалки, ирисы, крокусы, нарциссы, тюльпаны, анемоны, жасмин, пионы, бархатцы; на клеверном газоне — восемь сортов роз и маки[39]. В садах Агры Бабур распланировал цветники с розами и нарциссами[40]. Белые нарциссы, красные розы, маки, тюльпаны, фиалки мы видим на миниатюрах XV–XVI вв. из Бухары и Ирана[41]. Розы росли в бухарских садах-чарбагах первой половины XIX в.[42]

В рисунках иранских тканей XVI — XVII вв. имеются изображения нарцисса, цветка граната, мака, ириса, лотоса, гвоздики, розы, гиацинта[43].

Розовые цветники были в саду во дворце Весны Фархада[44]. Роза, пион, тюльпан, фиалка, лилия, нарцисс, жасмин, левкои росли в саду у Лейли[45].

[33] Наршахи 1897, 37-38; Беленицкий 1946, 194; Навои 1948, 47-48, 54-55; Среднеазиатские миниатюры 1964, №№ 1, 8-9; Веймарн 1974, 130, 147-148; Пугаченкова, Галеркина 1979, №№ 16, 18, 18а, 33, 49; Пугаченкова 1987, 177; Клавихо 1990, 105-106; Бабур-наме 2005, 18, ил. 16-18; Исмаилова 2006, 28, 45.

[34] Клавихо 1990, 105-106.

[35] Беленицкий 1946, 194.

[36] Пугаченкова 1987, 176-177.

[37] Ахмедов 1985, 192.

[38] Регель 1896, 13.

[39] Пугаченкова 1951, 156, рис. 2; 1987, 179-180.

[40] Пугаченкова 1987, 179-180.

[41] Среднеазиатские миниатюры 1964, №№ 25, 32; Пугаченкова, Галеркина 1979, №№ 33, 49; Миниатюры… 1983, №№ 42, 49; Сазонова 2006, 47-48; Исмаилова 2006, 29.

[42] Ханыков 1843, 96.

[43] Сазонова 2004, 124-142, 153-154, рис. 3-13, 20-21.

[44] Навои 1948, 46-47, 52, 53, 54.

[45] Низами 1991, 106-107.

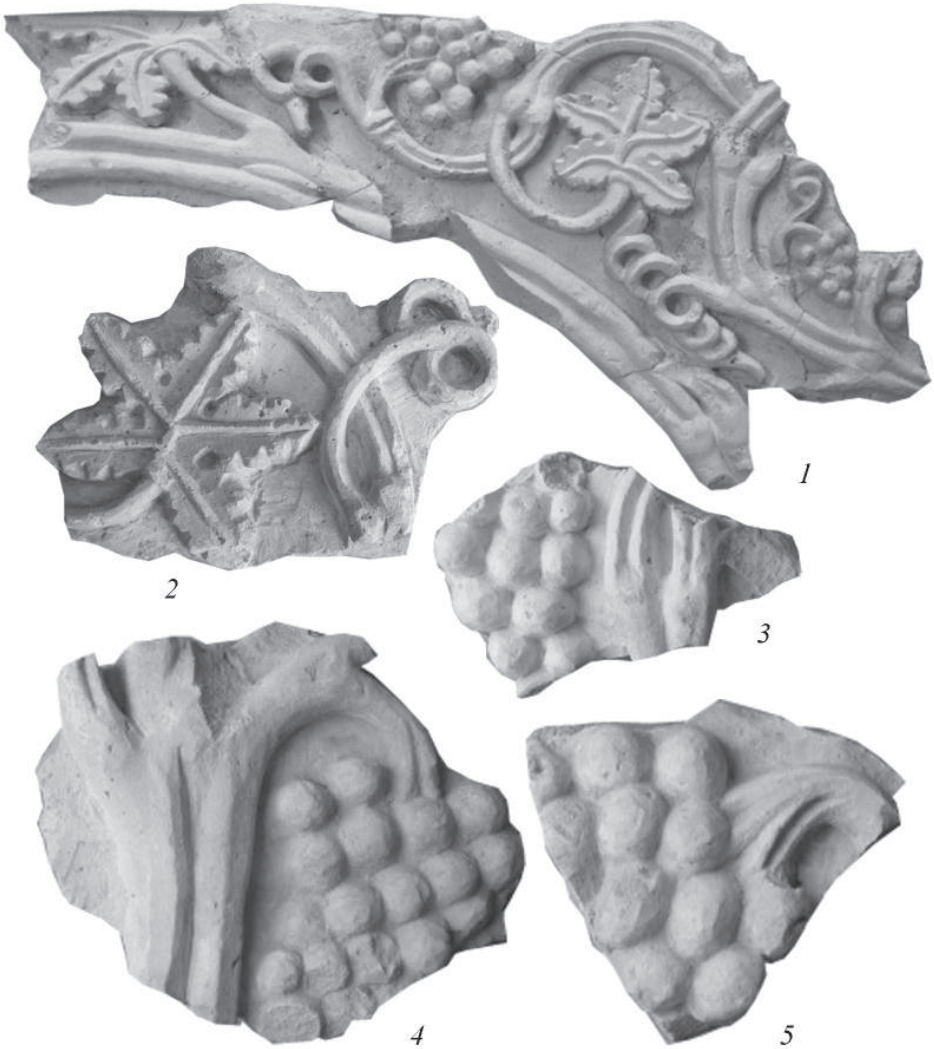


Рис. 4. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты с изображением виноградной лозы, размеры от 7х8 до 18х56 см.

Возвращаясь к ганчевому декору из дворца Варахши, мы вынуждены отметить, что здесь мало точно определяемых реальных цветов. В. А. Шишкин выделил хризантему, распустившийся тюльпан, лилию[46]. Изображения лилии и тюльпана имеются и в коллекции музея Востока, но тюльпан представлен в виде бутона. У нас есть также фрагменты от 18-лепестковых цветочных розеток, их реконструкция полностью совпадает с предложенной В. А. Шишкиным для цветка хризантемы (рис. 5, *3*). Формой лепестков (заостренные на концах), их расположением (лепестки как бы наложены друг на друга тремя слоями) это изображение

[46] Шишкин 1947, 243-244, рис. 42, 44.

действительно очень близко живому цветку — т.н. махровой хризантеме. С глубокой древности известны и сорта махровых роз. Так, Теофраст около 3000 г. до н.э. описывает розы из Греции, у которых по 15, 20 и даже 100 лепестков. Однако форма лепестка у них иная, чем у хризантемы[47].

Уникальным является изображение мака в варахшинском ганче, фрагменты которого найдены пока только в коллекции музея Востока. Это созревший плод, сухая маковая коробочка на длинном стебле с листьями (рис. 5, *1-2*)[48].

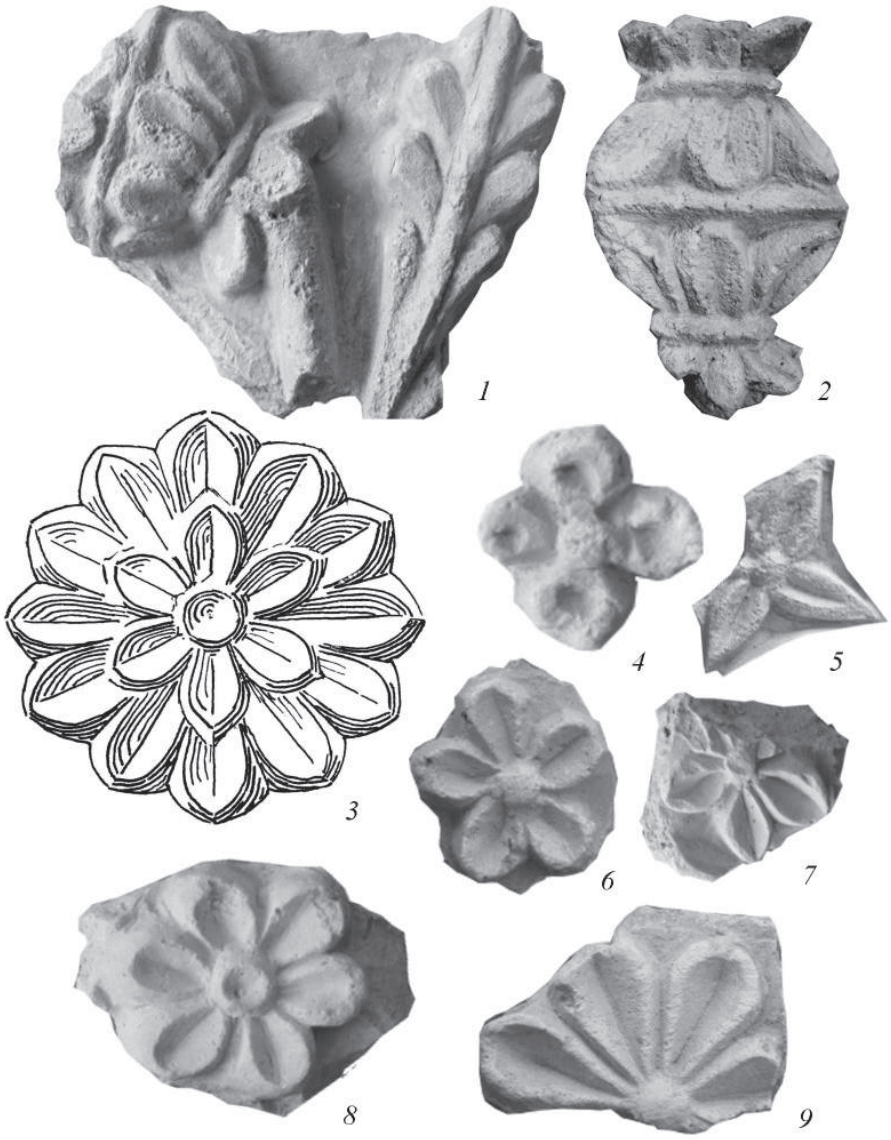


Рис. 5. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты с изображением цветов: *1-2* — мак, *3* — хризантема, *4-9* — цветочные розетки; размеры от 2х2 до 12х14 см.

[47] Тахтаджян 1981, 183, 462, 472.

[48] Подробно об этом изображении см. Алпаткина 2012, сдано в печать.

Пытаясь определить изображения цветов в резном ганче, нельзя не учитывать специфику материала. То, что выполнено в живописи, далеко не всегда возможно повторить в резьбе по ганчу. Так, например, Н. В. Сазонова пишет о школе живописи цветов, созданной к XVI в. иранскими мастерами: «Они не только точно передавали силуэт, строение и все части растения, но и структуру всех его элементов: листьев, лепестков, стеблей, делая различия между семействами»[49]. Форма же лепестков в ганче (остроконечные или округлые, длинные или короткие) иногда зависит от техники резьбы — от качества раствора и, соответственно, скорости его застывания, от резки непосредственно на стене — без трафарета, от разного уровня мастерства резчиков. Поэтому применительно к ганчу мы можем взять за основу для определения цветов лишь количество лепестков в цветочной розетке.

Четырех- и пятилепестковые розетки могли быть изображениями фиалки, пятилепестковые — цветка жасмина, пяти- и шестилепестковые — нарцисса. От 5 до 10 лепестков у цветов розы и пиона[50]. Изображения ириса нет в варахшинском ганче — если брать за пример наиболее часто встречающееся в миниатюрах, лаковой росписи и на тканях характерное по форме изображение этого цветка[51]. Можно предположить, что варахшинские мастера показали также цветущие плодовые деревья. В этом случае 5-лепестковой розеткой могли быть переданы цветы яблони, сливы, вишни, абрикоса, айвы и др.[52]

«Зелень — основное слагаемое сада; другое, не менее важное — вода»[53]. В садах и парках устраивалось регулярное водоснабжение, включавшее систему арыков или ручьев, бассейнов, водоемов. Утки, лебеди, рыбы, плавающие в бассейнах и ручьях, часто изображались в миниатюрах[54]. Об этом говорят и названия водных источников при некоторых садах («Бассейн рыб» в Герате)[55]. В изображении сада на шелковой ткани XVI–XVII вв. из Ирана показано озеро с рыбами[56]. Поле одного из “садовых” ковров XVII вв. разделено на части “каналами” с рыбами; в рисунке другого ковра показаны пруд и две рыбы[57].

Неизменный атрибут реального сада — водоем или арык — присутствует и в резьбе по ганчу. В варахшинской коллекции имеется большое количество фрагментов с изображением волн и нескольких пород плещущихся в воде рыб, змеи в волнах, водоплавающей птицы и даже лягушки (рис. 6, *1*)[58].

Еще одной особенностью царских садов было то, что их часто использовали для организации охоты, были также парки-заповедники. В. В. Бартольд отмечает, что в Бухаре в VIII–IX вв. и Нишапуре в XI в. в «парках царей и вельмож … со-

---

[49] Сазонова 2006, 56.

[50] Тахтаджян 1981, 16, 40, 175, 180, 374, рис. 91, 199.

[51] Кверфельдт 1940, табл. IV; Среднеазиатские миниатюры 1964, №№ 25, 32, 35-36; Сазонова 2004, 132, 135-138, рис. 8, 10-11; 2006, илл. 10.

[52] Тахтаджян 1981, рис. 89; Рейвн и др. 1990, 338, рис. 18-47, А.

[53] Пугаченкова 1987, 180; см. также Исмаилова 2006, 34.

[54] Среднеазиатские миниатюры 1964, № 39; Пугаченкова, Галеркина 1979, № 33, 40, 43; Абу-л Фазл Аллами 2003, 160-161; Бабур-наме 2005, 18.

[55] Пугаченкова 1987, 180.

[56] Веймарн, 1974, 145, илл. 205.

[57] Кверфельдт 1940, 271-272, табл. VI; Веймарн 1974, 148.

[58] Шишкин 1947, табл. VIII, X; 1963, 171, рис. 81.

держались и звери для охоты»[59]. О парке-заповеднике в окрестностях Бухары, где были разведены антилопы, козы, лисицы, кабаны, рассказывает Кубави, переводчик рукописи Наршахи[60].

Эта традиция уходит корнями в более раннее время. А. Регель, описывая персидские “парадизы”, сообщает, что они часто «заселялись львами, барсами, кабанами и другим охотничьим зверьем… Подобный парадиз, наполненный зверьем и специально назначенный для охоты, имелся в Вавилоне уже во времена Парфян и лежал позади дворца»[61]. В Ктесифоне в VI–VII вв. известны царские сады и охотничьи угодья[62]. Позднее, в XV–XVI вв., в Самарканде известны сады с животными, например, “Баг-и Широн” (Сад тигров)[63].

Птицы, бегущие олени, охотящиеся на ланей леопарды — частые изображения в пейзажных шелковых тканях и “садовых” коврах XVI–XVII вв.[64]

В резном ганче Варахши имеется большое количество фрагментов с изображением сцены царской охоты: всадники с луками и веревочными петлями–арканами в руках: джейраны, олени, бараны, кабаны. В коллекции музея Востока есть также фрагменты с изображениями львов. В экспозиции Музея истории Узбекистана в Ташкенте находится панно со сценой охоты, реконструированное из фрагментов ганча из раскопок В. А. Шишкина (рис. 6, *2*).

Изображения отдельно стоящих деревьев исследователи относили к скульптурным элементам пейзажа[65]. В. А. Шишкин писал: «пейзаж мог служить только фоном для каких-то сцен, в которых участвовали люди и животные», добавляя: «к сожалению, содержание этих сцен и их композиция не могут быть установлены с достаточной полнотой вследствие недостаточности материала»[66].

В настоящее время, рассмотрев большой объем значительной по количеству фрагментов коллекции фрагментов варахшинского ганча (их количество в разных музеях, по нашим подсчетам, не менее 14 тысяч, из них около 11 тысяч фрагментов составляет коллекция музея Востока), мы можем внести некоторую ясность в вопрос о содержании этих сцен.

Проведенные исследования показывают, что в резьбе по ганчу на айване дворца Варахши в той или иной степени представлены все составные части реального царского сада, известного с древности до позднего средневековья: плодовые и декоративные деревья, цветы, водоемы с рыбами, животные для охоты. Фрагменты ганча разрозненные и в панно, за небольшим исключением, не собираются. Тем не менее мы можем достаточно уверенно судить о том, что сюжеты с деревьями и цветами, с водоемами и рыбами, с человеком и животными не были единой сценой, занимавшей всю стену. На части фрагментов сохранились рамки, это показывает, что указанные сюжеты были представлены отдельными панно, заключенными в рамки.

---

59 Бартольд 1927, 36.
60 Юсупова 2005, 116.
61 Регель 1896, 12.
62 Reuther 1930, 64-67.
63 Пугаченкова 1987, 174, 180.
64 Веймарн 1974, 145-146, 148, илл. 204-206.
65 Шишкин 1963, 171, 179; Воронина 1964, 222-223; 1980, 185.
66 Шишкин 1963, 171.

1

2

Рис. 6. Резьба по ганчу. Варахша, VIII в. Фрагменты: *1* — изображение водоема; *2* — изображение охоты человека на животных.

В качестве аналогии вновь обратимся к иранским коврам. Б. В. Веймарн пишет: «Были в Иране и такие ковры, узор которых сюжетно-изобразительно … воспроизводил сады и парки с их реальными особенностями и чертами. Узор таких ковров напоминает плоскостную проекцию, изображающую участки сада и отдельные клумбы, засаженные цветами и деревьями, между которыми порхают птицы и пробираются звери»[67]. Происхождение “садовых” композиций на коврах относится к сасанидской эпохе. Из исторических хроник известно, что пол дворца в Ктесифоне был накрыт изготовленным в VI в. огромным ковром, который называют «Весна Хосрова». Узор ковра изображал весенний парк с деревьями и цветами, поделенный на участки дорожками и каналами[68]. Возможно, и в варахшинской резьбе по ганчу царский сад представлен отдельными сюжетными “картинами” — участками единого сада.

При этом, в отличие от иранских ковров, изображение в ганче не было плоскостным. Восстанавливаемые по фрагментам диаметры цветочных розеток составляют от 2 до 27-28 см. Разброс в размерах отмечается и для изображений

[67] Веймарн 1974, 148.
[68] Кверфельдт 1940, 269-270; Веймарн 1974, 148.

человека и животных в сценах охоты — от вырезанных практически “в полный рост” до ½ и 1/3 натуральной величины. Такой прием, как произвольность масштабов фигур, известен в живописи и мог применяться для разграничения главного и второстепенного персонажей. Кроме этого, в живописи памятников Средней Азии в массовых сценах использовался прием размещения более отдаленных от зрителя фигур выше уровнем, чем более близких[69]. Наличие вырезанных в ганче разномасштабных изображений животных и человека, деревьев и цветов, возможно, свидетельствует о применении этих приемов мастерами-резчиками на айване варахшинского дворца.

Говоря об образе сада в искусстве, нельзя не остановиться на символике составляющих его элементов. Как отмечают исследователи, в доисламскую иконографию были вовлечены цветы, плоды и более сложные образы; для более позднего средневекового декоративного искусства характерна символика цвета и орнамента[70]. Плод граната символизировал плодородие, причастна к символике плодородия и виноградная лоза; вода рассматривалась как основа плодородия. Цветы в орнаментах имели свой смысл: гранат и тюльпан — символ весеннего возрождения сил природы; роза связана с любовью, красотой, духом; кипарис — синоним красоты, благородства, свободы; ирисы символизировали покой и долгую жизнь, волнообразный стебель — богатство и жизнеспособность; бутоны и листья были связаны с идеей плодородия и весеннего возрождения природы[71].

В отличие от резьбы по ганчу в книжной миниатюре, в живописи и лаковой росписи и даже на тканях можно передать значительно больше состояний живой природы. Листву деревьев можно показать молодой, увядающей или упавшей, цветы — от нераспустившихся бутонов до осыпавшихся соцветий. В поэзии сад чаще всего весенний, либо это сады при дворцах, посвященных тому или иному времени года[72]. Иранские ковры сасанидского и позднесредневекового периодов — «это декоративный поэтичный образ цветущей природы, весеннего сада»[73].

В резьбе по ганчу, как уже говорилось, нельзя передать таких подробностей в изображении реальных растений. Что же касается в целом образа сада в варахшинском ганче, здесь скорее всего отражены три сезона[74]: среди изображений есть и цветы, у каждого из которых своя пора цветения начиная с ранней весны, и деревья с уже созревшими плодами. Причем иногда один и тот же цветок, например тюльпан, показан в разные периоды созревания. Мак представлен как полностью созревший, а хризантема — в период цветения.

Резьба по ганчу VIII в. во дворце Варахши — это последний в ряду памятников сасанидского искусства и единственный в Средней Азии памятник с реалистичным изображением человека, животных и элементов пейзажа. Начиная с IX в. общим в ганчевом декоре разных стран становится отступление от реалистичности, когда сильно стилизованные растительные элементы подчиняются правилам геометрического построения. В мусульманский период в искусстве разрабатыва-

[69] Шишкин 1963, 196, 198.
[70] Воронина 1959, 99, 100, 107; Азимов 1987, 13-14.
[71] Воронина 1985, 257; Азимов 1987, 13; Исмаилова 2006, 29-30.
[72] Навои 1948, 37-56.
[73] Веймарн 1974, 147-148.
[74] В отличии от миниатюрной живописи развитого средневековья, которая отражает в основном два периода года — весну и осень (Исмаилова 2006, 18, 47).

ется «яркий многозначный образ расцветающего и плодоносящего сада-рая»[75]. В архитектурном декоре, в частности в резьбе по ганчу, образ сада находит отражение в Иране XIII–XIV вв., но уже совершенно иначе, чем он представлен в VIII в. на Варахше[76].

В целом можно сказать, что образ царского сада в резьбе по ганчу во дворце Варахши является единственным в своем роде в этом виде архитектурного декора. Материалы из коллекции варахшинского ганча предоставляют нам новые и на данный момент самые ранние сведения о среднеазиатских садах.

ЛИТЕРАТУРА

Абу-л Фазл Аллами 2003: Акбар-наме. Самара.

Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К. 2008: Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива (Вопросы периодизации и хронологии по результатам изучения Варахши и ее округи) // ИМКУ. 36, 61-78.

Азимов И. 1987: Росписи Узбекистана. Ташкент.

Алпаткина Т. Г. 1999: Парадный айван Варахши: новые исследования // Материальная культура Востока. Вып. 2 / Л. М. Носкова (ред.). М., 61-71.

Алпаткина Т. Г. 2012: Новый орнаментальный мотив в резьбе по ганчу // РА. В печати.

Ахмедов Б. А. 1985: Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент.

Бабур-наме 2005: Миниатюры из собрания Государственного музея Востока / С. Н. Воробьева (ред.). Самара.

Бартольд В. В. 1927: История культурной жизни Туркестана. Л.

Беленицкий А. М. 1946: Историческая топография Герата XV в. // Алишер Навои. Сборник статей. М.; Л., 175-202.

Бертельс А. Е. 1997: Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. (Слово, изображение). М.

Веймарн Б. В. 1974: Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М.

Воронина В. Л. 1959: Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.

Воронина В. Л. 1964: Синтез искусств в зодчестве Средней Азии // Архитектурное наследство. Вып. 17. М., 215-226.

Воронина В. Л. 1980: Архитектурный орнамент Средней Азии (вопросы классификации) // Архитектурное наследство. Вып. 28. М., 183-193.

Воронина В. Л. 1985: Доисламская символика в архитектуре Средней Азии и Зарубежного Востока // Архитектурное наследство. Вып. 33. М., 252-258.

Исмаилова Э. М. 2006: Пейзаж в миниатюрной живописи Мавераннахра и Среднего Востока XV–XVII вв. Семантика и символика / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент.

Кверфельдт Э. К. 1940: Черты реализма в рисунках на тканях и коврах времени Сефевидов // Труды ОВ ГЭ. Т. III / И. М. Лурье (ред.), 263-273.

Клавихо Руи Гонсалес де 1990: Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.

Миниатюры 1983: Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Ташкент.

Мухамеджанов А. Р. 1965: Историко-топографический план Бухары Ахмада Дониша // ОНУ. 5, 31-42.

Навои А. 1948: Фархад и Ширин. М.; Л.

[75] Сазонова 2006, 47; см. также Исмаилова 2006, 24.

[76] Веймарн 1974, 90.

Наршахи М. 1897: История Бухары / В. В. Бартольд (ред.). Ташкент.

Низами Гянджеви 1991: Собрание сочинений в 3-х томах. Т. II. Баку.

Пугаченкова Г., Галеркина О. 1979: Миниатюры Средней Азии в избранных образцах (из советских и зарубежных собраний). М.

Пугаченкова Г. А. 1951: Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды Среднеазиатского Государственного университета (история). Ташкент, 143-168.

Пугаченкова Г. А. 1987: Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 172-185.

Регель А. 1896: Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактический очерк. СПб.

Рейвн и др. 1990: Рейвн П., Эверт Р., Айкхорн С. Современная ботаника. В 2-х томах / А. Л. Тахтаджян (ред.). Т. 1. М.

Сазонова Н. В. 2004: Мир сефевидских тканей XVI–XVII вв. М.

Сазонова Н. В. 2006: Образ цветка в иранской живописи // Научные сообщения Государственного музея Востока. Вып. XXVI. М., 44-66.

Среднеазиатские миниатюры 1964: Среднеазиатские миниатюры XVI–XVIII вв. М.

Сухарева О. А. 1958: К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент.

Тахтаджян А. Л. (ред.). 1981: Жизнь растений. Цветковые растения. Ч. 2. Т. 5. М.

Франке и др. 1979: *Франке Г., Хаммер К., Ханельт П.* Плоды земли. М.

Ханыков Н. 1843: Описание Бухарского ханства. СПб.

Шишкин В. А. 1947: Архитектурная декорация дворца в Варахше // Труды ОВ ГЭ. Т. IV, 225-292.

Шишкин В. А. 1963: Варахша / Я. Г. Гулямов (ред.). М.

Шишкина Г. В. 1990: Варахша и ее округа. Новые исследования // Археология Средней Азии. Ташкент, 108-110.

Юсупова М. 2005: Садово-парковые ансамбли Бухарского оазиса // Санъатшунослик масалалари. Вып. II. Ташкент, 115-123.

Юсупова М. А. 2000: Традиции архитектурного сада “чарбаг” в зодчестве Бухары XVI–XVIII вв. // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции. М., 247-251.

Naymark A. 2002: The Varaksha palace in light of the new chronology of the Bukharhuda dynasty // The Night Annual Central Eurasian Studies Conference. Bloomington, 23-25.

Pope U., Ackerman Ph. 1939: Gardens // SPA. II. 1427-1445.

Reuther O. 1930: Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon–Expedition. Berlin.

LANDSCAPE ART OF EARLY MEDIEVAL BUKHARA (BASED ON CARVED GANCH COLLECTION FROM THE VARAKHSHA PALACE)

T. G. Alpatkina

The article deals with the analysis of a new source for the study of the 6th — 8th centuries landscape art, which is presented by fragments of ganch collection from the Varakhsha palace near Bukhara depicting the king’s garden.

Key words: the Middle Ages, the Sassanian period, recorded sources, book miniature, poetry, carpets, carved ganch

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК • 2012

Причерноморье

© 2012

А. А. Завойкин, С. Ю. Монахов

АМФОРНОЕ ГОРЛО ИЗ ФАНАГОРИИ И ДВЕ СЕРИИ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена двум впервые выделяемым сериям амфор «со сложнопрофилированным венцом» и «на пустотелой ножке», имеющим специфические признаки морфологии. Благодаря надежным керамическим комплексам удается установить хронологию этих выпусков в пределах второй четверти — середины IV в. до н.э.

Ключевые слова: амфоры, керамический комплекс, хронология, Фанагория

Поводом для написания данной заметки стала находка горла амфоры с необычной профилировкой венца на акрополе Фанагории, что позволило выделить среди великого многообразия тары неустановленных центров производства по меньшей мере две новые серии амфор.

Первая серия амфор «со сложно профилированным венцом».

Итак, в 2009–2010 гг. на акрополе Фанагории (раскоп «Верхний город») исследовались остатки фундамента и нижней части общественного здания, погибшего в сильнейшем пожаре[1]. Пожар был такой чудовищной силы, что обрушившаяся с кровли черепица в юго-восточной части здания ошлаковалась. Рухнули не только перекрытия, но и стены, построенные из сырцового кирпича на каменном основании: камни фундаментов внутренних перегородок обгорели, а кирпичи приобрели при обжиге рыже-красный цвет и местами сохранили свою структуру. Под этими завалами остались предметы, в момент гибели постройки оказавшиеся в помещениях, в целом довольно немногочисленные.

В их числе — горло средиземноморской амфоры, центр производства которой не установлен и которое в первую очередь и обратило на себя наше внимание редкостью формы венца. У этой амфоры строго цилиндрическое высокое (170 мм) горло с резким переходом к плечам. Ручки вертикально поставленные, венец сильно отогнут наружу, причем необычно сформован в виде «раскрытого клюва»

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН. E-mail: bospor @inbox.ru

Монахов Сергей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира ИИМО СГУ им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: monachsj@mail.ru

[1] Авторы выражают свою признательность начальнику Фанагорийской экспедиции ИА РАН В.Д. Кузнецову за разрешение опубликовать часть материалов из этого комплекса. Работа над статьей А.А. Завойкина выполнялась в рамках проекта, финансируемого РГНФ (№ 12-01-00122).

(рис. 1-*1*). Глина светло-коричневая, плотная, хорошо отмученная, без видимых включений[2].

Наряду с развалом фрагментов других амфор, черепицы и нескольких обработанных камней, находка располагалась в юго-восточном углу внутреннего (заднего) помещения №3, в толще прогоревшего сырца, *над* остатками сгоревшего деревянного перекрытия (второго этажа здания?), как бы «сползая» с него[3]. К сожалению, сохранность строительных остатков на этом участке довольно плохая: его во многих местах прорезают хозяйственные ямы поздних периодов, в частности, весь северо-западный угол помещения 3 был уничтожен ямами 435, 480 и 478. Кроме того, после пожара камень из наземной части кладки фундамента был выбран (исключая, по какой-то причине, небольшой отрезок южной стены) и вторично использован в других постройках[4].

Поскольку в нашу задачу сейчас не входит подробный анализ всего вещевого материала из комплекса 460 (в котором преобладают фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи и Менды), отметим только те находки из других помещений здания, которые важны для хронологических определений. Для темы нашей заметки фанагорийский комплекс интересен, прежде всего, в качестве хронологического индикатора, позволяющего определить момент бытования амфор редкой формы. Итак, в помещении 3 наряду с интересующим нас горлом были обнаружены следующие находки:

Лежавшая in situ фасосская биконическая амфора без ножки[5] варианта II-B-1 первой половины IV в. до н.э. (рис. 1- *2*)[6], на одной из ее ручек — плохо читаемое клеймо с ретроградной легендой:

[Θασι(.ν)] ←
Μεσ(- - -) ←
Πυλά(δης) ←
лягушка, ↑
змея ↑

Клейма такие хорошо известны по находкам в мастерских на Фасосе, в Истрии, в Херсонесе, в Пантикапее, в Фанагории и в Горгиппии и датируются в пределах 50-х годов IV столетия[7].

[2] По полевой описи – 460-IV/48.

[3] Доски, поверх которых располагался керамический развал, лежали «в подборку» одна к другой, восточным краем на слое плотной серой глины, которая перекрывала и выравнивала поверхность кладки-перегородки 460/3. При этом доски оказались глубоко утопленными в глину: после удаления древесного тлена хорошо прослеживались их отпечатки. Это говорит о том, что доски, положенные поперек помещения 3 и скрепленные (?) по восточному краю поперечными досками, лежат in situ. Резкое понижение уровня к западу от кладки 460/3 (в котором и располагались интересующие нас находки) заставляло думать, что этот настил просел в какое-то траншеевидное углубление в помещении 3, которое он перекрывал. (Непонятно в таком случае, каким образом поверх этого настила была выстроена сырцовая стена-перегородка задних помещений здания.)

[4] Судя по наличию обгоревших местами камням известняка в восточной кладке общественной постройки 144, некоторая их часть могла быть употреблена для фундамента этого здания, возведенного в середине IV в. до н.э. (см.: Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 299, 302).

[5] Которая была срезана ямой 435.

[6] Монахов 2003, 76, табл. 42.

[7] IOSPE № 488-494. И. Гарлан (Garlan 1999, 50, 233, № 675) относит магистрата Месс (-) к группе F1 и датирует его в пределах 50-х — начала 40-х годов IV века. В свою очередь В.И. Кац датирует этого магистрата началом 50-х годов этого столетия (Кац 2007, 415).

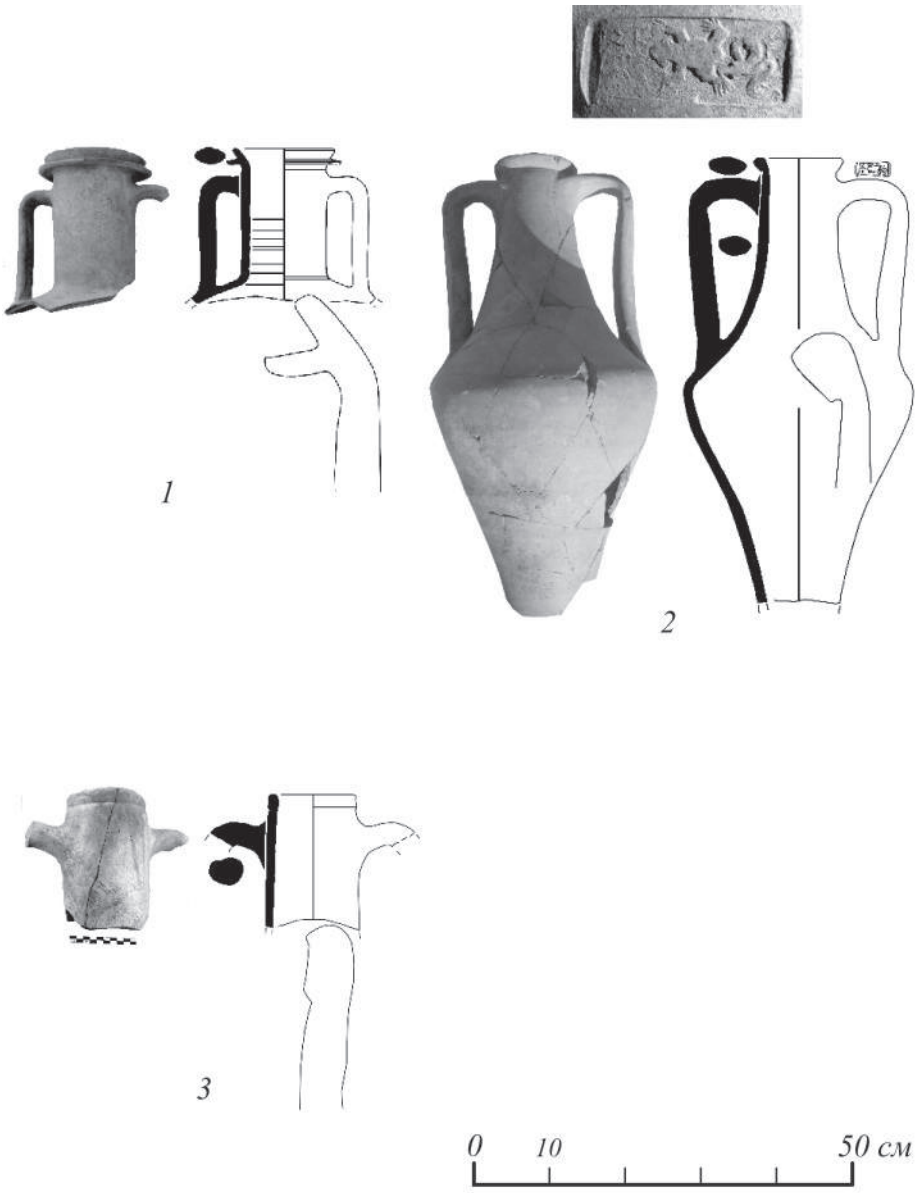


Рис. 1. Амфорный материал из фанагорийского комплекса 460.
1 - амфора “со сложнопрофилированным венцом”
2 - фасосская амфора с клеймом магистрата Μεσσ(-)
3 - горло хиосской колпачковой амфоры

Хронологически важной находкой является клеймо на горле гераклейской амфоры, где первая строка не читается, а во второй надежно восстанавливается имя магистрата Скифа (_ _ _ | ἐπὶ Σκ[υ]θ[α]), который, по современным представлениям работал в конце 60-х годов IV века[8].

Найдены также горло с верхними прилепами двух ручек (рис. 1 -*3*) и фрагмент плеча хиосской амфоры «с колпачковой ножкой». Принято считать, что такие амфоры датируются в пределах первой — третьей четвертей IV в. до н.э.[9]

В числе обломков чернолаковой аттической посуды имеется фрагмент поддона чаши группы *Bolsal*, датируемой в интервале около 430–350 гг. до н.э.[10], и фрагмент венчика с ручкой одноручной чашки (one-handler), датируемой ок. 375–350 гг. до н.э.[11]

Таким образом, верхняя дата фанагорийского комплекса в целом не выходит за 50-е годы IV в. до н.э. Следовательно, и интересующий нас редкий тип амфор предварительно может быть датирован в пределах второй четверти IV в. до н.э. В отличие от небольших по размеру и немногочисленных фрагментов значительно более ранних амфор, присутствующих в комплексе в виде «фона», горло амфоры неустановленного центра, безусловно, относилось к целому сосуду, оказавшемуся в здании 460 в момент его гибели. Естественно, было бы полезным найти аналогии интересующему нас сосуду редкой формы и, по возможности, установить центр производства такой тары.

В качестве прямой аналогии можно привести амфору из меотского погребения № 426 Прикубанского некрополя. Она имеет такое же цилиндрическое, но более высокое горло, чем сосуд из Фанагории, такие же вертикально поставленные уплощенные в сечении ручки. Венец несколько иной — он не отогнут сильно наружу, а имеет клювовидную форму, при этом нижний выступ менее выражен и оформлен в виде небольшого валика. Переход от горла к плечу у прикубанской амфоры такой же резкий, она имеет широкие округлые плечи, плавно переходящие в пифоидное тулово и остроребернную ножку (рис. 2 -*1*)[12]. Хронология данной амфоры надежно устанавливается благодаря тому, что вместе с нею в погребении была обнаружена мендейская амфора без ножки и части горла (рис. 2 -*2*), которая, тем не менее, надежно идентифицируется как образец тары варианта «Портичелло». Такие мендейские амфоры известны по множеству комплексов, прежде всего из курганов №2 и 9 Елизаветовского могильника, кургана № 28 могильника Плавни, кораблекрушения у Портичелло и другим, которые надежно датируются в пределах первой половины IV в. до н.э., причем в нашем случае более предпочтительна будет вторая четверть этого столетия[13].

Еще одна аналогия — целая амфора из погребения № 13*з* некрополя Старокорсунского городища № 2. Она имеет такое же высокое цилиндрическое горло с резким переходом к плечам и сложнопрофилированный венчик в виде «раскры-

[8] Магистрат Скиф отнесен к хронологической группе IIIA, см.: Кац 2007, 429.

[9] Монахов 2003, 24, табл. 11, 4–6.

[10] Sparkes, Tallcot 1970, 273–275, fig. 6, 541, 554 etc.

[11] Sparkes, Tallcot 1970, 290, fig. 8, 759.

[12] Раскопки И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис 2001 года. Глина амфоры темно-красная, плотная, с мелкой слюдой. Признателен авторам раскопок за предоставленную возможность опубликовать сосуд.

[13] Монахов 2003, 91 сл., табл. 62, 4–6, 63, 1–3.

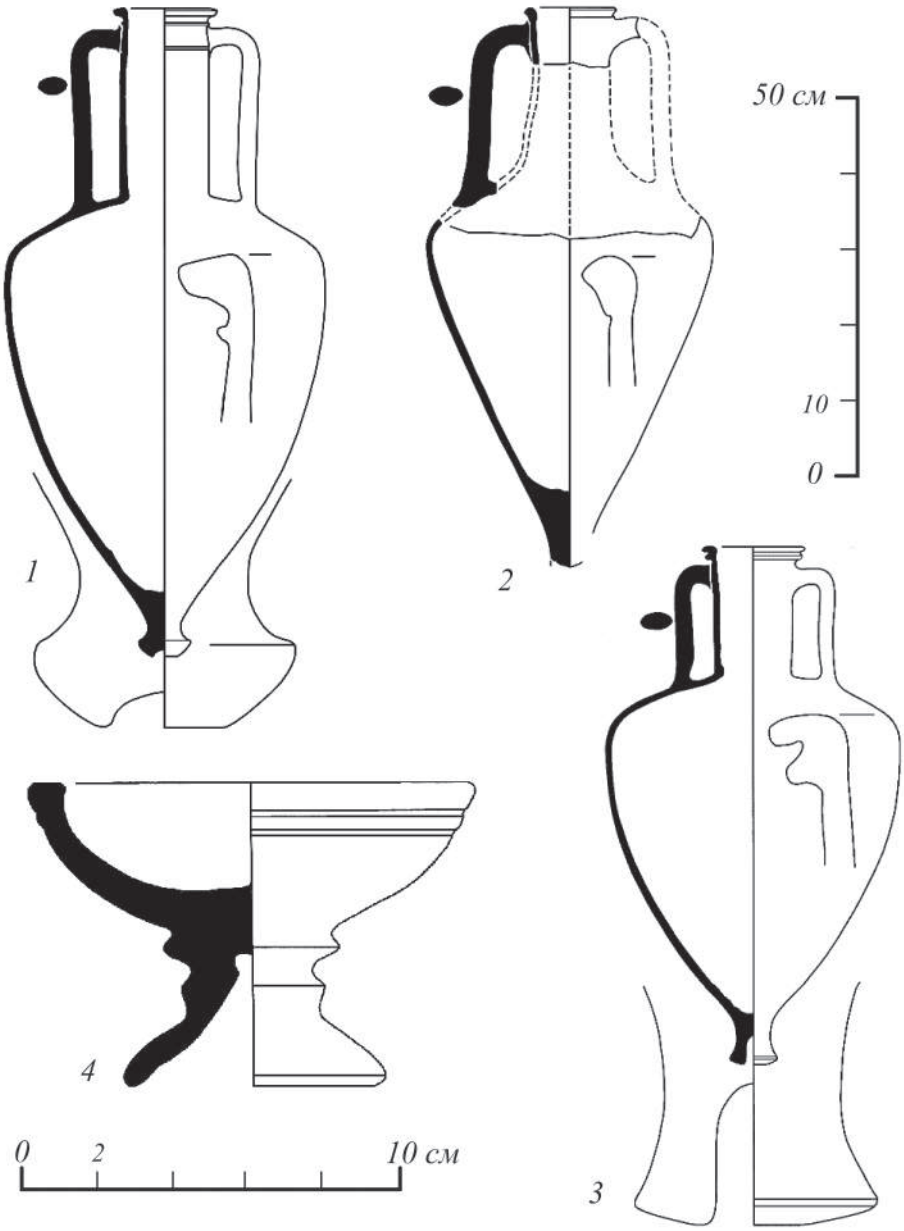


Рис. 2. Комплексы с амфорами “со сложнопрофилированными венцами”
1, 2 - из погр. 426 Прикубанского некрополя (*2* - мендейская)
3 - амфора из погребения 13з Старокорсунского некрополя
4 - курильница из погребения 13з Старокорсунского некрополя

того клюва». У амфоры широкое пифоидное тулово меньшей высоты, чем у прикубанской амфоры, и остроребернaя ножка с очень глубокой подрезкой на подошве (рис. 2 -*3*). С амфорой обнаружен разнообразный инвентарь: набор оружия, лепной горшок, сероглиняные миска и кубок, многовитковые бронзовые браслеты и гончарная «вазочка-курильница» (рис. 2 -*4*). В свое время один из авторов этой заметки ошибочно отнес «вазочку» и, соответственно, амфору к середине V века[14]. Позднее Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, еще раз обратившись к анализу комплекса, аргументировано показали, что присутствующие в погребении многовитковые браслеты получают распространение только в IV веке, что хорошо документируется материалами из Прикубанского могильника, где такие браслеты синхронизируются с греческими импортами. В целом они датировали комплекс с амфорой началом первой четверти IV в. до н.э.[15] С этим выводом согласился недавно и Р. В. Стоянов, отметивший, что «вазочка» является стандартной курильницей на высокой ножке[16]. Такие курильницы широко распространены как в эллинском мире, так и в варварской среде[17]. Встречаются они и в меотских погребениях, только в Уляпском некрополе их обнаружено около десятка. Самая близкая аналогия происходит из погребения 19 кургана № 4 у аула Уляп, который в целом датируется в пределах 1–3 четвертей IV века до н.э.[18]

Таким образом, хронология старокорсунской амфоры может быть определена в пределах первой половины, скорее первой трети IV в. до н.э. Возможно, что ее более приземистая форма свидетельствует о том, что она хронологически несколько более ранняя, чем амфора из Прикубанки. А в целом временные рамки выпуска первой серии амфор с фигурными венцами можно определить в пределах 70–50-х годов IV века, причем намечаются как более ранние образцы (из Старокорсунки), так и более поздние (из Прикубанки и Фанагории).

Вторая серия амфор «на пустотелой ножке».

Наряду с важнейшим сюжетом о хронологии рассмотренной выше амфоры из п. № 13*з* Старокорсунского некрополя, есть одна деталь ее морфологии, которая требует отдельного комментария и наводит на новые размышления, позволяющие выделить еще одну серию тары. Обращает на себя внимание специфическая форма ножки с цилиндрическим углублением на подошве глубиной до 40 мм. Такие ножки встречаются достаточно редко, они зафиксированы у отдельных серий мендейских амфор «Мелитопольского» варианта[19], но не только. Удалось подобрать еще несколько близких по профилировке тарных сосудов с такой же «пустотелой» ножкой, характер глины которых, однако, свидетельствует об ином центре производства.

В частности, близкая по профилировке амфора с такой ножкой происходит из погребения № 70 (1936 г.) некрополя на северном берегу Херсонеса. Этот сосуд

[14] Раскопки И.И. Марченко 1987 г. Глина амфоры светло-коричневая, плотная, с мелкой слюдой. Первое упоминание об этом сосуде без публикации чертежа см.: Монахов, Абросимов 1993, 128, прим. 44. Амфора и красноглиняная «вазочка» были зачерчены и описаны С.Ю. Монаховым в 1989 г. в фондах Кубанского университета. Позднее «вазочка» была утеряна.

[15] Комплекс в полном объеме опубликован позднее: Лимберис, Марченко 2005, 219 сл., рис. 21.

[16] Стоянов 2009, 240–246.

[17] Зайцева 1997, 38 сл., табл. 6.

[18] Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих 2005, 10, 11, 76, рис. 12 -7.

[19] Монахов 2003, табл. 64, 3; Полин 2010, рис. 9.

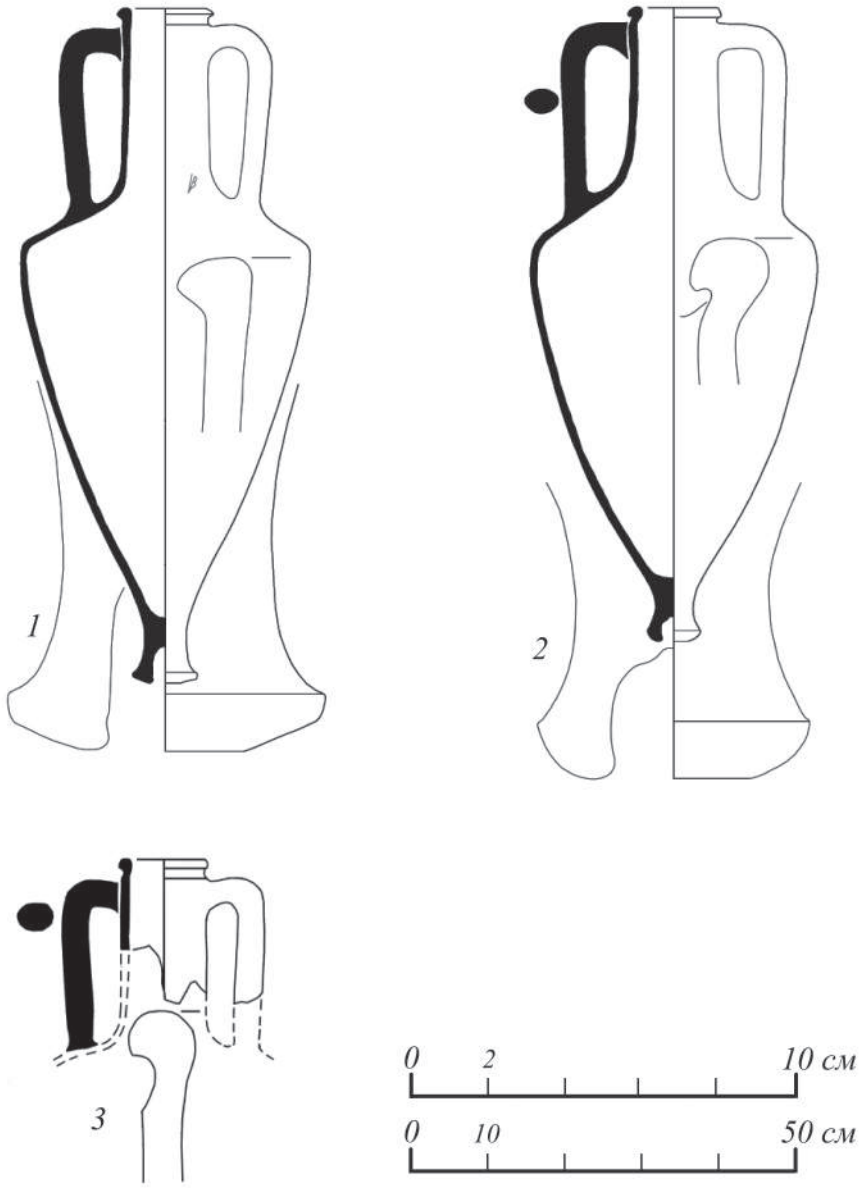


Рис. 3. Амфоры “с пустотелой ножкой”
1 - из погребения 70 Херсонесского некрополя
2 - из станицы Воронежской
3 - из Херсонесского музея

неоднократно упоминался в специальной литературе, опубликовано несколько не очень удачных его прорисовок[20]. В 1993 г. было опубликовано детальное описание этого сосуда в сопровождении обмерного чертежа[21], который затем был переиздан Р.В. Стояновым[22]. Амфора из херсонесского некрополя имеет, собственно говоря, только одно сходство с описанной выше старокорсунской амфорой — специфическую «пустотелую» ножку. У нее венец иной формы, — не фигурный в виде «раскрытого клюва», а стандартный «клювовидный», которые часто встречаются на таре позднеклассического времени. При таком же, как у первой серии тары, высоком цилиндрическом горле переход от горла к плечу более плавный, да и сами плечи уплощены (рис. 3 -*1*). Сосуд имеет и несколько иную глину светло-коричневого или темно-красного цвета с редким мелким известняком и без признаков слюды[23]. Хронология этого образца, к сожалению, надежно не может быть установлена, поскольку в погребении отсутствовал иной инвентарь. Первоначально мы предполагали, что амфора может быть отнесена к рубежу V–IV вв.[24] Однако, учитывая, что погребение № 70 впущено в мусорный слой, который начал образовываться примерно во второй четверти IV века, следует с учетом этих обстоятельств относить данный образец именно к этому времени[25]. Уже в статье 1993 года было упомянуто несколько аналогов этой амфоре без какой-либо детализации и чертежей, в связи с чем, видимо, необходимо дать их описание.

Так, близкая по форме целая амфора из Кубанского музея случайно найдена в обрыве р. Кубань возле станицы Воронежской[26]. Она имеет практически те же размерные и морфологические характеристики, что и амфора из херсонесского некрополя, такую же «пустотелую ножку» и клювовидный венец, однако в верхней части горла в районе венца наблюдается небольшая припухлость (рис. 3 -*2*). Аналогичное горло с таким же припухлым венцом происходит из беспаспартных материалов Херсонесского заповедника (рис. 3 -*3*[27]. Практически идентичный сосуд с такой же пустотелой ножкой относительно недавно был найден в погребении № 2 кургана № 11 на некрополе Калос Лимена в западном Крыму (рис. 4 -*3*)[28].

---

[20] Белов 1938, 185, табл. 6 -17; Белов 1977, 20, рис. 3 -3; Зеест 1960, 89 сл., табл. XII-26. Г.Д. Белов приводит просто прорисовку контура амфоры по фотографии, И.Б. Зеест дает чертеж с сильным искажением подлинной формы и почему-то называет ее амфорой «на высоком поддоне» (?).

[21] Монахов, Абросимов 1993,126–128, табл. 6 -17. Глина светло-коричневая, плотная, с редким мелким известняком. В нижней части горла граффито в виде монограммы из лямбды и беты.

[22] Стоянов 2009, 241 сл., рис. 2 -3.

[23] Видимо, такая же амфора была найдена в погребении № 42 некрополя на северном берегу Херсонеса. См.: Монахов, Абросимов 1993, 127, табл. 6 -18. К сожалению, она была утрачена в годы войны. Отдельные ножки таких амфор встречены на Каменском и Знаменском городищах, см.: Граков 1954, 85, табл. VII -20; Погребова 1958, 144, рис. 19 -8. Р.В. Стоянов опубликовал еще одну такую ножку из комплекса херсонесского колодца К-4 (Стоянов 2009, 243, рис. 2 -6). Две такие ножки были обнаружены в святилище возле поселения «Береговой-4» на Таманском п-ве (Завойкин 2005, 152 сл.).

[24] Монахов, Абросимов 1993, 125, 131.

[25] Стоянов 2009, 243 сл.

[26] Кубанский музей, № 6629/10. Передан музею казаком В.Н. Ковалевым в 1910 г. Сосуд сильно заизвесткован, характер глины узнать невозможно.

[27] Херсонесский заповедник, фонд 14 (Г.Д.Белова), без инв. номера. Скорее всего, происходит из раскопок Г.Д.Белова на северном берегу городища.

[28] Кутайсов 2011, 20, рис. 52. Автор ошибочно относит ее к «Мелитопольскому» варианта мендейской тары. Хранится в Черноморском музее заповедника «Калос Лимен».

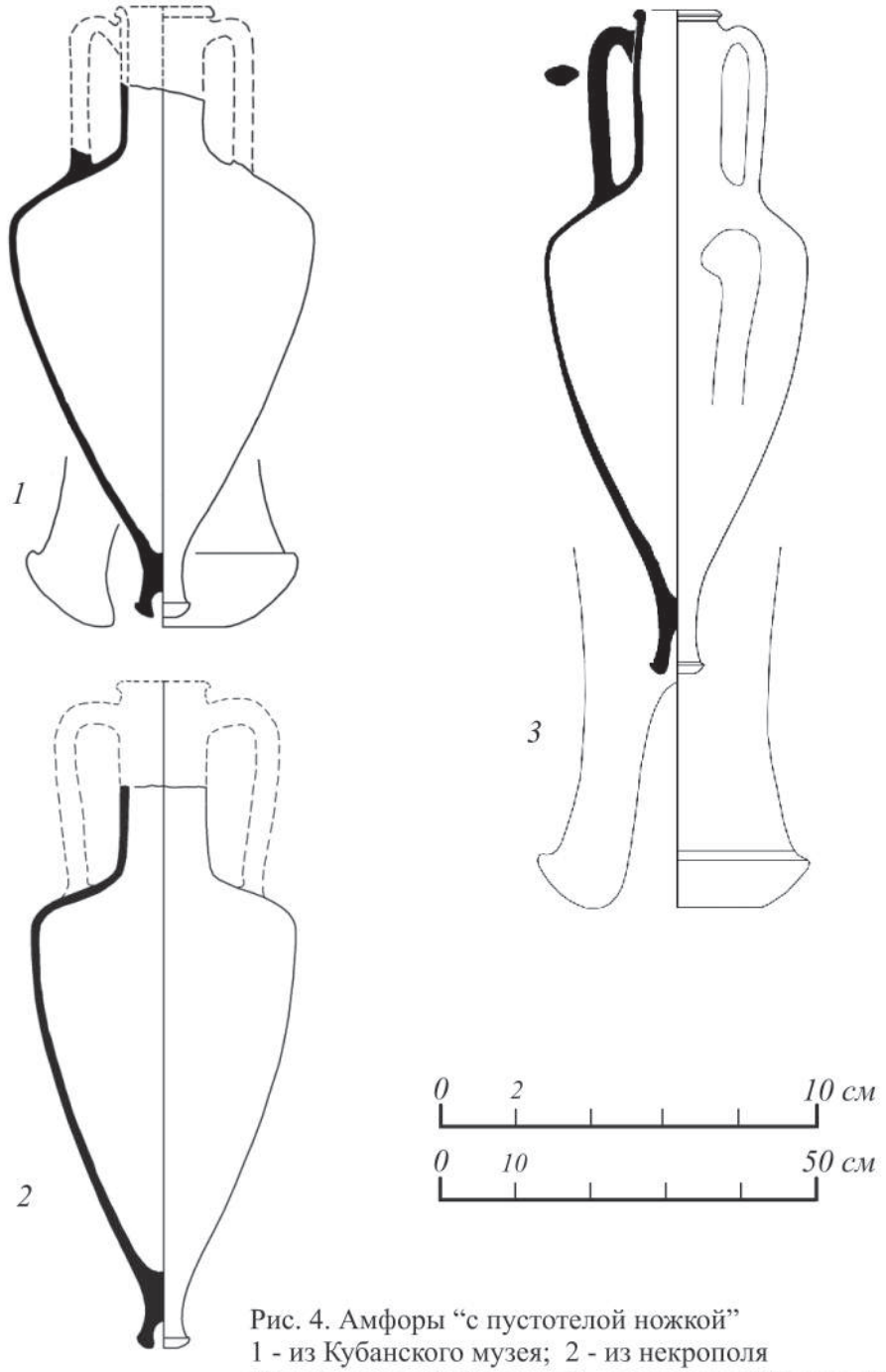


Рис. 4. Амфоры “с пустотелой ножкой”
1 - из Кубанского музея; 2 - из некрополя Ион Корвин в Добрудже; 3 - из могилы №2 кург. 11 некрополя Калос Лимена

Он использован в качестве оссуария для погребения младенца. К сожалению, другой материал в погребении отсутствовал.

Еще одна амфора с пустотелой ножкой с такими же размерными и морфологическими характеристиками, но без верхней части горла и ручек хранится в Кубанском музее (рис. 4 -*1*). К сожалению, сосуд не имеет шифра, можно предполагать, что он происходит из некрополя у хут. Ленина (?).

Наконец, еще одна такая амфора (без горла и ручек) была найдена в одном из некрополей Добруджи (рис. 4 -*2*). В комплексе этого погребения, помимо интересующего нас сосуда, встречены еще две фрагментированные гераклейские амфоры, что позволило авторам публикации датировать его серединой — третьей четвертью IV века[29].

Если подвести краткие итоги, то можно констатировать, что на протяжении второй и, может быть, начала третьей четвертей IV в. до н.э. в двух разных, но скорее всего близких центрах восточного Средиземноморья выпускались два близких по морфологии типа керамической тары. Локализовать на данном этапе эти амфоры, т.е. привязать их к конкретным полисам, не представляется возможным.

МЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АМФОР

№ п/п	Место хранения, происхождения	H	H_0	H_1	H_3	D	d_1	Рис.
амфоры «со сложно профилированным венцом»								
1	Фанагория, комплекс 460	-	-	-	170	-	140	1/1
2	Прикубанский некрополь, п.426	778	700	340	230	370	124	2/1
3	Старокорсунский нерополь, п. 13з	685	618	270	170	397	138	2/3
амфоры «на пустотелой ножке»								
4	Херсонесский некрополь, п. 70 (1936)	880	795	330	235	376	126	3/1
5	Из ст. Воронежской, сл. нах.	824	743	345	210	374	122	3/2
6	Херсонесский заповедник, б/пасп.	-	-	-	220	-	118	3/3
7	Калос Лимен, п.2, к.11	884				346	115	3/4
8	Кубанский музей, б/пасп.	~712	~	-	-	403	-	3/5
9	Добруджа, некр. Ion Corvin	-	-	-	-	~350	-	3/6

Примечания: H — высота сосуда; H_0 — глубина сосуда; H_1 - высота верхней части; H_3 — высота горла; D — диаметр тулова; d_1 — диаметр венца.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г.Д. 1938: Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь.

Белов Г.Д. 1977: Амфоры из некрополя Херсонеса // История и культура античного мира. М., 17–23.

Граков Б.Н. 1954: Каменское городище на Днепре // МИА. 36.

Зайцева К.И. 1997: Культовые чаши V–I веков до н.э. из Северного Причерноморья // Тр. ГЭ. Т. XXVIII, 38–53.

[29] Irimia 1983, 93-114, 142, fig. 1 -16, 11 -1; Teleaga 2008, 365, 382, 392, taf. 41 -5. Э. Телеага почему-то считает эту амфору мендейской «Мелитопольского» варианта.

Завойкин А.А. 2005: Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Боспорские исследования. VIII, 152–176.

Зеест И.Б. 1960: Керамическая тара Боспора // МИА. 83.

Кац В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь.

Кутайсов В.А. 2011: Курганный некрополь Калос Лимена. Киев.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005: Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 5, 219-324.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2005: Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. М.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Завойкин А.А. 2006: Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.) // АМА. 12, 294–312.

Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов.

Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. 1993: Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 9, 118-159.

Погребова Н.Н. 1958: Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 64.

Полин С.В. 2010: Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. 14, 262–307.

Стоянов Р.В. 2009: Две заметки из амфорной эпиграфики и морфологии // Зап. ИИМК РАН. Т. 4, 240–246.

Garlan Y. 1999: Timbres amphorique de Thasos. Paris.

Irimia M. 1983: Date noi privind necropolele din Dobrogea in a doua epoca a fierului // Pontica. Vol. XVI, 69-148.

Sparkes B.A., Tallcot L. 1970: Black and Plain Pottery of VI-th-V-th and IV-th Centuries BC // The Athenian Agora. Vol. XII (Pt. I-II).

Teleaga E. 2008: Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6.Jh — Anfang des 3. Jhs. V. Chr. Leidorf.

AMPHORA NECK FROM PHANAGOREIA AND TWO SERIES OF CERAMIC CONTAINERS OF LATE CLASSICAL PERIOD

A.A. Zavoikin, S.Yu. Monakhov

The article pioneers two series of amphorae with an intricate rim profile and a hollow foot, and specific morphology characteristics. Reliable ceramic complexes made it possible to date the sets to the second quarter — mid — 4th century BC.

Key words: amphorae, ceramic complex, chronology, Phanagoreia

© 2012

Ю. Н. Кузьмина

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ФАНАГОРИИ*

Статья посвящена описанию и первичной интерпретации интересного памятника архитектуры эллинистического времени, исследованного в 1984–1986 гг. в Фанагории на раскопе «Южный город». Сочетание особенностей архитектурных остатков с характерными находками (астрагалы, терракотовые статуэтки), а также отсутствием очевидного жилого контекста данного сооружения позволяет предположить, что перед нами общественная постройка, имевшая в том числе и религиозные функции (к сожалению, из-за плохой сохранности, более смелые выводы о ее сакральном назначении будут необоснованны), функционировавшая в третьей четверти III–II вв. до н.э. на южной окраине Фанагории.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория,эллинизм, античная архитектура

В 1984–1986 гг. на южной окраине Фанагории (раскоп «Южный город») были исследованы остатки стен монументального здания эллинистического времени, именуемого в отчете Постройка 1 (рис. 1).

Оно состояло из двух помещений. Помещение 1 было ограничено стенами LIII/2 (А), LIII/3 (Б), LIII/4 (В)[1] (рис. 2).

Стена А была ориентирована с севера на юг. Она была прослежена на длину 0,7 м и состояла из каменного цоколя высотой примерно 0,2 м и сырцовой кладки сверху. Ширина стены А составляла 0,5 м.[2]

Стена Б, выстроенная из аналогичных материалов, примыкала к стене А с восточной стороны и была ориентирована с запада на восток. Ее длина составляла 2,64 м, сохранная высота 0,25 м, ширина 0,5 м. Конструктивной особенностью кладки Б являлось то, что основание ее восточного конца было сооружено не из камней, а забутовано глиной с включениями фрагментов керамики и раковин мидий.[3] Подобная строительная хитрость известна при постройке фанагорийских зданий. Например, при постройке масштабного общественного здание позднеархаического времени (объект 300, раскоп «Верхний город») фундамент из необработанных камней, на который клались сырцовые кирпичи, выполняющий опорную функцию, был положен под те части стен, где происходило наибольшее

Кузьмина Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: julia_orient@mail.ru

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 12-31-01293 «Сакральные комплексы Фанагории VI-I вв. до н.э.».

[1] В отчете за 1985 год была изменена нумерация ряда стен, и, чтобы избежать путаницы в дальнейшем, мы присвоили стенам единообразные буквенные обозначения:

Стена А — кладка LIII/2 (в отчете за 1984 год)

Стена Б — кладка LIII/3 (в отчете за 1984 год) и 53.2 (в отчете за 1985 год)

Стена В — кладка LIII/4 (в отчете за 1984 год) и 53.3 (в отчете за 1985 год)

Стена Г — кладка LIV/1 (в отчете за 1985 год)

Стена Д — кладка 54.2 (в отчете за 1985 год)

[2] Долгоруков 1984, 6.

[3] Долгоруков 1985, 52.

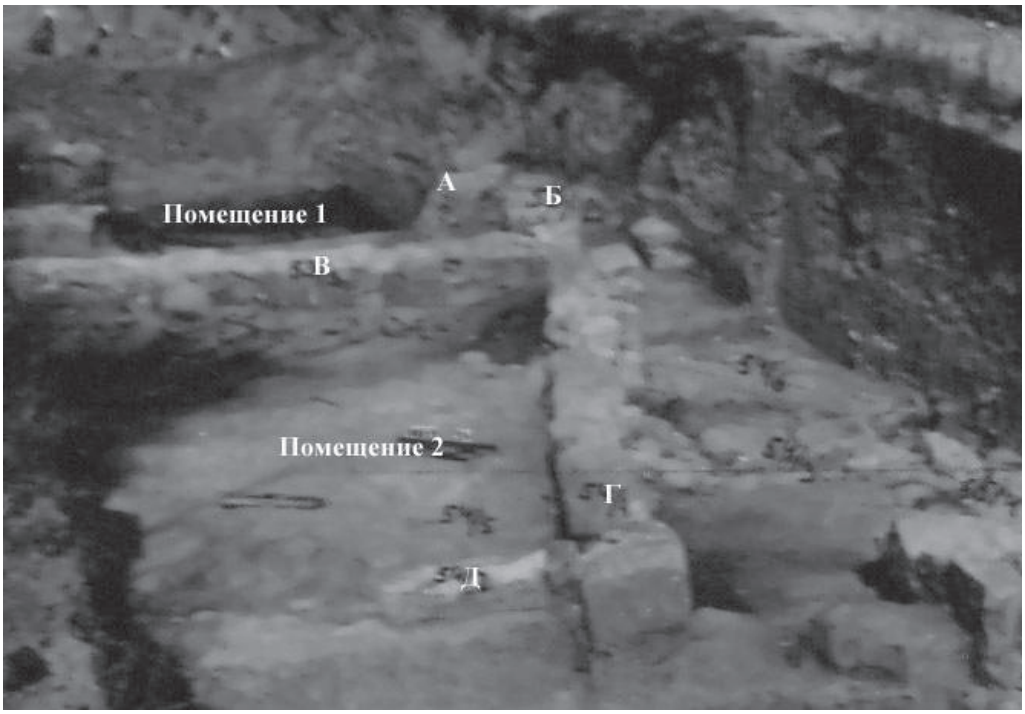


Рис. 1

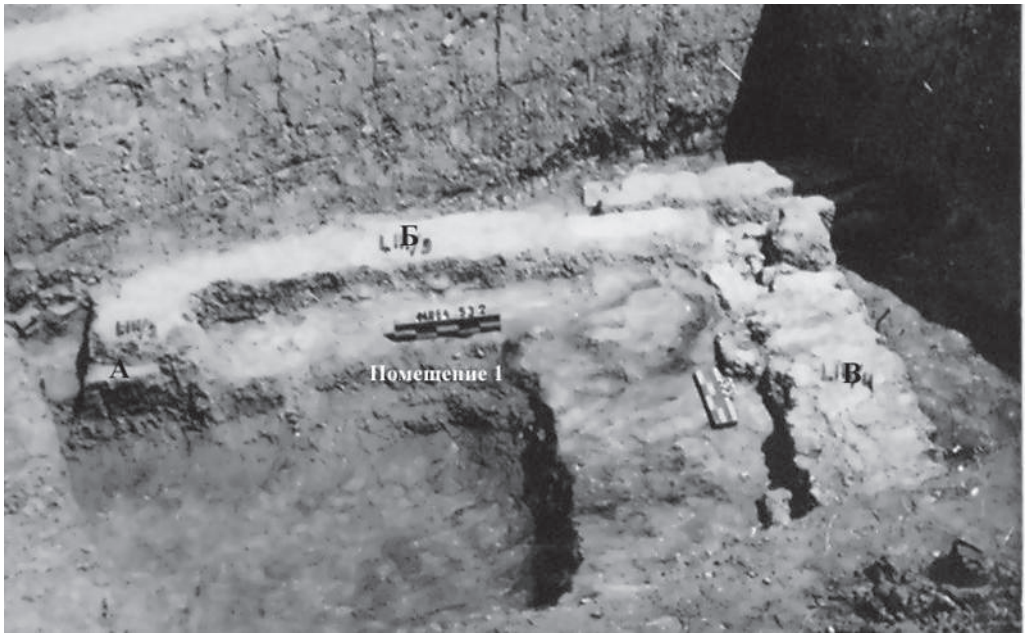


Рис. 2.

понижение древней дневной поверхности. Там, где стена выходила на ровную поверхность, стены были построены без каменного фундамента. В. Д. Кузнецов находит этому объяснение в экономии дефицитного привозного камня.[4]

Стена В была ориентирована по оси север-юг. Она также состояла из каменного цоколя и сырцовой кладки. Стена В прослеживается на длину 3,95 м. Вероятно, первоначально стена имела ширину 1 м, но при поздней перестройке ее ширина была уменьшена до 0,54 см. Раскопками зафиксирована траншея выборки первого фаса стены, ширина которого составляла 0,4 м. Вероятно, кладка была сложена в два панциря с забутовкой из мелких камней ракушечника и керамики[5].

Интересной конструктивной особенностью стен Б и В является наличие в их кладках блоков ракушечника, расположенных на одинаковом друг от друга расстоянии (примерно 0,9 м), выступающих за линию стен[6]. Известняковые блоки стены Б были развернуты на юг[7], стены В на запад и, таким образом, располагались внутри Помещения 1. В центре каждого камня имелось небольшое углубление размером 3-7 см[8]. Вероятно, данные блоки были предназначены для установки деревянных подпорок.

Южная стена помещения 1 не сохранилась.

Внутри данного помещения прослежены остатки двух уровней глинобитных полов (рис. 2). Нижний уровень представлял собой тонкую прослойку глины с золой и включением мелких угольков. Его толщина составляла 0,01-0,02 м. В юго-западном углу квадрата при расчистке нижнего горизонта пола исследовано скопление обгоревших деревянных плах. При его расчистке обнаружены тонкие полоски бронзы шириной 0,04-0,045 м, длиной 0,16-0,2 м. Вероятно, данное скопление является остатками сгоревшего деревянного ларца с бронзовой окантовкой. Кроме того, в завале были найдены девяносто семь обгорелых астрагалов (рис. 3), бронзовое зеркало без ручки и массивный бронзовый браслет (рис. 4). В небольшом отдалении от остатков деревянного ларца была найдена нижняя челюсть собаки. Поверх уровня данного пола шел слой рушенных сырцов со следами горения. В слое пожара, западнее кладки В, была найдена бронзовая монета[9]. Затем следовали остатки верхнего уровня пола, представляющего собой прослойку коричневой глины толщиной 0,01-0,015 м[10]. В углу Помещения 1 у стен Б и В были обнаружены фрагменты красной и полихромной (под цвет мрамора) штукатурки (рис. 5 а-в).[11] Говоря о находках, следует отметить, что в помещении I превалируют косские, синопские, колхидские амфоры и амфоры типа Солоха II. В целом их датировки не выходят за рамки IV-II вв. до н.э. В последнем штыке встречаются амфоры только IV-III вв. до н.э. Кроме того, в слое обнаружены фрагменты «мегарских» чаш, эллинистической чернолаковой и буролаковой

---

[4] Кузнецов 2011, 122; Завойкин, Кузнецов 2011, 189.
[5] Долгоруков 1985, 48.
[6] Долгоруков 1984, 6-7.
[7] Крыкин 1984-1986 (тетрадь 3), 11.
[8] Долгоруков 1985, 49; Крыкин 1984-1986а, 13;
[9] Долгоруков 1985, 50. К сожалению, в отчете не дается определение монеты и отсутствует ее фотография.
[10] Долгоруков 1984, 7.
[11] Крыкин 1984-1986б, 15.

Рис. 3

Рис. 4

керамики, а так же фрагменты красноглиняных гончарных сосудов[12]. В грунте заполнения над остатками полов были найдены терракотовые статуэтки: три однотипные фигурки всадников (статично стоящих) (рис. 6 а-в), фрагменты статуэтки, изображающей Геракла (рис. 6 г), а также женского божества (рис. 6д).

Помещение 2 было ограничено тремя стенами: северной (Г), восточной (Д) и западной (В) (рис. 1). Южная стена не сохранилась[13].

[12] Долгоруков 1984, 11-12.
[13] Долгоруков 1987, 2.

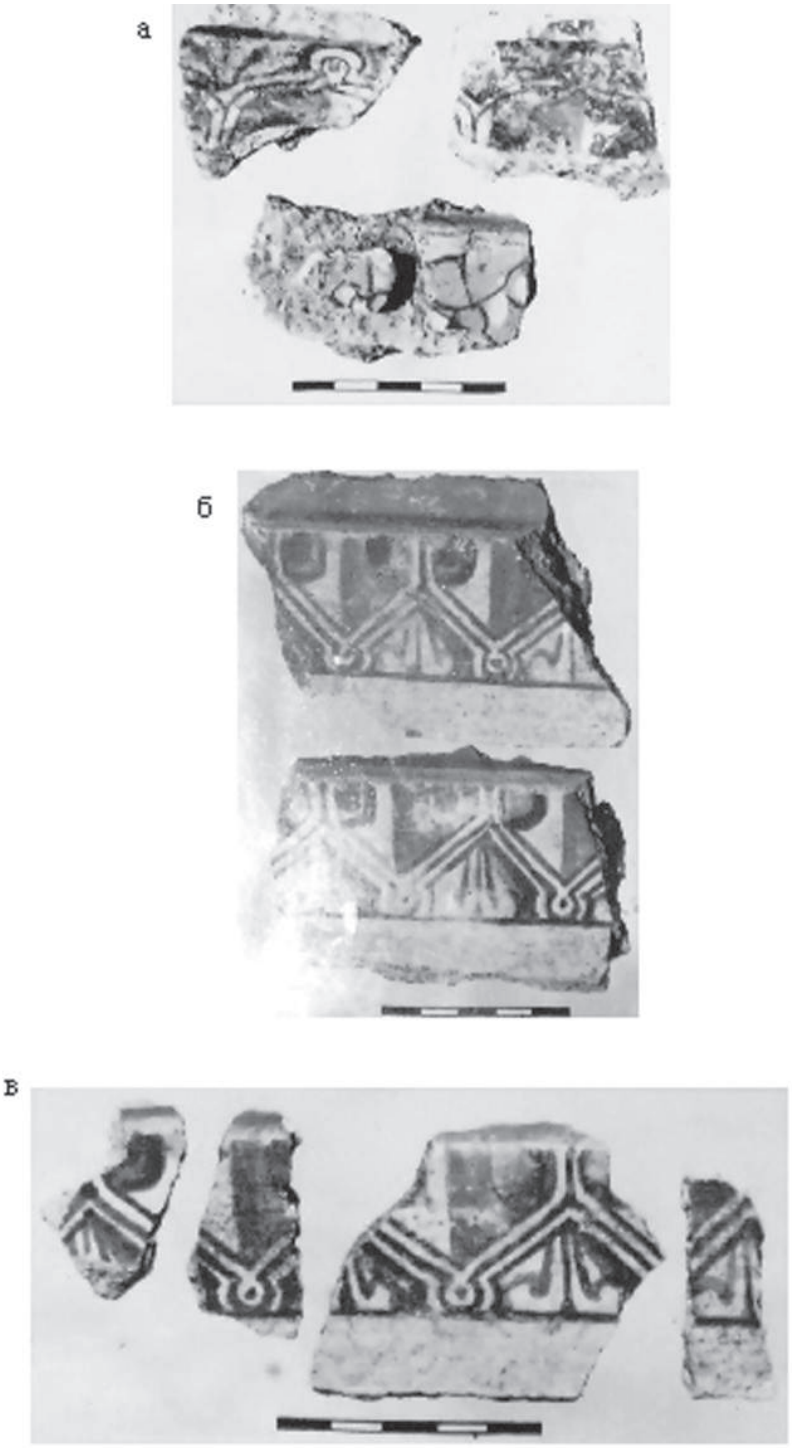


Рис. 5

Рис. 6

Стена Г имела длину 4,6 м, была ориентирована с запада на восток и образовывала прямой угол с кладками В и Д[14]. Большая часть стены была сложена из блоков ракушечника крупного размера, лишь западная часть состояла из мелких камней ракушечника и ракушечной крошки. В. С. Долгоруков на основании изучения стратиграфии предположил, что на данные каменные цоколи так же была положена кладка из сырцовых кирпичей[15].

Стена Д представляла собой восточную стену эллинистической постройки. Она была сложена из блоков крупнозернистого ракушечника, сохранившихся в высоту на 1-2 камня. Ширина стены — 0, 45 м[16]. Стена Д прослежена в направлении с севера на юг на 2,28 м. Стена Д уходит под южный борт раскопа[17].

В северо-восточном углу Помещения 2 также зафиксированы остатки глинобитного пола, состоящего из нескольких подмазок общей толщиной около 0,15-0,2 м, посыпанных мелкой ракушкой и известняковой крошкой.[18] Его поверхность слегка понижается в южном направлении.[19] На полу помещения 2 были обнаружены фрагмент сероглиняного амфориска, трехгранный втульчатый наконечник стрелы, ядро для пращи, глиняное пряслице, а также терракотовая статуэтка война с галатским щитом[20].

Вдоль кладки Г внутри помещения 2 на протяжении 2,2 м выявлены крупные камни известняка размерами 0,62х0,41 м, 0,33х0,57 м, 0,36х0,20 м, 0,20х0,14 м, 0,14х0,05 м, 0,14х0,08 м, а также морские валуны, сложенные регулярным образом.[21] Южная и западная части данной вымостки представляют собой плотную забутовку из мелкого ракушечника и каменной крошки. Возможно, такой строительный прием также связан с нехваткой строительного камня. В отчете В. С. Долгорукова говорится о том, что в каменной вымостке в северо-восточном углу помещения была найдена ручка родосской амфоры с клеймом[22]. Таким образом, можно констатировать, что каменная вымостка с забутовкой из мелких камней представляет собой пол помещения первого строительного периода. На полу помещения у южного борта квадрата IV в центре выявлена яма размерами 1,20х0,80 м. Ее южная часть уходит под южный борт квадрата. В ее заполнении встречены фрагменты стенок амфор и красноглиняной кухонной посуды, а также несколько фрагментов мегарской чаши[23].

О том, что в Помещении 2, так же как и в Помещении 1, произошел пожар, после которого здание было перестроено, свидетельствует небольшой слой горения вдоль кладки В (толщина слоя древесных углей 1-2 см)[24]. Южнее восточного конца кладки Г был обнаружен завал горелых деревянных плах (его размеры 1,5х1,3, высота 0,1-0,15 м) (рис. 7), которые, возможно, являются остатками перекрытия

[14] Долгоруков 1985, 48.
[15] Крыкин 1984-1986б, 11.
[16] Долгоруков 1986, 2.
[17] Долгоруков 1985, 48.
[18] Крыкин 1984-1986б, 11.
[19] Долгоруков 1985, 49.
[20] Долгоруков 1985, 51.
[21] Крыкин 1984-1986б, 12-13.
[22] Долгоруков 1985, 51.
[23] Долгоруков 1985, 49-50.
[24] Крыкин 1984-1986а, 13.

помещения[25]. На полу второго строительного периода были зафиксированы зольные лунки с фрагментами раннеэллинистичесой керамики. У южного борта пола в завале сырцов поверх пола второго строительного периода была обнаружена золотая бляшка: аппликация или медальон[26], шесть бронзовых монет, фрагменты чернолаковых сосудов, куски красной и полихромной штукатурки, железный гвоздь, фрагмент краснофигурного сосуда. Среди амфорного материала преобладают фрагменты сосудов IV-III вв. до н.э. (хиосские, гераклейские, мендейские, фасосские, амфоры типа Солоха II), чуть реже амфоры III-II вв. до н.э. (синопские, родосские), еще реже амфоры более раннего времени (хиосские пухлогорлые, лесбосские).[27]

Рис. 7

В Помещении 2 был обнаружен завал черепицы из кровли крыши, связанный с пожаром внутри помещении (рис. 8). Ширина завала, занимавшего всю западную часть помещения, составляла 1-1,50 м. В завале встречены фрагменты черепицы фанагорийского, пантикапейского, синопского и гераклейского производства с преобладанием фанагорийской черепицы. Среди завала были обнаружены: боспорская керамида с клеймом ΠΑΙΡΙΣΑΔ[ΟΥ] (№ 133 по полевой описи); косское анэпиграфное клеймо, оттиснутое на тонкой одноствольной ручке, по форме напоминающее родосскую (№85 по полевой описи); клеймо на ручке родосской амфоры, датируемое 170-140 гг. до н.э. (№71 по полевой описи), а также две бронзовые монеты[28].

[25] Долгоруков 1984, 8-9.
[26] Долгоруков 1984, 7.
[27] Долгоруков 1985, 51.
[28] Крыкин 1984-1986а, 14; Долгоруков 1985, 50; К сожалению, в отчете не дается определение монет и отсутствует их фотографии.

О пространстве, окружающем постройку, известно немного. Отметим то, что севернее кладки Г была исследована плотная трамбовка из желтой глины толщиной 0,10 м, лежащая на уровне подошвы камней стены. Вероятно, она представляла собой глинобитную площадку севернее этой стены за пределами здания.

Рис. 8

На основании анализа находок из здания можно датировать время его существования третьей четвертью III–II вв. до н.э. В. С. Долгоруков выдвигает предположение о том, что гибель здания приходится на рубеж II-I вв. до н.э. и, возможно, связана с митридатовскими событиями на Боспоре.

О том, что это была не ординарная жилая постройка, свидетельствуют ее архитектурное оформление: на территории относящейся к данному зданию, а также в непосредственной близости были найдены остатки полихромной штукатурки, рельефные детали декора, фрагменты ордерных деталей (базы полуколонн) и пр. Сочетание особенностей архитектурных остатков с характерными находками (астрагалы, терракотовые статуэтки), а также отсутствием очевидного жилого контекста данного сооружения позволяет нам предположить, что перед нами общественная постройка, имевшая в том числе и религиозные функции (к сожалению, из-за плохой сохранности более смелые выводы о ее сакральном назначении будут необоснованны), функционировавшая в третьей четверти III–II вв. до н.э. на южной окраине Фанагории.

ЛИТЕРАТУРА

Долгоруков В. С. 1985: Отчет о раскопках в Фанагории в 1985 году // Архив ИА РАН, Р.-1, № 11165, 11166б. М.

Долгоруков В. С. 1984: Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1984 году // Архив ИА РАН, Р.-1, № 11166, 11166а. М.

Долгоруков В. С. 1987: Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1986 году // Архив ИА РАН, Р.-1, № 14973. М.

Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011: Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 4, 188-198.

Крыкин С. Ю. 1984-1986а: Полевой дневник. Тетрадь 3 (квадрат LIII).

Крыкин С. Ю. 1984-1986б: Полевой дневник Тетрадь 4 (квадрат LIV).

Кузнецов В. Д. 2011: Заметки о культурном слое Фанагории // Методика полевых археологических исследований. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья / Н. А. Гаврилюк, А. А. Масленников, А. А. Завойкин (отв. ред.). М., 117-130.

HELLENISTIC MONUMENTAL PUBLIC BUILDING IN THE SOUTHERN OUTSKIRTS OF PHANAGORIA

Yu. N. Kuzmina

The paper describes and gives a primary interpretation of an interesting monument of Hellenistic architecture that was examined in 1984–1986 in Phanagoria excavation “Southern town”. Peculiar architectural remnants, characteristic finds (astragals, terracotta figurines) and absence of household features make it possible to conclude that this is a public building of the late 2nd — 3rd centuries BC in the southern outskirts of Phanagoria. It was also connected with religious functions; but as it is in a poor state of preservation it is out of the question to draw more bold conclusions concerning its sacral functions.

Key words: the Bosporus Kingdom, Phanagoria, Hellenism, antique architecture

© 2012

А. А. Масленников

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БЫТИЯ БОСПОРСКОГО ПОСЕЛЯНИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

> Жизнь армейского офицера известна. Утром — ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером — пунш и карты.
>
> А. С. Пушкин. «Выстрел».

В статье впервые делается попытка осветить основные моменты повседневной жизни сельского населения античного Боспора по материалам многолетних раскопок в Восточном Крыму. Кратко рассматривается ряд своего рода подтем (быт, жилище, характер домостроения, одежда, путешествия, работа, досуг, труд, здоровье, гендерные отношения, язык и культура, антропонимика, социальное положение, отношения с властью и равными себе и т.п.), которые могут с той или иной степенью глубины быть раскрыты в настоящее время. Рассматриваются кратко также те объективные и субъективные факторы, которые влияли на те, или иные проявления повседневности местного населения.

Ключевые слова: повседневность, быт, сельское население, античный Европейский Боспор, община, природа и общество.

Название данной статьи или, скорее, небольшого эссе, как это вполне осознаёт автор, звучит несколько претенциозно. Ну, а в самом деле, как сказать о таких простых с первого взгляда вещах и категориях понятий, как ежедневный труд, досуг, быт, здоровье, т.н. гендерные отношения и прочее, и прочее, из чего, собственно, по большей части и состоит жизнь человека, тем более простого, не «обременённого» особыми знамениями судьбы? Да вот и эпиграф! Ну чем не распорядок рядового дня, то бишь всё та же обыденность.

Интерес к теме личностной повседневности, как известно, занимает очень заметное место в зарубежных, прежде всего, европейских исторических исследованиях нескольких последних десятилетий. Причём почти исключительно это касается позднесредневекового, нового и новейшего времени. Здесь можно привести хотя бы известную серию научно-популярных книг, где читатель почерпнёт весьма многое о жизни и быте от королевских мушкетёров до солдат третьего рейха и французского иностранного легиона.

В отечественной науке эта проблематика в силу ряда причин вплоть до недавнего времени практически не разрабатывалась. Между тем, литература XIX-XX веков оставила нам весьма многочисленные и любопытнейшие описания всякого рода «повседневностей». Да и касательно новейшего времени, начиная, пожалуй, с самого знаменитого, «Одного дня Ивана Денисовича», у нас есть чрезвычайно яркие примеры. Стали даже защищаться диссертации по соответствующей

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта «Материальное и духовное в повседневной жизни античного Боспора», грант РГНФ № 12-01-00122а.

тематике (например, Я. В. Валяев «Фронтовой быт военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны». — Белгород, 2012.) Есть, и уже давно, примеры и в отношении истории древнего мира. Мы имеем в виду написанные великолепным языком и наверняка прекрасно известные многим ещё со школьно-студенческой скамьи занимательнейшие книжечки М. Е. Сергеенко о простых людях Древнего Рима и Италии.

Вообще говоря, такой историографический поворот не случаен и обусловлен, помимо прочего, двумя основными факторами: расширением источниковедческой, прежде всего документоведческой, базы и полувынужденным желанием популяризации исторической науки в целом. Обращаясь же непосредственно к нашей теме, должно сделать ряд оговорок личностного (субъективного) и, так сказать, объективного порядка. Первые обусловлены научным интересом, точнее, научной специализацией (полевой и кабинетной) автора (исследование сельской территории античного Боспора, многолетние раскопки на Керченском п-ове). Вторые — характером наших возможных источников (практически полное отсутствие всяких письменных свидетельств при наличии достаточно большого, хотя и неоднозначно интерпретируемого археологического материала).

Следующая оговорка касается самого названия. Слово «поселянин» выбрано не случайно. Действительно, а как назвать сельского жителя античной «деревни»? Специалисты знают, что в письменных источниках, касающихся более или менее значимых регионов античного мира, встречается соответствующая терминология, которая, как правило, определяется конкретным типом самого поселения (жители т.н. ком-комиты и, соответственно, ойкосов, катойкий, хорионов, фрурий, клерухий, римских вилл, укреплённых или неукреплённых варварских деревень — поселений и н. др.). Но и здесь не всё однозначно, ибо при отсутствии прямого свидетельства далеко не всегда ясно реальное соответствие того или иного археологического памятника тому или иному из названных типов поселений. Да и сами античные авторы не всегда придерживались определённой, точнее, однозначной терминологии. Что уж говорить о рассматриваемом регионе, из которого вообще до нас не дошло ни одного т.н. самоназвания сельского населённого пункта (см. ниже). Привычное же слуху слово «крестьянин» и подавно по понятным причинам нам не подходит. Остаётся остановиться на нейтральном — «поселянин», т.е. просто житель некоего поселения, понимая под последним какой-то отличный, от собственно городского населённый пункт со своей особой социально-экономической, демографической, планеграфической, правовой и прочими структурами и характеристиками. В любом случае, должны же мы как-то различать постоянного обитателя сельской территории и горожанина. Но и тут не всё так определённо и просто: ведь классическая античность (лучше сказать — античность в её стадиально-специфической абстракции) не знала абсолютного различия сельского и городского. (Как известно, всякий полноправный гражданин полиса — цивитас есть одновременно и землевладелец со всеми вытекающими отсюда правами, социальным статусом, интересами, заботами, особенностями времяпрепровождением и поведенческими мотивами.) Разумеется, реальная действительность демонстрировала самые разные, в том числе крайние варианты такого «симбиоза», не говоря уже о социально-сословно-этнических и территориально-хронологических «оттенках». Поэтому слово «постоянного» в данном случае значит существенно

больше, нежели только временной момент. Это и указание на основной источник доходов, т.е. форму хозяйствования, и особый культурно-этический компонент (менталитет), и отличный от городского образ жизни, и иное социально-правовое положение и н. др.

Так или иначе, но источниковедческая база для заявленных выше изысканий в целом применительно ко всему античному миру определилась уже давно и состоит, главным образом, из хрестоматийно известных письменных свидетельств греко-римских авторов и в не меньшей степени лапидарных документов, а также данных археологии. (Последние в силу своей специфики могут рассматриваться как косвенные.) Обращаясь же к выбранному нами окраинному району античной Ойкумены, следует ещё раз оговориться, что фактически в отношении первых двух групп источников можно лишь осторожно предполагать вероятное наличие оных. Но с гораздо большей уверенностью — их изначально полное или почти полное отсутствие. И это, как становится всё более очевидным, не досадная случайность — следствие слабой обследованности боспорской (как, впрочем, ольвийской и херсонесской) хоры, а некая закономерность, присущая всякому захолустью. (Напомним читателю, что с пространств сельской территории античных городов и государств Малой Азии происходят тысячи разнообразных лапидарных памятников.) Археология же, т.е. раскопки разного рода сельских (точнее, располагавшихся на территории ближней и дальней, в том числе городской, государственно-царской или какой-то иной, в зависимости от господствующей формы собственности на землю и юридического статуса, хоры) поселенческих структур, их некрополей, святилищ и следов землеустроительных работ, хотя и добилась за последние десятилетия немалых, а то и весьма существенных результатов, но в целом не может восприниматься как полноценная замена вышеуказанным «информаторам». Ведь, несмотря на довольно значительные исследованные площади и солидный объём разнообразного вещественного материала, их интерпретация крайне, в том числе и в области данной проблематики, сложна, а то и противоречива. Нельзя также не сказать о таком неоднократно отмечавшемся специалистами-археологами обстоятельстве, как разная степень сохранности и изученности упомянутых групп археологических памятников по обоим берегам Боспора Киммерийского. В сущности, в силу ряда объективных и субъективных причин даже методика их исследования сильно отличается: в одном случае её можно было бы охарактеризовать как в основном абстрактно-пространственно-хронологическую (большая часть т.н. Азиатского Боспора), в другом — также в основном как традиционно-раскопочную (Европейский Боспор). И та, и другая имеют свои бесспорные достижения и преимущества, а главное — оправданы и, пожалуй, оптимальны для своих районов.

Из чего же складывалась та мозаичная картина, которую мы собираемся «нарисовать», какие настроения, впечатления и иные мотивы и причины могут повлиять на «глубину раскрытия художественного образа», натурализм либо абстракционизм «полотна», и хватит ли у нас, говоря словами бессмертного Н. В. Гоголя, «кистей и красок»? На первый вопрос ответить как будто бы несложно. Из факторов, влиявших на повседневный труд и быт боспорского поселянина, назовём в первую очередь природно-географические и климатические особенности рассматриваемого региона (характер и характеристику сезонных изменений, водных

источников, плодородия почв, колебания уровня омывающих данные территории морей и рек, полезных ископаемых, фауны и флоры, конкретного географического местоположения и рельефа местности, сейсмичности района и н.др.). При этом, естественно, приходится всякий раз делать оговорку, т.е. приставку «палео-», далеко не всегда уверенно наполняя её той или иной конкретикой. Изыскания же в соответствующих областях знаний также различаются своей глубиной и определённостью. Так, о местных и, подчеркнём, «синхронных» (для тех или иных периодов боспорской истории) палеоклимате, палеогеографии, динамике уровня морей и направлении течения рек написано совсем немало, хотя и спорных моментов остаётся предостаточно. Весьма активно изучались и изучаются вопросы палепочвоведения, палеосейсмологии, отчасти и палеозоологии. Кое-что делается в области палеобатаники, прежде всего культивированных человеком растений. И некоторые наблюдения и предположения здесь, кажется, могут быть уместны. Так, сам факт массового появления сельских поселений в Восточном Крыму (вторая четверть — середина IV в. до н.э.), равно как и затухание жизни на них, а затем распространение новых типов поселенческих структур в определённой степени могло быть связано с периодическими региональными изменениями климата. (В частности, более или менее холодные зимы сменились относительно тёплыми. Иначе пережить весьма сильные морозы, вспомним хотя бы известные свидетельства Геродота и Страбона, да и впечатления от недавней зимы 2012 г., в тех жилищах, которые мы знаем благодаря раскопкам и при том энергопотенциале, о котором мы тоже как-то может судить, было бы просто невозможно.)

Второй блок факторов условно можно было бы обозначить, как антропогенный и историко-социальный. Здесь и обусловленные разными причинами этнические перемены, контакты и влияния, и целый набор сложных и почти совершенно неизвестных нам вопросов и коллизий, которые можно было бы «окавычить», как взаимоотношения полиса и хоры, государства (или государя) и населения сельской территории (власть и подданные, эллины-боспоряне и варвары, свои и чужие, подати и поборы, права и статус и т.п.).

Третий фактор — внутренняя жизнь и социальная организация сельских общин на Боспоре. Тут мы вообще помимо самых общих, хотя и вполне вероятных предположений о наличии последних — практически ничего конкретного сказать не можем. Ясно лишь, что население хоры было как-то организовано или самоорганизовано, представляло некие коллективы, объединённые родственными, территориальными и хозяйственными связями и интересами. Насколько нам известно, никто собственно вопроса о характере сельской общины в античных государствах Северного Причерноморья пока не ставил вообще. Ведь письменная традиция тут, не в пример, скажем, той же Малой Азии, практически «нема».

В-четвёртых, фактор традиций и инноваций. Он касается предметно-бытовой стороны частной и общественной жизни боспорского поселянина, некоторых вероятных черт его менталитета. (Здесь можно было бы охарактеризовать то, где и как жил «наш герой или героиня», во что они одевались, что их окружало в повседневном быту, их будни и праздники, религию и культы, погребальный обряд и иные житейские мелочи и немелочи. Но это уже, собственно, раскрытие темы.)

Наверное, в связи с этим же (и не только) можно было бы выделить и фактор влияния дальнего и ближнего этнокультурного окружения обитателей боспорской хоры. («Пункт» 5.) Впрочем, он отчасти уже приводился выше.

В-шестых, экономический (хозяйственный) фактор. То есть основные виды хозяйственной деятельности, их трудозатратность и рентабельность: земледелие (его «содержание», специфика, производительность, степень риска и товарности), животноводство с теми же самыми «подвопросами», сельское ремесло, торговля, промыслы, прежде всего рыболовство, а также орудия и предметы труда.

Наконец (7), гендерно(поло)-возрастной фактор, включая семейно-родственные отношения и чисто антропологическую характеристику разных групп сельского населения, а равно состояния его здоровья, средней продолжительности жизни, причин смертности и т.п. Кое-какие «намёки» в этом плане уже имеются благодаря некоторым междисциплинарным исследованиям.

И ещё, конечно, фактор времени, точнее, хронологии. Пожалуй, как везде и всегда в истории, на Боспоре за его более чем тысячелетний период существования происходили не только постоянные, более или менее эволюционные изменения, но и довольно существенные, резкие перемены и даже исторические катаклизмы, которые самым решительным образом сказывались на социально-экономическом, демографическом и этнокультурном «облике» этого государства. И сельская территория затрагивалась ими ранее всего и в наибольшей степени. Таких «поворотных» периодов, кажется, было не менее пяти-шести. (Последняя треть VI и рубеж первой второй четвертей V вв. до н.э.; конец первой трети III в. до н.э.; I в. до н.э. и вторая-третья четверти III в. н.э.; вторая половина IV в. н.э. и первая четверть — треть VI в. н.э. Возможны и иные «периодизации».) В любом случае, совершенно очевидно, что повседневность обитателей богатых усадеб т.н. царской хоры Европейского Боспора (IV-III вв. до н.э.) заметно отличалась от того, как, в чём и чем жили те, кто в то же самое время населял многочисленные «деревни» (комы?) в относительной глубинке Керченского п-ова и по соседству с ним. В свою очередь, повседневность жителей городищ эллинистического или римского времени была здесь же уже несколько иной. Достижения археологии, по крайней мере на этой территории, позволяют утверждать это со всей определённостью.

Теперь, собственно говоря, пора задаться вопросом: а из чего складывалась эта самая «повседневность»? Вряд ли мы будем здесь оригинальны, если назовём такие «подтемы», как локальная «родина» и окружающий ландшафт (конкретное поселение либо некая абстракция, характеризующая определённый тип поселенческой структуры, и ежедневно видимый, окрестный ближний и дальний пейзаж); распорядок дня и календарь хозяйственных работ. Затем — домашний быт и досуг; одежда и пища; общественные связи и обязанности; здоровье и поло-возрастные отношения и н.др. Каждая в той или иной мере опирается на соответствующую информацию, хотя, признаем это ещё раз, объём её невелик, а то и просто ничтожен. Конечно, мы можем «при наличии отсутствия» позволить себе «вольности» вроде обращения к местным городским более или менее близким и синхронным аналогиям либо просто сельским материалам, почерпнутым из других регионов обширного античного мира, например, из самого близкого к Боспору — Малоазийского. Но это будет уже не столь «чистый» эксперимент. По-

этому по большей части наши реконструкции окажутся крайне скудными. Но всё же, всё же…

Итак, начнём, хотя бы с того: а где живёт наш «среднестатистический» боспорский поселянин? Договоримся, что это будет территория Восточного Крыма, как наиболее известная автору, так и исследованная и показательная в ряде отношений, о чём уже писалось выше. Не повторяясь относительно того, что тут в разное время существовали разные типы сельских поселений, а также были периоды, когда они практически отсутствовали, зададимся вопросом, где они располагались и как назывались. С первым — проще. В какие-то периоды полуостров был заселён очень плотно (IV-III вв. до н.э.), в какие-то (что случалось чаще) — куда менее густо. Напомним, поселения архаического и классического времени здесь единичны и характер их остаётся не вполне ясным (первые «усадебки» на ближней городской хоре, некие варварские стоянки, места периодических посещений и убежищ, сакральные и географические ориентиры). Зато в раннеэллинистический период всевозможные населённые пункты представлены тут весьма основательно (странно немногочисленные усадьбы на ближней — городской — хоре, столь же нечастые, но не в пример им более презентабельные усадебные комплексы на дальней государственно-«царской» хоре, располагавшейся преимущественно на побережье Меотиды, и сотни неукреплённых, довольно значительных по площади селищ с иррегулярной общей и «частной» планировкой и застройкой, находившихся в основном в «глубинке» полуострова и по соседству с ним).

Второй вопрос тоже вовсе не праздный. Вряд ли, как и сейчас, любой населённый пункт, если их было хотя бы несколько, а не один (тогда это будет просто город, просто усадьба, просто жильё, дом или некое коллективное обиталище), не имел своего названия. Каковы тут законы (или случайности) топонимики, знает каждый по своему опыту. В ход идут внешние признаки, окружающий ландшафт, вернее его особенности, названия, производные от имён основателей или владельцев, и мн. др., иногда весьма неожиданные «обстоятельства». О том, как вообще назывались сельские поселения на Боспоре в древности, точнее, об их, так сказать, типологии выше уже писалось. Конкретика здесь, в сущности, до сего дня только одна: известное упоминание неких, по-видимому, достаточно многочисленных сёл (ком) в одной из новелл Полиена о Левконе I. Напомним кратко, что речь там шла о родственниках царских триерархов, которым боспорский царь временно вручил власть и управление этими населёнными пунктами. Полиен — автор довольно поздний (середина II в.н.э.), да и вообще навряд ли он знал собственно боспорскую терминологию. Источник его в данном случае неизвестен. Историческая достоверность рассказа в равной доле и сомнительна, и вероятна. Перевод, которому мы следуем (из «Свода» В. В. Латышева), предпочтителен недавно изданному (Полиен. Стратегемы. Под общ. ред. А. К. Нефёдкина, Евразия, С-Пб. 2002. С. 214), где почему-то сказано: «Власть и попечение над процессиями». (Это, конечно, тоже знак показного доверия, но слово «власть» здесь как-то ни к чему.) Впрочем, если быть точным, из данного текста вовсе не значит, что во времена ранних Спартокидов обязательно существовала сама должность «сельских» эпимелетов. Следует только, что таковая могла существовать. (Вообще же она зафиксирована на Боспоре, вернее в Танаисе, лишь во II-III вв. н.э.) примечательно, и это говорит в пользу некоего достоверного первоисточника Полиена,

что в указанное время (не раннее второй четверти IV в. до н.э.) на Европейском Боспоре, как только что писалось, уже действительно имелись многочисленные сельские поселения, облик которых, вероятно, соответствовал греческим представлениям о неукреплённых деревнях. Мы сейчас называем их варварскими или полуварварскими селищами и знаем, что они были характерны именно для этого периода и не только Восточного, но и ряда других районов степного Крыма.

Ещё сложнее обстоит дело в отношении т.с. персональных названий. По идее, их должны были быть сотни. Но нам не известно ни одного. Речь, разумеется, не идёт о городах или городках типа Акры, Порфмия, Парфения или Зенонова Херсонеса, хотя локализация некоторых из них до сих пор спорна (Зефирий, Ахиллион, Тирамба, Гераклий, Казека, Аборака). Местная малая (локальная) топонимика за редчайшим исключением (некая «варварская дорога», упомянутая в одной довольно поздней надписи, вероятно, фиксировавшей границы земельного участка) до нас и вовсе не дошла. Усадьбы на «царской» хоре могли именоваться либо «большими» и «малыми», либо по имени хозяина, либо как-то в этом духе. А вот комы, наверняка, — по другому принципу. И притом ещё совсем не обязательно по-гречески.

В эпоху позднего эллинизма характер организации дальней, да и ближней хоры, как известно, кардинально меняется. В целом поселений очень мало, но зато они укрепленные. А такое, как Золотое-Восточное и вообще, выглядит небольшим городком. В последующие века на полуострове складывается целая система из относительно немногочисленных (около десятка), но, как правило, весьма крупных и хорошо укреплённых городищ. Не исключено, что именно эту ситуацию как-то отразили источники Клавдия Птолемея. Во всяком случае, обилие приведённых им топонимов, в том числе применительно к Крымскому п-ову, а возможно, даже его восточной части, крайне соблазнительно для разного рода локализаций и отождествлений. Ярчайший пример тому — прочно вошедшее в употребление самоназвание самого мощноукреплённого и, пожалуй, крупнейшего по площади городища у с. Ивановка (т.н. Илурат). Исследователи, ведущие раскопки двух других интереснейших и больших объектов: Белинское и Артезианское городища, — упорно приучают нас к мысли, что это и есть птолемеевские Пароста и Бион. На Казантипском п-ове помещают Новую Крепость или Гераклий. Относительно остальных — мнения существуют самые разные, но все они не подтверждены соответствующими эпиграфическими находками.

Следующий «момент» — окружающий нашего «героя — героиню» природный антураж, то есть ландшафт. Тот, кто хорошо знаком с восточно-крымскими пейзажами, относительно легко может себе представить облик как прибрежных, так и глубинных районов в древности. Естественно, в плане рельефа местности, ведь он за незначительным исключением вряд ли изменился. Почти наверняка местные речушки, а их было около десятка, являли собой картину гораздо более отрадную, нежели теперь. Основные солёные озёра могли быть мелководными заливами, что впрочем, вовсе не обязательно на протяжении всего античного периода. Также наверняка береговая линия при всех локальных особенностях, точнее — динамике абразийных процессов, сохраняла основные очертаний бухт, заливов и мысов. Правда, разрушения и изменения (абразия) берегов Чёрного моря и Керченского пролива (Боспора Киммерийского) в силу геологических особен-

ностей их строения и не только шло значительно интенсивнее, нежели берегов Меотиды. (Жители городка Китея и его хоры были бы неприятно поражены, если бы сейчас отправились на прогулку к своему городскому центру — святилищу. А обитатели Киммерика, Казеки, Акры и вовсе не смогли бы отыскать своих очагов…) Впрочем, и там, как теперь выясняется, случались локальные разрушения, вероятно, сейсмического происхождения, существенно менявшие облик отдельных участков побережья и приводившие к гибели поселений или их оставлению жителями, например, вследствие исчезновения питьевой воды в сопутствовавших им колодцах. Но такие катастрофы происходили нечасто и, следовательно, это уже не была повседневность.

В настоящее время принято считать, что уровень Чёрного моря и пролива в целом при всех колебаниях был в античное время ниже на несколько метров. Для Азова это цифра составляет 1,5-2,5 м. И в этом случае его мелководье плюс изменения русла впадающих рек могли заметно сказаться на пейзаже прибрежной зоны. Так, не исключено, что вода в этом море была в архаический и классический периоды более пресной, а следовательно, водились иные виды ихтиофауны и моллюсков. Затем она «посолонела», но мидии встречались в избытке. О рыбных же богатствах Меотиды понаписано уже в древности было немало. (К сожалению, на наш век остались только воспоминания. Античный поселянин ужаснулся бы и пришёл в полное отчаяние, вздумай он рыбачить сейчас в меотийских водах. Не случайно, автор последний раз любовался здесь игрой дельфинов лет двадцать пять — тридцать назад.) Не исключено, что прибрежная акватория временами и местами представляла собой некое подобие плавней, а сама кромка берега отстояла на несколько сотен метров дальше современной. О зимних катаклизмах и их динамике выше уже немного писалось. Наверняка вышедший из своего жилища, а точнее — за границы поселения, боспорянин (в данном случае неважно, кем он был в этно-культурном плане и когда именно жил) видел несколько, а кое-где и сильно отличающуюся от нынешней растительность. Степные пространства со всем их первобытным разнообразием трав и животно-птичьего мира, по мнению специалистов, тогда преобладали. Но и кустарниково-лесные «оазисы», особенно в северной части п-ова, не были редкостью. (Трудно сказать, насколько уместно «транспортировать» в античное время любопытную информацию П. Дюбрюкса о якобы виденных им где-то в районе Чокракского озера, где он одно время служил смотрителем на соляных приисках, выкорчёванных пнях больших деревьев, дубов.) Навряд ли уже в эллинистическую эпоху местного леса хватало в качестве топлива. Многочисленные зольники, особенно характерные для окрестностей городищ первых веков н.э., состоят в основном из отходов костров и печей, в которых сжигали солому, хворост и высушенный на солнце навоз. Это всё — в самых общих чертах, ибо подробнее о растениях, животных, рыбах и птицах произраставших и обитавших на полуострове две с половиной — полторы тысячи лет назад, лучше пусть скажут специалисты в данной области.

Несколько слов о «розе ветров». Нет ничего постояннее ветра, говорят жители некоторых приморских областей. Уж если задует самый свирепый и долгий северо-восточный, уверяют старожилы Приазовья, то дня на три, а там или «шабаш», или шесть, девять и т.д. Особенно если дело поздней осенью и зимой. Сыро, до костей пробирает. Так и сечёт. К нему приноровиться надо, укрыться. И если

дело всегда обстояло именно так, наш поселянин должен был укрываться. Прежде всего, жильё и жилое тепло по зиме сберечь. И вот что примечательно: практически все прибрежные поселения «римского и ранневизантийского» времени расположены на более или менее пологих к западу склонах скалистых холмов. А до этого — на относительно ровных вершинах и плато. Им вроде бы и ветер был не страшен. А может, роза ветров внезапно сменилась, если такое бывает? Впрочем, ветер — он ведь и нужен. А в жару, а как «дворник»! (Ну, об этом снова потом.)

Итак. Выходит, значит, каждый день из своего жилища (сейчас неважно какого) наш поселянин. Сам выходит, по делам или его позвали. Уходя, распоряжается, кому-то что-то говорит… Стоп, а как позвали-то его? Имя какое? Вот тоже проблема со многими неизвестными. Казалось бы, античная антропонимика кишит именами. Даже в дошедших до нас боспорских надписях их многие сотни. Да ещё граффити и дипинти… Но это почти всё «не про нас»! Это почти всё про горожан. Надписей, случайно или нет, найденных на пространствах боспорской хоры, единицы. И имён в них — соответственно тоже (не многим более трёх десятков). В большинстве — на надгробиях. (Для Восточного Крыма бесспорна локализация «в глубинке», т.е. с каких-то памятников хоры, только надгробий из Илурата, района Тобечикского озера, близ сёл Тасуново, Войково и Бондаренково, быть может, окрестностей Темир-горы, а также с некрополей Кыз-Аул (Яковенково) и Фронтовое II.) В основном они относятся к I-II вв. н.э. И кто же это? Конечно, в отношении этноязыковой идентификации ряда имён среди специалистов нет единства, но, в общем, картина следующая. Приблизительно 50 % — это греческие личные имена. Около четверти, вероятно, иранского происхождения. Остальные (почти поровну) — малоазийские или неясной атрибуции. Так что, можно сказать, среднестатистический обитатель относительно немногих довольно крупных сельских поселений «римского» времени, причём мужчина, носил скорее греческое, нежели какое-то иное имя. Надгробий, да и иных надписей с именами более ранними или поздними на пространствах ближней либо дальней хоре не найдено вовсе. И это вряд ли случайно. Отметим попутно, что некрополи городищ позднеэллинистического периода (сер. III-I вв. до н.э.) здесь практически неизвестны. А ещё более ранние — правильнее было бы именовать курганными и грунтовыми могильниками, поскольку они «привязаны» к варварским селищам, которые мы условились называть комами. Что же касается некрополей т.н. усадеб ближней (городской) и тем более дальней (царской?) хоры IV-III вв. до н.э., то для первых, кажется, можно говорить пока только в отношении Нимфея, а для вторых вопрос вообще остаётся открытым. Кажется, за небольшим исключением их обитатели предпочитали быть похороненными на своих «родовых» кладбищах близ боспорской столицы. Впрочем, мы здесь увлеклись уже иной темой.

Возвращаясь же к местной сельской антропонимике, нельзя «пройти мимо» ещё одной группы источников: граффити и дипинти. Их на сегодняшний день учтено немногим более тысячи. Естественно, далеко не все они содержат личные имена. Но главное даже не это. Как всем хорошо известно, граффито и дипинто — весьма неоднозначный артефакт. Как правило, они связаны с разного рода керамическими изделиями. А те, как и прочие предметы обихода и быта, имели тенденцию к более или менее постоянному перемещению и смене владельцев. К тому же посуда и тара, как бы априори, попадала на хору извне. (В данном слу-

чае неважно — из боспорских городов или из-за моря.) Поэтому то или иное имя вовсе могло и не принадлежать изначально сельскому жителю. Ряд имён плохо восстановим, о других трудно сказать уверенно, что это — посвящение божеству или герою (в нашем случае есть примеры поразительные, например имена Патрокла и Ясона) или теофорное имя владельца сосуда. В целом, их не так уж и много — несколько десятков. Греческие явно преобладают, но в разные периоды встречаются имена иранского и малоазийского происхождения. Некоторые же (Спарток, Перисад?) вряд ли принадлежали рядовым поселянам, другие — (на грузилах, обломках амфор) почти наверняка — наоборот. Есть ещё надписи с именами на стенах позднеантичных грунтовых семейных склепов (Салачик, Сююрташ). Но, во-первых, их очень мало. Во-вторых, прочтение сомнительно, а этнолингвистическое соотнесение спорно. Таким образом, недостаточная статистика и прочие вышеизложенные обстоятельства пока не позволяют в полной мере и для каждой эпохи использовать данный источник. К тому же, а ну как большинство поселян было попросту неграмотными, что для обитателей ком представляется практически очевидным, а для жителей городищ первых веков н.э. — достаточно вероятным.

Итак, наш «герой» вышел из дома (помещения или жилища). Что же непосредственно, т.е. у дверей и рядом он видит перед собой? Иными словами, что представляла собой среда его обитания, так сказать, не в широком, а в узком смысле. Для «комита», кем бы он ни был по этносу, она состояла из не всегда чётко ограниченного (забором или просто рядом камней) пространства, включавшего в себя, помимо собственно жилища (о нём ниже), некое подобие невымощенного двора и, возможно, одного-двух непритязательных по облику, небольших, низеньких, грубо сложенных из необработанных камней строений с самой простой кровлей разного хозяйственного (подсобного) назначения. Нередко эти «клетушки» были просто пристроены к жилому помещению. Несколько ям, частью под навесами (хозяйственные), частью открытые (зольно-мусорные) помещалось тут же. Чуть поодаль — невысокий курганообразный холм, обложенный у основания грубой обкладкой из камней, — зольная свалка. В двух-пяти десятках метрах (а то и ближе) без всякого плана и с иной ориентацией построек располагались соседние «домовладения», а то и просто начиналась холмистая степь, где также невдалеке виднелись невысокие курганы или камни гробниц родового могильника. Никаких подобий улиц. Только вытоптанные скотом и людьми промежутки между описанными строениями и ямами. Летом, надо думать, пыльно и жарко. Много мух, грязи. Зимой отчаянно холодно и ветер выдувает на открытом пространстве последнее тепло очагов. Колодцев нет, цистерн для воды тоже. За водой ходить надо к источнику, а он мог быть неблизко. Зато скот стоял тут же, у жилища. Молодняк — (на зиму) в «сарайчиках», а то и с людьми. В ряде случаев вдалеке виднелась морская гладь, но по большей части вокруг была степь, редколесье, кое-где холмы и сопки. Непосредственно вблизи морей, на берегах жители ком не селились, во всяком случае, не выявлено ни одного селища.

Ну, а обитатель дальних усадеб? О, это совсем другое дело! Выйдя за дверь (а такая, безусловно, была), он прежде всего попадал на полностью или частично вымощенный прямоугольный или подпрямоугольный, нередко перистильный двор, ограниченный отовсюду или почти отовсюду блоками одно-, реже двух-

этажных построек, крытых керамической черепицей. Водостоки и естественный уклон вымосток обеспечивали его относительную чистоту и сухость. Вход в усадьбу шириной не менее 2 м оформлен двухстворчатыми воротами. К нему вела более или менее ровная, покрытая слоем утрамбованного керамического боя дорога. А возле ворот, снаружи, как и положено, — низенький квадратный алтарь из прокалённой от частых воссожжений глины. Местами внешние стены на высоту почти человеческого роста выложены рустованными блоками. Да и в остальном кладка достаточно качественная, аккуратная. Основные элементы планировки прямолинейные. Окон, естественно, нет (тепло надо беречь), но света со двора достаточно. Иногда двор особыми стенами — загородками с навесом — или небольшими помещениями как бы делится на секции. Ямы разного назначения если и есть, то их немного и они невелики. Зато у края двора или рядом с самыми большими усадьбами находятся громадные (примерно 5×5 и глубиной не менее 5 м) зерновые ямы — цистерны цилиндрической формы. (Посчитай, читатель, сам, если хочешь, их объём, т.е. вместимость, автор не силён в арифметике.) Их вырытые в материке стены обложены каменной однорядной кладкой. Сверху устроена черепичная кровля, а возле — водоотводы. Самая большая из усадеб дальней хоры (Генеральское-Западное) состояла из нескольких почти соприкасавшихся, но всё же отдельных строительных блоков жилого или жилого и хозяйственного назначения, различавшихся планировкой, размерами и, надо думать, предназначением. Центральное «здание» — самое большое и самое качественное по уровню строительного дела — было укреплено тремя квадратными в плане башнями высотой до 8-10 м. Но и на двух других усадьбах, «нерасчленённых» в плане, также выделялась своего рода хозяйская «половина». Есть в усадьбах и винодельни с давильными площадками, прессами, цистернами для сбора сусла, и полуподвалами с пифосами. (Впрочем, в ближайших окрестностях находился особый сезонный винодельческий комплекс большой производительности.) Центральный блок построек на главной усадьбе имеет почти квадратный перистильный, тщательно выложенный большими плитами двор, в центре которого и по углах стоят различные алтари и иные предметы культа. Здесь центр сакральной жизни владельца и обитателей усадьбы. (Описание в данном случае можно было бы продолжить, но и так ясно, что только что изложенное — картина двух миров, двух культур синхронных, соседних, но таких разных.)

Перенесёмся на полтора столетия вперёд, и картина в данном отношение будет существенно иной (поселения — городища Крутой берег и Сююрташ). Затем снова вперёд — и мы на городищах типа Семёновское, Белинское, Тасуново, Генеральское-Восточное или Михайловка, Артезиан, Ново-Отрадное. Поселения первой группы — это своего рода казармы, где всё и вся почти одинаково, почти равно. Линейная планировка, террасная застройка, улочки и переулки, грубосложенные, массивные внешние стены с бастионообразными выступами у ворот-проездов. Вторые — скорее относительно небольшие по площади, почти квадратные крепости-форты с башнями или без них, рвами и «посадом» вокруг. Здесь всюду чувствуется стремление к некой правильности в планировке, античный опыт и более высокий строительный уровень. Но есть ещё и поселения — уменьшенные копии городищ первого типа, а также сторожевые башни близ погранично-оборонительных валов и на господствующих высотах. Но… хватит конкретики! Для

несложного полёта фантазии читателю вполне достаточно соответствующих публикаций В. Ф. Гайдукевича, И. Т. Кругликовой, И. Г. Шургая, Н. И. Винокурова, В. Г. Зубарева, да и автора тоже.

Куда вышел из дома «наш» поселянин, мы теперь знаем. А зачем и куда он пойдёт? Ответ не будет оригинален. По делам. По делам своим или общественным. «Каким же?» — вопросит любопытный читатель. Выбор, извините, невелик. Если своим — то это либо на поля (что наиболее вероятно), либо за скотом в степь (что тоже весьма часто имело место, если не им самим, то пригодными для этого домочадцам), либо, что случалось не столь часто, по торгово-обменным нуждам. Иногда — на охоту. Нередко в море, рыбалить, если посёлок прибрежный. Впрочем, в путины на промысел отправлялись, вероятно, и из поселений «глубинки» (находят и там рыболовных грузил и крючков, а также в огромном количестве створок мидий, костей рыб и дельфинов). Даром что до моря всюду были вообщем-то недалеко. Наверняка были и иные полезные и необходимые занятия, но эти, и прежде всего, земледелие, хлебопашество, — повсеместно и всегда основные виды хозяйственной деятельности. Менялись приёмы агротехники, отчасти орудия труда, сорта злаковых, овощей и фруктов и породы скота. Менялось соотношение видов скота и сельскохозяйственных культур, промысловые сорта рыб (больше в зависимости от сезона, чем по иным причинам), охотничьи «приоритеты». Наконец, урожайность, производительность, выгодность, спрос и предложение и, как следствие, товарность тех или иных отраслей. Но комплексность хозяйства оставалась незыблемой. Было, надо полагать, и несложное домашнее ремесло. Иначе не прожить. Не будем распространяться далее о сортах зерновых и системах севооборота, виноградарстве и виноделье, овощах и фруктах, рыбозаготовке и добыче соли или строительного камня, сборе топлива, полезных трав и. т.п. Летом — одно, зимой — другое, весной и осенью … другие заботы. Обо всём этом написано предостаточно, хотя ясно и известно ещё не всё. Но дела личные предполагали не только производственную сферу. А отношения с соседями, с родственниками? А посещение соседних селений, местных (своих) или даже более отдалённых святилищ? (Не ждать же, если надо, праздников!) А позвать лекаря-знахаря, повитуху, найти и зайти за советом к грамотному селянину, мастеру или просто знатоку? А поход «за правдой», с жалобой или просьбой к кому-то сильному или старшему? Да и друзей (как по душе и интересу, так и душевных, сердечных) никто во все времена и везде не отменял. Что мы знаем обо всём этом? Да практически ничего. Каков он внутренний мир нашего «героя»? «Богу вести…», как писал всё тот же бессмертный Гоголь.

Не менее сложно определиться с делами общественными. Это или обязанности перед всем коллективом обитателей своего поселения, будь то община или некая другая, временная «общность» (семья, родственники, прислуга и работники усадьбы), или специально организованный отряд. Или с его выборными либо назначенными представителями. В любом случае это т.с. внутренние обязанности. Но наверняка были ещё и внешние: отношения с другими общинами и коллективами, с лицами, представлявшими местную и верховную власть. С самой властью, как бы она ни называлась. Последние наверняка были для абсолютного большинства поселян во все времена (кроме, быть может, случайных или периодических

посещений ими своих владений да экстраординарных событий) опосредованными.

Остановимся немного на «сопутствующих» вопросах. Во-первых, об общине. Письменных свидетельств, как уже отмечалось, нет. Всё, что мы можем в данном случае предположить, основано на археологическом материале и более или менее оправданных аналогиях. Типов общин, как известно, не так уж много. Применительно к рассматриваемому времени и месту можно, вероятно, говорить либо о неком варианте родовой (кровно-родственной, больше — или малосемейной) общины, либо о какой-то разновидности сельской, соседской общины. Существуют ли археологические признаки общин вообще и их типов в частности? Думается, некоторые, хотя это не бесспорно, можно было бы обозначить. Это характер домостроения и особенности общей застройки населённых пунктов. Затем, естественно, специфика погребального обряда, типология гробниц. Ведь само наличие постоянных некрополей-могильников свидетельствует об устойчивой традиции и общественной организации данного коллектива, как бы эту организацию ни определяли. Напомним, многочисленные селища полуострова IV-III вв. до н.э. (эта датировка условна) представляли собой хаотично разбросанные на весьма значительной площади (до нескольких десятков га) отдельные скопления («кусты») иррегулярной, весьма непритязательной застройки и просто как-то обихоженного пространства (своего рода отдельные жилищно-хозяйственные «ячейки»). Исходя из размеров предполагаемых жилых помещений, здесь могла обитать т.н. малая, неразделённая семья (несколько поколений единородственных индивидуумов), т.е. примерно 4-8 человек. Соседние могильники — это либо впускные и реже основные подкурганные захоронения, главным образом в каменных гробницах, либо, что более характерно для относительно прибрежных районов, в грубых каменных ящиках, практически на поверхности земли. Общая тенденция, прослеживаемая на протяжении почти двух с половиной веков, — увеличение числа захоронений в одной могиле, которые в ряде случаев превращаются в примитивные склепы. Данное обстоятельство особенно примечательно, ибо явно фиксирует не только известную демографическую стабильность, но и, по всей видимости, крепость внутрисемейных связей. (Хотя никаких соответствующих генетических определений не делалось.) Прочие специфические черты этих могильников (вероятное наличие обряда выставления) в данном случае нас не интересуют. Таким образом, обитатели ком, по-видимому, жили родовыми общинами на стадии выделения малых семей. Кто стоял во главе такого коллектива, неизвестно. Никаких археологических наблюдений (наличие особенно богатых захоронений на близлежащем могильнике или добротная постройка) здесь сделано не было. Впрочем, ни одно селище основательно не раскопано. Вероятнее всего, изначально это был некто, скорее по своему возрасту и рассудку, чем по выбору или назначению. Но впоследствии, когда земли с комами стали подконтрольны боспорским правителям, не исключено, если верить Полиену, во главе общин действительно находились специально назначенные «сверху» доверенные лица, кем бы они ни были по происхождению (низшая ступень в царской администрации?). Поскольку таких деревень только на Керченском п-ове известно чуть ли не три сотни, число «управляющих» было весьма велико. Вместе с тем не исключено, что эти и тем более соседние с Восточным Крымом населённые не греками пространства как-

то управлялись или подчинялись местным скифским «князькам» или правителю более высокого ранга, ставка которого, как полагают специалисты-скифологи, находилась где-то у современного Белогорска.

Что же касается ближней и дальней хоры, то, как уже писалось, соответствующие вопросы об общине прояснятся, если мы остановимся на том, что первая — это сельская территория городов-полисов, а вторая — центры владений правящей семьи-династии. В последнем случае значительная часть обитателей этих усадеб находились в них как бы временно, была сезонными работниками. Отсюда и отсутствие некрополей, и особенности домостроения, о чём упоминалось выше. Их социальную организацию трудно назвать соседской или какой-то иной общиной, но, несомненно, они были как-то организованы и кем-то управляемы.

Около середины III в. до н.э., как было установлено уже довольно давно, в структуре, организации и составе сельского населения Боспорского государства (и не только) происходят не вполне понятные нам, но очень существенные перемены. По-видимому, в силу целого ряда обстоятельств, касаться которых мы сейчас не будем, обитатели новых поселений представляли собой уже совершенно иной этнокультурный компонент, вернее агломерацию старого и нового. Семейно-родовые общины уходят в прошлое. Теперь все живут как бы под одной «крышей», вернее за одними стенами, но, скорее всего, судя по наличию близких по площади помещений, небольшими семьями, не обязательно тесно связанными родством. Теперь и надолго это не столько родственники, сколько соседи и подданные. Теперь это действительно сельская, соседская община, но сельская община особого «типа или варианта», точнее, одного из них. А именно та, где объединёнными общими правами и обязанностями по отношению к основному средству производства (земля) выступали не кровные родственники, а люди, получившие эти права иным образом, но проживавшие семьями в непосредственном, почти физическом соседстве в одном поселении. То есть это, так сказать, неразделённая соседская община. (Вероятно, начальная, ранняя стадия эволюции этого типа общин.) Главной задачей её помимо производства сельскохозяйственной продукции (но при этом роль скотоводства и иных отраслей по сравнению с земледелием выросла) для своих и, что очень вероятно, не своих нужд, была … защита и самозащита. В последнем легко убедиться, взглянув на мощные оборонительные стены из громадных каменных блоков на городище Сююрташ. Одна их постройка требовала не только большого напряжения физических сил, но и хорошей общей организации работ, что, в свою очередь, свидетельствует, пусть и косвенно (а у нас все свидетельства, как уже не раз отмечалось, косвенные), о наличии некой формы коллективного труда и проживания, т.е. общины. В сущности, обе эти особенности («совместное» проживание и сильный военный «акцент») и являлись характерными чертами раннего типа соседской общины. Какова была здесь внутренняя иерархия и кто «стоял» сверху, нам неведомо. Но это мог быть скорее уже и вовсе не «свой» староста или эпимелет, а чиновник-военачальник среднего ранга (звена). Жил ли он здесь постоянно или менялся — неясно. Некрополи, как уже писалось, для начального времени (периода) существования этих общин неизвестны. Случайно ли? Наверное, в этих общинах существовали органы или, вернее, формы какого-то самоуправления, самоидентификации в виде каких-то ритуалов, сакральных действий и т.п. (сходки, собрания мужчин — глав семей,

воинов и землепользователей или землевладельцев, общие трапезы, «мистерии» посвящённых, коллективные просьбы — обращения и военные тренировки и, что наверняка, общие работы по строительству своих и общегосударственных пограничных и иных укреплений, а также колодцев, дорог и, наконец, участие в военных акциях). В целом такой тип общины и, ещё раз подчеркнём, поселения просуществовал очень долго, фактически до конца античного времени.

В городищах второго типа (см. выше), вероятно, мы вправе ожидать наличия коллективной организации (общины) несколько иного типа (первоначально постоянно расквартированные военные отряды с семьями, всё более превращавшиеся в своего рода полувоенных поселенцев). Некрополи всех городищ первых веков изучены весьма неплохо. И мы без труда найдём в них указания как на наличие довольно крепких семейно-родственных связей (каменные и грунтовые склепы), так и на известное «обособление» отдельных индивидуумов, а равно и постоянный симбиоз этнокультурных традиций и инноваций, с течением времени становившийся всё более заметным. Аналогичным образом можно проанализировать соответствующие сельские домостроительные традиции и сакральную практику, благо что в области последней появилось немало нового и примечательного материала. (Вблизи городищ раскопано несколько сельских коллективных святилищ.) Так что для этнической, социальной и культурной характеристик «среднего» поселянина последних веков до и первых веков н.э. всё же можно набрать некоторые данные. Но мы вновь увлеклись обобщениями. «Пойдём» дальше.

Как часто и как далеко по своим и «не своим» делам мог отлучаться наш «герой»? Это тоже не праздный вопрос, а в некотором роде показатель мобильности и коммуникабельности населения, а следовательно, его здоровья, культуры, осведомлённости (доступа к различной информации), участия в общегосударственных мероприятиях, наконец, кругозоре, если хотите. И одновременно (вернее, взаимообусловлено) — показатель качества и числа дорог и иных путей сообщения, наличия некоей «инфраструктуры» для путешествий, фактора безопасности и н.др. Что знаем мы обо всём этом? Да, в сущности, ничего. Простой поселянин, скорее всего, занятый повседневными заботами, как и всякий труженик во все времена, не любил, да и не мог отлучаться надолго из родного крова. (Как тут не вспомнить героев Петрония. Те слонялись по Италии постоянно и куда хотели.) До ближайшей деревни (комы) дойти было совсем недолго (километра три-пять, значит, около часа, а то и меньше). Усадьбы «царской» хоры в Приазовье располагались и того ближе друг к другу. Примерно с той же «периодичностью» в четыре-шесть км находились на Азовском побережье и основные населённые пункты в позднеэллинистическую и римскую эпохи. Раза в два-три дольше в это же время занимали походы между внутренними городищами. А вот до ближайшего города или городка у пролива уже надо было либо ехать (как ни крути, но в среднем, хоть полуостров и маленький) километров 20-30. Ну а с Казантипского полуострова, что почти на северо-западной окраине государства или царства, до его столицы и подавно было под сто километров. Как, впрочем, от Феодосии до Пантикапея. Морем тоже получалось небыстро. Но в любом случае, судя по относительно недавнему опыту, за сутки-двое можно было добраться вполне. По современным, естественно, понятиям непростительно долго. Но ведь в старину время текло медленнее… («Неспешно жили предки наши…») Так что не исключено, что по-

сещение столицы всегда или почти всегда было для рядового обитателя сельской глубинки, например, городища у села Семёновское, событием, быть может даже оставшимся в памяти на всю жизнь. Впрочем, как знать, не преувеличиваем ли мы степень удалённости и не преуменьшаем ли физических возможностей «наших» героев. (Делал же, как считается, римский легионер за день, да с «полной выкладкой», до 50 км пути, что всё же представляется преувеличением. Зато достоверно известно, что суворовские «чудо-богатыри» проходили пешим порядком не более 28 км в день.)

Итак, в путь, на работу, по делам. В чём? Во что был одет селянин в обычный день? Казалось, чего же проще: вот многочисленные рельефы на боспорских надгробиях, вот росписи некоторых склепов… И нет проблем! Но ведь это всё горожанин, да ещё и нередко знатный или просто зажиточный и «при параде». А ещё примем во внимание силу традиции, правила школы и стиля художника, моду и принятые представления о «приличие» (покойник в образе героя, идеального гражданина, воина или их супруги…). Вряд ли поселянин разгуливал и работал в том же самом. Да и климат, непогода… Точно таким образом представить себе его платье, тем более в разные эпохи и времена года, трудно. И некрополи, а тем более случайные находки, тут тоже не помогают. (Ну да, начиная примерно со II в. до н.э. носили плащи и накидки, застёгнутые фибулами, какие-то «башмаки-сапожки» с пряжками, подпоясывались ремнями.) Ясно одно: одежда и обувь должны были быть прочными, удобными, дешёвыми и по сезону. Но всё это требования … на все времена.

Транспорт. Верховая езда, повозка, конечно, были. Вероятно, лошадь не считалась уж очень большой роскошью. (Кости лошадей весьма часты среди прочих в соответствующих палеозоологических собраниях.) В позднеантичное время они даже сопровождали захоронения некоторых сельских покойников, хотя бы самых состоятельных и менее всего эллинизованных. О повозках ничего, кроме глиняных игрушек, нам доподлинно не известно. Морской транспорт и средство лова и охоты. О первом — тоже ничего, в сущности, конкретного. Надо думать, были лодки, в том числе парусные, небольшие суда. Вряд ли использовались плоты. В какой мере военный и торговый флот античного Боспора был материально и по контингенту связан с обитателями хоры совершенно неясно. Но больше всего рядовой поселянин во все времена, надо думать, ходили пешком. Если, конечно, он не был ещё по «совместительству» конным воином.

Торговля, деньги, богатство и бедность. О том, что торгово-обменные отношения затрагивали население местной «глубинки» уже с момента появления оного, свидетельствуют со всей определённостью находки предметов античного происхождения, и прежде всего керамики на многочисленных селищах-комах и в большинстве сопутствовавших им могильников. В дальнейшем товарообмен города и хоры был постоянным и естественным «фоном» существования всех групп и слоёв обитателей сельских поселений. Иное дело — его составляющие, направления, организация и степень развития денежных отношений. Судя по находкам, даже житель варварских или полуварварских ком был знаком с боспорскими монетами и знал их «цену». В дальнейшем монеты вообще — обычный артефакт на всех типах археологических памятников вплоть до конца античной эпохи. Деньги начинают копить, их ценят и прячут. Об этом красноречиво гово-

рят клады, обнаруженные на некоторых сельских поселениях. Иноземная монета на рассматриваемой территории не сказать чтобы уж очень большая, но всё-таки редкость. При этом на поселениях, связываемых нами с усадьбами «царской» хоры, и прежде всего Генеральском Западном, монеты встречались значительно чаще, нежели на прочих синхронных, а также на городищах и иных поселениях дальней, да и ближней хоры III-I вв. до н.э. Довольно много их и на всех типах поселений римского времени. Более того, они, в том числе и клады, зафиксированы и на самых удалённых памятниках (Семёновка). Другое дело, как с помощью денег или торговли оценить общий уровень благосостояния среднего поселянина. Что считать признаком достатка, а что — наоборот? И с чем сравнивать? Как была организована сельская торговля? Существовал ли прямой обмен или мелкая купля-продажа время от времени либо периодически, т.е. объезд сельских поселений неким купцом-«коробейником»? Прямо или через посредника. А может быть, имело место нечто вроде ярмарок? Был ли и в чём выражался товарообмен между самими сельскими жителями? На территории т.н. царской хоры, судя по анализу амфорной тары, прочей керамики и монет, имело место скорее распределение и перераспределение по принципу «центр-периферия», нежели торговля в прямом смысле. Оно и понятно. Но главное — для того, чтобы хотя бы поискать ответ на поставленный только что вопрос о достатке рядового поселянина в ту или иную эпоху, надо ознакомиться с его повседневным бытом в узком смысле этого слова, то есть с домом и его интерьером, а также досугом. Последний, вернее его формы и организация, как раз в немалой степени — следствие того или иного уровня достатка. И, естественно, знать, что с чем сравнивать.

Итак, дом, жилище. Казалось бы, что проще, ведь мы, анализирующие восточнокрымский материал, находимся в очень выгодном положении по сравнению с коллегами, работающими по другую сторону пролива. Разного типа жилые постройки кварталами открыты на многих сельских памятниках европейского Боспора, в то время как в отношении азиатского — до сих пор картина самая невразумительная. За немногими исключениями (хора Горгиппии и дальняя хора юго-восточного Боспора), несмотря на отчаянные усилия последнего десятилетия даже на очень перспективных и интереснейших сельских поселениях, не раскопано почти ничего, кроме укреплений и хозяйственных ям. О громадном же большинстве памятников хоры и подавно приходится судить только по их внешним признакам (топография и подъёмный материал). Впрочем, и ближняя (городская) хора Европейской части государства за исключением, пожалуй, окрестностей Нимфея и, вероятно, Мирмекия и Акры также остаётся в этом отношении малоинформативной. И всё же на основании раскопок поселений и городищ дальней хоры (Илурат, Белинское, Артезиан, Семёновка, Ново-Отрадное, Михайловка, а также ряд объектов на Азовском побережье и т.н. варварские селища) можно вполне сносно представить себе размеры и особенности планировки рядового жилища, более или менее характерного для конкретной эпохи и типа поселения. Не утомляя читателя соответствующими цифрами, отошлём его к известной монографии С. Д. Крыжицкого, одна из глав которой специально посвящена жилым постройкам на хоре античных государств Северного Причерноморья. Разумеется, за прошедшие три десятилетия появилось немало новых данных и примеров, но в целом основные выводы специалиста остаются неизменными. Главный заклю-

чается в том, что для каждого исторического периода и типа сельского поселения характерна своя специфика домостроения, определявшаяся соответствующими общеантичными либо местными (варварскими и не только) традициями и строительной практикой.

Гораздо сложнее представить себе интерьер этих жилищ — помещений. Ведь всякому, даже не знакомому с материалами раскопок, хорошо известно, что в громадном большинстве предметы органического происхождения не сохраняются до нашего времени. К тому же археолог имеет дело с жилищем, либо погибшим в пожаре, землетрясении или ином катаклизме, либо внезапно брошенным (всё это с точки зрения информативности и сохранности находок предпочтительно), либо оставленном его обитателями в более или менее спокойной обстановке, когда уносилось всё нужное и ценное. В любом случае, судить о том, что именно стояло, хранилось и использовалось в доме, чрезвычайно трудно, и никакие аналогии, почерпнутые из античной литературной традиции, тут почти не помогают. Более или менее уцелевают каменные конструкции, если они имелись, и, конечно, печи. Наличие последних (какими бы они по конструкции ни были) кажется само собой очевидным для жилых помещений. Между тем, однако, это не совсем так. Печи и очаги (что не одно и тоже) могут располагаться как в жилых помещениях, так и на дворах. Ведь предназначение их изначально как бы двояко: источник тепла и средство приготовления пищи. На открытом пространстве, естественно, может остаться вторая из этих функций. В закрытых — обе, плюс ещё и дезинфекция (вспомним печи в старорусских избах). Так вот, если проследить за их местоположением по эпохам и типам домов (поселений), то как будто бы во дворах «царских» усадеб очагов и печей нет, что и понятно, учитывая их значительную площадь. Зато они фиксируются в одном (первом, проходном) из двух жилых помещений тамошних домов-квартир. На поселениях же типа Семёновского печи и очаги располагались, как правило, в углах полузакрытых двориков при однокамерных помещениях или в них самих. В хижинах «ком» — внутри них. Наверное, здесь многое зависело не только от хозяйственно-бытовых традиций, но и от конкретных климатических условий. Вспомним о суровых зимах! В подах печей на поселениях римского времени, по крайней мере, в нескольких случаях зафиксированы (спрятаны?) монетные находки, а то и специально спрятанные предметы. Но это уже следствие скорее экстраординарных событий, нежели повседневная практика, хотя нельзя исключить и некий сакральный подтекст.

Следующая конструктивная деталь помещений, отмеченная при раскопках целого ряда усадебных и иных жилищных комплексов это сегментовидные возвышения из камней, сложенные в углах некоторых из них. Высота их обычно не превышает полуметра, «радиус» приблизительно равняется 0,7-1 м. Никогда in situ на них ничего не фиксировалось. Точная привязка или предпочтение в зависимости от сторон света требует проверки. Назначение, в общем-то, неясно. Не исключено, этот «столик» служил своего рода алтарём, местопомещением домашних сакральных предметов. Для каких-то хозяйственных нужд или трапезы он вряд ли пригоден. Кстати, о трапезе. Как, вернее на чём, принимали пищу варвары или полуварвары «ком» мы не знаем, но, неисключено — без посредства стола. А вот обитатели усадеб дальней, да и ближней хоры вполне могли им пользоваться. Во всяком случае, площадь помещений и сила культурных традиций это

позволяли. Скорее всего, хотя и не обязательно, то же самое можно сказать и в отношении спальных мест — кроватей. Сами размеры предположительно жилых помещений в домах «ком» и поселений типа Семёновское или Крутой берег, даже при минимально допустимой численности семьи в несколько человек, не оставляли места для кроватей, топчанов или двух-трёх лож. Вероятнее всего, спали по большей части на полу, на чём-то, что сворачивали и убирали днём (тюфяки, матрацы, войлочные или меховые подстилки). Но вообще никаких доподлинно кроватных деталей до нас не дошло, хотя, судя по некоторыми редкими наблюдениям «некропольного» плана, с ложами на ножках по крайней мере небольшая часть населения дальней хоры в первые века н.э. была знакома.

Собственно говоря, небольшие размеры жилой площади (в среднем от 4 до 12 кв. м, при этом на поселениях-усадьбах дальней хоры она заметно больше) не должны нас уж слишком смущать. Во-первых, даже собственно античная (лучше сказать, средиземноморская античного времени) бытовая практика не предполагала, как правило, никаких других «мебелей», кроме только что упомянутых, да ещё сундуков-ларей для одежды и т.п. предметов. Всё прочее — скорее исключения. (У тех же героев Петрония в дешёвых гостиницах нет и намёка на какую-то иную мебель, кроме кроватей.) Археологических следов этих «ящиков» нет, но всякого рода деревянные шкатулки для хранения ценных предметов или косметики при раскопках городищ типа Ново-Отрадное — Артезиан, а также усадеб Приазовья фиксировались, как непосредственно, так и по наличию ключей. Иногда такие хранилища предметов быта могли быть каменными, т.е. сложенными из поставленных на ребро каменных плит. Но, судя по соответствующим находкам, более вероятно, что в последних хранилось зерно для непосредственного употребления или же это были своеобразные домашние алтари. Во-вторых, как хорошо известно людям старшего поколения, ещё относительно недавно большая часть наших сограждан обитала в не менее скученных условиях, и тем не менее наши мамы и бабушки ухитрялись наводить уют с помощью разного рода комодов, сервантов и стенок с телевизорами даже в знаменитых хрущёвках. (Напомним, на 6 кв. м кухонь в детстве многих из читателей собиралась вся семья, да ещё нередко с друзьями… Так что всё относительно.) Наконец, в целом небольшие размеры жилых помещений сельского, да и городского населения Боспора в очень немалой степени были вынужденно оправданным ввиду достаточно сурового по средиземноморским понятиям климата. Согреть их и удержать в них тепло было проще. Вход и двери. Почти всегда ширина прохода жилых и не только помещений составляла от 0,7 до 1,1 м, но самой распространённой можно считать цифру приблизительно в 0,8 м, что предполагало наличие скорее всего одностворчатых дверей с невысоким порогом из каменной плиты или нескольких плоских камней, как-то отделявших помещение или двор от окружавшего пространства. Естественно, деревянные рамы (дверные коробки) и иные дверные конструкции до нас не дошли. Нет как будто бы и достоверных находок ключей. Исходя из того, что античная традиция предполагала в основном двери (чаще двустворчатые), открывавшиеся наружу, можно предположить, что, уходя, обитатели домов просто подпирали камнем снизу закрытые двери. Вряд ли воровство в столь небольших населённых пунктах, где все знали друг друга очень хорошо, имело место. От любых индивидуумов, склонных к каким-либо «антиобщественным» проявлениям, община, надо

думать, избавлялась самыми разными способами, не прибегая к помощи государства. (Вспомним хотя бы русскую сельскую общину, всем «миром» выживавшую, а то и изгонявшую неугодных, ленивых, смутьянов и пьяниц, чаще всего просто сдававшую их по рекрутскому набору «вне очереди» или по жребию.) Вместе с тем, в нашем распоряжении есть и единичные примеры находок пороговых камней, предназначенных для явно парадных, двухстворчатых дверей (святилище близ городища Генеральское Восточное, дом эллинистического времени в одном из кварталов на мысе Зюк). Входы в хижины «ком» могли, напротив, вовсе не иметь дверей, а завешиваться плотной кошмой или чем-то вроде этого. Наверное, стены домов изнутри также могли утепляться аналогичным образом. Полы жилых помещений (в отличие от открытых дворов) по большей части и повсеместно были глинобитными. Но они могли, особенно в холодное время года, покрываться плетёными на растительной или «животной» основе циновками либо даже войлочными «ковриками». Но это всё — не более чем вероятные предположения. Зато что-то вроде полок на стенах или пристенных столиков на невысоких подставках, видимо, имело место. (Терракотовые статуэтки с полянкинского святилища лежали рядком, явно опрокинутые разом с некоторой высоты.) В жилых и хозяйственных помещениях и дворах разных по типу поселений нередки находки (большей частью обломков или частей) зернотёрок, как античного облика (квадратные, реже круглые двухсторонние), так и самых примитивных — ладьевидных тёрочников. (Первые, насколько мне известно, на комах не обнаруживаются.) Встречаются (также на разновременных и разнотипных памятниках) и каменные (надо думать, были и деревянные) ступы. На дворах или в «прихожих», часто рядом с печами, имелись небольшие ямы для сбора золы либо (в углах помещений) — каменные лари — загородки в основном с той же целью. На дворах открытого типа (городища вроде Илурата, Семёновского) нередки и каменные конструкции иного назначения: своего рода стойла или кормушки для скота и лошадей, составленные из нескольких довольно больших, также поставленных на ребро плит местного известняка. На некоторых камнях (в одном из верхних углов) сохранились отверстия, как считается, для привязи. Ну что ещё об интерьере? Остаётся упомянуть т.н. домашние святилища и, не исключено, тайники. Но здесь мы с чистой совестью отсылаем читателя к соответствующим специальным публикациям. Далее, хотя бы очень кратко, о предметах домашнего обихода. Античность, вернее античный быт, а ещё вернее — быт в античных традициях, предполагал их довольно большое число. И прежде всего это посуда самого разного предназначения, формы и качества. Думается, и в этом отношении «водораздел» проходил не между среднестатистическим горожанином и селянином, а между разными этнокультурными их компонентами. И, конечно, важен временной фактор. Например, «коллекция» всяческой посуды из усадебных поселений Приазовья несравнима по количеству и качеству с той, что происходит из синхронных варварских селищ. Но впоследствии «картина» как бы сглаживается, хотя общая характеристика керамического комплекса с двух основных типов городищ дальней хоры несколько отличается в пользу т.н. крепостей с правильной планировкой. Впрочем, повсеместно и всё в большем масштабе растёт доля лепной посуды. На дальних поселениях во II-III вв. н.э. появляются даже лепные подражания краснолаковой керамике, и всё чаще — образцы посуды явно заимствованных

(принесённых) варварских форм и орнаментации. Нечто подобное можно проследить и в отношении прочих категорий бытовых находок. Так, на усадьбах «царской» хоры мы вообще встречаем больше керамических изделий и иных предметов, свойственных скорее античному, нежели варварскому образу жизни (гуттусы, аски, леканы, лекифы, светильники, игрушки, терракотовые статуэтки, монеты, веретёна, зеркала, иглы и н. др.). Быт их обитателей, скорее всего, мало отличался от того, что окружало их современников в городах. В слоях пожаров I в. до и I в. н.э. на других поселениях (Полянка, Артезиан) также нередки яркие, а порой и ценные находки того же типа. Слои разрушений условно сер. III в. н.э. уже заметно беднее. Ну и т.п. Так что относительно среднего достатка поселянина — всё относительно. Совсем немного — о степени благоустройства и санитарии. Разумеется, сельская среда накладывала здесь свой естественный отпечаток. Водные источники (колодцы) в пределах поселения выявлены лишь единожды (Салачик), и, надо думать, это было редчайшее исключение. Как правило, они (один или несколько) располагались (и фиксируются археологически) в ближайших окрестностях усадеб и городищ более позднего времени. О водоснабжении ком выше уже писалось. Это были естественные источники. Колодцы нам неизвестны. Относительно туалетов прямой археологической информации нет, но некоторые ямы или слишком маленькие помещения с ямами на поселениях типа усадеб, крепостей или городищ могли ими являться. Не исключено, учитывая большую плотность застройки и скученность населения, они были т.с. общественного пользования. Улочки и переулки там, где они имелись (для усадеб и поселений типа «крепость» эти понятия и реалии теряют смысл), а также пространства, вероятно, выполнявшие функции общих дворов или даже небольших площадей, полностью или частично мостились. Причём, как правило, камнем, а не черепичным боем. Нередко вдоль улиц, на дворах, а то и под внешними стенами поселений устраивались открытые или закрытые водостоки (ливнестоки). Мусор, главным образом золу из очагов, периодически выносили просто за пределы жилой застройки (усадебные комплексы) или специально высыпали в одном или нескольких местах также рядом с городищами. Эти свалки образовывали зольные холмы, достигавшие порой внушительных размеров. Зольники — археологический объект специфический и весьма информативный. Но нас в данном случае они интересуют в их связи с семейно-родственными или общинными традициями, а также в плане санитарии. По первому «пункту» однозначного ответа как будто бы нет. Относительно второго — тоже всё не так просто (есть примеры больших зольников внутри поселенческих структур, да и близкое их соседство собственно с поселениями при сильных ветрах, надо думать, было малоприятным для их обитателей).

Совсем коротко о семье среднего поселянина, вернее, её примерной численности и составе. Представления о том, что она была многочисленной и многодетной, даже у обитателей ком, скорее всего, надо оставить. (Высокая смертность в детском возрасте, низкая в целом продолжительность жизни, общий уровень экономического развития, климат и иные факторы ставили этому естественный предел.) Материалы некрополей и могильников также свидетельствуют скорее об этом же. (Напомним, подавляющее большинство могил позднеэллинистического и римского времени содержит одиночные или, что много реже, немногочисленные захоронения. Даже т.н. семейные склепы близ селищ — «ком» или в позднеантич-

ных некрополях, как известно, «наполнялись» отнюдь не одновременно. К тому же, как уже отмечалось выше, ни разу ни для одного соответствующего комплекса не была проведена генетическая экспертиза, подтвердившая или опровергнувшая наличие близкородственных связей.) Скорее всего, на протяжении всей античной эпохи мы имеем здесь дело с семьёй, включавшей в себя, помимо, так сказать, «зрелой» пары, одного-двух представителей старшего поколения и несколько детей разного возраста, т.е. примерно и в среднем от трёх-четырёх до пяти-шести человек. Разумеется, были и исключения. В последнее время появляются кое-какие материалы относительно конкретной и средней продолжительности жизни сельского населения европейского Боспора, а также состоянии его здоровья (общего и т.с. частного). Есть публикации, посвящённые прижизненным травмам и ранениям. Но, повторяем, данных этих ещё слишком мало для каких-либо обобщений даже локального территориально-хронологического порядка.

Наконец, о досуге нашего «героя». И тут уместно спросить: а имелся ли он вообще? Жизнь и труд сельского жителя во все времена была и однообразна, и тяжела. А в древности, надо думать, это было так в ещё большей степени. Рабочий день ненормированный, отдых — по погоде. Да и то — относительный. А погода от Бога! Всякий рабочий день — год кормит! Когда уж тут отдыхать да праздновать. Ну, про праздники мы говорить сейчас не будем. Это особая тема. А вот отдых какой-никакой нужен всякому работнику. Скорее всего, рядовой поселянин за день так «ухайдокивался», что только на сон его и хватало. Если время и силы оставались или по сезону мог что-то делать «по дому», для себя или семьи. (Вспомним рекомендации Катона Старшего по схожему поводу). Но это всё-таки не досуг как таковой. Конечно, как у всякого нормального человека, у него были свои маленькие радости (полюбоваться закатом, поумиляться, глядя на детей, посидеть с друзьями, порадоваться удачной рыбалке, охоте или покупке-приобретению, поиграть с собакой). Может быть, даже какое-то «хобби». От всего этого археологических следов не осталось. Вроде бы есть находки костей для игр («бабки», кубики), но это скорее детская забава. А большего и сказать нечего.

Итак, очевидно, что «наш» среднестатистический поселянин — мужчина или женщина — жил в принципе той же жизнью, вернее, таким же образом, в той же примерно системе гендерных отношений и материально-этических ценностей и с той же степенью риска, что и синхронное ему население в большинстве других сельских районов античного мира, особенно, его периферии.

И наконец… Автор в полной мере осознаёт, что, написав всё это, он в той или иной степени только затронул целый ряд соответствующих тем. Об одних из них и сказать то больше нечего. Другие — могут стать направлениями углублённого научного поиска, к которому автор собирается вернуться, т.с. более основательно. Сейчас же он в известной степени уподобился одному из героев бессмертного романа Ярослава Гашека. Помните, идиот, кадет Биглер, мечтая о славе полководца и историографа, придумывал названия своих будущих статей и исследований, не имея ни знаний, ни способностей, ни возможностей когда-либо написать оные, но движимый неуёмным честолюбием и собственной глупостью. (Действительно, кто не потешался, читая Гашека, но… пока Европа смеялась, исторический прототип кадета, тоже, кстати, обожавший книгу проф. Удо Крафта «Самовоспитание для смерти за императора» и тоже носивший имя Адольф, дописал-таки свой

«труд» и через несколько лет поставил всю смеявшуюся Европу на колени. Такой-то вот исторический «феномен»…) Разумеется, упаси меня Бог, как говаривал всё тот же Швейк, «кого-нибудь с кем-нибудь сравнивать». Однако и оговориться не мешает. Действительно, на большинство поставленных вопросов дать сейчас ответы или крайне сложно, или просто невозможно. («Кисти»-то есть, а вот «красок», пожалуй, и не хватит…) Но значит ли это, что их и вовсе не следует обозначить? Думается, нет. Тема эта если и не вполне назрела, то, кажется, «на подходе». Ведь, в конце концов, разве не она является целью (или одной из основных целей) всякой исторической реконструкции, т.е. того, чем, собственно, историк-археолог занимается или призван заниматься. И последнее. Ну а где же сноски — как известно, признак всякой научной публикации, спросит удивлённый читатель. Отвечаю: всё, о чём здесь написано, основано на источниках и работах коллег, которые прекрасно знакомы специалистам и даже дилетантам. А также — на материалах, сведениях, наблюдениях и впечатлениях автора, которому, хоть он и не известный герой не менее известного фильма, но можно верить уже хотя бы потому, что работает на сельской территории Европейского Боспора с 1967 г.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1953: Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Винокуров Н.И. 1998: Археологические памятники урочища Артезиант в Крымском Приазовье. М.

Винокуров Н.И. 2010: Новые находки времени начала римско-боспорской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 14, 46-66.

Винокуров Н.И. 2012: Городище Артезиан: инфраструктура и планировка // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и раннего средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. 13, 92-99.

Винокуров Н.И. 2012: Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины I в. н.э. // ДБ. 16, 51-77.

Гайдукевич В.Ф. 1958: Илурат // Боспорские города. Т. II. МИА. 85, 9-148.

Гайдукевич В.Ф. 1981: Илурат // Боспорские города. Т. III, 76-136.

*Голубцова Е.С.*1972: Сельская община Малой Азии III в. до –III в. н.э. М.

Голубцова Е.С. 1977: Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I–III в. н.э. М.

Голубцова Е.С. 1998: Община, племя, народность в античную эпоху. М.

Зинько В.Н. 2007: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // БИ. Симферополь; Керчь.

Зубарев В.Г., Седых Е.Е. 2005: Городище «Белинское» во II первой половине III вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и раннего средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения.13, 163-170.

Зубарев В.Г., Барсукова Е.Е. 2002: К вопросу о ремесле и промыслах на сельских поселениях Европейского Боспора (по материалам городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и раннего средневековья. Ремесло и промыслы. Боспорские чтения. 11, 163-169.

Кругликова И.Т. 1966: Боспор в позднеантичное время. М.

Кругликова И.Т. 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.

Крыжицкий С.Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.

Масленников А.А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.

Масленников А.А. 2007: Сельские святилища европейского Боспора. М.

Масленников А.А. 2010: Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье) Т. I. М.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007: Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Киев.

DAILY ROUTINE OF A BOSPORAN RURAL DWELLER

A.A. Maslennikov

This is a pioneer covering of principal moments of ancient Bosporan rural dwellers daily life, which is based on the data obtained during excavations in the eastern Crimea. The paper briefly runs through a number of subthemes, such as family life, dwelling, house building, clothes, travelling, work, leisure, labor, health, gender relations, language and culture, anthroponomy, social status, relations with authorities and with people of equal status, etc. More or less thorough in-depth study of these topics can be made nowadays. The paper also presents a survey of objective and subjective factors that one way or the other affected everyday life of the local population.

Key words: daily routine, way of life, rural population, European Bosporus, community, nature and society

---

© 2012

В.Л. Строкин

ЗАМЕТКИ ПО НУМИЗМАТИКЕ БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье публикуются неизвестные разновидности боспорских монет II–III вв. н.э. из частных коллекций, найденные на античных поселениях Темрюкского района Краснодарского края. Автор издает редкие монеты Савромата II, Рескупорида III и Рескупорида V.

Ключевые слова: Боспорское царство, античные монеты, Савромат II, Рескупорида III, Рескупорид V

Настоящие заметки имеют своей целью введение в научный оборот неизданных разновидностей боспорских монет II–III вв.н.э. из частных коллекций, найденных при случайных обстоятельствах на античных поселениях Темрюкского района Краснодарского края.

1. Статер Савромата II 478 г. б.э. В вышедшем относительно недавно корпусе боспорских монет римского времени Н.А. Фроловой (1997 г.) статеры Савро-

Строкин Владимир Леонидович — художник-оформитель. E-mail: strokinroll@mail.ru

мата II 478 г.б.э. (181/182 г. н.э.) представлены только уникальным экземпляром из собрания Государственного Эрмитажа; на его оборотной стороне помещен дифферент «копье»[1]. Публикуемый нами статер Савромата II (вес 7,73 г, диам. 20 мм), найденный в начале 2000-х гг. близ пос. Кучугуры, является второй известной нам монетой этого года. На его обороте помещен иной дифферент — «звезда» (рис. 1). При его чеканке использован лицевой штемпель статера 477 г. н.э. из Эрмитажа, который также несет на реверсе дифферент – «звезда»[2]. Это позволяет предположить, что последний из упомянутых статеров завершает эмиссию золота 477 г., а публикуемый эеземпляр открывает золотую чеканку следующего 478 г. Напомним, что статеры 479 г. н.э. до сих пор неизвестны.

Рис. 1. Статер Савромата II 478 г.б.э. (181/182 г.н.э.). Увеличен в 2 раза.

2. Двойной денарий Савромата II 180–192 гг. Как известно, типология медных монет Савромата II (174/5–210/11 гг.), изобилующая различными сюжетами, заметно отличает его чеканку от чеканки других царей Боспора. Это лишний раз подтверждает и новая разновидность одного из «стандартных» типов двойного денария Савромата II (рис. 2), найденная на Таманском п-ове в 2006 г.[3]

Рис. 2. Двойной денарий Савромата II 180–192 гг. (увеличен вдвое).

Во-первых, монета демонстрирует не только неизвестный вариант довольно редко встречающегося в боспорской нумизматике реверсного сюжета[4], но и новый штемпель лицевой стороны (во всяком случае, его нет в вышеупомянутом Корпусе). Оборотная сторона имеет ряд близких аналогий: два варианта учтены

[1] Вес 7,67 г, диам. 20 мм. (Фролова 1997/I, 302, табл. LXXIII, 12).
[2] Фролова 1997/I, 302, табл. LXXIII, 11.
[3] Вес 15,65 г, диам. 29–29,5 мм.
[4] Он присутствует лишь в чеканке Савромата II и его сына Рискупорида III; это фигура стоящего царя с трезубцем и палицей в руках (в образе потомка Геракла и Евмолпа, к которым, как известно, возводила свою генеалогию царская династия Тибериев Юлиев)

П. О. Бурачковым[5], еще один – В. А. Анохиным[6]; все они разобраны по штемпелям Н. А. Фроловой[7]. Публикуемый вариант принципиально отличается от обычного типа[8]: во-первых, царь держит трезубец в правой руке, а палицу – в левой (как и на монетах типа с Никой, венчающей царя[9]). Во-вторых, царь представлен в облачении воина-гоплита (опять же, как на типах Анохин 1986, № 604 и 605а – с титулом и именем царя на обеих сторонах монеты[10]), тогда как на монетах близкого типа он показан полуобнаженным[11]. На оборотной стороне нашей монеты присутствует круглое клеймо с изображением головы Септимия Севера. Таким образом, эта монета, выпущенная в 180–192 гг., около 193 г.н.э.[12] подверглась надчеканке данным клеймом меди прежних выпусков[13].

3. Денарий Рискупорида III. В 2007 г. у пос. Южный Склон (Темрюкский р-н) был найден неизвестный прежде вариант денария Рискупорида III. На аверсе представлен бюст царя; на реверсе – богиня на троне, в правой руке держит фиалу, в левой – жезл; справа знак денария ⁕; вверху справа – изображение головы Септимия Севера вправо, вырезанное в штемпеле (рис. 3).

Штемпели лицевой и оборотной сторон этой монеты неизвестны; по крайней мере, в корпусе Н. А. Фроловой они не представлены. Нам представляется, что рассматриваемая монета позволяет прояснить последовательность эмиссий начала медной чеканки Рискупорида III. Вопреки мнению Н. А. Фроловой, считающей самой ранней медью Рискупорида III монеты с изображением всадника на о.с.[14], самыми ранними являлись монеты с богиней на троне. Возможно, оба типа выпускались параллельно: автору известен экземпляр денария Рискупорида III с царем, восседающим на коне, битый тем же лицевым штемпелем, что и публикуемая монета. По всей вероятности, экземпляр со всадником также нес изображение головы Септимия Севера, но, к сожалению, об этом можно говорить лишь предположительно из-за смещения реверсного штемпеля. Подчеркнем главное: публикуемая монета заполняет эмиссионную лакуну в медной чеканке Рискупорида III, приходящуюся на первый год его правления (211 г.н.э.), а также вносит существенный хронологический штрих: Рискупорид III взошел на боспорский престол незадолго до смерти римского императора Септимия Севера в том же году.

---

5 Бурачков 1884, табл. XXX. 228, 229.

6 Анохин 1986, 165, № 605а.

7 Фролова 1997/I, 150, табл. LXXXV, 13–14; LXXXVI, 1–4, 5, 6.

8 Анохин 1986, № 605.

9 Фролова 1997/I, 150, табл. LXXXV, 13–14; LXXXVI, 1–4; Анохин 1986, № 604.

10 Фролова 1997/I, 150, табл. LXXXVI, 6.

11 Фролова 1997/I, 150, табл. LXXXVI, 5; Анохин 1986, № 605..

12 Анохин 1986, 117, 165. А. Н. Зограф был убежден в том, что медь Савромата II второго периода выпускалась с 186 по 196 гг., а надчеканка производилась в 196 г. (Зограф 1951, 204–206), однако доводы В. А. Анохина представляются более убедительными ввиду того, что Септимий Север пришел к власти в 193 г.

13 По мнению А. Н. Зографа, «все монеты (Савромата II – В.С.), выпущенные во II периоде… были снабжены надчеканкой в виде головы Септимия Севера» (Зограф 1951, 206). Несколько иного мнения придерживается В. А. Анохин: «Находившиеся в обращении монеты (Савромата II – В.С.) всех типов номиналом в два денария получили надчеканку в виде головы Септимия Севера» (Анохин 1986, 117). Хотя в большинстве случаев это действительно так, однако автору статьи известны сестерции Рискупорида I типа «голова царя – царь на коне» (Анохин 1986, № 385) и Реметалка – типа «голова царя – венок» (№ 519), надчеканенные такими же клеймами.

14 Фролова 1997/II, 11.

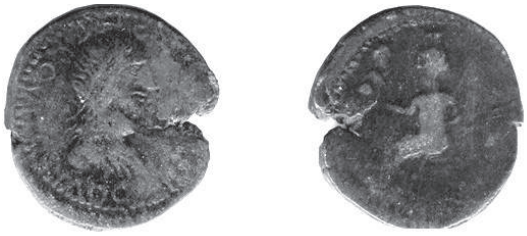


Рис. 3. Денарий Рискупорида III 211 г. (увеличен вдвое).

4. Статер Рискупорида V 559 г.б.э. – 262/263 г.н.э. III в.н.э. по праву считается одним из самых сложных периодов в истории античного Боспора. К сожалению, происходившие тогда важнейшие военно-политические события не получили должного отражения в нарративных источниках. Более того, даже годы правления того или иного царя, последовательность престолонаследия, а зачастую и сами их имена известны лишь благодаря наличию датированных статеров. Поскольку далее речь пойдет о несколько необычной монете, чеканенной при Рискупориде V, то уместно заметить, что время его правления (242–276 гг.) определяется опять же только на основании нумизматических данных и притом лишь предположительно. Это обусловлено тем, что на боспорских монетах III в.н.э. изображения царя и римского императора полностью утрачивают черты портретного сходства, что в сочетании с приходящимися на время правления Рискупорида V несколькими походами готских племен на ряд малоазийских и балканских городов, осуществлявшимися с территории Боспора на боспорских судах (Zosim. I. 31, 33), а также двумя перерывами в монетной чеканке и, наконец, наличием монет с нетипичным для Тибериев Юлиев именем Фарсанз, создает довольно высокую вероятность того, что в это «смутное» время на боспорском престоле могло побывать двое, а не исключено, и более лиц, носивших это наиболее популярное в правящей династии имя (например, в качестве тронного). И все же, при современном состоянии источников представляется целесообразным придерживаться вышеуказанных дат, которыми принято обозначать время правления пятого по счету царя с именем Рискупорид.

Напомним о состоянии финансовой системы Боспора в этот период. В общих чертах его можно охарактеризовать как постепенное углубление системного финансово-экономического кризиса, охватившего Римскую империю и сопредельные государства, включая Боспорское царство. Первые симптомы кризиса в экономике Римской империи отмечаются еще в середине I в.н.э. Они выражаются, в частности, в постепенной и неуклонной порче металла серебряного денария[15]. Негативные процессы в Риме не могли не сказаться и на состоянии экономики и финансов вассального Боспорского царства[16], в котором на протяжении второй половины II – начала III в.н.э. также наблюдается неуклонное снижение пробы

[15] Bolin 1958, 207–211.

[16] Зограф 1951, 203, 204. Впрочем, существует и другая точка зрения. По мнению Н. А. Фроловой, денежная реформа Савромата II, а также кризисные явления в монетном деле Боспора II–III вв. были обусловлены негативными процессами в экономической и политической жизни самого Боспорского государства (Фролова 1997/I, 155, 156).

золотого статера. Уже при Савромате II (186–210 гг.) статер заметно бледнеет, а в правление Рискупорида III (210–228 гг.) не только перестает быть золотым, но, наряду с экземплярами битыми, из низкопробного электра, подчас выпускаются и серебряные монеты[17]. Более того, в указанное время берет свое начало совершенно новое явление в монетном деле Боспора, впервые отмеченное К. В. Голенко: «Судя по известным автору статерам Котиса III (а также Рискупорида III преимущественно последних годов), очень многие из них плакированы... «медные статеры» названных царей с нечетким рельефом, относимые к новейшим грубым подделкам, в действительности являются медными ядрами субэратных статеров, полностью потерявших свое золотое покрытие»[18].

Как известно, суть плакировки монеты заключается в механическом нанесении посредством штамповки тонкого слоя драгоценного металла на монетный кружок, изготовленный из заведомо более дешевого металла или сплава. Цель такой операции предельно ясна: убедить потребителя в том, что он имеет дело с полноценной золотой или серебряной монетой. Прием вызван растущим дефицитом драгоценных металлов в казне. Боспорские власти продолжали наращивать выпуск неполноценной монеты, что все более подрывало основы финансовой системы. Пытаясь предотвратить дальнейшее обесценивание статера, государство делало ставку на это крайне сомнительное по своей сути техническое ухищрение. Примечательно, что следующий по времени факт плакировки отмечается на Боспоре лишь в середине III в.: среди статеров Фарсанза имеются экземпляры, медные ядра которых покрывались серебром[19]. В монетной чеканке других же боспорских царей подобные случаи неизвестны.

В 1999 г. на Ильичевском городище был найден субэратный статер Рискупорида V, выпущенный в 559 г.б.э. (262/263 г.н.э.), т. е. почти десятилетием спустя после появления плакированных монет Фарсанза. Это обычный тип статера: на аверсе помещен бюст боспорского царя с его титулом и именем, на реверсе – бюсты римских императоров Валериана и Галлиена с точкой между ними, ΘΝΦ; вес 7,45 г, диаметр 18 мм (Рис. 4. 1). Монета чеканена из обычного для этого времени низкопробного серебра (биллона), но примечательна тем, что изначально была позолоченной – золотое покрытие фрагментарно сохранилось в углублениях рельефа, преимущественно на лицевой стороне.

Прежде всего, следует попытаться ответить на закономерно возникающий вопрос – о целесообразности нанесения позолоты на монету, изготовленную из сплава с довольно высоким содержанием другого драгоценного металла – серебра (15–50 %[20]). Думается, что ответ на него может подсказать только факт плакировки серебром медных статеров Фарсанза. По-видимому, девятилетнего пребывания этих монет в денежном обращении оказалось вполне достаточно, чтобы воочию убедиться в том, что плакировка способна давать лишь кратковременный эффект – тончайший слой драгоценного металла довольно быстро исчезал с поверхности монеты (в первую очередь с выпуклых частей рельефа), а вместе с ним утрачивалось и доверие к ней у потенциального потребителя. По всей видимости, именно

[17] См.: Фролова 1997/II, 8–10.
[18] Голенко 1987, 20, 21.
[19] Голенко 1970, 94.
[20] Фролова 1997/II, 58.

это обстоятельство и могло иметь решающее значение при выборе металла для монетного ядра, и, чтобы не допустить резкого обесценивания своей продукции в ближайшей перспективе, эмитент остановил свой выбор на низкопробном серебре, ставшем в это время уже вполне обычным монетным металлом статеров.

В связи с фактом выпуска при Рискупориде V в 559 г.б.э. позолоченных монет следует обратить внимание на то, что в следующем, 560 г.б.э., наряду с обычными биллонными статерами, были выпущены золотые (известен один экземпляр) и серебряные монеты (рис. 4. 2[21]), а уже годом спустя (в 561 г.б.э.) статеры Рискупорида V вновь возвращаются в свое исходное биллонное состояние; исключение составляет лишь уникальная серебряная монета[22]. Таким образом, позолоченный статер Рискупорида V позволяет расширить представление о ходе денежной реформы этого царя.

Итак, первый этап финансово-эмиссионных мероприятий Рискупорида V следует относить к 559 г.б.э., когда предпринимается выпуск позолоченных биллонных статеров. Думается, что эта акция вряд ли могла привести к сколько-нибудь существенному оздоровлению ситуации на денежном рынке. Это подтверждается и тем, что уже в следующем, 560 г.б.э. был сделан решительный шаг в верном направлении: произошла реставрация полноценной золотой чеканки (хотя вес нового статера составил лишь ⅓ от веса прежнего). Существенным дополнением возникшей таким образом новой системы номиналов явился выпуск высокопробной серебряной монеты, которая, впрочем, столь же значительно потеряла в весе. Поскольку уже в следующем 561 г.б.э. продукция монетного двора демонстрирует возвращение к своему дореформенному состоянию, можно сделать вывод, что боспорские власти несколько переоценили свои возможности. Однако, вопреки всем ожиданиям, острый дефицит драгоценных металлов в казне отнюдь не убавил у них решимости к наведению порядка в финансовой сфере. В том же 561 г.б.э. предпринимается выпуск биллонных статеров достоинством в 10 единиц (надо полагать, вслед за прекращением выпуска серебряных монет), а годом спустя — в 20 единиц. Правда, данная акция фактически свелась лишь к нанесению на монеты соответствующих цифровых обозначений (I, K), что при сохранении прежнего качества металла и одинаковом весе монет обоих номиналов демонстрирует чисто формальный ее характер. В тщетности и бесперспективности этого последнего шага в реформаторских действиях Рискупорида V убеждает и дальнейшее развитие событий. Появившиеся после шестилетнего перерыва (267/268–274/275 гг.) новые статеры практически ничем не отличаются от дореформенных, а уже в правление Фофорса боспорский статер окончательно становится медным[23], тем самым обессмысливая продолжение чеканки двойных денариев, доселе выполнявших функцию разменной мелочи. Таким образом, в середине 280-х гг. монетная система Боспора становится не только монометаллической, но и монономинальной, а статер окончательно утрачивает сколько-нибудь

[21] Вес 2,53 г, диам. 17–17,5 мм. Коллекция Р. Ф. Фрайтаха (ст. Тамань).

[22] См.: Анохин 1986, 123; 1999, 167; Фролова 1997/II, 49 сл.

[23] Любопытно, что в крупнейшем кладе позднебоспорских монет, найденном близ Фанагории в 2012 г., имеется статер Фофорса 582 г.б.э., плакированный серебром (автору удалось ознакомиться с этой монетой благодаря любезности М. Г. Абрамзона).

заметные черты своей полноценности и, разумеется, связь со своими золотыми предшественниками (кроме чисто формального внешнего сходства).

Возвращаясь к публикуемой монете 559 г.б.э., уместно напомнить о следующем замечании А. Н. Зографа: «Статеры Рискупорида V от 557–564 гг., выпущенные после пятилетнего перерыва, с точки зрения как техники, так и качества металла, образуют самостоятельную замкнутую группу»[24]. В свете этого наблюдения как бы само собой возникает следующее предположение. Вполне возможно, что позолоченными были не только все прочие статеры 559 г.б.э., но и статеры, выпущенные в указанный А. Н. Зографом период (557–564 гг.б.э.), а отсутствие следов позолоты на имеющихся в наличии экземплярах может объясняться тем, что она просто не сохранилась до нашего времени. Итак, начальную фазу попытки боспорских властей преодолеть процесс деградации финансовой системы государства следует датировать 559 г.б.э. (262/263 г.н.э.). Этапы денежной реформы Рискупорида V можно представить следующим образом:

Первый этап: 559 г.б.э. (262/263 г.н.э.) – предпринимается выпуск позолоченных биллонных статеров.

Второй этап: 560 г.б.э. (263/264 г.н.э.) – наряду с биллонными статерами (а скорее вслед за ними), выпускаются высокопробные золотые и серебряные монеты; эмиссия последних завершилась в начале следующего 561 г.б.э.

Третий этап: 561–564 гг.б.э. (264-268 гг.) – в 561 г. б.э. осуществляется выпуск биллонных статеров номиналом в 10 единиц (I=10), а в 562 г.б.э. – двух номиналов: 10 и 20 единиц (I, K); в 563-564 гг. выпускаются биллонные статеры лишь старшего номинала (K=20). Затем наступает шестилетний перерыв в монетной чеканке Рискупорида V (565–571 гг.б.э.), после чего статеры возвращаются в свое исходное дореформенное состояние, а уже в первые годы правления Фофорса они окончательно становятся медными.

Рис. 4. Статеры Рескупорида V (увеличены в 2 раза). 1 — 559 г.б.э. — 262/263 г.н.э. (позолоченный биллон); 2 — 560 г.б.э. — 263/264 г.н.э. (серебро).

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Бурачков П. О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса.

Голенко К. В. 1970: Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 2. 87–99.

[24] Зограф 1951, 210.

Голенко К.В. 1987: Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в.н.э. // НЭ. XII. 10–40.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты. МИА 16.

Фролова Н.А. 1997: Монетное дело Боспора. Ч. I-II. М.

Bolin S. 1958: State and Currency of the Roman Empire to 300 A.D. Stockholm.

A COMMENTARY ON THE BOSPORAN NUMISMATICS OF THE ROMAN PERIOD

V.L. Strokin

The article deals with unknown variations of 2nd — 3rd centuries AD Bosporan coins kept in private collections. These coins were found in ancient settlements situated in the Temryuk District of the Krasnodar Territory. The author publishes rare coins of Sauromates II, Rhescouporis III and Rhescouporis V.

Key words: the Bosporan Kingdom, ancient coins, Sauromates II, Rhescouporis III, Rhescouporis V

© 2012
Г. В. Требелева, Г. Ю. Юрков, Ю. В. Горлов, И. И. Цвинария, А. С. Агумаа, Ш. Г. Кайтан

КЕЛАСУРСКАЯ СТЕНА, ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ*

Келасурская стена – один из наиболее спорных и загадочных памятников средневековой Абхазии. В 2010 г. сотрудниками Института археологии РАН и Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа в рамках совместного российско-абхазского проекта было обследовано 11 объектов, относящихся к Келасурской стене. Целью этих разведок было точная фиксация памятников на местности (с помощью системы GPS), составление планов, взятие образцов связующего раствора для определения его химического состава. Результаты анализа химического состава кладки позволяют говорить о различной технике ее приготовления и разновременности возведения данных сооружений. Они подтверждают идею Л. Н. Соловьева о трех этапах строительства, что хорошо коррелирует с тремя основными выделенными группами состава связующего раствора.

Ключевые слова: Абхазия, Келасурская стена, проблема датировки, технология строительства, химический состав

Келасурская стена — один из наиболее спорных и загадочных памятников средневековой Абхазии. Сведения о времени сооружения Келасурской стены имеются в работах Вахушти[1]. У А. Ламберти есть предположения о назначении и длине (60 тыс. шагов) стены[2]. У Ф. Дюбуа де Монпере имеются данные о приморском участке стены. Ее длина в целом определена в 160 верст, а строительство датировано VI веком[3]. И.Лихачев предложил схему стены от Келасур до пещеры Абрскила[4]. У В. И. Сизова сохранились сведения о приморском участке стены, и им же впервые была выдвинута гипотеза о восточной ориентации ее обороны[5]. У В. Гарцкия есть сведения о расположении стены[6]. У П. С. Уваровой имеется информация об участках стены между Келасур и Мерхеул, о ее направлении до устья р.Ингур. Она также предложила датировать стену XIV-XVII веками[7]. А. А. Миллер

Требелева Галина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: trgv@mail.ru

Юрков Глеб Юрьевич — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института металлургии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН. E-mail: ygy@mail.ru

Горлов Юрий Викторович — кандидат исторических наук, профессор Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовсого. E-mail: y_gorlov@mail.ru

Цвинария Игорь Иванович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа. E-mail: g_gis@mail.ru

Агумаа Анзор Семенович — 06.01.1958–10.09.2012, историк, археолог, начальник Управления по охране культурно-исторического наследия республики Абхазия, заведующий научным архивом Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа.

Кайтан Шандор Геннадьевич — аспирант отдела археологии Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа. E-mail: shandorikkaitan@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00617а/А

[1] Вахушти 1941, 169.
[2] Ламберти 1913, 186.
[3] Дюбуа де Монпере 1937, 147.
[4] Лихачев 1881, 248.
[5] Сизов 1889, 47.
[6] Гарцкия 1892, 39.
[7] Уварова 1891, 93; 1894, 34.

описал приморскую часть стены и проводил раскопки в башне №1[8]. У В. И. Стражева есть данные о начальной трассе стены. Кроме того, он установил западное направление ее обороны[9]. А. С. Башкиров подтвердил идею В. И. Стражева об ориентации стены и оставил описание ее приморского участка[10]. М. М. Иващенко описал участок стены между Келасур и Мерхеул. Общая длина стены была определена в 150 км, число башен — в 800, время строительства — VI в.[11] Л. Н. Соловьев описал 90 башен стены на участке от устья Келасур до с.Лекухон и сделал предположение о трех этапах ее строительства в конце V-VI , X-XII и XVI-XVIII веках[12]. Адзинба И. Е. определил длину стены в 160 км, количество башен — в 2000, описал ее отдельные участки между Кодором и Ткуарчалом, время строительства отнес к VI веку[13]. В. П. Пачулиа первым высказал мысль, что «бойницы в башнях района с. Джгерды-Ахуца могут свидетельствовать об употреблении уже во время их сооружения огнестрельного оружия». Кроме того, он оставил описание Багмаранского участка стены[14].

Эти противоречивые сведения побудили Ю. Н. Воронова заняться основательным, по его словам, исследованием Келасурской стены, которое продолжалось с 1966 по 1978 годы. Он установил протяженность стены в 60 км. Она заканчивалась в районе Ткуарчала. На сорокакилометровом участке восточнее этого города до Ингура имеются лишь 4 башни. Общее число башен он насчитал 279, сделал их детальное описание, а также сопутствующего археологического материала. И на их основании он высказал мысль о датировании Келасурской стены не VI, а XVII столетием[15]. К подобным же выводам пришел Т.Берадзе[16]. Но дискуссия о времени сооружения стены продолжалась[17].

По мнению Ю. Н. Воронова, главным аргументом в пользу датирования сооружения Келасурской стены служит созвучие современного (с XIX века) названия реки Келасур с греческим словом «Клисура», которое встречается у Прокопия Кесарийского «О постройках». Для Ю. Н. Воронова определенно ясно, что речь идет о восточных границах Лазики, потому что, во-первых, угроза вторжения персов основное внимание Византии было сосредоточено на восточных районах Лазики. Во-вторых, упоминаемое Прокопием Кесарийским укрепление Лосорион, построенное Юстинианом, в связи с которым упоминаются «клисуры», убедительно локализован севернее Батуми[18]. Локализация «клисур» Прокопия Кесарийского в восточной Лазике. В качестве другого аргумента в пользу сооружения Келасурской стены до VIII века рассматривается сообщение «Картлис Цховреба» об обстоятельствах вторжения в Колхиду арабов во главе с Мурваном Кру во второй половине 30-х годов VIII века: «Мурван… разгромил все города и крепости страны

[8] Миллер 1908, 2; 1909, 74-76.
[9] Стражев 1926, 25-28.
[10] Башкиров 1926, 21-22.
[11] Иващенко 1926, 61-89; 1926а, 90-92.
[12] Соловьев, 1940.
[13] Адзинба 1958, 106-152.
[14] Пачулиа 1968, 125-126.
[15] Воронов 1971, 379; 1972, 472; 1972а, 393 — 396; 1973, 100 — 122; 1973а, 98-104.
[16] Берадзе1971, 137-151.
[17] Гунба 1977, 137-151.
[18] Леквинадзе 1967, 797-800.

Эгриси, и ту крепость трехградную, которая есть Цихе-Годжи, разгромил и вошел в ограду Клисура…и когда вошел Кру в Клисуру, которая по тем временам была границей Греции и Картли, и разгромил город Абшилети Цхум и осадил крепость Анакопию». Однако из текста, по мнению Ю. Н. Воронова[19], следует, что Клисура, расположенная на границе византийских владений в Закавказье, находилась в восточной Колхиде. Во-вторых, Мурван вошел в Клисуру, захватив Цихц-Годжи, который идентифицируется с Археополисом, который воспринимается как часть Клисуры. Все это согласуется с результатами сопоставления Келасурской стены с теми оборонительными сооружениями Абхазии[20] и смежных районов Кавказа и Причерноморья[21], которые датируются V-VII веками.

Но, по мнению Ю. Н. Воронова, лишь в первой половине XVII века, в период феодальных междоусобиц создается ситуация, в которой и строится Келасурская стена. В 1647-1657 гг. мегрельский князь Леван Дадиани был вынужден перейти к обороне своих северо-западных границ. В середине XVIII века географ Вахушти писал об этих событиях следующее: «К востоку от Анакопии от моря до горы Леван Дадиани стену большую, дабы абхазы не могли спуститься (в Одиши), но ныне она заброшена»[22]. А.Ламберти, живший в Мегрелии в 1635-1653 гг. сообщал, что владетели этой страны «… со стороны гор, так как в одном месте, которое называется Олуши, горы открыты и враг легко может зайти и опустошить землю, то там с весьма большими расходами возвели стену длиной 60 000 шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни, занимаемые значительной стражей стрелков»[23]. Работу Ламберти сопровождает карта Кастелли с изображением, скорее всего, Келасурской стены, которая имеет надпись «Стена в 60 000 (двойных) шагов, для сдерживания абхазов предназначенная». После смерти Левана Дадиани в 70-х гг. XVII века стена уже не функционировала. Ж.Шарден, посетивший Мегрелию в 1672 г., писал, что «Колхида когда-то на севере в длину на 60 миль имела стену для защиты от Абхазии, но уже значительное время как эта стена развалилась»[24].

В качестве прямых и косвенных источников о времени сооружения стены Ю. Н. Воронов использует ее сравнительный анализ с оборонительными сооружениями Мегрелии времени правления Левана II Дадиани. Речь идет о расположенных на берегах Ингура крепостях Рухи и Оцарце[25]. У последней крепости и Келасурской стены совпадают размеры и подпирамидальная форма башен, толщина стен, легкая закругленность углов снаружи и изнутри; применение в облицовке стен булыжника без соблюдения рядов, затирка швов между камнями в облицовке с частичным выходом на поверхность стен; присутствие в стенах отверстий от круглых диаметром 0,07 м брусьев; конструкция дверей и устройство засовов; размеры и оформление ниш; ружейные бойницы[26].

---

19 Воронов 2006, 188.
20 Воронов 1969, табл. IX-XI; Леквинадзе 1966, 208, рис. 2-4; 1968, Т.XXV-В.
21 Якобсон 1959; Хан-Магомедов 1966, 13-15.
22 Вашухти 1941, 169.
23 Ламберти 1913, 186.
24 Воронов 2006, 188.
25 Закарая 1970, 163-164, 175-179, Т. XXVI-В.
26 Воронов 2006, 189.

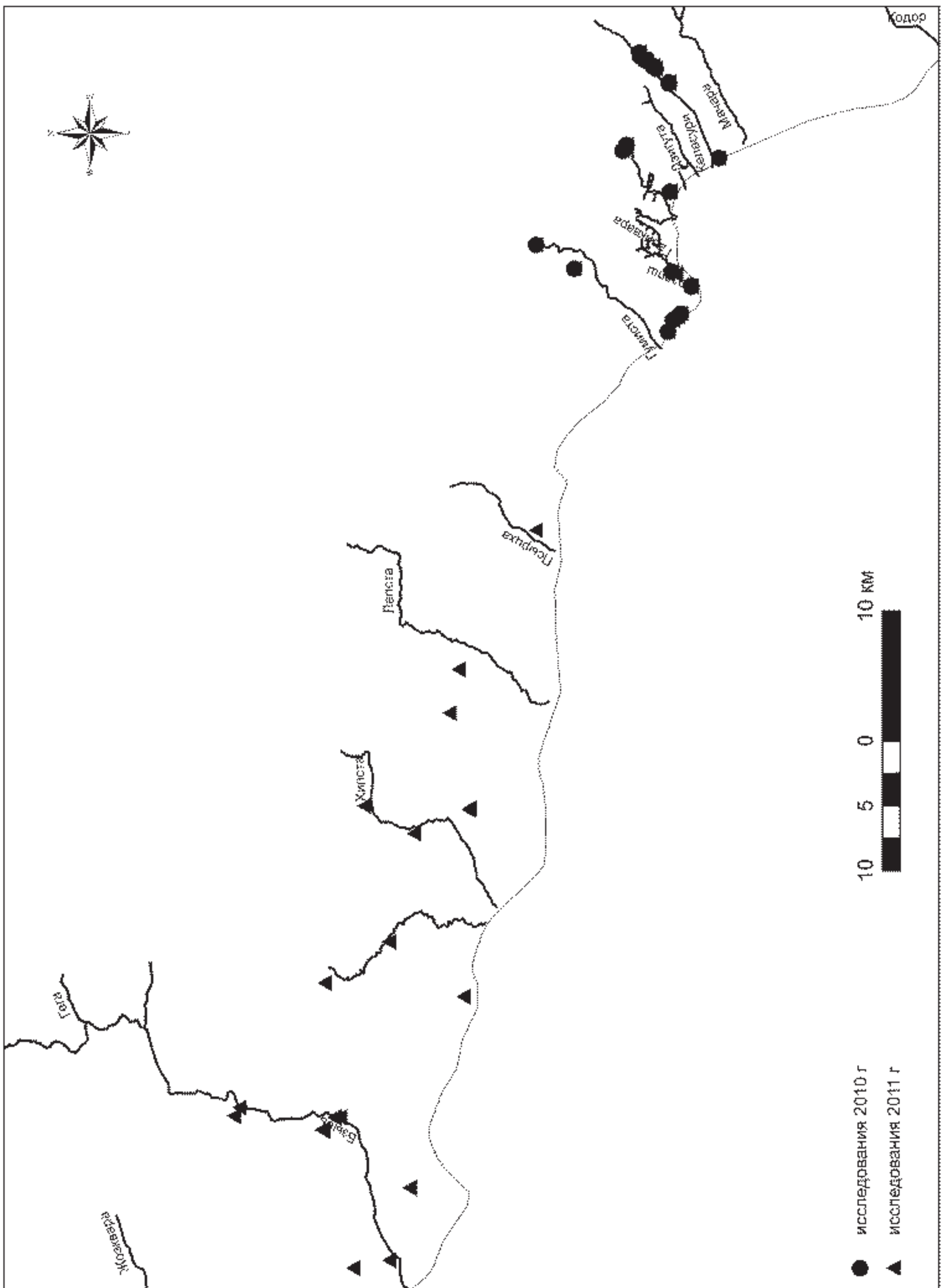


Рис. 1. Схема района исследований

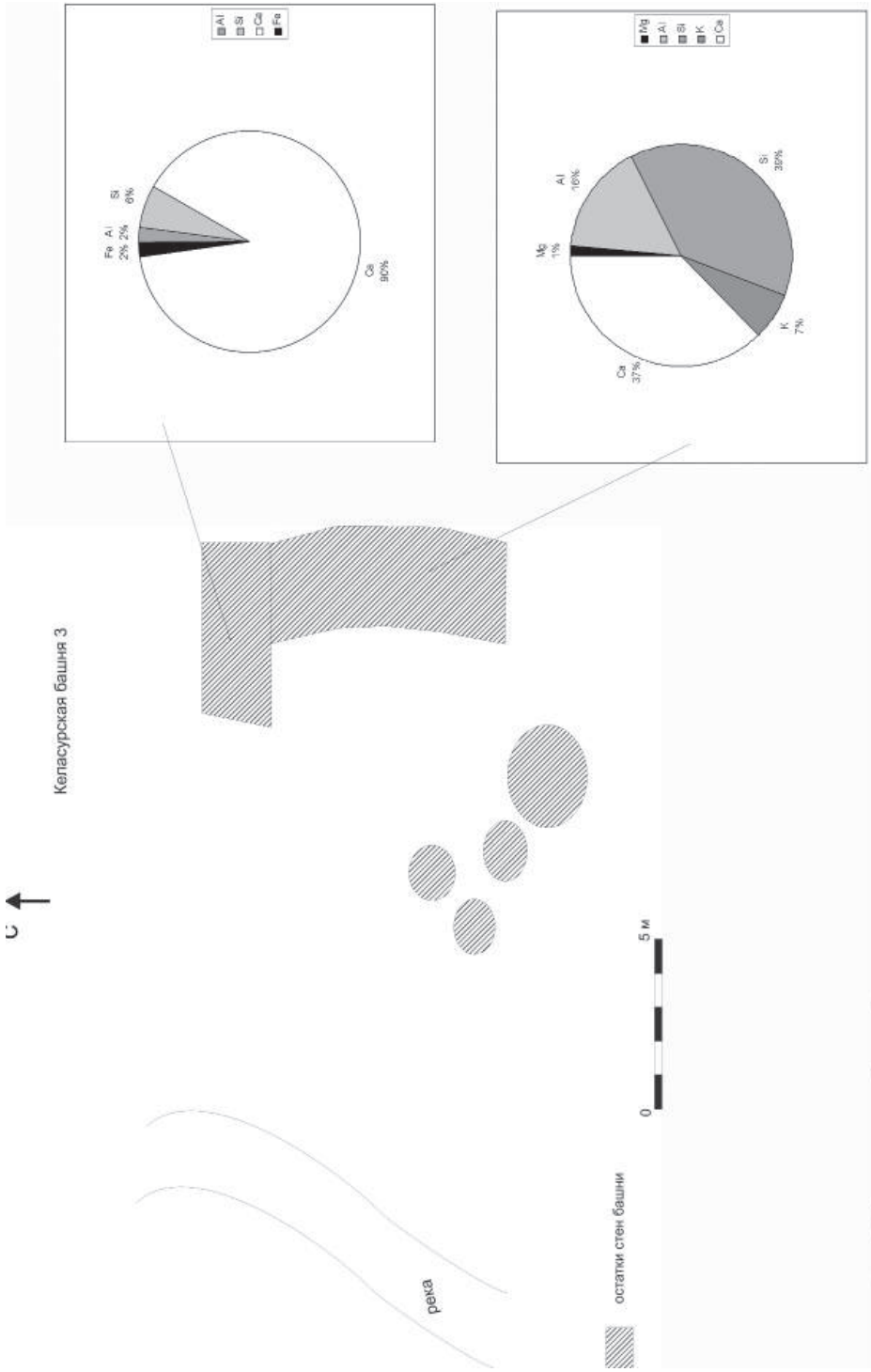


Рис. 2. Келасурская башня 3, план-схема памятника и диаграммы химического состава связующего раствора.

В качестве дополнительных аргументов в пользу предложенной датировки стены принято считать установленный еще Л. Н. Соловьевым факт сооружения башни №276 (пос. Лекухона) на развалинах средневекового одноабсидного храма[27]; присутствие бойниц для огнестрельного оружия; общую планировку стены, непосредственную связь с дорогой; расположение и конструкцию входов; конструкцию стен и деревянных настилов на консолях; пирамидальное оформление и план башен; использование деревянных приставных лестниц и т.п.[28]

Считается, что этот памятник пока недостаточно изучен. А. А. Миллер в 1907 г. раскапывал башню №1 и на уровне ее фундаментов обнаружил керамику XI-XIV веков[29]. Эти находки обычно связывают с поселением, существовавшим до постройки стены. При осмотре Александровской крепости (с.Багмаран) обнаружено два культурных слоя, эллинистический и позднесредневековый[30]. Средневековая керамика была найдена при осмотре башен №№ 49 и 83. В 1978 г. с целью уточнения стратиграфии стены были заложены шурфы в башнях №№ 47 и 53. В первой была обнаружена позднесредневековая керамика. Во второй установлено, что башня сооружена без фундамента. Все это наряду с архитектурным анализом и источниками XVII-XVIII веков послужило основанием для вывода о том, что стена была построена Леваном II Дадиани против абхазов[31].

Против этой точки зрения выступил М. М. Гунба. Во-первых, он полагал, что стена своим фасадом была обращена на восток. Во-вторых, по его мнению, граница между владениями Византии в Закавказье и Картли-Грузией, о которой упоминается в письменных источниках, проходила по реке Келасур[32].

Ю. Н. Воронов полагал, что упоминаемую византийскими и грузинскими источниками VI-VIII веков систему укреплений, охранявшую колхидские Клисуры, и Келасурскую стену следует рассматривать как разные объекты[33].

В 2010 г. Институтом археологии РАН и Институтом гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа в рамках совместного российско-абхазского проекта РГНФ № 10-01-00617а/а были проведены археологические разведки в прибрежной части Сухумского района респ. Абхазии и на приграничной к Сухумскому району части Гульрипшского района (вдоль реки Келасур) (рис. 1). В ходе археологических разведок обследовано 19 объектов, из которых 11 памятников (2 участка «Келасурской стены», 8 башен, считающиеся частями «Келасурской стены», а также крепость Багмаран вдоль восточного берега реки Келасур) относятся к Келасурской стене. Целью этих разведок было точная фиксация памятников на местности (с помощью системы GPS), составление планов, взятие образцов связующего раствора для определения его химического состава. Естественно, что относительно точно датировать памятники до проведения на них более ли менее масштабных раскопок не представляется возможным. Однако нам показалась интересной идея попытаться сгруппировать их по одновременности/разновременности построек на основе анализа используемой технологии кладки.

[27] Соловьев 1940, 55-57.
[28] Закарая 1969, 201-221.
[29] Миллер 1909, 74-76.
[30] Воронов 1977, 9, рис. 4, 3-13, 22.
[31] Воронов 1973, 121; 1973а, 101-102.
[32] Гунба 1977, 134-150.
[33] Воронов 2006, 186-196.

Учитывая, что почти все сооружения возведены из практически одинакового камня, мы сочли перспективным проведение анализа химического состава образцов связующего раствора в кладках крепостей и храмов. За основу взята идея, что априори одновременные на конкретной ограниченной территории вещи имеют одинаковый химический состав, а разновременные — разный. Т.е., к примеру, химический состав (соотношение химических компонентов) связующего раствора в кладке стен одновременных памятников будет относительно одинаковым, а у разновременных — существенно отличатся друг от друга.

Как уже упоминалось выше, нами было обследовано 11 объектов, относящихся к этой стене. В целом все образцы взятые с этих объектов можно разделить на 3 группы:

1. Со значительным преобладанием извести (доля песка составляет менее 1/4 по массе) — Келасурская стена, участок № 1; Багмаран, башня № 3, башня 6, башня 7.

2. С преобладаем извести (доля песка составляет примерно 1/3 по массе), — (Келасурская башня № 1, башни № 4, № 5 № 8)

3. С примерно равным массовым соотношением песок/известь. — Келасурская башня № 1, башня №2, Келасурская стена, участок № 2, башня № 3).

Рассматривая пространственное распределение групп, наблюдается, что в двух случаях две разные группы встречаются на одном и том же памятнике. Что это может означать? Возьмем, к примеру, башню Келасур 3 (рис. 2). Башня представляет остатки двух перпендикулярных стен (северная и восточная). Высота стен около 4 метров и ширина — 2,9 м у основания, сужающаяся кверху, примерно к 1,5 м. Кладки обеих стен сделаны из крупного булыжника, однако в северной стене кладка более ровная, с использованием меньшего количества связующего раствора. В восточной стене камни лежат более неровно и использовано относительно большее количество связующего раствора. С внутренней стороны башни, на юге и западе видны обрушившиеся остатки, по всей видимости, других стен. Возникает впечатление, что две сохранившиеся стены были возведены не одновременно. Анализ состава раствора показывает, что хоть в составе обоих стен присутствует глинозем, но его состав совершенно разный по составу (связующий раствор, использованный при возведении восточной стены, содержит элементы Na, Mg, Al, K; а северной — Al, Fe), т.е., вероятнее всего, песок взят из разных месторождений (карьеров), что маловероятно, если бы стены возводились одновременно, особенно учитывая, что состав раствора из завала стен почти полностью совпадает с раствором из восточной стены.

Башня 1 (рис. 3). Если взглянуть на план башни, то мы увидим две фактически параллельные стены: внешнюю, обращенную к морю, длиной 11,2 м, и внутреннюю — длиной 11 м, слегка смещенных относительно друг друга вдоль оси длины. При этом расстояние между этими стенами составляет всего 2,5 м. В то время как если анализировать другие башни из системы Келасурской стены, то можно увидеть, что в большинстве своем они либо квадратные, либо приближены к квадрату. Башня с длиной в 11 метров и шириной в 2,5 м все же обычной башней, скорее всего, не является, и можно говорить о разновременности построек двух этих стен. В качестве гипотезы можно предположить, что внешняя стена башни

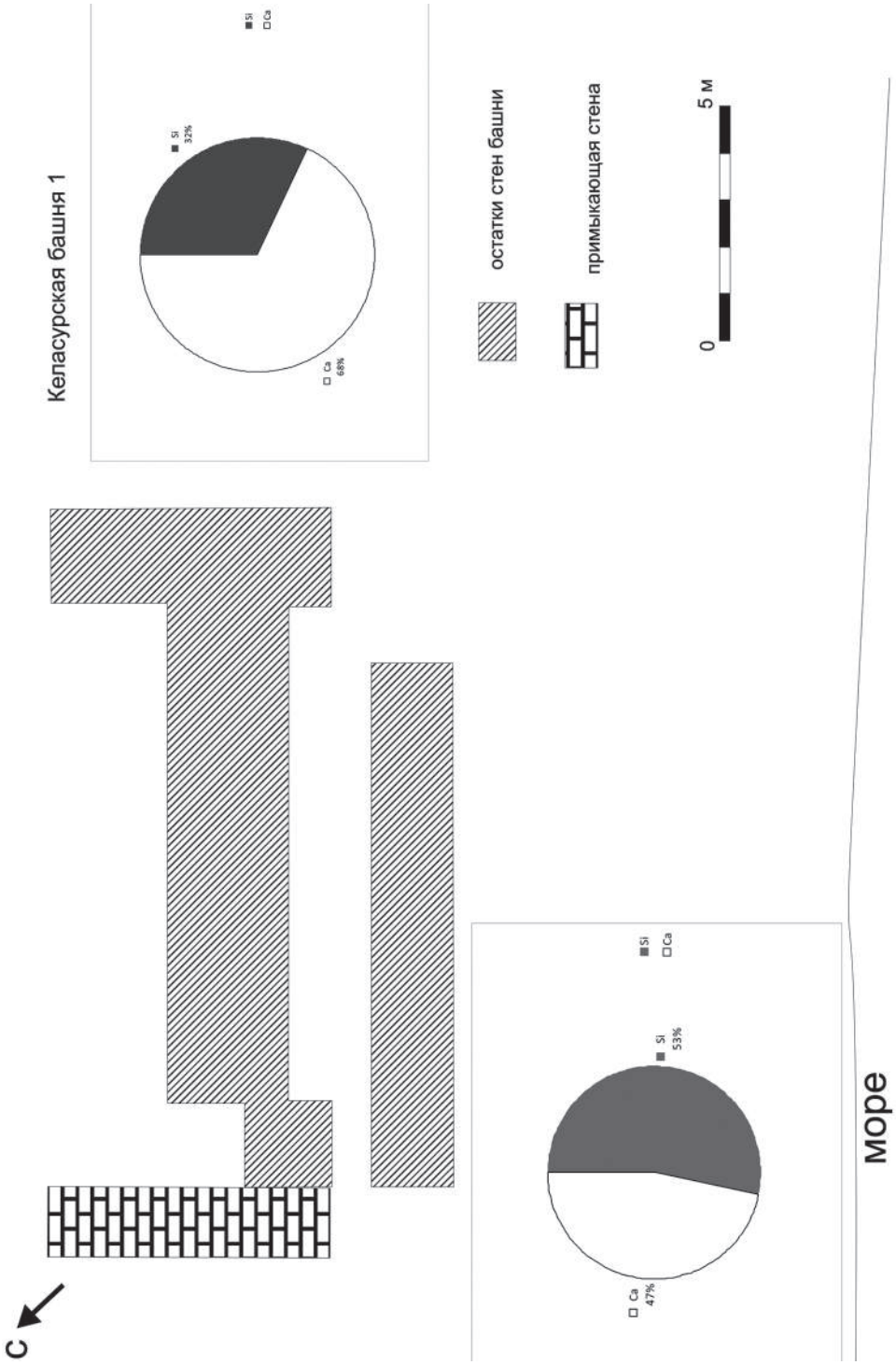


Рис. 3. Келасурская башня 1, план-схема памятника и диаграммы химического состава связующего раствора.

была разрушена морем, и для укрепления оставшейся стены позднее была возведена вторая стена, что скорее всего и подтверждается различностью технологии приготовления связующего состава.

Таким образом, результаты анализа на определение химического состава позволяют говорить о различной технике приготовления кладки, а следовательно, не просто о разных источниках сырья, а именно о разновременности возведения данных сооружений. В связи с этим вспоминается высказанная идея Л. Н. Соловьева о трех этапах строительства, что в принципе хорошо коррелирует с тремя основными выделенными группами состава связующего раствора.

Интересным стало сопоставить составы растворов с объектов Келасурской стены с составами растворов других объектов, в частности имеющих более или менее точную датировку. Так мы видим, образец связующего раствора из апсиды византийского храма V-VI в. вполне укладывается в группу с массовым соотношением основных компонентов: извести более 3/4, песка менее 1/4. Такое же соотношение химических элементов и в образце из стены Сухумской крепости, датируемой византийским временем. В то же время в образце из этой же крепости, но со стены, датируемой уже турецким временем, наблюдается иное соотношение элементов: известь/песок в пропорции 50/50.

Исходя из этого, в качестве предварительной гипотезы, опираясь на идею, высказанную Л. Н. Соловьевым, можно сделать вывод, что участки Келасурской стены с составом раствора из 1-й группы со значительным преобладанием извести (доля песка составляет менее 1/4) были возведены в VI в., с составом из 2-й группы (извести (доля песка составляет примерно 1/3)) — в X-XII, и из 3-й группы (с примерно равным соотношением песок/известь) — в XVI-XVIII веках. Конечно, предлагаемый вывод требует дальнейших проверок и анализов, увеличения числа обследованных объектов и включенной в анализ выборки. Но в качестве предварительной гипотезы, на наш взгляд, вполне имеет право на жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

Адзинба И. Е. 1958: Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми.

Ростовцев М. И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106–108.

Башкиров А. С. 1926: Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия Абхазского научного общества. 4, 21-22.

Берадзе Т. 1971: Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши.// Сборник исторической географии Грузии. Тбилиси. IV, 137-151.

Вахушти Б. 1941: Описание царства Грузинского. Тбилиси.

Воронов Ю. Н. 1971: Разведки в Абхазской АССР // АО, 379.

Воронов Ю. Н. 1972: Разведочные работы в Абхазской АССР // АО, 472.

Воронов Ю. Н. 1972а: К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье // Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины. Одесса, 393-396;

Воронов Ю. Н. 1973: Келасурская стена // СА. 2, 100-122.

Воронов Ю. Н. 1973а: В мире архитектурных памятников Абхазии. М.

Гарцкия В. 1892: Из абхазских народных преданий и поверий (озеро Папанцкур. Абрскил) // СМОМПК. XIII, 32-43.

Гунба М.М. 1977: Келасурская стена // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа.VI, 137-151.

Закарая П.П. 1969: Древние крепости Грузии. Тбилиси.

Иващенко М.М. 1926: Великая Абхазская стена // Известия Абхазского научного общества. 4, 61-89.

Иващенко М.М. 1926а: О направлении Келасурской стены // Известия Абхазского научного общества. 4, 90-92.

Ламберти А. 1913: Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК. 43, 1-232.

Леквинадзе В.А. 1966: Оборонительные сооружения Себастополиса // СА. 1, 208-210.

Леквинадзе В.А. 1967: Римский кирпич со штампом из Цихисдзири // САНГ. 45. 3, 797-800.

Лихачев И. 1881: Чловская пещера и легенда о Абласкире — Прометее // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.

Миллер А.А. 1908: Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья // Живая старина. 1, 2.

Миллер А.А., 1909: Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. 53. 74-76.

Дюбуа де Монпере Ф. 1937: Путешествие вокруг Кавказа. Сухум.

Пачулиа В.П. 1968: Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.

Сизов В.И. 1889: Восточное побережье Черного моря // МАК. II.

Соловьев Л.Н. 1940: Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухум. 1940. (рукопись) // Архив Абхазского института гуманитарных исследования им.Д.И. Гулиа. №344.

Стражев В.И. 1926: Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. 1, 25-28.

Уварова П.С. 1891: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М.

Уварова П.С. 1894: Материалы по археологии Кавказа // МАК. IV.

Хан-Магомедов С.О. 1966: Архитектура и бытовая вещь // Декоративное искусство СССР. 2, 13-15.

Якобсон А.Л. 1959: Раннесредневековый Херсонес // МИА. 63. М.; Л.

KELASUR WALL: ANOTHER APPROACH TO ARCHAEOMETRY

G.V. Treveleva, G.Yu. Yurkov, Yu.V. Gorlov, I.I. Tsvinariya, A.S. Agumaa, Sh.G. Kaitan

Kelasur wall is a most moot and mysterious monument of medieval Abkhazia. In 2010 scholars of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, and the Institute of Humanitarian Studies, Abkhazian Academy of Sciences, within the framework of Russian-Abkhazian project examined 11 objects having to do with Kelasur wall. The study aimed at precise location of the objects with the help of GPS, mapping, taking mortar samples for chemical analysis. The latter makes it possible to speak about different masonry techniques and diversity in the construction time, which is reminiscent of L.N. Solovyov's idea of three construction periods that is in perfect correlation with obtained mortar types.

Key words: Abkhazia, Kelasur wall, dating issue, construction techniques, chemical composition of mortar

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ
МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК 2012

Древняя Греция и Рим

© 2012

В. С. Ленская

ИЕРОПЕИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Статья посвящена иеропеям — должностным лицам культового персонала Древней Греции. Иеропеи были избиравшимися (на год или на какой-то промежуток времени для проведения определенного мероприятия) лицами храмовой администрации, занимавшимися организационными и финансовыми делами святилищ. Автор подробно рассматривает состав и функции афинских иеропеев, а также фиксирует внимание на особенностях иеропеев Делоса, Коса и некоторых других островов.

Ключевые слова: Древняя Греция, жрецы, иеропеи, жертвоприношения, храмы, храмовая администрация

Иеропеи — должностные лица культового персонала Древней Греции, занимавшие в жреческой иерархии довольно высокое место. В то же время иеропеи не являлись жрецами в узком смысле этого слова; это были лица храмовой администрации. Иеропеям посвящено очень малое количество работ, среди которых, прежде всего нужно назвать статьи И. Ойлера в энциклопедии Пауля-Виссова (1914)[1] и С. Георгуди в энциклопедии античных культов и ритуалов (2005)[2]. Между этими статьями, разделенными временным промежутком протяженностью около века, опубликованных работ, посвященных иеропеям, фактически нет. Одним из самых полных исследований на сегодняшний день является диссертация о иеропеях, защищенная в 1968 г. в университете Пенсильвании[3], однако она осталась неопубликованной. В русскоязычной литературе эта тема не затрагивалась вообще; мы постараемся заполнить образовавшуюся лакуну.

Название «иеропеи» происходит от слова ἱεροποιέω, имеющего очень широкое значение: древние авторы употребляли это слово в самых разных случаях, связанных с отправлением культа. Так, Демосфен пишет, что он совершал «вступительные священные обряды по случаю избрания в Совет» εἰσιτητήρι′ ὑπὲρ τῆς

Ленская Валерия Серговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. E-mail: lenskaya@yandex.ru

[1] Oehler 1914, 1583-1588.
[2] Georgoudi 2005, 31-60.
[3] Smith 1968.

βουλῆς ἱεροποιῆσαι (Dem. In Midiam. 114. 5, пер. В. Г. Боруховича). У Исея читаем: μὴ οἴεσθε... μήτε τὰς τῶν ἄλλων δημοτῶν γυναῖκας αἱρεῖσθαι ἂν αὐτὴν συνιεροποιεῖν τῇ Διοκλέους γυναικὶ — «не думайте... жены всех остальных членов дема не стали бы избирать ее священнодействовать вместе с женой Диокла» (Isaeus. de Cirone 20. 5, пер. Г. А. Тароняна). У Платона: ἐδόκει γάρ μοι ἱεροποιῶν τυγχάνειν — «мне показалось, что он был озабочен жертвоприношением» (Plato. Lys. 207d 4, пер. С. Я. Шейнман-Топштейн). У Страбона: εἶναι νῆσον πρὸς τῇ Βρεττανικῇ, καθ᾽ ἣν ὅμοια τοῖς ἐν Σαμοθρᾴκῃ περὶ τὴν Δήμητρα καὶ τὴν Κόρην ἱεροποιεῖται — «есть остров около Бретании, где совершают жертвоприношения, подобные приносимым на Самофракии Деметре и Коре» (Strabo. IV. 4. 6, пер. Г. А. Стратановского). Смысл глагола ἱεροποιέω в приведенных текстах не вполне ясен; очевидно только, что речь идет о каких-то священнодействиях, связанных с жертвоприношениями. Так же широко значение существительного ἱεροποιίαι — у Страбона читаем: ἱλασκομένας τὸν θεὸν τοῦτον τελεταῖς τε καὶ ἄλλαις ἱεροποιίαις ἐξηλλαγμέναις — «(самнитские женщины) умилостивляют бога мистическими обрядами, так же как и другими священнодействиями» (Strabo IV. 4. 6, пер. Г. А. Стратановского); ἧς τέμενός ἐστιν ἐν τῷ τόπῳ θαυμαστὴν ἱεροποιίαν ἔχον «на ее священном участке на этом месте справляют удивительные священные обряды» (Strabo V. 2. 9, пер. Г. А. Стратановского); ἴχνη πόλεων ἔνδοξα δὲ διὰ τὴν Αἰνείου γέγονεν ἐπιδημίαν καὶ τὰς ἱεροποιίας — «остатки городов знамениты пребыванием Энея и священными обрядами» (Strabo. V. 3. 5; ткж. см. Strabo. IX. 1. 9; X. 3. 9; XII. 3. 37; XVI. 2. 36, пер. Г. А. Стратановского). Наконец, и само слово οἱ ἱεροποιοί могло употребляться в очень широком смысле: например, у Страбона этот слово означает просто «священнослужители», без уточнения особенностей их занятий τοὺς μὲν γὰρ γεωργοὺς ἀπέδειξε τοὺς δὲ δημιουργοὺς τοὺς δὲ ἱεροποιούς, τετάρτους δὲ τοὺς φύλακας — «(Ион) одних назначил земледельцами, других ремесленниками, третьих священниками, четвертых стражами» (Strabo V. 7. 1, пер. Г. А. Стратановского); ἐκεῖ μὲν οὖν οὐδεὶς ἡμῖν ἐδείκνυτο τῆς τοιαύτης ἀσκήσεως προεστώς, ἀλλ᾽ οἱ ἱεροποιοὶ μόνον καὶ ἐξηγηταὶ τοῖς ξένοις τῶν περὶ τὰ ἱερά — «(в Гелиуполе) я не обнаружил ни одного руководителя таких занятий, но только жрецов, совершающих жертвоприношения и объясняющих чужеземцам смысл священных обрядов» (Strabo. XVII. 1. 29, пер. Г. А. Стратановского).

Тем не менее, οἱ ἱεροποιοί все же были не просто жрецами, но людьми со специальными культовыми полномочиями, о чем, например, пишет Аристотель: «Другой вид попечения касается религиозного культа… Бывает, что попечение обо всем этом в некоторых местах, например в небольших государствах, возлагается на одно должностное лицо, в других же местах имеется много отдельных должностей, отличных от жречества, как-то: иеропеи, наофилаки, казначеи священных сумм» (Arist. Pol. 1322b, пер. С. А. Жебелева). В «Афинской политии» Аристотель пишет, что афиняне избирали по жребию две коллегии иеропеев из десяти человек — первую для так называемых «искупительных жертвоприношений», вторую — коллегию «годичных» иеропеев, которые «совершают некоторые жертвоприношения и заведуют всеми пятилетними празднествами кроме Панафиней» (Arist. AP. 54. 6-7, пер. С. И. Радцига). Кроме этих больших комиссий, в Афинах существовало большое число маленьких коллегий иеропеев, избираемых

в самых различных случаях[4]. Например, Демосфен пишет, что он «был избран иеропеем Почтенных Богинь вместе с двумя другими гражданами» (Dem. In Midiam 115. 3, пер. В. Г. Боруховича).

Прямых авторских свидетельств о специальных полномочиях иеропеев почти не сохранилось: кроме Аристотеля, мы можем упомянуть еще Демосфена, который пишет, что таксиархи, стратеги, филархи и двое гиппархов «занимаются устройством праздничных шествий вместе с иеропеями» (Dem. Philipp. I. 26. 5, пер. С. И. Радцига). Поэтому основную информацию о функциях иеропеев дают надписи.

Первые известные нам по времени надписи, упоминающие иеропеев, относятся к сер. VI в. до н.э.; в них говорится, что иеропеи устраивали игры.

[*h*ιροπο]ιοὶ τὸν ἀ[γ]ῶνα θ[έ]σαν (IG I^3. 507, 508). В плохо сохранившейся надписи, датируемой 450-445 г. до н.э., в которой речь идет о строительстве какого-то святилища, иеропеи упоминаются вместе с архитекторами: и те, и другие должны были получать заработную плату [μισθὸς *h*ιερ]οποιοῖς [καὶ ἀρχιτέκτ]ονι (IG I^3. 395, l. 18-19). Можно предположить, что в данном случае иеропеи являлись лицами, занимавшимися хозяйственными и финансовыми вопросами строительства. Декрет Каллия 434/3 г. до н.э., посвященный выделению денег в священную казну других богов, предписывает жрецам и иеропеям выставить запись полученных средств, а казначеям, эпистатам и иеропеям разных храмов Афин (παρὰ δὲ τῶν νῦν ταμιῶν καὶ τῶν ἐπιστατῶν καὶ τῶν *h*ιεροποιῶν τῶν ἐν τοῖς *h*ιεροῖς) присутствовать при пересчете денег и передаче их вновь созданной коллегии казначеев других богов (IG I^3. 52, l. 12-13, 18-21). Вероятно, с этого года финансовая ответственность, которая могла лежать на иеропеях в некоторых храмах других богов (так же как на казначеях и эпистатах в других храмах — иначе упоминание иеропеев среди лиц, передающих деньги новой коллегии, трудно объяснить), была с них снята: верховным распорядителем денег других богов становится ежегодно избираемая коллегия казначеев других богов; казна других богов теперь хранилась в опистодоме Парфенона[5]. Правда, мнения исследователей о финансовой самостоятельности местных храмов после декрета Каллия разнятся: так, Д. Смит считает, что местная храмовая администрация полностью утеряла контроль над финансами своего храма[6], тогда как Л. Сэймонс и Т. Линдерс полагают, что небольшие храмы сохранили частичную финансовую самостоятельность, а, следовательно, и местную финансовую администрацию[7]. Тем не менее, документальных свидетельств о случаях самостоятельного распоряжения иеропеев деньгами после середины V в. до н.э. у нас нет.

Согласно другой надписи, датируемой временем ок. 434/433 г. до н.э., иеропеи храма Диоскуров получали налог ἐπιβατικόν от владельцев кораблей (ναύκληροι), при этом часть денег они должны были передать казначеям других богов (IG I^3. 133).

Декрет 421 г. до н.э., (когда были введены Гефестии[8]) предписывает создать две коллегии иеропеев из десяти человек для проведения праздника: первая из-

[4] Hansen 1980, 163-164.
[5] Публикацию декрета с комментариями см. Meiggs, Lewis 1969, 154-161.
[6] Smith 1968, 19-20.
[7] Linders 1975, 1-18; Samons 2000, 50-54.
[8] Georgoudi 2005, 33.

биралась из дикастов — δέκα ἄνδρας δι][α]κλε[ροσαι] ἐκ τοῦ δ[ικα]στοῦ (IG I³. 82. l. 17-18), вторая из булевтов — δια]κλεροσάτο δὲ καὶ *h*ε β[ο]λὲ σφοῦ αὐτοῦ *h*ιεροπ[ο]ιὸς δέκα ἄνδρ[ας (l. 21-22). Иеропеи заботились о проведении процессии: τεῖς δὲ πονπεῖς *h*όπος [ἂν *h*ος κάλλιστα] πενφθεῖ *h*ο[ι *h*ι]εροπ[οι] οἱ ἐπιμελόσθον (l. 24-25), о поддержании порядка при проведении шествия и накладывали штраф 50 драхм на нарушителей или в более серьезных случаях привлекали их к суду[9]. Также они занимались распределением мяса (l. 23-24). Здесь же говорится, что иеропеи должны были устраивать бег с факелами и другие состязания на играх, посвященных Прометею и Аполлону (l. 34, правда, эта часть декрета сохранилась плохо). Иеропеи, избранные из дикастов, получали заработную плату (l. 20).

В надписи нач. IV в. до н.э., посвященной жертвоприношениям в храме Асклепия ὑπὲρ τοῦ δήμο τοῦ Ἀθηναίων (за афинский народ), говорится, что действующие иеропеи должны были заботиться о празднике в честь Асклепия τοὺς ἱεροπ[οι]ὸς τὸς ἱεροποιοῦντας ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἑ[ο]ρτῆς (IG II². 47, l. 33-34); вместе с пританами, архонтами и участниками шествия они получали мясо (l. 37).

Довольно подробно функции иеропеев описаны в декрете 336/5 г. до н.э., посвященном подготовке Малых Панафиней: иеропеи готовили жертвоприношение, ночной молебен и утреннюю процессию[10], покупали вместе с закупщиками быков жертвенных животных[11] и приносили жертву Афине Полиаде и Афине Нике, распределяя затем мясо для афинян[12]. Нарушителей порядка они должны были штрафовать ζημιοῦντας τὸν μὴ πειθαρχο[ῦντ][α ταῖς ἐκ] τῶν νόμων ζημίαις «штрафуя провинившегося штрафами согласно законам» (Schwenk 17B. l. 33). Из жертв, которые иеропеи приносили Афине Игие и Афине Полиаде в старом храме, выделялись части мяса, которые получали пританы, архонты, казначеи Афины, стратеги, таксиархи, участники шествия, канефоры и сами иеропеи; оставшееся мясо распределялось между всеми афинянами (Schwenk 17B. l. 8-16).

Коллегия иеропеев из 10 человек, организовывавшая Пифаиду, праздничное шествие из Афин в Дельфы, упомянута в надписи 20 гг. IV в. до н.э. (FD III. I. 511).

В нескольких надписях встречаем упоминание о иеропеях τῆς βουλῆς καὶ

---

[9] IG I³. 82. l. 25-28: ἂν τίς τι ἀκοσμέ[ι, κύριοι ὄντον αὐ]τοὶ μὲν ζεμ[ιοῦν μέχρι πε]ντέκοντα δραχμοῦν...· ἐὰ][ν] δέ τις ἄχσ[ιος εἶ μέζον]ος ζε[μ]ίας, τὰς ἐπιβολὰς ποιό[ντ]ον [*h*οπόσας ἂν δοκεῖ κ][α]ὶ ἐσαγόν[τον ἐς τὸ δικασ]τέρι[ο]ν τὸ τοῦ ἄρχοντος «если кто-то нарушает порядок, пусть распорядители оштрафуют его до 50 драхм...; если же кто достоин большего наказания, пусть наложат необходимые штрафы и отведут на суд архонта» (пер. здесь и далее наш — В.Л.).

[10] Schwenk 17A. l. 5-7: ἡ θυσία ὡς καλλίστ[η ἢι Πανα][θηναίοις τοῖς μ]ικροῖς καὶ πρόσοδος ὡς πλεί[στη γέν][ηται ἱεροποιο]ῖς — «жертвоприношение наилучшим образом на Малых Панафинеях и шествие в наилучшем виде готовится иеропеями», Schwenk 17B. l. 31-33: τοὺς δὲ ἱεροποιοὺς τοὺς διοι[κ][οῦντας τ]ὰ Παναθήναια τὰ κατ' ἐνιαυτὸν ποεῖν τὴν πα[ν][νυχίδα] ὡς καλλίστην τῆι θεῶι καὶ τὴν πομπὴν πέμπε[ι][ν ἅμα ἡ]λίωι ἀνιόντι — «иеропеями, устраивающим ежегодные Панафинеи, организовывать ночной молебен богине наилучшим образом и отправлять шествие с восходом солнца».

[11] Schwenk 17B. l. 17-18: βοωνήσαντες οἱ ἱερ[οποιοὶ μετὰ τ]ῶν βοωνῶν πέμψαντες τὴν πόμπην τῆι θε[ῶι — «иеропеи, устраивающие процессию богине, покупают быков вместе с закупщиками быков».

[12] Schwenk 17B. l. 22-24: ἁπασῶν τῶν βοῶν τῶ]ν ἀπὸ τῶν τετταράκοντα μνῶν καὶ μιᾶς ἑω[νημένων νε]μόντων τὰ κρέα τῶι δήμωι τῶι Ἀθηναίων — «из всех быков, купленных за 41 мину, распределяют мясо для афинского народа».

τοῦ δήμου (Совета и собрания[13]). В надписи, датируемой 335/4 г. до н.э., чествуется некий Φυλεὺς χειροτ[ονηθεὶς ἱεροποιεῖν τῆι τε βουλῆι κα][ὶ] τῶι δήμωι — «избранный иеропеем путем хейротонии Советом и народом» (IG II^2. 330). Функции этих иеропеев проясняет надпись 330 г.до н.э., где упомянуты οἱ ἱεροποι]οὶ οἱ αἱρε[θ]έντε[ς] [ὑπὸ τῆς βουλῆς ὑπὲρ τῶν ἱερῶν ὧν ἔ]θυον τῶι Διονύσωι καὶ [τοῖς ἄλλοις θεοῖς οἷς προ]σῆκε θύειν ὑπὲρ τῆς βουλῆς κα[ὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναί]ων — «иеропеи, избранные Советом в святилища, которые приносят жертвы Дионису и другим богам, которым положено приносить жертвы о Совете и народе афинском» (IG II^2. 410. l. 3-6). Эти иеропеи упомянуты рядом со жрецами этих святилищ, чьи функции они, таким образом, никоим образом не выполняли; их делом было «заботиться о нахождении рядом со жрецами и жертвами» ἐπεμελήθη[σ]αν [τῆς παραστάσεως] τῶν ἱερέων καὶ τῶν θυσίων (l. 24-25) и «заботиться о священных делах» ἕνεκα …ἐπιμελεία[ς] τῆς περὶ τὰ ἱερ[ὰ] (l. 33-34). В этой же надписи говорится, что казначей народа выделял им деньги на жертву δοῦναι δὲ αὐτοῖς καὶ [ε]ἰς θυσίαν κατ᾽ ἄνδ[ρ]α [. . . δρ]αχμὰς τὸν ταμίαν τοῦ δήμου (35-36). Надпись 256/5 г. до н.э. чествует некоего булевта Никократа, избранного Советом казначеем для жертвоприношений в храмы (очевидно, за Совет); в надписи говорится, что этот Никократ выделял необходимые средства всем иеропеям τὸν πόρον ἅπασιν μεμέρικεν τοῖς ἱεροποιοῖς (Agora 15. 85. l. 13-14). Таким образом, «иеропеи Совета и собрания» были наделены особыми полномочиями совершать жертвоприношения «о Совете и народе»; вероятно, их можно назвать представителями высших органов государства в святилищах, где приносились такие жертвы.

В надписи 314/3 г. до н.э. упомянуты иеропеи, приносившие подношение Артемиде Бравронской ἀρι]στεῖον Ἀρτέμιδ[ος Βραυρωνίας] [ὃν ἀνέθεσαν ο]ἱ ἱεροποιοὶ (IG II^2. 1480, l. 12-13). В надписи 239/8 г. до н.э. сообщается, что жрица и избранные иеропеи (οἱ ἱεροποιοὶ οἱ χειροτονηθέντες) некоего, очевидно, только что построенного храма чествуют архитектора и приказывают отправить его дочь на шествие на Панафинеях (вероятно, в качестве аррефоры или канефоры).

В надписи 129/8 г. до н.э., в которой речь идет о Таргелиях — празднике в честь Аполлона Пифийского, в частности, говорится, что ежегодно избираемый казначей воинских средств (ὁ ταμίας δὲ τῶν στρατιωτικῶν ἀπὸ τῶν τοῦ ἔτ[ου]ς προσόδων) после жертвоприношения должен отдать жертву иеропеям, вероятно, для раздела мяса — διδότω τὸ θῦμα τοῖς ἱεροποιοῖς (SEG. 21:469. 58).

Совершенно очевидно, что иеропеи заведовали финансами (которые выделяли им казначеи), а также материальными средствами (мясо, шкуры жертв) различных праздников, о чем свидетельствуют вышеприведенные надписи. Из надписи 331 г. до н.э., являющейся, по всей видимости, отчетом поступлений в сокровищницу Афины[14], явствует, что иеропеи были ответственными за сдачу части этих средств, а именно денег от продажи шкур жертвенных животных, принесенных в жертву на различных праздниках (δερματικός) государству[15].

---

[13] О термине δῆμος, употреблявшемся для обозначения Народного собрания, см. Hansen 2010, 499-536.

[14] Georgoudi 2005, 33.

[15] IG II^2. 1496: ἐκ τοῦ δε]ρματικοῦ… ἐκ τῆς θυσίας τῆ[ι Ἀγαθ]ῆι Τύ[χηι παρὰ ἱεροποιῶν… ἐξ Ἀσκληπιείων πα[ρὰ] ἱεροποιῶν… ἐγ Βενδιδέων παρὰ ἱεροποι[ῶν]… [ἐκ Πανα]θηναίων

Иеропеи были в Элевсине, где они выполняли самые разнообразные функции. Самые ранние упоминания об элевсинских иеропеях относятся к 500 г. до н.э. — этим годом датируется надпись, гласящая, что иеропеи в Элевсине приносили жертвы разным богам (IG I^3. 5). Согласно надписи ок. 422 г. до н.э., они были ответственными за получение начатков урожая (ἀπαρχαί) от разных полисов и демов (IG I^3. 78a. l. 16-21), отвечали вместе с архитектором за постройку трех зернохранилищ (l. 10-12) и должны были часть зерна принести в жертву богиням (l. 40-42). По всей видимости, иеропеи продавали зерно от апархэ и оставшуюся после необходимых затрат сумму передавали эпистатам и казначеям богинь, распоряжавшимся элевсинской казной. Так, согласно декрету того же времени, элевсинские иеропеи передавали эпистатам деньги, полученные от продажи апархэ (ἀργύριον ἀπὸ τοῦ σίτο τῆς ἀπαρχῆς τοῖν θεοῖν) — или то, что от них осталось после необходимых трат, поскольку передаваемые суммы были небольшими (в одном случае, 6 драхм, в другом 31 драхма) (IG II^2. 311). Надпись, датируемая веком позже (329/8 г. до н.э.), гласит, что эпистаты и казначеи двух богинь выдавали иеропеям зерно εἰς τὸν πελανόν (жертвенный пирог), скот для жертвоприношений и денежные средства для воскурений (IG II^2. 1672. l. 280-300). Некоторые исследователи на основании сравнения этих надписей делают вывод, что финансовые полномочия иеропеев к концу IV в. до н.э. были урезаны и полностью переданы эпистатам и казначеям богинь, а их функции были ограничены только совершением жертвоприношений[16]; однако у нас слишком мало источников, чтобы утверждать это наверняка.

Элевсинские иеропеи распоряжались τοῦ δὲ hιεροῦ ἀργυρίο τῆς ἀπαρχῆς («священные деньги, полученные от апархэ») в городе, вероятно, во время подготовки элевсинского праздника: ἐμ πόλει· τὸ δὲ ἀργύριον τὸς hιεροπιὸς τὸ τοῖν θεοῖν ἐμ πόλει ταμιεύσθαι — «в городе: деньгами богинь в городе распоряжаться иеропеям» (IG I^2. 6 C, 400 г. до н.э., l. 32, 36-38)[17].

В надписях также сохранились сведения о том, что в Элевсине были «иеропеи от Совета» (ἐγ βουλῆς). Надпись 341/340 г. до н.э. чествует 10 элевсинских иеропеев (τοὺς ἱεροποιοὺς τοὺς τὰ μυστήρια ἱεροποιήσαντας Ἐλευσῖνι) от филы Эгеида, выполнявших свои функции во время дежурства притании, т.е. бывших членами Совета (IG II^2. 1749. l. 80-84). Вышеупомянутая надпись 329/8 г. до н.э. фиксирует нормы выдачи иеропеям от Совета зерна, скота для жертвоприношений и денежных средств для воскурений (IG II^2. 1672, l. 280-300). Исходя из этих надписей, П. Фукар считает элевсинских иеропеев представителями Совета на мистериях[18]. Р. Гарланд справедливо задается вопросом (оставшимся, правда, без ответа) — всегда ли иеропеи Элевсина выбирались из Совета[19]? Впервые мы встречаем упоминание о них в надписи 341/40 г. до н.э., до этого элевсинские иеропеи именовались ἱεροποιοί Ἐλευσῖνι или Ἐλευσινόθεν; вопрос об идентификации этих иеропеев вызвал оживленную дискуссию в конце XIX в.; мы склоняемся к

παρὰ [ἱεροποιῶ]ν…[ἐκ τῆς θυσ]ίας τῆι Ἀγαθῆι Τύχη[ι παρὰ] [ἱεροποιῶν]… [ἐξ Ἐλε]υσινίων παρ᾽ ἱεροποιῶ[ν…[ἐχ Θησ]έων παρὰ [ἱεροποι]ῶν.

16 Ziehen 1896, 220, 222-223; Garland 1984, 118.

17 Публикацию этой надписи с комментариями см. Clinton 1974, 10-12.

18 Foucart 1914, 241.

19 Garland 1984, 117-118.

мнению Л. Цихена, согласно которому ἱεροποιοὶ ἐγ βουλῆς просто пришли на смену ἱεροποιοὶ Ἐλευσινόθεν[20], вероятно, в связи с выросшим престижем элевсинского праздника, в котором было задействовано большое количество высших должностных лиц начиная от архонта-басилевса. Впрочем, определенного ответа на этот вопрос пока дать невозможно в связи с тем, что сведений о иеропеях Элевсина сохранилось не так много.

Иеропеи были не только в «полисных» культах, но и в других административных и культовых объединениях, например, в демах и в сообществах оргеонов[21]. Так, надпись 460 г. до н.э. упоминает иеропеев рядом с демархами, вероятно, в процедуре раздела мяса после жертвоприношения (надпись плохо сохранилась) (IG I^3. 244). В надписи 450-440 гг. до н.э., которая фактически является финансовым отчетом храма Немесиды дема Рамнунт, говорится, что при демархе Демофане от иеропеев была получена определенная денежная сумма, вероятно, от продажи шкур или мяса ἐπὶ Δημοφάνος δημάρχο παρὰ ἱεροποιοῖς κεφάλαιον (IG I^3. 248. l. 32-34). Надпись 325/4 г. до н.э. чествует иеропеев храма Гебы в деме Эксона, которые в «святилище Гебы справедливо и ревностно заботились о жертвоприношении Гебе и другим богам, которым им следовало приносить жертвы, и дали отчет о своей деятельности» — ἱεροποιοὶ εἰς τὸ τῆς Ἥβης ἱερὸν δικαίως καὶ φιλοτίμως ἐπεμελήθησαν τῆς θυσίας τῆι Ἥβηι καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς οἷς ἔδει αὐτοὺς θῦσαι καὶ λόγον καὶ εὐθύνας δεδώκασιν (IG II^2. 1199. l. 2-7). В надписи ок. 335-330 гг. до н.э. из того же дема говорится о сдаче в аренду пастбища ἐννόμιον, и рядом с демархами упомянуты иеропеи, что позволило исследователям сделать вывод о том, что речь идет о священном участке[22]. В некоем объединении оргеонов иеропеи заботились о проведении шествия и разделе мяса, за что были удостоены почетной надписи (IG II^2. 1255. 325/4 г. до н.э.). Иеропеи оргеонов Бендиды, согласно надписи сер. IV в. до н.э., получали от членов сообщества деньги на жертвы: διδόναι δὲ [τοῖς ἱ]εροποιοῖς εἰς τὴν θυσίαν δύο δραχμὰς ἕκαστον τῶν ὀργεώνων — «каждому оргеону дать иеропам на жертвоприношения 2 драхмы» (IG II^2. 1361. l. 17–18).

Таким образом, иеропеи активно участвовали в подготовке религиозных праздников, в том числе праздников, связанных со спортивными и музыкально-драматическими состязаниями. В конце IV в. до н.э. Деметрий Фалерский сделал организаторами музыкально-драматических агонов агонофетов[23]; исходя из этого, Смит заключает, что организация праздников выходит из-под контроля иеропеев[24]. Однако агонофеты заменили не иеропеев, а хорегов, занимавшихся устройством театральных агонов со времени Клисфена[25]; в обязанность иеропеев на праздниках входило, в первую очередь, устройство праздничных процессий и соблюдение порядка в ходе их проведения. Эти функции у них, безусловно, остаются. Правда, после IV в. до н.э. иеропеи редко встречаются в надписях — кроме уже упомянутой надписи 129/128 г. до н.э. мы видим их лишь в надписях IG II^2

[20] Ziehen 1896, 220-222.
[21] Ср. Oehler 1914, 1586-1587.
[22] Haussoulier 1884, 87-88; Georgoudi 2005, 33.
[23] По всей вероятности, это произошло в 309 г. — см. Бондарь 2009, 61-63.
[24] Smith 1968, 8-9.
[25] Бондарь 2009, 61.

1937, 157/6 г. до н.э. и IG II^2 1938, 150 г. до н.э., где перечисляются имена соответственно 15 и 61 иеропеев.

Итак, мы видим, что в Афинах иеропеи были избираемыми должностными лицами, осуществлявшими попечение над административными делами храмов и культовых объединений. Они могли избираться на год или для проведения каких-то единичных мероприятий — например, Ойлер разделяет годичных иеропеев и иеропеев для проведения праздников[26], — однако последнее не зафиксировано подробно в источниках, и мы не можем точно сказать, избирались ли такие иеропеи непосредственно перед самим мероприятием или все-таки, как и положено, в начале года, то есть фактически являлись теми же годичными иеропеями. Функции их были разнообразны: они готовили торжественные процессии и жертвоприношения, надзирали за порядком во время праздников, закупали жертвенных животных и руководили разделом мяса после жертвоприношений, продавали шкуры или сдавали их в сокровищницу Афины. Иеропеи могли быть не только в храмах, но и в важнейших государственных органах, таких как Совет или Народное собрание; в таком случае они руководили всеми действиями, связанными с жертвоприношениями за Совет или народ. Иеропеи обычно избирались коллегиями в несколько человек, что отражало основополагающий афинский принцип взаимного контроля. В конце срока службы иеропеи давали отчет о своей деятельности. Георгуди, ссылаясь на свидетельство Демосфена об избрании иеропеем Мидия, полагает, что иеропеями избирались люди состоятельные[27]. Возможно, что в некоторых случаях так оно и было. Однако, как мы видели, иеропеям казначеями выделялась определенная сумма денег для жертвоприношений; некоторые иеропеи могли получать заработную плату, все иеропеи получали определенную долю от жертвенного мяса. Поэтому мы считаем, что быть избранным иеропеем в принципе мог быть любой гражданин.

Иеропеи были и в других греческих полисах, однако их значение могло различаться. Особенно отличались от других делосские иеропеи в эпоху независимости Делоса (314-167 гг. до н.э.); фактически они вместе с архонтами являлись высшими административными лицами полиса: в надписях, посвященных сакральным делам, имена иеропеев часто стоят рядом с именами архонтов (ID 396. 399. 421. 455; IG XI. 2 132. 133. 134 etc.). Такое положение делосских иеропеев нетрудно объяснить той ролью, которая была отведена культу на этом острове Аполлона; под их надзором находились все дела полиса, связанные с культом[28]. Исследователи предполагают, что иеропеи Делоса были ежегодно избиравшейся комиссией, состоявшей из четырех человек: число четыре, соответствующее числу делосских фил, было столь же характерно для делосских магистратур, как число десять в Афинах[29]. Правда, в полном составе они упомянуты лишь несколько раз; обычно в надписях мы встречаем двух иеропеев, из чего Т. Гомолль заключает, что они были разделены на две комиссии, состоявшие каждая из двух человек и выпол-

[26] Oehler 1914, 1583.

[27] Georgoudi 2005, 32.

[28] Georgoudi 34-35; Vial 1984, 216-232; Chankowski 1998, 232-238. Основным культом на Делосе, как известно, был культ Аполлона, однако иеропеи были не только «администраторами Аполлона» (как их называет Г. Рэжер — Reger 1992, 324): их деятельность зафиксирована и в других храмах, в частности, в Артемисии (ID 354, 368).

[29] Homolle 1886, 473-474, Oehler 1914, 1587.

нявшие разные обязанности — первая занималась исключительно сакральными делами, вторая административными[30]. Об их деятельности мы можем судить по длинной серии надписей, зафиксировавших их разнообразные функции. Так же, как в других полисах, делосские иеропеи заботились об организации праздников — ἐλάβομεν δὲ καὶ παρὰ τῶν ταμιῶν εἰς ἆθλα...· ταύτας κατηθλήσαμεν μετὰ τοῦ ἄρχοντος καὶ τοῦ γυμνασιάρχου — «взяли у казначеев деньги на игры..., которые мы устраивали вместе с архонтом и гимнасиархом» (ID 440 A. l. 55). О некоторых других их функциях мы узнаем из отчета иеропеев, датируемого 278 г. до н.э.: иеропеи следили за сдачей в аренду священных земель и взиманием ренты с зерновых полей (ἐνηρόσια) и арендной платы с другого недвижимого имущества (ἐνοίκια) (IG XI. 2. 161. l. 6-25), взимали проценты (l. 28-35), наблюдали за строительными работами, касающимися сакральных объектов (l.44-82) и за украшением храмов (l.89-123), выплачивали заработную плату лицам, связанным с культовым служением (l.83-88). Иеропеи могли сдавать в аренду священные участки ἐμισθῶσαμεν δὲ καὶ τὰ τεμένη τὰ τοῦ θεοῦ εἰς ἔτη δέκα κατὰ τὴν ἱερὰν συγγραφήν — «мы сдавали в аренду и земли бога на 10 лет согласно божественному установлению» (IG XI,2. 287, l. 142-143) и дома, принадлежавшие храмам ἐμισθώσ[α]μεν δὲ καὶ [τὰς] ἱ[ε]ρὰς οἰκίας (ID 400, 1. 1). Они же следили за своевременной выплатой арендной платы и вносили ее в священную казну εἰσφέρειν δὲ τοὺς ἱεροποιοὺς …εἰς [τὴ]ν κ[ιβω]τὸν [τὸ μίσ]θωμα ἅπαν τὸ γινόμενον τῶι θεῶι — «иеропеям вносить... в священную кассу всю арендную плату, причитающуюся богу» (ID 503. l. 29-30, ок. 300 г. до н.э.); процитированная надпись регулирует взаимоотношения между иеропеями и арендаторами и их поручителями. Согласно ряду надписей, делосские иеропеи нередко давали деньги взаймы из священной казны под залог недвижимого имущества[31].

Делосские иеропеи отвечали за все материальное имущество храмов, принимая его при вступлении в должность и давая отчет при передаче должности своим преемникам — примером такого отчета может служить надпись 179 г. до н.э., которая начинается словами τόδε παρελάβομεν ἀργύριον ἐν τῶι ναῶι τοῦ Ἀπόλλωνος ἐν τεῖ κιβωτῶι τεῖ ἱερᾶι, παρούσης βουλῆς καὶ τοῦ ἄρχοντος τοῦ τῆς πόλεως… παρ′ ἱεροποιῶν… — «мы приняли деньги в святилище Аполлона в священной кассе святилища, в присутствии Совета и архонта города… от иеропеев…» (ID 442A. l. 2-3). Далее идет подробное описание финансового и имущественного состояния храма Аполлона с указанием, когда какой вклад поступил. Мы узнаем, что в храме, помимо иеропеев, были казначеи (ταμίαι); тем не менее, материальная ответственность лежала именно на иеропеях (по всей видимости, казначеи исполняли функции хранителей денег и «кассиров»). Помимо храмовой сокровищницы, делосские иеропеи несли ответственность за городскую казну,

[30] Homolle 1890, 417-419.

[31] IG XI, 2. 287, l. 126-128: καὶ τόδε ἄλλο ἀργύριον ἐδα[νεί]σαμεν τοῦ ἱεροῦ· Αὐτοκλεῖ Τελέσωνος μηνὸς Ἀρησιῶνος δραχμὰς ΗΗΗΗ ἐπὶ ὑποθήκει τεῖ οἰκίαι «и другие деньги мы дали в долг из святилища: Автоклу сыну Телесона в месяц Аресион 400 драхм под залог дома»; ID 290. l. 134-135: ἐδανείσαμεν δὲ καὶ Τελέσωνι τῶι Αὐτοκλέους δραχμὰς ΗΗ τοῦ ἱεροῦ ἀ[ργυρίου τόκου ἐπιδεκ]άτου ἐπὶ ὑποθήκηι τῶι κήπωι — «мы дали в долг и Телесону сыну Автокла 200 драхм из священных денег, на условиях десятой части процентов, под залог сада» (см. ткж. ID 298A l. 184-195, ID 320B l. 80-97 etc.). О займах на Делосе из священных денег Аполлона под залог имущества см. Reger 1992, 322-341.

хранившуюся в храме Аполлона — об этом мы узнаем из надписи 192 г. до н.э., в которой сказано, что новые иеропеи «приняли и другие, народные, деньги в другой казне» — καὶ τόδε ἄλλο ἀργύριον παρελάβομεν ἐν τῆι ἄλληι κιβωτῶι δημόσιον (ID 399. l. 35-36)[32].

Несмотря на большие полномочия, предоставленные делосским иеропеям в отношении сакральных денег, они не могли распоряжаться ими бесконтрольно: верховный контроль над расходами принадлежал Народному собранию, которое должно было утверждать все расходы, производимые иеропеями[33]. Исследователи выделяют два вида расходов: τάδε ἀνήλωται εἰς τὰ κατὰ μῆνα и τάδε ἀνήλωται εἰς τὰ κατὰ νόμους καὶ ψηφίσματα, отмечая, что первый вид подразумевал текущие траты, не требовавшие специального утверждения, второй же вид расходов должен был утверждаться Народным собранием, которое издавало декрет об одобрении этих расходов[34].

Довольно большое количество надписей, в которых упоминаются иеропеи, сохранилось на Косе. Здесь заметно активное сотрудничество иеропеев с другими гражданскими и культовыми магистратами острова — такими как ἱερεύς, ἱεροφύλακες, ταμίαι, ἀρχεύοντες, προστάται, κάρυκες, γερεαφόρος, βασιλέων, μόναρχος (архонт-эпоним, появившийся в эллинистическую эпоху). Иеропеи занимались устроением праздников, отбирали и покупали скот, участвовали в разделе жертвенного мяса (HGK 1, ок. 360 г. до н.э.[35], HGK 15, III в. до н.э. etc.), иногда приносили жертвы вместе со жрецом — ὅ τε ἱερεὺς καὶ τοὶ ἱεροποιοὶ συντελῶντι τὰς θυσίας κατὰ τὰν ἱερὰν διαγραφάν — «жрец и иеропеи приносят жертвы согласно священному предписанию» (Paton-Hicks 383. 14-150, III в. до н.э.) и самостоятельно в особо важных случаях τοὶ ταμίαι διδόντω ἐς τὰς θυσίας ὑπὲρ τᾶς πόλιος τοῖς ἱεροποιοῖς… δραχμὰς χιλίας πεντακοσίας — «пусть казначеи дадут на жертвы за полис иеропеям... тысячу пятьсот драхм» (HGK 15, 5). Они же участвовали в решении финансовых вопросов в случае продажи священной собственности: так, при покупке полисом пастбищных земель, принадлежавших святилищу Асклепия, иеропеи получали деньги и вносили их в храмовую казну: τὰν δὲ τιμὰν ἀποφερόντω τοὶ ἱεροποιοὶ παραχρῆμα ἐς τὸν θησαυρόν (HGK 14 b1 7-8, 300-250 г. до н.э.); при этом нужно отметить наличие в святилище и других магистратов — казначеев, иерофилаков и простатов, которые также занимались административными и финансовыми делами святилища. Мы бы сравнили роль иеропеев на Косе с той ролью, которую эти магистраты играли в Элевсине: при наличии большого количества других культовых должностных лиц они выполняли функции, которые иногда могли дублироваться другими магистратами, при этом сохраняя руководящие позиции в делах, связанных с культом. Вряд ли можно согласиться с Д. Р. Смитом, который считает, что косские иеропеи были полностью подчинены жрецам[36]. В подтверждение нашего мнения заметим, что иеропеи часто упоминаются рядом с μόναρχος: [ὁ] μόναρχος [καὶ τοὶ ἱεροποιοὶ θυσάντω] [τῶι θεῶι (Inscr. di Cos. ED 58, 11-12, II в. до н.э.), τὸς

[32] Ср. Georgoudi 2005, 35.
[33] Vial 1984, 143-146; Chankowski 1998, 232.
[34] Chankowski 1998, 232.
[35] Подробный анализ этой надписи см. Smith 1973, 39-42.
[36] Smith 1973, 46.

δὲ πρ[οστάτας πομπεῦσαι] [ἐ]κ τοῦ πρυτανείου μετά τε [τοῦ μονάρχου καὶ ἱεροπο][ι]ῶν καὶ πάντων τῶν ἱαρέων — «простатам выступить в процессии из пританея с монархом, иеропеями и всеми жрецами» (Inscr. di Cos. ED 5. l. 7-9, ок. 188 г. до н.э.), что свидетельствует об авторитете этой магистратуры. При появлении монарха и иеропеев лицом второго плана становился скорее жрец, о чем свидетельствует следующая выдержка из надписи: ὁ ἱερεὺς ἐπὶ πᾶσαν τὰν θυσίαν ἂν θύει τῶι Ἑρμαιεῖ ὁ μόναρχος καὶ τοὶ ἱεροποιοὶ συμπομπευέτω — «пусть жрец участвует во всяком жертвоприношении, которые приносят Гермесу монарх и иеропеи» (Inscr. di Cos. ED 145. l. 18-20, II в. до н.э.). Свидетельства об иеропеях сохранились и в других областях греческого мира. Так, согласно надписи конца III в. до н.э. с кикладского острова Кеоса, иеропеи храма Аполлона получали деньги (деньги и проценты от должников, бравших взаймы) от казначеев для ремонта святилищ и жертвоприношений — παραδόντων δὲ τὰ χρήμα]τα καὶ τοὺς τόκους οἱ ταμίαι τοῖς ἱερο[ποιοῖς τοῖς ἐνεστῶσι πρὸς τὴν ἐπισ]κευὴν τῶν ἱερῶγ καὶ τὴν θυσίαγ (IG XII,5. 595, l. 12-13). В надписи с Лемноса (I в. до н.э.) иеропеи, избранные в храм Кабиры, οἱ ἱε[ρ]οποιοὶ οἱ χειροτονηθέντες εἰς τὸ Καβείριον чествуются за то, что «хорошо приносили жертвы богам за Совет и народ» ἔθυσαν ὑπέρ τε [τῆς] βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τοῖς θεοῖς καλῶς καὶ [ἀ]γαθ[ῶς] и «заботились о жертвоприношении и других святынях по отеческим заветам» ἐπεμελήθησαν δὲ καὶ τῆς θυσιάς καὶ τῶν ἄλλων ἱερῶν καθ᾽ ὅτι πάτριόν ἐστιν (ASAtene 1941/42:83,6, l. 4-8). В надписи с Эвбеи конца IV — нач. III в. до н.э. говорится, что иеропеи заботились о процессии и жертвах на празднике в честь Асклепия (IG XII. 9. 194). Из надписи с Иоса IV в. до н.э. узнаем, что в обязанности иеропеев входило распределение частей жертвоприношения (IG XII. 5. 2). Надпись с Теноса представляет краткие отчеты иеропеев, составлявшиеся в течение нескольких лет, где говорится, сколько денег они передали своим преемникам (как видим, хранителями и счетчиками денег были казначеи) ὅσα γ[ράφει χρήματα ὁ τοῦ δήμου ταμίας ἐν τῶι Ποσει][δωνί]ωι, τάδε [παρεδώκαμεν... τοῖς μεθ᾽ ἑ][αυτο]ὺς ἱερο[ποιοῖς] — «сколько записал денег казначей народа в храме Посейдона, столько передали… следующим за нами иеропеям» (IG XII. 5. 878).

Довольно много надписей, зафиксировавших коллегии иеропеев, дошло с Родоса — к сожалению, информация о их деятельности довольно скудная (Tit. Cam. 14. 19. 21. 25 etc.). Пожалуй, лишь одна надпись может показать функции родосских иеропеев — согласно надписи 20 гг. IV в. до н.э. из Камира, иеропеи обязаны были созывать μαστροί, родосских магистратов, в храм Афины для инспектирования камирских святилищ τοῦτοι (μαστροί) δὲ συνλεγέσθων ἐν Καμίρωι εἰς τὸ ἱερὸν τᾶς Ἀθαναίας, ὅκκα τοὶ ἱεροποιοὶ παραγγέλ[λ]ωντι, καὶ ἀθρεόντω τὰ ἱερὰ τὰ Καμιρέων (Tit. Cam. 109. 16-18), что свидетельствует о руководящей роли иеропеев в религиозной жизни Родоса[37]. Интересная подробность, сохранившаяся в родосских надписях — иеропеи могли ездить в другие полисы в качестве «священных послов», вероятно, на какие-то большие праздники: например, о некоем родоссце из г. Камир говорится, то он, в частности, ἀποσταλέντος ἱεροποιοῦ εἰς Ἴμβρον καὶ εἰς Λῆμνον καὶ Διδυμεῖον — «был послан иеропеем на Имброс, Лемнос и в Дидимы» (Tit. Cam. 78.13-14, I в. до н.э.);

[37] ср. Smith 1968, 52-53.

о другом — что он ἀποσταλέντος ἱεροποιοῦ εἰς Σαμοθράικαν καὶ εἰς Λῆμνον καὶ Διδυμεῖον — «был послан иеропеем на Самофракию, Лемнос и в Дидимы» (IG XII.1. 701. 13-14, I в. до н.э.)[38].

Итак, можно заключить, что иеропеи были избиравшимися (на год или на какой-то промежуток времени для проведения определенного мероприятия) лицами храмовой администрации, занимавшимися организационными и финансовыми делами святилища. Они устраивали праздники и процессии, отбирали скот для жертв, делили и распределяли жертвенное мясо, занимались хозяйственными вопросами ремонта святилищ и снабжения их всем необходимым. Часто в их ведении находилось недвижимое храмовое имущество, а именно земли и дома, которые они имели право сдавать в аренду. В некоторых регионах во время своего управления иеропеи распоряжались всеми финансами святилища. Иеропеи имели право также приносить жертвы, которые, как правило, были связаны с какими-то праздниками или экстраординарными событиями; в данном случае они никак не заменяли жреца, выполнявшего литургические функции на протяжении всего срока своей службы. Иеропеи всегда действовали коллегиально, по причинам, связанным как с трудоемкостью их работ, так и с характерными для греческого общества правилами взаимного контроля, поскольку их работа была связана с большими финансовыми затратами. По истечении срока своих полномочий иеропеи обязаны были дать отчет о своей деятельности и, в случае несения материальной ответственности, передать эту ответственность своим преемникам.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарь Л.Д. 2009: Афинские литургии V-IV вв. до н.э. СПб.

Chankowski V. 1998: Le compte des hiéropes de 174 et l'administration du sanctuaire d'Apollon à la fin de l'Indépendance délienne // BCH. 122, 213-238.

Clinton K. 1974: The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia.

Foucart P. 1914: Les mystères d'Éleusis. P.

Garland R. 1984: Religious Authority in Archaic and Classical Athens // Annual of the British School at Athens. 79, 75–123.

Georgoudi S. 2005: Magistrats, fonctionnaires, agents au service des dieux // Thesaurus cultus et rituum antiquorum. V. Los Angeles, 31-60.

Hansen M.H. 1980: Seven Hundred Archai in Classical Athens // GRBS. 21, 151-173.

Hansen M.H. 2010: The Concepts of Demos, Ekklesia and Dikasterion in Classical Athens // GRBS. 50, 499-536

Haussoullier B. 1884: La vie municipale en Attique: essai sur l'organisation des dèmes au quatrième siècle. P.

Homolle Th. 1886: Inventaires des temples déliens en l'année 364 // BCH. 10, 461-475.

Homolle Th. 1890: Comptes et inventaires des temples déliens en l'année 279 // BCH. 14, 381-511.

Linders T. 1975: The Treasure of the Other Gods in Athens and their Functions. Meisenheim.

Meiggs R., Lewis D. 1969: A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of Fifth Century BC. Oxford.

[38] Известен единственный случай священного посольства афинских иеропеев на Лемнос в 74/5 г. до н.э. (Smith 1968, 26).

Oehler J. 1914: Ἱεροποιοί // RE. 1583-1588.

Reger G. 1992: Private Property and Private Loans on Independent Delos (314-167 B.C.) // Phoenix. 4, 322-341.

Samons L. J. 2000: Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance. Stuttgart.

Smith D. R. 1968: The Functions and Origins of Hieropoioi. Philadelphia. PhD.

Smith D. R. 1973: The Hieropoioi on Kos // Numen. 20. 1, 38-47.

Vial C. 1984: Délos indépendante (314-167 av. J.-C.). Étude d'une communauté civique et de ses institutions. Athènes; P.

Ziehen L. 1896: Die panathenäischen und eleusinischen ἱεροποιοί // Rheinische Museum für Philologie. 51, 211-225.

THE HIEROPOIOI IN ANCIENT GREECE

V. S. Lenskaya

The paper deals with hieropoioi — officers in ancient Greek temples. They were members of temple administration elected for a year or some other period of time to organize certain events. They dealt with organization and financial affairs of the temples. The paper dwells upon membership and functions of Athenian hieropoioi, and focuses on hieropoioi peculiarities of Delos, Kos, and other islands.

Key words: Ancient Greece, priests, hieropoioi, sacrifice, temples, temple administration

---

© 2012

А. А. Клейменов

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО: НОЧНОЙ ИНЦИДЕНТ ПОД ГАЛИКАРНАССОМ 334 г. до н.э

В статье анализируются сведения античных авторов об осуществлении двумя подвыпившими молодыми солдатами из таксиса Пердикки самовольной ночной атаки при осаде Галикарнасса Александром Македонским осенью 334 г. до н. э. По мнению автора, эти сведения следует расценивать как достоверные. Являясь представителями македонской армии, для которой характерно развитое состязательное начало, бойцы устроили не санкционированное командованием соревнование в воинской удали. Причинами этих действий могут выступать злоупотребление алкоголем на фоне психогенного состояния и психологический климат в подразделении — ярко выраженное противостояние между молодыми солдатами и ветеранами Филиппа II.

Ключевые слова: Александр Македонский, Галикарнасс, военный менталитет, психогенное состояние

Клейменов Александр Анатольевич — доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Историко-антропологический подход давно и прочно занял свою нишу в инструментарии военного историка, однако по-настоящему широко его применяют лишь исследователи военных конфликтов Нового и Новейшего времени, в распоряжении которых есть большое количество мемуаров, дневников участников событий, разнообразные архивные документы, фото- и киноматериалы. Число работ, рассматривающих военные системы древности с позиций исторической антропологии, пока невелико[1]. Во многом это связано с узостью источниковой базы, имеющейся в распоряжении современного исследователя античного военного дела. Вместе с тем полноценное изучение военных конфликтов древности уже невозможно без разработки такой категории, как военный менталитет, включающей в себя весь комплекс свойственных представителям конкретного общества мыслительных, поведенческих, моральных установок, связанных с войной как с особой сферой человеческой деятельности[2]. Характеристика военного менталитета представителей древних обществ становится возможной лишь при рассмотрении под новым углом той информации из сочинений античных авторов, которая в большинстве случаев воспринимается специалистами как курьезная или незначительная. Сведения подобного рода обладают большой ценностью для выявления «окопной правды» вооруженных конфликтов древности, отношения представителей той или иной армии к происходившим событиям, моделей поведения, распространенных в военной среде.

Эпизод, на котором хотелось бы заострить внимание в данной статье, произошел осенью 334 г. до н. э., т. е. в самом начале Восточного похода Александра Македонского. Захват Галикарнасса был необходим продвигающемуся по Малой Азии завоевателю для установления контроля над побережьем Ионии. Галикарнасс являлся самым надежно защищенным городом на малоазийском побережье, укрепления которого состояли из общегородских стен и трех отдельных цитаделей[3]. Возглавил оборону Галикарнасса Мемнон Родосский, считавшийся в античной традиции лучшим полководцем Дария III[4]. Во время двухмесячных боев под стенами этого города, проходивших с переменным успехом при больших потерях с обеих сторон, и произошел инцидент, анализ которого позволяет по-новому взглянуть на психологию личного состава македонской армии.

Арриан, описав отбитую воинами Александра ночную вылазку осажденных, сообщает, что два македонских гоплита (δύο τῶν Μακεδόνων ὁπλῖται) из таксиса Пердикки, выпивая вместе (ἅμα ξυμπίνοντες αὐτόν), всячески превозносили себя и свои подвиги. Подогреваемые вином и честолюбием, они вооружились и полезли на стену акрополя со стороны Миласс, стремясь скорее блеснуть своей доблестью, чем ввязываться в опасную схватку с врагами. Защитники города увидели двух человек, безрассудно устремившихся на стену, и побежали на них. Македоняне убили тех, кто подошел близко, а в остановившихся дальше стали метать дротики. Однако на стороне противника было и численное превосходство, и выгодное расположение: галикарнассцы сбегали и бросали дротики сверху. Вскоре подоспел еще кое-кто из воинов Пердикки. Перед стеной завязалась жаркая

[1] Махлаюк 2006, 18–23.
[2] Сенявская 2000, 10–12.
[3] Freely 2010, 60.
[4] Гафуров, Цибукидис 1980, 126–127.

схватка, в ходе которой македоняне отбросили вышедшего за ворота неприятеля и чуть было не захватили город. Арриан сообщает, что стены в то время охранялись не очень строго, две башни и простенок между ними обрушились до основания, что могло открыть путь в город вступившему в бой войску. Третья башня была разбита и сразу бы рухнула при подкопе, однако галикарнассцы сумели вместо рухнувшей стены построить другую, кирпичную, в форме полумесяца (Arr. Anab. I. 21. 1–4).

Диодор частично подтверждает и дополняет эти сведения. Данный автор после рассказа о ночной вылазке осажденных указывает, что были разрушены до основания две башни и рухнули два простенка. Какие-то солдаты Пердикки, напившись (μεθυσθέντες), ночью бездумно полезли на стены акрополя Галикарнасса. Мемнон и его помощники, понимая неопытность (τὴν ἀπειρίαν) атакующих, выступили с превосходящим по силе отрядом, отогнали врага, нанеся ему большие потери. Узнав о случившемся, многие македоняне пришли на помощь атакующим. Разгорелся жестокий бой, в итоге которого персы отступили и заперлись в городе. Александр вынужден был через глашатаев просить осажденных выдать для похорон тела соратников, павших за стенами. Мемнон, несмотря на возражения Эфиальта и Фрасибула, удовлетворил просьбу Александра (Diod. XVII. 25. 5).

Итак, перед нами два относительно подробных рассказа об одном и том же инциденте, произошедшем во время осады Галикарнасса. По мнению Р. Милнса, рассказ Птолемея о данных событиях, переданный Аррианом, мало достоверен, так как царь Египта пытался выставить своего врага Пердикку в неприглядном свете[5]. Этот вывод следует признать ошибочным, так как о «пьяной атаке» воинов из таксиса Пердикки сообщает не только Арриан, но и Диодор, один из авторов критического направления. Как справедливо отмечает У. Тарн, в данном случае Арриан и Диодор сходятся в описании фактических событий, но первый описывает их с точки зрения осаждающих, используя как источник сочинение Птолемея, а второй излагает с позиции осажденных, прибегая, как полагает исследователь, к утраченным «Мемуарам наемника»[6]. В литературе выдвигалось много аргументов как в поддержку, так и против концепции У. Тарна о наличии последнего первоисточника[7], однако представляется очевидным, что в данном конкретном случае сведения Диодора восходят к источнику, превосходно информированному о решениях и действиях персидской стороны.

Могли ли оба античных автора приводить не соответствовавшие действительности сведения? По мнению В. Хеккеля, события в данном случае представлены в искаженном виде, так как древние историки, подчеркивая принадлежность участников «пьяной атаки» к таксису Пердикки, возлагали вину за инцидент на этого военачальника, а не на Александра[8]. С этим сложно согласиться, так как при анализе сообщения Диодора сложно заподозрить этого автора в наличии какого-либо желания выгородить Александра. Напомним, что заканчивая рассказ о последствиях ночной атаки, историк сообщает о направленной к осажденным просьбе Александра выдать тела павших. В греческой военной традиции просьба

[5] Milns 1969, 63.
[6] Tarn 1948, 73
[7] Маринович 1993, 35–36.
[8] Heckel 1992, 126.

выдать тела убитых соратников однозначно оценивалась как признание поражения в бою[9]. Диодор, использующий данные проперсидского источника и заостряющий внимание на формальном признаке поражения Александра, был далек от стремления переложить вину за случившееся с царя на одного из македонских командиров.

К. Навотка, признавая достоверность самого факта ночного сражения с участием пьяных воинов, считает неправдоподобными сведения античных авторов о начале рассматриваемого инцидента, предполагая, что бой разгорелся по инициативе осажденных, которые сделали вылазку, но были замечены пьяными македонянами, поднявшими тревогу[10]. В данном случае исследователь, необоснованно отметая данные обоих древних историков, не вполне корректно использует метод сравнительного анализа, проводя аналогии с предшествующими и последующими сражениями у стен Галикарнасса. Имеются в виду военные столкновения, которые были начаты по инициативе осажденных, пытавшихся посредством дерзких вылазок сорвать осадные работы македонской стороны.

Существуют более убедительные варианты реконструкции интересующих нас событий. По мнению Дж. Эшли, опирающегося преимущественно на сведения Арриана, два пьяных македонянина напали на противника со стороны Миласской дороги, где обороняющиеся спешно возводили новую стену. Два воина были моментально убиты защитниками города, которые начали затем обстреливать осаждающих. И Пердикка, и Мемнон отправили подкрепления к стене. В разгоревшемся сражении македоняне одержали верх и вынудили противника отойти в город. Автор полагает, что Александр не в полной мере использовал преимущества, полученные в ходе незапланированного сражения на Миласской дороге, упустив возможность захватить городские стены, оставшиеся на некоторый срок без охраны[11]. А. Б. Босворт также считает сообщение о пьяных бойцах из полка Пердикки соответствующим действительности, указывая в качестве объекта их атаки разрушенный участок городской стены. Однако этот исследователь определяет завязавшийся бой как неудачный для македонской стороны, сумевшей лишь ценой больших потерь оттеснить обороняющихся в город и вынужденной впоследствии просить у противника разрешения забрать тела павших. Босворт замечает, что рассказ Арриана о данных событиях невнятен, так как данный античный автор сосредотачивается на македонских успехах и изображает осаду как череду легких побед[12].

Сложно отдать предпочтение одному из двух вариантов реконструкции исследуемого события. Как бы то ни было, сведения древних авторов следует признать достоверными. Обратим внимание на весьма любопытное замечание, имеющееся в сочинении Диодора. Речь идет об очевидной для Мемнона неопытности участников «пьяной атаки». Иными словами, защитники Галикарнасса имели дело с достаточно молодыми солдатами противника, что наталкивает на определенные выводы.

Античные авторы дают, казалось бы, противоречивую характеристику возрас-

[9] Krentz 2002, 32–33; Lee 2006, 485.
[10] Nawotka 2010, 141.
[11] Ashley 1998, 207.
[12] Bosworth 1988, 48.

та и опыта личного состава армии Александра. Юстин, говоря об армии, с которой македонский царь начал вторжение в Азию, сообщает, что Александр взял с собой не сильных юношей, не людей цветущего возраста, а ветеранов (*veteranos*), в основном уже отслуживших свой срок под командованием его отца и дядей. Можно было подумать, что это не воины, а отборные учителя военного дела (*magistros militiae electos*) (XI. 6. 4–5). Конечно, эпитомы Юстина следует оценивать как один из самых ненадежных источников[13], однако в данном случае у нас есть все основания доверять этому автору, который, видимо, несколько утрируя, подчеркивает, что в армии Александра было большое количество опытных солдат. Имеющееся противоречие между сообщениями Диодора и Юстина исчезает при обращении к другому фрагменту сочинения первого автора. После описания в целом неудачной для македонян неуправляемой ночной атаки, греческий историк рассказывает о дерзкой вылазке осажденных, задуманной и осуществленной афинянином Эфиальтом, возглавившим отряд из двух тысяч отборных наемников. Как отмечает автор, в развернувшемся сражении перевес был уже на стороне осажденных, когда в бой вступили старики-македоняне (οἱ γὰρ πρεσβύτατοι τῶν Μακεδόνων), ходившие в походы еще с Филиппом. Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, которые стали отступать, «старики-македоняне» с горечью упрекнули их в трусости, составили отряд и, став щитом к щиту, остановили противника (Diod. XVII. 27. 1–2). Курций Руф подтверждает информацию Диодора об активном участии македонских ветеранов в отражении вражеской атаки, вкладывая в уста Клита слова, согласно которым Александр, презирая воинов Филиппа, забывает о том, что если бы старик (senex) Атаррий не остановил молодых, бежавших из сражения, то македоняне сидели бы до сих пор под Галикарнассом (VIII. 1. 36).

Диодор отмечает, что упомянутые «старики-македоняне» были по своему возрасту освобождены от участия в бою (XVII. 27. 1). Сложно принять на веру данную информацию по целому ряду причин. Во-первых, маловероятно, что нонкомбатанты смогли бы быстро вооружиться, построиться в боевой порядок и отразить натиск противника. Во-вторых, вряд ли Александр стал бы брать с собой в азиатскую экспедицию македонян-ветеранов в качестве своеобразного «балласта». Раскрыть истинную картину происходившего позволяет приведенное все тем же Диодором описание диспозиции македонского войска. Греческий историк указывает, что Александр, узнав о вражеской вылазке, расположил впереди македонян, которые всегда сражались в первом ряду, сменой им служили отборные воины (τοὺς ἐπιλέκτους), а в третьем ряду располагались отличившиеся своей исключительной храбростью (ἑτέρους τοὺς ταῖς ἀνδραγαθίαις ὑπεράγοντας) (XVII. 26. 4). В данном случае мы имеем дело с типичным для античной историографии риторическим преувеличением, из-за которого опытные бойцы второй и третьей линии, остановившие противника, превратились в стариков-нонкомбатантов.

В пехоте македонской армии, осаждавшей Галикарнасс, были как опытные, закаленные в боях воины, так и новобранцы. Последние, видимо, вошли в состав войска накануне Восточного похода. Диодор отмечает, что Александр, придя к

[13] Ellis 1994, 16.

власти, постоянно устраивал воинам смотры и маневры, что сделало войско дисциплинированным (XVII. 2. 3). Очевидно, данные мероприятия были направлены, прежде всего, на подготовку молодых воинов, недавно влившихся в состав армии. О наличии молодых солдат в войске Александра в начале Восточного похода свидетельствуют и данные Арриана, согласно которому царь накануне первой зимовки в Азии отправил на побывку к женам в Македонию воинов, женившихся перед самим походом (Anab. I. 24, 1; 29. 4). По предположению А. К. Нефедкина, молодые воины составляли примерно четвертую часть от общего количества македонских пехотинцев[14]. Ветераны и новобранцы служили вместе в каждом из таксисов пехоты, что являлось закономерным следствием территориально-племенного принципа комплектования македонской армии. Как известно, наименования таксисов были связаны с названием тех областей Македонии, откуда происходил личный состав. Диодор, описывая диспозицию македонской армии в битве при Гавгамелах, упоминает о том, что Кен командовал войском элимиотов (τὴν Ἐλιμιῶτιν) Пердикка — таксисом линкестов и орестов (τὴν τῶν Ὀρεστῶν καὶ Λυγκηστῶν τάξιν), под начальством Полиперхонта были тимфеи (Στυμφαίων) (XVII. 57. 2). В случае прибытия в армию пополнений пехотинцы-новобранцы не образовали отдельных соединений, а вливались в состав уже имеющихся таксисов. Так, согласно сообщению Арриана, Александр, встретив в Сузах пополнение, приведенное из Македонии Аминтой, назначил всадников в конницу гетайров, а пехотинцев (τοὺς πεζοὺς) распределил между таксисами (ταῖς τάξεσι) по племенам (κατὰ ἔθνη) (Anab. III. 16. 10–11). В условиях подобного принципа распределения пополнений в одном таксисе оказывались и опытные ветераны, и «зеленые» новобранцы. Интересующий нас таксис Пердикки, два солдата из которого в пьяном виде полезли на стены акрополя Галикарнасса, был укомплектован линкестами и орестами. Происхождение самого Пердикки, сына Оронта, связывают с царским домом Орестиды[15]. Известно, что оресты, жители горных районов на границе Македонии и Эпира, в более раннее время причислялись не к македонским, а к эпирским племенам[16]. Видимо, окончательное включение их земель в состав Македонии произошло лишь в период правления Филиппа II[17]. Линкесты, также служившие в составе таксиса, в предшествующее время более остальных македонских племен были подвержены сепаратистским настроениям и неоднократно при поддержке иллирийцев и пеонов боролись с правителями Нижней Македонии[18]. Таксис орестов и линкестов был создан, судя по всему, еще при Филиппе II, объединившем в один мобилизационный округ две исторические области Македонии[19]. По предположению Н. Хаммонда, все таксисы из Верхней Македонии были сформированы уже к 352 г. до н. э.[20] Несмотря на то, что сам Пердикка занял должность командира таксиса только после воцарения Александра, будучи до этого одним из телохранителей Филиппа[21], не вызывает сомнений

[14] Нефедкин 2007, 62.
[15] Heckel 1992, 123; Tarn 1933, 462; Шофман 1976, 332.
[16] Вершинин 1987, 178.
[17] Greenwalt 2010, 282.
[18] Шофман 1960, 113–114.
[19] Rzepka 2008, 55.
[20] Hammond 1978, 131.
[21] Heckel 1992, 124.

тот факт, что в составе подчиненного ему подразделения были опытные воины, участвовавшие в военных кампаниях предшествующего времени.

Возникает закономерный вопрос: если в составе подразделений македонской пехоты вообще, и в таксисе Пердикки в частности были как молодые бойцы, так и видевшие много сражений ветераны, откуда Мемнон, если верить сообщению Диодора, знал, что во время ночного боя имеет дело с малоопытным противником? Вероятнее всего, наемный военачальник Дария III не знал наверняка о неопытности врага, однако, как человек весьма компетентный в военном деле, смог сделать вывод об участвовавших в ночной атаке воинах, либо исходя из общего контекста происходящего (умудренные в боях ветераны не стали бы поступать столь опрометчиво, бросаясь в практически самоубийственную авантюру), либо посредством наблюдения за действиями македонян в бою. Во всяком случае, греческие военачальники того времени, как предполагают, могли с помощью простого наблюдения за противником оценить уровень его подготовки[22].

Постараемся определить мотивы, подвигнувшие двух молодых македонян совершить самовольную ночную атаку вражеских позиций. Напомним, что, согласно имеющимся данным, они ночью выпивали и превозносили себя и свои подвиги, а затем полезли на стены акрополя, желая блеснуть доблестью. Учитывая характер сложившейся обстановки, можно заключить, что воины стремились продемонстрировать свою храбрость прежде всего друг другу. Иными словами, от хвастовства они перешли к действиям и устроили своеобразное состязание в воинской удали.

Непосредственно перед исследуемым инцидентом два молодых пехотинца из элитного таксиса должны были участвовать в отражении дерзкой ночной вылазки осажденных. Ожесточенное сражение с противником является нелегким испытанием для психики молодого человека. В этом отношении войны эпохи Александра, судя по всему, мало отличалась от вооруженных конфликтов Новейшего времени. Исследования современных военных психологов показывают, что 80–90 % бойцов постоянно испытывают страх во время боя[23]. Вряд ли в IV в. до н. э. дело обстояло иначе. Находясь в крайне непростом психологическом состоянии, два македонских солдата начали употреблять алкоголь, который наиболее часто в истории войн использовался для борьбы с тяжелыми формами психического напряжения, связанного с переживанием страха[24]. Употребление вина было обычным делом в армии Александра и, насколько позволяют судить данные письменной традиции, македонские солдаты имели доступ к вину даже при дефиците прочих, по-настоящему жизненно необходимых продуктов (Curt. VII. 4. 23; 5. 7). Обильные возлияния были частью бытовой культуры македонян, имевших среди греков репутацию пьяниц, употребляющих неразбавленное вино в неумеренном количестве, что считалось характерной чертой «варварского» образа жизни[25]. Как известно, при воздействии алкоголя на измененную «почву» (психопатические отклонения, последствия ранее перенесенных заболеваний и травм) простое алкогольное опьянение может пойти по параноидальному варианту, который ха-

[22] Коннолли 2000, 42.
[23] Агрелль 1970, 248.
[24] Мисюра 1995.
[25] O'Brien 1994, 6.

рактеризуется появлением стремления одержать верх в соперничестве[26]. В современной военной психологии отмечается, что в боевой обстановке под влиянием устрашающих факторов, длительного психического напряжения и физического утомления часто возникают психогенные состояния как патологическая реакция на психические травмы и неблагоприятные ситуации[27]. В частности, в период Великой Отечественной войны около 15 % от общего числа военнослужащих, нуждавшихся в психиатрической помощи, составляли лица в психогенно-реактивном состоянии, при том что 68,8 % военнослужащих той же категории нуждались в лечении в связи с контузией[28]. В ряде случаев психогения является одним из факторов, приводящих к атипичным формам алкогольного опьянения, в том числе и параноидальной[29]. Как мы видим, чтобы злоупотребление алкоголем на фоне психогении как последствия боевого стресса послужило единственной причиной самоубийственного соперничества, должны были сойтись сразу несколько факторов. Возможность этого является незначительной, но вполне реальной, однако представляется, что в интересующем нас эпизоде роковую роль сыграло не злоупотребление алкоголем как таковое.

Любопытно, что во многом схожий с интересующим нас событием эпизод относится уже к римской военной истории и датируется зимой 54 г. до н. э. Как пишет Цезарь, в легионе Квинта Цицерона были два храбрых центуриона — Тит Пулион и Луций Ворен, которые из года в год боролись за повышение, соревнуясь друг с другом. Когда лагерь легиона был осажден галлами, Пулион предложил Ворену окончательно решить давний спор и, выйдя из укрепления, бросился на врагов там, где наблюдалось их скопление. Ворен, опасаясь общественного осуждения, бросился следом. Цезарь указывает, что отважные центурионы-соперники в бою поддерживали и выручали друг друга. Убив немало неприятелей, оба со славой вернулись в лагерь (Caes. B. Gall. V. 44). Определение мотивов поведения этих двух отчаянных бойцов не вызывает больших сложностей. Конечно, большую роль сыграло развитое в римской армии состязательное начало, подогреваемое желанием не уронить воинскую честь, проявить доблесть и получить награду[30]. В данном конкретном случае у состязания был вполне весомый повод. Получение звания старшего центуриона легиона (primus pilus) было желанной кульминацией блестящей и долгой карьеры римского солдата[31]. Оба центуриона, занимая достаточно высокие должности, претендовали на звание *primus pilus* и, чтобы улучшить свою репутацию, совершили храбрый, но малоэффективный с военной точки зрения поступок[32]. Вореном, помимо желания получить высокую должность, двигало стремление защитить свою честь, ответив на публично брошенный вызов[33].

В македонской армии времен Александра также присутствовал развитый дух состязательности между отдельными бойцами и целыми подразделениями, ино-

[26] Альтшулер 2010, 26.
[27] Мисюра 1995.
[28] Лобастов, Спивак 1985, 8.
[29] Альтшулер 2010, 27.
[30] Махлаюк 2006, 313.
[31] Rancov 2007, 40.
[32] Southern 2006, 304
[33] Yavetz 1974, 47.

гда приводивший к конфликтам, но с другой стороны, служивший дополнительным стимулом для личного состава при решении боевых задач, в связи с чем конструктивное соперничество в армейской среде поддерживалось командованием[34]. Большое значение для солдат имел статус их подразделения. К категории элитных частей фаланги относились укомплектованные жителями верхнемакедонских земель таксисы, из которых особо выделяются два, возглавляемые Кеном и Пердиккой. Для обозначения первого из них Арриан использовал особый термин, назвав подразделение Кена при описании осады Тира ἀσθέταιροι (Arr. Anab., II, 23, 2). Несмотря на разнообразные варианты перевода термина ἀσθέταιροι, исследователи сходятся в том, что так обозначались происходившие из Верхней Македонии таксисы сариссоносцев, занимавшие во время масштабных сражений престижное положение на правом фланге войска. Эти подразделения обладали статусом пешей царской гвардии и были экипированы легче обычных πεζέταιροι[35]. Как обоснованно доказывает Э. Энсон, к ἀσθέταιροι наряду с полком Кена относился и таксис Пердикки, участвовавший в выполнении особо ответственных боевых заданий во время Балканской кампании Александра и в ходе Восточного похода[36]. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, можно уверенно утверждать, что бойцы из этого элитного подразделения с гордостью относились к своему статусу, а такие понятия как воинская честь и доблесть значили для них много, о чем свидетельствует не только случай при осаде Галикарнасса. Арриан, описывая битву при Иссе, сообщает, что после разрыва центра македонского строя разгорелся яростный бой между эллинскими наемниками Дария и македонянами, старавшимися не посрамить славу фаланги (τὴν δόξαν τῆς φάλαγγος), о непобедимости которой все время кричали (Anab. II. 10. 6). Насколько мы знаем из диспозиции македонской армии, оставленной нам все тем же автором, центр был сформирован из таксисов под командованием Аминты, Птолемея, Мелеагра, Пердикки и Кена (Anab. II. 10. 3–4). Именно они и подразумеваются под «фалангой», славу которой превозносили и в бою старались сохранить.

Как правило, внешние проявления состязательного начала в римской и македонской армии (соревнование в доблести между отдельными бойцами и подразделениями, защита «чести полка» и т. д.) имели вполне рациональные причины и были связаны с санкционированными командованием боевыми столкновениями. Под Галикарнассом, напротив, имело место самовольно организованное и не имеющее каких-либо рациональных причин состязание в доблести между двумя бойцами. Ближайшим аналогом «пьяной атаки» является описанный авторами критического направления любопытный случай, произошедший в ходе индийской кампании Александра. Диодор и Курций Руф, сходясь в мельчайших деталях (видимо, благодаря использованию данных Клитарха), сообщают, что на устроенном Александром пиру охмелевший македонянин Корраг вызвал на поединок известного атлета афинянина Диоксиппа. Грек принял вызов, и на другой день состоялся поединок, в ходе которого Диоксипп сумел одержать верх над Коррагом. Поверженный на землю македонский боец остался жив, но, как отмечают авторы, царь оказался недоволен результатом единоборства. Вскоре македоняне, вознена-

[34] Махлаюк 2006, 308–309; Фор 2008, 87–88.
[35] Anson 2010, 82; Heckel 1992, 291–292; Bosworth 1973, 247–249; Rzepka 2008, 41–42.
[36] Anson 2010, 85.

видевшие Диоксиппа, обвинили его в краже золотой чаши, пропавшей на царском пиру. Греческий атлет не вынес позора и покончил с собой, оставив перед смертью адресованное Александру письмо, в котором сообщал о своей невиновности (Diod. XVII. 100–101; Curt. IX. 7. 16–26).

Итак, в данном случае после алкогольного возлияния произошло открытое проявление деструктивного воинского соперничества, инициатором которого выступил македонянин Корраг. Катализатором послужило присутствовавшее в македонской армии противостояние между македонянами и эллинами. Оно принимало активную форму и в предшествующее время. В частности, согласно данным Курция Руфа, еще в период правления Филиппа вспыхнула распря (seditione) между македонскими солдатами и греческими наемниками. Сам царь получил ранение среди всеобщей свалки и сохранил жизнь благодаря тому, что его, лежащего на земле и притворившегося мертвым, защищал Александр (VIII. 1. 24). Если мотив действий Коррага, вызвавшего грека Диоксиппа на поединок, более или менее ясен, то причины, из-за которых товарищи по оружию, происходившие, судя по всему, из одного верхнемакедонского племени, устроили соревнование в доблести и бросились в самоубийственную атаку на вражеские позиции, выявить гораздо сложнее.

Два молодых македонянина были участниками затяжного противостояния, имевшего, в отличие от конфликта между Коррагом и Диоксиппом, не этническую, а «возрастную» почву. Речь идет о противостоянии между ветеранами Филиппа и новобранцами Александра. Первые имели за плечами славное военное прошлое, обладали богатым боевым опытом, позволявшим им в ряде случаев вносить решающий вклад в победу над врагом. Вторые уже успели поучаствовать в некоторых сражениях и боевых операциях, но не могли сравниться с ветеранами в опыте и достижениях, о чем заслуженные солдаты неоднократно им напоминали. Для македонского военного менталитета вообще было свойственно пренебрежительное отношение к юношам, вошедшим в возраст воина, но еще не проявившим себя на военном поприще. Как замечает Аристотель в своей знаменитой «Политике», в старину у македонян был обычай, согласно которому человек, не убивший ни одного врага, обязан был подпоясываться недоуздком (VII. 2. 6). Конечно, на момент начала полководческой деятельности Александра этот обычай остался в прошлом, однако, как мы уже видели, ветераны по-прежнему относились к молодым воинам с известной долей презрения. Последние стали членами сообщества, в котором воинская честь значила весьма много, но при этом они были вынуждены постоянно сталкиваться с высказываниями о своей неполноценности. Два молодых товарища по оружию, являвшиеся представителями элитного таксиса, испытывали серьезный психологический прессинг, так как были поставлены перед необходимостью постоянно доказывать свою отвагу и воинское мастерство придирчивым ветеранам, составлявшим большинство их однополчан. Перебрав вина, эти сорвиголовы пошли в отчаянную атаку на стены Галикарнасса, доказывая свою доблесть друг другу. Как представляется, в данном случае на фоне злоупотребления алкоголем и стресса, вызванного интенсивным участием в боевых действиях, сработал хорошо известный современным психологам механизм переноса, при котором происходит подмена одного объекта чувств другим, более безопасным, и человек может испытывать чувство соперничества по отношению

к кому-либо, хотя на самом деле оно вызвано совершенно другим лицом[37]. При сопоставлении имеющихся на сегодняшний момент сведений о военном деле древних народов Балканского полуострова обнаруживается, что неслучайным был и выбор времени проведения этого своеобразного соревнования в доблести молодых и нетрезвых воинов, которые, в отличие от тех же Пулиона и Ворена, устроили соревнование в темное время суток, когда их ратные подвиги были не так заметны.

Сведения о ночных атаках, проведенных греческими войсками в классическую эпоху, достаточно редки и неоднозначны. Ночной бой (νυκτομαχία) не был для греков явлением полностью неведомым, однако они осуществляли активные боевые действия в темное время суток лишь в случае крайней необходимости, когда не было надежды достичь успеха с помощью привычных тактических приемов. Возможно, следует принять аргументацию Дж. Ройсмана, который объясняет этот факт невозможностью организовать и провести полномасштабное полевое сражение в ночное время из-за трудностей с распознаванием своих и чужих[38].

Если для греков классического периода проведение атаки в ночное время были редким явлением, то совсем иная картина возникает при взгляде на военное искусство других соседей македонян — фракийцев. К сожалению, античные свидетельства об их военном искусстве весьма скудны, однако содержат относительно большое количество любопытных примеров боевых операций, проведенных в темное время суток. Так, по сведениям Геродота, во время греко-персидских войн фракийцы из племени бригов ночью атаковали лагерь Мардония, причинив персам значительный урон в живой силе (VI. 45). Этот эпизод становиться еще более любопытным, если учесть, что античные авторы прямо называют фракийцев из племени бригов жителями Македонии, часть которых затем переселилась в Малую Азию и стала фригийцами (Herod. VI. 45; VII. 73; Strab. VII. 295. 327). Ксенофонт сообщает, что репутация наиболее опасных противников в ночном бою принадлежала фракийцам из племени финов (Anab. VII. 2. 22). Весьма примечательно одно из свидетельств Полиэна, сообщающего, что фракийцы имели обыкновение нападать на расположение противника ночью, непосредственно перед этим напившись (II. 2. 6). Даже отрывочные и зачастую противоречивые сведения греческих авторов заставляют согласиться с выводом К. Веббера о том, что ночные атаки были любимым тактическим приемом фракийцев[39]. Как обоснованно утверждает А. К. Нефедкин, максимально близки по облику военного дела к фракийцам и иллирийцам были представители верхнемакедонских племен[40]. Молодые воины из таксиса Пердикки, принадлежавшие к племенам орестов или линекстов, были носителями не столько эллинского, сколько северобалканского «варварского» военного менталитета, в соответствии с которым неожиданная ночная атака на расположение противника была вполне приемлемым способом проявления воинской удали. Это, кстати, не вступало в противоречие с военной практикой Филиппа II и Александра III. Видимо, с помощью обманного маневра и внезапной ночной атаки Филипп сумел разбить десятитысячный корпус наемников в Гравийском гор-

[37] Кравченко 2011, 365.
[38] Roisman 1993, 59.
[39] Webber 2001, 42.
[40] Нефедкин 2007, 31.

ном проходе накануне битвы при Херонее[41]. Еще до отбытия в Азию Александр с помощью неожиданного ночного нападения на вражеский лагерь разгромил иллирийцев под Пелионом, причем в данной операции был задействован все тот же таксис Пердикки (Arr. Anab. I. 6. 9–11).

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что информацию античных авторов об осуществлении двумя подвыпившими молодыми македонскими солдатами из таксиса Пердикки самовольной ночной атаки на вражеские позиции при осаде Галикарнасса необходимо признать достоверной. Будучи представителями македонской армии, для которой характерно развитое состязательное начало, бойцы устроили не санкционированное командованием деструктивное соревнование в воинской удали. Причиной подобных действий вполне может быть злоупотребление алкоголем на фоне психогенного состояния, вызванного участием в ожесточенных сражениях под Галикарнассом, однако более вероятно, что на поведение молодых солдат повлиял психологический климат в их подразделении — ярко выраженное противостояние между новобранцами, вошедшими в состав таксиса уже после воцарения Александра, и ветеранами, участниками военных походов времен Филиппа II. Само состязание проводилось в формате ночной атаки благодаря особенностям северобалканского военного менталитета того времени и под воздействием воспоминаний об успешном завершении ночных нападений на противника в ходе предшествующих военных операций македонской армии. Иными словами, особая психологическая атмосфера в армии великого завоевателя, заставлявшая солдат прилагать максимальные усилия для выполнения поставленной командованием боевой задачи и являвшаяся важной составляющей громких побед Александра, в данном случае послужила причиной неуправляемых и самоубийственных действий молодых воинов.

ЛИТЕРАТУРА

Агрелль Я. 1970: Стресс: его военные следствия — психологические аспекты проблемы // Эмоциональный стресс / Л. Леви (ред.). Л., 248–254.

Альтшулер В.Б. 2010: Алкоголизм. М.

Вершинин Л.Р. 1987: Государство молоссов и территориальная консолидация античного Эпира // ВДИ. 1, 169–183.

Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. 1980: Александр Македонский и Восток. М.

Грин П. 2005: Александр Македонский. Царь четырех сторон света / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.

Коннолли П. 2000: Греция и Рим. Энциклопедия военной истории/ Пер. с англ. С. Лопухой, А. Хромовой. М.

Кравченко А.И. 2011: Общая психология. М.

Лобастов О.С., Спивак Л.И. 1985: Организация психоневрологической помощи во время Великой Отечественной войны // Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / А.М. Шерешевский (ред.). Л., 7–14.

Маринович Л.П. 1993: Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М.

Махлаюк А.В. 2006: Солдаты римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.

[41] Ashley 1998, 152; Worthington 2008, 146; Грин 2005, 55.

Мисюра В. Ф. 1995: Психологическая реабилитация военнослужащих. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.psychological.ru/default.aspx?p= 57&0a1= 950&0o1= 0&0s1=0.

Нефедкин А. К. 2007: Конница эпохи эллинизма: дисс… докт. ист. наук. Ставрополь.

Сенявская Е. С. 2000: Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков. Н. Новгород, 10–27.

Фор П. 2008: Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Пер. с франц. Т. А. Левиной. М.

Шофман А. С. 1976: Восточная политика Александра Македонского. Казань.

Шофман А. С. 1960: История античной Македонии. Ч. I. Казань.

Anson E. A. 2010: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.). Oxford, 81–90.

Ashley J. R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.

Bosworth A. B. 1973: ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ // CQ. Vol. 23. 2, 245–253.

Bosworth A. B. 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge.

Ellis W. M. 1994: Ptolemy of Egypt. L.; New York.

Freely J. 2010: Children of Achilles. The Greeks in Asia Minor since the Days of Troy. L.; New York.

Greenwalt W. S. 2010: Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 279–305.

Hammond N. G. L. 1978: A Cavalry Unit in the Army of Antigonus Monophthalmus: Asthippoi // CQ. N.S. Vol. 28. 1, 128–135

Heckel W. 1992: The marshals of Alexander's empire. L.; New York.

Krentz P. 2002: Fighting by the Rules The Invention of the Hoplite Agôn // Hesperia.71, 23–39

Lee J. W. 2006: Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World / K. H. Kinzl (eds.). Oxford, 480–508.

Milns R. D. 1969: Alexander the Great. New York.

Nawotka K. 2010: Alexander the Great. Cambridge.

O'Brien J. 1994: Alexander the Great: The Invisible Enemy. L.; New York.

Rancov B. 2007: Military forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. II / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). Cambridge, 30–75.

Roisman J. 1993: The general Demosthenes and his use of military surprise (Historia Einzelschriften №78). Stuttgart.

Rzepka J. 2008: The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // GRBS. 48, 39–56.

Southern P. 2006: The Roman Army: A Social and Institutional History. Oxford.

Tarn W. W. 1948: Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge.

Tarn W. W. 1933: The heritage of Alexander // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / J. B. Bury, S. A. Cook, F. E. Adcock (eds.). Cambridge, 461–504.

Webber C. 2001: The Thracians 700 BC — AD 46. Oxford.

Worthington J. 2008: Philip II of Macedonia. New Haven; L.

Yavetz Z. 1974: Existimatio, fama and the Ides of March // Harvard Studies in Classical Philology. 78, 35–65.

PSYCHOLOGY OF ALEXANDER THE GREAT ARMY REPRESENTATIVES
(by the Example of Night Incident Outside Halicarnassus in 334 B.C.)

F.F. Kleimenov

The paper presents the analysis of ancient authors' information concerning two drunken young soldiers from Perdikkas taxis who carried out an unauthorized night attack under the siege of Halicarnassus by Alexander of Macedonia in the fall of 334 B.C. The author of the paper considers this information trustworthy. As members of Macedonian army whose characteristic feature was competitiveness the soldiers staged an unauthorized bravery contest. Actions of the kind could be drought forth by alcohol abuse against the psychogenetic background, and by the psychological climate in the military unit, namely, the confrontation between young soldiers and veterans of Philip II.

Key words: Alexander the Great, Halicarnassus, military mentality, psychogenic state

---

© 2012

С.В. Смирнов, А.И. Юрин

ЭПИСТАТЫ В ГОСУДАРСТВАХ АНТИГОНИДОВ И СЕЛЕВКИДОВ

Проблема организации института эпистатов является важнейшей в системе взаимоотношений центральной и локальной властей в эллинистический период. В данной статье рассматриваются функции эпистатов у Антигонидов и Селевкидов. Проанализировав свидетельства литературных, эпиграфических и клинописных источников, авторы приходят к выводу, что в обоих государствах эпистаты имели некоторые схожие черты. Однако абсолютные параллели все же не прослеживаются, что может объясниться различными историческими условиями, в которых происходило формирование отношений между царской властью и полисами.

Ключевые слова: эпистаты, эллинизм, Антигониды, Селевкиды, царская власть

Эпистаты — один из важнейших политических элементов в системе эллинистической государственности. Изучение этого института является ключевым для понимания взаимоотношений между царской властью и полисом. Несмотря на то, что он уже не раз становился объектом специальных исследований, тем не менее, его значение остается не до конца очевидным. В данной работе авторами рассматривается роль и функции царских эпистатов в контексте государственного устройства двух крупнейших эллинистических держав: Македонии Антигонидов и Сирии Селевкидов.

Смирнов Святослав Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: SmirnovSV3@yandex.com

Юрин Алексей Игоревич — аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alexisyrin@mail.ru

ГОСУДАРСТВО АНТИГОНИДОВ

В историографии давно утвердилась ставшая традиционной точка зрения, изложенная М. Ростовцевым[1] и У. Тарном[2], что эпистаты в эллинистических государствах являлись царскими чиновниками, поставленными в важнейших полисах[3]. Эпистаты выполняли функции контроля за исполнением царских распоряжений[4]. Относительно недавно с критикой этой теории выступил М. Хатзопулос[5], утверждая, что благодаря новому эпиграфическому материалу вопрос о македонских эпистатах требует рассмотрения *ab initio*[6]. Выводы, к которым пришел М. Хатзопулос, являются совершенно противоположными общему устоявшемуся мнению[7]. Оставляя в стороне суть острой полемики в современной историографии, отметим основные тезисы М. Хатзопулоса: эпистат являлся не царским, а местным, выборным и ежегодно сменяемым эпонимным магистратом, который находился практически в каждом, даже незначительном, поселении. Эпистат также выступал в качестве высшего исполнительного органа полиса[8].

Действительно, новые источники, опубликованные М. Хатзопулосом и другими исследователями, позволили пересмотреть некоторые представления о македонских эпистатах[9]. Более того, эти сведения могут быть истолкованы и в поддержку традиционной точки зрения, и сделать устоявшиеся выводы о роли эпистата в системе государственного управления более убедительными. На наш взгляд, тезисы, представленные греческим исследователем в его работах, не убедительны настолько, чтобы отказаться на данный момент от более стройной традиционной теории об эпистатах, как царских управленцах.

Эпистат был царским чиновником, в том отношении, что был назначен царем, а не выбран местным населением. Именно этим объясняется обращение царей к эпистатам не по должности, а по имени, как, например, к Гарпалу из Берои[10]. В то время как при обращении к городу царь напрямую адресует свое послание либо народному собранию, либо совету, или гражданам в целом[11]. Или же, как в случае с постановлением Филиппа V городу Амфиполю об организации атлетических соревнований, «руководителям» — Τοῖς ἐπιμελεταῖς[12], под которыми царь разумел городские органы власти, членов которых он поименно не знал. В отличие

[1] Rostovtzeff 1941, 644.

[2] Тарн 1949, 99.

[3] Bengtson 1944, 240.

[4] Несколько раньше к подобным выводам пришли некоторые исследователи, основывавшиеся на материале Берои в Македонии. См. Holleaux 1897, 454–455; Woodward 1911–1912, 137.

[5] Hatzopoulos 1996, 371–429.

[6] Hatzopoulos 1996, 372.

[7] Hatzopoulos 2003, 27–60. В данной статье греческий историк выступил против таких авторитетных апологетов традиционного подхода к пониманию роли эпистатов, как М. Эррингтон, Н. Хэммонд и Ф. Папазоглу. Их работы см.: Errington 2002, 51–63; Hammond 1999, 369–375; Papazoglou 2000, 169–176. Среди тех, кто поддержал идею М. Хатзопулоса, был П. Пасхидис Paschidis 2006, 251–268.

[8] Подробнее см.: Hatzopoulos 1996, 371–429; Hatzopoulos 2003, 27–60.

[9] Hatzopoulos 1996.

[10] М. Хатзопулос сам признает этот аргумент в пользу традиционной точки зрения и не приводит никаких контраргументов. Hatzopoulos 1996, 394. Однако есть источники, где обращение происходит по имени и должности. Hatzopoulos 1996, Ep.app. 41, 61.

[11] Errington 2002, 54; Hatzopoulos 2003, 49.

[12] Hatzopoulos 1996. Ep.app. 16 L. 1.

от эпистатов, которые были назначены царем для координации действий с местной общиной. С этой точки зрения, содержание постановления Филиппа V можно рассматривать следующим образом: организация празднеств ложилась на плечи городских органов власти (гимнасиархов), в случаях же отсутствия гимнасиарха, т.е. невозможности общиной должным образом организовать празднество, эта задача перекладывалась на плечи царского чиновника — эпистата[13].

Эпистаты находились в большинстве поселений, но не абсолютно во всех. Возможно, эпистат заведовал определенным округом, включая царские земли. Царская диаграмма из Амфиполя о проведении атлетических празднеств — главный аргумент М. Хатзопулоса в пользу широкой распространенности эпистатов в Македонии[14]. Между тем в тексте речь идет об атлетах, прибывающих в прибрежные поселения (καταπλεύσωσιν πόλιν)[15], более того, достаточно крупные, где имелся порт. Более того, можно предположить, что в данном случае регистрацию атлетов мог производить эпистат не данного конкретного поселения, а эпистат как наместник территориального округа. В таком случае число эпистатов не было слишком значительным.

С другой стороны, упоминание эпистатов в более мелких поселениях, как Эвия или Алкомены[16], наводит на мысль, что, по крайней мере, в Верхней Македонии должность эпистата была более распространенной или же, что он отвечал за определенную округу.

Функциями эпистата были контроль над исполнительной властью в подответственной территории и поддержание связи с царем. Эпистаты следили за исполнением и соблюдением поручений от царя, в частности могли вмешиваться в финансовые тяжбы внутри полиса или между полисом и храмом[17]. Примечательно, эти споры, как правило, решались в пользу храма, которым царь покровительствовал в качестве верховного жреца.

Если говорить о военных функциях, то вряд ли эпистаты в Македонии обладали широкими полномочиями. Военный устав из Кассандрии упоминает о контроле за содержанием лошадей, который осуществлял эпистат вместе с другими должностными лицами[18]. Между тем известно, что в Кассандрии существовал стратег, который и исполнял военные полномочия (Liv. XLIV. 11.7; Polyaen. VI. 7. 1)[19]. Письменные же свидетельства о военном характере эпистатов относятся к поселениям вне собственно Македонии (Pol. V. 26. 5; XXIII. 10. 8).

Эпиграфический же материал из Эвии[20] показывает, что эпистат Архипп имел право распоряжаться царской землей, предоставляя ее военным офицерам за службу. Вряд ли такого рода полномочия могли находиться в руках городского магистрата. Такого же рода функции управления царскими землями зафиксированы для Триполитиды в Перребии времени Деметрия II и Антигона Досона, когда эта область была инкорпорирована в состав македонского царства[21].

[13] Схожую точку зрения высказал М. Эррингтон (Errington 2002, 550).
[14] Hatzopoulos 1996, 381.
[15] Hatzopoulos 1996, Ep.app. 16 L. 9.
[16] Hatzopoulos 1996, Ep.app. 17.
[17] Hatzopoulos 1996, Ep.app. 8, 12.
[18] Hatzopoulos 2001, 40, 46–48, 78.
[19] Hatzopoulos 1996, 157–158.
[20] Hatzopoulos 1996, Ep.app. 17.
[21] Tziafalias, Helly 2010, 71–125.

Аргументы, что эпистат был городской магистратурой, поскольку его помощники дикасты и впоследствии заменивший эпистата политарх были городскими магистратурами[22], абсолютно никак не доказывают принадлежность эпистата к городским органам власти. Разве назначенный царем эпистат и выбранные общиной дикасты, находящиеся в подчинении у эпистата, не могли сосуществовать и сотрудничать в полисе? Замена же эпистата, как царского чиновника, на городскую коллегию политархов как раз вписывается в рамки общедемократических тенденций в последние годы династии Антигонидов (особенно в царствование Персея). Каков бы был смысл заменять царю одного ежегодно избираемого общиной эпистата на двух политархов?[23] Более логичным представляется изменение высшего назначаемого должностного лица на избираемого.

Ежегодная сменяемость эпистатов в эллинистической Македонии на основании сегодняшнего круга эпиграфических источников не может быть доказана. М. Хатзопулос говорит о двух надписях, относящихся к раннему эллинистическому периоду, где эпистат выступает в качестве единственного эпонима[24]. Однако текст одной из них он вовсе не приводит (надпись из Триполитиды в Перребии)[25], а текст второй (посвятительная надпись из Берои) является достаточно спорным восстановлением[26]. Но даже реконструкция ἐπισ[τατοῦντος τοῦ δεῖνος][27] не является стопроцентным доказательством. Сам М. Хатзопулос отмечал различные системы датировки надписей, в том числе и такую: эпистат–жрец–месяц[28]. Посвятительная надпись из Берои сохранилась крайне плохо, до нас дошли только первые две строки и те не целиком. В таком случае нельзя с полной уверенностью говорить, что в несохранившейся части текста не упомянут эпонимный жрец или кто-либо другой.

Строго говоря, упоминание эпистата вместе с эпонимными магистратами вовсе не означает, что эпистат менялся ежегодно. Упоминание его имени вместе с должностными лицами полиса — выражение уважения к его статусу и значимости в системе управления.

Эпистаты являлись жителями той округи, над которой они и осуществляли контроль. Пожалуй, единственный тезис М. Хатзопулоса, который не вызывает никаких возражений и все его доказательства на основе данных эпиграфики и ономастики могут быть признаны бесспорными[29].

Представляется, что в этом можно видеть отражение общей эллинистической практики: цари стремились сформировать в полисах свою элиту — лояльную к ним верхушку городского населения, на которую они могли бы опираться. По-

[22] Hatzopoulos 1996, 387.

[23] А это была именно централизованная реформа, поскольку затрагивала всю территорию царства. О политархах см.: Hatzopoulos 1984, 137–149; Hatzopoulos 1996, 150–153.

[24] Hatzopoulos 1996, 382–385. Еще есть надписи из Амфиполя и ближайшей округи классического времени, но они не берутся в расчет, поскольку относятся ко времени до македонского завоевания Hatzopoulos 1996, 385.

[25] Hatzopoulos 1996, 156, 373. Равным образом нет оригинала текста для надписи конца III века до н.э. из Амфиполя (Hatzopoulos 1996, Ep.app. 77), где, по словам М. Хатзопулоса, эпистат являлся единственным эпонимом. М. Хатзопулос приводит лишь перевод текста документа.

[26] Hammond 1999, 373.

[27] Γουναροπούλου, Χατζόπουλος 1998, № 29. L. 1.

[28] Hatzopoulos 1996, 383.

[29] Hatzopoulos 1996, 381–382.

этому закономерно, что именно из такого слоя назначались эпистаты. Кстати, в случае, если они были уроженцами данного полиса, это в меньшей степени раздражало городское население[30].

Таким образом, новые эпиграфические сведения являются спорными и недостаточными для того, чтобы полностью отказаться от представления об эпистате как о царском чиновнике. Традиционная точка зрения кажется более стройной и соответствующей современным знаниям о политическом устройстве царства Антигонидов. Однако проблема в некоторых отношениях остается открытой и, возможно, новые эпиграфические материалы в дальнейшем позволят решить данный вопрос.

ГОСУДАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

Проблема положения эпистатов в государстве Селевкидов не вызывает столько дискуссий, как в случае с Антигонидами и факт того, что селевкидский эпистат являлся царским чиновником практически не оспаривается. Главной причиной отсутствия широкой полемики по этому поводу является характерное для Селевкидской истории крайне плохое состояние источников. Тексты, содержащие отдельные упоминания об институте эпистатов у Селевкидов, очень малочисленны, а сохранившиеся хронологически относятся ко всему, более чем двухсотлетнему, периоду правления династии. Кроме этого есть несколько сложностей концептуального характера. Как уже было отмечено, эпистат в эллинистическом мире обладал весьма широкими полномочиями, что само по себе представляет некую трудность для типологического анализа этого института. Более того, как кажется, в каждом конкретном случае эпистат имел определенный набор функций, который мог зависеть от географического, политического и экономического положения полиса. Таким образом, вряд ли можно утверждать, что функции эпистатов в государстве Селевкидов были однообразными. Скорее наоборот, они варьировались в зависимости от места пребывания чиновника. Мы нарочно, в первом же абзаце, раскрываем суть данной части, поскольку данные, имеющихся у нас источников, настолько противоречивы и бессистемны, что порой бывает очень непросто прийти к какому-либо определенному выводу.

Эпистат осуществлял связь с городами от лица царя. Основываясь на источниках к. III — нач. II в. до н.э., можно считать, что эпистат исполнял разнообразные функции: контроль, наблюдение и надзор, проявляющиеся в политических и административных формах. Подчинялся эпистат либо царю, либо стратегу области. Он был связующим звеном между городским обществом и царской властью[31]. Часто эпистатам адресовывались царские указы, касающиеся внутренней жизни полиса. Так, в Милете в 300–299 годах до н.э. эпистатом был Демодам, сын Аристида. Демодам оказывал определенное влияние на городской совет (ἡ βουλὴ), проводя проселевкидскую политику. Он стал инициатором двух декретов в честь Апамы (IDidyma 480) и в честь Антиоха (IDidyma 479), согласно которым члены царской фамилии получали обширный набор привилегий. Имеется еще два по-

[30] Бикерман 1985, 152–153; Paschidis 2006, 251–266.
[31] Capdetrey 2007, 302.

добных случая. В Селевкии в Пиерии (RC 45) в 186 г. до н.э. эпистат Фиофил, выполняя поручение царя Селевка IV, принимает решение об установке статуи некому Аристолоху — царскому «другу». В 174 г. до н.э. в Лаодикее Сирийской (IGLSyr 1261) эпистат Асклепиад (как кажется, по царскому приказу) решает оказать почести жрецам культа Сераписа и Исиды. Как мы уже отметили, эпистат был царским чиновником, но, в некоторых случаях он был интегрирован и в полисную администрацию. Трижды мы встречаем эпистата, который одновременно является и главой коллегии архонтов: Асклепиад в Лаодикее Сирийской (IGLSyr 1261), Аполлодот в Лаодикее/Нехавенд в Мидии (IK Estremo oriente 277), Феофил в Селевкии в Пиерии (RC 45).

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с институтом эпистатов в Вавилонии. Здесь в эллинистический период зафиксирован некий окружной чиновник pāhātu, существование которого, впрочем, было характерно и для более ранних периодов. Однако отсутствие греческого аналога этого термина, обозначающего самого чиновника или округ, в котором он был представлен, создает некоторые трудности. Так или иначе, но pāhātu — тот самый чиновник, всегда связан с городом, в частности с Селевкией на Тигре (ABC 13. ob. 5 = BCHP 10. ob. 5; BCHP 11. rev. 11 = BM 34428. rev. 11) или Вавилоном[32]. Р. ван дер Шпек выдвинул предположение, что он мог выполнять функции греческого эпистата[33]. Основываясь на греческой надписи из Вавилона парфянского периода, где упомянут στρατηγός καὶ ἐπιστάτης τῆς πόλεως Демократ (OGIS 254), голландский исследователь сравнивает эту ситуацию с той, что сложилась в Селевкии на Тигре, где хроникой зафиксирован pāhātu по имени Селевк, а Полибием эпистат (V. 48. 12). В издании «Вавилонских хроник эллинистического периода» ван дер Шпек также переводит pāhātu как ἐπιστάτης (см. BCHP 10; 11). Противоположного мнения придерживается другой голландский ученый — Т. Бойи. Он настаивает на том, что и pāhātu, и ἐπιστάτης действовали независимо друг от друга. Исследователь считает, что pāhātu был связан с πολῖται Вавилона и, возможно, был представителем греческой общины[34]. Однако в последнее время Т. Бойи все же сторонится столь категоричных выводов и заявляет, что определить связь между pāhātu и ἐπιστάτης крайне сложно ввиду особенностей и малоизвестности полномочий эпистата в разных городах[35].

Дискуссия между Р. ван дер Шпеком и Т. Бойи остается открытой. Тем не менее, сделаем несколько замечаний. В одной из Вавилонских хроник раннеэллинистического периода все же упоминается эпистат, который находится в войске Антиоха I (BCHP 5. 14). И хотя эта строка испорчена, чтение «эпистат возглавлял его войска из Селевкии» кажется нам наиболее вероятным. В свою очередь чиновник pāhātu встречается в хрониках в Селевкии на Тигре только с сер. III в. до н.э. (BCHP 10. 5), а в Вавилоне с сер. II в. до н.э. (BCHP 14. 8). На наш взгляд, терминологические сложности, которые возникают в рамках данной проблемы, связаны, с одной стороны, с характерной для Селевкидов политикой восприятия локальных восточных институтов и адаптации их под существующую политиче-

[32] См. Del Monte 1997, 201. Особенно комментарий к хронике №13; Capdetrey 2007, 264–265.
[33] Spek R. J. van der 1987, 63–64.
[34] Boiy 2004, 204–209.
[35] Boiy 2010, 55.

скую действительность, а с другой — с отождествлением восточными обществами греческих институтов с более привычными собственными политическими и административными традициями. Таким образом, селевкидский эпистат вполне мог восприниматься вавилонским населением как pāhātu.

Исходя из вышесказанного, можно сделать попытку объяснить такое достаточно позднее появление pāhātu в качестве эпистата. Как уже отмечалось, эпистат был неразрывно связан с полисной администрацией. Собственно говоря, отсутствие полиса подразумевает a priori и отсутствие института эпистатов. Учитывая то, что гражданский коллектив как основа полиса сложился в городах Вавилонии не сразу (в самом Вавилоне он появился только при Антиохе IV), можно связать появление здесь эпистата/ pāhātu с формированием полиса. Вероятно, что функции эпистата могли частично исполняться и другими различными чиновниками. Ввиду отсутствия термина «эпистат» в вавилонских источниках, предполагается несколько вариантов, которые могли бы быть эквивалентны эпистату, среди которых главным является уже упоминавшийся pāhātu. Крупные города и региональные центры могли контролироваться царскими чиновниками, обладавшими военными полномочиями, как, к примеру, так называемые «люди царя» (*šaknu ša šarri*) из астрономического дневника времени Антиоха I (ADRTB 261)[36]. Должность *šaknu* зафиксирована и в Уруке при Антиохе II[37].

Селевкидский эпистат был частью полиса. В связи с этим хотелось бы затронуть еще один дискуссионный вопрос данной темы — а именно, связь эпистата с местными полисными элитами. Как было подчеркнуто в первой части статьи, македонские эпистаты часто являлись выходцами из тех полисов, где впоследствии выполняли свои обязанности. Схожая картина наблюдается и у Селевкидов. Сама по себе политика сирийских царей, подразумевавшая вовлечение элит в управление государством в качестве региональных чиновников, продолжение и соблюдение локальных административных традиций, предполагает, что эпистат мог быть родом из того же полиса. Характерный пример этому — милетский эпистат нач. III в. до н.э. Демодам уроженец Милета.

Однако такая политика, как кажется, была непостоянной. Нам известно о трех случаях назначения эпистатами лиц, стороннего происхождения. Первый — Менестрат, сын Агафокла, фокеец эпистат Амизона[38], второй — Филипп Фригиец и Андроник, утвержденные эпистатами в Иерусалиме и Горе Гаризиме (II Масс. 5. 22–23), третий — Аполлоний и Филипп из Калимноса эпистаты в Гераклею на Латмосе (Tit. Calymnii. XXIII). Однако первые два случая весьма спорные, т.к. типологически те должности, которые занимали эти персонажи, представлены несколько специфичны. Относительно первого заметим, что Менестрат в надписи упомянут как ἐπιστάτης ἐπί τοῦ Ἀρτεμισίου, что вовсе может и не означать, что он занимал должность эпистата Амизона. Во втором также имеются некоторые сомнения. Само употребление термина «эпистат» автором «Второй Маккавейской книги» весьма спорно. Имел ли он в виду здесь чиновника эпистата или просто употребил слово ἐπιστάτης в значении «начальник, глава»? Важно учесть, что более ни в тексте Второй, ни в тексте Первой книги это слово не употребляется.

[36] Capdetrey 2007, 304.
[37] Sherwin-White 1987, 29.
[38] Текст и комментарий надписи см. Ma 2005, 198–200.

К тому же полномочия Филиппа Фригийца больше напоминают функции фрурарха. Пожалуй очевидным случаем отклонения от общей практики является эпизод с эписатами Гераклеи. Декрет Гераклеи относится к 191 г. до н.э., что позволяет утверждать, что Аполлоний и Филипп были эпистатами Антиоха III. Л. Кадетре справедливо полагает, что оба они не были интегрированы в полисные структуры[39]. В самом начале надписи читаем: Ἀπολλώνιος καὶ Φίλιππο[ς] Ἀπολλωνίου [Κα] λύμνι[ο]ι τεταγμέν[οι] ἐ[πι][στά]τα[ι].

При изучении института эпистатов в государстве Селевкидов так или иначе возникает вопрос: обладал ли селевкидский эпистат военными полномочиями? Однозначного ответа на этот вопрос нет. В некоторых случаях мы действительно обнаруживаем некоторые элементы военных функций эпистата. Согласно вавилонской хронике периода соправительства Антиоха I и Селевка I, эпистат Селевкии на Тигре возглавляет войско (BCHP 5 obv. 14). К сожалению, подробности этого эпизода остаются неизвестными из-за лакуны в конце текста. Примечательно, что об эпистате Селевкии в военном контексте повествует Полибий (V.48. 12). Описывая события восстания Молона, автор отмечает, что после того как Диомедонт, эпистат Селевкии, бежал из города, Молон беспрепятственно покорил все Верхние сатрапии. Итак, эпистат Селевкии на Тигре был обязан или, по крайне мере, мог сдержать восстание, а для этого обладал военными полномочиями, причем, весьма широкими. Во время «войны Лаодики» (246–241 гг. до н.э.) в Приену был отправлен эпистат Антиоха II некто Симон (IPriene 37. 135–136). О его полномочиях на ничего неизвестно, но ситуация при которой Симон прибыл в город наводит на мысль, что эпистат явно играл важную роль во время этого конфликта. Военная составляющая функций эпистатов в государстве Селевкидов, возможно, подчеркивает тот факт, что эпистат был царским чиновником.

В государстве Селевкидов эпистаты были связаны с отношениями в сфере экономики. Симон, эпистат Приены, вернул какое-то имущество полису во время «войны Лаодики»[40]. В одной из сузианских манумиссий в качестве свидетеля упоминаются эпистат и хрефилак (IK Estremo oriente 192). Возможно экономическими полномочиями обладал и Менестрат, эпистат Артемисия[41].

Итак, эпистат в государстве Селевкидов обладал самыми разнообразными полномочиями, объем которых варьировался в зависимости от статуса полиса и политической ситуации в регионе. Кроме того, царский эпистат был связан с полисными традициями управления. Возможно, каждый из имеющихся в нашем распоряжении источников представляет собой конкретную ситуацию, не связанную никакими общими правилами.

* * *

На данный момент в историографии не существует единого мнения о правомерности сравнения институтов различных эллинистических государств между собой, и в частности, в вопросе сопоставления функций эпистатов. М. Хатзопулос

[39] Capdetrey 2007, 303.

[40] IPriene 37, 135–136: περὶ [αὐτ]οὺς τὸν Λαοδίκειον πόλεμον, ἐν ὧι [— πεμφθέν]τ[ος δὲ πὸ]τ αὐτοὺς ἐπιστάτα{ς} Σίμωνος, ὃν χ[ρόνον —] τὰς οὐσίας καταγαγεῖν εἰς τὰμ πό[λιν]

[41] Aperghis 2005, 284.

настаивает на невозможности проведения таких параллелей[42]. С другой стороны, Ф. Уолбанк считал вполне возможным подобного рода сравнения[43]. Действительно, наши источники не дают возможности полностью сопоставить эпистатов тех или иных эллинистических государств. Те свидетельства, которыми мы располагаем, представляют собой скорее частные случаи, а не общую практику. Тем не менее, можно попробовать провести некоторые аналогии. Самое основное, с чего, разумеется, следует начинать сравнение, — это то, что эпистат был царским чиновником, всегда представлявшим интересы центральной власти в полисе, гражданско-храмовой общине или иной форме политической организации. Далее, как мы убедились на приведенном выше материале, эпистаты обладали весьма широкими полномочиями в разных сферах жизни общины.

Между тем четких абсолютных параллелей гораздо меньше. В частности, военные функции эпистатов в государстве Селевкидов выражены относительно ярко, в то время как у Антигонидов они проявляются крайне слабо. Определенные различия прослеживаются и в экономических функциях. Затем, в государстве Селевкидов эпистат никогда не выступает в качестве эпонимной должности, в Македонии же — есть подобные эпиграфические свидетельства, что приводит к сложному вопросу о ежегодной сменяемости и даже полисном характере эпистата. Как кажется, отличались и судебные функции эпистатов. Наконец, вмешательство эпистата в дела храма ярче прослеживается для государства Антигонидов, что объясняется, по-видимому, особенностью царской власти в Македонии, где монарх являлся верховным жрецом.

Таким образом, прослеживается следующая тенденция: при общей природе института эпистатов в государствах Антигонидов и Селевкидов все же существует много частных различий. Это вызвано в первую очередь конкретно-историческими обстоятельствами и уникальным неповторимым характером государственности. Более того, важной причиной этого несоответствия является то обстоятельство, что полисы при Антигонидах и Селевкидах имели собственную, характерную только для них специфику, что, в свою очередь, оказало первостепенное влияние на формирование института эллинистического эпистата.

ЛИТЕРАТУРА

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Тарн В. 1949: Эллинистическая цивилизация. М.

Aperghis G. 2004: The Royal Seleukid Economy. Cambridge.

Bengtson H. 1944: Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. Munchen.

Boiy T. 2004: Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven.

Boiy T. 2010: Between the Royal Administration and Local Elite: the pāhātu in Hellenistic Babylonia and *epistates*? // Anabasis. 1. Rzeszow, 49–57.

Capdetrey L. 2007: Le pouvoir seleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellenistique (312–129 avant J.-C.). Rennes.

Γουαροπολου Λ. Χατζόπουλος Μ.Β. 1998: Ἐπιγραφὲς Κάτω Μακεδονίας. Τ.Α. Ἐπιγραφὲς Βέροιας. Ἀθήνα.

Del Monte G.F. 1997: Testi dalla Babilonia Ellenistica. Roma; Pisa.

[42] Hatzopoulos 2003, 39.

[43] Walbank 1984, 62–100.

Errington R.M. 2002: Konig und Stadt im hellenistischen Makedonien: die Rolle des Epistate // Chiron. 32, 51–63.

Hammond N.G.L. 1999: The Roles of the Epistates in Macedonian Contexts // ABSA. 94, 369–375.

Hatzopoulos M.B. 1984: Les politarques de Philippopolis. Un élément méconnu pour la datation d'une magistrature macédonienne // Dritter internationaler thrakologischer Kongress. Sofia.

Hatzopoulos M.B. 2001: L'organisation de l'armee macedonienne sous les Antigonides: problemes anciens et documents nouveaux. Athenes.

Hatzopoulos M.B. 1996: Macedonian Institutions under the Kings: A Historical and Epigraphic Study. Vol. I–II. Athens.

Hatzopoulos M.B. 2003: Quaestiones Macedonicae: lois, decrets et epistates dans les cites Macedoniennes // Tekmeria. 8, 27–60.

Holleaux M. 1897: Remarques sur une inscription de Thessalonique // REG. 10, 446–455.

Ma J. 2005: Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford.

Papazoglou F. 2000: Polis et souverainete // ZA. 50, 169–176.

Paschidis P. 2006: The Interpretation of Civic Elites and Court Elite in Macedonia // Rois, Cites, Necropolis: Institutions, Rites et Monuments en Macedone. Athenes, 251–268.

Rostovtzeff M. 1941: The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 2. Oxford.

Sherwin-White S. 1987: Seleucid Babylonia: a Case-Study for the Installation and Development of Greek Rule // Hellenism in the East.

Spek R. J. van der. 1987: The Babylonian City // Hellinism in the East / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.). L., 57–74.

Tziafalias A., Helly B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // Studi ellenistici. 24, 71–125.

Walbank F. 1984: Monarchies and monarchic ideas // CAH. 2, 62–100.

Woodward A. M. 1911–1912: Inscriptions from Beroia in Macedonia // BSA. 18, 132–165.

THE EPISTATES IN THE ANTIGONID AND SELEUCID STATES

S. V. Smirnov, A. I. Yurin

The Roles of the epistates is the key point in understanding interrelations between central and local governments. The authors of the article discuss the functions of the epistates in two main Hellenistic states: in Macedonia under the Antigonids and in Syria under the Seleucids. Alongside certain research of epistates in each state there is an attempt to compare its functions in different areas. Authors come to conclusion that the epistates in each state had similar functions. Yet, no exact parallel can be drawn between functions of the epistates in Macedonia and Syria. Moreover we can observe the great differentiation between the epistates in these states, which can be attributed to different historical conditions that helped to form relations between king's power and poleis.

Key words: epistates, Hellenism, Antigonids, Seleucids, king's power

© 2012

А. Л. Зелинский

ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ БРАКА БУДУЩЕГО ДЕМЕТРИЯ II И СТРАТОНИКИ

В статье «Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 5020-е гг. III в. до н.э.», опубликованной в первом номере ПИФК за 2012 год, Ю. Н. Кузьмин и О. Л. Габелко оспорили предложенную мной ранее датировку брака будущего царя Македонии, Деметрия II, и царевны из дома Селевкидов, дочери Антиоха II Теоса, Стратоники. Мои коллеги, как и ранее, связывают вышеупомянутое событие с окончанием II Сирийской войны (253/252 г. до н.э.). Замечания авторов статьи побудили меня пересмотреть и откорректировать некоторые из высказанных ранее предположений, а также выдвинуть ряд новых аргументов в пользу моей теории. В результате я пришел к выводу, что брак Деметрия и Стратоники, задуманный и подготовленный Антиохом II, был заключен уже при сыне и преемнике этого царя, Селевке II Каллинике, в конце лета или в начале осени 246 г. до н.э.

Ключевые слова: эллинизм, династическая история, Антигониды, Селевкиды, Птолемеи, Деметрий II, Стратоника, Никея

В своей новой статье «Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50-20-е гг. III в. до н.э.», опубликованной в первом номере ПИФК за 2012 год, Ю. Н. Кузьмин и О. Л. Габелко оспорили предложенную мной ранее датировку брака будущего царя Македонии, Деметрия II, и царевны из дома Селевкидов, дочери Антиоха II Теоса, Стратоники[1]. На страницах этой публикации российские исследователи, как и в своей предыдущей совместной работе по данной тематике, высказались в пользу традиционной датировки упомянутого события. Согласно их мнению, брак будущего Деметрия II со Стратоникой был заключен в конце 250-х гг. (тут и далее – до н.э.) и приурочен к окончанию II Сирийской войны[2].

С моей же точки зрения, этот брак состоялся в середине 246 г., в преддверии III Сирийской войны. В пользу данной датировки, на мой взгляд свидетельствуют два немаловажных обстоятельства. Во-первых: временная утрата законного статуса детьми Антиоха II от первого брака вследствие женитьбы этого царя на дочери Птолемея Филадельфа Беренике в 252 г. И во-вторых: выступление Деметрия в качестве жениха или даже недолговременного супруга вдовы Александра Коринфского Никеи в середине 240-х гг[3].

В свою очередь, мои коллеги выдвинули ряд аргументов, призванных подвергнуть сомнению предложенную мной датировку. Среди них можно назвать следующие: 1) кратковременность периода между смертью Птолемея II и Антиоха II, на который, по моему мнению, как раз и пришелся эпизод, связанный с Никеей, и ведение переговоров о последующей женитьбе вышеупомянутого царевича на Стратонике[4]; 2) отсутствие у Селевкидов понятия «брачный мезальянс»[5]); 3) ус-

Зелинский Андрей Леонидович — старший научный сотрудник отдела Классического Востока Института востоковедения им. А. Крымского Национальной академии наук Украины. E-mail:z-al@ukr.net

[1] Кузьмин, Габелко 2012, 27-34.
[2] Габелко, Кузьмин 2008, 147 прим. 30, 149-150; 2012, 27-34.
[3] Зелинский 2009, 187-193; 2011, 84-89.
[4] Кузьмин, Габелко 2012, 28-29.
[5] Кузьмин, Габелко 2012, 29.

ловность понятия «незаконнорожденность» по отношению к представителям эллинистических царских домов и некорректность применения данного термина в отношении детей Антиоха от первого брака[6]; 4) соблюдение интересов двоюродной сестры и первой супруги Антиоха II Лаодики после развода с ней вышеназванного царя[7]; 5) необходимость заключения династического брака, долженствовавшего ознаменовать новое сближение между Антигонидами и Селевкидами в конце 250-х гг.[8]; 6) возможное бесплодие Стратоники, дававшее Никее надежду стать в будущем полноправной царицей Македонии, родив Деметрию сына[9]; 7) сомнение по поводу возможности отсутствия супруги у македонского царевича, достигшего тридцатилетнего возраста (примерно столько должно было исполниться Деметрию в середине 240-х гг.)[10].

Соображения, высказанные Ю. Н. Кузьминым и О. Л. Габелко, побудили меня еще раз проверить и отчасти пересмотреть предложенную ранее гипотезу. В частности, не могу не признать правоту первого из приведенных выше аргументов. Действительно, период между смертью Птолемея Филадельфа (конец января 246 г.)[11] и Антиоха Теоса (начало лета 246 г.), указанный авторами статьи (см.: прим. 13), является недостаточным для корректного размещения всех событий, упомянутых мною в предыдущих публикациях. А именно: отравления Александра Коринфского, сватовства Деметрия к Никее, захвата Антигоном Гонатом Акрокоринфа, параллельных переговоров македонского царя с Антиохом II о браке Деметрия со Стратоникой, и, наконец, заключения самого этого брака[12]. Даже если предположить, что селевкидский царь умер не в начале лета, а лишь во второй половине июля 246 г. (на что указывает свидетельство хроники Евсевия)[13], мои хронологические выкладки, действительно, представляются чересчур категоричными. Исходя из этого, я готов допустить, что брак между македонским царевичем и дочерью Антиоха Теоса вполне мог произойти в конце лета или даже в начале осени 246 г; т.е., уже во время царствования старшего сына Теоса от первого брака, Селевка II Каллиника[14]. Вместе с тем, должен подчеркнуть, что данное обстоятельство ни в коей мере не препятствует отнесению прочих вышеупомянутых событий на последние пять месяцев жизни Антиоха II, при котором и начались переговоры о заключении интересующего нас династического брака. В пользу данного обстоятельства говорит заинтересованность обеих договаривающихся сторон в спешном

---

6 Кузьмин, Габелко 2012, 30.

7 Кузьмин, Габелко 2012, 29-30.

8 Кузьмин, Габелко 2012 28, 30-31.

9 Кузьмин, Габелко 2012, 31-33.

10 Кузьмин, Габелко 2012, 32-33.

11 Бикерман 1985, 178; Hölbl 2001, 46, 71 not. 71; Huss 2001, 331; Grainger 2010, 153.

12 Зелинский 2009, 191-192; 2011, 85-86.

13 Согласно вавилонской клинописной традиции, известие о смерти Теоса дошло до Вавилона в конце второй декады августа 246 г. Это обстоятельство послужило ряду исследователей основанием для датировки смерти царя началом лета вышеуказанного года (Olmstead 1937, 8; Sachs, Wiseman 1954, 206; Grainger 1997, 14; Grainger 2010, 155; Boiy 2004, 148; ср.: Кузьмин, Габелко 2012, 29 прим. 9). Вместе с тем, согласно данным хроники Евсевия, Антиох II умер на 33-м году 133-й олимпиады - т.е. не ранее середины июля 246 г. (Euseb. Chron. I. 251 Schoene), что указывает на целесообразность более поздней датировки упомянутого события.

14 Следует отметить, что Ю. Н. Кузьмин и О. Л. Габелко, со множеством оговорок и возражений, все-таки признали гипотетическую возможность подобного развития событий (Кузьмин, Габелко 2012, 33 прим. 32).

заключении прочного наступательно-оборонительного союза, направленного против Птолемея Эвергета, чьим интересам в той или иной мере угрожали действия Теоса и Гоната, предпринятые ими после смерти Филадельфа[15].

При этом я вынужден отметить недостаточную убедительность прочих положений, высказанных моими оппонентами. Так, в отличие от Ю.Н. Кузьмина и О.Л. Габелко, не столь уж бесспорным представляется мне вывод Э. Бикермана об отсутствии у Селевкидов понятия мезальянса.

В своей работе, посвященной государству Селевкидов, упомянутый ученый писал следующее: «Понятие мезальянса (у Селевкидов) отсутствовало. Селевк I сохранил Апаму, свою жену-персиянку, женой Селевка II была Лаодика, дочь Ахея. Еще в 191 г. до н. э. Антиох III мог жениться на молодой греческой девушке Евбее в порядке “пьяного каприза”. Современники посмеивались над этими поздними любовными увлечениями царя, но не упрекали его за вступление в неравный брак»[16].

Прежде всего, следует отметить, что Э. Бикерман, говоря об отсутствии понятия «мезальянс» у Селевкидов, почему-то рассматривает брачную политику сирийских царей как статичное явление, что не соответствует действительности. Как весьма убедительно показал Д. Огден, принципы династической практики Селевкидов, напрямую связанные с вопросами матримониальной политики сирийских царей изменялись как минимум дважды[17]. Собственно, и сам Э. Бикерман в той же работе несколькими строками выше, по сути, также говорил об изменениях, присущих брачной политике Селевкидов за время правления этой династии[18].

Далее, сами примеры, приведенные Э. Бикерманом в защиту данной точки зрения, являются недостаточно корректными. Как известно, Селевк Никатор женился на Апаме в то время, когда он даже не мог помышлять о царском титуле (Arr. Anab. VII. 4. 5-6)[19]. Кроме того, не исключено, что иранская аристократка находилась в родстве с Ахеменидами (ср.: Strab. XIV. 3. 15), что впоследствии стало немаловажным обстоятельством для Никатора, получившего контроль над значительной частью персидского наследия[20]. Ахей, на чьей дочери и внучке были женаты соответственно Антиох II и Селевк II (Euseb. Chron. I. 251 Schoene; Polyb. IV. 51; VIII. 22[21], по мнению многих исследователей был младшим братом Антиоха I и родоначальником младшей ветви династии Селевкидов[22].

[15] ср.: Зелинский 2009, 192; 2011, 86.

[16] Бикерман 1985, 26-27.

[17] Ogden 1999, 117.

[18] Бикерман 1985, 26.

[19] Ср.: Бенгтсон 1982, 60-61; Шахермайр 1984, 292-293; Ogden 1999, 119, 159 not. 6.

[20] Ср.: Tarn 1929, 140-141; Seibert 1967, 47; Ogden 1999, 119, 159 not. 6-7.

[21] Д. Огден, ссылаясь на свидетельство Полиена, высказал точку зрения, согласно которой Лаодика, жена Антиоха II была не дочерью Ахея, а единокровной сестрой самого царя (Polyaen. VIII. 50; Ogden 199, 124, 161 not. 38-39). Однако большинство исследователей, вслед за Порфирием/Евсевием (см.: выше), считают первую супругу Теоса дочерью Ахея (ср.: Ogden 1999, 161 not. 39). О том же, что Лаодика, упомянутая Полибием, доводилась сестрой Ахею младшему, а не его отцу, Андромаху, см.: Бенгтсон 1982, 221; Grainger 1997, 5; McGing 2010, 26.

[22] См. Beloch 1927, 204-206; Seibert 1967, 57; Billows 1995, 96-97; Grainger 1997, 127-128; Grainger 2010, 109, 135; Габелко 2006, 509; Габелко, Кузьмин 2008, 144 прим. 18; Кузьмин, Габелко 2012, 29; ср.: Ogden 1999, 160 not. 18. Основными аргументами в пользу данного предположения являются браки, заключенные дочерьми Ахея, Антиохидой и Лаодикой соответственно, с представителями дома Атталидов и Селевкидов (Strab. XIII. IV. 2; Euseb. Chron. I. 251 Schoene). При этом

Что же до брака Антиоха III с девушкой из знатной, но, разумеется, не царской халкидской семьи (Polyb. XX. 8) – между прочим, единственного в своем роде за всю историю династии Селевкидов — то он служит весьма красноречивым опровержением тезиса, выдвинутого Э. Бикерманом. Этот брак, возможно, имевший не только эротический, но и прагматический подтекст[23], по сути был чистой воды мезальянсом. При этом похоже, что данное обстоятельство прекрасно осознавал как сам царь, так и его современники. С одной стороны, в пользу такого положения вещей говорят удивление и даже возмущение, которое просматривается в наших источниках в связи с упомянутым поступком Антиоха (Liv. XXXVI, 11; см. также: Polyb. XX. 8; Diod. XXIX. f. 2; App. Syr. 16; Just. XXXI. 6; Plut. Tit. 16)[24]; с другой – вероятность того, что Антиох сделал Эвбею своей женой, но не дал ей при этом титула царицы[25]. Таким образом, исходя из внешней реакции на случившееся, а равно учитывая вероятный «урезанный» статус Эвбеи в браке с Сирийским царем, можно прийти к выводу, что женитьба Антиоха III на халкидской девушке была совершенно нетипична для матримониальной практики Селевкидов. Причем, уникальность данного брачного союза проистекала именно из его неравенства. Следовательно, понятие «мезальянс» было не только хорошо знакомо сирийским царям, но и воспринималось ими как нечто крайне нежелательное[26].

И, наконец, возвращаясь непосредственно ко мнению Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко по данному вопросу, следует отметить, что моим коллегам стоило бы рассматривать проблему наличия либо отсутствия мезальянса в случае общепринятой датировки брака Деметрия и Стратоники не с точки зрения Селевкидов, а с точки зрения Антигонидов. Поскольку именно наследнику, а возможно, и соправителю Антигона Гоната[27] – второму человеку в македонском царстве – пришлось бы после окончания II Сирийской войны брать в жены дочь «отставленной» супруги Антиоха II.

Теперь рассмотрим вопрос об уместности употребления понятия «незаконнорожденность» в контексте реалий, имевших место в эллинистических царских домах, и о корректности использования данного термина в интересующем нас случае. Прежде всего вынужден признать, что этот термин я употребил, действительно, не совсем уместно. При этом данная неуместность носит скорее не частный, а общепонятийный характер. Говоря о незаконорожденности детей Антиоха от Лаодики, я, конечно же, имел в виду не их рождение вне брака, а утрату ими права на ведущую роль во внутридинастической иерархии в следствие утраты их

также следует принять во внимание имена обеих девушек, имеющие явно селевкидские коннотации; поскольку, как известно, родителей Селевка I Никатора звали Антиох и Лаодика (App. Syr. 57; Just. XV. 3; Бенгтсон 1982, 59).

[23] Так, не исключено, что при помощи упомянутой женитьбы сирийский царь рассчитывал укрепить духовные связи с Элладой (см.: Plut. Tit. 16; ср.: Ogden 1999, 138; Grainger 2002, 219-220).

[24] Ср.: Ogden 1999, 137-138, 165 not. 124.

[25] Ср. Ogden 1999, 138, 165 not. 126.

[26] Стоит отметить, что один из авторов статьи, О. Л. Габелко, в своей более ранней работе охарактеризовал практику выдачи замуж царевен из дома Селевкидов за восточных династов как «добровольный мезальянс» (Габелко 2006, 509-510). При этом я не исключаю возможности, что отчасти именно ради избежания неравных партий для представительниц своего царского дома потомки Никатора соглашались наделять царским статусом своих новоявленых малоазийских родичей.

[27] См., например: Кузьмин 2005, 59-71; Кузьмин, Габелко 2012, 31.

матерью статуса законной царской супруги[28]. Исходя из этой двусмысленности, в дальнейшем я не стану употреблять данный вводящий в заблуждение термин. Впредь я ограничусь использованием понятия «утрата законного статуса», хоть и более громоздкого, но вместе с тем более соответствующего действительности. Последнее понятие, как мы увидим, было далеко не чуждым для эллинистических царских династий. В том числе и для дома Селевкидов.

Так, по мнению Д. Огдена, которое я всецело разделяю, одной из причин брака будущего Антиоха I с женой Селевка Никатора Стратоникой, уступленной царевичу собственным отцом (Val. Max. V. 7e. 1; App. Syr. 59-62, 65; Plut. Demetr. 38), было желание престарелого царя сохранить за Антиохом статус наследника престола[29]. Как показал английский исследователь, положение Антиоха, сына Селевка от Апамы, оказалось бы существенно подорванным, если бы у сирийского царя и его новой жены Стратоники родился ребенок мужского пола. Соответственно, с целью избежания такой возможности Никатор и отказался от молодой супруги в пользу сына[30].

На понижение статуса детей Птолемея Сотера от Эвридики после провозглашения их единокровного брата, будущего Птолемея Филадельфа — сына Сотера от Береники — наследником александрийского престола (Theocr. XVII; Trog. Prol. XVI; Just. XVI. 2; Paus. I. VI. 8; Diog. Laert. V. 78-79)[31] указывает С. Дмитриев. По мнению этого исследователя, именно повышение статуса Филадельфа, а равно и его родной сестры Арсинои, за счет детей Сотера от первой жены привело к внутридинастической «рокировке» при дворе Лисимаха Фракийского. Речь идет о неожиданном отказе Лисимаха в праве на престолонаследование своему старшему сыну, Агафоклу, женатому на Лисандре, дочери Птолемея Сотера и Эвридики (Paus. I. IX. 6-7; X. 3-4; ср.: Plut. Demetr. 31), в пользу детей от своей последней жены – вышеупомянутой Арсинои (App. Syr. 64; Just. XVII. 1; Paus. I. X. 3-4)[32]. В свою очередь, возвращение законного статуса детям самого Филадельфа от его первой опальной жены было сопряжено с их усыновлением новой супругой и родной сестрой египетского царя – все той же Арсиноей (OGIS 54; P.Hib. 91)[33].

И, наконец, Антигон Досон, став царем Македонии и женясь на вдове Деметрия II Фтии/Хрисеиде[34], специально подчеркнул незыблемость прав на наследо-

[28] Зелинский 2009, 188; Зелинский 2011, 84.

[29] Несколько ранее о подобной возможности вскользь упомянули С. Шервин-Уайт и Э. Курт (Sherwin-White, Kuhrt) 1993, 24).

[30] Ogden 1999, 121-123, 160 not. 20-30.

[31] Ср. Bevan 1927, 51-54; Бенгтсон 1982, 55-56; Hoelbl 2001, 24-25; Huss 2001, 249.

[32] Dmitriev 2007, 135–149.

[33] Mahaffy 1899, 76, 78; Ранович 1950, 178; Świderek 1967, 175; Lewis 1986, 41; Kirsten, Opelt 1989, 57; Jones, Habicht 1989, 321; Жигунин 2000, 41; Kosmetatou 2004, 220 not. 24; Buraselis 2005, 95-96, 98; Зелінський 2006, 45-46; 2009, 26-38; Mori 2008, 26 not. 42; Mueller 2009, 100-102; Кузьмин, Габелко 2012, 37. Ряд исследователей считает, что официальное усыновление Арсиноей Филадельфой детей Птолемея II от первого брака носило фиктивный характер и было осуществлено лишь после смерти данной царицы (ср. Kirsten, Opelt 1989, 61; Bennett 2005, 94-95). Однако, с моей точки зрения, логичнее предположить, что Арсиноя усыновила детей Птолемея в ответ на усыновление последним ее собственного старшего сына от брака с Лисимахом Фракийским (Зелінський 2009, 26, 32 прим. 5; й 2010, 305 прим. 236, 316 прим. 305; ср. Жигунин 1982, 72-73, 102-110; Oikonomides 1984, 148-150; 1998, 229-250; Huss 2001, 255-256, 259, 273-274, 280-283, 306, 311-312, 348-349).

[34] Я разделяю мнение исследователей, видящих в имени «Хрисеида» прозвище эпирской царевны Фтии, имеющее гомеровские коннотации (ср.: Ogden 180, 195 not. 67; Ладынин, Габелко, Кузь-

вание македонского престола в отношении своего пасынка, будущего Филиппа V (Euseb. Chron. I. 138 Schoene)[35]. Это заявление должно было послужить гарантией сохранения ведущего внутридинастического статуса за отпрыском Деметрия в случае появления у Досона и Хрисеиды собственных сыновей.

Таким образом, мы наблюдаем несколько случаев, демонстрирующих повышение, понижение либо специально оговоренное сохранение статуса ряда отпрысков всех ведущих эллинистических царских домов. Причем данные явления, как правило, были неразрывно связаны с изменениями положения, занимаемого во внутридинастической иерархии их матерями. Из общего ряда отчасти выпадает пример, связанный с Антигоном Досоном. Однако и в данном случае статус отпрысков македонского царского дома был непосредственно связан с личностью одного из их родителей. Только в отличие от предыдущих примеров, означенная роль принадлежала не матери, а отцу того или иного ребенка.

В заключение стоит подчеркнуть, что, на мой взгляд, не существует оснований, не позволяющих экстраполировать вышеуказанный принцип на внутридинастические реалии, имевшие место при дворе Антиоха Теоса. В пользу соответственной экстраполяции говорят данные, переданные Порфирием/Гиеронимом[36], а равно отсутствие источников способных, их опровергнуть. Более того, с моей точки зрения, на снижение статуса детей Лаодики после женитьбы Антиоха на дочери Филадельфа указывает тот красноречивый факт, что старший сын сирийского царя, невзирая на сложившийся к тому времени в державе Селевкидов принцип диархии[37], не был назначен соправителем отца.

Перейдем к вопросу о положении двоюродной сестры и бывшей жены Антиоха II Лаодики после развода (собственно, затрагивая данный вопрос, авторы статьи волей-неволей признали существование взаимосвязи между статусом детей эллинистических правителей и положением их матерей). Полностью разделяю

мин 2009, 139; Кузьмин, Габелко 2012, 35 прим. 40). На мой взгляд, данная коннотация заключается в том, что женитьба Деметрия на Фтие стала причиной раздора между Антигонидами и Селевкидами (Just. XXVIII. 1; Жигунин 1980, 133-134; ср.: Габелко, Кузьмин 2008, 145, 150-151; Кузьмин, Габелко 2012, 30) подобно тому, как история с дочерью жреца Хриса в итоге привела к ссоре между Агамемноном и Ахиллом (Hom. Il. I).

[35] Ср.: Ogden 1999, 182, 196 not. 85; Кузьмин, Габелко 2012, 35 прим. 42.

[36] Iste [Antiochus Deus] adversus Ptolemaeum Philadelphum, qui secundus imperabat Aegyptiis, gessit bella quamplurima, et totis Babylonis atque Orientis viribus dimicavit. Volens itaque Ptolemaeus Philadelphus post multos annos molestum finire certamen, filiam suam nomine Berenicen, Antiocho uxorem dedit, qui de priore uxore nomine Laodice, habebat duos filios, Seleucum, qui cognominatus est Callinicus, et alterum Antiochum. Deduxitque eam usque Pelusium: et infinita auri, et argenti millia dotis nomine dedit: Undeφ--- id est, dotalis appellatus est. Antiochus autem Berenicen consortem regni habere se dicens, et Laodicen in concubinae locum, post multum temporis amore superatus, Laodicen cum liberis suis reducit in regiam. Quae metuens ambiguum viri animum, ne Berenicen reduceret, virum per ministros veneno interfecit (Porphyr. FGH, 260. f. 43 = Hier. Com. In Dan. XI. 6-7; ср.: Val. Max. IX. XIV. e1; Plin. Nat. Hist. VII. 53).

[37] Ср.: Бикерман 1985, 23-24; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 25; Ogden 1999, 117-118, 123. К тому времени цари из династии Селевкидов уже трижды назначали своих сыновей соправителями. Селевк I Никатор сделал соправителем своего старшего сына, Антиоха (см.: выше). Сам же Антиох, став царем, сперва назначил своим соправителем старшего сына, Селевка (Trog. Prol. XXVI; бикерман 1985, 23-24; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 37; Grainger 1997, 13; Ogden 1999, 125, 161 not. 41-42). Когда же последний был казнен по подозрению в измене – соправителем отца стал сам будущий Антиох II Теос (Trog. Prol. XXVI; Бикерман 1985, 23; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 37; Grainger 1997, 13; Ogden, 1999, 125, 161 not. 42).

точку зрения Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко о том, что развод с Лаодикой мог носить со стороны Теоса вынужденный характер[38]. На этом основании будет логично сделать вывод, что причины, крывшиеся за разводом сирийского царя с Лаодикой и последующей его женитьбой на дочери Филадельфа Беренике, были более чем существенны (см. ниже), из чего следует, что Антиох, хотя бы на первых порах, был вынужден соблюдать все условия, связанные с новым браком — в том числе и отстранение сыновей Лаодики от престолонаследия. А значит, ни о каком сохранении высокого статуса за бывшей царицей и ее детьми в данный период попросту не могло быть и речи.

Более того, на мой взгляд, основной довод, приведенный авторами статьи в пользу прочного положения бывшей супруги Теоса при дворе, на самом деле свидетельствует как раз об обратном. Речь идет о размещении в общеэллинском святилище Великих богов на острове Самофракии копии документа, содержание которого сводится к фактической уступке земельного владения в Малой Азии, сделанной Антиохом в пользу Лаодики (OGIS 225). Исходя из данного обстоятельства, мои коллеги пишут следующее: «Отметим сам факт публикации на священном острове не межгосударственного договора или почетного постановления в честь царя, а, скажем так, хозяйственного документа; это указывает на важность фигурирующих в нем субъектов — селевкидского монарха и его первой жены»[39]. С моей же точки зрения, упомянутое обстоятельство свидетельствует о неуверенности бывшей царицы в соблюдении ее имущественных прав со стороны Антиоха либо, что вероятнее, со стороны его будущих потомков, рожденных от второго брака. Если бы Лаодика чувствовала себя уверенно в новой ситуации, возникшей при селевкидском дворе, то она бы не нуждалась в предоставлении ей дополнительных гарантий сохранения новоприобретенной недвижимости. Распоряжение же Антиоха о размещении одной из копий вышеупомянутого документа в одном из наиболее почитаемых храмов греческого мира, находящимся вне сферы влияния Селевкидов[40], по моему мнению, должно было служить дополнительной гарантией незыблемости прав Лаодики на уступленное ей владение.

Столь же сомнительным, с моей точки зрения, является и утверждение Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко, согласно которому Лаодика, равно как и ее дочь Стратоника, должны были сохранить высокий статус в доме Селевкидов благодаря близкому кровному родству с сирийскими царями[41]. Не следует забывать, что первая супруга Теоса хоть и доводилась мужу родственницей (предположительно двоюродной сестрой), однако, принадлежала к младшей ветви Селевкидов, происходящей от Ахея (см. выше). Вследствие развода она скорее всего, согласно греческому обычаю, должна была вернуться под формальную опеку собственного отца либо старшего из братьев[42]. Таким образом, она, бесспорно, сохранила статус члена царской семьи, но вследствие второстепенного положения своих бли-

[38] Кузьмин, Габелко 2012, 29 прим. 16; ср.: App. Syr. 65; Porphyr. FGH, 260. f. 43 = Hier. Com in Dan. XI. 6-7.

[39] Кузьмин, Габелко 2012, 30.

[40] Ср.: Will 1979, 241.

[41] Кузьмин, Габелко 2012, 29-30.

[42] В пользу такого развития событий свидетельствует тот факт, что Лаодика после развода осела в Малой Азии – регионе, где семейство Ахея пользовалось сильным влиянием (ср.: Grainger 2010, 135).

жайших родственников претендовать на ведущую роль в доме Селевкидов уже не могла[43]. Соответственно, и Стратоника, несмотря на то, что она «была селевкидского происхождения как по отцу, так и по матери»[44], в сложившейся ситуации должна была частично утратить свою матримониальную ценность.

Весьма уязвимым является на мой взгляд и следующий аргумент, приведенный моими коллегами. По их мнению, политическая ситуация, сложившаяся в Восточном Средиземноморьи на момент окончания II Сирийской войны, неукоснительно требовала нового сближения государства Селевкидов с Македонией, скрепленного династическим браком (см. выше). Разделяя точку зрения Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко касательно охлаждения, возникшего между Селевкидами и Антигонидами в середине 250-х гг.[45], я по прежнему не склонен датировать урегулирование взаимоотношений между обеими династиями временем завершения II Сирийской войны. Как уже было мной отмечено в предыдущих публикациях на данную тему, в 253/252 г. Антигон Гонат пребывал на пике своего могущества[46]. Владение Деметриадой, Халкидой Эвбейской и Коринфом – этими «оковами Эллады»[47] — в совокупности с прямым или косвенным контролем над значительной частью Балканской Греции и влиянием на Кикладах позволяли победителю в Хремони-

[43] В связи с вопросом о статусе Лаодики после развода нельзя не упомянуть весьма любопытный вавилонский клинописный документ, датированный 248 годом, в котором бывшая царица названа женой Антиоха II (ср.: Boyi 2004, 146; Grainger 2010, 153; Кузьмин, Габелко 2012, 30). На первый взгляд, это обстоятельство должно свидетельствовать в пользу сохранения за Лаодикой статуса царской супруги даже после женитьбы Теоса на Беренике либо, как считает Дж. Грейнджер, о довольно скором возвращении ей упомянутого статуса (Grainger 2010, 153). Однако свидетельство вышеуказанного документа расходится с данными всех известных нам нарративных источников, говорящих о разводе Теоса с Лаодикой по окончанию II Сирийской войны и о повторном обретении ею положения царицы лишь накануне смерти Антиоха (см. выше). С моей точки зрения, существует некое довольно гипотетическое, но вместе с тем не лишенное правдоподобности объяснение, способное пролить свет на непонятный поступок автора вавилонского документа. Как мне представляется, наименование Лаодики женой Антиоха было результатом чересчур поспешной реакции жителей Вавилона на слухи о возможном возвращении первой супруги Теоса к царскому двору. Как мы увидим ниже, Антиох был вынужден расстаться с Лаодикой из чисто политических соображений. При этом, как показывают события 246 года, сирийский царь готов был при первой же подходящей возможности вернуть своей бывшей жене и ее детям ранее утраченный статус. Тем более что послевоенные отношения Антиоха с александрийским двором были далеко не идиллическими (см. ниже). Формальным же поводом для первой попытки развода с Береникой могла послужить довольно длительная бездетность последней. До нас дошел анекдот, в котором рассказывается, как Птолемей Филадельф, выдав замуж Беренику, посылал ей нильскую воду, чтобы его дочь пила воду только из этой реки (Polyb. Per. F. 154 = Athen. II. 45c). По мнению современных исследователей, за этой прихотью Филадельфа стояло желание последнего ускорить рождение у Береники сына, поскольку нильская вода якобы способствовала увеличению плодородия во всех его проявлениях (Beyer-Rotthoff 1993, 19; ср.: Ogden 1999, 129, 163 not. 77). По моему мнению, отец Береники мог прибегнуть к столь оригинальному средству ввиду продолжительного отсутствия у дочери потомства. Нетрудно также допустить, что последнее обстоятельство могло вызвать нарекания со стороны Антиоха, переходящее в разговоры о расторжении бесплодного брака и возвращении к первой жене. Эти-то разговоры, дошедшие до Вавилона, и могли подтолкнуть автора интересующего нас текста, возможно желавшего угодить Антиоху и подчеркнуть лояльность к Лаодике, к упоминанию последней в качестве супруги сирийского царя.

[44] Ср.: Кузьмин, Габелко 2012, 30.

[45] Габелко, Кузьмин 2008, 149-150; Кузьмин, Габелко 2012, 28 прим. 7.

[46] Зелинский 2009, 189; 2011, 85.

[47] Hammond, Walbank 1988, 269-270; Adams 2010, 220-221. Оковами Эллады эти города образно окрестил внук Гоната, македонский царь Филипп V (Polyb. XVIII. 11; Liv. XXXII. 37; Plut. Tit. 10).

довой войне и в навмахии при Косе чувствовать себя более чем уверенно[48]. Соответственно, правитель Македонии в тот момент не нуждался в кардинальном сближении с Селевкидами, скрепленным, к тому же, весьма сомнительным браком Деметрия с дочерью Лаодики.

Следует признать, что вопреки моему более раннему утверждению[49], положение Антиоха Теоса на момент заключения мира с Филадельфом было менее завидным, чем у Гоната; но даже невзирая на это правитель державы Селевкидов не испытывал серьезной необходимости в возобновлении тесной дружбы с македонским правителем. Сирийский царь хоть и победил в войне с Египтом[50], но эта победа досталась ему слишком дорогой ценой. Вследствие сосредоточения основных сил Антиоха на борьбе с Филадельфом возникла реальная угроза отпадения от государства Селевкидов двух восточных сатрапий: Парфии и Бактрии (Just. XLI. 1; Strab. XI. 9. 2-3; App. Parth. F. 31-32; App. Syr. 65)[51]. Похоже, что именно этим обстоятельством можно объяснить согласие Антиоха на заключение мира, сопряженного с небезопасным для судьбы династии разводом с Лаодикой и последующей женитьбой на Беренике[52]. Вероятнее всего, в первые несколько лет после окончания войны все внимание Теоса было сконцентрировано на урегулировании ситуации, сложившейся в восточных областях его державы[53]. При этом сближение с Македонией вряд ли могло бы стать для него существенным подспорьем в решении упомянутой проблемы. Кроме того, в сложившейся ситуации Антиох должен был бы выступить не только как инициатор примирения с македонскими родичами, но и как более слабая из договаривающихся сторон. В этом случае ему пришлось бы пойти на определенные уступки, в том числе связанные с контролем над фракийской территорией, приобретенной накануне или во время II Сирийской войны[54]. Учитывая же тот факт, что к началу III Сирийской войны упомянутая территория оставалась у Селевкидов[55], можно со значительной долей уверенности предположить, что в конце 250-х гг. Антиох не предпринимал никаких серьезных попыток к сближению с Македонией.

---

[48] См.: Бенгтсон 1982, 184-185; Walbank 1984, 236-243; Hammond, Walbank 1988, 291-294; Кузьмин 2003а, 114-133; Adams 2010, 221.

[49] Зелинский 2009, 189; Зелинский 2011, 85.

[50] См.: Will 1979, 238-243; Heinen 1984, 418-419; Winnicki 1989, 58-77; Hoelbl 2001, 44-45; Huss 2001, 286-287; Grainger 2010, 117-152.

[51] О датировке означенных событий серединой 250-х гг. см.: Debevoise 1938, 910; Musti 1984, 213-214, 219-220; Walbank 1993, 140; Grainger 2010, 140-141.

[52] Ср.: Will 1979, 239-240; Ладынин, Габелко, Кузьмин 2009, 135.

[53] С моей точки зрения, на это обстоятельство указывает пребывание Антиоха в в восточной части его державы, зафиксированное в первые послевоенные годы (ср. Grainger 1010, 150; Балахванцев 2011, 88); а равно, длительное отсутствие царского титула у фактически независимого сатрапа Бактрии Диодота (Holt 1999, 94-101).

[54] Я всецело разделяю точку зрения исследователей, относящих европейскую кампанию Антиоха II (Polyaen. IV. 16; Memn. FGH, 434, f. 15) ко времени II Сирийской войны (Дройзен 1995, 220-222; Невская 1953, 140-141; Сапрыкин 1986, 137; 1996, 52; Huss 2001, 283 Anm. 237; Avram 2003, 1181-1213; Габелко 2006, 215 прим. 851; Кузьмин, Габелко 2012, 28 прим. 7; ср.: Балахванцев 2011, 87 прим. 86), а не к 250 г. (Will 1979, 247-248; Жигунин 1980, 113-114; Cohen 1995, 83; Grainger 2010, 142-145; Балахванцев 2011, 87-88).

[55] Об этом свидетельствует факт завоевания данной области во время III Сирийской войны Птолемеем Эвергетом (OGIS 54; Polyb. V. 34; Hoelbl 2001, 50; Huss 2001, 348).

На мой взгляд, некоторое потепление в отношениях между сирийским и македонским царями могло произойти лишь в 250/249 г. Причиной тому стало усиление внешней активности Египта, с одной стороны, и ослабление позиций Македонии с другой. Так, в 251-250 гг., Филадельф, пользуясь проегипетскими симпатиями молодого правителя Сикиона, Арата (Cic. De Of. II. 82; Plut. Arat. 11-13, 15)[56], и отпадением от Антигона своего вероятного союзника — нового македонского наместника коринфской области и Эвбеи, Александра (Trog. Prol. XXVI)[57], вновь усилил свое влияние в Балканской Греции и на Кикладах[58]. Примерно в это же время египетский правитель заключил соглашение со своим сводным братом, киренским царем Магасом, о фактической инкорпорации Киренаики в состав птолемеевской империи после смерти последнего (Just. XXVI. 3)[59]. Это соглашение косвенно ущемляло интересы Антиоха, на чьей сестре Апаме был женат Магас (Euseb. Chron. I. 249 Schoene)[60]. Таким образом, действия египетского царя тем или иным способом были направлены как против Гоната, так и против Теоса, что не могло не подтолкнуть обоих правителей к новому сближению[61]. При этом, в отличие от политической ситуации, сложившейся в конце 250 гг., Антиох и Антигон выступали бы фактически на равных. Следует также отметить, что именно в контексте данного сближения стоит рассматривать и заключение, если можно так выразиться, второстепенного династического союза, послужившего еще одним связующим звеном между домами Антигонидов и Селевкидов[62]. Речь идет о кратковременном обручении (или даже формальном бракосочитании[63]) единокровного брата Антигона Гоната, Деметрия Красивого (Plut. Demetr. 53; Diog. Laert. IV. 41; ср.: Euseb. Chron. I. 237 Schoene) и дочери Магаса Киренского от Апамы, родной племянницы жены Антиоха Теоса (!) Береники, состоявшемся в 250/249 г. (Trog. Prol. XXVI; Just. XXVI. 3)[64].

---

[56] Ср.: Жигунин 1980, 114-120; Huss 2001, 303; Grainger 2010, 151.

[57] Ср.:Жигунин 1980, 114-120; Buraselis 1982, 171; Huss 2001, 303; Кузьмин 2003.2, 63-67; Зелинский 2008, 52; Grainger 2010, 151.

[58] Buraselis 1982, 170-172; Hoelbl 2001, 45; Huss 2001, 303-304. Дж. Грейнджер хоть и не считает, что действия Арата и Александра Коринфского привели к усилению позиций Филадельфа в Греции, однако не отрицает серьезного ослабления Гоната ввиду пелопоннесских событий конца 250-х гг. (Grainger 2010, 151).

[59] Большинство современных исследователей датируют смерть Магаса 250/249 г. (ср.: Hoelbl 2001, 45-46; Bennett 2003, 69; Mueller 2009, 111; Grainger 2010, 146-148). Исчерпывающий источниковедческий и историографический анализ проблемы, связанной с различными датировками смерти Магаса и, соответственно, заключения вышеупомянутого соглашения правителя Кирены с Филадельфом (ср.: Just. XXVI. 3), осуществил К. Беннетт в рамках своего электронного проекта “Egyptian Royal Genealogy” (Bennett 2001-2011).

[60] Ср.: Hoelbl 45; Mueller 2009, 109-110; Grainger 2010, 146-148, 151.

[61] О нарастании напряженности в отношениях между Птолемеем II и прочими ведущими эллинистическими властителями в указанный период см., например: Grainger 2010, 146-152.

[62] К тому времени Селевкиды и Антигониды успели породниться дважды. Стратоника, дочь Деметрия I Полиоркета, стала сперва женой Селевка I, а затем Антиоха I (Nepos, XXI. 3; Plut. Demetr. 31-32; также см. выше); дочь Селевка I и Стратоники, Фила, была выдана замуж за Антигона Гоната (Бенгтсон 1982, 179; Жигунин 1980, 66; Hammond, Walbank 1988, 251; Ogden 1999, 178, 194 not. 50; Кузьмин 2003.1, 36 прим. 87; Ладынин, Габелко, Кузьмин 2009, 141).

[63] Ср.: Зелінський 2006, 43-49.

[64] Ср.: Ogden 1999, 80-81; Hoelbl 2001, 45-46; Bennett 2003, 69-70; Grainger 2010, 146-148. Киренская эскапада закончилась для Деметрия трагически. Настроив против себя население Кирены

И в завершение осталось рассмотреть два последних аргумента предложенных моими коллегами в рамках нашей дискуссии. Речь идет о соображениях, непосредственно связанных с династической историей державы Антигонидов. Ю. Н. Кузьмин и О. Л. Габелко видят возможную причину согласия Никеи на брак с Деметрием женатым к тому времени на Стратонике в бездетности последней. Они считают, что вдова Александра надеялась оттеснить сирийскую царевну от македонского трона, родив Деметрию сына (см. выше). Но не стоит забывать, что в середине 240-х гг. дочери Антиоха было всего лишь около двадцати лет[65], тогда как вдове Александра (между прочим, не имевшей детей в предыдущем браке[66]) — около сорока[67]. Таким образом, мне представляется невероятным, чтобы осторожная и осмотрительная Никея[68], зная о наличии у Деметрия молодой жены из дома Селевкидов, могла бы планировать свое будущее, исходя из подобных иллюзий[69]. Поэтому, я продолжаю считать невозможным согласие хозяйки Коринфа на брак с македонским царевичем при наличии у последнего более знатной и более молодой супруги.

В данном случае ничего не меняет и то обстоятельство, что в итоге Деметрий все-таки развелся со Стратоникой, чтобы жениться на эпирской царевне Фтии (см. прим. 34). По мнению Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко первопричиной для упомянутого развода послужило полное бесплодие дочери Антиоха, о котором, как они предполагают, было хорошо известно еще в середине 240-х гг.[70] (см. выше). Однако даже если допустить, что развод состоялся по причине бесплодия Стратоники (ср. прим. 69), которой на тот момент не исполнилось и тридцати (см. выше), это не означает, что «медицинский приговор» был вынесен селевкидской царевне еще за 7-8 лет до описываемых событий (см. выше).

Кроме того, развод македонского царя мог быть вызван и другими причинами, носившими политический или даже общечеловеческий характер. В первом случае женитьбу Деметрия на эпирской царевне и, соответственно, развод сына Гоната со стратоникой можно рассматривать в связи с усилением и сближением Этолийского и Ахейского союзов, враждебно настроенных по отношению к Македонии[71]. При этом соседний Эпир мог представляться Деметрию куда более полезным союзником, чем отдаленная держава Селевкидов, к тому же раздираемая гражданской войной между Селевком II Каллиником (см. выше) и его братом Антиохом

с Береникой включительно, он был убит по приказу последней (Trog. Prol. XXVI; Just. XXVI. 3; ср.: Catul. LXVI. 27-28).

[65] Кузьмин, Габелко 2012, 32.

[66] Во всяком случае, о наличии у Никеи детей от Александра не упоминают ни Плутарх, ни Полиен (Plut. Arat. 17; Polyaen. IV. VI. 1).

[67] Кузьмин, Габелко 2012, 32-33.

[68] Именно такой Никею изображает Плутарх (Plut. Arat. 17, 2).

[69] При этом, вполне возможно, что Стратоника в итоге, действительно, не родила Деметрию ни одного ребенка. В частности, единственная известная нам дочь Деметрия, Апама (Ogden 1999, 179; Габелко, Кузьмин 2008, 160-161), по видимому, была рождена царевной из династии эпирских Эакидов, Фтией/Хрисеидой (ср.: Кузьмин, Габелко 2012, 32). В пользу данной точки зрения говорит выявленная О. Л. Габелко генетическая связь между эпирским и вифинским царскими домами, осуществленная через Апаму, ставшую женой вифинского царя Прусия I (Габелко, Кузьмин 2008, 159-163).

[70] Кузьмин, Габелко 2012, 32. Это событие произошло в 239/238 г. (Жигунин 1982, 132-133; Hammond, Walbank 1988, 322-323; Кузьмин, Габелко 2012, 34).

[71] Ср.: Polyb. II. 44; Plut. Arat. 33; Hammond, Walbank 1988, 323-324; Жигунин 1982, 138.

Гиераксом[72]. Во втором случае упомянутый развод, последовавший практически сразу после смерти Гоната (ср. прим. 70)[73], мог быть вызван личной неприязнью Деметрия по отношению к Стратонике, обладавшей, если верить Агафархиду, весьма взбалмошным и неуживчивым характером[74]. Можно допустить, что сына Антигона удерживала от разрыва с селевкидской царевной исключительно воля отца. И лишь после смерти последнего новый македонский царь решился расторгнуть нежелательный для него брак.

Последний из доводов, приведенных авторами статьи в пользу более ранней датировки брака Деметрия и Стратоники, базируется на том обстоятельстве, что сыну Гоната в середине 240-х гг. было около тридцати лет. Они считают маловероятным вступление наследника македонского престола в первый брак в столь зрелом возрасте (см. выше). Однако нам известно несколько случаев, при которых не только наследники престола, но даже эллинистические правители достигали еще более зрелых лет, оставаясь при этом неженатыми. Так, сам Антигон гонат вступил в брак с Филой (см. прим. 62), когда ему было уже за сорок[75]. В свою очередь, преемник Филадельфа на александрийском престоле, Птолемей III Эвергет взял в жены Беренику Киренскую (Catul. LXVI; ср.: Just. XXVI. 3)[76], будучи примерно 35-летним мужчиной[77]. Таким образом, весьма поздние браки в среде представителей эллинистических царских домов не были столь уж невероятными. Следовательно, и этот аргумент, приведенный моими оппонентами, также является недостаточно убедительным.

В заключение осталось отметить, что хотя публикация Ю. Н. Кузьмина и О. Л. Габелко побудила меня пересмотреть ряд высказанных ранее предположений, в целом я и далее предлагаю относить брак будущего Деметрия II и Стратоники к 246 г.

ЛИТЕРАТУРА

Балахванцев А. С. 2011: «Новый» рескрипт Зиела Вифинского // ВДИ. 1, 74-92.

Бенгтсон Г. 1982: Правители эпохи эллинизма. М.

Бикерман Э. 1976: Хронология Древнего мира. М.

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Габелко О. Л. 2006: Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства): дисс... докт. ист. наук. Казань.

Габелко О. Л., Кузьмин Ю. Н. 2008: Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 1, 141–164.

Дройзен И. 1995: История эллинизма. Т. 3. Ростов-на-Дону.

Жигунин В. Д. 1980: Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань.

Жигунин В. Д. 2000: О морской победе Птолемея Филадельфа над Антигоном Гонатом // Античность: эпоха и люди. Казань, 39-50.

[72] Ср.: Жигунин 1982, 134-138; Grainger 2010, 171-194.

[73] Антигон Гонат умер в 239 г. (Hammond, Walbank 1988, 313).

[74] Flav. Contra Ap. I. 206-207; ср.: Габелко, Кузьмин 2008, 145-146.

[75] Ср.: Ogden 1999, 178; Кузьмин 2003.1, 36.

[76] О датировке этого события см.: Gehrke 1990, 103; Gutzwiller 1992, 359; Ogden 1999, 80-81; Mueller 2009, 111; Зелінський 2010, 504-505 прим. 438.

[77] Ср.: Huss 2001, 306-307; Зелінський 424, 505 прим. 440.

Зелинский А.Л. 2008: Terminus post quem для восстания Александра Коринфского // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения *академика В.* П. Бузескула (10–11 октября 2008 года. Харьков) / С.В. Дьячков (от. ред). Харьков, 52.

Зелинский А.Л. 2009: К датировке брака будущего Деметрия II со Стратоникой // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 187–193.

Зелинский А.Л. 2011: Возможная датировка брака Деметрия II со Стратоникой // СхСв. 2, 84–89.

Зелінський А.Л. 2006: До дискусії стосовно Береніки Посидіппа (P. Mil. Vogl. 309 AB 78-82) // СхСв. 2, 43-49.

Зелінський А.Л. 2009: Птолемей III і Анубіс: можливість неофіційного ототожнення // Сх.Св. 4, 26-38.

Зелінський А.Л. 2010: Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. К.

Кузьмин Ю. Н. 2003a: Внутренняя и внешняя политика Македонского царства (270 – 230 годы до н.э.): дисс… канд. ист. наук. Саратов.

Кузьмин Ю.Н. 2003 b: К истории III в. до н.э.: мятеж Александра, сына Кратера // Studia historica. 3, 63-73.

Кузьмин Ю.Н. 2005: Деметрий II — соправитель Антигона Гоната // Antiquitas aeterna. 1, 49-60.

Кузьмин Ю.Н., *Габелко О.Л.* 2012: Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50-20-е гг. III в. до н.э. // ПИФК. 1, 27-41.

Ладынин И.А., *Габелко О.Л.*, *Кузьмин Ю.Н.* 2009: Новая концепция династической истории эллинизма? Размышления по поводу *монографии Д.* Огдена (*Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dyna ties. London; Swansea: Duckworth — The Classical Press of Wales, 1999. XXXIV, 317 p.) // Античный мир и археология. 13, 120-148.

Невская В.П. 1953: Византий в классическую и эллинистическую эпоху. М.

Ранович А.Б. 1950: Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.

Сапрыкин С.Ю. 1986: Гераклея Понтийская и Херсонесс Таврический. М.

Сапрыкин С.Ю. 1996: Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.

Шахермайр Ф. 1984: Александр Македонский. М.

Adams W. 2010: Alexander's Successors to 221 BC // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (ed.). Oxford, 208-224.

Avram A. 2003: Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphe et la mer Noire // CRAI. 3, 1181-1213.

Beloch K.J. 1927: Griechische Geschichte. 2. Aufl. IV.2. Leipzig.

Bennett Ch. 2001-2011: Egyptian Royal Genealogy. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tyndalehouse.com/Egypt.

Bennett Ch. 2003: Three Notes on Arsinoe I // A Delta-Man in Yebu / A. Eyma & Ch. Bennett (ed.). Parkland, 64-72.

Bennett Ch. 2005: Arsinoe and Berenice at the Olympics // ZPE. 154, 91-96.

Bevan E. 1927: The House of Ptolemy. London.

Beyer-Rotthoff B. 1993: Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn.

Billows R. 1995: Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln.

Boiy T. 2004: Late Achaemenid and Hellenistic Babylonia. Leuven.

Buraselis K. 1982: Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München.

Buraselis K. 2005: Kronprinzentum und Realpolitik. Bemerkungen zur Thronanwartschaft, Mitregentschaft und Thronfolge unter den ersten vier Ptolemaeern // Gerión (an.). 9, 91-102.

Cohen G. 1995: The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley.

Debevoise N. 1938: A Political History of Parthia. Chicago.

Dmitriev S. 2007: The Last Marriage and the Death of Lysimachus // GRBS. 47, 135-149.

Gehrke H.-J. 1990: Geschichte des Hellenismus. München.

Grainger J. D. A 1997: Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln.

Grainger J. D. 2002: The Roman War of Antiochos the Great. Leiden; Boston.

Grainger J. D. 2010: The Syrian Wars. Leiden; Boston.

Gutzwiller K. 1992: Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // The American Journal of Philology. 3, 359-385.

*Hammond N. G.*L., *Walbank F. W.* 1988: A History of Macedonia. III. Oxford.

Heinen H. 1984: The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // CAH. VII. 1, 412-445.

Hölbl G. 2001: A History of the Ptolemaic Empire. London; New York.

Holt F. 1999: Thundering Zeus. The Making of Hellenistic Bactria. Berkeley; Los Angeles; London.

Huss W. 1998: Ptolemaeios der Sohn // ZPE. 12, 229-250.

Huss W. 2001: Aegypten in hellenistischer Zeit: 332-30 v.Chr. München.

Jones C., Habicht Ch. 1989: A Hellenistic Inscription from Arsinoe in Cilicia // Phoenix. 4, 317-346.

Kirsten E., Opelt I. 1989: Eine Urkunde der Gruendung von Arsinoe in Kilikien // ZPE. 77, 55-66.

Kosmetatou E. 2004: Constructing Legitimacy. The Ptolemaic "Familiengruppe" as a Means for Self-Definition in Posidippus' Hippika // Labored in Papyrus Leaves. Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P.Mil.Vogl. VIII 309) / B. Acosta-Hughes, E. Kosmetatou and M. Baumbach (ed). Washington, 212-224.

Lewis N. 1986: Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford.

Mahaffy J. P. 1899: A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L.

McGing B. 2010: Polybios' Histories. Oxford.

Mori A. 2008: The Politic of Apollonius Rhodius' Argonautica. Cambridge, New York; etc.

Müller S. 2009: Das hellenistische Königspaar inder medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. B., New York/

Musti D. 1984: Syria and the East // CAH. VII. 1, 175-220.

Ogden D. 1999: Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties. Swansea.

Olmstead A. T. 1937: Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology // CPh. 32.1, 1–14.

Sachs A. J., Wiseman D. J. 1954: A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 16.2, 202–212.

Seibert J. 1967: Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden.

Sherwin-White S., Kuhrt A. 1993: From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire. Berkeley; Los Angeles.

Świderek A. 1967: Hellada królów. Warszawa.

Tarn W. W. 1929: Queen Ptolemais and Apama // The Classical Quarterly. 3/4, 138-141.

Walbank F. W. 1984: Macedonia and Greece // CAH.2 VII. 1, 221–256.

Walbank F. W. 1993: The Hellenistic World. Ed. 2. Cambridge (Mass.).

Will Éd. 1979: Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). I. Nancy.

Winnicki J.-K. 1989: Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. Warszawa.

A RETHINK OF THE DATING OF WOULD-BE DEMETRIOS II AND STRATONICE'S MARRIAGE

A. L. Zelinsky

The article "Antigonid Matrimonial Policy in 250–220-s BC", published in the "Journal of Historical, Philological and Cultural Studies", issue 1, 2012 by Russian scholars Yu. N. Kuzmin and O. L. Gabelko challenges the dating of the marriage of Demetrios II, future king of Macedonia, and Stratonice, the daughter of Antiochos II Theos, which I have offered earlier. The article of my colleagues once again links the aforementioned event with the ending of II Syrian war (253/252 BC). Their comments have inspired me to review some of my earlier assumptions, and also to offer a few new arguments in support of my theory. As a result, I came to the conclusion that the marriage of Demetrios and Stratonice, which was planned and prepared by Antiochos II, had actually taken place in the time of Seleukos II Callinikos, son and successor of Antiochos II, in late summer or in early autumn of 246 BC.

Key words: Hellenism, dynasty history, Antigonids, Seleucids, Ptolemies, Demetrios II, Stratonice, Nikaia

---

© 2012

Р. В. Лапырёнок

LEX SEMPRONIA AGRARIA И СОЮЗНИКИ

В статье рассматривается проблема воздействия земельного закона Тиберия Гракха на имущественные интересы италийских союзников Рима. Автор анализирует сообщения источников о содержании *lex Sempronia agraria* и приходит к выводу, что только римские граждане имели право участия в аграрной программе Тиберия Гракха. По его мнению, сведения письменных источников о реакции италиков на методы работы комиссии *IIIviri a. i. a.* свидетельствуют в пользу того, что Тиберий Гракх намеревался привлечь для раздела среди малоимущих римлян *всю* землю из фонда *ager occupatorius*, находившуюся в пользовании у союзников.

Ключевые слова: Древний Рим, lex Sempronia agraria, Тиберий Гракх, Италия, союзники, ager publicus

Конфликты внутри гражданского коллектива вызвали к жизни италийский вопрос, который на многие десятилетия предопределил политическое развитие Рима. Проблема взаимоотношений внутри Римско-италийского союза в период поздней Республики рассматривается в основном с точки зрения событий 91-88 гг. до н. э. При изучении противоречий, приведших к началу Союзнической войны, многие исследователи обращаются также и к политике Тиберия Гракха в отно-

Лапырёнок Роман Викторович — кандидат исторических наук, докторант кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: lapyrionok@mail.ru

шении *socii nominisque Latini*. В данном случае первостепенное значение имеют следующие вопросы: воздействие *lex Sempronia agraria* на имущественные интересы италийской элиты и возможное участие граждан союзнических общин в программе наделения землёй малоимущих, представленной Тиберием Гракхом.

В античных источниках вышеозначенной проблематике, к сожалению, уделяется недостаточно внимания. Наибольшее количество информации по этому поводу мы находим в произведениях греческих историков Плутарха и Аппиана. Последний считает, что своим появлением земельный закон Тиберия Гракха был обязан, прежде всего, проблеме рекрутирования, которая стала особенно актуальной во второй половине II в. до н. э. *Lex Sempronia agraria* должен был решить данную проблему путём поддержки мелкого землевладения, являвшегося основой социальной структуры римской гражданской общины. Для этой цели создаётся аграрная комиссия, в функции которой входило наделение малоимущих римлян и италиков земельными участками. Таким образом, в рассказе Аппиана присутствует указание на стремление Тиберия Гракха обеспечить землёй не только римских граждан, но и союзников (App. B. C. 1. 9). Изложение Плутарха предлагает несколько иные акценты. Приступая к характеристике *lex Sempronia agraria*, он говорит о социальной дифференциации в среде *римского* гражданского коллектива как о главной причине гракханского движения (Plut. Tib. Gracch. 8. 1–2). Это становится очевидным при чтении широко известной речи Тиберия Гракха, которую передаёт Плутарх (Plut. Tib. Gracch. 9. 5–6). Плебейский трибун произносит её перед «народом», то есть перед *populus Romanus*. Римские авторы определяют в качестве главной причины гракханского движения нумантинские события[1].

В современной историографии уже не раз отмечалось, что термин *Italia* в античной традиции имеет не только географическое, но и юридическое наполнение[2]. К сожалению, не всегда представляется возможным выяснить, какое именно из этих значений подразумевается тем или иным автором. В некоторых случаях с помощью понятия *Italici* обозначаются жители римских *fora et conciliabula*[3]. Такое определение, видимо, было необходимо для того, чтобы отличать их от

[1] Cic. har. resp. 43: *nam Ti. Graccho invidia Numantini foederis, cui feriendo, quaestor C. Mancini consulis cum esset, interfuerat, et in eo foedere improbando senatus seueritas dolori et timoris fuit, eaque res illum fortem et clarum uirum a grauitate patrum desciscere coegit*; Flor. 2. 2.: *sed hic* (Тиберий Гракх — Р. Л.), *siue Mancinianae deditionis, quia sponsor foederis fuerat, contagium timens et inde popularis, siue aequo et bono ductus, quia depulsam agris suis plebem miseratus est…*"; Vell. II. 2. 1–2: *immanem deditio Mancini ciuitatis movit dissensionem. quippe Ti. Gracchus…quo quaestore et auctore id foedus ictum erat, nunc grauiter ferens aliquid a se factum infirmari, nunc similes vel iudicii vel poenae metuens discrimen…*".

[2] Galsterer 1976, 37-39; De Libero 1994, 303-304.

[3] Galsterer 1976, 39. Macrob. Sat. 3. 17. 6: *Fanniam legem post annos decem et octo lex Didia consecuta est. Eius ferundae duplex causa fuit, prima et potissima ut universa Italia, non sola urbs, lege sumptuaria teneretur, Italicis existimantibus Fanniam legem non in se sed in solos urbanos cives esse conscriptam*. Это относится и к другому пассажу из «Ab urbe condita» (Liv. 29. 37. 3: *uectigal etiam nouum ex salaria annona statuerunt. sextante sal et Romae et per totam Italiam erat; Romae pretio eodem, pluris in foris et conciliabulis et alio alibi pretio praebendum locauerunt*). При его переводе на немецкий язык Л. де Либеро (De Libero 1994, 312: „Es heißt zum einen: „Ein Sechstel As betrug der Salzpreis in Rom und ganz *Italia*", zum anderen „Die Censoren hoben bei der Verpachtung des Salzgeschäftes den Preis im Landgebiet Roms an.") теряет одну очень важную часть латинского предложения. Эта часть (*Romae pretio eodem*) заставляет усомниться в справедливости подобной интерпретации. Цензоры определяли цены только для *ager Romanus*, территорией которого и ограничивалась их компетенция.

городского населения Рима[4]. У Макробия мы находим один пассаж, содержание которого и позволяет сделать подобное заключение. Речь в нём идёт о *lex Didia*, одном из так называемых *leges sumptuariae*[5]. Однако Л. де Либеро выступает против мнения Г. Гальстерера, который считает, что за латинским *Italici* в данном пассаже скрываются жители римских *fora et conciliabula*. Она полагает, что здесь мы имеем дело с ошибкой Макробия, так как описываемая им ситуация невозможна с правовой точки зрения. Действие любого римского закона распространялось не только на *cives Romani*, проживающих непосредственно на территории «Вечного города», но и на сельское гражданское население[6]. Таким образом, в указанном пассаже подразумеваются италики, а не жители римских *fora et conciliabula*. Этот аргумент, впрочем, не является неоспоримым. В первую очередь, конечно, хотелось бы отметить, что не так важно, соответствовало ли высказывание Макробия юридической практике того времени. На мой взгляд, решающее значение имеет тот факт, что в данном пассаже мы встречаем ярко выраженное противопоставление: *universa Italia — sola urbs* и *Italici — urbani cives.*

Впрочем, историческую ценность сообщения Макробия не следует преувеличивать, ведь от рассматриваемых событий его отделяло не одно столетие. Свои заключения он делал на основе источников из республиканского времени, социальные реалии которого значительно отличались от условий имперского периода. Это относится также и к трудам других греческих и римских авторов, чьи сведения мы используем при изучении гракханского движения. Действительно, сложно ожидать предельной точности при передаче латинских терминов, например, от Плутарха или Аппиана, которые ко всему были ещё и греками. Термины *Italia* и *Italici* в их время несли в себе совершенно другое смысловое наполнение. Возвращаясь к высказанной Л. де Либеро точке зрения, необходимо принимать во внимание следующее: даже если её интерпретация указанного фрагмента из произведения Макробия и верна, то всё равно остаётся непонятным, каким образом действие римского закона могло напрямую распространяться на италиков, которые пользовались своими собственными правовыми системами.

В своём комментарии к одному пассажу из «Институций» Гая, где последний рассказывает о *lex Furia testamentaria* (Gaius Inst. III. 121-122). В качестве аргумента он использует тот факт, что этот закон переняли латинские союзники Рима, о чём в речи «pro Balbo» сообщает Цицерон[7]. Опираясь на свидетельство «отца отечества», Л. де Либеро пытается отстоять свой тезис о распространении действия римских законов на италийские общины. Однако в указанном пассаже из «pro Balbo» ничего не говорится о том, что этот случай соответствовал обычной юридической практике того времени. Речь здесь идёт о добровольной акции со стороны латинов. Последние, видимо, высоко оценили правовое качество выше-

[4] В отношении Аппиана эта идея была впервые сформулирована Д. Кончаловским: Kontchalovsky 1926, 173.

[5] Наиболее подробно особенности употребления античными авторами терминов „Italia“ и „Italici“ рассматриваются в работе Г. Гальстерера: Galsterer 1976, 37-40. Л. де Либеро (De Libero 1994, 322-323), впрочем, считает, что политическое значение понятия „Italici“ охватывало не только всё римское население Италии, но и *socii nominisve Latini*.

[6] De Libero 1994, 309.

[7] Cic. Balb. 21: *tulit apud maiores nostros legem C. Furius de testamentis, tulit Q. Voconius de mulierum hereditatibus; innumerabiles aliae leges de civili iure sunt latae; quas Latini voluerunt, adsciverunt...*

означенного закона, вследствие чего и решили использовать его в своих общинах. Если верить словам Цицерона, то подобная ситуация не являлась исключением (Cic. Balb. 21). Я не склонен верить в то, что это произошло из-за наличия в договоре между Римом и латинами пункта, согласно которому действие римских законов распространялось и на *socii nominis Latini*. Римские законы *интегрировались* в латинскую правовую систему и становились её важными составными частями. Помимо этого, их содержание должно было быть адаптировано к местным условиям. Такая картина вполне соответствует общим принципам суверенитета, на которых были построены взаимоотношения внутри Римско-италийского союза. Итак, и здесь аргументация Л. де Либеро не представляется неуязвимой. Действие римских законов ограничивалось территорией, обозначаемой в античных источниках как *ager Romanus*. При подготовке законопроектов, их обсуждении в сенате и голосовании в комициях римляне, конечно, не принимали во внимание возможность того, что их законы могут впоследствии использоваться в союзных общинах.

Содержание терминов *Italia* и *Italici* в правовых документах в силу неудовлетворительного состояния источниковой базы также нельзя определить однозначно. Однако аргументы Г. Гальстерера в отношении специфики употребления этих понятий в земельном законе 111 г. до н. э. представляются достаточно убедительными[8]. По его мнению, римский законодатель использует в данном случае выражение *in terra Italia* для того, чтобы предотвратить его смешение с термином *Italia* в юридическом смысле. Столь же убедительна и предлагаемая им интерпретация одной широко известной надписи, в которой консулы Кв. Марций и Сп. Постумий от лица сената обозначают необходимые для борьбы с приверженцами культа Вакха меры (ILS. 18; CIL. 581. Liv. XXXIX. 14. 8; XXXIX. 18. 7). Г. Гальстерер считает, что это письмо было адресовано италикам, проживающим на тот момент на территории римских *fora et conciliabula*[9]. Сенат был заинтересован в скорейшем преодолении связанного с процессом против вакханалий политического кризиса, вследствие чего разработал целый ряд мероприятий по его скорейшему разрешению (ILS. 18; CIL. 581)[10]. Л. де Либеро оспаривает трактовку Г. Гальстерера и говорит о том, что речь в вышеозначенной надписи идёт о директиве сената органам управления италийских общин[11]. Согласно рассказу Ливия, римские магистраты проводили расследования в пределах *ager Romanus*[12]. Он ничего не сообщает об их активности на территории, находившейся под контролем союзников.

---

[8] Galsterer 1976, 40. См. критику этой интепретации у Л. де Либеро: De Libero 1994, 318 f.

[9] Galsterer 1976, 40.

[10] Liv. XXXIX. 14. 8-9: *edici praeterea in urbe Roma et per totam Italiam edicta mitti, ne quis, qui Bacchis initiatus esset, coisse aut conuenisse sacrorum causa uelit, neu quid talis rei diuinae fecisse. ante omnia ut quaestio de iis habeatur, qui coierint coniurauerintue, quo stuprum flagitiumue inferretur. haec senatus decreuit.* В этом пассаже также явно просматривается противопоставление города Рима сельским *fora et conciliabula (in urbe Roma et per totam Italiam*).

[11] De Libero 1994, 307. Эту гипотезу впервые сформулировал М. Гельцер (Gelzer 1936, 282). Его точку зрения поддерживают Й. Гёлер (Göhler 1939, 56), А. Г. МакДональд (McDonald 1944, 27-29) и А. Хойсс (Heuß 1960, 120).

[12] Ливий (Liv. XXXIX. 23. 3) говорит о том, что консул Сп. Постумий Альбин в связи с вышеупомянутыми событиями проводил расследования на всём южном побережье Италии. В активности по этому поводу он был замечен также и на территории Тарента (Liv. XXXIX. 41. 6-7).

В тексте письма содержится относительно подробное описание процедуры «регистрации», которая предполагалась для италиков, принимавших участие в вакханалиях (ILS. 18. 5–10; CIL. 581. 5–7). Сначала они должны были направиться в Рим, чтобы в присутствии городского претора дать объяснения по поводу своей причастности к культу Вакха (ILS. 18. 5–10; CIL. 581. 5–7). Затем дело поступало на рассмотрение в сенат, который определял степень их вины и выносил вердикт. Итак, и в этом источнике отсутствуют ссылки на роль локальных, италийских магистратов при расследовании дел о вакханалиях. Процессы проходили в Риме, а не в союзнических общинах. Кроме того, участие в собраниях в честь Вакха квалифицировалось как *res caputalis*, то есть каралось в соответствии с нормами *римского* права. Трудно представить, что римляне могли позволить себе подобное вмешательство в компетенцию италийских органов управления[13]. Впрочем, главным аргументом против точки зрения Л. де Либеро остаётся отсутствие в античных источниках прямых ссылок на проведение консулами расследований на землях, принадлежавших *socii nominisve Latini*[14]. На мой взгляд, у нас нет достаточных оснований для сомнений в справедливости исторической интерпретации эдикта *de Bacchanalibus*, представленной в работе Г. Гальстерера.

В рассказе Аппиана о наделении землёй ветеранов Мария, принимавших участие в Кимврской войне, содержится очередное подтверждение гипотезы немецкого историка. Речь в данном случае идёт о законопроекте, представленном плебейским трибуном Л. Аппулеем Сатурнином. Попытки сторонников сената сорвать голосование в комициях заставили его обратиться за помощью к ветеранам Мария, многие из которых на тот момент проживали в сельской местности (App. B.C. 1. 29). Последние охотно откликнулись на призыв Сатурнина и явились в Рим, чтобы поддержать вышеупомянутый законопроект. Вполне возможно, что в числе этих ветеранов находились также и те, кто надеялся получить земельные участки после его принятия в народном собрании. Примечательно, что Аппиан обозначает их как «италики» (App. B.C. 1. 29)[15]. На мой взгляд, общий контекст рассматриваемых в указанном пассаже событий не позволяет видеть в этих «италиках» представителей союзнических общин[16]. Аргументация Э. Габбы, который придерживается противоположной точки зрения, представляется малоубедительной[17]. В приведённом им в качестве доказательства сообщении Цицерона мы не находим ссылки на то, что объектом представленной Сатурнином аграрной программы являлись исключительно *socii nominisve Latini*. Такое развитие ситуации открыто противоречит данным античных источников о земельных законах второй

[13] См. к проблеме: Harris 1972, 639–645.

[14] Ливий (Liv. XXXIX. 18. 2–3: *eadem solitudo, quia Romae non respondebant nec inueniebantur, quorum nomina delata erant, coegit consules circa fora proficisci ibique quaerere et iudicia exercere*) утверждает, что консулы действовали «circa fora».

[15] См. комментарии к данному пассажу: Kontchalovsky 1926, 175-176; Shochat 1970, 40; Wulff–Alonso 1986, 486-487; Galsterer 1976, 38.

[16] Г. Гальстерер (Galsterer 1976, 38) видит здесь население fora et conciliabula, то есть римских граждан, проживавших в сельской местности; Wulff–Alonso 1986, 486-488; Mouritsen 1998, 18; Gabba 1958, 105. В своём комментарии к первой книге «Гражданских войн» Э. Габба идентифицирует их с союзниками. Он обосновывает это мнение с помощью одного пассажа из речи «pro Balbo» М. Туллия Цицерона, котором частично упоминаются события, связанные с борьбой за земельный закон Л. Аппулея Сатурнина (Cic. Balb. 48).

[17] Gabba 1958, 105.

половины II в. до н. э. По моему мнению, Аппиан подразумевает здесь всех ветеранов Мария, которые на тот момент проживали в сельской местности. Это относится как к союзникам, так и к римским гражданам.

Римские авторы употребляли вышеозначенный термин не только по отношению к италикам, но и к своим согражданам, населению *fora et conciliabula*. Поэтому часто требуется приложить большие усилия для выяснения того, какое наполнение он имеет в том или ином пассаже. С подобной проблемой мы сталкиваемся, например, при чтении «Ab urbe condita» Тита Ливия (Liv. XXVII. 5. 15–16; XLIII. 11. 4; XLIII. 14. 7–10). При изучении источников, датируемых временем Принципата, необходимо также принимать во внимание тот факт, что содержание латинского термина *Italici* должно было некоторым образом измениться после известных событий 90-80-х гг. до н. э., когда римское гражданство получила большая часть союзников. Это обстоятельство не позволяет надеяться на наличие определённости при употреблении античными авторами данного понятия.

Г. Моуритцен предположил, что повышенный интерес к италийской тематике в «Гражданских войнах» Аппиана был связан с композиционными особенностями произведения[18]. Греческий историк использует свой рассказ о гракханском времени (то есть об отношении *socii nominisve Latini* к *lex Sempronia agraria*) как введение к подробному описанию Союзнической и первой гражданской войн, в ходе которых италийский вопрос имел первостепенное значение.[19] На мой взгляд, такое объяснение вполне соответствует общему характеру изложения в «Гражданских войнах» Аппиана. Также следует отметить, что в уже в период Принципата наблюдалось отсутствие ясности относительно того, какие законы были проведены Тиберием, а какие Гаем Гракхом[20]. Немаловажную роль в этом играла и гракханская пропаганда. С ней Плутарх и Аппиан были знакомы благодаря речам Тиберия и Гая Гракхов. После лишения аграрной комиссии судебных полномочий реформаторы обратились к теме предоставления союзникам римского гражданства, что отразилось в законопроектах М. Фульвия Флакка и Гая Гракха[21]. При помощи этой радикальной меры они надеялись привлечь *socii nominisve Latini* на свою сторону, чтобы затем, заручившись их поддержкой в борьбе с противниками земельной реформы, продолжить свою политику в отношении *ager occupatorius*.

Таким образом, материалы письменных и эпиграфических источников свидетельствуют в пользу предложенной Г. Гальстерером трактовки терминов *Italia* и

[18] Mouritsen 1998, 18-19.

[19] Mouritsen 1998, 18-19.

[20] См., например, рассказ о законодательных инициативах Тиберия Гракха, который мы находим у Веллея Патеркула (Vell. II. 2. 3): ...*P. Mucio Scaeuola L. Calpurnio consulibus, abhinc annos CLXII, desciuit* (Тиберий Гракх — прим. Р. Л.) *a bonis, pollicitusque toti Italiae ciuitatem, simul etiam promulgatis agrariis legibus, omnibus statum concupiscentibus, summa imis miscuit et in praeruptum atque anceps periculum adduxit rem publicam.* Здесь Веллей Патеркул сообщает о том, что Тиберий Гракх обещал италикам римское гражданство. Историческую ценность этих сведений, впрочем, не стоит преувеличивать. Поздние римские авторы часто путали мероприятия двух братьев между собой. На мой взгляд, в данном пассаже речь идёт как раз об одном из таких случаев. Ср. с информацией, которую мы находим в произведении Диона Кассия Коккейяна: Dio Cass. XXIV. 83. 7–8. У Цицерона акценты выглядят несколько иначе. Во второй речи *de lege agraria* он упоминает в качестве категории населения, оказавшей наибольшую поддержку мероприятиям обоих братьев, римский плебс (Cic. leg. agr. II. 10; Cic. leg. agr. II. 81).

[21] Mouritsen 1998, 21.

Italici. «Италиками» изначально называли жителей римских *fora et conciliabula*[22]. В I в до н. э. содержание этих понятий претерпевает значительные изменения в связи с известными событиями 90-80-х гг. до н. э.: внесением в римские трибы *cives sine suffragio*, Союзнической войной и предоставлением в соответствии с *lex Iulia* и *lex Papiria Plautia* римского гражданства большой группе италиков. Указанные изменения привели к сближению юридического и географического значений вышеозначенных терминов, что напрямую отразилось на сообщениях поздних авторов, причём не только греческих, но и римских[23]. Данное обстоятельство позволяет идентифицировать «италиков», упоминаемых в рассказе Аппиана о гракханской земельной реформе и законах Сатурнина, с населением римских *fora et conciliabula*.

Одним из важнейших вопросов, связанных с историей гракханского движения, является возможное участие союзников в земельной реформе, предложенной в 133 г. до н. э. Тиберием Гракхом. На мой взгляд, у нас весомых оснований для положительного ответа на этот вопрос. Наделение землёй граждан какой-либо из италийских общин означало бы вмешательство Рима во внутренние дела и нарушение суверенитета союзного государства. Нетрудно представить себе реакцию на подобную акцию со стороны локальных элит. Как известно, взаимоотношения внутри Римско-италийского союза регулировались при помощи договоров между его участниками[24]. Так, например, римляне могли основывать колонии латинского права. Это право было оговорено в договоре с Латинским союзом. Однако аграрная программа Тиберия Гракха имела мало общего с традиционной практикой основания колоний. Я не думаю, что столь масштабное по своим социальным последствиям мероприятие могло быть предусмотрено в вышеозначенном договоре. Ведь его итогом мог стать отток населения из италийских общин, которые, кроме всего прочего, были обязаны поставлять военные контингенты в римскую армию. В таком развитии событий не были заинтересованы ни сами римляне, ни местные италийские власти.

Помимо этого, речь в случае с *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха шла о разделе среди малоимущих земли из фонда *ager occupatorius*. Трудно поверить в то, что гракханцы намеревались решить проблему рекрутирования в союзнических общинах за счёт *римской* общественной земли. Насколько ценной она стала во II в. до н. э., показывает история римской колонизации. Вплоть до первых десятилетий II в. до н. э. число колоний *civium Romanorum* было довольно незначительным по сравнению с количеством колоний латинского права[25]. В последних римляне получали землю и становились частью нового гражданского коллектива. Потеря прямой связи с родной общиной компенсировалось традиционно бóльшим размером земельных участков. Однако в первой трети II в. до н. э. латинская колонизация постепенно теряет свою актуальность[26]. Основание колоний латинского права было сопряжено для Рима с потерей не только людских[27], но и земельных

[22] Galsterer 1976, 41.
[23] Galsterer 1976, 41.
[24] Точнее говоря, между Римом и остальными общинами.
[25] Salmon 1982, 64-67.
[26] Howarth Randall 1999, 288; Salmon 1963, 26.
[27] Salmon 1936, 66-67.

ресурсов. Принимая во внимание ухудшение ситуации с набором на службу в легионы, дальнейшее использование подобной практики могло нанести ощутимый вред обороноспособности римского государства. Кроме того, следует отметить, что после окончательного подчинения Италии образовалась естественная граница для развития фонда *ager publicus*. Таким образом, его состояние отражало общее количество свободной земли на территории Апеннинского полуострова[28]. Все эти обстоятельства привели к изменению характера римской колонизации.

В современной историографии вопрос об участии союзников в аграрной программе Тиберия Гракха не находит однозначного ответа. В работах отдельных исследователей подобное участие не признаётся невозможным[29]. Наиболее подробно данная гипотеза рассматривается в статье Дж. С. Ричардсона «The Ownership of Roman Land: Tiberius Gracchus and the Italians»[30]. Автор уделяет большое внимание характеристике правовых предпосылок для наделения землёй италиков. В частности, он приводит случаи, когда союзники получали наделы при основании колоний или раздаче земли *viritim*[31]. В качестве примера Дж. С. Ричардсон использует датируемое 194 г. до н. э. постановление сената, согласно которому жителям латинской общины Ферентина было отказано в римском гражданстве, хотя до того они были включены в списки колонистов Путеол, Салерна и Буксента[32]. Этот пример нельзя признать удачным уже по той причине, что Ливий однозначно указывает на несоответствие требований союзников нормам римского права. Они могли претендовать на земельные участки и гражданство в колониях латинского права. Наличие *commercium* действительно позволяло латинам приобретать землю у римских граждан в частную собственность, но только после официальной церемонии основания колонии. Прямое участие латинов и других союзников в колониях *civium Romanorum* источниками не подтверждается[33]. Скорее всего, причиной возникновения спорной ситуации при основании Путеол, Салерна и Буксента стала ошибка при составлении списков колонистов[34].

Центральное место в аргументации Дж. С. Ричардсона занимает опрос о предоставлении италикам римского гражданства. На основе сообщения Веллея Патеркула он пытается доказать присутствие такого пункта в земельном законе

[28] Римский сенат был иногда вынужден закупать для своих программ землю у частных лиц, о чём говорит Цицерон во второй речи *de lege agraria* (Cic. leg. agr. II. 82). Эта ситуация, впрочем, могла быть также обусловлена благоприятной финансовой конъюнктурой, которая наблюдалась после окончания II Македонской войны.

[29] Shochat 1970, 25-45; Richardson 1980, 1-11.

[30] Richardson 1980, 1-11.

[31] Richardson 1980, 4.

[32] Liv. XXIV. 42. 5-6: *nouum ius eo anno a Ferentinatibus temptatum, ut Latini qui in coloniam Romanam nomina dedissent ciues Romani essent: Puteolos Salernumque et Buxentum adscripti coloni qui nomina dederant, et, cum ob id se pro ciuibus Romanis ferrent, senatus iudicauit non esse eos ciues Romanos*.

[33] Piper 1987, 50; Smith 1954, 20.

[34] Piper 1987, 49. Д. Пайпер считает, что данная ситуация была обусловлена отсутствием достаточного количества колонистов-римских граждан. Косвенно в пользу непопулярности coloniae maritimae свидетельствуют события 186 г. до н. э., когда консул Сп. Постумий Альбин обнаружил покинутыми Сипонт и Буксент (Liv. XXXIX. 23. 3–4). Впрочем, триумвиры coloniis deducendis, которым было поручено составление списков колонистов, не могли не знать о том, какую реакцию со стороны сената вызовет включение в эти списки граждан латинских общин.

Тиберия Гракха[35]. В первую очередь, конечно, следует отметить, что указание на это мы находим только в произведении Веллея Патеркула. Кроме того, в рассматриваемом пассаже римский историк говорит об обещании, а не о прямом действии[36]. Вполне возможно, что в ходе предвыборной агитации для избрания его плебейским трибуном на следующий год Тиберий Гракх действительно обращался к теме предоставления союзникам римского гражданства. Не менее вероятен и другой сценарий развития событий: вышеозначенный сюжет появился в античной традиции благодаря Гаю Гракху. В комментарии к речам своего старшего брата он вполне мог в целях пропаганды указать на существование у реформаторов подобных планов уже во время трибуната Тиберия Гракха (Plut. Tib. et C. Gracch. 8. 9). Вообще рассказ Веллея Патеркула о событиях гракханского времени содержит некоторые неточности. Например, он приписывает Гаю Гракху ограничение пользования землёй из фонда *ager occupatorius* (то есть издание закона *de modo agrorum*), хотя остальные письменные источники связывают эту меру с его старшим братом[37].

Словоупотребление оппонента Цицерона в ходе процесса по делу Корнелия Бальба, которое, по мнению Дж. С. Ричардсона, свидетельствует в пользу его гипотезы, также не представляется неоспоримым аргументом прежде всего в силу специфики жанра произведения[38]. Напрямую Цицерон нигде не упоминает о предоставлении италикам на основании lex Sempronia agraria римского гражданства, хотя не раз обращается к теме законодательной деятельности братьев Гракхов. Если следовать логике Дж. С. Ричардсона, то отдельная часть союзников, которая принимала участие в программе Тиберия Гракха, должна была получить *civitas* ещё в 133 г. до н. э. Наибольшую активность *IIIviri a. i. a.* проявляли в 132-129 гг. до н. э., что подтверждается нашими эпиграфическими источниками (ILS. 24–26; CIL. 639–645). Три года столь резонансной политики непременно должны были найти отражение в письменной традиции. *Lex Sempronia agraria* теоретически оставался в силе и после известной акции Сципиона Эмилиана. В этой связи возникает вопрос относительно степени актуальности законопроектов М. Фульвия Флакка и Гая Гракха в условиях наличия возможности предоставить римское гражданство на основании полномочий аграрной комиссии. При помощи этих полномочий можно было преодолеть и сопротивление имущих слоёв италийских общин, а также добиться их поддержки в борьбе с противниками аграрной реформы в Риме. Помимо всего вышесказанного, следует отметить, что теоретическое участие латинов в разделе земли из фонда *ager occupatorius* необязательно должно означать участие практическое. Античные источники не подтверждают

[35] Richardson 1980, 10. Vell. II. 2. 3: ...*desciuit* (Тиберий Гракх — прим. Р. Л.) *a bonis, pollicitusque toti Italiae ciuitatem, simul etiam promulgatis agrariis legibus, omnibus statum concupiscentibus, summa imis miscuit et in praeruptum atque anceps periculum adduxit rem publicam.*

[36] Ср. с его рассказом об идентичной мере, которую подготовил Гай Гракх: ...*dabat ciuitatem omnibus Italicis*... Vell. II. 6. 2

[37] Vell. II. 6. 2–3: *Qui, cum summa quiete animi ciuitatis princeps esse posset, uel uindicandae fraternae mortis gratia, uel praemuniendae regalis potentiae, eiusdem exempli tribunatum ingressus, longe maiora et acriora repetens, dabat ciuitatem omnibus Italicis, extendebat eam paene usque Alpes, diuidebat agros, uetabat quemquam ciuem plus quingentis iugeribus habere, quod aliquando lege Licinia cautum erat*...Ср.: Liv. Per. LVIII; Plut. Tib. et C. Gracch. 13. 1; App. B. C. I. 9; vir. ill. 64.

[38] Richardson 1980, 9.

существования такого прецедента в гракханское время. Для остальных союзников подобное участие представляется невозможным в силу специфики отношений частной собственности в Риме.

В тексте земельного закона 111 г. до н. э. отсутствуют указания на возможное привлечение италиков к программе Тиберия Гракха. Союзники появляются здесь только в качестве *veteres possessores*. Данное обстоятельство заставляет усомниться в том, что *lex Sempronia agraria* был призван решить проблему рекрутирования и в союзнических общинах[39]. В третьей строке эпиграфического закона говорится лишь о римских гражданам как об объекте аграрной реформы 133 г. до н.э.(CIL. 585. 3; Crawford 1996 I, 113). Взаимоотношения внутри Римско-италийского союза базировались на принципах, которые сейчас принято относить скорее к области международного права[40]. Стабильность этой системы обеспечивалась договорами между заинтересованными сторонами. Вмешательство Рима в сферу компетенции органов управления союзнических общин могло нарушить её устойчивость. Подобный сценарий являлся вредоносным главным образом с точки зрения поддержания господства Рима в Средиземноморье, для чего требовалась консолидация людских и финансовых ресурсов всего союза. Следует отметить, что только в случае явного нарушения условий договора римляне обращались к карательным мерам[41].

На мой взгляд, наибольший интерес представляет вопрос о планах Тиберия Гракха в отношении италийских *veteres possessores*. В соответствии с его *lex Sempronia agraria* или *lex de modo agrorum* устанавливал норму пользования землёй из фонда *ager occupatorius*[42]. К сожалению, большая часть второй строки *lex agraria* 111 г. до н. э., где автор закона обозначает группы *veteres possessores*, чьи земли должны были получить статус *ager privatus*, не сохранилась до нашего времени (CIL. 585. 2; Crawford 1996 I, 113). Предложенное Т. Моммзеном восполнение, впрочем, позволяет сделать некоторые выводы относительно их правового положения. Собственно римские *veteres possessores* становятся собственниками находившихся в их пользовании участков земли из фонда *ager occupatorius*. Даже если италийские *veteres possessores* и подразумеваются в данной строке, то это ещё не означает, что они упоминались и в *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха. Отрицательная реакция италиков на земельную реформу была спровоцирована тем, что *Ti. Gracchus...sociorum nominisque Latini iura neglexit ac foedera* (Cic. Rep. III. 41). Эти слова Цицерона, конечно, можно отнести к введению вышеозначенной нормы пользования. Такое ограничение можно было бы действительно рассматривать как нарушение договора, если бы в последнем оговаривались условия этого пользования.

С другой стороны, Тиберий Гракх и его сторонники могли решиться и на более радикальный шаг. Речь здесь могла идти и о передаче в распоряжение комиссии *IIIviri a. i. a. всей* земли из фонда *ager occupatorius*, находившейся в пользо-

[39] Earl 1963, 21; Piper 1987, 41.

[40] Galsterer 1974, 83.

[41] Как в случае с кампанцами (Liv. XXVI. 33–34) и 12 колониями латинского права (Liv. XXVII. 9).

[42] 500 или 1000 югеров. Согласно Аппиану (App. B.C. 1. 9), каждая семья получала дополнительно определённое количество земли для детей; Ливий (Liv. Per. LVIII) говорит о норме пользования равной 1000 югеров.

вании у союзнических общин. По моему мнению, излишне говорить о том, какую реакцию подобный закон должен был вызвать у представителей италийской элиты. Потеря земли, которую последние воспринимали уже в качестве своей частной собственности, заставила бы их пойти на крайние меры. Как кажется, именно это и заставило италиков обратиться за помощью к Сципиону Эмилиану, который в конечном счёте отстоял их права в борьбе с гракханцами. Привлечение аграрной комиссией земельных ресурсов, находившихся в пользовании у союзников, не являлось с точки зрения римлян карательной акцией. Режим *occupatio* предполагал их возвращение по мере возникновения у сената планов по основанию колоний. Понятно, что у союзников было своё, особое мнение по этому поводу, которое базировалось на договорах с Римом. Неудовлетворительное состояние источниковой базы не позволяет с точностью определить, какой из двух вышеозначенных сценариев в наибольшей степени соответствует действительности. На мой взгляд, сведения письменных источников о реакции италиков на методы работы *IIIviri a. i. a.* свидетельствуют в пользу того, что Тиберий Гракх намеревался привлечь для раздела среди малоимущих римлян *всю* землю из фонда *ager occupatorius*, находившуюся в пользовании у *socii nominisve Latini*.

ЛИТЕРАТУРА

Bleicken J. 1990: Tiberius Gracchus und die italischen Bundesgenossen. Wiesbaden.

Crawford M. H. 1996: Roman Statutes. Vol. I-II. London.

De Libero L. 1994: Italia // Klio. 76, 303-325.

Earl D. C. 1963: Tiberius Gracchus. A Study in Politics. Bruxelles.

Gabba E. 1958: Appiani bellorum civilium liber primus. Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici a cura di Emilio Gabba. Firenze.

Galsterer H. 1976: Herrschaft und Verwaltung im republikanischen. München.

Gelzer M. 1936: Die Unterdrückung der Bacchanalien bei Livius // Hermes. 71, 275-287.

Göhler J. 1939: Rom und Italien. Breslau.

Harris W. V. 1972: Was Roman Law imposed on the Italian Allies? // Historia. 21, 639-645.

Heuß A. 1960: Römische Geschichte. Braunschweig.

Howarth *Randall S.* 1999: Rome, the Italians, and the Land // Historia. 48. 3, 282-300.

Kontchalovsky D. 1926: Recherches sur l'histoire du movement agraire des Gracques // RH. 153, 161-186.

McDonald A. H. 1944: Rome and the Italian Confederation (200-186 B.C.) // JRS. 34. 1/2, 11-33.

Mouritsen H. 1998: Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography. London.

Piper D. 1987: Latins and the Roman citizenship in Roman colonies: Livy 34, 42,5-6; Revisited // Historia. 36. 1, 38-50.

Richardson J. S. 1980: The Ownership of Roman Land: Tiberius Gracchus and the Italians // JRS. 70, 1-11.

Salmon E. T. 1936: Roman Colonization from the Second Punic War to the Gracchi // JRS. 26. 1, 47-67.

Salmon E. T. 1963: The "Coloniae Maritimae" // Athenaeum. 41, 3-38.

Salmon E. T. 1982: The Making of Roman Italy. London.

Shochat Y. 1970: The Lex agraria of 133 B. C. and the Italian allies // Athenaeum. 48, 25–45.

Wulff-Alonso F. 1986: Apiano: la colonización romana y 10s planes de Tiberio Graco' // Latomus. 45, 485-504, 731-750.

LEX SEMPRONIA AGRARIA AND THE ALLIES

R. V. Lapyryonok

The article considers the impact of Tiberius Gracchus agrarian law on the property interests of the Roman allies. The author analyzes ancient sources that cover the problem and makes the conclusion that only Roman citizens could be granted land by the Gracchan agrarian commission. In his judgment records of the *socii* negative reaction to the IIIviri a. i. a. methods give evidence concerning Tiberius Gracchus' intention to confiscate all the lands owned by the Roman allies to be allotted to the poor Romans.

Key words: Ancient Rome, lex Sempronia agraria, Tiberius Sempronius Gracchus, Italia, the allies, ager publicus

---

© 2012

А. Р. Панов

АРТАВАЗД II И АРМЯНО-РИМСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ I В. ДО Н.Э.

В статье анализируется внешняя политика армянского царя Артавазда II в условиях римско-парфянского противостояния. Как полагает автор, нет достаточных оснований приписывать Артавазду пропарфянскую ориентацию, и его общий курс можно обозначить как лояльный к интересам Рима. С другой стороны, политика римлян в отношении Артавазда была излишне жесткой и непоследовательной, что и предопределило неэффективность римско-армянского сотрудничества в военной сфере.

Ключевые слова: Артавазд II, Великая Армения, Парфянское царство, Древний Рим

В истории римско-парфянского противостояния ключевую роль играла Великая Армения, которая стала своеобразным буфером между Римской державой и Парфянским царством, в силу чего для армянских правителей жизненно важным являлся вопрос, какой внешнеполитической ориентации придерживаться, особенно в периоды обострения римско-парфянской конфронтации. Первым армянским царем, перед которым встала подобная дилемма, можно считать Артавазда II, годы правления которого пришлись на самые ранние столкновения Рима с Парфией, в коих ему пришлось принимать участие и тем самым обозначать свою позицию относительно внешнеполитической линии Римского государства.

Как известно, установление прочных армяно-римских контактов и включение Великой Армении в сферу римского влияния относится ко времени царствования предшественника Артавазда II — Тиграна II. В своей политике Тигран в наибольшей степени должен был считаться с тремя крупными государствами, чьи интересы он неминуемо задевал в стремлении к расширению своей державы, — это были

Панов Александр Ростиславович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории ФГБОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара». E-mail: panov_alexandr@mail.ru

Рим, Понт и Парфия. Несмотря на то, что Тигран, видимо, старался избежать конфликта с Римом, все же его зятю — понтийскому царю Митридату VI — удалось втянуть Армению в противостояние с Римской республикой, что привело к поражению Тиграна, явившегося с изъявлением покорности к Помпею (Plut. Pomp. 33; App. Mithr. 104; Dio Cass. XXXVI. 52. 1-4; Vell. XXXVII. 4-5). Последний сохранил за Тиграном Армянское царство и наделил его званием друга и союзника римского народа, но, разумеется, установившиеся внешне союзные римско-армянские отношения на практике были не чем иным, как той или иной формой зависимости армянского правителя от римлян, благодаря милости которых он удержался на своем троне. Что касается Парфии, то в ходе третьей митридатовой войны царь Фраат III так и не воспользовался возможностью присоединиться к Риму или его противникам. После первых неудач в войне с римлянами Тигран отправил послов к парфянскому царю с предложением территориального вознаграждения в обмен на военную помощь (Memn. LVIII. 2). Подобный шаг совершил и римский военачальник Лукулл, предлагая парфянам либо заключить союз, либо не вмешиваться в борьбу и, по словам Диона Кассия, прибавил угрозы на тот случай, если бы те выбрали противную сторону (App. Mithr. 87; Dio Cass. XXXVI. 3. 1). Альтернатива, вставшая перед парфянами, была вполне очевидной: либо вступление в антиримский союз и получение в качестве платы земель от Тиграна, либо присоединение к Лукуллу, который тоже мог вознаградить союзников[1]. Позиция парфянского царя была колеблющейся: Фраат так до конца и не сумел определиться, присоединение к какой стороне даст ему больше выгоды, так что во избежание риска он решил воздержаться от вступления в войну. При этом он оставлял за собой возможность изменить решение в том случае, если исход войны будет очевиден, и потому поддержание им контактов с обеими сторонами выглядит вполне логичным: по словам Мемнона, он прикинулся, что «является другом и союзником римлян, сделав то же самое и в отношении армян» (Memn., LVIII, 2), а Аппиан пишет о тайном союзе и с Римом, и с Арменией (App. Mithr. 87). На тот момент главными противниками для Рима были Митридат VI и Тигран; отношения же с Парфией были не столь важны — скорее основной целью Лукулла и Помпея было недопущение вступления парфян в войну на стороне римских противников.

Общий ход военных и дипломатических событий в первой половине 60-х гг. I в. до н.э. позволял римлянам рассматривать парфян как потенциальных союзников в борьбе против Армении, однако признание Тиграном своего поражения и урегулирование римско-армянского конфликта несколько изменили ситуацию в трехсторонних римско-армяно-парфянских отношениях. Для Помпея Тигран стал клиентским царем, в излишнем ослаблении которого римляне не были заинтересованы. Вспыхнувший вскоре армяно-парфянский конфликт был погашен римлянами, которые оказались настроены более благосклонно к армянскому правителю. В 64 г. до н.э. армяно-парфянский спор был решен тремя римскими посредниками, назначенными Помпеем (Dio Cass. XXXVII. 7. 3; Plut. Pomp. 39; App. Mithr. 106): решение римлян было в пользу Армении, за которой оказались закреплены Гордиена и часть Месопотамии, и, кроме того, дополнительным унижением для Фраата стало то, что Помпей отказался величать его «царь царей», не отказывая, однако, в этом титуле Тиграну. Очевидно, парфянскому царю недвусмысленно давали понять, что только

[1] Bulin 1983, 81.

подчинение римской власти обеспечит ему благодеяния со стороны Рима, включая военную помощь, территориальные приращения и почетные титулы, а отказ от сотрудничества станет фатальной ошибкой.

Парфяне не решились возражать против римских установлений, и в то время ничто не предвещало будущего великого противостояния Римской и Парфянской держав. Вполне возможно, что Помпеем Парфия уже могла восприниматься как клиентское государство[2], поскольку парфянский царь своим заключением договора о союзе с Римом и непротивлением воле римлян ступил на путь, превративший Тиграна из могущественного правителя в римского вассала, так что римляне не ожидали осложнений в парфянском вопросе. Вместе с тем, усиление римского влияния на Востоке не могло не беспокоить парфян, и стоит отметить, что Фраат проявил свою политическую дальновидность, пойдя на примирение с Тиграном перед лицом общей потенциальной угрозы в лице римлян — Фраат хотел, чтобы Тигран сохранил трон, так как рассчитывал использовать его в качестве союзника против римлян; «ведь оба они хорошо знали, что, кто бы из них ни победил другого, он этим увеличит могущество римлян, а сам сделается для них легче одолимым»[3] (Dio Cass. XXXVII. 7. 4).

Впрочем, какое-либо дальнейшее сближение Тиграна с парфянами сохранившимися источниками не фиксируется, и в последние годы своего правления он представлял собой властителя, полностью покорного воле римлян. Очевидно, собственный опыт и пример Митридата VI продемонстрировали армянскому царю бесперспективность борьбы с Римом, и в своей политике он стал следовать проримским курсом. Для Тиграна практически на протяжении всего его правления главным конкурентом и противником являлась Парфия, в противоборстве с которой римляне были способны поддержать армянского царя в обмен на его лояльность по отношению к Риму. На то, что армяно-парфянская вражда продолжалась и после отбытия Помпея с Востока, указывает Юстин (Just. XLII. 4. 1-2), из сведений которого явствует, что в недолгое правление парфянского царя Митридата III (58/57 — 57/56 гг. до н.э.) парфяне провели успешную войну с Арменией и отвоевали земли в северо-западной Месопотамии[4].

Вскоре после этого на армянский престол вступил Артавазд II — сын Тиграна; смерть последнего датируется около 55/54 гг. до н.э., поскольку позднейшее упоминание о нем относится к весне 56 г. до н.э. (Cic. Pro Sest. 59). Безусловно, новый армянский царь, подобно своему предшественнику должен был зафиксировать свои отношения с Римом в виде договора о дружбе и союзе, что тогда являлось обычной римской практикой. Формально одной из обязанностей римских «друзей и союзников» являлся отказ в какой-либо форме помощи врагам Рима, но на практике римские требования простирались гораздо дальше и включали в себя участие союзных сил в римских военных мероприятиях, по крайней мере в тех, которые разворачивались близ территории союзников.

В 54 г. до н.э. Красс по собственной инициативе выступил против Парфии, несмотря на то, что какой-либо бесспорный повод к объявлению войны отсутствовал.

[2] Badian 1967, 88.

[3] Заключение данного соглашения оценивается как закладывание основ для сотрудничества Парфии и Армении (Манасерян 1982, 19).

[4] Долгое время это указание считалось ошибочным, но в последнее время исследователи стали склонны доверять данным Юстина — Смыков 2006, 206; Литовченко 2003, 108.

С учетом подчиненного положения Артавазда и наличия армяно-парфянских трений, участие Армении в организуемой римлянами войне было вполне объяснимым.

Перед началом кампании 53 г. до н.э. Артавазд прибыл к Крассу лично и выразил готовность оказать римской армии помощь, предложив стать проводником и дать своих воинов, если бы римляне пошли через Армению (Plut., Crass., 19). Несомненно, царь преследовал и свои личные цели, призывая римлян воспользоваться проходом через Армению, но объективно совет Крассу выбрать северный маршрут движения был обоснован. Тем не менее, римский военачальник не захотел воспользоваться помощью и фактически отказался от услуг Артавазда — тот вернулся домой, что не вызвало никаких возражений Красса.

Дальнейшая судьба Красса хорошо известна: выбрав путь через Северную Месопотамию, он был разбит парфянами в битве у Карр, а на обратном пути римская армия понесла тяжелейшие потери, включая и своего командующего. Несомненно, причины поражения Красса носили комплексный характер, но можно сказать, что он совершил явный стратегический просчет, отказавшись от предложений Артавазда. Более того, Красс бросил одного из своих ценнейших союзников на произвол судьбы, так как на Армению обрушилась парфянская пехота Орода II, и скорый отъезд Артавазда из ставки римского военачальника, очевидно, объяснялся необходимостью позаботиться о защите своей страны. Нужно отдать армянскому царю должное: в разгар военных действий он направил к Крассу послов (они явились перед битвой при Каррах), убеждая его либо повернуть в сторону Армении для объединения сил, либо хотя бы остерегаться парфянской конницы; в ответ были получены лишь угрозы о расправе «за предательство (τῆς προδοσίας)» (Plut. Crass. 22).

Очевидно, такое малообъяснимое с рациональной точки зрения поведение Красса (Плутарх в данном случае прямо говорит о его «глупости (skaiÒthtoj)») и последовавшие за этим военные события подтолкнули Артавазда к примирению с парфянами. Это не было планируемой изменой и вероломством, а скорее вынужденной мерой[5], так как Артавазд до последнего старался удержать Красса от гибельных решений, и после сражения у Карр римляне планировали отступить через Армению, воспринимая ее, таким образом, как дружественное государство. Лишь известие о поражении римлян заставило армянского царя вступить в соглашение с Парфией[6], и быстрота, с которой был организован скрепивший данный союз династический брак между сестрой Артавазда и парфянским царевичем Пакором, показывает, что сами парфяне томились ожиданием, когда же Артавазд откажется от проримских иллюзий и примкнет к Парфии в качестве союзника. Подобным же образом можно истолковать знаменитый эпизод с выставлением напоказ головы Красса во время театрального представления (Plut. Crass. 33), который воспринимается как реализация Артаваздом тонкой мести, подготовленной сознательно[7]: это вряд ли было его задумкой. Скорее в подобных демонстративных акциях были заинтересованы парфяне, стремившиеся отрезать Артавазду путь отхода от союза с ними и возвращения к сотрудничеству с Римом. Плутарх ясно указывает на то, что первую скрипку в организации этой акции играли парфяне: именно они рукоплескали актеру Ясону, и подарок последнему был сделан со стороны Орода (Plut.

[5] Regling 1907, 371.
[6] Бокщанин 1966, 59; Литовченко 2003, 114.
[7] Гоян 1950, 180-181.

Crass. 33). Артавазд же был невольным участником данной сцены, но никак не ее инициатором.

То, что в ходе войны с римлянами парфяне придавали позиции Великой Армении намного большее значение, чем Красс, можно обнаружить в выборе парфянским царем Ородом направления собственных действий — он отправился в Армению, где пребывал до окончания кампании, в то время как против основных сил противника действовал его полководец Сурена. Плутарх объясняет такое разделение театра военных действий страхом царя, причем упоминает о том, что иные полагали, что Ород поступил так из высокомерия (Plut. Crass. 21) — с обоими этими трактовками сложно согласиться. С одной стороны, для Орода было опасно проявлять свои слабости перед лицом приближенных, если он рассчитывал продолжать свое правление. С другой, еще менее вероятно выражение им высокомерия в виде уклонения от встречи с римлянами на поле боя. Более рациональное объяснение предлагает Дион Кассий, полагая, что Ород стремился не допустить того, чтобы Артавазд оказал римлянам какую-либо помощь (Dio Cass. XL. 16. 2) — тем самым Ород выказывал себя более опытным стратегом, чем Красс.

Вместе с тем можно предположить существование и иной мотивировки пребывания Орода в Армении. Так как армяно-парфянские отношения имели более богатую историю, чем армяно-римские, Ород должен был принимать во внимание возможность сепаратного соглашения с Арменией и даже перетягивания ее на свою сторону в том случае, если бы Артавазд убедился в бесперспективности продолжения борьбы. Бесспорно, урегулирование отношений и заключение какого-либо соглашения можно было организовать быстрее и проще при личном участии в переговорах самого парфянского царя, а не его военачальника, пусть даже столь знатного и уважаемого, как Сурена. Такой расклад дает вполне убедительное оправдание поведению Орода в ходе военной кампании 53 г. до н.э., поскольку он добился цели по выведению Армении из войны и установил с ней союзнические отношения.

Что касается Артавазда, то в условиях, когда он оказался участником конфликта на вспомогательных ролях и само существование Армении могло оказаться под вопросом в зависимости от исхода этого противостояния, то ему не оставалось ничего иного, как пойти на сближение с более сильной стороной. Артавазд был вынужден пойти на примирение с парфянами, но при этом он, видимо, вовсе не горел желанием вступить в конфронтацию с Римом, и для него наиболее приемлемым вариантом являлось поддержание отношений и с парфянами, и с римлянами. Характерно, что в источниках не содержится никаких упоминаний о римских обвинениях в адрес Артавазда по поводу «измены» Риму в ходе событий 53 г. до н.э. — то есть даже римляне вынуждены были молчаливо признать обоснованность его политического маневра.

Какую форму имел союз Армении и Парфии, и насколько на равных общались друг с другом Артавазд и Ород — сказать затруднительно. По мнению С. Д. Литовченко, армянский правитель вынужден был признавать верховенство парфян и потому оказывать им поддержку в военных операциях[1], однако, насколько известно,

[1] Литовченко 2003, 114-115. Более осторожно выражается К. Реглинг, считая, что Артавазд оказался в зависимости от парфян, оставаясь в таком состоянии вплоть до смерти Орода (Regling 1907, 377)

примирение Артавазда с Ородом не было результатом военного поражения Армении, и, как будет сказано ниже, участие армян в парфянских походах источниками не подтверждается. Скорее можно предположить изменения территориальных границ между армянскими и парфянскими землями, поскольку именно пограничные споры ранее становились причиной армяно-парфянской вражды, но и здесь сохранившиеся источники никакой информации не дают, поэтому нельзя исключить возможности того, что армяно-парфянское соглашение имело вид равноправного союза.

Так, несмотря на все старания парфян обеспечить подключение Армении к антиримской борьбе, Артавазду удалось если не сохранить контакты с Римом, то, по крайней мере, избежать откровенной вражды. Участие Армении в антиримских акциях в период киликийского наместничества Цицерона прослеживается лишь на уровне слухов и предположений — в конце августа 51 г. до н.э. Цицерон пишет, что ему стало известно о «намерении армянского царя напасть на Каппадокию (Armenium regem in Cappadociam impetum esse facturum)» (Fam. 15. 3.1), вследствие чего Цицероном были предприняты действия по защите Каппадокийского царства от вражеского вторжения, и последующие упоминания об Артавазде (Fam. 15. 2. 2; Att. V. 20. 2) связаны лишь с данными контрмерами, которые оказались излишни. Со слов самого Цицерона известно, что уже не позднее февраля 50 г. до н.э. Артавазд не только отказался от планов нападения на каппадокийского царя Дейотара (если таковые планы у него вообще имелись), но просватал за его сына свою дочь (Att. V. 21. 2).

Дейотар, о котором Цицерон отзывается весьма лестно («самый верный царь и лучший друг» Римского государства (Fam. XV. 2. 2), «исключительно доброжелательный и верный римскому народу» (Fam. XV. 4.5), вряд ли бы стал родниться с царем, настроенным антиримским образом. Поэтому сближение с Дейотаром может свидетельствовать и о попытках армянского царя найти путь к примирению с римлянами, поскольку через каппадокийского царя Артавазд мог завязать новые контакты с Римом — в частности, с Цицероном, который покровительствовал Дейотару. Тем самым вывод о пропарфянской ориентации Артавазда[2] применительно к рассматриваемым событиям кажется не вполне правомерным, и более обоснованным следует признать определение курса Артавазда как нейтрального[3].

В Риме продолжали воспринимать Армению как зависимое государство, и с наибольшим основанием так мог полагать Помпей, выступавший в роли покровителя династии армянских царей. Во время гражданской войны Помпей, как известно, широко использовал ресурсы связанных с ним восточных властителей, большинство из которых, прежде всего Дейотар и Ариобарзан, откликнулись на призыв и лично прибыли с воинскими контингентами в его лагерь. Артавазд к Помпею не явился, но «Мегабат, наместник царя Артапата (Ἀρταπάτου), который привел армян, живших по ту сторону Евфрата» (App. B.C. II. 71), был, видимо, посланником царя Великой Армении[4]. Отправление к Помпею отряда Мегабата являлось актом доброй воли, чем Артавазд показывал свою готовность вернуться к римской ориентации. На фоне, скажем, боспорского царя Фарнака, воспользо-

[2] Chaumont 1976, 72.
[3] Литовченко 2003, 122.
[4] Sherwin-White 1983, 299; Литовченко 2003, 118.

вавшегося римскими междоусобицами для организации вторжения на провинциальные земли и владения зависимых от Рима правителей, настрой Артавазда, воздерживавшегося от каких-либо враждебных римлянам акций, был далек от антиримского. Бесспорно, парфяно-армянские трения из-за территориальных споров должны были оставаться, в то время как значимых преград, стоявших на пути примирения с Римом, не существовало.

В письме Цицерона, датированном серединой октября 46 г. до н.э., содержится упоминание о решении сената в пользу Армении (Cic. Fam. IX. 15. 4). В письме автор полухвастливо утверждает, что в ответ на сенатское решение цари прислали письма, «в которых благодарят меня за то, что я в высказанном мною мнении назвал их царями, а я и не знал не только то, что они названы царями, но даже того, что они вообще родились» (Cic. Fam. IX. 15. 4). Вполне возможно, что в числе этих царей, утвержденных в Риме, мог быть Артавазд[5] — разумеется, он никоим образом не может быть отнесен к царям, о которых Цицерон ничего не знал (впрочем, последний явно использует гиперболу в приведенной фразе), но обращение армянского правителя с благодарностью именно к Цицерону, по предложению которого якобы и принято было данное постановление, выглядело бы вполне уместным с учетом того, что Артавазд должен был быть не понаслышке знаком с Цицероном в период киликийского наместничества последнего.

Вопросом, который был затронут в упоминаемом постановлении, могло быть урегулирование отношений, в чем были заинтересованы и армяне, и римляне. Последним внешнеполитическим проектом Цезаря была организация похода против парфян, идея которого появилась, несомненно, задолго до начала реализации замысла. Вероятно, диктатор отказался от повторения маршрута Красса через Сирию, а предполагал идти через Армению[6], и потому он был заинтересован в привлечении Артавазда на свою сторону. Объективно серьезных препятствий к сотрудничеству не существовало. Примирение Артавазда с парфянами было вынужденным, и армянский царь мог задумываться о выгодах перехода на сторону Цезаря, чьи победы вдохнули веру в мощь римского оружия.

Убийство Цезаря и последовавший новый виток гражданских войн помешали римлянам осуществить задуманный поход против парфян, которые сами организовали вторжение в восточные владения Рима. Сведений, подтверждающих[7] или опровергающих участие Артавазда в набегах Пакора в 41–40 гг. до н.э., нет, и скорее всего армянский царь занимал нейтральную позицию. Дальнейшая информация об Армении относится уже к событиям 30-х гг. I в. до н.э., когда Антоний прочно закрепился на Востоке и была реанимирована идея парфянского похода. В конце 37 г. до н.э. римская армия вторглась в кавказские области и вновь распространила на них влияние Рима (Dio Cass. XLIX. 24. 1; Plut. Ant. 34): Артавазд, если и сопротивлялся, то очень недолго, так как в источниках это не нашло отражения. Антоний был в курсе проектов Цезаря, которые попали к нему после смерти диктатора, и с самого начала был нацелен на использование северного маршрута вторжения в Парфию, через Армению. Поэтому для успеха кампании необходимо было обеспечить участие в ней Армении.

[5] Литовченко 2003, 119.
[6] Malitz 1984, 45-46.
[7] Хотя такие предположения высказываются (Choisnel 2004, 93).

В своей политике на Востоке Антоний делал ставку на правителей, которые были бы целиком от него зависимы и чьи ресурсы он рассчитывал при необходимости использовать в собственных интересах. Поэтому он возродил и частично создал заново ряд зависимых от Рима государств, поставив над ними угодных ему династов — среди них выделялись Аминта, Архелай, Полемон и Ирод. Очевидно, триумвир намеревался создать цепь сильных государств по восточным и северо-восточным границам римских владений, и одним из звеньев данной цепи должна была стать Великая Армения.

В ходе парфянской кампании Артавазду отводилась заметная роль советника и консультанта Антония, который проявлял к Армении гораздо большее внимание, чем ранее Красс. С другой стороны, на «подневольность»[8] участия Артавазда в походе ничто не указывает: очевидно, что присоединение к римлянам было его осознанным выбором. Поскольку Антоний не предполагал создания провинций за Евфратом[9], то поживиться за счет победы римлян могли бы и их союзники, что Артавазд должен был понимать (Плутарх даже именует Артавазда «главным виновником войны (αἰτιώτατος τοῦ πολέμου)» (Plut. Ant. 39)); к тому же доверие, которое Антоний оказывал правителю Армении во время похода, мало вяжется с образом соратника по принуждению.

Объединение сил в начале похода прошло успешно: Артавазд привел с собой шесть тысяч всадников[10] и семь тысяч пехотинцев (Plut. Ant.37). Оставив обоз с осадными орудиями позади, Антоний вторгся в Мидию-Атропатену[11] и приступил к осаде ее столицы Фрааспы, но армянскую конницу он с собой не взял. Узнав о разделе римских сил, парфяне напали на обоз и разгромили два легиона Статиана и сам обоз, взяв много пленных (Plut. Ant. 38; Dio Cass. XLIX. 25. 4-5), причем, по словам Диона Кассия, армянский царь не участвовал в битве и опоздал прийти на выручку римлянам. Артавазд счел дело римлян проигранным и удалился, но развитие событий показало оправданность его прогнозов: Антоний так и не сумел взять Фрааспу и вынужден был вернуться назад, понеся в ходе отступления большие потери (Plut. Ant. 39-50; Dio Cass. XLIX. 26-31). Вина за провал экспедиции, между тем, была возложена на армянского царя, ушедшего в решающий момент со своей конницей (Plut. Ant. 39. 50; Dio Cass. XLIX. 25. 5), и наиболее враждебный настрой проявляет Страбон, обвиняя Артавазда в измене и уверяя, что он тайно злоумышлял против Антония (Strabo XI. 13. 4; XI. 14. 5)[12].

Однако обвинения в адрес Артавазда были не вполне обоснованы. Отсутствие его в авангарде римской армии могло быть вызвано желанием Антония полюбовно договориться с Артаваздом Атропатенским, чему помешало бы присутствие армянского царя, настраивавшего римлян против Атропатены[13]. Отход армянской конницы после уничтожения обоза был вполне логичен, и не исключено, что это было сделано с ведома Антония. Во-первых, Армения сама нуждалась в защите,

[8] Бокщанин 1966, 119.

[9] Sherwin-White 1983, 321.

[10] В другом месте Плутарх говорит о шестнадцати тысячах (Plut. Ant. 50).

[11] Возможно, выбор в качестве объекта нападения Атропатены был выгоден Артавазду, рассчитывавшему на расширение сферы своего влияния (Sherwin-White 1983, 312; Литовченко 2000, 24).

[12] Из современных исследований, где можно найти подобные оценки, см.: Husar 1978, 179; Колледж 2004, 39.

[13] Подробнее см.: Литовченко 2000, 27-28.

так как парфяне могли повторить сценарий событий 53 г. до н.э. с разделом своих сил по двум направлениям. Захват Армении отрезал бы армию Антония от баз снабжения и путей отступления, что легко могло привести к самым гибельным последствиям[14]. Показательно, что при отходе римские солдаты почувствовали себя в безопасности, лишь вступив в пределы Армении, — по словам Плутарха, они «плакали от радости, обнимая друг друга» (Plut. Ant. 49). Во-вторых, в условиях приближения зимы, проблем с продовольствием и грозившей затянуться осады Фрааспы армянская конница была бы скорее обузой римской армии, чем ударной ее частью. Упреки Антония, что победы, одержанные им при отступлении, были ненадежными, так как из-за отсутствия конницы он не мог «преследовать разбитого неприятеля по-настоящему» (Plut. Ant. 50)[15], звучат неубедительно. Очевидно, что Антоний действовал против парфян по испытанным римским стратегическим схемам и более важным полагал захват крупных городов, чем разгром сил противника, что оказалось просчетом[16]. Конечно, наличие армянской конницы могло бы снизить потери в римской армии, но никак не переломить ход кампании. В-третьих, то, что Артавазд все сделал для приема спасшихся войск, также рисует его с позитивной стороны по отношению к Антонию.

Без сомнения, отступление Артавазда не являлось ключевой причиной поражения римлян — скорее такую окраску ему придал Антоний, которому нужно было свалить на кого-то вину за катастрофу, истинным виновником которой был он сам[17]. Характерно, что кампания по очернению Артавазда была предпринята какое-то время спустя после похода. Находясь в Армении, Антоний, наоборот, «ни словом не упрекнул Артавазда в предательстве» (Plut. Ant. 50). Такое сверхкорректное поведение не очень согласуется с заносчивым характером Антония[18] — поскольку при любом раскладе сил Артавазд был политической фигурой, подвластной триумвиру, тот не спустил бы своему клиенту прямую измену и не стал бы дожидаться еще двух лет для отмщения. Лишь после прибытия в Египет Антоний представил свою версию объяснения случившегося, в которой Артавазду отводилась роль погубителя римской армии. Еще одним фактором, вызвавшим ухудшение отношений Антония и Артавазда, были контакты последнего с Октавианом[19] (Dio Cass. XLIX. 41. 5), а также, возможно, слухи о намерении Секста Помпея бежать в Армению (App. B.C. V. 140). Наконец, осмелеть в нападках на армянского царя Антонию позволили и перемены во взаимоотношениях с Мидией-Атропатеной. Вскоре после провального похода Антония Фраат IV поссорился с Артаваздом Атропатенским, который разорвал союзные отношения с Парфией и начал искать союза с римлянами (Dio Cass. XLIX. 33. 1; Plut. Ant. 52). Появление нового стратегического партнера в борьбе с Парфией позволило Антонию излить на Артавазда Армянского весь поток накопившейся ненависти; поддержка Армении казалась ему уже не столь важна.

[14] Тер-Исраелян 1966, 240-241.

[15] И. Кромайер также указывает на это обстоятельство (Kromayer 1896, 103).

[16] Sherwin-White 1983, 317, 321.

[17] Бокщанин 1966, 119; Debevoise 1969, 321; Моммзен 1997, 276.

[18] Иллюстрацией того, как скор мог быть Антоний на расправу, является использование им децимации в отношении собственных солдат (Plut., Ant., 39; Dio Cass. XLIX. 27. 1).

[19] Октавиан даже упрекал позднее Антония в вероломстве по отношению к Артавазду (Dio Cass. L. 1).

В 34 г. до н.э. Антоний сумел заполучить Артавазда, причем небезынтересно, что официального обвинения в адрес армянского царя триумвир так и не озвучил и старался заманить его к себе хитростью: сначала Антоний вызвал Артавазда как друга в Египет, но тот заподозрил что-то и не ответил на вызов (Dio Cass. XLIX. 33. 2); потом триумвир предложил царю устроить междинастический брак, отправив послом Деллия (Dio Cass. XLIX. 39. 2); лишь после всего этого Антоний вторгся в Армению и фактически силой вынудил Артавазда явиться к нему для ареста, причем не сразу отправил его в Египет, а еще и пытался вымогать деньги (Dio Cass. XLIX. 39. 3-5). Хотя Артавазд понимал, зачем Антоний так настойчиво призывает его к себе, он использовал тактику пассивного сопротивления, отклоняя приглашения триумвира, но не решаясь открыто выразить свое неповиновение.

После пленения Артавазда Армения была объявлена захваченной, а ее царем официально стал сын Антония и Клеопатры Александр Гелиос; атропатенский царь получил часть армянских земель, причем союз с Римом был скреплен помолвкой царской дочери Иотапы с Александром Гелиосом (Dio Cass. XLIX. 44. 2). Вполне возможно, что акция Антония была спланирована в согласии с Артаваздом Атропатенским, который мог потребовать за вступление в коалицию с Римом материальных наград в виде земельных приращений за счет бывшего своего противника — Артавазда Армянского. Царь Армении был отвезен для участия в торжественной процессии в Александрию (Plut. Ant. 50)[20], где впоследствии он содержался в оковах и был казнен Антонием и Клеопатрой после битвы при Акции. Характерно, что даже античные авторы, приводившие свидетельства о виновности Артавазда в провале парфянского похода, называют поведение Антония по отношению к царю вероломным, жестоким и позорным (Plut. Ant. 92; Dio Cass. L. 1. 4; Tac. Ann. II. 3).

В целом, можно сказать, что политика Артавазда имела преемственность с внешнеполитическим настроем Тиграна — для армянских царей основным противником являлась Парфия, в то время как Рим был потенциальным союзником. Союз с Римом вполне отвечал интересам Армении — слова Страбона, что «Артавазд процветал, пока был в союзе с римлянами» (Strabo XI. 14. 15), объективно могут соответствовать истине. При условии проведения римлянами взвешенной политики Артавазд был готов всецело находиться в орбите римского влияния и добросовестно выполнять свои обязательства. Вина за то, что армяно-римские отношения были в рассматриваемый период столь неровными, лежит практически полностью на римлянах, что являлось результатом личных пристрастий римских военачальников, с которыми Артавазду приходилось иметь дело. Если Помпей оказался для Тиграна «хорошим» покровителем, то Артавазду в этом отношении явно не повезло: самоуверенный Красс и импульсивный Антоний абсолютно не желали хоть сколько-то учитывать интересы армян в проводимых ими военно-политических акциях, и более того, видели в инициативах Артавазда лишь помеху осуществлению своих планов, а его самого были готовы представить виновником собственных неудач. Нужно отдать должное армянскому царю, что он, несмотря на непоследовательность политики римлян, все же пытался, насколько это было

[20] Скорее все же не следует именовать это триумфом — см.: Смыков 2002, 100.

возможно, оставаться в лагере римских союзников, и это было его осознанным выбором. Временное сближение Артавазда с парфянами было вызвано ослаблением римских позиций на Востоке и необходимостью урегулирования конфликта ради сохранения своей власти, но в дальнейшем армянский царь выказал желание сотрудничать с римлянами. Поэтому общий курс Артавазда был в большей степени проримским, но никак не антиримским, и лишь недружелюбные действия со стороны римлян вызвали и в дальнейшем укрепили парфянские симпатии у армянских царей.

ЛИТЕРАТУРА

Бокщанин А.Г. 1966: Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. 2. М.

Гоян Г. 1950: Черты своеобразия эллинистического театра // ВДИ. 3, 178-192.

Колледж М. 2004: Парфяне. М.

Литовченко С.Д. 2000: Армения в восточной политике Марка Антония// Вісник Харківського університету. Серія «Історія».485. Вип. 32, 21-32.

Литовченко С.Д. 2003: Римско-армянские отношения в I в. до н. э. — начале I в. н. э.: дисс…канд.ист.наук. Харьков.

Манасерян Р.Л. 1982: Держава Тиграна II и ее борьба против экспансии Рима и Парфии: автореферат… канд.ист.наук. Ереван.

Моммзен Т. 1997: История Рима. Т. IV. Ростов-на-Дону.

Смыков Е.В. 2002: Антоний и Дионис (Из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // Античный мир и археология. 11, 80-106.

Смыков Е.В. 2006: Сирийское наместничество Авла Габиния// Античный мир и археология. 12, 198-213.

Тер-Исраелян С.Г. 1966: Место армянской конницы в военном плане римского командования в связи с началом парфянского похода М. Антония// Сборник научных трудов Армянского государственного педагогического института. Серия «История». 1, 105-151.

Bulin R.K. 1983: Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100-68 v. Chr. Frankfurt am Mein; Bern.

Badian E. 1967: Roman imperialism in the late Republic. Pretoria.

Chaumont M.-L. 1976: L'Armenie entre Rome et l'Iran. I. De l'avenement d'Auguste a l'avenement de Diocletian// Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. 9. 1, 71-194.

Choisnel E. 2004: Les Parthes et la route de la Soie. Paris.

Debevoise N.C. 1969: A political history of Parthia. Chicago; L.

Huzar E.G. 1978: Mark Antony. A biography. Minneapolis.

Kromayer J. 1896: Kleine Forschungen zur Geschichte des zweiten Triumvirats. IV. Der Partherzug des Antonius // Hermes. Bd. 31, 70-104.

Malitz J. 1984: Caesars Parthierkrieg // Historia. 33, 21-59.

Regling K. 1907: Crassus' Partherkrieg // Klio. 7, 357-394.

Sherwin-White A.N. 1983: Roman foreign policy in the East 168 B.C. *to A.D.* 1. Oklahoma.

ARTAVASDES II AND ARMENIAN-ROMAN RELATIONS IN THE MID 1st C. BC.

A. R. Panov

The paper presents the analysis of foreign policy pursued by Armenian King Artavasdes II in the context of confrontation between Romans and Parthians. The author finds it unjustified to ascribe pro-Parthian orientation to Artavasdes II. His general policy can be interpreted as loyal to Roman interests. On the other hand, Roman attitude to Artavasdes II was more than cruel and inconsistent, which predetermined non-effective Roman-Armenian military cooperation.

Key words: Artavasdes II, Great Armenia, Parthian kingdom, Ancient Rome

---

© 2012

Е. А. Мехамадиев

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРМИИ COMITATENSES В ПОЗДНЕРИМСКОЙ ИСПАНИИ В IV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ V вв. н.э.

Статья посвящена малоизученному аспекту позднеримской военной истории — размещению и дислокации полевой армии *comitatenses* в Испании в конце IV — первой трети V в. н.э. Автор определяет датировку перевода экспедиционных войск (419 г. н.э.) и их первоначальное месторасположение (Галлия и Северная Италия) и связывает появление в позднеримской Испании новых военных сил с деятельностью военного комита Астерия, отправленного в Испанию для борьбы с племенами вандалов и свевов. Главный вывод состоит в том, что до 419 г. н.э. Испания не претерпевала каких-либо серьезных реформ в своей военной организации, поскольку вплоть до начала V в. н.э. основой ее военных сил были старые пограничные подразделения (алы, когорты и один легион) эпохи Принципата, перечисленные в XLII главе западного списка *Notitia Dignitatum*. Автор особо отмечает, что присутствие в Испании войск германского происхождения (федераты из племен франков и аламаннов), засвидетельствованное некрополями из долины реки Дуэро, может быть отнесено только к началу V в. (407–411 гг., узурпация Константина III и вторжение его сына Константа в Испанию).

Ключевые слова: Древний Рим, легион VII Близнец, Notitia Dignitatum, Астерий, некрополи реки Дуэро, федераты, De Laude Pampilone

1. Военная организация испанских провинций в эпоху Тетрархии.

Несмотря на более чем 100-летнее изучение позднеримской военной организации, проблема дислокации войсковых подразделений в Испании в IV–V вв. продолжает оставаться малоизученным аспектом военной истории Поздней Римской империи. В диссертации Д. Хоффманна, которая до сих пор является самым фундаментальным исследованием в этой области, относительно полевой армии

Мехамадиев Е. А. — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mehamadiev@gmail.com

Испании мы можем найти только общее замечание, касающееся времени возникновения этих военных сил. По мнению исследователя, три палатинские ауксилии, размещенные в Испании — *Victores iuniores* и *Ascarii seniores-iuniores* — в 410 г. были переведены из Константинополя в Равенну для оказания военной помощи западноримскому императору Гонорию, противостоявшему готам Алариха; впоследствии, как отмечает Д. Хоффманн, 10 лет спустя эти ауксилии были размещены в Испании, но о причинах данного перемещения он не говорит ни слова[1]. Следует отметить, что в испанской секции западного военного списка *Notitia Dignitatum* действительно указаны эти ауксилии (ND. Occ. VII. 119-120, 126), находившиеся под командованием военного комита Испании. Но, по словам византийского церковного историка Созомена, к Равенне «ночью неожиданно подплыли около 4 000 воинов с Востока; он (Гонорий — *Е. М.*) отправил их на охрану стен, опасаясь, что местные воины готовы к предательству» (ἀδοκήτως ἐν ἓξ ἀριθμοῖς ἀμφὶ τετρακισχίλιοι στρατιῶται νύκτωρ τῇ Ῥαβέννῃ προσέπλευσαν ἐκ τῆς ἀνατολῆς· οἷς τὴν φυλακὴν τῶν τειχῶν ἐπέτρεψε δεδιὼς τῶν ἐπιχωρίων στρατιωτῶν τὸ ἕτοιμον εἰς προδοσίαν. — Soz. HE. IX. 8. 6). Фактически это единственное свидетельство об отправке из восточноримских провинций войсковых корпусов на помощь Гонорию, разместившему свою резиденцию в Равенне. Но по данным Созомена мы не можем однозначно утверждать наличие в составе этих экспедиционных сил тех или иных войсковых соединений, перечисленных в *Notitia Dignitatum*, и тем более делать выводы о последующих перемещениях этих войск в другие западноримские провинции.

Как нам представляется, вопрос о переводе войсковых подразделений в Испанию и формировании обособленной региональной армии *comitatenses* требует обращения к различным типам источников (папирусы, эпиграфика, агиография, законодательство, эпистолография и археология), позволяющих рассмотреть данные процессы более детально и в четкой хронологической последовательности. Для определения даты перевода отрядов западноримской армии в Испанию мы должны разобрать несколько ключевых сюжетов военной истории этой провинции, оказавших решающее влияние на ее военную организацию в IV–V вв. Сложность поставленной задачи заключается в том, что источники по размещению и деятельности войсковых подразделений в Испании крайне немногочисленны и содержат незначительное количество сведений по данному вопросу. Для периода начала IV в. в нашем распоряжении есть только три текста, в которых упоминаются события испанской военной истории. Первым из них является греческий папирус из коллекции Страсбургского университета, сохранившийся только фрагментарно. Папирус представляет собой поэму, посвященную военным кампаниям Тетрархов в начале IV в[2]. Согласно данным этого анонимного документа, «из Италии прибыли бы и другие властители, если бы один не вел Иберийскую войну, а другой не посвятил себя сражению на Британском острове»[3]. Х.Арсе на основании этих сведений выдвинул предположение об участии армии под командова-

[1] Hoffmann 1969, 48.

[2] См. более подробно об этом папирусе: Cumont 1902, 36-40.

[3] τῷ δέ κ]εν Ἰταλίηθεν ἐπερρώοντο καὶ ἄλλοι / κοίρανοι, εἰ μη τὸν μὲν [Ἰ]βηρικὸς εἴρυεν Ἄρης / τῷ δὲ μόθος νήσοιο Β[ρ]εταννίδος ἀμφιδεδήει — Pap.Argent. inv. 480, vs. 2-4 (в связи с недоступностью для нас оригинальной публикации данного папируса цитируем текст по: Barnes 1976, 183.).

нием Максимиана Геркулия в военной кампании против франков, совершавших пиратские рейды на берега Испании. По мнению Х.Арсе, Максимиан Геркулий в 296/7 гг. разбил в морском сражении флот франков и проследовал со своими войсками в Мавританию Тингитанскую, где он одержал решительную победу над местными мавританскими племенами Квинквенгетанов[4]. Исследователь связывает с победой над франками сооружение в испанской Августе Эмерите триумфальной арки Максимиана Геркулия, с которым Х.Арсе идентифицирует фигуру императора на центральном барельефе (рис. 1).

Рис. 1. Фигура центрального барельефа триумфальной арки в Августе Эмерите — изображение Максимиана Геркулия (Arce J. Un relieve triunfal de Maximiano Herculeo en Augusta Emerita y el Pap. Argent. Inv. 480. // MM. Bd. 23. 1982. Tafel 62, b).

Следует отметить, что определенные намеки на факт морской кампании против франков содержит панегирик Цезарю Констанцию Хлору, в котором галльский ритор Эвмен отмечает, что «Сейчас, не говоря уже о Галльском побережье, спокойна Испания, хотя ее берега с трудом различимы» (Nunc secura est, ut de latere Gallico taceam, quamvis paene conspicuis litoribus Hispania — Pan. Lat. VIII (V). 18. 5) (пер. И. Ю. Шабаги)[5]. Мы считаем, что возможность проведения этой военной кампании была достаточно высока, учитывая что франки и саксы, согласно сведе-

[4] Arce 1982, 361-362.

[5] В целом в современной историографии можно выделить и другую интерпретацию анонимной греческой поэмы страсбургского папируса: В.Энсслин еще в 1930 г. предположил, что под словом [Ἰ]βηρικὸς из 3 строки документа неизвестный автор имел в виду западную Мавританию (Мавританию Тингитанскую), которая в административном плане принадлежала к испанскому диоцезу. В. Энсслин полагал, что в этнониме [Ἰ]βηρικὸς следует видеть мавританское племя Баваров, широко засвидетельствованное в надписях в качестве военных противников Максимиана Геркулия в 297/8 гг.: Enßlin 1930, 2505. В современной испанской историографии эта точка зрения была поддержана и дополнительно аргументирована П. Маймо и Капдевилой: Maymo y Capdevila 1999, 229-257. Данная точка зрения представляется нам спорной, поскольку в тех же эпиграфических свидетельствах Бавары в качестве противников Максимиана фигурируют наравне с племенем Квинквенгетанов, представлявших собой более серьезную угрозу римской власти в Мавритании (см. CIL VIII. 8924, 9324, 21486, 8836). К тому же следует отметить, что официальная титулатура правителей-

ниям Евтропия, совершали постоянные грабительские набеги с моря на берега Бононии и Арморики (совр. п-ов Бретань), что не исключает и более дальних пиратских рейдов в сторону берегов Испании (cum apud Bononiam per tractum Belgicae et Armorici pacandum mare accepisset, quod Franci et Saxones infestabant — Eutr. IX. 21). Косвенные представления о том, какими военными силами располагала сама Испания в этот период, мы можем получить из достаточно спорного и дискутируемого источника — «Жития центуриона Марцелла», текст которого дошел до нас в количестве четырех различных рукописей[6]. В данном случае основной интерес для нас представляют две версии жития, в одной из которых (более старая) Марцелл обозначен как центурион второго легиона Траяна (legio II Traiana), а в другой мы находим сведения о принадлежности Марцелла к кадровому составу седьмого Сдвоенного легиона (legio VII Gemina Felix), размещенного в испанской провинции Галлеции (более новая версия, опубликованная И.Делейе в 1923 г.)[7]. Обе версии идентичны в указании на время действия — консулат Фауста и Галла (298 г.), но мы полагаем, что данные версии N (как ее обозначил И.Делейе) относительно испанского места действия недостоверны, поскольку другой агиографический документ — «Деяния Максимилиана» — также описывает события, связанные с казнью молодого рекрута и происходившие в Мавритании Тингитанской, где в 297/8 гг. велись активные боевые действия против мавританских племен[8].

Сам текст «Деяний Максимилиана» может быть датирован только 295 г. (Tusco et Anulino Consulibus), но в этом плане показательной является длительность пребывания войсковых контингентов и процессов рекрутирования в пределах Мавритании Цезарейской и Тингитанской — новые военные силы были необходимы Тетрархам как для египетской кампании 295/6 гг., так и для противодействия племенам мавров в самой Мавритании. Как нам представляется, более вероятна военная служба Марцелла в пределах Мавритании Тингитанской, но не в составе legio II Traiana из Египта, поскольку в это же время — в 297/8 гг. — в Египте разворачивались боевые действия между армией Диоклетиана и войска-

тетрархов предполагала обозначение именно тех территорий, в пределах которых проходили боевые действия, без учета их административной принадлежности к более крупным диоцезам — CIL. XVI. 157, 1-2: [Impp(eratores) Caess(ares) Pii F(elices) I(nvicti) Augg(usti) p(ontifices) m(aximi) C(aius) Aur(elius) Val(erius) Diocletian(us)] / [3 Car(picus) m(aximus)] V Ar(meniacus) m(aximus) II Med(icus) m(aximus) / [Ad(iabenicus) m(aximus) (304 г., Лаций и Кампания); CIL. XIII. 5249, 1-2: [I]mp(erator) Caes(ar) C(aius) Aure(lius) Val(erius) Diocletian[us pont(ifex) max(imus) Ger(manicus) max(imus) II] / Sar(maticus) max(imus) Pers(icus) (293 г., Верхняя Германия). Подробнее о победных титулах тетрархов см.: Barnes 1976, 174-193.

[6] Литературу по данному житию см.: Delehaye 1923, 257-287; de Gaiffier 1943, 116-139; Masai 1965, 277-290; Lanata 1972, 509-522. Последняя работа представляет собой значительный интерес и в том плане, что Дж. Ланата опубликовал новую, четвертую версию жития.

[7] In civitate Tingitana … Marcellus quidam ex centurionibus legionis Trajanae … tenuerunt eum, et nuntiaverunt Anastasio Fortunato, praesidi legionis — Acta sancti Marcelli, centyrionis et martyris, 1-2. // Ruinart 1859, 343; Passio sancti Marcelli martyris qui est passus apud Legionem provinciae Galleciae … Sub die iduum augustarum, Fausto et Gallo consulibus, apud legionem septimam geminam, introducto domno Marcello ex civitate Astensium (Musurillo 1972, 254 = Knopf, Krüger 1929, 88). Более подробно см. по вопросу о разночтениях в текстах жития: Maymo y Capdevila 1996, 277-289.

[8] Tusco et Anulino Consulibus IV. Id. Martii, Teveste in foro inducto Fabio Victore una cum Maximiliano; et admisso Pompejano Advocato idem dixit: Fabius Victor Temonarius est constitutus cum Valeriano Quintiano praepositio Caesariensi; cum bono tirone Maximiliano — Acta Maximiliani, I. // Knopf, Krüger 1929, 86.

ми мятежного наместника Египта Домиция Домициана, провозгласившего себя императором. В этих обстоятельствах Диоклетиан не мог перевести на помощь Геркулию в Мавританию ни весь кадровый состав legio II Traiana, ни какую-либо вексилляцию, сформированную из солдат этого легиона.

В этом смысле следует указать на четвертую версию жития, опубликованную в статье Дж. Ланаты. В данном тексте Марцелл фигурирует уже в качестве солдата, принадлежавшего к рангу первого центуриона гастатов[9]. Из Эпитомы Вегеция мы знаем, что гастаты относились к подразделениям тяжелой пехоты (копьеносцы), которых он называет «когортами», при этом под командованием первого центуриона гастатов находились две центурии, т.е. 200 человек (Legio autem propriis cohortibus plena cum grauem armaturam, hoc est principes hastatos … Princeps autem primae cohortis centuriam semis, hoc est CL homines, gubernabat — Veg. Epit. II. 2. 8). Разделяя точку зрения Х. М. Д. Паркера и Э. Сандера о том, что устройство и внутренняя организация легиона, представленная у Вегеция, соответствуют периоду 260-290 гг., когда в римской армии были созданы обособленные от легионов конные вексилляции, мы склонны в большей степени рассматривать сведения Вегеция о первом центурионе гастатов как данные о наличии в армии 260-290 гг. вексилляций, выделенных из состава пограничных легионов[10]. Следует отметить, что наделение отряда гастатов статусом когорты в трактате Вегеция не случайно, поскольку в панегирике Максимиану Геркулию, произнесенном в 289 г. в Медиолане, галльский ритор Мамертин отмечает, что Максимиан боролся с набегами некоторых германских племен силами «не всего своего войска, но лишь нескольких небольших когорт», под которыми мы вполне можем понимать вексилляции, выделенные из состава нижнерейнских пограничных легионов (non universo ad id proelium usus exercitu, sed paucis cohortibus — Pan. Lat. II. (X). 5. 2).

Соответственно, мы полагаем, что вексилляция, в которой нес службу Марцелл, была выделена из состава legio VII Gemina, размещенного в испанской Галлеции. Важно подчеркнуть, что рукопись, послужившая основой для издания Дж. Ланаты, хранится в фондах Национальной библиотеки Мадрида (Bibliotheca Nacional de Madrid) под инвентарным номером A-76 и, как полагают исследователи, представляет собой наиболее близкую к оригиналу версию Passio Marcelli[11]. В этом смысле можно согласиться с мнением П.Маймо и Капдевилы, что сведения о Галлеции как месте действия «Жития» относятся уже к более поздним рукописям, но вряд ли выглядят обоснованными утверждения исследователя об отсутствии в мадридской рукописи упоминаний о провинции, в которой происходит действие[12]. В тексте Passio Marcelli (мадридский вариант) сохранилось прямое указание, где именно проходил судебный процесс над Марцеллом — в городе Тингис (Танжер), столице Мавритании Тингитанской, в пределах которой и развернулись основные боевые действия между Максимианом и маврами[13]. Это

[9] Fausto et Gallo consulibus, die quinta calendarum augustarum, introducto Marcello ex centurionibus hastatis primanis — Passio Sancti Marcelli, 1. // Lanata 1972, 513.

[10] Sander 1940, 385-387; Parker 1932, 147.

[11] Maymo y Capdevila 1996, 279, n.10.

[12] Maymo y Capdevila 1996, 280. Автор все же склоняется к выводу, что презид Фортунат, судивший Марцелла, располагался в Испании, но не в Мавритании.

[13] Fausto et Gallo consulibus, die tertio kalendarum novembrium, Tingi, introducto Marcello ex centurionibus hastatis primanis (Lanata 1972, 514).

значит, что Марцелл был арестован уже после окончания мавританской военной кампании Максимиана, что еще раз подтверждает факт службы центуриона именно в пределах Мавритании Тингитанской, но, как мы полагаем, в составе вексилляции, принадлежавшей к legio VII Gemina. Возвращаясь к цитированному ранее Страсбургскому папирусу, мы можем сделать вывод, что на пути в Мавританию Максимиан Геркулий, очевидно, направил свой флот к испанским берегам, пострадавшим от пиратских рейдов франков. Во время пребывания в Испании Максимиан включил в состав своей армии вексилляцию, выделенную из состава legio VII Gemina — основы военных сил римлян в Испании. Данные факты показывают, что в эпоху Тетрархии в Испании продолжали размещаться те войсковые подразделения, которые находились здесь с эпохи раннего Принципата. По сути, это была старая пограничная армия, состоявшая из одного легиона (legio VII Gemina) и нескольких ал и когорт, перечисленных в XLII главе западного списка Notitia Dignitatum (25-32).

2. Некрополи из долины реки Дуэро и проблема «испанского лимеса» в IV в.

В 1958 г. в результате серии археологических раскопок под руководством испанского археолога Педро де Палоля, проведенных на территории города Сан-Мигель-дель-Арройо (провинция Вальядолид), были обнаружены могильники, отличительной чертой которых было большое количество «военного» инвентаря: ножей и застежек от поясов. В своих статьях, опубликованных по материалам раскопок, П. де Палоль выдвинул гипотезу о принадлежности данных захоронений к могилам германцев-летов, переведенных римским правительством из рейнских провинций в Испанию в середине IV в. Аргументом для исследователя послужил следующий факт: формы застежек от военных поясов были идентичны с образцами, обнаруженными археологами на территории римской Верхней Германии, в зарейнских областях, а также в Северо-Западной Галлии (провинция Белгика) (рис. 2–3)[14].

Уже в 1975 г. точка зрения П. де Палоля была подвергнута критике в свете новых археологических данных из города Симанкас (пров. Вальядолид), представленных в статье К.Гарсиа Мерино. В обнаруженных могильниках помимо военной амуниции и инвентаря (ножи, копья, конская сбруя, застежки от поясов) содержались также предметы явно «гражданского» назначения, более близкие к элементам богослужения и литургии: чаши, бронзовые вазы, кропильницы, бытовая посуда (рис. 4-5). На основании этих данных исследователь пришел к выводу, что некрополи долины Дуэро представляют собой не захоронения летов, но местного гражданского населения — зависимых крестьян, которые работали в поместьях крупных землевладельцев и в то же время несли военную службу по

[14] Palol 1958, 216; 1969, 153, 155-156. В 1963 г. были открыты новые могильники с аналогичным содержанием в провинции Сория к северо-западу от Вальядолида (отличительная черта — наличие в составе оружейного инвентаря топора, который, по мнению автора публикации, служит свидетельством об исключительно германском характере захоронения и позволяет утверждать о присутствии летов в Испании во второй половине IV в.): Raddatz 1963, 133-141. Среди испанских историков эта гипотеза была наиболее активно поддержана Х.М. Бласкесом: Blazquez 1974, 485-503; 1976, 81-82. См. также: Balil 1960, 179-197. Возражения см.: Arce 1980, 593-609.

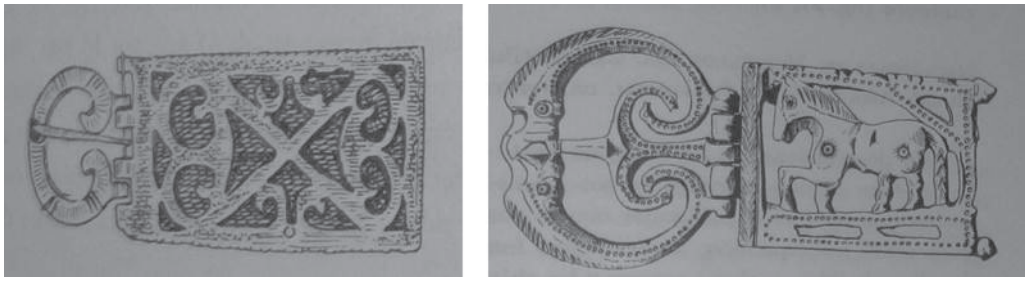


Рис. 2–3. Зооморфные узорчатые застежки от военных поясов германского происхождения из некрополей Сан-Мигель-дель-Арройо (Palol Pedro de. La necrópolis de san Miguel del Arroyo y los broches hispanorromanos de siglo IV. // BSEAA. Vol. 34-35. 1969. P. 143, fig. 4; 140, fig. 2; 147, fig. 25; 140, fig. 4).

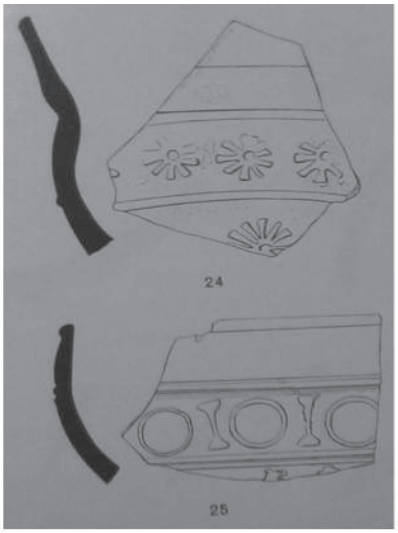
охране этих имений[15]. Как нам представляется, позиция К. Гарсиа Мерино также далека от действительности, поскольку сведения эпиграфики и официального законодательства, касающегося испанских провинций, позволяют утверждать об исключительно местном происхождении отрядов городской милиции, в то время как в могильниках из Симанкас и Сан-Мигель-дель-Арройо доминируют элементы материальной культуры германского происхождения. В этом смысле следует подчеркнуть, что закон императора Гонория, помещенный в VII книгу кодекса Феодосия под титулом 14 (De burgariis), запрещал частным лицам в Испании переводить к себе на службу бургариев, которые должны были «точно так же выполнять то, что ранее было предписано нашим законом о погонщиках мулов»[16].

Этот закон не раз становился объектом дискуссий среди исследователей — в частности, в 1939 г. М. Лабрус выдвинул предположение, что бургарии не представляли собой войсковые подразделения, размещенные в лагерях, но были группами работников, прикомандированными к профессиональным военным гарнизонам с целью выполнения строительных работ в лагере[17]. Следует подчеркнуть, что данная трактовка скорее применима к балкано-дунайским провинциям, где многочисленные надписи широко засвидетельствовали размещение отрядов бургариев именно в пограничных крепостях (burgi), в то время как для Испании, где не было развитой системы фортификационных сооружений, более приемлемы другие подходы к изучению института бургариев. Не так давно испанский историк Х. Л. Канисар Паласиос предложил новую интерпретацию функций бургариев, соответствующую именно испанским условиям: по его мнению, бургарии были отрядами городской милиции, состоявшими из местных крестьян, которых

[15] García Merino 1975, 541-545. Наиболее системно и последовательно данная точка зрения была аргументирована и развита в исследованиях А.Фуэнтес Домингеса, крайне скептически относившегося к самому понятию «лимес» и профессиональной пограничной армии применительно к испанскому диоцезу: Fuentes Domínguez 1988, 333-335; 1986 (к сожалению, нам недоступна). См. также: Fernandez Ochoa, Morillo Cerdan 1992, 344-348.

[16] Impp. Arcadius et Honorius aa. Vincentio praefecto praetorio. Post alia: in burgariis eadem volumus observari, quae de mulionibus lex nostra praecepit, ut ii quoque, qui intra Hispanias vel in quibuscumque locis ausi fuerint burgarios vel sollicitare vel receptare, eodem modo teneantur, similisque eos, qui publicis vestibus deputatos sollicitaverint vel receperint, et de coniunctione et de agnatione et de peculiis et de cunctis rebus quas in illis deprehendimus poena cohibeat. Dat. XI kal. mart. Mediolano Honorio a. IIII et Eutychiano conss — CTh. VII. 14. 1 (19 февраля 398 г.).

[17] Labrousse 1939, 162-163.



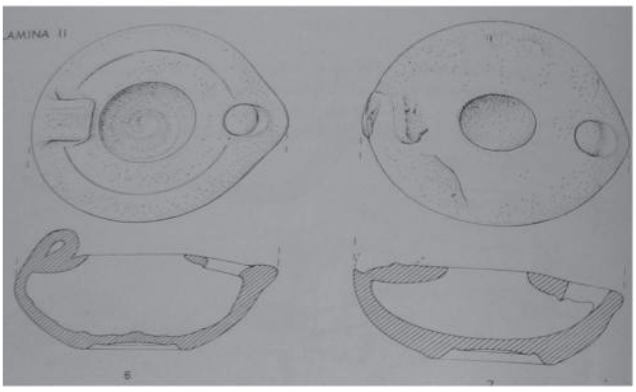


Рис. 4–5. Ножи и керамика (вазы, чаши, кропильницы) из города Симанкас провинции Вальядолид (García Merino C. Nueva necrópolis tardorromana en la provincial de Valladolid. El conjunto arqueologico de Castrobol. // BSEAA. Vol. 40-41. 1975. Lamina IV, fig.26-28; Lamina III, fig. 24-25; Lamina II, fig. 6-7).

провинциальная администрация размещала в небольших городах на севере Испании, а также в пунктах добычи золота для охраны дорог и сельской местности[18].

Эпиграфические данные из Испании, на наш взгляд, достаточно четко подтверждают правильность выводов Х. Л. Канисар Паласиоса. Эдикт императора Октавиана Августа, изданный в 15 г. до н.э., предоставляет финансовые привилегии т.н. «кастелланам» из двух родовых групп племени астуров, живших на территории современной испанской провинции Леон (сам текст эдикта был обнаружен в городе Эль-Бьерсо той же провинции)[19]. В другой надписи, датированной

[18] Cañizar Palacios 2008, 109-111.

[19] Imp(erator) Caesar divi fil(ius) Aug(ustus) trib(unicia) pot(estate) / VIII{I} et proco(n)s(ule) dicit / castellanos Paemeiobrigenses ex / gente Susarrorum desciscentibus … Sestio Quirinale leg(ato) / meo eam

28 г. н.э., упоминается группа «кастелланов» (castellani), прибывших из крепости Toletensis в крепость Aiobrigiaeco и разместившихся в доме одного из городских магистратов на правах hospitium (принудительного постоя войск)[20]. Вряд ли мы можем признать в этих castellani, навербованных из местных горных племен, городских жителей, постоянно находившихся в пределах вверенных им для защиты муниципий. Скорее всего, эти вооруженные отряды представляли собой начальную стадию развития института бургариев, зафиксированного в цитированном выше законе императора Гонория. Очевидно, к концу IV в. они включали в себя не только представителей нероманизированных горных племен (астуров, кантабров и, в меньшей степени, басков), но и местных крестьян, охранявших небольшие муниципии и виллы частных собственников. Но могильники из города Симанкас содержат ярко выраженный «германский» военный инвентарь, что не позволяет нам идентифицировать эти захоронения с носителями местной материальной культуры.

Соответственно, как нам представляется, некрополи долины реки Дуэро не принадлежали ни к захоронениям летов, ни к могилам местных крестьян, состоявших на службе в локальных отрядах городской милиции. В конце 80-х — начале 90-х гг. испанский археолог Ф. Перес Родригес-Арагон предложил новую трактовку некрополей из Дуэро, которую мы считаем наиболее обоснованной. Исследователь сопоставил материалы испанских захоронений с аналогичными образцами из зарейнской Германии (главным образом, застежки от военных поясов), и пришел к выводу, что носители этих поясов происходили из областей свободной Германии, т.е. территорий, неподконтрольных Риму (рис. 6-7), что позволило ученому выдвинуть новую гипотезу — германские захоронения Испании принадлежали не летам, но федератам, переведенным на территорию Испании в результате гражданских войн начала V в[21]. В этом смысле можно отметить, что ссылка Ф. П. Родригес-Арагона на вторжение в Испанию войск галльского узурпатора Константина III, состоявших из навербованных им франков и аламаннов, совершенно справедлива — Павел Орозий недвусмысленно говорит, что в 408 г. Константин отправил в Испанию своего сына Константа «с варварами, принятыми по договору (федератами — *Е. М.*) и набранными в армию воинами, которых называли Гонориаками» (Oros. VII. 40. 7: ex monacho Caesarem factum, cum barbaris quibusdam, qui quondam in foedus recepti atque in militiam allecti Honoriaci uocabantur, in Hispanias misit)[22].

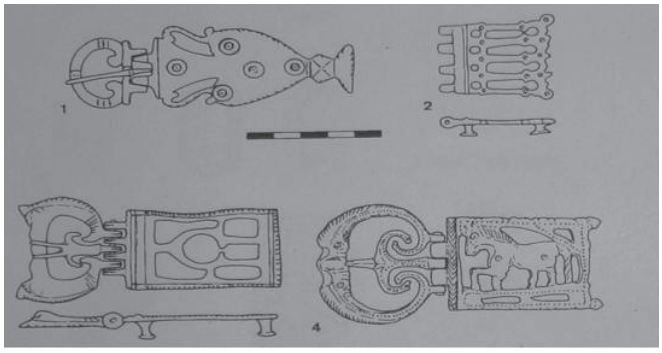
---

provinciam optinente{m} / eos agros sine controversia possi/dere iubeo / castellanis Paemeiobrigensibus ex / gente Susarrorum … immunitatem omnium rerum dede/ram eorum loco restituo castellanos / Aiiobrigiaecinos ex gente Gigurro/rum volente ipsa civitate eosque / castellanos Aiiobrigiaecinos — HEp. VII. 1997, no. 378.

[20] Appio Iunio Silano P(ublio) Silio / Nerva co(n)s(ulibus) / Tillegus Ambati f(ilius) Susarrus / |(castello) Aiobrigiaeco hospitium / fecit cum Lougeis castellanis / Toletensibus sibi uxori libe/ris posterisque suis eumq/ue uxorem liberosque eius / in fidem clientelamque sua/m suorumque in perpetuo cas/tellanei Toletensis receperunt / egit Tillegus Ambati ipse / mag(istris) Latino Ari et Aio Temari — AE. 1961. 96.

[21] Perez Rodriguez-Aragon 1992, 242-244, 254-255; 1989-1990, 98-101, 106; Böhme 1974, 205-207.

[22] В этом смысле следует подчеркнуть, что позиция П. А. Домингес Монедеро о постепенном включении варваров армии Константа в состав подразделений войск comitatenses, обозначенных в VII главе западного списка Нотиции, представляется нам вполне обоснованной, учитывая тот факт, что вплоть до начала 20-х гг. V в. эти федераты постоянно пребывали в северо-западной Испании — у правительства Гонория просто не было сил выбить их из Галлеции, поэтому западноримский им-



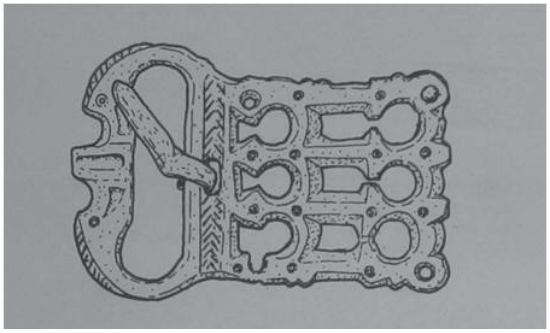


Рис. 6–7. Застежки от военных поясов из Испании, идентичные по форме и технике изготовления с образцами из некрополей зарейнской (свободной) Германии. Носителями этих поясов были федераты — германцы, переведенные с рейнской границы в Испанию (Perez Rodriguez-Aragon F. Los cingula militiae tardorromanos de la peninsula Iberica. // BSEAA. Vol. 58. 1992. P. 260, fig. 5; 259, fig. 4; 258, fig. 3; Idem. Los cingula militiae tardorromanos y el presencia de tropas de origen germanico en Hispania en los siglos IV y V. // Norba. Revista de Historia. Vol. 10. 1989-1990. P. 104, fig. 4).

Как нам представляется, именно такой перевод наиболее точно отражает ход событий, представленный в пассаже Павла Орозия. На наш взгляд, в цитированном выше отрывке войсковые подразделения, названные в честь императора Гонория, четко противопоставлены по смыслу корпусам федератов, которые не принадлежали к отрядам регулярной римской полевой армии. Э. Демужо полагает, что отряды Гонориаков были навербованы Константином III в 407 г. и получили название в честь имени законного императора Гонория с целью манифестации лояльности по отношению к центральной власти в Равенне, а также получения признания от Гонория в качестве императора-соправителя[23]. Мы не можем согласиться с этой трактовкой, поскольку данные латинской военной надписи из Аугсбурга, датированной издателем 400 г., свидетельствуют о существовании подраз-

ператор вынужден был пойти на компромисс с варварами. См.: Domínguez Monedero 1983, 119, 122, 124-126.

[23] Demougeot 1988, 195-196; О внутренней и внешней политике Константина III более подробно см.: Ehling 1996, 1-11.

делений с наименованием Honoriani (Honoriaci) уже в первое пятилетие V в, т.е. до 407 г.[24]. На наш взгляд, сведения Зосима о военной кампании Константа в Испании не оставляют сомнений относительно структуры армии узурпатора и происхождения войсковых подразделений, вошедших в ее состав. Зосим отмечает, что в 409 г., когда Констант подавил сопротивление частных отрядов двух родственников Гонория — крупных испанских землевладельцев Дидима и Вериниана, — он вернулся с частью армии к своему отцу, Константину III, разместившемуся в Арелате (совр. Арль), оставив, тем не менее, в Испании в качестве «сторожевых отрядов» пиренейских перевалов войсковые подразделения «из Галлии» под командованием стратега (военного магистра) Геронтия (ὁ Κώνστας … ἐπανῆλθε πρὸς τὸν πατέρα ἑαυτοῦ Κωνσταντῖνον … καταλιπὼν δὲ αὐτόθι τὸν στρατηγὸν Γερόντιον, ἅμα τοῖς ἀπὸ Γαλατίας στρατιώταις, φύλακα τῆς ἀπὸ Κελθῶν ἐπὶ τὴν Ἰβηρίαν παρόδου — Zos. VI. 5. 1).

Сопоставив пассаж Зосима с цитированной выше надписью и сведениями Павла Орозия, можно сделать вывод, что под «воинами из Галлии» следует понимать подразделения с названием Honoriani (Honoriaci), до 407 г. дислоцировавшиеся в Галлии или приальпийских провинциях, но впоследствии поддержавшие мятеж Константина III и перешедшие на его сторону. Зосим добавляет, что размещение солдат из Галлии, которых он именует не иначе как «чужеземцами» (ξένοις), произошло вопреки устоявшейся традиции доверять защиту провинции исключительно местному войску, всегда располагавшемуся в Испании (καίτοι γε τῶν ἐν Ἰβηρίᾳ στρατοπέδων ἐμπιστευθῆναι κατὰ τὸ σύνηθες τὴν φυλακὴν αἰτησάντων, καὶ μὴ ξένοις ἐπιτραπῆναι τὴν τῆς χώρας ἀσφάλειαν — «хотя по обычаю защита поручалась войскам, расположенным в Иберии, и охрану территории не доверяли чужеземцам» — Ibid). Как нам представляется, испанская исследовательница М. В. Эскрибано Панио совершенно справедливо идентифицировала «иберийские» войска Зосима с подразделениями пограничной армии (legio VII Gemina, а также алами и когортами), перечисленными в XLII главе западного списка Notitia Dignitatum (25-32)[25].

В этом смысле важно отметить, что даже в 409–411 гг., когда имперское правительство пыталось восстановить контроль над Испанией, в данной провинции не было легитимной полевой армии, отправленной Гонорием из Италии. Более того, как свидетельствует Павел Орозий, в 411 г. Максим, сын вышеупомянутого Геронтия, за два года до этого также провозглашенный императором, был лишен императорской власти в результате мятежа, поднятого т.н. «галльскими солдатами», которые впоследствии «были переведены в Африку, а затем отозваны в Италию» (Maximus exutus purpura destitutusque a militibus Gallicanis, qui in Africam traiecti, deinde in Italiam reuocati sunt — Oros. VII. 42). Ф. Х. Санс Уэсма предположил, что «галльские войска» Орозия представляли собой подразделения полевой армии, переведенные в 411 г. в Испанию из Италии специально для подавления мятежа Максима[26].

---

[24]]NO[3] / [3]vit honore [3] / [3] gaudia semper [3] / [3]s concordia iuc[3] / [3]cen [vi]va fecit [3] / [3] A[e]milia[no an(norum)] IIII[3] / [3]cense[3] / [3]s votum [3] { [3]ATNC[3] / [3] Pannonicia[norum et] / [Ang]rivar(iorum) et Ho[norianor]/[um] meritissim[is pro avis] / [et] animis iuve[nilibus] / [3] praeclaro [// Wagner 1956-1957, 228 no. 46 (курсив наш — Е.М.).

[25] Escribano Paño 2000, 521-522.

[26] Sanz Huesma 2006, 212.

На наш взгляд, ни о какой отправке войск из Италии в Испанию в 411 г. не может быть и речи — Р. Шарф правильно отметил, что под «галльскими воинами» Павла Орозия следует понимать войска, прибывшие в Испанию из Галлии под командованием Геронтия еще в 408 г[27]. В данном контексте можно сделать вывод, что после разгрома всех сил мятежников в самой Галлии западноримский военный магистр Констанций включил войска поверженного Максима (сына Геронтия) в состав своей полевой армии и впоследствии отправлял эти подразделения (с которыми следует идентифицировать только Гонориаков Павла Орозия) для подавления новых мятежей в Африку и Северную Италию. В этом смысле варвары-федераты, превышавшие по количеству отряды с наименованием Honoriani, не были выбиты из Галлеции, поэтому некрополи из долины Дуэро можно трактовать как следы пребывания этих федератов в северо-западной Испании.

3. Данные эпистолографии: письмо Консенция к Августину и письмо Гонория к гарнизону Пампилоны.

В 1945 г. испанская исследовательница Х. М. Лакарра опубликовала т.н. Кодекс Роды — сборник правовых документов, содержавших сведения по истории испанской провинции Наварра, на территории которой в конце IX в. было основано королевство с одноименным названием. Документы Кодекса Роды в основном относятся к X–XII вв. и посвящены различным вопросам административного устройства и муниципальной организации провинции в данный период, а по происхождению принадлежат к эдиктам и указам наваррских королей. Но в рамках Кодекса вместе с грамотами X–XII вв. сохранился документ, получивший название De laude Pampilone epistula («Письмо о восхвалении Пампилоны») и представляющий собой письмо западноримского императора Гонория к гарнизону испанской крепости Пампилона (столица Наваррского королевства и современный административный центр той же провинции). По сути, можно рассматривать письмо Гонория как официальную императорскую конституцию, не вошедшую тем не менее в состав Кодексов Феодосия и Юстиниана в силу своего локального значения[28].

Этот документ содержит бесценную по значимости информацию, позволяющую нам определить организационную структуру и причины формирования в Испании новой региональной полевой армии, обозначенной в VII главе западного списка Нотиции. В письме к гарнизону Пампилоны Гонорий объявляет, что по его указу патриций Савиниан прибыл в данную крепость «вследствие нашествий разных племен варваров» с целью сообщить «всем нашим воинам, старшим, младшим, разведчикам и Британским» о повышении жалованья солдат пампилонского гарнизона до одного уровня с жалованьем солдат, служивших в Галлии[29]. Следует

[27] Scharf 1992, 376 Anm. 9.

[28] Подробный анализ De laude Pampilone epistola как правового документа, а также разбор вопросов о времени и причинах включения письма Гонория в состав рукописи Кодекса Роды см.: Moreno Resano 2011, 193-205.

[29] cum Saviniano patricio qui eodem tempore, erede prelates, in Spaniam profectus est ob infestatione diversarum gentium barbarorum … universis militibus nostris, senioribus, iunioribus, speculatoribus ac Britannicis … constituta si<n>t vobis stipendia Gallicanarum quae constantiae vestrae porreximus (Sivan 1985, 274). В настоящее время издание Х.Сиван признано наиболее авторитетным и значимым, поэтому мы будем цитировать письмо Гонория по тексту, восстановленному в данном издании.

отметить, что процесс выплаты денежной анноны, согласно указу Гонория, должны были контролировать магистр обоих родов войск и военный комит, находившиеся в этот период в Испании[30]. Х. М. Лакарра идентифицировала солдат гарнизона Пампилоны с упоминавшимися выше частными войсками землевладельцев Дидима и Вериниана, состоявшими из зависимых крестьян и рабов. Исследовательница датировала письмо Гонория 407–409 гг. и связала его появление с вторжением армии узурпатора Константина III в Испанию — по мнению Х. М. Лакарры, отряды Дидима и Вериниана в ходе борьбы с Константином III получили от законного правительства в Равенне ранг регулярных пограничных соединений и были преобразованы в постоянные гарнизоны[31].

Против этой трактовки говорят три факта, обозначенные в самом письме: 1) в 407–409 гг. Испания находилась под полным военным контролем Константина III, поэтому для центральной администрации в Равенне было просто бессмысленно наделять войска Дидима и Вериниана статусом регулярных гарнизонов и, тем более, повышать их жалованье, поскольку все эти решения так и не были бы осуществлены; 2) все пограничные подразделения в позднеримский период находились под контролем дуксов, в то время как письмо Гонория совершенно четко свидетельствует о подотчетности гарнизона Пампилоны именно военному комиту и военному магистру; 3) в 407–408 гг. в Испанию не могли быть переведены подразделения «законной» полевой армии из Италии под командованием военного комита или магистра обоих родов войск, поскольку в этот же период сама Италия и ее войска должны были противостоять готам Алариха, осадившего Рим.

Сведения испанского хрониста Идация Лемнийского позволяют утверждать, что впервые военный офицер в ранге комита появился в Испании только в 419 г. Этим офицером был Астерий, которому было поручено выбить вандалов и свевов из Галлеции. Согласно Идацию, Астерию удалось выполнить свою задачу, поскольку вандалы и свевы были вынуждены оставить Галлецию и перейти в Бетику — провинцию на юго-западе Испании (Wandali Suevorum obsidione dimissa, instante Asterio Hispaniarum comite … relicta Gallaecia ad Baeticam transierunt — Hyd. Chron. 74 (419). // MGH. Chron. min. II, p. 20). Тот же Идаций сообщает, что через три года, в 422 г., военными действиями против вандалов в Испании руководил уже военный магистр Галлии Кастин, потерпевший поражение от вандалов вследствие дезертирства наемных отрядов готов, входивших в состав его армии (Castinus magister militum cum magna manu et auxiliis Gothorum, bellum in Baetica Wandalis infert — Hyd. Chron. 77 (422)). В 1981 г. в очередном томе серии Corpus scriptorium ecclesiasticorum latinorum были опубликованы 29 новых писем Августина, одно из которых, обозначенное под номером 11*, представляет собой письмо Консенция, жителя острова Менорка, к Августину Блаженному[32]. Этот текст содержит новые данные о мероприятиях Астерия и его военной политике во время пребывания в Испании, а также позволяет определить дату перевода в Испанию подразделений полевой армии. Из письма, датированного исследователями

[30] at<que> vos quos magnifici comites [h]ac magistri utriusque militia ad similitudine<m> nostrae clementiae constituti*** … ut eadem virescat forma virtutis quibus excellens una devotio est (Sivan 1985, 9-10,12-13).

[31] Lacarra 1945, 74-76.

[32] Divjak 1981, 51-70. Все ссылки на данное письмо будут даны по изданию в CSEL 88.

периодом от октября 420 до мая 421 гг., мы узнаем о том, что в провинции Испания Тарраконская находился комит Астерий, «которому было поручено командование над большой армией и проведение большой войны» (Aug. Ep. 11*.7: Venit protinus Tarraconam vir illustris Asterius comes cui tanti exercitus cura et tanti belli summa commissa est; Asterii comitis viribus niteretur … receptaque in praetorium eius quod tantis militum vallaretur excubiis omnes — Aug. Ep. 11*.4)[33]. М. Куликовски, посвятивший этому сюжету специальную статью, предположил, что реальной целью отправки войск во главе с Астерием в Испанию была не борьба с вандалами и свевами, но необходимость подавления т. н. второй узурпации Максима (того самого, который в 411 г. уже был лишен власти и после этого бежал из Барселоны к вандалам в Галлецию, с помощью которых в 418 г. он вновь провозгласил себя императором)[34].

Мы не можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку рассматривать узурпацию Максима и угрозу вторжения вандалов в Испанию Тарраконскую как две отдельные причины пребывания Астерия в Испании нецелесообразно в связи с отсутствием у Максима в 418 г. собственной армии — его военную силу составляли исключительно вандалы и свевы, против которых Астерий и был направлен в 419 г. в Испанию. В этом смысле можно отметить, что в конце 420 — начале 421 гг. Астерию удалось выбить вандалов из Галлеции, и отражение этих событий следует видеть в письме Консенция, утверждающего о «большой войне» комита Астерия в Испании. Возможно, к моменту составления этого письма боевые действия уже были завершены, и именно поэтому Консенций фиксирует пребывание Астерия не в Галлеции, но в Таррако (Таррагона), столице Испании Тарраконской. Следовательно, на основе сведений Консенция мы можем установить хронологические рамки для датировки письма Гонория и размещения полевых войск Астерия в Пампилоне. На наш взгляд, войска, перечисленные в письме Гонория, принадлежали к армии, переведенной в Испанию под командованием Астерия в 419 г. Войсковые подразделения этой армии первоначально были размещены в Испании Тарраконской, и у нас нет сомнений в том, что именно эти соединения представлены в испанской секции VII главы западного списка Notitia Dignitatum. В данном случае мы считаем целесообразным перечислить легионы и ауксилии, вошедшие в состав испанской полевой армии, в виде следующей таблицы:

Auxilia palatina (119-129)	Legiones comitatenses (130-134)
Ascarii seniores	Fortenses
Ascarii iuniores	Propugnatores seniores
Sagittarii Nervii	Septimani seniores
Exculcatores iuniores	Vesontes
Tubantes	Undecimani
Felices seniores	

[33] О датировке письма Консенция и аргументах в пользу 420/21 гг. см.: Kulikowski 2000, 135-139.

[34] Kulikowski 2000, 133-135. На основании сведений «Галльской хроники» 452 г. Р. Шарф датирует вторую узурпацию Максима августом-сентябрем 418 г., Х. Арсе — 422 г., а Ф.Х. Санс Уэсма отрицает саму возможность этого события, рассматривая сведения «Галльской хроники» 452 г. как хронологическую ошибку автора данного документа. См.: Scharf 1992, 377-379; Arce 2007, 97-100; Sanz Huesma 2006, 217-218.

Invicti seniores Victores iuniores Invicti iuniores Britones Brisigavi seniores Salii iuniores Gallicani	

Следует подчеркнуть, что подразделения, указанные в таблице, находят очевидные параллели с названиями, обозначенными в De laude Pampilone epistula: seniores-iuniores = почти все отряды с этими дополнительными наименованиями из «испанской» секции Нотиции, Britannici = Invicti iuniores Britones, Speculatores = Exculcatores iuniores (в латинском языке слова Speculatores-Exculcatores являлись синонимами и обозначали подразделения разведчиков). Большая часть представленных в таблице войсковых соединений принадлежала к рангу палатинских ауксилий — наиболее привилегированного вида службы в позднеримской армии. Французский историк П. Ле Ру интерпретировал содержание De laude Pampilona как указ Гонория о повышении местных пограничных войск до ранга легионов comitatenses и палатинских ауксилий[35]. Мы не можем согласиться с данной трактовкой, поскольку она противоречит как сведениям самой Нотиции, перечисляющей в отдельной XLII главе старые пограничные отряды эпохи Принципата, так и данным письма Консенция и хроники Идация, указывающим на перевод полевых войск из других провинций. Вряд ли можно признать справедливой и позицию Р.Шарфа, предположившего факт повышения регионального испанского командования от комитивы к военному магистериату, зафиксированный в письме Гонория[36].

Мы полагаем, что в тексте письма Гонория можно увидеть данные о двойном повышении солдатского жалованья для переведенных в Испанию полевых войск. В каждом из двух случаев солдатские донативы были увеличены в связи с разными событиями — первое повышение состоялось в 420 г. в связи с предоставлением Астерию звания патриция в награду за успешное завершение кампании против вандалов[37]. Второе повышение, как справедливо отметил Х.Арсе, произошло в 422 г. в связи с празднованием в Равенне тридцатилетия Гонория, когда в императорскую резиденцию был доставлен пойманный узурпатор Максим[38]. Именно второе повышение солдатского жалованья и было зафиксировано в письме Гонория, направленном в Пампилону в связи с перемещением значительного

[35] Le Roux 1982, 389.

[36] Scharf 1996, 90.

[37] Cum autem Asterius codicillis imperialibus patriciatum sortitus fuisset haec adiungit: Eodem tempore Castinus domesticorum comes, expetitionem in Francos suscepta, ad Gallias mittitur — Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9. Тот факт, что наделение Астерия титулом патриция произошло в тот же год, когда Кастин был назначен военным магистром Галлии, позволяет поместить это событие до 422 г., когда Кастин прибыл в Испанию уже в качестве военного магистра Галлии, но после 419 г., когда война Астерия с вандалами еще не была завершена. Особо подчеркнем, что в тексте Григория Турского, цитировавшего несохранившуюся «Историю» Сульпиция Севера, техническая процедура присвоения титула патриция представлена в виде отправки специальной императорской грамоты (указа), что исключает факт личной встречи Астерия и Гонория и подтверждает пребывание Астерия в Испании.

[38] Arce 2007, 99.

количества испанской полевой армии в северо-западную Испанию. Очевидно, в контексте обострения политического и военного положения в провинции, когда Кастин понес поражение от вандалов, Гонорий был обеспокоен возможностью дезертирства среди регулярных частей императорской армии, и для предотвращения этой ситуации он принял решение вновь повысить жалованье солдатам. Военным магистром, которому было поручен контроль за исполнением решения Гонория, был Кастин, пребывавший в 422 г. в Испании. Совершенно не случайно Гонорий говорит об уравнивании жалованья солдат пампилонского гарнизона с размером выплат, получаемых солдатами, служившими в Галлии. На наш взгляд, в этом можно видеть намек на происхождение и первоначальное месторасположение ауксилий и легионов, представленных в указанной выше таблице — данные Аммиана Марцеллина, латинских панегириков и Клавдиана, географических трактатов, надписей и даже сравнительной лингвистики свидетельствуют, что почти все эти соединения были навербованы из галльских или германских племен и в течение IV в. непрерывно дислоцировались в Галлии либо в приальпийских провинциях и Северной Италии[39].

Таким образом, мы видим, что до 419 г. Испания не располагала собственной региональной полевой армией, поскольку в переводе новых войсковых соединений не было необходимости — вплоть до начала V в. Испания оставалась относительно мирной провинцией, не испытавшей еще варварских вторжений и узурпаций императорской власти. В этом смысле можно отметить, что основой военных сил провинции в IV в. продолжали оставаться старые пограничные соединения (legio VII Gemina, алы и когорты), созданные и размещенные в Испании еще в I-II вв., но к концу IV в. они постепенно деградировали до уровня локальной городской милиции и потеряли свои военные навыки, смешиваясь с гражданским населением и включая в свой состав представителей нероманизированных горных племен северо-западной Испании. В 408-411 гг. ситуация в военной организации испанских диоцезов не изменилась — слабые пограничные

[39] Сведения Аммиана Марцеллина указывают на то, что ауксилия Аскариев в 367 г. находилась именно в Галлии и принимала участие в кампании Валентиниана I против аламаннов на рейнской границе (didicit regem hostilium agminum cum paucis captum ab Ascariis- Amm. XXVII. 2. 9); отряд Salii iuniores Gallicani, скорее всего, был создан еще в 358 г. Цезарем Юлианом из салических франков, которых, по словам Аммиана, Юлиан вместе с женами и детьми принял в римское подданство (quos consuetudo Salios appellavit … in oportunam clementiae … se cum opibus liberisque suscepit — Amm. XVII. 8. 3, 4); ауксилии Invicti seniores и Felices seniores, как мы полагаем, в 398 г. принимали участие в экспедиции против североафриканского наместника Гильдона, отправленной именно из Италии (Claud. De Bell. Gild. vs. 421-423: meritusque vocabula Felix … nomenque probantes/ Invicti) (курсив наш — Е.М.); подразделение Нервиев Сагиттариев еще в 395 г. размещалось в Северной Италии, где оно было засвидетельствовано в одной надгробной эпитафии из Конкордии (Fla(vius) Victurus d(e) n(umero) sagit(t)a/riorum Ner(viorum?) — ILCV. 535 = CIL. V. 8762); отряд Tubantes, очевидно, был создан Константином I из представителей германского племени Тубантов, с которыми он вел войны на рейнской границе в 306-312 гг. (Quid memores Bructeros? Quid Chamavos? Quid Cheruscos, Lancionas, Halamannos, Tubantes?- Pan.Lat. X (IV). 18. 1); легион comitatenses Vesontes, в отличие от множества других ауксилий и легионов испанской полевой армии, был навербован из галло-римского населения — жителей города Vesontio (совр. Безансон) галльской провинции Maxima Sequanorum (In provincia Maxima Sequanorum civitates num. IIII: Metropolis civitas Vesontiensium — Notitia Galliarum, 9. // Riese 1878, 142); наконец, подразделение Brisigavi seniores, упоминаемое только в Нотиции, как показал в своем справочнике М. Шенфельд, этимологически восходит к названию аламаннского племени Бризигавов, от имени которых получил название город Фрайбург-Брайсгау на юге Германии (Schönfeld 1911, 53).

силы не смогли оказать сопротивление варварам узурпатора Константина, разместившимся в Галлеции в качестве федератов, пребывание которых в Испании было засвидетельствовано некрополями из долины реки Дуэро. И только в 419 г., когда в связи с усиливающимся и бесконтрольным притоком вандалов и свевов в Испанию ситуация на пиренейской границе стала угрожающей для безопасности Южной Галлии, равеннское правительство отправило в Испанию ауксилии и легионы, прежде дислоцировавшиеся в Галлии на рейнской границе или в Северной Италии на протяжении приальпийского лимеса. Благодаря применению этих сил Гонорий смог восстановить контроль над Испанией и оттеснить вандалов к югу полуострова. Но отвод значительной части эффективных подразделений с галльской границы ослабил защиту самой Галлии, чем не преминули воспользоваться различные германские племена. Эти военные проблемы уже на следующем этапе позднеримской военной истории V в. должен был решать новый западноримский военный магистр Эций.

ЛИТЕРАТУРА.

Arce J. 2007: Bárbaros y romanos en Hispania, 400-507 AD[2]. Madrid.

Arce J. 1980: La «Notitia Dignitatum» et l'armee romaine dans la diocesis Hispaniarum. // Chiron. 10, 593-609.

Arce J. 1982: Un relieve triunfal de Maximiano Herculeo en Augusta Emerita y el Pap. Argent. Inv. 480 // MM. 23, 359-372.

Balil A. 1960: La defensa de Hispania en el Bajo Imperio // Zephyrus. XI, 179-197.

Barnes T. D. 1976: Imperial Campaigns, A.D. 285-311 // Phoenix. 30/2, 174-193.

Blazquez J. M. 1974: Der Limes im Spanien des vierten Jahrhunderts // Actes du IXe Conrès International d'études sur les frontières romaines Mamaïa, 6-13 septembre 1972/. Pippidi. Bucureşti (ed.). Köln-Wien, 485-503.

Blazquez J. M. 1976: Rechazo y asimilación de la cultura romana en Hispania (siglos IV y V) // Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancient. Travaux du VIe Congrès International d'Études classiques. Madrid, septembre 1974. / D. M. Pippidi (ed.). Bucarest-Paris, 63-94.

Böhme H. W. 1974: Germanische Grabfunde des 4/5 Jahrhundert zwischen unterer Elbe und Loire. München.

Cañizar Palacios J. L. 2008: La tropa de burgarii a la luz de CTh. VII. 14. 1: estado de una cuestión de complicada definición en la organización militar de Hispania // Dialogues d'histoire ancienne. 34/2, 95-113.

Cumont F. 1902: Note sur deux fragments épiques relatives aux guerres de Dioclétien // REA. 4, 36-40.

Delehaye H. 1923: Les actes *de S.* Marcel le centurion // Analecta Bollandiana 41, 257-287.

Demougeot E. 1988: Constantin III, l'empereur d'Arles // Idem. L'Empire romain et les barbares d'Occident (IVe- VIIe siècle). Scripta Varia / M. Christol, M. Gayraud (eds.). Paris, 171-213.

Divjak J. S. 1981: Aurelii Augustini Hipponiensis episcopi epistulae ex duobus codicibus nuper in lucem prolatae. Vindobonnae.

Domínguez Monedero A. J. 1983: Los ejercitos regulares tardorromanos en la Peninsula Iberica y el problema del pretendido «Limes Hispanicus» // Revista de Guimarães. 93, 101-132.

Ehling K. 1996. Zur Geschichte Konstantins III // Francia. 23, 1-11.

Enßlin W. 1930: Maximianus (Herculius) // RE. XIV, 2486-2516.

Escribano Paño M. V. 2000: Usurpación y defensa de las Hispanias: Dídimo y Veriniano (408) // Gerion. 18, 509-534.

Fernandez Ochoa C., Morillo Cerdan A. 1992: Fortificaciones urbanas de epoca Bajoimperial en Hispania. Una approximation critica (*). (Segunda parte).\ // Cuadernos de Prehistoria y Arqueologia. 19, 319-360.

Fuentes Domínguez A. 1988: Los castella del *Limes Hispanicus* Bajoimperial. Una revision critica. // Cuadernos de Prehistoria y Arqueologia. 15, 319-338.

Fuentes Domínguez A. 1986: La necrópolis tardorromana de Albalate de las Noqueras y el problema de las denominadas Necrópolis del Duero. Cuenca.

de Gaiffier B. S. 1943: Marcel de Tanger ou de Léon? Évolution d'une legend // Analecta Bollandiana. 61, 116-139.

García Merino C. 1975: Nueva necrópolis tardorromana en la provincial de Valladolid. El conjunto arqueologico de Castrobol // BSEAA. 40-41, 522-545.

Hoffmann D. 1969: Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I.

Knopf R., Krüger G. 1929: Ausgewählte Märtyrerakten. Tübingen.

Kulikowski M. 2000: The Career of the «Comes Hispaniarum» Asterius // Phoenix. 54. N.1/2, 123-141.

Labrousse M. 1939: Les burgarii et le cursus publicus // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 56, 151-167.

Lacarra J. M. 1945: Textos navarros del Códice de Roda // Estudios de Edad Media de la Corona de Aragón. 1, 193-284.

Lanata G. 1972: Gli atti del processo contro il centurione Marcello // Byzantion. 42, 509-522.

Le Roux P. 1982: L'armée romaine et l'organisation des provinces Ibériques d'Auguste a l'invasion de 409. Paris.

Masai F. 1965: Pour une édition critique des Actes du centurion Marcel // Byzantion. 35, 277-290.

Maymo y Capdevila P. 1996: Aspectos históricos de la *Passio Marcelli*. Algunas consideraciones sobre el contexto ideológico // Cassiodorus. 2, 277-289.

Maymo y Capdevila P. 1999: Maximiano en campaña: matizaciones crónologicas a las expediciones Hispanas y Africanas del Augusto herculeo. // Polis. Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica. 12, 229-257.

Moreno Resano E. 2011: Observaciones a propósito de *De laude Pampilone epistola* // Príncipe de Viana. 253, 193-205.

Musurillo H. 1972: The acts of the Christian martyrs. Oxford.

Palol Pedro de. 1958: Las excavaciones de San Miguel del Arroyo // BSEAA. 24, 209-217.

Palol Pedro de. 1969: La necrópolis de san Miguel del Arroyo y los broches hispanorromanos de siglo IV // BSEAA. 34-35, 93-161.

Parker H. M. D. 1932: The Antiqua Legio of Vegetius // The Classical Quarterly. 26. N.3/4, 137-149.

Perez Rodriguez-Aragon F. 1992: Los cingula militiae tardorromanos de la peninsula Iberica // BSEAA. 58, 239-261.

Perez Rodriguez-Aragon F. 1989-1990: Los cingula militiae tardorromanos y el presencia de tropas de origen germanico en Hispania en los siglos IV y V // Norba. Revista de Historia. 10, 95-108.

Raddatz K. 1963: Zu den spätantiken kriegergräbern von Tañine (Prov. Soria) mit einer Taxtabbildung // MM. 4, 133-141.

Riese A. 1878: Geographi Latini Minores. Heibronnae.

Ruinart Th. 1859: Acta martyrum selecta et sincera. Ratisbonae.

Sander E. 1940: Die antiqua ordinatio legionis des Vegetius. // Klio. 14/4, 382-391.

Sanz Huesma F. J. 2006: Un oscuro episodio de la Historia política de Hispania en el siglo V: la supuesta segunda usurpación de Máximo // HAnt. 30, 209-220.

Scharf R. 1992: Der spanische Kaiser Maximus und die Ansiedlung der Westgoten in Aquitanien. // Historia. 4/3, 374-384.

Scharf R. 1996: Spätrömische Truppen in Spanien. // Idem. Spätrömische Studien. Prosopographische und quellenkundliche Untersuchungen zur Geschichte des 5. Jhr. n. Chr. Mannheim, 76-94.

Schönfeld M. 1911: Wörterbuch der Altgermanischen personen- und Völkernamen. Heidelberg.

Sivan H. 1985: An Unedited Letter of the Emperor Honorius to the Spanish soldiers // ZPE. 61, 273-287.

Wagner Fr. 1956-1957: Neue Inschriften aus Raetien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 37-38, 215-265.

FORMING AND DEVELOPING OF REGIONAL ARMY COMITATENSES IN LATE-ROMAN SPAIN OF THE 4th — EARLY 5th cent. AD.

Ye. A. Mekhamadiev

The present article deals with the little-studied aspect of Late Roman military history — the deployment of field army comitatenses in Spain in the late 4th — early 5th cent. AD. The author dates the transfer of expeditionary armies as far back as 419 AD, identifies their original deployment in Gaul and Northern Italy, and links their emergence in Late Roman Spain to the activity of military comes Asterius who was sent to Spain to fight with the tribes of Vandals and Suebi. The idea is that before 419 AD Spain did not undergo any serious military reforms, as before the early 5th c. AD its military force rested upon its old frontier units (alae, cohorts and one legion) of the principate times, which are enumerated in the XLII chapter of western list of Notitia Dignitatum. The author underlines that the presence of armies of German origin in Spain (federates from tribes of Francs and Alamanns), which is confirmed by the data from the Duero river valley necropolises, can be dated only by the early 5th c. AD (407–411 AD, the time of Constantine III usurpation and the invasion of his son Constant intrusion into Spain).

Key words: Ancient Rome, Legio VII Gemina, Notitia Dignitatum, Asterius, the Duero river valley necropolises, federates, , De Laude Pampilone

© 2012

С. Г. Боталов, А. А. Иванов

НОВЫЙ КОМПЛЕКС КОЧЕВОЙ АРИСТОКРАТИИ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Летом 2010 года в Агаповском районе Челябинской области был исследован курган № 21 могильника Магнитный. В западной части погребальной площадки выявлена могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по оси север-юг. Среди погребального инвентаря наибольшее число составляют металлические изделия, которые можно интерпретировать как предметы римского «винного набора» (кувшин, ковш, ситечко, черпак, стакан). Предметы римского импорта, а также бронзовый котел, бронзовое зеркало и др. составляют весьма типичный комплекс для урало-казахстанских комплексов и датируются II-III вв.н.э. Комплекс Магнитный особым образом маркирует процесс оттока кочевников в конце раннего этапа позднесарматского, достигшего к тому времени района Карпатской котловины, обратно на восток в середине III в.н.э.

Ключевые слова: Южное Зауралье, некрополь Магнитный, римский импорт, II–III вв. н.э.

Летом 2010 года в Агаповском районе Челябинской области был исследован курган 21 могильника Магнитный. Площадка памятника занимает большой береговой изгиб левого рукава истоков р. Субутак (с ЮВ) и ограничена мысовым щитом коренного берега р. Субутак с ССВ. Курган 21, самый крупный в могильнике, расположен в 3,5 км к СЗ от пос. Магнитный и в 2,5 км к ЗСЗ от пос. Вперед Агаповского района Челябинской области.

Могильник был открыт С. Г. Боталовым в 1993 году. Визуально выявляются 39 объектов, расположенных по линии ССВ–ЗЗЮ, из которых 8 — склепообразные насыпи, 10 — подпрямоугольные насыпи, 12 — округлые курганы и 9 объектов неправильной формы (рис. 1, I). В 2009 году сотрудница Центра «Аркаим» И. М. Батанина провела аэродешифровку снимков, что позволило уточнить расположение многих объектов. Первые стационарные исследования осуществил С. Ю. Гуцалов в 1994 году. Результаты раскопок дали материал II–III вв. н.э.

Диаметр кургана 21–27 метров; высота над современной поверхностью — 1,5 метра. В центре насыпи следы большого грабительского шурфа, размеры 5х6

Боталов Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: grig@csc.ac.ru

Иванов Александр Александрович — научный сотрудник ООО «Археологический научный центр». E-mail: iv171280@yandex.ru

метров. По краю воронки мощный выкид подковообразной формы. Грабители прошли все тело насыпи кургана и углубились в материк (рис. 1, II). Находок в заполнении их ямы не найдено.

Тело насыпи кургана состоит из серого, сильно гумусированного суглинка с отдельными пятнами материковой глины. Проследить особенности сложения насыпи не удалось. На уровне -200 см от ноля кургана зафиксирована погребальная площадка. Большая часть ее площади уничтожена норными животными и грабительскими шурфами (рис. 1, II). Предположительно размеры площадки составили 14 метров по линии ЗВ, 10 метров по линии С-Ю. Она была сооружена на погребенной почве, поверх которой был выровнен слой красно-коричневой глины (выкид из могильной ямы). Вероятно, вся погребальная площадка была покрыта сверху слоем бересты и тонкими деревянными плашками. Слой бересты надежно зафиксирован в бровках и отдельными кусками в центральной части раскопа. В восточной части раскопа (траншея 3) отмечены деревянные плашки (длина 50 см, ширина 10-15 см), ориентированные по линии ЗВ. Уложены они были параллельно друг другу на расстоянии 50-70 см. Данный слой перекрывал могильную яму.

Могильная яма выявлена в западной части погребальной площадки (в 10 метрах к западу от центрального пикета кургана). Яма была подпрямоугольной формы, плотно забутована (залита?) глиной. На верхних горизонтах контур читался плохо. Забутованная глина дала усадку, и весь верхний контур был разбит многочисленными норами, создавая впечатление непонятного «перемеса».

На глубине -3,75 метра от ноля кургана было обнаружено одиночное захоронение. Вдоль длинной (западной) стенки входной камеры был сделан подбой. В подбое была установлена гробовина и весь инвентарь. Ориентировка ямы по дну С-Ю. Размеры входной камеры: длина 2,8 метра, ширина 0,6 метра. Размер погребальной камеры по дну: длина 2,8 метра, ширина один метр. Вдоль западной стенки подбоя проходила нора, которая уничтожила часть гробовины (рис. 1, III).

В целом погребение не потревожено, скелет и инвентарь лежат in situ. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Нижняя челюсть отсутствует. Форма черепа позволяет предполагать незначительную деформацию. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты параллельно друг другу, ступни развернуты носками влево. Кости верхней части позвоночника срослись и сильно искривлены. Длина скелета от черепа до ступней 1,6 метра. Тело было положено в гробовину и задвинуто к западной стенке подбоя.

Гробовина сохранилась фрагментарно, но удалось зафиксировать ее размер. Длина гробовины около двух метров, ширина в ногах 0,55 метра, ширина за черепом 0,4 метра. Толщина длинной стенки гробовины 2 см, короткой стенки около 7 см.

Весь найденный инвентарь по месту концентрации можно разделить на четыре группы. Первая группа вещей располагается между южной стенкой погребальной камеры и гробовиной (рис. 2). Вторая группа — на костях погребенного внутри гробовины. Третья группа — в северной части погребальной камеры, на уровне левого плеча погребенного. Четвертая группа — у северной стенки погребальной камеры, к северо-востоку от гробовины.

Основная часть инвентаря располагается компактно в южной части погребальной камеры (рис. 2). В углу, между гробовиной и западной стенкой, найдено

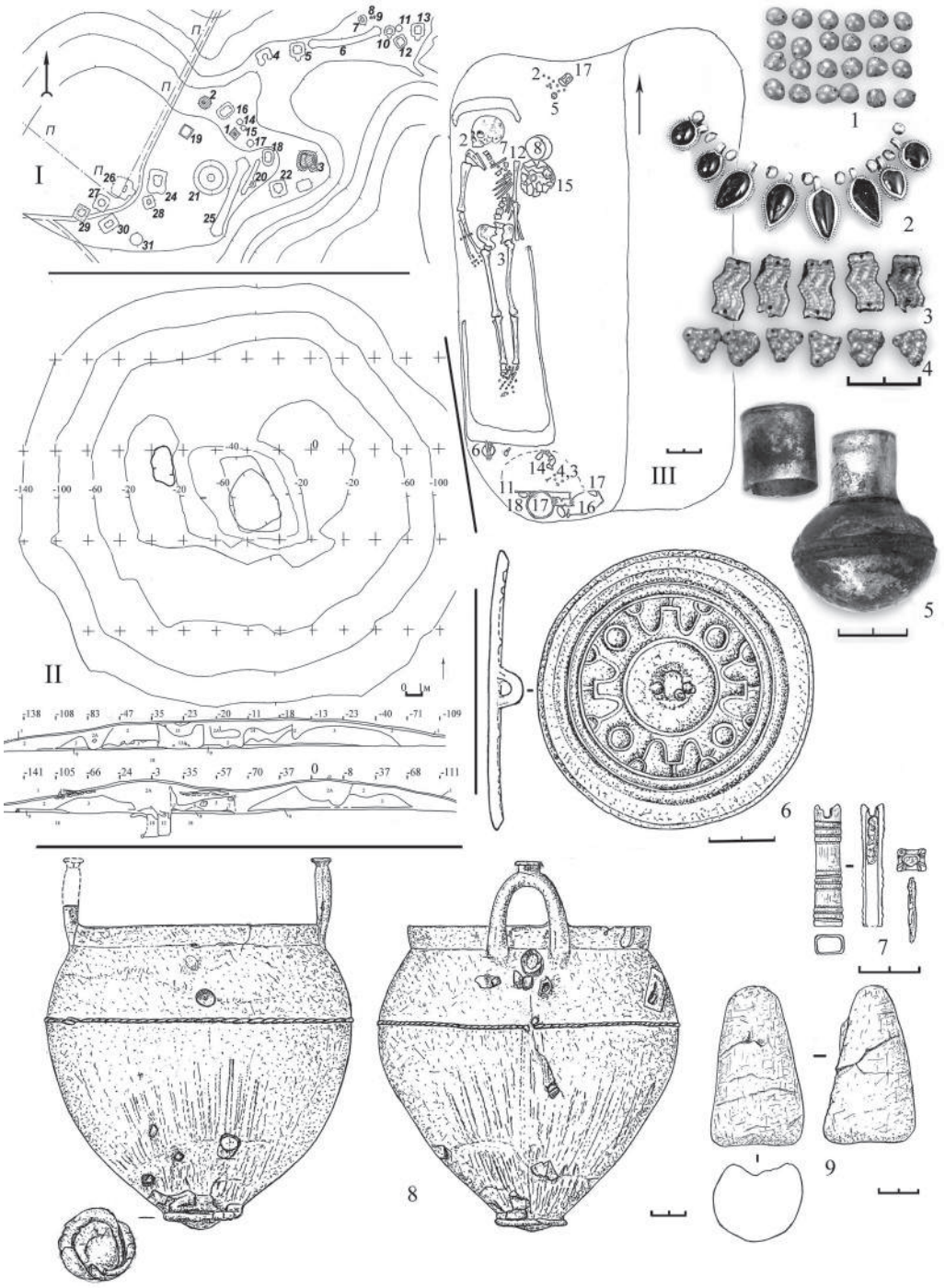


Рис. 1. Могильник Магнитный. I — общий план могильника; II — план и центральные профили кургана 21; III — план могильной ямы; IV — вещевой комплекс: 1, 3, 4 — золото; 2 — золото и камень (гранат); 5, 6, 8 — бронза; 7 — кость, железо; 9 — известняк.

бронзовое зеркало, на котором лежат железные пружинные ножницы плохой сохранности. Зеркало круглое диаметром 9 см, поверхность слегка изогнута. На обратной стороне — шишечка-крепление и орнамент из пяти концентрических кругов. Во внутренний круг вписаны дополнительные декоративные элементы (четыре маленьких кружочка и сложные «М»-образные знаки). Зеркало сделано из легированной бронзы, поверхность дополнительно амальгирована (рис. 1, 6). Рядом с зеркалом располагается изделие из белого известняка конусовидной формы в виде песта. Высота 8 см, ширина у основания 4,7 см (рис. 1, 9). У основания его лежит костяная трубочка — футляр для иголки. Остатки железной иглы сохранились внутри трубочки. К востоку от песта, у стенки гробовины на боку лежит гончарный, плоскодонный, ангобированый сосуд. Высота сосуда 12,5 см, диаметр горла 13 см, диаметр дна 6,5 см. Донышко сосуда оформлено как специальная площадка толщиной 0,5 см (рис. 4, 5).

Другая часть инвентаря располагается компактной группой у южной стенки погребальной камеры. Между ангобированым сосудом и инвентарем у южной стенки лежат золотые бляшки полусферические и треугольные. Изготовлены они из тонкой золотой фольги. Полусферические, размером 0,5 см, имеют два отверстия для крепления с противоположной стороны друг от друга. Треугольные, размером до 1 см, отверстия пробиты в углах бляшки (рис. 1, 3).

У южной стенки были обнаружены массивные бронзовые вещи: кувшин, ковш, ситечко (рис. 2; 4, 11; 5, 2). А также керамическая миска, железный черпачок и расшитый бисером, золотыми бляшками предмет, возможно, «сумочка» (рис. 3).

Сверху всех этих предметов располагалась керамическая, плоскодонная миска, сильно зауженная ко дну. Высота 6,5 см, диаметр горлышка 17 см, диаметр дна 7 см. Стенки толстые, около 1 см, края миски загнуты вовнутрь (рис. 4, 4).

Бронзовый «кувшин» с фигурно украшенной ручкой. Высота 29 см, диаметр горлышка 7,5 см, диаметр дна 9 см. Дно массивное (0,6 см), вогнутое, «орнаментировано» несколькими концентрическими кругами, припаивалось отдельно. Стенки «кувшина» имеют разную толщину, максимальную 1 см у дна и постепенно сужаются к горлышку до 0,3 см. Тулово сосуда не орнаментировано. Край горлышка украшен серией мелких кружков диаметром 0,2–0,3 см. Ручка на уровне горлышка переходит в горизонтальный, оригинально сделанный щиток. Скорее всего, перед нами какой-то стилистический сюжет (рис. 4, 9;5, 3).

Под бронзовым кувшином и керамической миской располагается бронзовый ковш. Дно плоское, примерный диаметр 13,5 см. Ко дну были припаяны три плоские ножки, в процессе археологизации предмета они отпали. Тонкие стенки ковша (до 0,3 см) были разрушены в нескольких местах. В древности предмет ремонтировался, о чем свидетельствует бронзовая грубая заплатка, закрепленная клепками. Размеры заплатки 5х2 см. Ковш имеет длинную ручку (20 см) с округлым окончанием. Он был изготовлен из бронзы с последующим лужением и оловянной пайкой (рис. 4, 4; 5, 4). Внутри ковша обнаружено изделие непонятного назначения, изготовленное из дерева и бронзы плохой сохранности. Под ковшом найдено бронзовое ситечко плохой сохранности. Диаметр 10 см, толщина стенок менее 0,1 см. Ситечко имеет короткую горизонтальную ручку с маленькой клепкой неясного назначения. Дырочки пробиты не хаотично, а представляют собой

определенный орнамент. Можно выделить четыре «зоны» орнамента. Нумерация дана сверху вниз:

1. Две горизонтальные и ряд косых линий.

2. Две горизонтальные и ряд волнообразных линий. Расстояние между вершинами «волн» стабильно 2 см. Внутри «волны» ряд отверстий — идет как прерывистая линия.

3. Две горизонтальные и очень пологие, косые линии.

4. Орнамент дна ситечка представляет собой 20 «лепестков», образованных чередованием длинных и коротких линий, идущих по направлению к центру (рис. 4, 2;5, 2).

Рядом с бронзовым ситечком лежал железный черпачок, диаметр «чашечки» около 8 см (рис. 4, 7). Все эти предметы были усыпаны золотыми полусферическими и треугольные бляшками, костяными(?) треугольниками, возможно, они являлись деталями плетеного предмета, остатки которого удалось зафиксировать ниже. Остатки плетеного изделия представляли собой органическую основу, расшитую синим, желтым бисером, маленькими кубиками из пирита и золотыми полусферическими и треугольными бляшками.

Вторая группа вещей располагается на костях погребенного и отражает детали одежды и украшения. На ступнях найдены полусферические золотые бляшки, которыми, видимо, была обшита обувь. На погребенном была, видимо, одета «рубашка», рукава и ворот которой были расшиты золотыми волнообразными бляшками (рис. 1, 3). Эти бляшки были зафиксированы в районе запястий на каждой руке, а также на груди. К деталям «рубашки», видимо, стоит отнести стеклянные и сердоликовые бусы, найденные на каждой руке. Эти бусы идут поперек лучевой и локтевой кости предплечья.

В районе левой ключицы найдена бронзовая ромбическая фибула. На щитке фибулы нанесен «растительный» орнамент. Иголка крепления была железной и отломилась в процессе археологизации (рис. 4, 3). Рядом с фибулой располагался бронзовый цилиндр. Его назначение будет описано ниже. В области шеи найдены украшения из золота и камней гранатов (ожерелье из листовидных и круглых подвесок и бусинок). Все подвески золотые с гранатом темно-красного цвета. Бусинки золотые как крупный бисер, всего 9 шт. (рис. 1, 2).

Напротив левого плеча погребенного (за пределами гробовины) расчищены гончарная тонкостенная фляга и бронзовый котел. Котел небольшой, высотой 18 см, у него широкое горло (диаметр 14 см), тулово расширяется в верхней трети до 18 см в диаметре и затем постепенно сужается ко дну. Толщина стенок котла 0,2-0,3 см. Мы можем предположить, что изделие использовалось в течение длительного времени. Об этом говорит отсутствие одной ручки (утраченной в древности), черный нагар, покрывающий все изделие, и многочисленные следы «заплаток» (рис. 1, 8).

Гончарная фляга высотой 20,7 см, диаметр горлышка 4 см, диаметр дна 9,5 см, толщина стенок 0,4-0,5 см. Фляга плоскодонная, грязно-серого цвета (рис. 4, 15).

Последняя группа инвентаря располагается компактной группой в северо-восточной части погребальной камеры. Характер расположения вещей позволяет предполагать, что они каким-то образом связаны между собой. Всего было найдено: стеклянный стакан, золотые полусферические бляшки, железный

Рис. 2. Могильник Магнитный, курган 21. Погребение. Южное скопление предметов.

Рис. 3. Могильник Магнитный, курган 21. Погребение. Фрагменты сумочки с золотыми нашивками.

«Т-образный» предмет плохой сохранности, бронзовый предмет из двух полусфер спаянный белым металлом.

Бронзовый предмет из полусфер получил условное название «флакон для благовоний». Бронзовый цилиндр, найденный на груди погребенного (смотри выше) его верхняя часть (рис. 1, 5). Размеры двух предметов совпадают. Скорее всего, предмет распался в результате археологизации и был растащен норными животными.

Золотые бляшки частично располагаются внутри стакана частично рядом с ним. Лежат они примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, это возможно, только если они были нашиты на какой-то шнурок или ленту. Каким образом они могут быть связаны со стаканом, не ясно. Стеклянный стакан высотой 7,5 см, диаметром горлышка 8 см, диаметр дна 5 см. Стенки стакана «смяты», вогнуты с четырех сторон, и это придает ему подквадратные очертания (рис. 4, 8; 5, 1).

Необходимо отметить, в погребении был еще ряд предметов, которые не удалось зафиксировать из-за плохой сохранности. Вещи у южной стенки погребальной камеры были завернуты или закинуты каким-то «покрывалом». От него сохранился лишь органический тлен темно-серого цвета. На бронзовом кувшине зафиксированы остатки деревянного предмета, возможно, посуды. А также деревянная дощечка, назначение которой не понятно.

Среди погребального инвентаря наибольшее число составляют металлические изделия, которые можно интерпретировать как предметы римского импорта.

Бронзовый ковш с горизонтальной рукоятью — одна из самых распространенных категорий римского импорта в Восточной Европе. В позднесарматский период они встречены в памятниках Молдовы, на Нижнем Дону[1], а также в сарматских памятниках Карпатской котловины[2].

Несмотря на то, что данная категория импорта попадала в Восточно-европейскую степь на протяжении длительного периода, ковши этого времени отличает особое оформление окончания рукояти (круговое на вершине с концентрическими бордюрами и круглым отверстием). Это своеобразный хронологический или технологический маркер этой категории инвентаря среди позднесарматских находок. Заметим, что в весьма представительной коллекции помпейской бронзы подобный тип бронзовых ковшей отсутствует. Вероятно, это объясняет и отсутствие среди помпейских предметов археологических бронзовых кувшинов[3]. Бронзовый кувшин, найденный в погребении, имеет определенное сходство с бронзовой амфорой из погребения 1 кургана 9 могильника Валовый I[4]. Авторы публикации материалов этого могильника отмечают, что это редкая находка не обычна для римского импорта. Возможно, она была сделана в придунайских провинциях римской империи[5]. Отчасти это подтверждается находками подобных предметов где-то на окраинах римского мира, как, например, находка подобного бронзового кувшина в Nistelrode (Нидерланды), датированного II–III вв. н.э.[6] Аналогичным образом

[1] Мыськова, Сергацков 1994; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 6; 13, 4; 29,1; Grosu 1995, 8.1-3.
[2] Vaday 1989, 38,81.
[3] Tassinari 1993, 21-103.
[4] Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 45.
[5] Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 83.
[6] www.rmo.ne.english (news) roman-bronz-wine-service.

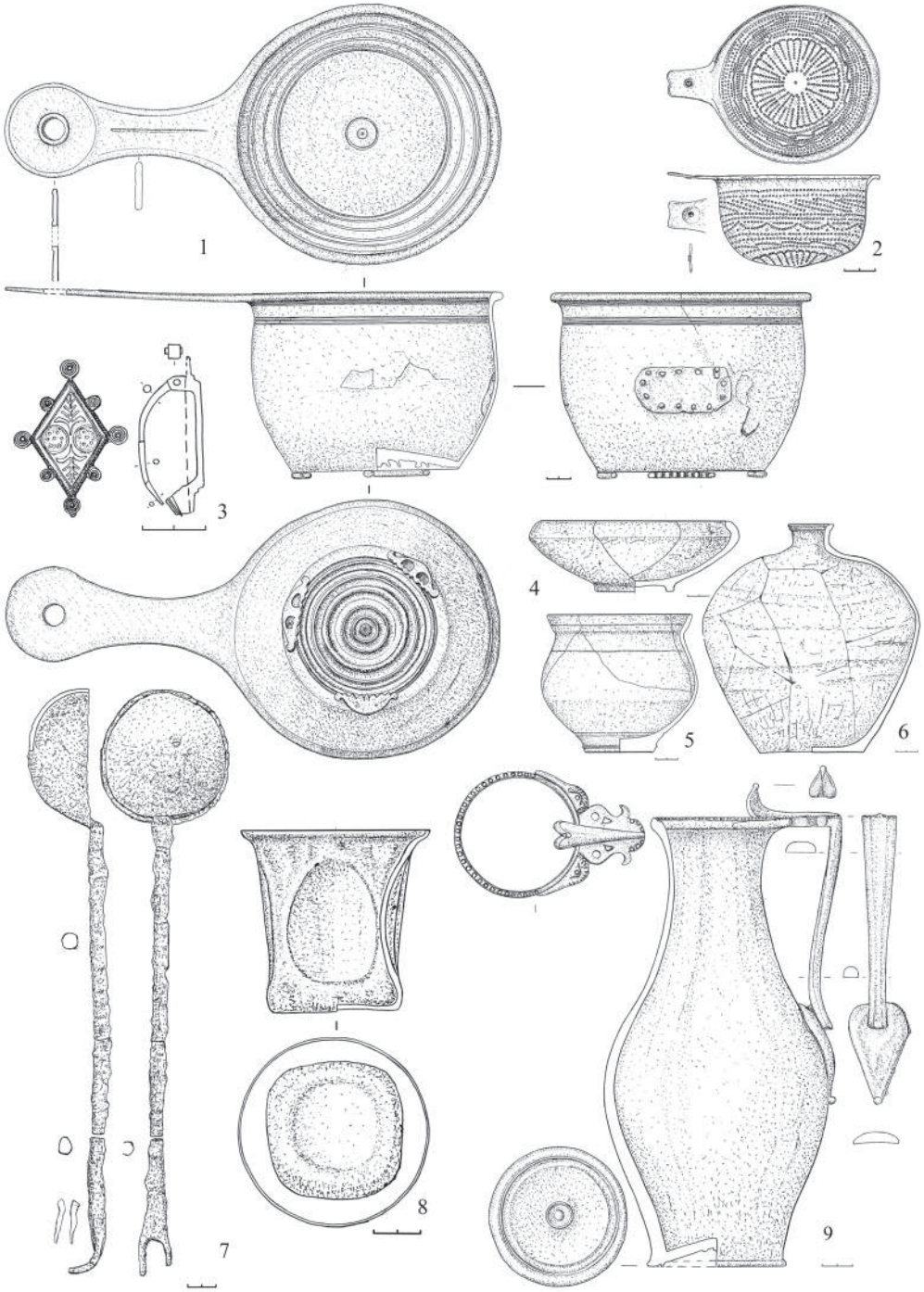


Рис. 4. Могильник Магнитный, курган 21, 1, 2, 9 - бронза: 4-6 - керамика; 7 - железо; 8 - стекло.

эта ситуация характерна и для бронзовых ситечек как обязательного элемента в составе римских винных наборов. Отличие Магнитного комплекса заключается в том, что в его состав входит не ковш-дуршлаг, а сравнительно небольшое ситечко с характерным рисунком отверстий, находимых на предметах данной категории[7]. Железный черпачок своеобразно функционально дополняет бронзовое ситечко в представленном наборе. Особым элементом Магнитной коллекции является стеклянный стакан. Находки римской стеклянной посуды не являются редкостью для позднесарматских погребений (вазы, бутыли, графины, чаши и пр.), однако подобная находка сделана впервые. Среди римского стекла (The Metropolitan Museum) подобные стаканы с оконтуренным ребром жесткости появляются в коллекциях, датированных не ранее II в. н.э. с последующим существованием вплоть до IV в. н.э.[8]

Достаточно хорошим хронологическим репером является фибула с ромбическим щитком и антропоморфным изображением по эмали (голубой, розовый, зеленоватые тона), которая также встречается среди римских материалов не ранее II в. н.э.[9], а также встречаются в сарматских комплексах Карпатской котловины II–III вв. н.э.[10] Весьма неожиданные параллели демонстрирует керамика Магнитного комплекса. Наиболее близкие подобным мискам, горшкам и флягам обнаруживаются также далеко на западе, в Сарматских комплексах Подунавья[11]. Оставшиеся предметы: бронзовый котел, бронзовое зеркало, костяная игольница, бронзовый флакончик, золотые нашивки и подвески, — составляют весьма типичный комплекс для урало-казахстанских комплексов гунно-сарматского времени и типологически укладываются в ранний или большекараганский этап II–III вв. н.э.[12]

Выше уже проводились параллели инвентаря рассматриваемого комплекса с материалами могильника Валовый I (курганы 4, 9, 21, 25, 33) из Нижнего Подонья.

Не вдаваясь в подробный сравнительный анализ, отметим, что черты погребальной обрядности (подбойные захоронения, плотно забутованные глиной, единый категорийный состав комплекса римской посуды, совпадения и места скопления инвентаря в могиле (в ногах), использование простых золотых сферических бляшек в отделке одежды, что своеобразно отражает традиции того времени, железные пружинные ножницы поверх бронзовых зеркал, стеклянные изделия в районе головы) позволяют утверждать, что данные памятники относятся к единому, так называемому «всадническому» культурно-хронологическому горизонту. По мнению С. Н. Безуглова, В. П. Глебова и И. Н. Парусимова, основанному на анализе самого широкого круга нумизматических находок из Танаиса, Крыма и Кавказа, аналогичных позднесарматских комплексов, из могильника Валовый I, относящихся к концу II — первой трети III вв. н.э. [13]

---

[7] Багриков, Сенигова 1968, 10,21; Мелюкова 1962, 195–208, 2; Grosu 1995, 1.

[8] www.metmuseum.org.collections/search.the collections?ft=glass+beaker&rpp=3; -“- 36;44;46;56.

[9] www.ancienttouch.com/roman.fibulae.buckler-htm. A visual Cataloge of Richard Hattatis ancient Broches Oxbow Books.Michigan; Hattat 2000.

[10] Vaday 2003, 350-351.

[11] Vaday 1989, 55, 176, 11; 60,81, 1; 107, 318, 11; 329,6; 115,333, 1; 117, 347,6; 120, 359, 2; 121, 372,6; 146, 416, 11; 148,416,7; Vaday, Domboróczki 2001, 44, 16, 8; Vaday 1994, III, 4,38,27; Kovacs 1912, 259, 7,2; 24,2,3; Parducz 1959, 349, 9,9,1.

[12] Боталов 2009, 185-202.

[13] Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009 10-113.

Рис. 5. Могильник Магнитный, курган 21. Предметы римского импорта (”винный набор”). 1-стекло; 2-4 -бронза.

Несмотря на столь широкое типологическое представительство, думается, что окончательная датировка комплекса из Магнитного будет еще уточняться. Учитывая крайнюю изношенность сопровождающего металлического инвентаря, авторы считают целесообразным несколько омолодить данный комплекс и ограничить его датировку пределами III-го века.

Культурно-историческая интерпретация представленного погребального комплекса, как, впрочем, и круга позднесарматских находок, которые частично упоминались выше в качестве его аналогий, уже предпринималась отдельными специалистами и автором настоящей статьи. Как уже указывалось, это комплексы, которые объединены в группу памятников (или горизонт), условно названных «всадническими»[14].

В целом эти памятники являются своеобразным маркером археолого-типологического явления, которое получило формальное определение как позднесарматской культуры. Сложение ее, как известно, происходит с востока на запад, от Зауралья до Подунавья, ко второй половине II в.н.э.[15] Более детально динамика этого процесса была реконструирована в работе С. Г. Боталова [16]. Коротко автором этот процесс видится следующим образом. В наиболее ранний период где-то в степях Южного Урала и Западного Казахстана появляются основные черты гунно-сарматского облика (земляные, округлые или фигурные насыпи, узко-прямоугольные и подбойные могильные ямы), северная ориентировка, деформация черепов, вещевой комплекс для мужских погребений: узколезвийные мечи с дисковидным навершие, кинжалы, трехлопастные наконечники, нагайки, особый тип конской узды (кольчатые удила, накладка-зажимы с круглым щитком, прямоугольные накладки, наконечники ремней, пряжки с подвижным щитом. Для женских обязательный комплект — зеркала, ножницы, котлы яйцевидной формы без поддона, раннеполихромные украшения. 14-тигранные бусы, черты нового позднесарматского (гунно-сарматского) культурного облика впоследствии распространяются на Нижнее Поволжье и далее в бассейн Дона, где появляются наиболее яркие комплексы этого горизонта. Ограничимся общим перечислением и ссылкой на эти материалы — Четыре брата, курган 3, погребения 6, 7; Сладковский, курганы 12, 19, 20, 21; Высочино VII, курганы 12,17, погребение 1; Кировский I, курган 1, погребения 1,2; Новоалександровка, курган 20, погребение 1; Центральный VI, курган 16, погребение 8; Кобяково, курган 5; Нагаевский, курган 5; Новоалександровка I, курган 17, погребения 20, 25 и др.[17] и, наконец, курганы 4, 9, 21, 25, 33 Валовый I[18]. Подобные «всаднические» комплексы, как уже упоминалось, известны и западнее — в Причерноморских и Подунайских памятниках — Нагорное, курган 9; Чауш, Олонешты, Галчехевиз, Гестеред, Хевиздерк, погребение 28; Хортобадь-Порошхат, Визешдпуста, погребение 4[19]. К слову будет замечено, что на Нижней Волге подобных «всаднических» погребений сегодня известно намно-

[14] Максименко, Безуглов 1987, 191; Безуглов 1988, 139; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 114.
[15] Скрипкин 2010, 29.
[16] Боталов 2009, 114-116.
[17] Мошкова 1978, 71–77; Максименко, Безуглов 1987; Безуглов 1988; Гугуев, Безуглов 1990, 164–175; Беспалый 1990, 213–223; Мыськова, Сергацков 1994, 179-180; Шепко 1987, 158–173; Максименко 1998, 147-155.
[18] Безуглов, Глебов, Парусимов 2009.
[19] Гудкова, Фокеев 1984, рис. 14; Фокеев 1987, 21; Мелюкова 1962, 195–208; Kulcsar 1998.

го меньше. Появление данных комплексов на Дону, в том числе и в лесостепных районах Верхнего Дона (Животинский, погребение 4, Новоникольский, курганы 29, 53, 78)[20], безусловно, фиксирует начало самого процесса позднесарматских трансформаций. Однако, в отличие от урало-казахстанских степей, носители этой культуры вторгались в эти районы, плотно заселенные донским сармато-аланским населением, что придало особый характер их культурной экспансии. Прежде всего бросается в глаза явная культурная неоднородность «всаднических» погребений, которая существенно разнит их с восточными комплексами. Во-вторых, налицо неустойчивость основных культурообразующих черт погребального обряда. Здесь встречаются южная (Кобяково, курган 5), восточная-северо-восточная (Высочино VII, курган 12; Высочино V, курган 2, погребение 2; Новоалександровка I, курган 20) ориентировка погребенных. Вообще в позднесарматской среде населения Нижнего Дона южная ориентировка сохраняется как неосновная вплоть до IV века н.э. Динамика и вектор описанного процесса составляет глобальные общекультурные трансформации, однако, что касается непосредственного предмета нашего исследования, то здесь следует сделать весьма важную оговорку.

Комплексы типа Магнитного 21-го кургана, а это кроме уже многократно упоминаемых курганов Валового I, западно-казахстанских курганов 1, 2, Лебедевского могильника[21], а также, вероятно, комплекс Олопешты из Северо-Западного Причерноморья, относятся к разряду наиболее значимых в этом ряду. Условно мы их называем «комплексы с римским «винным набором». На наш взгляд, они особым образом маркируют некоторый обратный западный вектор, движения из Подунавья в Урало-Казахстанские степи. Чрезвычайная адресность магнитнинских импортных предметов (в особенности керамического комплекса) позволяет нам говорить о том, что, по всей видимости, они могли быть получены в качестве подарков, мзды, даров подносимых где-то очень далеко на западе (вероятнее всего, в непосредственной близости от Панонского лимеса) и привнесены за более чем три тысячи километров в зауральские степи, где еще длительное время функционировали как вещи ритуального значения. Трудно сказать, была ли эта коммуникация единовременной или поэтапной (на Дон, в Заволжье и далее). Сказать сложно, очевидно одно — существовала весьма важная причина столь грандиозного оттока позднесарматского (гунно-сарматского) населения. Солидаризируясь с мнениями Е. П. Мыськовой и И. В. Сергацкова[22], мы склонны полагать, что эти процессы являются своеобразным следствием нашествия готов на юго-восток Европы и разгром Танаиса в середине III в. н.э.[23]и последующим оттоком позднесарматского населения из Нижнего Дона в Заволжье и далее в Западный Казахстан и Зауралье. В соответствии с мнением ряда авторов, которое в разной мере разделяют авторы настоящей статьи о раннегуннской основе культурного явления — феномена, мы склонны сделать некоторые замечания.

Комплексы типа Магнитный (курган 21) особым образом маркируют процесс

[20] Медведев 1990, 73-74; 103-120.

[21] Багриков, Сенигова 1968.

[22] Мыськова, Сергацков 1994, 188.

[23] Затрудняемся указать более точную дату, т.к. в литературе известно по меньшей мере три хронологических определения: общепринятая 237г. (см. Википедия); 244-247 гг. (см.: Шелов 1972; Мыськова Сергацков, 1994.) и 250-251 гг. (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009).

оттока кочевников в конце раннего этапа позднесарматского, достигшего к тому времени района Карпатской котловины, обратно на восток.

Готы, вторгшиеся в северное Причерноморье и Нижнее Подонье в середине III в. н.э., разрушили сложившееся или начавшее складываться это глобальное кочевое (позднесарматское, гунно-сарматское, раннегуннское) единство. Пока нет достаточных оснований говорить о том, какой период времени кочевники этого возвращенного сообщества были вынуждены обитать в районах Заволжья и Урало-Казахстанских степей. Как нам представляется, готы почти на столетие отодвинули момент окончательной консолидации, которая произошла все в тех же уже апробированных масштабах позднесарматского феномена как кочевая империя гуннов. Вероятнее всего, новая кочевая конфедерация возникает не без участия восточных репатриантов, которые ранее довольно хорошо были осведомлены о римском восточном пограничье. Комплекс из 21 кургана Магнитного и подобные ему — прямое на этот счет доказательство.

ЛИТЕРАТУРА

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. 1968: Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. общ. науки. 2, 71–89.

Безуглов С.И. 1988: Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 4, 130–134.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009: Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону.

Беспалый Е.И. 1990: Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1, 213–223.

Боталов С.Г. 2009: Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984: Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. К.

Гугуев В.К., Безуглов С.И. 1990: Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. 2, 164–175.

Максименко В.Е., Безуглов С.И. 1987: Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1, 189–191.

Максименко В.Е. 1998: Сарматы на Дону // Донские древности. 6, 147–155.

Медведев А.П. 1990: Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). В.

Мелюкова А.И. 1962: Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1, 195–208.

Мошкова М.Г. 1978: Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Мыськова Е.П., Сергацков И.В. 1994: Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // СА. 3, 179–181.

Скрипкин А.С. 2010: Сарматы и Восток. Волгоград.

Шепко Л.Г. 1987: Позднесарматские курганы в Северном Причерноморье // СА. 4, 158–173.

Фокеев М.М. 1987: Памятники первых веков новой эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н.э. Киев.

Шелов Д.Б. 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.

Vaday A.H. 1989: Die sarmatischen Denkmaler des Komitats Szolnok // Antaeus Communicationes ex instituto Archaeologico Academial Scintiarum Hungrical. 17–18, 124–137.

Vaday A. 1994: Late Sarmatian Graves and Their Connections within the Great Hungarian Plain // Slovenska archeologia. XLII, 1.

Vaday A.H. 2003: Cloisonné brooches in the Sarmatianbarbaricum // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungricae. LIV, 3–4.

Vaday A., Domboróczki L. 2001: Mezőszemere, Kismari-Fenék. Spätkaiser-frühvölkerwanderungszeitliches Gräberfeldsdetail/ // AGRIA. XXXVII.

Grosu Vasile. 1995: Sarmaţii in Spaţiul geto-dacic Răsăritean // Arheologia Moldovei. XVIII, 28–64.

Kovacs I. 1912: A marosszentannai nepvandorlaskori temeto // Dolgozatok. Az erdelyi nemzeti museum erem es regisegtarabol.

Kulcsar Valeria. 1998: A karpat-medencei szarmatak temetkezasi szokasai // Aszod. 4.

Parducz M. 1959: Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica. XI.

Tassinari S. I 1993: l vasellame bronzeo di Pompei. L'ERMA di BRETSCHNEIDER.

Приложение 1

А.С. Якимов

ПОЧВЕННЫЙ АНАЛИЗ КУРГАНА 21 ИЗ МОГИЛЬНИКА МАГНИТНЫЙ

Установлено, что курганная насыпь состоит из двух горизонтов — Акур и Скур. Горизонт Акур (0-37 см) сложен тёмно-серым лёгким суглинком призматической структуры, уплотнённый, сухой, верхняя часть переработана современным почвообразованием. Ниже залегает Скур (37-168 см) неоднородный по цвету и гранулометрическому составу тёмно-серый лёгкий суглинок с коричневыми фрагментами тяжёлого суглинка, комковатый, плотный, сухой, осложнён трещинами. Общая мощность насыпи составляет 168 см. Содержание основных химических показателей представлено в таблице 1.

Таблица 1. Физико-химические свойства погребённой и современной почв.

Горизонт, см	Сорг., %	pHводн.	CaCO3, %	CaSO4, %	Ил, %	Глина, %
Курганная насыпь, III в.н.э.						
Акур (0-37)	3,1	7,6	3,3	0,0	28	22
Скур (37-168)	1,8	7,9	2,6	0,0	34	23
Погребённый чернозём обыкновенный						
A1 (170-183)	2,8	7,8	1,8	0,0	28	28
B (183-195)	1,8	7,5	2,8	0,0	31	27
Cca (195-200)	1,4	7,8	12,1	0,0	25	30
Современный чернозём обыкновенный						
Адер (0-10)	7,1	7,1	4,9	0,0	11	17
A1 (10-30)	4,9	6,4	2,5	0,0	13	15
B (30-50)	1,8	6,6	1,8	0,0	30	24
Cca (50-70)	1,1	7,8	11,9	0,0	35	20

Органическое вещество с глубиной уменьшается с 3,1% до 1,8%. Карбонатный профиль характеризуется аналогичной динамикой, концентрация карбонатов снижается с 3,3% до 2,6%. Реакция pH с глубиной увеличивается с 7,6 до 7,9 единиц. Профиль курганной насыпи рассолён, содержание легкорастворимых солей (ЛРС) менее 0,1% и характеризуется гидрокарбонатно-кальциевым типом химизма (Табл. 2).

А.С. Якимов — Институт криосферы Земли СО РАН

Таблица 2. Состав водной вытяжки из погребённой и современной почв.

Горизонт, см	Сумма солей	HCO3-	Cl-	SO42-	Ca2+	Mg2+	K+	Na+	Химизм
	%	Мг-экв/100г.							
Курганная насыпь, III в.н.э.									
Акур (0-37)	0,04	0,25	0,15	0,10	0,43	0,15	0,01	0,06	HCO3-Ca
Скур (37-168)	0,07	0,43	0,18	0,25	0,70	0,18	0,01	0,25	HCO3-Ca
Погребённый чернозём обыкновенный									
A1 (170-183)	0,06	0,28	0,13	0,31	0,68	0,13	0,01	0,25	SO4-Ca
B (183-195)	0,06	0,15	0,15	0,39	0,75	0,13	0,01	0,20	SO4-Ca
Cca (195-200)	0,07	0,35	0,18	0,32	1,03	0,10	0,01	0,16	HCO3-Ca
Современный чернозём обыкновенный									
Адер (0-10)	0,04	0,30	0,13	0,10	0,40	0,13	0,11	0,01	HCO3-Ca
A1 (10-30)	0,02	0,10	0,15	0,08	0,13	0,20	0,01	0,02	Cl- Mg
B (30-50)	0,02	0,10	0,20	0,09	0,10	0,13	0,01	0,02	Cl- Mg
Cca (50-70)	0,05	0,45	0,20	0,06	0,40	0,15	0,03	0,03	HCO3-Ca

На глубине 168-170 см фиксируется прослой бересты (часть погребального обряда), который чётко маркирует основание курганной насыпи и отделяет её от погребённой почвы.

Подкурганная почва сильно эродирована, маломощная, а её профиль хорошо дифференцируется на три генетических горизонта и определена как чернозём обыкновенный[24] (рис. 1).

Верхняя часть почвы представлена гумусовым горизонтом A1 (170-183 см) серого цвета легкосуглинистого гранулометрического состава комковатой структуры, очень плотный, сухой, на гранях структурных отдельностей наблюдаются марганцовистые новообразования в виде чёрных зёрен. Ниже залегает горизонт B (183-195 см), представляющий собой светло-серый лёгкий суглинок комковатой структуры, очень плотный, сухой, марганцовистые новообразования аналогичны вышележащему горизонту A1. Горизонты A1 и B подстилаются почвообразующей породой Cca (195-200 см), которая имеет жёлто-коричневый цвет, среднесуглинистый гранулометрический состав, комковатую структуру, очень плотная, сухая, новообразования карбонатов в виде мелких зёрен и примазок. Реакция с 10% соляной кислотой (HCl) наблюдается только в почвообразующей породе.

Мощность гумусового горизонта (A1+B) составляет 25 см. Содержание гумуса с глубиной уменьшается. В гор. A1 отмечается его наибольшая концентрация – 2,8%, которая в почвообразующей породе (C) снижается до 1,4%. Реакция pH в верхней и нижней частях профиля одинакова и составляет 7,8 единиц, при этом в гор. B она незначительно снижается до 7,5 единиц. Количество карбонатов с глубиной увеличивается от 1,8 до 2,8%, а в почвообразующей породе отмечается резкое увеличение до 12,1%. Гипса в профиле палеопочвы не обнаружено. Содержание легкорастворимых солей (ЛРС) в профиле менее 0,1%. Генетические горизонты погребённой почвы имеют сульфатно-кальциевый тип химизма, тогда как в почвообразующей породе химизм гидрокарбонатно-кальциевый.

В 15 м к северу от изученного кургана за пределами курганного могильника был заложен разрез современной почвы. По морфологическому строению и физико-химическим свойствам она относится к чернозёму обыкновенному, при этом профиль имеет признаки эродированности (рис. 2).

Дернина (Адер) занимает верхние 10 см почвенного профиля и характеризуется тёмно-серым цветом, супесчаным гранулометрическим составом, комковатой структурой, при этом она рыхлая и сухая. Ниже залегает гумусовый горизонт A1 (10-30 см) чёрного цвета, супесчаный, комковато-призматической структуры, уплотнённый, сухой, зафиксированы включения минеральных зёрен диаметром до 1 см. Под гумусовым горизонтом расположен иллювиальный горизонт B (30-50 см): бурый, лёгкий суглинок, призматической структуры, плотный, сухой. Почвообразующая порода Cca (50-70 см) жёлто-коричневого цвета, легкосуглинистого гранулометрического состава, комковатой

[24] Классификация и диагностика почв СССР. М.: Колос, 1977. 224 с.

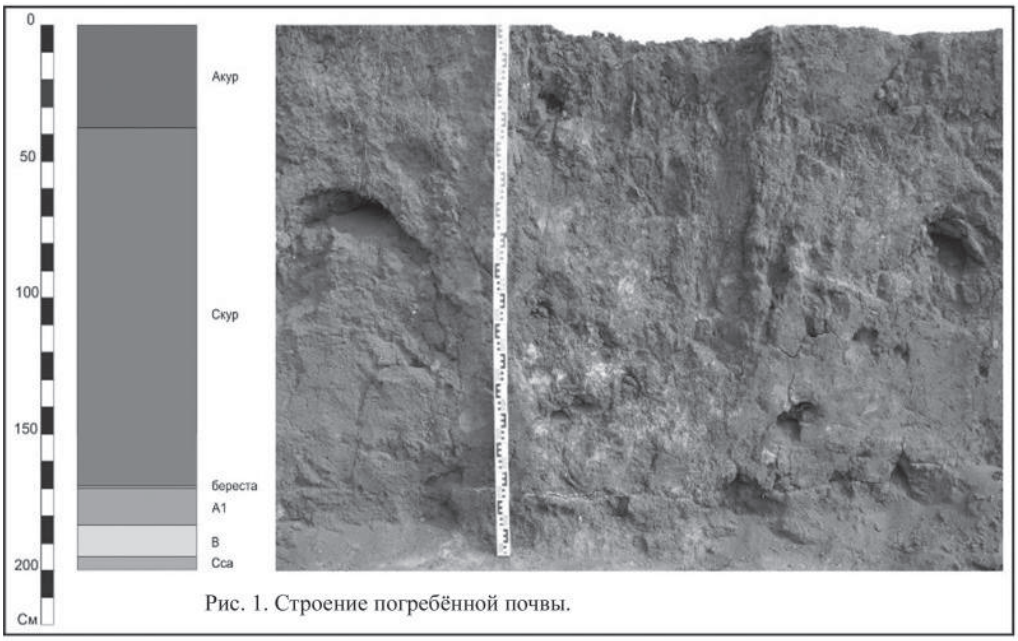


Рис. 1. Строение погребённой почвы.

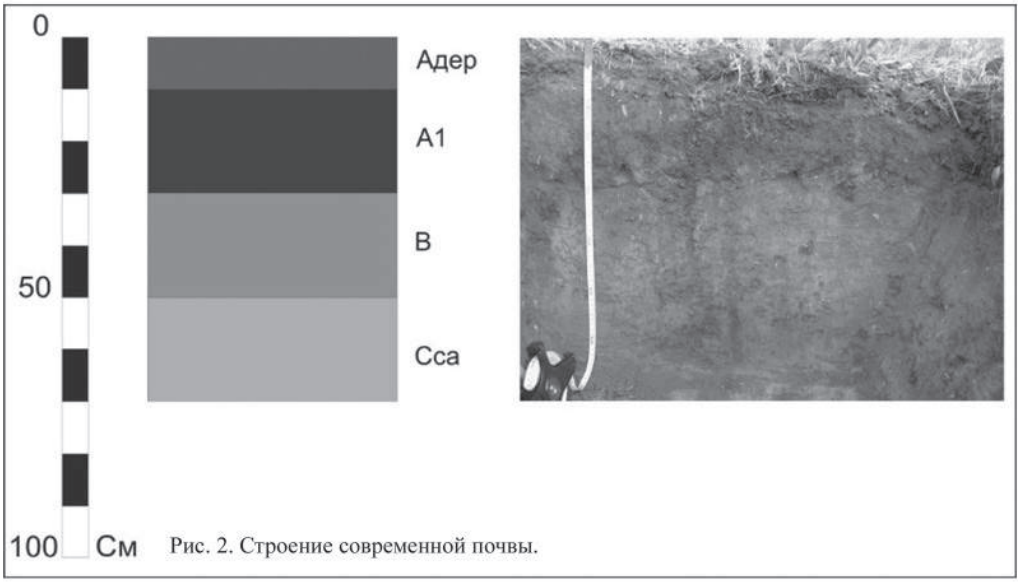


Рис. 2. Строение современной почвы.

структуры, плотная, сухая. Весь горизонт реагирует с 10% HCl, новообразования карбонатов в виде примазок. Содержание гипса в профиле не зафиксировано.

Мощность гумусового горизонта (А1+В) составляет 40 см, а содержание органического вещества в горизонте А1 – 4,9%. При этом максимум отмечается в дернине и составляет 7,1% и с глубиной его концентрация уменьшается до 1,1% в почвообразующей породе. Карбонаты равномерно уменьшаются с глубиной с 4,9% (Адер) до 1,8% (В), но в почвообразующей породе (С) их

концентрация резко возрастает до 11,9%. Реакция pH вглубь профиля снижается с 7,1 до 6,6 единиц, а в почвообразующей породе возрастает до 7,8 единиц. Профиль современной почвы рассолён, содержание ЛРС менее 0,1%. Современный чернозём характеризуется дифференцированным типом химизмом: в гумусовом и иллювиальном горизонтах он хлоридно-магниевый, а в дернине и почвообразующей породе – гидрокарбонатно-кальциевый.

Сравнительный анализ морфологического строения и физико-химических свойств погребённой и современной почв выявил ряд различий и сходных признаков. Мощность гумусового горизонта (A1+B) в погребённой почве составляет 25 см, что на 15 см меньше, чем в современной почве. Содержание органического вещества в органогенном горизонте A1 подкурганной почвы составляет 2,8%, тогда как в современном аналоге – 4,9%. Известно, что существуют диагенетические потери органического вещества, которые происходят после погребения почвы насыпью[25]. Принято считать[26], что в почвах погребенных за последние 2000 лет эти потери составляют около 50%. Таким образом, исходное содержание гумуса в горизонте A1 палеопочвы составляло около 4%, что тем не менее ниже на 1% по сравнению с аналогичным горизонтом современной почвы. Реакция с 10% HCl в погребённой почве была на глубине 25 см от древней дневной поверхности, тогда как в современной почве он расположена на отметке 50 см. В иллювиальном горизонте (B) палеопочвы карбонатов содержится 2,8%, что на 1% больше по сравнению с аналогичным горизонтом фоновой почвы. Реакция pH погребённой почвы слабощелочная (средняя по профилю 7,5 единиц), в то время как в современной почве она нейтральная (среднее значение 7 единиц). Изученные почвенные профили рассолены, содержание ЛРС менее 0,1%. В погребённой почве химизм генетических горизонтов сульфатно-кальциевый, а в современной – хлоридно-магниевый. Почвообразующая порода в исследованных почвах, а также дернина современной почвы имеют гидрокарбонатно-кальциевый тип химизма.

Полученные данные свидетельствуют, что в III в.н.э. природные условия, в которых развивалась изученная почва, характеризовались большей засушливостью, по сравнению с настоящим временем, что отразилось на почвообразовательном процессе. Об этом свидетельствуют строение и свойства погребённой почвы, которая по сравнению с современной почвой характеризуется почти в 2 раза меньшей мощностью гумусового горизонта (A1+B), меньшим содержанием органического вещества в органогенном горизонте (A1), в 2 раза меньшей глубиной вскипания (реакция с 10% HCl), большей концентрацией карбонатов в иллювиальном горизонте (B), слабощелочной реакцией pH почвенного профиля. Кроме этого, тип химизма в палеопочве отличался от современного. В погребённой почве он был сульфатно-кальциевым, тогда как в настоящее время – хлоридно-магниевый.

Анализ литературных данных о состоянии природных условий в III в.н.э. в районе исследования и соседних регионах хорошо согласуется с нашими выводами. Усиление засушливости природных условий отмечается в ряде почвенно-археологических работах по Южному Уралу[27], Северному Казахстану[28]. Многолетними комплексными исследованиями погребённых почв в Нижнем Поволжье установлено[29], что во второй половине II — конце III вв.н.э. природные условия были засушливыми. Обращает внимание, что предшествующий период (I — первая половина II вв.н.э.) и последующее время (конец III–IV вв.н.э.) характеризовались повышенной увлажнённостью климата. Кроме этого, аридный период зафиксирован на Прикаспийской низменности[30], в Приазовье[31], бассейне Аральского моря[32], Ближнем Востоке[33].

В заключение отметим, что аридизация климата в III в.н.э. проявилась на большей части территории евразийских степей. Установленные нами закономерности изменчивости климатических

[25] Иванов 1997, 213.
[26] Губин 1984, 5-13.
[27] Рысков, Дёмкин 1997, 168; Плеханова, Дёмкин. 2008, 5-16.
[28] Иванов 2006, 7-34.
[29] Дёмкин, Золотарёва, Дёмкина, Хомутова, Каширская, Ельцов, Удальцов 2012, 142-155.
[30] Иванов, Васильев 1995.
[31] Песочина, Гольева, Зайцев 2000, 683-691.
[32] Виноградов, Мамедов 1991, 66-75.
[33] Enzel, Bookman, Sharon, Gvirtzman, Dayan, Ziv, Stein 2003, 263–273.

условий в этот период, а также предшествующее и последующее время свидетельствуют о глобальном масштабе этого природного процесса. Засушливый период оказал влияние на культурно-исторические процессы в регионе. Известно[34], что в эту эпоху степи Евразии обезлюдели. Сарматская культурно-историческая общность, доминирующая более 500 лет, в этот период окончательно сходит с политической арены и прекращает своё существование. Не последнюю роль в этом сыграли засушливые природные условия наряду с политическими, экономическими, социальными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. 1991: Изменения климата и ландшафтов междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (по археологическим и палеогеографическим данным). Аральский кризис. М., 66-75.

Губин С.В. 1984: Диагенез почв зоны сухих степей, погребённых под искусственными насыпями. Почвоведение. 6, 5-13.

Гумилёв Л.Н. 1967: Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. История СССР. 1, 53-66.

Дёмкин В.А., Золотарёва Б.Н., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Ельцов М.В., Удальцов С.Н. 2012: Динамика свойств степных палеопочв сарматского времени (II в. до н.э. — IV в.н.э.) в связи с вековой изменчивостью увлажнённости климата. Почвоведение. 2. 142-155.

Иванов И.В., Васильев И.Б. 1995: Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.

Иванов И.В. 2006: Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса севера Евразии в голоцене. Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. М.

Иванов И.В. 1997: Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.

Дёмкин В.А. 1992: Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино.

Классификация и диагностика почв СССР 1977. М.

Песочина Л.С., Гольева А.А., Зайцев С.В. 2000: Изменчивость почв и природных условий северо-восточного Приазовья в среднесарматское время. Почвоведение. 6, 683-691.

Рысков Я.Г., Дёмкин В.А. 1997: Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Пущино 168;

Плеханова Л.Н., Дёмкин В.А. 2008: Палеопочвы курганов раннего железного века степного Зауралья. Почвоведение. 1, 5-16.

Enzel Y., Bookman R., Sharon D., Gvirtzman H., Dayan U., Ziv B., Stein M. 2003: Late Holocene climates of the Near East deduced from Dead Sea level variations and modern winter rainfall. Quaternary Research. V. 60, 263–273.

NEW COMPLEX OF THE NOMADIC ARISTOCRACY OF THE HUN-SARMATIAN EPOCH IN SOUTH ZAURALYE

S.G. Bot2alov, A.A. Ivanov

Mound no. 21 of Magnitny Necropolis (Agapovka district of Chelyabinsk Region) was examined in the summer of 2010. The western part of the burial ground revealed a rectangular burial pit of North-South orientation. The bulk of the grave goods comprised metal artifacts that could be referred to the «Roman wine kit» (a jug, a scoop, a strainer, a bailer, and a tumbler).

[34] Гумилёв 1967, 53-66.

The goods of Roman origin, as well as the bronze cauldron, the bronze mirror and others, represent quite a typical set for the Ural-Kazakh steppe complexes dating to the 2nd — 3rd centuries. AD. The Magnitny complex is an important landmark in nomad migration of the mid Late Sarmatians epoch. The migration route ran as far as the Carpathian basin by that time and back to the East in the middle of the 3rd century AD.

Key words: South Zauralye, Magnitny necropolis, Roman import, 2nd — 3rd centuris AD

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2012

М. Д. Бухарин

ПИСЬМА П. К. КОЗЛОВА С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ ИЗ СОБРАНИЯ ПФА РАН

(вступительная статья, публикация и комментарии М. Д. Бухарина)*

Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) — одна из наиболее значительных фигур в археологии древней и средневековой Центральной Азии. Неутомимый путешественник, он участвовал или сам организовал семь экспедиций, проведя «в поле» семнадцать лет и пройдя верхом и пешком свыше 40000 км. Кроме того, он находил время и силы обрабатывать собранные коллекции: список его работ весьма внушителен[1]. Не менее впечатляюще выглядит и список работ, посвященных жизни и деятельности самого Козлова, а также перечень публикаций, основанных на материалах, собранных им[2]. И до сих пор обе его основные составляющие успешно пополняются интереснейшими исследованиями[3].

Признание П. К. Козлова одним из наиболее успешных исследователей Центральной Азии в российской науке оправдано. Свидетельством тому являются почетные звания и награды, которыми за два десятилетия в конце XIX — начале XX вв. П. К. Козлов был удостоен географическими, зоологическими, ботаническими и другими научными обществами России, Голландии, Франции, Италии, Англии, Венгрии. Уже в 1911 г. имя П. К. Козлова появляется и на географической карте Алтая: в его честь был назван один из ледников. Едва ли не единственный из коллег по «цеху», он удостоился после кончины редкой для сферы его деятельности почести — организации мемориального музея-квартиры. Отрадно, что музей ведет активную просветительскую[4] и научную деятельность.

Нельзя, с другой стороны, не отметить того, что серьезных биографических трудов о П. К. Козлове в академической науке до сих пор нет. Среди его биографов есть ботаники[5], географы[6], специалисты по роботостроению[7] и краеведы[8] и даже врачи-краеведы[9], причем именно последняя книга — безусловно, лучшая, наиболее полная, из имеющихся биографий Козлова. Стремление представить

Бухарин Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий Центром истории древнего востока ИВИ РАН. E-mail: misha_nina@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ «Становление и развитие российского востоковедения в свете новых документов из архивных собраний РАН и РГБ» (№ 12-01-00097); искреннее благодарю директора Санкт-Петербургского филиала архива РАН д.ист.н. И. В. Тункину за радушное гостеприимство и энергичное содействие в работе.

[1] Козлов 1963, 510–514.

[2] Козлов 1963, 514–518.

[3] Козлов 2003; Самосюк 2006.

[4] См. материалы о центральноазиатских экспедициях на интернет-сайте музея: www.kozlov-museum.ru.

[5] Павлов 1940.

[6] Петухов 1954; Мурзавев 1963; Овчинникова 1964.

[7] Житомирский 1989.

[8] Дмитриев 1951.

[9] Кравклис 2006.

столь интересную личность максимально широко следует, конечно, приветствовать. Однако едва ли краеведу под силу использовать весь объем необходимых навыков для того, чтобы труды и коллекции П. К. Козлова были использованы в широком контексте древней и средневековой истории Центральной Азии, а неопубликованная часть его творческого наследия, без которого любой биографический очерк будет ущербным, была бы издана надлежащим образом.

Наличие значительного количества публикаций, посвященных жизни П. К. Козлова, избавляет нас от необходимости детально пересказывать его биографию. Остановимся лишь на основных вехах.

П. К. Козлов родился в г. Духовщина Смоленской губернии (этим обстоятельством и объясняется обилие публикаций смоленских краеведов, посвященных ему). Сын простого гуртовщика, окончивший лишь шесть классов начального училища и два класса военной школы, дослужившийся, тем не менее, к 1916 г. до звания генерал-майора, Козлов интенсивно расширял круг интересов. Еще учась в начальном училище, он прочел книгу Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии 1870–1873» (СПб., 1876) и буквально «заболел» Центральной Азией. В 1881 г. волею случая Козлов познакомился с Пржевальским. Последний купил имение в селе Слобода, в котором П. К. Козлов жил и работал тогда на винокуренном заводе купца Х. П. Пашеткина. Пржевальский как раз искал помощников для своих исследований и, быстро обнаружив у Козлова интерес к своим исследованиям, пригласил его в свою экспедицию[10].

Приняв участие в двух экспедициях Н. М. Пржевальского 1883–1885 и 1888 гг., П. К. Козлов многому научился у своего учителя: не только чисто техническим навыкам, таким как топографическая съемка или сбор биологических коллекций. Прежде всего, П. К. Козлов научился широко интересоваться историей изучаемого региона, не ограничиваясь одной точкой зрения. Участвуя в экспедициях М. В. Певцова в 1889–1890 — преемника Пржевальского, от которого П. К. Козлов также многое перенял, в совместной экспедиции с В. И. Роборовским в 1893–1895, ведя самостоятельные экспедиционные исследования в 1899–1901 (за эту экспедицию П. К. Козлов был удостоен Золотой Константиновской медали — высшей награды Русского географического общества), 1907–1909 и 1923–1926 гг., он работал в сфере физической географии и этнографии, археологии и искусствоведения, картографии и различных дисциплин геологии, гидрологии и астрономии и биологии — зоологии, орнитологии, палеонтологии.

П. К. Козлов придавал существенное значение эпистолярному жанру. Так, его деятельность в ходе его третьей экспедиции 1893–1895 гг. освещалась письмами, публиковавшимися на страницах газеты «Русский инвалид» и вышедшими отдельной брошюрой[11].

В предлагаемой читателю публикации изданы письма П. К. Козлова из собрания ПФА РАН (Ф. 208. Оп. 3. Ед.хр. 628) С. Ф. Ольденбургу (1863–1934) — выдающемуся ученому-востоковеду, академику, крупнейшему организатору науки, Непременному секретарю Российской академии наук и Академии наук СССР (1904–1929). Часть этих писем ранее издавалась в сборнике, приуроченном к 100-летию со дня рождения П. К. Козлова[12]. Это издание нельзя признать полностью удовлетворяющим современным требованиям публикаций архивных материалов. В нем отсутствует указание на место хранения писем; сам фонд опубликован фрагментарно, что не дает полного представление о переписке П. К. Козлова и Ольденбурга как об архивном собрании; в чтениях встречаются пропуски в тех местах, где издателям не удалось разобрать почерк П. К. Козлова; не указываются сокращения в тексте, пропускаются скобки, расставленные самим отправителем; встречаются ошибочные датировки писем, что нарушает порядок их следования. Удивительнее всего то, что весьма значительная по объему историко-археологическая публикация, в которую вошли письма не только Ольденбургу, но и многим другим адресатам, начисто лишена комментариев, словно бы речь в ней шла об общеизвестных материях и персонах. Нельзя не отметить и того, что по меркам своего времени сборник вышел крошечным тиражом в 3000 экземпляров и давно уже стал библиографической редкостью. Эти

[10] Об обстоятельствах этой встречи и начале совместной работы см.: Кравклис 2006, 22–28.

[11] Козлов 1894, http://dlib.rsl.ru/01003549031.

[12] Козлов 1963, 446–447, 450–455, 477–478, 486. На основе этой публикации первое письмо Козлова Ольденбургу неаккуратно (с пропусками и неверными датировками) цитируется С. В. Житомирским (Житомирский 1989, 132).

и другие обстоятельства (недавние издания дневников П. К. Козлова[13] и его спутников[14]) позволяют рассматривать издание корпуса писем П. К. Козлова С. Ф. Ольденбургу как вполне оправданное и необходимое.

Письма к Ольденбургу относятся к периоду двух экспедиций Козлова — Монголо-Сычуанской (1907–1909 гг.) и Монголо-Тибетской (1923–1926 гг.), также к периоду между ними. Подписание Русско-английского соглашения в августе 1907 г. положило конец тибетскому кризису и сделало возможным дальнейшие исследования в Центральной Азии. Монголо-Сычуанская экспедиция Козлова была нацелена на проведение лимнологических работ на озере Кукунор, изучение Алашаньского хребта и исследование восточных районов Кама (Восточный Тибет). Другой, необнародованной целью экспедиции были поиски развалин в низовьях реки Эдзин-гол, о которых Козлов узнал из книги Г. Н. Потанина «Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (СПб., 1893) еще в 80-е гг. XIX в. Предпринятые ранее разведки помощников и коллег Козлова Н. Н. Казнакова и В. А. Обручева результатов не дали: местные жители упорно скрывали информацию об Эре-Хара-Бурдюк (Хара-хото).

Экспедиция имела и дипломатический подтекст: П. К. Козлов должен был вторично встретиться с далай-ламой.

В состав экспедиции входили геолог из Московского университета А. А. Чернов, топограф П. Я. Напалков и биолог С.С. Четыркин. Конвой состоял из 10 человек. 10 ноября 1907 г. экспедиция выехала из Москвы в Иркутск. В Кяхту экспедиция прибыла 2 декабря, а 28 декабря в лютый мороз (–47°) выступила на маршрут в Ургу. Именно тогда, в частности были сделаны точные замеры астрономических координат столицы Монголии.

В середине февраля экспедиция Козлова достигла в Южном Гоби ставки местного князя Балдын-цзасака, который не только подтвердил существование старинного города, полузасыпанного песком, но и дал проводников для дальнейшего пути к оз. Сага-нор. Дальнейший путь к Хара-хото Козлов прошел с проводниками Торгоут-бэйлэ — правителя эдзингольских монголов-торгоутов.

До 1917 г. П. К. Козлов оставался на военной службе. В 1918–1919 гг. он был комиссаром (директором) заповедника Аскания-Нова. Уйдя с этого поста, он готовил очередную экспедицию. Спутниками Козлова по этой, ставшей последней, его экспедиции были ботаник Н. В. Павлов — автор одной из кратких биографий Козлова[15], географ С. А. Глаголев и этнограф-энциклопедист С. А. Кондратьев[16] и супруга П. К. Козлова Елизавета Владимировна. Всего отряд насчитывал 16 человек[17]. С точки зрения древней истории и археологии, ее основным успехом следует считать открытие и исследование ряда гуннских могильников. В области средневековой истории вклад этой экспедиции заключается в изучении погребений монгольских чингизидов. Недавняя публикация дневников П. К. Козлова, которые он вел в ходе полевых исследований 1923–1926 гг.[18], позволяет совершенно по-новому взглянуть на его письма Ольденбургу этого периода.

После завершения Монголо-Тибетской экспедиции Козлов из-за постоянного переутомления и, как следствие, ухудшения здоровья был вынужден оставить полевую работу, сосредоточившись на обработке коллекций. И, хотя в конце 1933 г. ему, тогда уже члену Академии наук Украины, предложили возглавить новый поход в район озера Иссык-куль и хребта Хан-тенгри, состояние здоровья не позволило Козлову осуществить эти планы.

№ 1 (Лл. 1–2 об.)
Бивуак экспедиции
на правом берегу восточного
рукава Эцзин-гола[19]

---

[13] Козлов 2003.
[14] Васильев, Кульганек 1998, 219–238.
[15] Павлов 1940.
[16] См. публикацию его архивных записей об экспедиции: Васильев, Кульганек 1998, 219–238.
[17] Кравклис 2006, 318.
[18] Козлов 2003.
[19] Имеется в виду Мунунгин-гол — восточный рукав Эцзин-гола — реки, стекающей на севере с Нань-шаня в пустыню Гоби, где она впадает в соленое озеро Гашиун-нор. В нижнем течении Эцзин-гола, приблизительно в 20 км от места расположения лагеря Козлова и расположен город Хара-хото.

28 марта с[тарого] с[тиля][20] 1908 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Одновременно с этим письмом к Вам я отправляю в Географическое О[бщест]во, на имя секретаря А.А. Достоевского[21] три пакета, заключающие в себе (небольшою частью) мои краткие сведения о посещении Хара-хото и (большею) — два пакета — рукописи, хорошей сохранности, найденные экспедицией при раскопках развалин, где некогда проживали люди с более высокой культурой, нежели та, которую мы видим у ближайших современных обитателей.

Любопытно то обстоятельство, что город, по-видимому, китайский, с другой же стороны, присутствие многих субурганов[22], многих общежитий ламайских, нахождение иконописей, бурханов с тибетскими письменами и проч[ее] говорит о другом!?

Высылаю в настоящее время исключительно рукописи (точнее одну лишь 20-ю или 30-ю часть — хорошей сохранности), среди которых имеются три отдельных книжки в папках (впрочем, эти книжки имеют быть высланы вместе со всем рукописным материалом осенью н[астоящего] г[ода]), т[о есть] я из Алаша-ямыня[23] постараюсь прислать весь наличный материал, добытый мной в Хара-хото. Интересно также, что рукописи, главным образом, китайские. Копаясь в одном из субурганов, мы наткнулись на целое[24] сокровище их, и все письмена сохранились удивительно хорошо.

Усердно прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, уделить времечко на ознакомление со всем тем, что уже находится в Географ[ическом] О[бщест]ве (надеюсь, что наша почта не погибнет в дороге), точнее, будет находиться ко времени получения Вами этого письма. Обо всем этом я пишу А.А. Достоевскому, уведомляя последнего пригласить Вас и, м[ожет] б[ыть], П.С. Попова[25] по получении материалов из Хара-хото.

К моему письму в Геогрф[ическое] О[бщест]во я прилагаю а) четыре фотографии (дополнительно пришлю из Алаша-умынь — осенью), в) план развалин крепости, с) набросок «поперечный разрез» загадочной постройки и бурхан — иконопись с тиб[етской] датой.

Вместе с многочисленными рукописями (китайскими письменами) мы добыли чудной сохранности большой (красно-золоченый) бурхан на холсте. Все это м[ожет] б[ыть] дойдет до Вас за год до моего возвращения.

Завтра экспедиция выступает, по новому пути, в Алаша-ямынь. Первый ночлег будет именно в Хара-хото, куда уже сегодня, утром, отправлены люди в целях лишний день-два еще покопаться в развалинах. Целые сутки (несмотря на безводье) экспедиция пробудет в Хара-хото всем отрядом и все будет искать, искать, искать…

Буду крайне признателен Вам, если Вы черкнете мне пару слов, хоть бы о том, что заключено как в письменах, найденных в субургане А, так и листках, добытых в цацах, вынутых из прочих субурганов.

В заметке, А.А. Достоевскому, Вы найдете все, что могло бы, пока, интересовать Вас.

---

[20] В предшествующей публикации (Козлов 1963, 446) указание на датировку по старому стилю отсутствует.

[21] Достоевский Андрей Андреевич (1863–1933) — племянник Ф.М. Достоевского; ученый-географ, статистик, сподвижник П.П. Семенова-Тянь-Шанского; с 24 февраля 1903 г. — Ученый секретарь Императорского Российского географического общества; в 1930 г. — репрессирован.

[22] Субурган — разновидность ступы — культовое сооружение буддистов в Калмыкии, Монголии, Бурятии, в котором хранятся священные реликвии, часто — гробница лам. Представляет собой по форме перевернутый колокол или котелок, установленный на постамент и увенчанный шпилем.

[23] Алаша-ямынь — столица Алашаня (Динъюаньин) — одного из трех аймаков Внутренней Монголии (совр. КНР).

[24] Слово «целое» написано крайне неразборчиво; в предшествующей публикации (Козлов 1963, 446) оно пропущено.

[25] Имеется в виду Павел Степанович Попов (1842–1913) — Генеральный консул Российской империи в Пекине (1886), знаток китайского языка — Попов издал китайско-русский словарь, переизданный в нескольких странах, за подготовку словаря был избран в члены-корреспондент АН. Попов перевел с китайского «Описание монгольских кочевий», за что был удостоен РГО Малой золотой медали. Вероятно, этим и объясняется стремление Козлова ознакомить И. С. Попова с материалами из Хара-хото.

Пользуясь случаем, приношу Вам, Высокоуважаемый и Дорогой Сергей Федорович, мою искреннюю благодарность за Ваше дорогое для меня внимание, Ваше присутствие в знаменательный момент — оставлении мною Петербурга. Этот момент часто, помимо воли, встает в воспоминании, и я постоянно, среди всех провожавших меня, вижу энергичное серьезное лицо, осененное ласковой улыбкой, — это лицо Сер[гея] Федор[овича]. Простите за откровенность. Здесь среди природы, среди любимого дела привыкаешь быть особенно прямым. Мой самый усердный поклон и привет благоволите передать Дорогому А.В. Григорьеву[26], которому я напишу из Алаша.

Искренне преданный Ваш П. Козлов.

№ 2 (Лл. 3–4 об.)

Пекин. Императ[орская] Оазис Гуй-дуй[27]

Российская Миссия 9/XII 1908 г.

П. К. Козлову

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Все ждал от Вас весточки, но так и не дождался.

Только что полученное письмо от А. В. Григорьева меня утешило очевидным положительным результатом по отношению к раскопкам в Хара-хото[28]. Я намереваюсь вместо весны отправиться из Гуй-дуй'я зимою — в конце декабря с тем, чтобы сделать петлю отсюда на извилину Желтой реки[29],

---

[26] Имеется в виду Александр Васильевич Григорьев (1848–1908) — русский ботаник, этнограф, исследователь бассейна Белого и Мурманского морей; в 1883–1903 гг. — Секретарь Императорского географического общества. Посвятив всю жизнь изучению Севера и Дальнего Востока, А. В. Григорьев на закате своей научно-организационной деятельности отдал много сил подготовке центральноазиатской экспедиции Г. Ц. Цыбикова в 1899–1902 гг.; из-за отставки и кончины не успел довести до печати ее результаты. Будучи членом «Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии» основные усилия Г. сосредоточил на изучении дальневосточных народов.

[27] Гуй-дуй (Гуйдэ) — оазис в провинции Ганьсу (КНР), лежащий на правом берегу р. Хуанхэ, к югу от Синина и северо-востоку от Тибета. Вот как описывает оазис Гуй-дуй сам П.К. Козлов: «Оазис Гуй-дуй лежит на высоте 7 440 футов [2 268 м] над уровнем моря и состоит из маленького уездного города Гуй-дэ-тина, обнесенного крепостною стеною, и нескольких сот фанз с лугами, пашнями и садами, рассыпанными по берегам двух речек: западной — Дун-че-гоу и восточной — Лан-дю-гоу, впадающих в Хуан-хэ справа. Между речками, разделяющими оазис на три части — восточную, среднюю и западную, причём первая и последняя узкими длинными лентами убегают в глубь ущелий — залегает горная гряда, протянувшаяся с юга на север и увенчанная на своей оконечности, в двух верстах от города, большим храмом и пагодой, расположенной на соседней с храмом командующей вершине. Построенные около трёхсот лет тому назад город Гуй-дуй и его крепостные стены со стороны дунган подверглись разрушению и были в своё время отделаны заново. К сожалению, о первоначальном Гуй-дуе, интересном в историческом отношении, не сохранилось даже достоверного письменного источника, так как, по словам китайцев, все имеющиеся описания сильно прикрашены» (Козлов 1948, 216–217).

[28] Вот что пишет сам П. К. Козлов о письме А.В. Григорьева: «Из писем самым интересным оказалась ценная весточка Географического общества. Заместитель вице-председателя Общества П. П. Семенова-Тян-Шанского — А. В. Григорьев извещал меня, что Академия наук и все учёные специалисты Петербурга весьма высоко оценили труды экспедиции по отношению открытий в Хара-хото; "поскольку можно судить по имеющимся раскопочным материалам, развалины открытого вами древнего города представляют, по их заключению, остатки столицы тангутского племени Си-ся, процветавшей от XI по XIV век. Ввиду важности совершённого открытия, Совет Географического общества уполномочил меня предложить вам не углубляться в Сычуань, а вместо этого возвратиться в пустыню Гоби и дополнить исследование недр мертвого города. Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств, — пишет в заключение своего письма {От девятого сентября 1908 г. Куоккала.} А. В. Григорьев, — на дальнейшие раскопки"... Взвешивая общее состояние и настроение экспедиции, я не мог не порадоваться сокращению предполагавшегося раньше маршрута в глубину нголокских владений. Письмо А. В. Григорьева обрадовало меня во всех отношениях и, кроме того, вполне совпадало с желанием цин-цая, тяготившегося предстоявшей, по его внутреннему убеждению, ответственностью за нашу судьбу в опасных странствованиях среди разбойничьих племён» (Козлов 1948, 227–228).

[29] Имеется в виду р. Хуанхэ (досл. «Желтая река»).

в месте нахождения монастыря Рарчжа-гомба[30], затем прямою дорогою на восток, в мон[астырь] Лабран[31] и далее в Лань-чжоу-фу[32] и Алашань[33]. Из Алашани вновь поверну на свой любимый Черный город (Хара-хото) с целью подольше заняться розысками сокровищ.

Таким образом, в сентябре месяце рассчитываю быть в Кяхте[34], вероятно, в начале месяца, а в конце — и в Москву. Жалею очень, что напрасно потерял в Гуй-дуй'е лучшее время — осень, и все из-за Далай-ламы[35]. Доржиев[36] меня также сильно подвел. Хорошо еще, что я располагал своими личными сбережениями, иначе окончательно сел бы на меня. Во всяком случае, если Д[оржие]в на мое письмо не откликнется, не прикажет своему человеку явиться ко мне с долгом и за получением подарков, то я должен буду прибегнуть к конторе торгового дома в Алашане, которая мне обещала временную матер[иальную] поддержку.

Между тем, ныне, как никогда, везло на покупку тиб[етских] книг, бурханов (металлич[еских] и иконописных), предметов культа вообще и предметов ценных женских украшений куку-норских[37] Тангутов, равно и по приобретению китайских картин — на то истрачено мною очень и очень порядочно. Отчасти я поступил так, помня Ваше обещание перевести на мое имя в Нин-си 1½–2 тысячи рублей.

Если Вы того же мнения, что и прежде, то я буду очень просить Вас, дорогой Сергей Федорович, не отказать мне присылкою в том же размере (переводом в Кяхту или Урчу, где имеется Рус[с]к[о]-Китайск[ий] банк[38]) ко времени моего туда прибытия — 1 августа. Если можно, пожалуйста, не откажите.

---

[30] Наряду с Лабраном — буддийский монастырь в области Амдо, омываемый с трех сторон Хуан-хэ. Козлову не удалось посетить этот монастырь.

[31] Монастырь Лабран (Лавран) — важнейший буддийский центр монгольской общины; основан в начале XVIII в. В Лабране хранились многие рукописные сокровищницы буддийской мысли, а также выдающиеся произведения буддийской иконографии, в частности полное собрание «Тысячи бурханов». Со ссылками на предшествующую литературу и источники подробно описан самим Козловым (Козлов 1948, 256–265).

[32] Лань-чжоу-фу — резиденция ганьсуйского вице-короля Цзунду, расположенная на правом берегу Хуан-хэ.

[33] Алашань — пустыня, часть пустыни Гоби («Алашанская Гоби») на территории совр. КНР. Ограничена горами Наньшань на юго-западе, р. Хуанхэ на юго-востоке; на севере переходит в Монгольскую Гоби.

[34] Административный центр Кяхтинского района Бурятии, расположенный рядом с границей с Монголией. Основан в 1727 г. как крепость Троицкосавская. Кяхте — важный пункт в торговле с Китаем, с 1792 г. — место расположения таможенных постов. С введением в эксплуатацию в 1903 г. Восточно-Китайжской железной дороги Кяхте теряет свое значение в отношениях Китаем, при этом возрастает значение Кяхте как центра отношений с Монголией. Кяхте — место начала целого ряда экспедиций по Центральной Азии, в том числе Н. М. Пржевальского, самого П. К. Козлова, Г. Н. и А. В. Потаниных, А. В. Обручева и др. О раннем этапе истории Кяхте см. в частности: Силин 1947, 39–102.

[35] Имеется в виду Далай-лама XIII Тубтэн-гьятцо (1876–1933) — духовный и светский лидер Тибета в 1895–1933 гг. 1 июня 1905 г. Козлов встречался с Далай-ламой для доставки ему, находившемуся тогда в изгнании в Урге, подарков Русского географического общества. Вторая встреча состоялась в феврале–марте 1909 г. (см. ниже). О роли Далай-ламы XIII в «Большой игре», в которой он долгое время поддерживал Россию, см.: Богословский 2002; Белов, Святецкая, Шаумян 2005. Россия и Тибет: сборник русских архивных документов. 1900–1914. М., 2005.

[36] Имеется в виду Доржиев Агван Лобсан (1853/54–1938) — бурят, религиозный и политический деятель, дипломат, идеолог и лидер бурятского движения ламаистского обновления. В 1920–1930-е гг. выступал в роли неофициального представителя Тибета в России. С 1902 г. — член Русского географического общества (Козлов 2003, 1002).

[37] От названия озера Кукунор.

[38] Русско-Китайский банк был основан в 1895 г. по инициативе С. Ю. Витте в связи с сооружением Сибирской железной дороги для развития торговых отношений с Дальним Востоком. В 1910 г. стал частью сделки по образованию Русско-Азиатского банка путем слияния РКБ с Северным банком.

Не ожидал, что Аг.[39] Д[оржиев] подведет.

Спешу с этим письмом, зная, что Вы собираетесь в далекую дорогу[40].

Чойбзэн'ский[41] гэгэн[42] поручил мне передать Импер[аторской] Акад[емии] наук нечто очень интересное!.. Портрет (соб[ственной] раб[оты]) этого симпатичного хутухты в оригинальном костюме я Вам посылаю. Подобный костюм я также намереваюсь приобрести для Академии.

Пока все. Желаю Вам полного успеха в Вашем интересном предприятии. До свидания. Искренне преданный Вам П. Козлов.

С нетерпением буду ждать Вашей весточки.

Портрет Чойбз-хутухты покажите Милейшему А.В. Григорьеву, котор[ому] я пишу со следующей почтою.

№ 3 (Лл. 5–6 об.)

Центральная Монголия

Горы Гурбун-сайхан[43]

8 июля 1909 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Из центра Монголии, с гор Гурбун-сайхан, шлю Вам мой сердечный привет.

Позвольте сообщить Вам также интересную весточку. При вторичном, почти месячном пребывании на развалинах Хара-хото[44] экспедиция обогатилась тысячей томов книг, не считая многочисленных свитков, тетрадей и отдельных бумаг; кроме того, сотней иконописных и десятком металлических изображений будд и многими другими интересными предметами. Короче, мы счастливо наткнулись на один, полуразвалившийся сверху, субурган, вероятно, построенный в честь погребенного в нем гэгэна, с которым погребено было и указанное выше богатство, везомое нами, как любят выражаться английские археологи, на семи верблюдах[45], или в 14 больших ящиках или тюках[46].

В течение первой недели, проведенной экспедицией на развалинах Хара-хото, наши труды вознаграждались скудно, хотя все-таки мы вновь нашли и письмена (к прежним прибавились турецкие или арабские[47]), и бумаги, и бумажные и металлические денежные знаки и мног[ое] друг[ое]. За-

[39] В предшествующей публикации (Козлов 1963, 451) «А. Доржиев».

[40] В этот период С. Ф. Ольденбург заканчивал приготовления к отправки свой первой Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг., т.е. действительно «собирался в дорогу».

[41] Обозначение «чойбзэнский» дано по названию монастыря Чойбзэн-хит — резиденции гэгэна. Описание монастыря см.: Козлов 1947, 107–108.

[42] Имеется в виду Богдо-гэгэн Жавзандадамба-хутухта VIII (1869/1879–1924), возглавлявший буддийскую общину Монголии с 1874/1875, Богдо-хан Монголии с 1911 г. В отличие от своих предшественников, Богдо-гэгэн VIII вел активную политическую деятельность, что подтверждают и письма П.К. Козлова; о его политике см. в частности: Железняков, Гольман 2007, 28–40.

[43] Гурбун-сайхан (досл. «три красавицы») — восточная, срединная и западная гряда горного массива на севере пустыни Гоби (Южная Монголия).

[44] Экспедиция Козлова прибыла в Хара-хото 22 мая 1909 г (Н. В. Павлов указывает дату 20 мая — Павлов 1940, 12) и закончила работу 16 июня (Козлов 1948, 296–306).

[45] «Семь верблюдов» — популярный образ в повседневной английской культуре. Существует оборот «сила семи верблюдов» (strength of seven camels), «народная мудрость» о том, как разделить семерых верблюдов между тремя наследниками с тем, чтобы одному досталась половина наследства, второму — четверть и третьему — восьмая часть. Из истории географии известен факт путешествия по Австралии на семи верблюдах английский естествоиспытатель и этнограф Альфред Хоувитт (Howitt 1830–1908) в 1861–1862 гг. Известны даже имена этих верблюдов. Возможно, распространение этого образа в среде английских археологов связано именно с этой экспедицией.

Данный оборот мог проникнуть в археологический жаргон и из французской традиции, в которой слово hebdomodaire («семидневный») в шутку обыгрывается как hebdromodaire («семиверблюжий»).

[46] Данный фрагмент письма П. К. Козлов сопроводил следующим подстрочным примечанием: «Невольно встает в памяти дорогой образ незабвенного А.В. Григорьева; как бы он порадовался нашему успеху!». Общее описание находок см. Козлов 1948, 300–301. Находки именно из этого субургана составили основу работы С. Ф. Ольденбурга по буддийской иконографии (Ольденбург 1914а).

[47] Козлов не имел соответствующей филологической подготовки, и на месте раскопок ни он, ни кто-либо из его коллег не мог определить тип письменности и языковую принадлежность найден-

тем дошла очередь и до «знаменитого» субургана, который и поглотил почти все наше внимание и остальное время. Мы все удивлялись, в какой хорошей сохранности оказались в нем книги, иконопись и многое другое. Некоторые предметы, освобожденные от многовековой пыли, выглядят совершенно свежими, чистыми, цельными. Какие превосходные (есть) некоторые бурханы, какое высокое художество; Цзон-хава[48], конечно, отсутствует, изображения реформатора буддизма не имеется; значит, все бурханы имеют большую давность. В высшей степени интересны и бурханы металлические, хотя их сравнительно немного. Во всей же совокупности обильный материал из Хара-хото, мне кажется, прольет яркий свет на историческое прошлое пропадавшего древнего города и его обитателей. Впрочем, виноват, — Вы в этом компетентный судья и исследователь, Вам и книги, и все остальное в руки. У меня же осталась одна великая забота — возможно наилучшим образом доставить это археологическое богатство в Петербург, а затем дальше… с разрешения Геогр[афического] О[бщест]ва, конечно, в Имп[ераторскую] Академию наук. А Вы как думаете?

Кажется, все существенное, что хотел сказать о Х[ара]-х[ото].

Тысячу благодарностей вознес я Торгоду-бэйлэ[49], который не только не протестовал против раскопок, но, наоборот, — в значительной степени способствовал успеху их. Я позволил себе обещать ему подарок от О[бщест]ва, тем более что к концу путешествия я был беден ими[50].

От низовья Эцзин-гола до Гурбун-сайхан, несмотря на усталость и томительный зной …[51] благо стремление к родному северу … экспедиция направилась ускоренным маршем. Придя сюда, некоторые из нас почувствовали крайнее переутомление, а неизменный мой спутник, старик Иванов[52], еще [нрзб.][53], чуть-чуть не перестарился, во всяком случае, напугал меня сильно.

Приближаясь к отечественной границе, мы скучаем о почте. Представьте, целые полгода экспедиция не получала известий с родины. Это приветственное м{олчание} тяжелее всяких физических невзгод.

Как и предполагал, в начале августа прибуду в Ургу[54], а в конце этого месяца и в Кяхту, откуда откликнусь по телеграфу. Надеюсь, моя просьба разрешена Вами в положительном смысле — Вы облегчите мое положение.

Теперь с уверенностью можно сказать: до скорого и приятного свидания.

Искренне преданный

Ваш П. Козлов.

Продолжение и окончание 10-го июля. Сейчас из Урги прискакал гонец с почтою. Между прочим, мне пишут, что в начале июня, через Ургу, по направлению на Кобдо проследовала французская

ных документов. Находки из Хара-хото, о которых сообщает Козлов, состояли по большей части из монгольских документов, составленных уйгурским письмом, были найдены первые монгольские ксилографы, был также обнаружен отрывок персидского текста «Семи мудрецов Китаб и-Синдбад». Находки из Хара-хото положили основание в изучение тангутской литературы: в Хара-хото было обнаружено ок. 10000 текстов на тангутском языке в основном, буддийского содержания. В настоящее время эти рукописи хранятся в ИВР РАН — бывшем Азиатском музее (см. в частности Козлов 1948, 303–304). Первые исследования тангутских документов из Хара-хото были проведены А. И. Ивановым (Иванов 1909; 1911). В дальнейшем тангутская литература из Хара-хото исследовалась Н. А. Невским (Невский 1933, 129–150; 1936, 57–79).

[48] Цзон-хава (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, реформатор тибетского буддизма, основатель школы гелуг.

[49] Имеется в виду правитель эдзингольских монголов-торгоутов, поддержавший экспедицию Козлова на пути к Хара-хото (см. выше), а затем снабжавший ее рабочими, водой и продовольствием.

[50] Т.е. беден подарками.

[51] Многоточия расставлены самим П.К. Козловым.

[52] Имеется в виду руководитель конвоя экспедиции Гавриил Иванович Иванов. Участник еще экспедиций Н. М. Пржевальского (1883–1885), он должен был быть уже в весьма преклонном возрасте.

[53] В предшествующей публикации (Козлов 1963, 454) пропущено.

[54] Урга — в XVII–XVIII вв. — название резиденции монгольских Богдо-гэгэнов — глав буддийских общин Монголии, затем — прежнее название Улан-Батора.

экспедиция[55]. Цель экспедиции — раскопки Хара-хото. Мы побыли, вторично, вовремя. В Кяхте буду в половине августа.

№ 4 (Лл. 7–8 об.; Лл. 9–9 об. — машинописная копия[56])

Алашань

Дын-юань-ин[57]

29 августа 1909 г.[58]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Шлю Вам мой сердечный привет из алашань'ской пустыни, на своей восточной окраине приютившей оазис Дын-юань-ин… Сюда я прибыл 7 апреля и успел не только снарядиться в путешествие по пустыне летом и к предстоящим занятиям в Хара-хото, но успел немного и отдохнуть (физически от напряженной деятельности; представьте, первый раз за все мои путешествия почувствовал усталость) и справиться с отчетом в Генеральный Штаб[59]. Обществу[60] я писал из Лабрана и буду писать с развалин Хара-хото, которые теперь особенно заняли все наши помышления. Хара-хото не сходит с наших уст. Я утешаю себя мыслью, что порадую Вас чем-нибудь новым.

Не знаю, получили ли Вы мои посылки и что в них нашли интересного? Я Вам писал с зимовки с приложением портрета Чойбзэн-хутухты. Теперь посылаю один (из десяти лабранских удачных) снимок с так назыв[аемого] Золотого субурина[61], — ставшего золотым в мое пребывание в Лабране к весеннему празднику.

В Лабране я успокоил свои нервы от пережитого на Амдо'ском нагорье[62] и пережитого не только в известную ночь на 13 января — ночь, ставшую чуть не роковой для экспедиции[63], — но и в

[55] Козлов имеет в виду экспедицию Анри де Буйяна де Лакоста (1867–1937) — французского путешественника, совершившего в 1891–1910 гг. целый ряд переходов через труднодоступные регионы Сирии, Палестины, Индо-Китая, Западной Монголии, Манчжурии и иные районы Центральной Азии. Краткий отчет о его путешествии по Монголии см.: Zimmermann 1910, 377–379.

[56] Машинописная копия не идентична рукописному варианту; в ней имеются пропуски слов и изменения в написании. Судя по некоторым деталям, таким, например, как написания «чэчэнов» вместо правильного «гэгэнов» и др., копию с письма снимал человек, не вполне знакомый с описанными в нем реалиями.

[57] Дынюанинь (совр. Яньяньфу) — оазис с городское поселение у западного склона Алашанского хребта. Вот как Козлов описывает этот оазис более подробно: «Оазис Дын-юань-ин раскинулся на серых, с виду безжизненных высотах, разрывающих его на три части, среди сети небольших речек, ручейков и логов, орошённых ключевыми источниками. С западной стороны к оазису примыкает необъятная каменистая или песчаная пустыня с высокими барханами, с восточной — в меридиональном направлении, высится хребет Ала-шань, гордо поднимающийся к небу скалистой стеной. Множество дорог нитями сбегаются к культурному центру, отрадно зеленеющему в общих однообразных тонах окружающего. После пустыни Дын-юань-ин со своими великанами ильмами, тополями, пышными парками князей и хлебными полями показался нам чуть ли не райским уголком, хотя его нежному весеннему убранству был нанесен жестокий удар пролетевшим снежным штормом, о котором сообщалось в предыдущей главе: весь молодой блеск растительности поблек, листва деревьев потемнела, грозди сирени казались обожжёнными...» (Козлов 1948, 111).

[58] В предыдущей публикации (Козлов 1963, 452) письмо неверно датировано 29 апреля.

[59] Вплоть до 1917 г. Козлов оставался на действительной военной службе. По этой причине он, на тот момент полковник Генерального штаба, должен был предоставлять отчет о своей деятельности не только в научные, но и в военные инстанции.

[60] Имеется в виду Русское императорское географическое общество.

[61] В предшествующей публикации (Козлов 1963, 452) издатели, несмотря на наличие машинописной копии письма, читают «субургана».

[62] Переход через Амдо — горный район Северо-Восточного Тибета, лежащий южнее оз. Кукунор, был тяжел и сам по себе — из-за тяжелых климатических условий, прежде всего, январских холодов, и из-за неурегулированных отношений с местным населением, прежде всего правителем Луццы Лу-хомбо. Последний требовал непомерную плату за право пройти через подконтрольную ему территорию и проводников. Проводники намеренно выбирали самые труднопроходимые места, но тем самым невольно способствовали более глубокому изучению природы Амдо (см. описание перехода через Амдо: Козлов 1948, 236–255).

[63] Ночью 13 января 1909 г. отряд П. К. Козлова подвергся вооруженному нападению на территории княжества Луцца со стороны местных кочевников. Имея всего несколько ружей, отряд Козло-

течение всего периода амдо'ской экскурсии. Тяжелые дни были, но зато полны громадного интереса. Каждый день приносил нам новые и новые сюрпризы со стороны воинственного разбойничьего населения, в среду которого проникает европ[ейское] оружие больше и больше.

Пополнение этнографической коллекции идет успешно. Помимо образцов буддийского культа удалось, в особенности в Лань-чжоу-фу и Дын-юань-ине купить много интересного в отдел алтайской старинной художественной работы из бронзы. Впрочем, на многие выдающиеся старинные вазы удалось лишь посмотреть, т[ак] к[ак] они стоили громадных денег — несколько сот рублей экземпляр (Минской династии). На обратном пути: в Лабране, Лань-чжоу-фу и Дын-юань-ине я истратил я истратил на такого рода коллекции (в Лабране, впрочем, почти исключительно на бурханы и книги) более шестисот рублей. Кроме того, имеются особенно интересные предметы по культу, полученные в подарок от гэгэнов.

Несмотря на то, что мне удалось свидание с Д[алай]-л[амой] (в Гумбуле[64]) на обратном моем пути и получить и получить от него Доржиевский долг, я с прежней настоятельностью прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, не отказать мне в переводе в Ургу или Кяхту двух тысяч рублей. Все приобретенное для Академии — этнографическое — превышает просимую цифру вдвое. К моему возвращению в С[анкт]П[етер]б[ург] в начале октября я просил бы Вас приготовить в стенах Академии помещение, в котором я мог бы свободно разобрать мои этнографические сборы.

В Ургу же постараюсь прибыть, как и писал Вам, в половине августа, в Кяхту — к 1му сентября. Из Хара-хото черкну Вам, в зависимости от результатов раньше или позднее.

Пока же до свидания! Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный

П. Козлов

До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что больше нет в живых несравненного Александра Васильевича Григорьева. Перышком ему земелька.

При случае передайте Вел[икому] Кн[язю] К[онстантину] К[онстантиновичу], что Д[алай]-л[ама] принял меня замечательно хорошо и остался великокняжескими подарками в высшей степени доволен, особенно высоко ценя внимание всей семьи Вел[икого] князя.

Сейчас, когда пишу, мне доставили отличнейшую старинную усыпальницу — субурган, с массою приложений и дат, я приобрел ее за 90 рубл[ей]. По-моему, один[65] из самых интересных кол[лекций] старинных предметов.

№ 5 (10–11 об.)

Москва, 16-I-1910 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Позвольте сердечно поблагодарить Вас за Ваше милое письмо (Семипалатинск), которое я получил в августе, приближаясь к отечественной границе со стороны Монголии. Затем я был ознакомлен с содержанием Вашей телеграммы в Геогр[афическое] О[бщест]во, когда еще раз вспомнил Вас большою благодарностью за Ваш теплый привет по поводу моих дополнительных работ в Хара-хото. Я особенно чувствителен к каждой Вашей весточке, в особенности же, когда она направляется из глубины то страны, которой я отдал лучшие свои годы и большие силы. Вы больше, чем кто бы то ни был, можете понять мое нравственное удовлетворение и радость — ведь Вы сами теперь путе-

---

ва сумел отбить атаку около сотни всадников, вооруженных пиками (описание стычки см.: Козлов 1948, 240).

[64] Имеется в виду Гумбум — крупный буддийский монастырь. Ранее его посещали Г. Н. Потанин (1885 г.) и М.Е. Грум-Гржимайло (1890 г.). Прибыв в Гумбум 22 февраля 1909 г., Козлов встречался в Гумбуме с Далай-ламой в течение двух недель. Далай-лама пригласил Козлова в Лхасу, однако ни в ходе Монголо-Сычуанской, ни в ходе следующей — Монголо-тибетской — экспедиции попасть в Лхасу, и тем самым осуществить завет своего учителя Н.М. Пржевальского, Козлов по целому ряду причин не смог (см. Козлов 1920, 52–86; 1948, 274–280; о причинах см.: Андреев 1996, 199–224; Юсупова 1998, 204–219).

[65] Здесь в тексте нарушено согласование; правильно «одна» — усыпальница. Ранее издатели меняли фразу, вставляя отсутствующий в тексте предлог «в»: «По-моему, один из самых интересных в коллекции старинных предметов» (Козлов 1948, 453).

шественник-исследователь и собиратель коллекций. Теперь мы друг друга будем понимать гораздо больше, нежели прежде[66].

Весь хара-хото'ский материал пока хранится в свободных для О[общест]ва комнатах, наверху. А.И. Иванов[67] и В.Л. Котвич[68] работают по его сортировке. Иванов разыскал словарь, дающий возможность расшифровать интересные письмена Си-ся[69]. По этому поводу А.И. напечатал статью (на нем[ецком] яз[ыке] в Извест[иях] Ак[адемии] Наук)[70]. Ваша общая статья в Геогр[афическом] О[бщест]ве давно вышла.

Для Вас по иконописи материала масса. До двадцати свертков с иконописью я не раскрывал совершенно и не раскрою, пока Вы не объявитесь в Петербурге. Хочу приготовить для Вас, таким образом, большее удовольствие и больший интерес.

Впрочем, куда поступит Хара-хото, еще не решено. Лично я имею тяготение к Академическому[71] или Азиатскому музею[72]. Думаю в Вас найти единомышленника — не правда ли?

Русский комитет перевел мне в Кяхту тысячу рублей. Для Комитета, между прочим, собрана большая и богатая коллекция всего, что попадало под руку в дороге — на всем ее протяжении.

Вероятно, об этом Вам уже сообщено кем-либо из Ваших академических коллег, т[ак] к[ак] члены Комитета неоднократно побывали у меня во время моих разборов коллекций в О[бщест]ве.

---

[66] Козлов имеет в виду организацию и участие С.Ф. Ольденбурга в экспедиции в Восточный Туркестан (июнь 1909–1910). Экспедиция Ольденбурга исследовала Шикшин, Яр-Хото (Турфанский оазис), Сингим-Огуз, Безеклык, Туюк-Мазар, Субаши, Симсим, Кизил и Кумтуру, а также ряд менее значительных памятников (подробнее см.: Ольденбург 1914б; Литвинский, Терентьев-Катанский 1988, 38–41).

[67] Имеется в виду Алексей Иванович Иванов (1878–1937) — китаевед, японист, переводчик, профессор Ленинградского института живых восточных языков (1913–1922). С 1914 г. — на службе в МИД. Основатель тангутоведения. Репрессирован (расстрелян) по обвинению в участии в антисоветской террористической организации.

[68] Имеется в виду Владислав Людвигович Котвич (1872–1944) — выдающийся монголовед, синолог, манчжуровед, член-корреспондент АН СССР (с 1923 г.).

[69] Имеются в виду статьи: Иванов 1909, 463–470; 1911, 831–836.

[70] Имеется в виду статья Ivanov 1909, 1221–1233.

[71] Под «Академическим» музеем Козлов имеет в виду не музей Академии художеств (на момент основания в сер. XVIII в. — трех знатнейших искусств), а Азиатский музей Академии наук.

[72] Азиатский музей — основан в 1818 г. как Восточный кабинет в составе Академии наук по инициативе президента Академии графа С.С. Уварова; ныне Институт восточных рукописей РАН.

Из письма П.К. Козлова Ученому секретарю РГО А.А. Достоевскому от 29 марта 1910 г. следует, что вся коллекция находок из Хара-хото должна была поступить в Музей императора Александра III (ныне — Русский музей) за исключением двух бурханов, которые Козлов хотел преподнести в дар РГО и Обществу естествознания, антропологии и этнографии. Две витрины с этнографической коллекцией должны были остаться в собственности РГО, так как предметы, составившие ее, были приобретены на средства РГО. Зоологические и ботанические коллекции должны были поступить соответственно в Зоологический музей АН и в Ботанический сад. Геологическая коллекция была передана в дар МГУ. Современные ему тибетские книги Козлов передавал Русскому комитету по изучению Восточной и Средней Азии, так как Комитет ассигновал Козлову 1000 руб. на покупку этих книг. Те предметы, которые Козлов приобрел на собственные средства, а также коллекцию оружия он просил оставить ему в собственность (публикацию см.: Козлов 1963, 455–456, Кравклис 2006, 275–277). О разделе коллекции из Хара-хото Козлов пишет и в книге об этой экспедиции: «… коллекции Хара-хото поступили большей своей частью в Этнографический отдел Русского музея, а меньшей — книги, свитки, рукописи — в Азиатский музей Российской академии наук» (Козлов 1948, 302).

В настоящее время предметы из Хара-хото, собранные в ходе экспедиций 1907–1909 и 1923–1926 гг., хранившиеся в Русском музее, находятся на хранении в Государственном Эрмитаже (см. Самосюк 2006).

На днях я еду в Петербург для доклада Географ[ическому] О[бщест]ву о моих странствиях и находках, а затем — устройства выставки коллекций[73]. Тем временем наступит и февраль, а там уже и март, когда, даст Бог, увидимся и поговорим больше, нежели возможно в письменах.

Примите мое самое искреннее пожелание счастья и удач в дороге. Буду с большим интересом ждать Вашей весточки, а потом и самого возвращения Вашего из путешествия.

Искренно уважающий и искренно Преданный Вам П. Козлов.

P. S. О незабвенном А. В. Григорьеве не говорю — больно во всех отношениях.

М. М. Березовский в ночь с 6 на 7 ноября потрясен параличом.

№ 6 (Л. 12)

Орианда

18 августа 1912 [г.]

Многоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Сердечно приветствую Вас из Орианды, где живу с 4 авг[уста], когда возвратился из поездки-прогулки по Волге, Кавказу (военно-грузинская дорога) и Черному морю. Очень бы хотелось еще здесь (проживу с месяц) получить от Вас весточку, м[ожет] б[ыть] и начало работы Вашей Хара-хото[74] в сверстанном виде. Пожалуйста, откликнитесь, как поживаете, как теперь обстоит Ваше здоровье. Крепко жду Вашу руку. Искренне преданный П. Козлов.

№ 7 (Л. 13)

17 окт[ября] 1912 [г.]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Будьте любезны, черкните пару слов по поводу некролога М.М. Березовского: кому поручено составление такого рода заметки для помещения на страницах «Ежегодника Зоологического музея Имп[ераторской] Ак[адемии] наук»? А. А. Достоевский просил меня написать о М. М. для «Извест[ий] И[мператорского] Р[усского] Г[еографического] о[бщества]»[75]. Поэтому я и обращаюсь с просьбой к Вам указать мне на источники для составления достойной памяти скорбной заметки о чистой светлой личности незабвенного покойного. Это первое. Второе, хотелось бы получить чистые листы «Хара-хото». Если можно — не откажите.

Искренне преданный Вам

Ваш П. Козлов.

№ 8 (Л. 14)

С[анкт-]П[етер]б[ург]. 17 июля 1913 г.

Смольный, 6

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Посылаю Вам снимочек с недавно полученного мною из Китая бронзовой статуи. Вы не можете сказать мне, что, собственно, она изображает? Завтра, утром, постараюсь немного поговорить с Вами по телефону, а в 8 ч[асов] дня — уезжаю.

Будьте здоровы! Не забудьте моего американца.

Искренне преданный Вам

Ваш П. Козлов.

P. S. С дороги напишу.

№ 9 (Лл. 15–16 об.)

Шелашниковская, 13. Иркутск

1 декабря 1915 г.

Дорогой, Многоуважаемый Сергей Федорович!

Давно собирался писать Вам, но только теперь смог, наконец, исполнить свое намерение. Прилагаю снимочки с бурханов и очень прошу определить их, в особенности изображение Дархэ (сня-

---

[73] Выставка, организованная Русским географическим обществом, состоялась в феврале 1910 г. (Кравклис 2006, 275).

[74] Имеется в виду книга С. Ф. Ольденбурга «Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (Образа тибетского письма)» (СПб., 1914).

[75] Некролог об М. М. Березовском П. К. Козлов так и не опубликовал.

тое в трех позах)[76]. Это изображение является в наст[оящую] величину, художественной работы, с сплошным лотосом... Дархэ — из собрания ген[ерала] Илляшевич (в Иркутске)[77].

Бурхан — «Лама на подушках и зверином ковре» из моей коллекции в 30 бурханов, приобретенных мною теперь в Урге (на базаре). Этот бурхан отличной, по-видимому тибетской работы бронзовый, золоченый, высотою в 4 вершка[78], весом от 15 до 18 фунтов[79]. В левой руке стержень, на кот[ором], м[ожет] б[ыть], была книга[80].

Не знаю, когда мне удастся быть в Петрограде и представить Вашему усмотрению все мое собрание будд[ийских] образцов, теперь же я очень, очень хотел лишь ознакомить Вас с этими двумя и получить от Вас их определения. Пожалуйста, дорогой Сергей Федорович, не откажите в моей просьбе и Ваших двух-трех словах в ответ на мое письмо.

Занят я страшным образом. Миссия экспедиции трудна, сложна и очень ответственна[81]. Она во мне породила подозрительность и недоверие даже по отношению тех людей, кот[орых] я хорошо знал и к кот[орым] хорошо относился.

При свидании расскажу личное, а пока до свидания. Крепко, дружески жду Вашу руку.

Искренне Ваш П. Козлов.

P.S. Моя Елиз[авета] Влад[имировна][82] со мною, поручила мне написать Вам ее привет.

№ 10 (Л. 21)

Петроград, 24/X 1921 г.

Дорогой Сергей Федорович,

Сегодня мы (Е[лизавета] В[ладимировна] и я) уезжаем в деревню (Почтовое отд[еление] «Залучье», Новгор[одской] губ[ернии], Старорус[ского] уезда, дер[евня] Стречень), где пробудем, глядя по обстоятельствам.

На днях я заходил в этногр[афический] отд[ел] Рус[ского] музея, где в кабинете А. А. Миллера[83] приготовлены для Вас оттиски с клише находок в Хара-хото. Будьте добры, загляните туда и решите, что следовало бы ввести на страницу моей книги[84].

---

[76] От монгольского «дарга» — председатель, начальник.

[77] Вероятно, имеется в виду Ильяшевич Лука Иванович (1832 — ?), генерал-майор, военный губернатор Забайкальской области, наказный атаман Забайкальского Казачьего Войска (1880–84). Фамилия Ильяшевич могла писаться и как Илляшевич.

[78] Т.е. 17,78 см.

[79] Т.е. 6,8 — 8,2 кг.

[80] Под «стержнем» следует, вероятно, понимать жезл «жуи» с «пылающей жемчужиной», один из атрибутов бодхисаттвы Маньджушри (см.: Самосюк 2006, 170–171, кат. 34–35).

[81] Речь в данном случае не идет о научной экспедиции. В этот период Козлов был командирован в Монголию для организации поставок скота для нужд армии. Скорее всего, он имеет в виду под «экспедицией» именно деятельность по закупкам (изъятию?) скота у местного населения на Монголии.

[82] Елизавета Владимировна Козлова-Пушкарева (1892–1975) — орнитолог, старший научный сотрудник Зоологического института АН СССР; автор ряда статей по авифауне Центральной Азии; ее исследования подытожены в: Козлова 1975; вторая жена П. К. Козлова (с 1912), сопровождала его в ходе последней экспедиции (1924–1925), впоследствии неоднократно участвовала в экспедициях в Монголии.

[83] Имеется в виду Александр Александрович Миллер (1875 — 1935) — крупный археолог, этнограф, искусствовед, действительный член Государственной академии истории материальной культуры, профессор археологии Санкт-Петербургского, а затем Петроградского и Ленинградского университетов, член Совета Эрмитажа, заведующий Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, директор Русского музея (1918–1923 гг.). Собрал коллекцию из более 1000 предметов по этнографии народов Кавказа, ставшую основой кавказского фонда музея. В 1933 г. арестован, в 1934 осужден на 5 лет ИТЛ, умер в Карагандинском ИТЛ. О нем: Васильков, Сорокина 2003, 171 (http://memory.pvost.org/pages/miller.html).

[84] Имеется в виду книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии 1907–1909 годов» (М.; Л., 1923)

Помимо этого нам желательно воспользоваться и частью тех клише, оттиски с которых уже использованы в Вашей статье «Образы тибетского письма»[85]. Но эти клише в кабинете А[лександра] А[лександровича] я не видел.

Как Вы съездили? Крепко жду Вашу руку.

Искренне преданный Вам

Ваш П. Козлов.

P. S. Благоволите просмотреть остальные 4 главы рукописи моей.

№ 11 (Л. 22)

Екатеринбург

27 / II / 1925 [г.]

Дорогой Сергей Федорович!

Я помню хорошо и знаю о высылке Вам моей статьи с соответствующими фотографиями[86]. Вышлю все с дороги; дорогою привожу в порядок мои наброски о летней деятельности Тиб[етской] экспедиции в верховьях и на истоках Хара[87].

Дни перед выездом из Москвы я был страшно занят с раннего утра до поздней ночи.

Всего хорошего: берегите себя, не разменивайтесь на утомительные мелочи. Ю.М. Шокальский[88] любезно взял на себя обязательство передать В.И. Крыжановскому[89] следуемое.

Ваш П. Козлов.

Прошу Вас передать монеты и печати в Москве, в Доме ученых, Многоуважаемой Марии Гавриловне Красевой[90].

№ 12 (Лл. 23–24)

Монголия.

Уроч[ище] Мишик-гун[91]

12/IX 1925 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Пользуясь случаем, спешу послать Вам 6 фотограф[ических] снимков с интересной каменной (гранитной) черепахи, с еще более интересными иероглифами по сторонам и орнаментом на панцире. Кроме того, фотографии с каменных фигур. Черепаху пришлось отрыть, высвободить из земли, т[ак] к[ак] она покоилась в земле и на свет дневной выходила лишь своей поверхностью.

[85] Имеется в виду следующее исследование: Ольденбург 1914а.

[86] Трудно сказать с полной определенностью, о какой статье идет речь. Единственной статьей, изданной Козловым в период 1920–1924 гг. является публикация о заповеднике Богдо-ула (Козлов 1924, 169–173). Возможно, речь идет о какой-то более ранней статье или рукописи статьи, которую Козлов готовил к печати и, возможно, хотел обсудить с Ольденбургом.

[87] Хара (Хараа-гол; «Черная река») — река на севере центрального аймака Монголии; впадает в р. Орхон; длина 291 км.

Под «набросками», возможно, имеется в виду дневник экспедиции, который был недавно издан (Козлов 2003).

[88] Имеется в виду Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940), выдающийся российский географ и океанолог, член-корреспондент АН СССР, председатель Географического общества СССР (1917–1931). Переписка Козлова и Шокальского опубликована в: Козлов 1963, 458, 462–464, 477–480, 487–488.

[89] том, что Козлов просил Шокальского передать корреспонденцию в Петербург, в частности тому же Ольденбургу, известно из письма Козлова Шокальскому от 12 сентября 1925 г. (см.: Козлов 1963, 477–478).

Имеется в виду Владимир Ильич Крыжановский (1881–1947) — ученый-минералог, геолог, старший минералог Минералогического музея АН СССР; в 1930 г. арестован, после освобождения (точная дата неизвестна) — заведующий Минералогическим музеем ЛИГЕМ АН СССР (1934–1947); о нем см.: Барсанов 1949, 7–17; Годовиков 1989.

[90] М. Г. Красева являлась служащей гостиницы ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых) в Москве (Козлов 2003, 1006).

[91] Как сообщает сам П. К. Козлов в своем дневнике, в Мишик-гун экспедиция Козлова прибыла 5 сентября 1925 г. Мишик-гун — комплекс из 14 монастырей, в которых проживало ок. 200 лам. Здесь экспедиция Козлова значительно пополнила свою зоологическую коллекцию (Козлов 1949, 97).

Место первых работ Т[ибетской] экспедиции находится в долине южной извилины р. Толы[92], — там, где эта река круто склоняется к с[еверо-]з[ападу]. Этот поворот реки, оставивший ряд стариц с прудами , с кувшинками на поверхности и высоким камышом по берегам, крайне любопытен и поучителен, в особенности геологам.

Кроме этого района, экспедиция продуктивно поработала в уроч[ище] Бичиктэ-дулан-хада[93], т[о] е[сть] письмена теплых скал, где мне удалось снять многие письмена, рисунки, кэрэксуры[94] (и круглые, и квадратные); вокруг горы 71 кэрэксур.

А затем значительно к ю[гу]–ю[го-]з[ападу], в глухой местности, я нашел с помощью хорошего проводника на скалах письмена — историю народов[95]. Письмена начертаны художественно, умело, на крепкой-крепкой горной породе, которая островом залегает среди сплошного серого гранита. Письмена на такой породе, что им обеспечена целая вечность. Образцы горных пород взяты; порода темная, крепкая, звенит, словно металл.

Снимки Бичиктэ (до 12) проявлены, но не напечатаны, снимки с письмен последующих не проявлены (проявят на днях). В окт[ябре]–ноябре пришлю отчет со многими отпечатками.

Теперь же страшно тороплюсь поделиться с Вами этими новостями, — т[ак] к[ак] едет в Ургу из Монголии мой приятель (прежний мой спутник) Цогто Гармаевич Бадмажанов[96], который и сдаст этот пакет в Урге.

Очень прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, сделать распоряжение о высылке в Ургу в адрес мой 3–5 экземпляров с отчетом — статьей моей о Наин-ульских памятниках[97].

Все мои письма и проч[ую] корр[еспонденцию] любезно доставляет мне тот же Г.Ц. Бадмажапов.

Примите наш теплый привет и лучшие пожелания.

Ваш всегда П. Козлов.

P.S. Простите, что пишу торопливо — но желание поделиться с Вами заставляет пренебречь условностями.

---

[92] Тола (Туул-гол) — река в Монголии, правый приток р. Орхон; длина 704 км. В этом районе Козловым были исследованы т.н. Ноин-улинские курганы.

[93] Бичиктэ-дулан-хада (досл. — «Письмена теплых скал) — скальный массив в Северной Монголии.

[94] Керексур (херексур) — округлое курганообразное погребальное сооружение, представляющее собой грунтово-каменную насыпь переменной высоты (2–3 м). Встречается в Монголии и Забайкалье (Бурятия, Тыва).

[95] Вот, что сообщает об обстоятельствах описываемых эпиграфических открытий сам П.К. Козлов: «В 6 1/2 часов утра я отправился в урочище Дут-нор осмотреть скалы с надписями, о которых мне рассказал местный дарга (начальник). Путь наш пролегал к юго-востоку от монастыря Мишик-гун, вдоль долины, граничащей на юте с горами Тармцык… Проехав километров 20 от Мишик-гуна, проводник заявил, что скалы с письменами должны быть близко, но он точно не помнит их местоположения, а потому он принялся их разыскивать... Наконец, мы с радостью услышали громкий крик Вачира, возвещавшего, что письмена найдены. Подъехав к нему, я увидел, среди многочисленных скал и отторженцев серого и розоватого выветрелого гранита, несколько больших темносерых диабазовых отдельностей с блестящей отшлифованной поверхностью, на которой четко и ясно выделялись вертикальные строчки длинной надписи на монгольском языке. На одной скале было 17 строчек, на другой — 8. На соседних — тибетские, китайские письмена, а также рисунки животных и растений. Я долго любовался художественной гравировкой и сделал 6 снимков с замечательных скал с надписями» (Козлов 1949, 98).

Надписи опубликованы: Владимирцов 1926, 1253–1280 = Владимирцов 2002, 221–246.

[96] Цогто Гармаевич Бадмажанов (1879–1937) — переводчик Козлова во время экспедиций 1899–1901 и 1907–1909 гг.; утверждается, что именно Б. является первооткрывателем Хара-хото в 1907 г., т.е. за год до того, как там побывал сам П.К. Козлов (см.: Ломакина 1998, 186–204; Чимитдоржиев 2006, Чимитдоржиев, Ким 2006, 34–43). В 1937 г. Б. расстрелян по обвинению в «антимонгольском заговоре». Во время первого визита Козлова в Хара-хото 19 марта 1908 г. Б. в состав его группы не входил.

[97] Скорее всего, имеется в виду статья Козлов 1925, 1–12; статья переиздана в: Козлов 1963, 371–381.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев А. И. 1996: Почему русского путешественника не пустили в Лхасу. Новые материалы о Монголо-Тибетской *экспедиции П. К.*Козлова 1923–1926 гг. // Ариаварта, 199–224.

Барсанов Г. П. 1949: Жизнь и деятельность профессора Владимира Ильича Крыжановского. 1881–1947 // Труды Минералогического музея АН СССР. 1, 7–17.

Белов Е. Л., Святецкая О. И., Шаумян Т. Л. (сост.) 2005: Россия и Тибет: сборник русских архивных документов. 1900–1914. М.

Богословский В. А. 2002: Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.

Васильев Д. Д., Кульганек И. В. Глазами участника экспедиции (По архивным материалам С. А. Кондратьева, участника экспедиции П. К. Козлова в Монголию в 1923–1926 гг.) // Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. 2–3, 219–238.

Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. 2003: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.

Владимирцов Б. Я. 1926: Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья первая // ИАН СССР. 20/13–14, 1253–1280 = *Владимирцов Б. Я.* 2002: Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 221–246.

Годовиков А. А. 1989: Владимир Ильич Крыжановский (Очерки по истории геологических знаний. Вып. 25). М.

Дмитриев В. 1951: Русский географ и путешественник П. К. Козлов. Смоленск.

Железняков А. С., Гольман М. И. 2007: Вступление Монголии в XX век // История Монголии. XX век / Г. С. Яскина (ред.). М., 12–59.

Житомирский С. В. 1989: Исследователь Монголии и *Тибета П. К.* Козлов. М.

Иванов А. И. 1909: Тангутские рукописи из Хара-Хото // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 45. Вып. 8, 463–470.

Иванов А. И. 1911: Страница из истории Си Ся // Известия Академии наук. Серия VI. Т. 5. 11, 831–836.

Козлов П. К. 1894: Экспедиция в Центральную Азию (из *писем П. К.* Козлова). СПб.

Козлов П. К. 1920: Тибет и Далай-лама. Пг.

Козлов П. К. 1924: Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия Русского географического общества. 56/1, 169–173.

Козлов П. К. 1925: Северная Монголия. Ноин-улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1–12.

Козлов П. К. 1947: Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). М.

Козлов П. К. 1948: Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.

Козлов П. К. 1949: Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой (Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Том. 7). М.

Козлов П. К. 1963: Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.

Козлов П. К. 2003: Дневники монголо-тибетской экспедиции. 1923–1926 / Т. И. Юсупова, А. И. Андреев, А. В. Постников (ред.). СПб.

Козлова Е. В. 1975: Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии (Труды Зоологического института. Том LIX). Л.

Кравклис Н. Н. 2006: Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск.

Литвинский Б. А., Терентьев-Катанский А. П. 1988: История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 17–82

Ломакина И. И. 1989: Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) // Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. 2–3, 186–204.

Мурзаев Э. М. 1963: Петр Кузьмич Козлов и его исследования Центральной Азии // Козлов 1963, 7–10.

Невский Н. А. 1933: О наименовании Тангутского государства // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. II. Вып. 3. Л.,129–150.

Невский Н. А. 1936: Тангутская письменность и её фонды // Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г. М.; Л. (Труды Института востоковедения XVII), 57–79.

Овчинникова Т. Н. 1964: П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М.

Ольденбург С. Ф. 1914а: Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (Образа тибетского письма). СПб.

Ольденбург С. Ф. 1914б: Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткие предварительный отчет. СПб.

Павлов Н. В. 1940: Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов (1963–1935). Почетный член Московского Общества испытателей природы. Юбилейное издание. К 135-летнему юбилею Московского общества испытателей природы (1805–1940). М.

Петухов А. Ф. 1954: П.К. Козлов. М.

Силин Е. П. 1947: Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск.

Самосюк К. Ф. 2006: Буддийская живопись из Хара-хото XII–XIV веков. Между Китаем и Тибетом. *Коллекция П. К.* Козлова. СПб.

Чимитдоржиев Ш. Б. 2006: Цокто Бадмажапов — первооткрыватель «мертвого» города Хара-Хото. Улан-Удэ.

Чимитдоржиев Ш. Б., Ким Н. 2006: Цокто Бадмажапов – первооткрыватель «мертвого города» Хара-Хото // Вершины. 3, 34–43.

Юсупова Т. Ю. 1998: Лхаса — несбывшаяся мечта П. К. Козлова // Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. 2–3, 204–219.

Ivanov A. 1909: Zur Kenntnis der Hsi-hsia Sprache // Известия академии наук. Серия VI. III. 12–18, 1221–1233.

Zimmermann M. 1910: Expéditions en Mongolie Kozlov et Lacoste // Annales de géographie. 19/106, 375–379.

© 2012

В. Н. Пилипко

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АХАЛА

Данный обзор содержит сведения как об опубликованных, так и неопубликованных исследованиях, проведенных на памятниках сасанидского периода на территории Ахала (центральной части подгорной полосы Копетдага). Эти исследования до сих пор находятся в зачаточном состоянии. Относительно крупные раскопки проведены только на двух поселениях – Яндаклы-депе и Тоголок-депе. Материалы с Тоголок-депе до сих пор не опубликованы, в равной степени это касается менее масштабных работ на Говдуз-депе и Караул-депе.

Ключевые слова: Средняя Азия, Южный Туркменистан, Ахал, археология, материальная культура, Сасанидский период

Раннесредневековые памятники Ахала и вообще подгорной полосы Копетдага стали объектом внимания археологов относительно поздно, поэтому первоначально исследователи этих террито-

Пилипко Виктор Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН. E-mail: pilipko2002@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00023а «Раннесредневековые памятники древней области Ниса».

рий использовали опыт изучения соответствующих памятников в других среднеазиатских регионах. В частности, сравнительно рано началось изучение памятников в долине Мургаба. Начало этому положил петербургский востоковед В. А. Жуковский. В 1890 г. он осуществил в Мерве первые стратиграфические исследования. Методика их проведения была далека от совершенства, тем не менее, они дали первые представления о материальной культуре Южного Туркменистана в сасанидский период[1]. Некоторое время спустя, в 1904 г., эти исследования продолжили члены американской экспедиции в Туркестан под руководством Р. Пампелли. Сотрудниками этой же экспедиции были заложены первые контрольные шурфы на городище Анау[2]. Затем исследования в Мерве продолжил А. А. Марущенко (1936-1937 гг.), основным объектом его внимания стало здание сасанидского времени на городище Эрк-кала[3]. Ранее этот исследователь пытался изучать стратиграфию Новой Нисы (1930 и 1936 гг.), где присутствуют раннесредневековые слои, но не смог их четко выделить[4].

***

В результате всех этих работ к середине XX в. был накоплен некоторый опыт определения керамики раннесредневекового времени. Она относительно легко опознавалась по светлому, иногда зеленоватому цвету черепка, широкому использованию массивных псевдоподдонов, орнаментации поверхности сосудов волнистыми процарапанными линиями и косыми насечками, широким внедрением сложнопрофилированных (гребенчатых) ручек. Особенно показательны хумы с обильными специальными примесями в керамическом тесте, с выпуклыми днищами и венчиками, украшенными частыми пальцевыми вдавлениями.

К середине XX в. на основании этих признаков керамических изделий и по характерному трапециевидному силуэту руин «замков» этого времени были опознаны (часто априорно) некоторые раннесредневековые памятники подгорной полосы Копетдага. В Ахале этой работой наиболее активно занимались А. А. Марущенко, Б. А. Литвинский, А. А. Росляков и С. А. Ершов.

А. А. Марущенко, руководитель кабинета археологии в Туркменском научно-исследовательском институте истории, еще в 30-40-е годы зафиксировал ряд раннесредневековых памятников Ахала, но эти сведения остались не опубликованными и были известны только немногим его коллегам. Из наиболее известных объектов им были обследованы Куня-кала в Кешах, Парыз-депе, Тоголок-депе к северо-востоку от Геок-Тепе, Дингиль-депе, Караул-депе, Гурумсак, Елбарс-депе в районе Геок-Тепе, Эрк-депе у Келята, городище Дурун вблизи одноименного селения.

В 1947 году Б. А. Литвинский, сотрудник Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), совершил рекогносцировочное обследование территории от Багира до Парау, с уделением основного внимания памятникам периода развитого средневековья (IX-XV вв.). Может быть, по этой причине в опубликованном его отчете практически отсутствуют сведения о памятниках сасанидской эпохи[5].

В 1948-1950 гг. А. А. Росляков, тогда еще доцент Ашхабадского пединститута и руководитель кружка юных археологов, активно занимался изучением поселений в Ашхабадском районе (от Безмеина до Анау). Среди прочих он зафиксировал 13 объектов раннего средневековья. Следует отметить, что эти определения осуществлялись на основании крайне скудного подъемного материала и не всегда точны. В частности, он ошибся с определением такого важного памятника как Мансур-депе[6]. Не подтверждаются сведения А. А. Рослякова о присутствии материалов раннесасанидского времени (III-V вв.) на поселениях Гями-кала (Геами) и на Коша-депе в Безмеине. А. А. Росляков достаточно оперативно опубликовал результаты своих рекогносцировочных исследований и тем самым оказал неоценимую услугу науке. Это самое полное (по широте охвата) описание памятников Ашхабадского района[7].

---

1 Жуковский 1894.
2 Pumpelly 1908.
3 Пилипко 1994; Логинов 1998.
4 Марущенко 1949.
5 Литвинский 1953.
6 Росляков 1955, 87-88.
7 Росляков 1955.

В 1950-1951 гг. более масштабное и тщательное обследование археологических памятников подгорной полосы Копетдага осуществил С. А. Ершов, сотрудник Музея истории Туркменистана. В результате этой поездки и обобщения данных своих предшественников для территории Ахала, то есть «культурной полосы» между Кизил Арватом и Гяурсом, им было учтено 59 археологических объектов. Примерно для четверти из них предполагается функционирование в период раннего средневековья. Определить точное количество соответствующих памятников не представляется возможным, так как в то время С. А. Ершов еще не обладал достаточным опытом полевых исследований и в его определениях встречаются ошибки.

С. А. Ершов также подробно изложил результаты своих исследований в работе «Археологические памятники Туркмении», которая имела вид вполне законченной монографии. Предполагалось, что она будет представлена в качестве диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Однако по неизвестным мне причинам защита не состоялась. Рукопись не была опубликована, но ее переплетенные экземпляры долгое время хранились в Институте истории АН Туркменистана и Ашхабадском историческом музее. Этот справочник активно использовался ашхабадскими археологами. Но к настоящему времени оба экземпляра рукописи утеряны.

Следующее по времени обобщение о памятниках эпохи раннего средневековья времени сделал А. Губаев. Им была подготовлена и успешно защищена (1967 г.) кандидатская диссертация на тему «Памятники сасанидского времени в Южном Туркменистане». Однако в изучение памятников Ахала эта работа существенного вклада не внесла, так как диссертация в основном построена на материалах раскопок поселения Ак-депе у Артыка (в соседнем Этеке). О памятниках Ахала в ней и тем более в автореферате; (сама работа не была опубликована) содержатся самые общие сведения, преимущественно заимствованные у предшественников — А. А. Рослякова и С. А. Ершова [8].

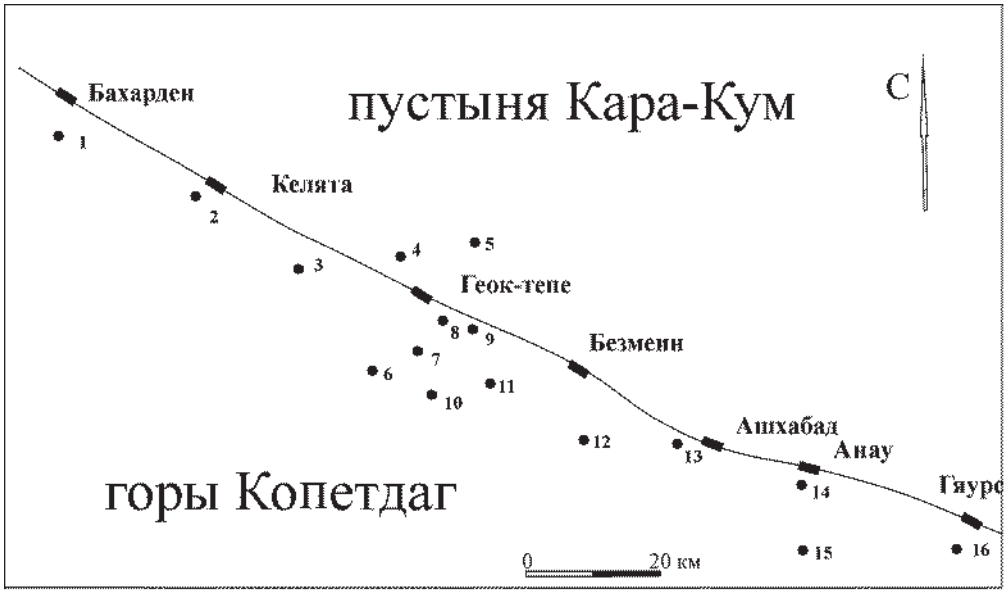


Рис. 1. Схема расположения раннесредневековых памятников на подгорной равнине Копетдага между Бахарденом и Гяурсом.
1 — Дурун; 2 — Эрк-депе у Яраджи; 3 — Ёлбарс-депе; 4 — Дингиль-депе; 5 — Тоголок-депе; 6 — Камышлы; 7 — Гурумсак-депе; 8 — Говдуз-депе; 9 — Яндаклы-депе; 10 — Гаш-депе; 11 — Караул-депе; 12 — Новая Ниса; 13 — Куня-кала в Кеши; 14 — городище Анау; 15 — Тоголок-депе на р.Кельтечинар; 16 — Старая крепость в Гяурсе.

[8] Губаев 1967.

Следует отметить, что в методическом отношении перечисленные исследования, за исключением работ Б. А. Литвинского в 1947 г., проводились на низком уровне. Об археологических объектах сообщались крайне скупые и приблизительные сведения. Традиционное описание содержало примерное указание на местонахождение объекта. Оно часто ограничивалось названием района и колхоза, на территории которых располагался памятник, что в условиях частой смены этих названий создает большие трудности для современных исследователей. Планы поселений, даже глазомерные, как правило, не фиксировались. Указывались примерные размеры и форма холма. Практически все предлагаемые датировки, особенно «уточненные», нуждаются в обязательной проверке.

В условиях отсутствия целевых программ по изучению памятников эпохи раннего средневековья, накопление информации проходило от случая к случаю. Красноречивым примером может служить важнейший археологический памятник области — городище Новая Ниса. Об интенсивности его освоения в период раннего средневековья до сих пор нет четких данных[9] . Утверждения об активном функционировании города Ниса в рассматриваемый период базируются на показаниях письменных источников, свидетельствующих о том, что накануне арабского завоевания здесь был свой «царь», и редких находках предметов материальной культуры этой эпохи. Особо следует отметить находку на городище золотой византийской монеты V века[10].

Изучение памятников раннего средневековья в этот период сдерживалось несколькими обстоятельствами. Они были большими и хорошо заметными. Общее эпохальное их определение по подъемному материалу не составляло большого труда. Но в условиях мизерного финансирования раскопки их представлялись очень проблематичными, так как исследования средневековых «замков» требовали многолетних масштабных раскопок. К слову сказать, ни один из раннесредневековых памятников Южного Туркменистана до сих пор полностью не раскопан.

В 50-х — первой половине 60-х годов XX века раскопки памятников сасанидского времени на территории Ахала по-прежнему не проводятся.

В конце 60-х годов ситуация несколько изменилась. Наряду с раскопками на бюджетные деньги, появилась возможность проводить дополнительные исследования по хоздоговорным темам. Каракумский канал достиг территории Ахала и стали выделяться некоторые средства на предварительное археологическое обследование зоны освоения. В рамках этой программы А. Губаев и Г. А. Кошеленко в 1967 г. осуществили целевое обследование памятников периода раннего средневековья на территории Геоктепинского района с уделением основного внимания мелким, еще не стоящим на специальном учете объектам. На некоторых из них для уточнения датировки закладываются контрольные шурфы, а на поселении Гаш-депе проводятся небольшие раскопки. На основном холме изучаются остатки оборонительных сооружений, возникших в позднеаршакидский период и продолжавших функционировать при ранних Сасанидах. В пределах прилегающего посада раскопаны четыре горна для обжига керамики, датированные сасанидским временем. Печи двухъярусные, с диаметрами обжигательных камер от 162 до 212 см.[11] Контрольные раскопки были проведены также на поселении Шор-депе, расположенном примерно в 2 км юго-восточнее Гаш-депе, и состоящее из двух небольших холмов, вероятно, представляющих остатки двух отдельных зданий. Оба они функционировали в сасанидское время. В 1970 г. этими же исследователями была организована ознакомительная поездка по Бахарденскому району, преимущественно ориентированная на изучение современного состояния памятников парфянского и сасанидского времени. Сведения об этом маршруте не нашли отражения в печати.

В рамках этой же программы А. Губаев и Х. Юсупов в 1974-1975 гг. предприняли попытку изучения стратиграфии поселения Кодж-депе (Гоч-депе) у одноименной железнодорожной станции, но работы остались незавершенными Среди прочих, здесь выявлены материалы раннесредневекового времени[12].

В фиксации и изучении памятников сасанидского времени принимал участие Отряд по изучению памятников парфянского времени Института истории АН ТССР, в дальнейшем «для солидности» и краткости получивший название Парфянской экспедиции. В 1967 г. были проведены

[9] Массон 1949.
[10] Вязигин 1951.
[11] Губаев, Кошеленко 1968; Губаев 1968.
[12] Губаев, Дурдыев, Юсупов 1975; 1976; Губаев, Юсупов 1979.

контрольные раскопки на поселении Яндаклы-депе (Яйлы), расположенном в 7 км юго-восточнее райцентра Геок-Тепе. С. А. Ершов датировал его античным периодом. Но контрольные раскопки показали, что кроющий слой этого памятника относится к сасанидскому времени[13]. В 1970 г. Парфянской экспедицией был организован маршрутный проезд по Ахалу (от Парау до Анау). Основное внимание при этой поездке уделялось памятникам парфянского времени, но фактически осматривались все встречавшиеся на пути археологические объекты, в том числе фиксировались и остатки поселений раннесредневекового времени, оценивались перспективы их последующего изучения.

В дальнейшем Парфянская экспедиция при исследованиях на территории Геоктепинского района, продолжала уделять внимание памятникам сасанидского периода. Объясняется это тем, что мне хотелось иметь представление о дальнейшем развитии местной культуры в постаршакидское время. В экспедиции была выделена группа во главе с В. Ю. Вдовиным, которой было поручено заниматься именно этими памятниками. В рамках этой программы проведены относительно широкие раскопки на Яндаклы-депе, раскопана примерно четвертая часть кроющего слоя поселения (около 2000 кв.м.).

На поселении Овлия-депе, расположенном на землях сельсовета Келеджар, проведены контрольные раскопки, выявившие внешние контуры, некогда расположенного здесь оригинального архитектурного сооружения. Оно представляло собой в плане правильный круг диаметром около 17 м. Вход в него фланкировали две мощные полуовальные башни. Раскопки внутренней части здания оказались невозможными по этическим мотивам; вершина холма оказалась занята кладбищем относительно недавнего происхождения. Судя по найденной при раскопках керамике, основной период функционирования этого сооружения приходился на сасанидский период.

В 1983 г., специально для ознакомления В. Ю. Вдовина с памятниками сасанидского периода, была проведена новая маршрутная поездка по всей территории Ахала, во время которой осуществлялся целенаправленный сбор подъемного материала, проводилась глазомерная съемка планов некоторых поселений. Тогда же было осуществлено более детальное обследование горной части долины реки Кельтечинар[14]. В 1985-1986 гг. на поселении Тоголок-депе, расположенном примерно в 8 км северо-восточнее железнодорожной станции Геок-Тепе, после предварительных стратиграфических исследований был почти полностью раскопан кроющий слой.

Собранный материал в 1986 году был обобщен В. Ю. Вдовиным и представлен на предварительное обсуждение в Отдел Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) в качестве основы для диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и в целом получил положительную оценку.

Но в начале 1987 г. В. Ю. Вдовин погиб в автодорожной катастрофе, так и не подготовив окончательного варианта диссертации. За время работы над данной темой им была подготовлена большая обобщающая статья, посвященная итогам раскопок поселения Яндаклы-депе. Эта работа представляет собой практически первую публикацию археологического комплекса сасанидского времени с территории Ахала[15]. Кроме того, им было опубликовано несколько относительно мелких заметок на данную тему: «К вопросу об оттисках печатей на сосудах»[16], «Металлические изделия Яндаклы-депе»[17], «Хумы парфянского и сасанидского времени Парфиены и Апаварктикены»[18], предварительное сообщение о начале раскопок на Тоголок-депе[19]. Совместно с В. А. Никаноровым опуликована заметка о фрагменте металлического доспеха с Тоголок-депе (1991).

В указанный вариант кандидатской диссертации В. Ю. Вдовина не вошли результаты его уже полностью самостоятельных работ на Тоголок-депе 1986 года. Эти материалы, к сожалению, не были даже полностью обработаны. В том же году совместно с Э. А. Мурадовой он провел стратиграфические работы на Чиле-депе около железнодорожной станции Бами, кроющий слой которого относится к раннесредневековому времени. Результаты исследований опубликованы Э. А. Мурадо-

[13] Пилипко 1968, 31-34.
[14] Pilipko 2000.
[15] Вдовин 1992.
[16] Вдовин1983а.
[17] Вдовин 1983б
[18] Вдовин 1984.
[19] Вдовин 1987.

вой под двумя фамилиями, но материалам сасанидского времени в данной публикации уделено минимальное внимание[20]. Чистовой вариант рукописи диссертации В.Ю. Вдовина мне, к сожалению, обнаружить не удалось. Его родственниками в Институт истории АН ТССР были переданы лишь несколько черновых предварительных набросков к ней и текст доклада, прочитанного на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА в Ленинграде.

После смерти В.Ю. Вдовина собранные им материалы не были востребованы и не были приняты меры по их полному сохранению. В результате организационных преобразований Института истории Туркменистана и его переселения в другое здание коллекция находок с Тоголок-депе пришла в расстройство, и сейчас нет уверенности, что она сохранилась хотя бы частично.

После 1986 г. целенаправленно изучением раннесредневековых памятников Ахала никто не занимался. Некоторые дополнительные данные были собраны автором данного обзора при выполнении других научных задач. При стратиграфических работах на Парыз-депе получены сведения об освоении этого поселения в раннесредневековую эпоху, в том числе создателями керамики яндаклинского типа. Контрольное изучение в 1989 г. стратиграфии цитадели поселения Караул-депе в округе (сельсовете) Шор-кала Геоктепинского района, выявило мощные отложения сасанидского времени. При этом получен небольшой, но выразительный комплекс находок. Аналогичные работы были проведены на поселение Говдуз-депе, где кроющие слои также относятся к раннесредневековому периоду.

В 1990-1992 гг. организована новая инспекторская поездка по всему Ахалу, пополнившая банк данных о памятниках сасанидского времени. Интересные результаты были получены при рекогносцировочном обследовании межгорной долины Дешт — Сайван - Ходжа-кала. Для данной темы важен и интересен факт освоения этой территории носителями яндаклинской культуры[21].

Основная масса этих материалов продолжает оставаться неопубликованной. Наиболее доступным источником о материальной культуре Ахала в раннесредневековый период остается статья В.Ю. Вдовина, посвященная раскопкам Яндаклы-депе. Важно отметить, что это первые относительно крупные раскопки памятника сасанидского времени на территории Ахала. Однако материальная культура этого поселения отличается большим своеобразием и есть основания предполагать, что в нем обитали переселенцы из каких-то других мест. Материальная культура «яндаклинцев» заметно отличалась от традиций исконного аборигенного населения области Ниса.

Скудность источников и своеобразие материальной культуры Яндаклы делают понятным отсутствие сведений об области Ниса в обобщающей работе по раннесредневековой археологии Средней Азии[22].

Все это делает настоятельной необходимостью публикацию всего ранее накопленного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Вдовин В.Ю. 1983а: К вопросу об оттисках печатей на сосудах // Памятники Туркменистана. Ашхабад. 1, 15-16.

Вдовин В.Ю. 1983б: Металлические изделия Яндаклы-депе // Изв. АН ТССР. Серия общественных наук. Ашхабад. 5.

Вдовин В.Ю. 1984: Хумы парфянского и сасанидского времени (Парфиены и Апаварктикены) // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 80-95.

Вдовин В.Ю. 1987: Раскопки верхнего слоя Тоголок-депе // Археологические открытия 1985 года. М.

Вдовин В.Ю. 1992: Итоги исследования поселения Яндаклы-депе // Археологические исследования в Туркменистане. Ашхабад, 47-102.

Вдовин В.Ю., Никаноров В.П. 1991. Фрагменты панцирного доспеха позднесасанидского времени из Тоголок-депе // Изв. АН ТССР. Серия гуманитарных наук. Ашхабад, 4.

Вдовин В.Ю., Мурадова Э.А. 1993: Стратиграфические исследования на Чиле-депе // Изв. АН Туркменистана. Гуманитарные науки. 3, 29-47.

[20] Вдовин, Мурадова 1993.
[21] Пилипко 2009.
[22] Кошеленко, Гаибов, Губаев 1999.

Вязигин С.А. 1951: Византийский солид V века с городища Новая Ниса // Изв. Туркменского филиала АН СССР. 3, 90-91.

Губаев А. 1967: Памятники сасанидского времени в Южном Туркменистане. АКД. Л.

Губаев А. 1968: Гаш-депе // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 2.

Губаев А., Кошеленко Г.А. 1968. Изучение античных и раннесредневековых памятников // Каракумские древности. Вып. 1, 36-42.

Губаев А., Дурдыев Д., Юсупов Х. 1975: Раскопки на Гочдепе // Археологические открытия 1974 года. М.

Губаев А., Дурдыев Д., Юсупов Х. 1976: Второй сезон работ на Гочдепе // Археологические открытия 1975 года. М.

Губаев А., Юсупов Х. 1979: Археологические работы на Гоч-депе // Каракумские древности. Вып. 8, 63-74.

Жуковский В.А. 1894: Развалины Старого Мерва. Материалы по археологии России. 16, СПб.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Губаев А. 1997: Северный Хорасан // Средняя Азия в раннем средневековье // Археология, 16-29.

Литвинский Б.А. 1953: Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ 1947 г. в Бахарденском районе ТССР // Тр. ЮТАКЭ.Т. 2. Ашхабад, 253-314.

Логинов С.Д. 1998: К истории археологического изучения древнейших городов Южного Туркменистана // Культурные ценности — 1996, 166-169. СПб.

Марущенко А.А. 1949: Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 года // Материалы ЮТАКЭ. Вып.1, 182-183. Ашхабад.

Массон М.Е. 1949: Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т.1, 16-115. Ашхабад.

Массон М.Е. 1953: Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 2, 7-72. Ашхабад.

Пилипко В.Н. 1968: Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе // Каракумские древности. Вып. 1, 30-35. Ашхабад.

Пилипко В.Н. 1972: Исследование античных памятников в Северной Парфиене в 1970 году // Каракумские древности. Вып. 4, 74-87. Ашхабад.

Пилипко В.Н. 1987: Раскопки на городищах Нисы // Археологические открытия 1985 года. М.

Пилипко В.Н. 1994: Из истории изучения Мерва: раскопки 1936-1937 годов // Мерв в древней и средневековой истории Востока, Мерв древний - Мары современный. ТДК. Мары.

Пилипко В.Н. 2009: Археологические памятники долины Дешт — Сайван — Ходжакала. Северо-западный Копетдаг. Итоги рекогносцировочногообследования // Центральная Азия и Южная Сибирь, 171-211 М.

Росляков А.А. 1955: Мелкие археологические памятники в окрестностях Ашхабада // Тр. ЮТАКЭ. Т. 5, 71-103. Ашхабад.

Pilipko V. 2000: Archaeological sites of the Keltechinar river valley (South Turkmenistan) // International association for the study of the cultures of the Central Asia. Information Bulletin. Issue 22. Moscow.

Pumpelly R. 1908: Exploration in Turkestan. Vol. 1. Washington.

Приложение 1

Архивные материалы

Архив Отдела древней истории Института истории Академии наук Туркменистана
(Данный архив не систематизирован и сейчас нет возможности ссылаться на архивные описи)

Вдовин В.Ю. «Стратиграфия верхних слоев Тоголок-депе». Машинопись. 6 стр. Предварительный набросок неопубликованной статьи.

Вдовин В.Ю. «Отчет о раскопках на Тоголок-депе в июне-июле месяце Геоктепинского археологического отряда Сектора древней и средневековой археологии под руководством мл.н.с. Вдовина В. Ю. Машинопись. 16 стр. (без иллюстраций).

Вдовин В. Ю. Неполный черновик рукописи «Раннесредневековые памятники Ахала». Перемежающийся машинописный и рукописный текст.

Ершов С. А. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Музея истории Туркменского филиала АН СССР в 1950 г. Ашхабад, 1950 г. Машинопись. 26 стр.

Ершов С. А. К истории археологического изучения Туркмении. Машинопись 36 стр. Выходные данные отсутствуют. Рукопись предположительно создана в начале 50-х годов XX в.

Ершов С. А. Археологические памятники Туркмении. Монография. Машинопись. Современное местонахождение рукописи точно не известно.

Архив Института археологии РАН

Материалы личного архива А. А. Марущенко (Фонд 15).

Сведения о памятниках подгорной полосы Копетдага содержатся во множестве дел. Наибольший интерес представляют:

Дело 2. Полевые дневники за 1930 г.

Дело 3. Полевые дневники за 1931 г.

Дело 10. Дневник разведок в Геоктепинском районе. 1939 г.

Дело 12. Разведка Ашхабад — Келята. 1950 г.

Дело 29. Поездка по трассе 3-ей очереди Каракумского канала. 1967 г.

HISTORY OF ARCHEOLOGICAL STUDY OF EARLY MEDIEVAL MONUMENTS OF AKHAL

V. N. Pilipko

The survey contains information concerning both published and unpublished study of Sassanid period monuments on Akhal territory (central part of Kopetdagh Mts foot). The research is still in its infancy. Relatively significant excavations are carried out only on two settlements – Yandakly-depe and Togolok-depe. Togolok-depe materials are not published yet, which refer equally to lesser-scale works on Gondus-depe and Karaul-depe.

Key words: Central Asia, South Turkmenistan, Akhal, archeology, material culture, Sassanid period

---

© 2012

Р. В. Тихонов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ БАКТРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (КОНЕЦ 1990-х — НАЧАЛО 2000-х гг.)

Данная статья посвящена рассмотрению истории изучения эллинистической керамики Бактрии на современном этапе. В указанный период времени керамика становится специальным объектом исследований, чему способствовали накопление знаний и результаты новейших археологических исследований. В современной историографии следует отметить работы Б. Лионе, С.Б. Болелова, О. Цеповой, А.А. Восковского, Л.М. Сверчкова, Ж.Д. Лернера, К. Абдуллаева, Р.В. Тихонова.

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, керамика, история изучения

Тихонов Роман Владимирович — ассистент кафедры всеобщей истории ЕГУ имени И. А. Бунина. E-mail: 478042316789@mail.ru

Современный этап изучения эллинистической керамики Бактрии несколько отличается от советского периода. Это главным образом заключается в том, что в конце XX — начале XXI вв. керамика становится специальным объектом исследования. В этот период благодаря усилиям сотрудников многочисленных археологических экспедиций скапливаются данные по эллинистическим культурным слоям. В первую очередь следует отметить керамический комплекс из Кампыртепа и Курганзола, который позволил сделать ряд наблюдений и уточнений относительно датировки и развития гончарного дела. Кроме того, определенные результаты были получены в ходе изучения керамики, полученной на Тахти-Сангине[1], Душанбинском городище[2] и памятниках Кулябского региона[3].

Все это привело к появлению достаточного количества публикаций, включая монографические работы. Повышенный интерес к керамическому ремеслу не случаен, поскольку нередко керамика является единственным датирующим материалом археологического слоя, а иногда и памятника.

Монографическая работа Б. Лионне посвящена керамике Средней Азии от халколита и вплоть до арабского времени. В ней представлен достаточно подробный анализ эллинистической посуды с памятников Северного Афганистана (Ай-Ханум, Арчи, Кундуз, Калафган и др.). В основу классификации эллинистической керамики Бактрии была положена цветовая гамма глиняного черепка, которая была предложена Ж.-К. Гарденом для описания комплекса из Ай-Ханум[4]. В каждой из категорий посуды выделяются группы, серии, варианты. Тип сосуда используется в качестве одного из немногих датирующих элементов на основе сравнения с керамикой как данного региона (т.е. Восточной Бактрии), так и эллинистического мира в целом[5].

Однако ряд выводов исследовательницы, касающихся хронологии, остается спорным, поскольку каких-либо археологических раскопок на вышеуказанных памятниках не проводилось, а материал, положенный в основу работы Б. Лионне, является подъемным[6].

Тем не менее, появление данной работы является одним из знаменательных явлений среднеазиатской археологии конца XX столетия, а по выражению Г. А. Кошеленко и З. В. Сердитых «прекраснейшее знание керамики, полученной при разведках, сочетается со столь же глубоким знанием тех материалов, которые привлекаются для сравнения. Б. Лионе не только по публикациям знакомилась с керамикой соседних с Восточной Бактрии регионов (хотя ее знание этой литературы практически исчерпывающее), но ее знания основываются также и на исследовании de visu огромного керамического материала во время многочисленных поездок по республикам Средней Азии, Пакистану, Индии. В связи с этим укажем, что подавляющее большинство выводов Б. Лионне не могут вызывать никаких сомнений»[7].

В начале XXI в. начинают активно издаваться и анализироваться материалы, полученные в ходе исследований на городище Кампыртепа. Среди них особо следует отметить работы С.Б. Болелова, О. Цеповой, А.А. Восковского.

С. Б. Болеловым изучена гончарная мастерская III–II вв. до н. э., представленная двумя керамическими обжигательными горнами. Они были обнаружены у северо-западного угла крепостной стены нижнего города. Также на данном участке расположена квадратная в плане яма, заполненная производственным мусором и землянка, служившая жилищем гончара. В процессе раскопок получен комплекс керамики, включающий в себя 54 сосуда. Среди них преобладают кубки, чаши, тарелки. Кроме того, в данной статье характеризуется керамическое производство Северной Бактрии эпохи эллинизма.

На материалах, полученных в ходе изучения нескольких городищ (Саксанохур, Дальверзинтепа, Кампыртепа, Ай-Ханум), исследователь выделил два типа горнов. По его мнению, если двухъярусный обжигательный горн появился в результате развития местной традиции, то округлый двухъ-

---

[1] Дружинина 2004, 225-227; 2005, 89, 96; Дружинина, Инагаки 2008, 49; 2009, 103; Дружинина, Инагаки, Худжагелдиев 2010, 202; Дружинина, Худжагелдиев, Ротт 2008, 56, 59; Drujinina, Boroffka 2006, fig. 3, 6.

[2] Абдуллаев 2005, 154-161.

[3] Якубов, Довуди, Филимонова 2006, 161-163.

[4] Gardin 1973, 121-188.

[5] Lyonnet 1997, 122-147.

[6] Lyonnet 1997, 149-154.

[7] Кошеленко, Сердитых 2000, 229-230.

ярусный горн с опорным столбом или опорной стенкой в топочной камере демонстрирует греческое влияние[8]. В пользу своей точки зрения исследователь приводит аналогии с памятников Балканской Греции, где подобные обжигательные устройства известны уже на рубеже позднеклассического и раннеэллинистического времени[9].

Публикации О. Цеповой посвящены изучению декорированной посуды. Автор не только рассматривает виды штампов с вышеуказанного памятника, но и затрагивает вопросы хронологии, а также исследует причины появления штампового орнамента в Бактрии. По ее мнению, он появляется в III в. до н. э. «после похода Александра Македонского и вхождения Бактрии в греческий мир»[10]. В свою очередь данный вывод исследовательницы нельзя применять для Бактрии в целом. Для эпохи эллинизма определенное количество посуды, орнаментированной штампом известно в Ай-Ханум[11] и, возможно, Тахти-Сангине[12], а для других населенных пунктов страны она не характерна[13]. И только лишь в кушано-юечжийское время штампованная посуда широко распространяется в Бактрии[14].

А. А. Восковский дал характеристику керамическому комплексу из нижних слоев, полученному в результате работ на участке между фасом крепостной стены цитадели и рвом памятника. Автор не только описывает основные формы сосудов, но и подчеркивает некоторые особенности комплекса керамики КТ–1. Среди них следует отметить отсутствие на сосудах ангобного покрытия и рыбных блюд, которые с течением времени становятся одним из популярных типов посуды. На основе изучения стратиграфии слой КТ–1 был датирован последней четвертью IV в. до н. э.[15].

Большое значение для изучения эллинистической керамики Бактрии имеют материалы, полученные сотрудниками Байсунской археологической экспедицией под руководством Л.М. Сверчкова. Именно они провели исследование уникального памятника — крепости Курганзол, поскольку ее существование не выходит за хронологические границы эпохи эллинизма в Бактрии.

Особенностями керамики первого периода являются следующие: редкое темно-коричневое ангобное покрытие, наличие единичных сосудов на кольцевом или дисковидном поддоне, а также таких форм, как кубки, полусферические чаши, фиалы, чаши с Т или Г — образным в сечении венчиком, рыбные блюда, кувшины, горшки, кратеры, лепные котлы на округлом и плоском дне, с двумя или четырьмя круглыми и овальными ручками-упорами[16]. Датировка данного комплекса основывается на радиоуглеродном анализе образцов арчи, согласно которому было установлено, что основание крепости приходится на период времени не позже 320 гг. до н. э.[17].

В современной историографии также появляются работы, в основе которых лежат полученные материалы археологических исследований разных лет. К таковым можно отнести научные статьи Ж.Д. Лернера, К. Абдуллаева, Б. Лионне, Р.В. Тихонова.

Работа Ж. Д. Лернера направлена на уточнение периодизации керамики греческого города Ай-Ханум. Так, например, автор считает, что IV период должен быть датирован не 250–225 гг. до н. э., а 260–220 гг. до н. э. Одним из главных аргументов в пользу своей точки зрения, Ж. Д. Лернер приводит анализ керамических форм и в частности «мегарских чаш»[18].

К. Абдуллаев выделил греческие типы в керамике Бактрии и Согдианы в хронологический период времени от эпохи эллинизма и вплоть до раннего средневековья. К ним были отнесены амфора, кратер, аск, ритоны, ойнохои, рыбные блюда и «мегарские чаши»[19]. На наш взгляд, вышеу-

[8] Болелов 2001, 21.
[9] Болелов 2001, 21-23.
[10] Цепова 2001, 102.
[11] Schlumberger, Bernard 1965, fig. 11-13; Gardin 1973, 169.
[12] Drujinina, Boroffka 2006, 61, fig. 3, 6.
[13] Некрасова, Пугаченкова 1978, 144-146; Пидаев 1991, 219; Болелов 2001, 17-19; Сверчков, Восковский 2006, 22-28; Сверчков 2007, 35-61.
[14] Мандельштам, Певзнер 1958, 302-303; Пидаев 1975, 67-70; Сычева 1978, 25; Денисов 1980, 104.
[15] Восковский 2003, 50.
[16] Сверчков 2007, 35-47.
[17] Сверчков 2010, 88; Gorsdorf 2007, 65-66.
[18] Lerner 2005, 470.
[19] Абдуллаев 2010, 48-57.

казанными типами не ограничивается ассортимент греческой посуды в Бактрии. К таковым можно также отнести чаши на невысоком поддоне с плавно расширяющимися вверх стенками и небольшие полусферические чаши с плоским дном, стенками, плавно расширяющимися в верхней части сосуда и не выделенным венчиком, а также арибаллы, алабастры[20].

Б. Лионне попыталась определить абсолютную датировку керамических комплексов Средней Азии на примере Ай-Ханум, Афрасиаба и Коктепа. При решении данного вопроса исследовательница уделила внимание рассмотрению набора основных типов посуды без фактического учета стратиграфии того или иного памятника[21].

На наш взгляд, разработать абсолютную датировку эллинистической керамики Бактрии с учетом имеющихся на данный момент времени материалов крайне затруднительно, поскольку греческие традиции в регионах страны явно внедрялись с различной степенью интенсивности и, возможно, не одновременно. В данном случае достаточно убедительной выглядит гипотеза Б. А. Литвинского о нескольких зонах эллинизации страны[22].

Кроме иноземного заимствования, продолжают свое развитие и местные традиции. Они выражены в бытовании «баночных» сосудов, некоторых типов столовой и в большинстве своем кухонной и хозяйственной посуде. Кроме того, исконно восточными остаются способы формовки и приемы декоративного оформления (простой орнамент, ангобирование)[23].

В статье Р. В. Тихонова автором подвергся изучению вопрос о времени и обстоятельствах появления штампового орнамента в Бактрии. Материалы археологических исследований свидетельствуют о том, что штамповый орнамент впервые появляется в Бактрии эллинистического периода, главным образом в районах, наиболее затронутых эллинистической традицией[24].

Увеличение количества керамики, орнаментированной штампом в позднеэллинистическоюечжийское время, видимо, следует связать с развитием международных торговых и культурных связей, проводником которых служил Великий Шелковый путь, несомненно, проходивший через территорию Бактрии[25]. Яркий пример подобного процесса дают материалы крепости Кампыртепа, которая охраняла переправу через Амударью на одном из участков пути. Здесь были обнаружена не только керамика с круговой росписью, характерной для Хорезма, гребень из слоновой кости с сюжетами индийского происхождения, парфянские монеты, зеркала китайского типа, но и достаточное количество керамики, орнаментированной штампом, включая амфору[26].

Из последних работ по проблемам эллинистической керамики Бактрии следует отметить несколько статей, вышедших в сборнике Материалов Тохаристанской экспедиции[27]. Автор одной их них, С. Б. Болелов, опубликовал результаты археологического изучения юго-восточной части цитадели городища Кампыртепа. В данной части поселения им был обнаружен производственный центр эпохи эллинизма. В пределах, заложенного раскопа открыты и изучены 7 обжигательных керамических горнов, которые не находят себе аналогий на территории Средней Азии в целом. По мнению исследователя «на территории крепости функционировало домашнее производство, где, возможно, работали гончары — члены соседской общины, удовлетворяющие потребности жителей поселения в глиняной посуде по мере необходимости в течение всего года»[28].

В процессе раскопок на данном объекте получен достаточно выразительный керамический комплекс. Большая часть посуды изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, но встречается определенное количество сосудов, сформованных ручной лепкой. В комплексе представлена как ангобированная, так и не ангобированная посуда. В группе столовой керамики преобладают чаши, кубки, кратеры. Хозяйственная керамика включает в себя кувшины, крупные горшки и горш-

---

[20] Bernard, Le Berre, Stucki 1973, 100-101; Gardin 1973, 164-165; Rapin 1992, pl. 72, 12.
[21] Lyonnet 2010, 141-146.
[22] Литвинский 2000, 218.
[23] Тихонов 2011а, 95-101.
[24] Тихонов 2011а, 195.
[25] Ртвеладзе 1999, 50-51.
[26] Сердитых, Кошеленко 1999, 363; Никоноров 2000, 131-138; Цепова 2000, 108; Ртвеладзе 2000, 86-90.
[27] Имеется ввиду выпуск 8.
[28] Болелов 2011, 71.

ковидные сосуды, а также хумы и хумчи. Полученный керамический комплекс является в своем роде эталоном для датировки отдельного периода эллинистической эпохи, поскольку он относится ко времени правления греко-бактрийского царя Евтидема (230-200 гг. до н. э.), что подтверждает обнаруженная монета[29].

В другой статье вышеуказанного сборника исследуются проблемы датировки раннеэллинистических комплексов Бактрии. По мнению автора, на основании стратиграфии ряда памятников и изучения морфологических особенностей сосудов, непременным атрибутом керамики конца IV в. до н.э. является достаточное количество цилиндроконических форм с подкосом в придонной части сосуда, которые получили свое распространение в предыдущий период[30]. Данное предположение подкрепляется материалами некоторых памятников Бактрии, а именно, Тамошотепа, Болдайтепа, Кызылча 6, Дильберджин[31].

Подобная ситуация прослеживается и на материалах всего среднеазиатского региона. Так, например, для Мервского оазиса конца IV — начала III вв. до н.э. характерна керамика типа Яз III и только начиная примерно с 280 г. до н.э. керамический комплекс, сочетающий в себе черты Яз III и раннеэллинистической керамики[32]. На Афрасиабе также наблюдается уменьшение цилиндроконических сосудов с начала III в. до н.э. и соответственно увеличение эллинистических типов[33]. Эллинистические традиции в керамическом производстве Еркургана (ЕК 5) утверждаются только лишь со второй половины III в. до н.э.[34].

В заключение следует отметить, что, несмотря на достаточное количество работ отечественных и зарубежных археологов, в которых так или иначе затрагивается проблематика эллинистической керамики Бактрии, все же имеется ряд малоизученных вопросов.

Во-первых, остается во многом невыясненной специфика технологического производства керамики не только страны в целом, но и отдельных памятников в частности. Справедливости ради можно отметить, что только лишь в статье Ш. Р. Пидаева приводится химический состав керамики греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза, который позволил автору сделать ряд наблюдений относительно технологии изготовления керамики термезскими гончарами[35]. Здесь также следует отметить работу С.В. Вивденко, в которой затрагиваются вопросы о перспективах спектрального анализа для изучения керамики Северной Бактрии эпохи поздней бронзы, раннего железа и кушанского времени. Исследование позволило выявить общие закономерности и специфику технологического производства поселений Северной Бактрии в указанный хронологический период[36].

Во-вторых, дискуссионными являются вопросы датировки. Их решение затрудняется наличием небольшого числа условно-закрытых керамических комплексов. Более чем за 50 лет археологических исследований удалось выявить всего три керамических комплекса, которые датируются на основе найденных монет. Это керамика времени правления Евтидема с городища Старого Термеза[37] и Кампыртепа[38], Антимаха Теоса с Джигатепа[39].

В-третьих, остается так и не разработанной обобщающая классификация эллинистической керамики Бактрии. В среднеазиатской археологии представлено несколько монографических работ, в которых затрагиваются вопросы классификации керамики, относящейся к раннему средневековью[40].

Также следует отметить совместную статью Г. В. Шишкиной и С.Б. Болелова. В ней на примере материалов Самаркандского Согда, полученных в ходе работ Среднеазиатской археологической

---

29 Болелов 2011, 58-63.
30 Тихонов 2011б, 202-211.
31 Тихонов 2011б, 204-208.
32 Гаибов 2004, 606.
33 Исамиддинов 2002, 143-146.
34 Сулейманов 2000, 163-165.
35 Пидаев 1991, табл. 1.
36 Вивденко 1987, 39-41.
37 Пидаев 1991, 223.
38 Болелов 2011, 62.
39 Пидаев 1984, 115, 118.
40 Маршак 1970, 25-52; Литвинский 1973, 7-16; Соловьев 1996, 46-62.

экспедиции ГМВ, делается попытка всестороннего классификационного описания керамики Самаркандского Согда[41]. По мнению авторов, «формализованная система описания керамики не претендует на всеобъемлемость, но может послужить основой для разработки детальных классификаций керамических комплексов разных хронологических периодов и отдельных памятников»[42].

В свою очередь, разработать обобщающую классификацию эллинистической керамики Бактрии с учетом полученных еще начиная с 50-х гг. XX в. материалов крайне затруднительно. Это объясняется тем, что многие керамические комплексы опубликованы неполно, а ряд коллекций утеряны.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А.Л. 2005: Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001-2003 гг.) // АРТ. 30, 152-172.

Абдуллаев К. 2010: Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. 1, 46-61.

Болелов С.Б. 2001: Гончарная мастерская III-II вв. до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2 / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 15-30.

Болелов С.Б. 2011: Производственный центр эпохи эллинизма на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 8 / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Елец, 48-79.

Вивденко С.В. 1987: Применение спектрального анализа для изучения керамики Северной Бактрии // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда / Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров (ред.). Ташкент, 38-41.

Восковский А.А. 2003: Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Археологические исследования в Узбекистане / Т.Ш. Ширинов (ред.). Ташкент, 48-50.

Гаибов В.Г. 2004: Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. 14, 600-608.

Денисов Е.П. 1980: Отчет о работах Дангаринского отряда // АРТ. XV, 96-109.

Дружинина А.П. 2004: Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. XXIX, 224-236.

Дружинина А.П. 2005: Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. XXX, 86-105.

Дружинина А.П., Инагаки Х. 2008: Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. XXXII, 44-49.

Дружинина А.П., Инагаки Х. 2009: Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин // АРТ. XXXIII, 101-106.

Дружинина А.П., Инагаки Х., *Худжагелдиев Т.У.* 2010: Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. XXXIV, 191-216.

Дружинина А.П., *Худжагелдиев Т.У.*, Ротт Ф. 2008: Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. XXXII, 50-76.

Исамиддинов М.Х. 2002: История городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент.

Кошеленко Г.А., *Сердитых З.В.* 2000: B. Lyonnet. Ceramique et peuolement du chalcolitique a la conquete arabe (Prospections archeologique en Bactriane orientale (1974-1978). Sous la directions de Jean-Claude Gardin. V. 2). Paris: Editions recherchés sur les civilizations, 1997, 447 p // PA. 1, 227-234.

Литвинский Б.А. 1973: Керамика из могильников Западной Ферганы. М.

Литвинский Б.А. 2000: Бактрийский храм Окса и восточноиранский эллинизм. Проблемы и гипотезы // ВДИ. 2, 213-221.

Мандельштам А.М., *Певзнер С.Б.* 1958: Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. // МИА. 66, 290-324.

Маршак Б.И. 1970: Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Б.А. Колчин, Я.А. Шер (ред.). М., 25-52.

Некрасова Е.Г., *Пугаченкова Г.А.* 1978: Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана / Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 143-161.

Никоноров В.П. 2000: Уникальный гребень из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1 / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 131-138.

[41] Шишкина, Болелов 2010, 27-41.

[42] Шишкина, Болелов 2010, 30.

Пидаев Ш. Р. 1975: О генезисе штамповых орнаментов на керамике античной Бактрианы // ОНУ. 1, 69-73.

Пидаев Ш. Р. 1984: Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3 / И. Т. Кругликова (ред.). М., 112-124.

Пидаев Ш. Р. 1991: Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1, 210-224.

Ртвеладзе Э. В. 1999: Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник. Ташкент.

Ртвеладзе Э. В. 2000: Парфия и юечжийская Бактрия // ИМКУ. 31, 86-90.

Сверчков Л. М. 2007: Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Э.В. Ртвеладзе, Л. М. Сверчков (ред.). Ташкент, 31-64.

Сверчков Л. М. 2010: Некоторые особенности археологического комплекса конца IV в. до н. э. (крепость Курганзол) // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура / С. Б. Болелов (ред.). М., 87-88.

Сверчков Л. М., Восковский А. А. 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Д. Я. Ильясов (ред.). Ташкент, 21-46.

Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. 1999: Память о Македонии в Бактрии // ПИФК. 8, 363-367.

Соловьев В. С. 1996: Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.

Сулейманов Р. Х. 2000: Древний Нахшаб. Ташкент; Самарканд.

Сычёва Н. С. 1978: Античные элементы в керамике Северной Бактрии-Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 250-257.

Тихонов Р. В. 2011а: К вопросу о времени и обстоятельствах появления штампованной керамики в Бактрии // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. В. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. V / А.С. Балахванцев, Г. Ю. Колганова (отв. ред.). М., 192-195.

Тихонов Р. В. 2011б: К вопросу о датировке раннеэллинистических керамических комплексов Бактрии // МТЭ. Вып. 8 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Елец, 202-216.

Цепова О. 2000: Декорированная керамика Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 107-122.

Цепова О. 2001: Керамика со штамповым орнаментом из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101-112.

Шишкина Г. В., Болелов С. Б. 2010: Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ) // МКВ. Вып. 5 / Л. М. Носкова (ред.). М., 27-41.

Якубов Ю. Я., Довуди Д., Филимонова Т. Г. 2006: История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе.

Bernard P., Le Berre M. Stucki R. 1973: Architecture le Temenos de Kineas // MDAFA. T. XXI / P. Bernard (eds.). P., 85-104.

Drujinina A. P., Boroffka N. R. 2006: First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // BMM. 3, 57-69.

Gardin J.-C. 1973: Les ceramiques. Fouilles d`Ai Khanoum // MDAFA. T. XXI / P. Bernard (eds.). P., 121-188.

Gorsdorf J. 2007: Datierungsergebnisse // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Э.В. Ртвеладзе, Л. М. Сверчков (ред.). Ташкент, 65-66.

Lerner J. D. 2005: Greek ceramic period IV of Ai Khanoum // Центральная Азия: источники, история, культура / Е.А. Антонова, Т. К. Мкртычев (ред.). М., 464-476.

Lyonnet B. 1997: Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe. Prospections archeologiques en Bactriane Orientale (1974-1978). Vol. II. P.

Lyonnet B. 2010: D`Ai Khanoum a Koktepe. Questions sur la dation absolue la ceramique hellenistique d`Asie Centrale // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии / К. Абдуллаев (ред.). Ташкент, 141-153.

Rapin C. 1992: La tresorerie du palais hellenustique d`Ai Khanoum. L`apogee et la chute du royaume grec de Bactriane. MDAFA. T. XXXIII. P.

Schlumberger D., Bernard P. 1965: Ai Khanoum // BCH. 2, 590-657.

THE HISTORY OF BACTRIAN HELLENISTIC CERAMICS STUDY AT THE PRESENT STAGE (LATE 1900-S – EARLY 2000-S)

R. V. Tikhonov (Yelets)

The paper deals with the history of Bactrian Hellenistic ceramics study at the present stage when ceramics become an object of special study due to accumulated knowledge and results of the latest archeological research. The works of the following historiographers should be mentioned: B. Lyonnet, S.B. Bolelov, O. Tsepova, A.A. Voskovsky, L.M. Sverchkov, J.D. Lerner, K. Abdullaev, R.V. Tikhonov.

Key words: Bactria, Hellenism, ceramics, study history

© 2012

Е. Г. Дэвлет, М. А. Дэвлет, К. А. Швед

ПЕТРОГЛИФЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ РЕСУРС

Проект «Петроглифы Северной Евразии: научно-исследовательский ресурс», выполняемый при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№12-01-12033 в), призван ввести в современное информационное пространство значительный пласт научной информации, связанный с исследованием петроглифов – изображений на природных скальных выходах и валунах, выполненных выбивкой (пикетажем), гравировкой, пришлифовкой и другими связанными с удалением скальной поверхности способами или сочетанием этих техник. Предлагаемый сайт позволит энциклопедически обобщить сведения по важнейшим петроглифическим традициям Северной Евразии (преимущественно в пределах границ России), охарактеризовать специфику природных условий, культурно-исторических процессов, проявившихся в сложении практики создания на скалах изображений, имеющих особый облик, в неповторимости регионально-хронологических сюжетных и стилистических решений. Сведения, накопленные более чем за 250 лет исследования петроглифов, характеризуют эстетику, изобразительные каноны разных региональных культурно-исторических срезов и традиций. Многие из местонахождений петроглифов являются святилищами, местами проведения календарных праздников, и были посещаемы в моменты важнейших событий в жизни древних коллективов.

Ресурс «Петроглифы Северной Евразии: научно-исследовательский ресурс» энциклопедически обобщит данные по важнейшим районам локализации петроглифов Северной Евразии (в пределах границ России)[1]. Ресурс представляет материалы к научному описанию основных регионов наскального искусства, данные по хронологии петроглифов, доминирующих мотивах и семантиках, актуальные научно-справочные статьи по важнейшим региональным памятникам, исчерпывающий научно-справочный аппарат – указатели и новейшую библиографию. Формат Интернет-ресурса позволяет включить не только прорисовки, но и фотографии высокого качества, а также видеосюжеты по местонахождениям.

Дэвлет Екатерина Георгиевна — доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

Дэвлет Марианна Арташировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела бронзового века Института археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

Швед Кира Алексеевна — сотрудник института археологии РАН. E-mail: ia-ran@yandex.ru

[1] Дэвлет, Дэвлет 2005.

Общественная и образовательная составляющая проекта – формирование Интернет-ресурса для дистанционного приобщения к важному сегменту культурного наследия и распространению достоверной информации об изображениях на скалах. При создании сайта гарантируется не только верифицированное научное содержание статей, но акцент делается на использовании возможностей и преимуществ Интернет-ресурса в сравнении с печатными версиями трудов о наскальных изображениях, зачастую изданных в среднем полиграфическом исполнении и малыми тиражами.

Интернет-ресурс существенно оптимизирует многие аспекты научно-исследовательского труда, связанные с поиском информации о памятниках наскального искусства. На сайте будут размещены специально написанные квалифицированными петроглифистами энциклопедические статьи, электронные версии опубликованных исследований, а также фотографии и видеоролики, представляющие как сами изображения, так и природное окружение мест их локализации. Такая связка позволяет создать качественно новый инструмент формирования целостного, достоверного представления о местонахождениях, визуально подкрепленного зрительным рядом, включающим прорисовки наскальных изображений, фото- и видеоматериалы, число которых практически ничем не ограничивается. Сайт должен стать мощным медиаресурсом по хранению, распространению, обмену и восприятию информации, отражающей историю и практику создания и исследования петроглифов Северной Евразии и сопредельных, исторически сопряженных территорий.

В последние годы в области исследования наскального искусства существенное значение приобретает своевременное информирование профессионального сообщества петроглифистов и заинтересованной научной общественности о результатах исследований, особенностях примененных приемов документирования и их последствий для памятников наскального искусства.

В фокусе внимания – петроглифические традиции Северной Евразии, которые географически рассматриваются преимущественно в пределах границ России, но предполагаются также экскурсы и в сопредельные регионы. В России уже открыты и исследованы десятки местонахождений петроглифов. Доступ ко многим удаленным памятникам затруднен их местоположением, в то же время частое, в особенности неконтролируемое посещение местонахождений наскального искусства наносит петроглифам значительный ущерб и приводит к их разрушению.

Функционирование сайта, включающего в себя подборку энциклопедических текстов и множество апробированных исследовательских материалов, качественно выполненных файлов, формирующих зрительный ряд, мощный справочный аппарат, решает проблему дистанционного доступа, обеспечивая возможность осуществления своего рода «виртуального путешествия», знакомства с памятниками наскального искусства на расстоянии, прицельного изучения конкретных сюжетов и мотивов, поиск разноплановой информации о петроглифах. При создании ресурса будет максимально использоваться возможность аккумулировать достоверный научный материал, не увлекаясь сомнительными гипотезами.

Малые тиражи научной литературы и ее ограниченные каналы распространения делают Интернет важнейшим ресурсом, который еще не в полной мере востребован в профессиональной археологической среде, но чрезвычайно перспективен. Материалы сайта могут использоваться для исследовательской работы археологами-петроглифоведами, этнологами, лингвистами и представителями других смежных направлений исторических и филологических исследований, а также историками искусства, культурологами, специалистами в области управления культурным наследием. Он может быть востребован в учебном процессе и просветительской работе.

ЛИТЕРАТУРА

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. 2005: Мир наскального искусства. М.

© 2012

Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон

БОСПОРСКИЕ МОНЕТЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Коллекция А.С. Коциевского)*

В 1985 г. известный отечественный коллекционер А. С. Коциевский подарил Отделу нумизматики Государственного исторического музея свое крупное собрание античных монет Боспора и городов Северного Причерноморья. Всего коллекция А. С. Коциевского включает 568 боспорских монет, в том числе ранние монеты Пантикапея, Фанагории, Феодосии, синдов; золотые и электровые статеры ряда боспорских царей, многие редкие и уникальные экземпляры.

Ключевые слова: Государственный исторический музей, А.С. Коциевский, античные монеты, Боспор, Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Горгиппия, синды.

В 1985 г. известный отечественный коллекционер А. С. Коциевский подарил Отделу нумизматики Государственного исторического музея свое крупное собрание античных монет Боспора и городов Северного Причерноморья. Донатор — не только крупнейший коллекционер-нумизмат 1950–1980-х годов, но и прекрасный знаток монетного дела античных городов Северного Причерноморья, автор ряда работ по нумизматике Тиры[1].

Мы продолжаем издание материалов его коллекции. Монеты Ольвии и Тиры были опубликованы нами ранее в каталогах монет этих городов из собрания ГИМ[2], монеты античного Херсонеса — в наших специальных статьях[3]. Между тем боспорская часть коллекции никогда еще не издавалась в полном объеме. Опубликованы лишь ранние монеты Пантикапея, Фанагории, Феодосии, синдов[4], выпуски I в. до н.э. — середины I в. н.э.[5], а также золотые статеры боспорских царей[6]. Настоящая публикация включает полный каталог боспорских монет из коллекции А.С. Коциевского.

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Отдела нумизматики.

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Античные монеты Северного Причерноморья из новых поступлений в собрание Государственного исторического музея» (№ 10-01-00159).

[1] См.: Карышковский, Коциевский 1979, 88-98; Коциевский 1982, 117-125.

[2] Фролова, Абрамзон 2005; Фролова 2003; 2006.

[3] Фролова 2010б, 521-578; Фролова, Абрамзон 2010, 51-96.

[4] См. Фролова 1996, 34-69; 2000; Frolova 2002, 211-236; 2004.

[5] См. Фролова 1989; Frolova, Ireland 2002.

[6] Фролова 2010а.

Всего собрание А. С.Ociевского содержит 568 золотых, электровых, серебряных и медных боспорских монет VI в. до н.э. — IV в. н.э., среди которых имеются редкие и уникальные экземпляры. Наибольший интерес вызывают редкие ранние серебряные монеты Пантикапея, Фанагории, синдов, медные монеты Феодосии, а также золото Савромата II, Рискупорида III, Котиса III. В коллекцию входят также монеты Горгиппии. Царская чеканка представлена выпусками Левкона II, правителей BAE, BAM и почти всех боспорских царей от Аспурга до Рискупорида VI.

Полнота коллекции и представленные в ней редкие и уникальные экземпляры открывают новые возможности для изучения монетного дела Боспора.

Автономный период

Самые ранние монеты в коллекцииOciевского — анэпиграфные пантикапейские триоболы второй половины VI в. до н.э. с головой льва в фас на аверсе и *qudratum incusum*[7] на реверсе (№ 1-2); затем следует пантикапейское серебро V в. до н.э. (№ 3-7, 11-12), в том числе и чеканка АПОЛ (№ 8-10).

Ко второй половине V в. до н.э. относится синдский диобол типа голова Геракла в львиной шкуре вправо/вдавленный квадрат с головой коня вправо; ΣΙΝΔΩΝ[8] (№ 149).

Среди раннего боспорского серебра в коллекции присутствует и редкий диобол Фанагории конца V — начала IV в. до н.э. типа голова кабира/протома бодающего быка, ΦΑΝΑ[9] (№ 133).

Определенную редкость составляют ранние монеты Феодосии. В коллекции представлены медные выпуски: 1) начало IV в. до н.э., Аполлон или Геракл/бодающий бык вправо; ΘΕΟ (№ 129)[10]; 2) ок. 250-225 гг. до н.э., Афина/лук в горите и палица, ΘΕΥ[11] (№ 130).

Коллекцию украшают также достаточно редко встречающиеся серебряные пантикапейские монеты IV в. до н.э.: 1) обол, 400-375 гг. до н.э., бородатый сатир влево/протома льва; полумесяц; ΠΑΝΤΙ[12] (№ 13); 2) гемидрахма, ок. 375-360 гг. до н.э., бородатый сатир в ¾ вправо/лев, ΠΑΝΤΙ[13] (№ 16); 3) гемидрахма, бородатый сатир в ¾ влево/лев с копьем; ΠΑΝΤΙ[14] (№ 17); 4) драхма, ок. 360-340 гг. до н.э., бородатый сатир в ¾ влево/голова быка влево[15] (№ 18); 5) гемидрахма, ок. 340-330 гг. до н.э., безбородый сатир/лев вправо, ΠΑΝΤΙ[16] (№ 19; 6) тетробол, безбородый сатира влево/голова быка влево; ΠΑΝ[17] (№ 20).

---

7 Frolova 2004, 17, taf. 1, 9-10.
8 Frolova 2004, 64, taf. 29, 10/2.
9 Frolova 2004, 73, nr. 11/2.
10 Frolova 2004, 47, 6/2.
11 Шелов 1956, табл. IX, 110.
12 Шелов 1956, табл. III, 37.
13 Шелов 1956, табл. IV, 42.
14 Шелов 1956, табл. IV, 41.
15 Шелов 1956, табл. IV, 44.
16 Шелов 1956, табл. IV, 45.
17 Анохин 1986, табл. 3, 122.

Полно представлены в коллекции и пантикапейские выпуски III в. до н.э. Наибольший интерес вызывают монеты Левкона II (ок. 240-220) всех трех номиналов — оболы[18] (№ 72-74), тетрахалки[19] (№ 75-76) и дихалк[20] (№ 77), а также пантикапейские серебряные монеты: 1) драхма типа Аполлон/протома грифона, ΠΑΝ[21] (№ 71); 2) драхма типа Аполлон/орел (№ 78)[22]; 3) триобол типа Аполлон/колос[23] (№ 79).

Из пантикапейских выпусков II в. до н.э. наибольший интерес представляет серебро: 1) тетробол, ок. 200-150 гг. до н.э., Аполлон/протома коня, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ[24] (№ 84); 2) тригемиобол, ок. 150 г. до н.э., Аполлон/маяк (алтарь или фимиатерий), ΠΑ[25] (№ 85); 3) драхмы, конец II в. до н.э., Аполлон/лук в горите, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ[26] (№ 107-108).

Боспорские монеты I в. до н.э. уже издавались ранее[27]. Отметим, что в коллекции имеются серебряные монеты Пантикапея 100-75 гг. до н.э.: 1) драхмы типа Артемида/пасущийся олень, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ[28] (№ 112); 2) дидрахмы типа Дионис/венок, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ[29] (№ 113-114). Имеются также и дидрахмы того же типа с названием Фанагории[30] (№ 138-139) и фанагорийские драхмы типа Дионис/тирс, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ (№ 140-141)[31].

Римский период

Мы полагаем, что начало римского периода на Боспоре следует относить, скорее всего, не к правлению Динамии (21/20-17/16 гг. до н.э.), как считал А.Н. Зограф[32], или к 14/13 гг. до н.э., по мнению В.А. Анохина[33], а еще к правлению Асандра (49/48-21/20 гг. до н.э.), получившему от Октавиана право золотой чеканки. Коллекция А.С. Коциевского включает оболы и тетрахалки архонта Асандра (№ 150-158) и выпущенные при нем городские медные монеты Пантикапея (№ 159-164) и Фанагории (№ 165-167).

Римское влияние на Боспор заметно усилилось при Динамии, которая переименовала Пантикапей в Кесарию, а Фанагорию в Агриппию в честь своих благодетелей, что спустя какое-то время было отмечено соответствующими городскими выпусками 13-12 гг. до н.э. (№ 168-170 — Кесария; № 170-171 — Агриппия).

---

18 Шелов 1956, табл. VII, 76.
19 Шелов 1956, табл. VII, 77.
20 Шелов 1956, табл. VII, 78.
21 Шелов 1956, табл. VII, 79.
22 Шелов 1956, табл. VII, 80.
23 Шелов 1956, табл. VII, 81.
24 Шелов 1956, табл. VIII, 90.
25 Шелов 1956, табл. VIII, 92.
26 Шелов 1956, табл. VII, 87.
27 См. Frolova, Ireland 2002.
28 Frolova, Ireland 2002, 14, pl. IV, 9.
29 Frolova, Ireland 2002, 14-15, pl. IV, 15; V, 4.
30 Frolova, Ireland 2002, 15, pl. V, 9-10.
31 Frolova, Ireland 2002, 15, pl. VI, 19; VII, 2.
32 Зограф 1951, 191.
33 Анохин 1986, 81.

Весьма полно представлены в коллекции А. С. Коциевского серии сравнительно редких медных монет конца I в. до н.э. с монограммами неизвестных династов и BAE и BAM.

Монеты с монограммой BAE чеканились в конце I в. до н.э. В коллекции присутствуют следующие типы: 1) Горгона/BAE[34] (№ 173-174); 2) лев/BAE[35] (№ 175); 3) Афина/протома коня; BAE[36] (№ 176-177); 4) Зевс Амон/змея, BAE[37] (№ 178-179); 5) Артемида/собака, BAE[38] (№ 180); 6) Зевс/орел, BAE, ϛ (=6) (№ 181)[39]; 7) Посейдон/дельфин, BAE[40], E (=5) (№ 182-183); 8) Аполлон /треножник, BAE, лавровая ветвь, Δ (=4)[41] (№ 184-185); 9) лев, BAE, Г (=3)[42] (№ 186); 9) Дионис/мистическая киста с двумя тирсами, BAE, B (=2)[43] (№ 187); 10) Серапис/рог изобилия, BAE, A (=1)[44] (№ 188); 11) Персей/герма, ветвь, BAE, Z (=8)[45] (№ 189); 12) Гермес/кадуцей; Z (=8)[46] (№ 190).

Монеты с монограммой BAM выпускались в период между 12 г. до н.э. — 14 г. н.э.[47] В коллекции представлены типы: 1) Гелиос/полумесяц со звездой, BAM, I (=10)[48] (№ 191); 2) Геракл/дерево Гесперид, обвитое змеей, BAM, Δ (=4) (№ 192)[49].

Коллекция содержит также монеты следующих боспорских царей:

Аспург (14-37) — 9 экз. (№ 193-201)

Гепепирия (37-39) — 1 экз. (№ 202)

Митридат III (39-45) — 3 экз. (№ 203-205)

Котис I (45-68) — 12 экз. (№ 206-217)

Рискупорид II (68-93) — 13 экз. (№ 218-230)

Савромат I (93-123) — 32 экз. (№ 231-262)

Котис II (123-132) — 10 экз. (№ 263-272)

Римиталк (131-154) — 9 экз. (№ 273-285)

Евпатор (154-170) — 4 экз. (№ 286-289)

Савромат II (174-211) — 42 экз. (№ 290-331)

Статеры — 1 экз.:

493 г. б.э. = 196 г. н.э. — 1 экз.

Медные монеты — 41 экз.

Рискупорид III (211-226) — 24 экз. (№ 332-355)

Статеры — 7 экз.:

508 г. б.э. = 211 г. н.э. — 1 экз.

513 г. б.э. = 216 г. н.э. — 1 экз.

515 г. б.э. = 218 г. н.э. — 2 экз.

519 г. б.э. = 222 г. н.э. — 1 экз.

520 г. б.э. = 223 г. н.э. — 1 экз.

522 г. б.э. = 225 г. н.э. — 1 экз.

Медные монеты — 17 экз.

Котис III (227-232) — 9 экз. (№ 356-364)

Статеры — 2 экз.:

525 г. б.э. = 228 г. н.э. — 1 экз.

---

34 Frolova, Ireland 2002, 52, pl. XXXIII, 24; XXXIV, 1-5.
35 Frolova, Ireland 2002, 52-53, pl. XXXIV, 6-14.
36 Frolova, Ireland 2002, 54, pl. XXXV, 9-23.
37 Frolova, Ireland 2002, 55, pl. XXXV, 24-26; XXXVI, 1-7.
38 Frolova, Ireland 2002, 55, pl. XXXVI, 8-14.
39 Frolova, Ireland 2002, 56, pl. XXXVI, 20-23; XXXVII, 1.
40 Frolova, Ireland 2002, 57, pl. XXXVII, 2-10.
41 Frolova, Ireland 2002, 57-58, pl. XXXVII, 11-20.
42 Frolova, Ireland 2002, 58, pl. XXXVII, 1-7.
43 Frolova, Ireland 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 8-13.
44 Frolova, Ireland 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 14-19a.
45 Frolova, Ireland 2002, 59-60, pl. XXXVIII, 20-28; XXXIX, 1-9.
46 Frolova, Ireland 2002, 60, pl. XXXIX, 10-13.
47 Frolova, Ireland 2002, 61.
48 Frolova, Ireland 2002, 60, pl. XXXIX, 18-22.
49 Frolova, Ireland 2002, 61, pl. XXXIX, 27-30.

525 г. б.э. = 228 г. н.э. — 1 экз. (В память Рискупорида III)

Медные монеты — 7 экз.

Савромат III (229-231) — 3 экз. (№ 365-367)

Медные монеты — 3 экз.

Рискупорид IV (233-234) — 2 экз. (№ 368-369)

Медные монеты — 2 экз.

Ининфимей (234-238) — 12 экз. (№ 370-381)

Медные монеты — 12 экз.

Рискупорид V (242-276) — 54 экз. (№ 382-435)

Статеры — 42 экз.

539 г. б.э. = 242 г. н.э. — 1 экз.
540 г. б.э. = 243 г. н.э. — 1 экз.
541 г. б.э. = 244 г. н.э. — 1 экз.
542 г. б.э. = 245 г. н.э. — 2 экз.
543 г. б.э. = 246 г. н.э. — 1 экз.
544 г. б.э. = 247 г. н.э. — 1 экз.
545 г. б.э. = 248 г. н.э. — 4 экз.
546 г. б.э.= 249 г. н.э. — 3 экз.
547 г. б.э. = 250 г. н.э. — 5 экз.
548 г. б.э. = 251 г. н.э. — 5 экз.
549 г. б.э. = 252 г. н.э. — 2 экз.
552 г. б.э. = 255 г. н.э. — 1 экз.
558 г. б.э. = 261 г. н.э. — 1 экз.
559 г. б.э. = 262 г. н.э. — 2 экз.
560 г. б.э. = 263 г. н.э. — 1 экз.
561 г. б.э. = 264 г. н.э. — 4 экз.
562 г. б.э. = 265 г. н.э. — 4 экз.
563 г. б.э. = 266 г. н.э. — 2 экз.
564 г. б.э. = 267 г. н.э. — 1 экз.

Медные монеты — 12 экз.

Фарсанз (253-254 (?)) — 2 экз. (№ 436-437)

Статеры — 2 экз.

550 г. б.э. = 253 г. н.э. — 2 экз.

Савромат IV (275 г. н.э.) — 2 экз. (№ 438-439)

Статеры — 2 экз.

Тейран (266, 275-278) — 4 экз. (№ 440-443)

Статеры — 4 экз.

572 г. б.э. = 275 г. н.э. — 1 экз.
573 г. б.э. = 276 г. н.э. — 1 экз.
574 г. б.э. = 277 г. н.э. — 1 экз.
575 г. б.э. = 278 г. н.э. — 1 экз.

Фофорс (275-308) — 48 экз. (№ 444-490)

Статеры — 48 экз.

583 г. б.э. = 286 г. н.э. — 1 экз.
584 г. б.э. = 287 г. н.э. — 3 экз.
585 г. б.э. = 288 г. н.э. — 2 экз.
586 г. б.э. = 289 г. н.э. — 1 экз.
587 г. б.э. = 290 г. н.э. — 2 экз.
588 г. б.э. = 291 г. н.э. — 3 экз.
589 г. б.э. = 292 г. н.э. — 1 экз.
590 г. б.э. = 293 г. н.э. — 2 экз.
591 г. б.э. = 294 г. н.э. — 3 экз.
592 г. б.э. = 295 г. н.э. — 2 экз.
593 г. б.э. = 296 г. н.э. — 2 экз.
594 г. б.э. = 297 г. н.э. — 4 экз.
595 г. б.э. = 298 г. н.э. — 8 экз.
596 г. б.э. = 299 г. н.э. — 3 экз.
597 г. б.э. = 300 г. н.э. — 5 экз.
598 г. б.э. = 301 г. н.э. — 1 экз.
599 г. б.э. = 302 г. н.э. — 2 экз.
600 г. б.э. = 303 г. н.э. — 1 экз.
602 г. б.э. = 305 г. н.э. — 1 экз.

Радамсад (309 — 322) — 13 экз. (№ 491-504)

606 г. б.э. = 309 г. н.э. — 1 экз.
608 г. б.э. = 311 г. н.э. — 1 экз.
609 г. б.э. = 312 г. н.э. — 2 экз.
612 г. б.э. = 315 г. н.э. — 1 экз.
613 г. б.э. = 316 г. н.э. — 1 экз.
614 г. б.э. = 317 г. н.э. — 2 экз.
615 г. б.э. = 318 г. н.э. — 6 экз.

Рискупорид VI (314 — 341/342) — 64 экз. (№ 505-568)

611 г. б.э. = 314 г. н.э. — 3 экз.
614 г. б.э. = 317 г. н.э. — 1 экз.
616 г. б.э. = 319 г. н.э. — 8 экз.
617 г. б.э. = 320 г. н.э. — 1 экз.
618 г. б.э. = 321 г. н.э. — 4 экз.
619 г. б.э. = 322 г. н.э. — 1 экз.
620 г. б.э. = 323 г. н.э. — 6 экз.
621 г. б.э. = 324 г. н.э. — 8 экз.
622 г. б.э. = 325 г. н.э. — 9 экз.

623 г. б.э. = 326 г. н.э. — 10 экз.
624 г. б.э. = 327 г. н.э. — 6 экз.
625 г. б.э. = 328 г. н.э. — 3 экз.
633 г. б.э. = 336 г. н.э. — 1 экз.
Дата не ясна — 3 экз.

Собрание включает золотые и электровые статеры: Савромат II — 1 экз. (№ 290); Рискупорид III — 7 экз. (№ 332-338), Котис III — 1 экз. (№ 356).

Наконец, украшением коллекции также являются двойные денарии Савромата II с изображениями подвигов Геракла: На реверсах представлены следующие сюжеты: 1) Геракл, стреляющий из лука, и Стимфалийская птица[50] (№ 306-307); 2) Геракл, угоняющий Критского быка[51] (№ 308); 3) Геракл борется с конем Диомеда[52] (№ 309).

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Бурачков П. О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Зограф А. Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16.

Карышковский П. О., Коциевский А. С. 1979: Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 88-98.

Коциевский А. С. 1982: Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 117-125.

Кёне Б. В. 1857: Описание музеума князя В. В.Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, ровно, как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.

Фролова Н. А. 1989: Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. — начала I в. н.э. // НЭ. XV, 3-18.

Фролова Н. А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 2, 34-69.

Фролова Н. А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I-II. М.

Фролова Н. А. 2000: Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н.э. // ПИФК. VIII, 302-313.

Фролова Н. А. 2003: Ранние монеты Тиры // РА. 1, 155-159.

Фролова Н. А. 2006: Каталог монет античной Тиры. М., 2006.

Фролова Н. А. 2010а: Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. От античности до Византии. М.

Фролова Н. А. 2010б: Медные монеты Херсонеса с датами // ПИФК. 1, 521-578.

Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. 2005: Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М.

Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. 2010: Античные монеты Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея (Коллекция А. С. Коциевского) // ВДИ. 4, 51-96.

Шелов Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Frolova N. A. 1979: The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69-328 // BAR International Series. 56.

[50] Frolova 1979, pl. XXXVII, 16-17.
[51] Frolova 1979, pl. XXXVIII, 3.
[52] Frolova 1979, pl. XXXVIII, 5.

Frolova N.A. 1983: The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 242-341/342 // BAR International Series. 166.

Frolova N.A. 2002: A corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth — Late Vth Century BC) // ACSS. 8. 3–4, 211-236.

Frolova N.A. 2004: Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin.

Frolova N.A., Ireland S. 2002: The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD // BAR International Series. 1102.

BOSPORAN COINS IN THE STATE HISTORICLE MUSEUM OF RUSSIA (A. S. KOTSIEVSKY'S COLLECTION)

N.A. Frolova, M.G. Abramzon

In 1985 a famous Russian collector A.S. Kotsievsky presented his great collection of ancient coins of the Bosporus Kimmerian and the Northern Black Sea Region to the State Historical Museum. Totally the collection of A.S. Kotsievsky contains 568 Bosporan coins, including early coins of Panticapaeum, Phanagoria, Theodosia, Sindes, golden and electrum staters of some Bosporan kings, many rare and unique specimens.

Key words: the State Historical Museum, A.S. Kotsievsky, ancient coins, the Bosporus, Panticapaeum, Phanagoria, Theodosia, Sindes, Gorgippia

КАТАЛОГ БОСПОРСКИХ МОНЕТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А.С. КОЦИЕВСКОГО

I. АВТОНОМНЫЙ ПЕРИОД

ПАНТИКАПЕЙ

Ок. 550-500 гг. до н.э.

Триоболы

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат неясных очертаний, разделенный на четыре части.

Лит.: *Frolova* 2004, 17, taf. 1, 9-10.

1. 2.82 г; 14 мм; инв. № 13722
2. 2.49 г; 14 мм; инв. № 13723

Ок. 500-475 гг. до н.э.

Триоболы

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, по форме напоминающие крылья ветряной мельницы.

Лит.: *Frolova* 2004, 18, taf. 2, 36-37.

3. 2.46 г; 15 мм; инв. № 13725
4. 1.86 г; 15 мм; инв. № 13726

Ок. 475-450 гг. до н.э.

Гемиобол

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из которых по точке.

Лит.: *Frolova* 2004, 21, taf. 5, 114.

5. 0.32 г; 8 мм; инв. № 13724

Триобол

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой по точке.

Лит.: *Frolova* 2004, 23, taf. 5, 193/2.

6. 1.93 г; 14 мм; инв. № 13727

Диобол

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из которых по звездочке.

Лит.: *Frolova* 2004, 21, taf. 5, 114.

7. 1.65 г; инв. № 13728

Диоболы

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой из которых по букве: А, П, О, Λ.

Лит.: *Frolova* 2004, 40, nr. 495/5, 500/2.

8. 1.47 г; 14 мм; инв. № 13729
9. 1.10 г; 12 мм; инв. № 13730

Гемиобол

AR. *Л.с.* То же. *О.с.* То же.

Лит.: *Frolova* 2004, 41, taf. 24, 519.

10. 0.36 г; 9 мм; инв. № 13731

Ок. 425-400 гг. до н.э.

Диобол

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, в нем голова барана вправо; вверху ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Frolova* 2004, 31, taf. 16, 375.

11. 1.41 г; 18 мм; инв. № 13732

Гемиобол

AR. *Л.с.* Голова льва в фас. *О.с.* Вдавленный квадрат, в нем голова барана влево; внизу звезда; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Frolova* 2004, 33, taf. 18, 412.

12. 0.24 г; 7 мм; инв. № 13733

Ок. 400-375 гг. до н.э.

Обол

AR. *Л.с.* Голова бородатого сатира влево. *О.с.* Протома льва влево; сзади полумесяц; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 32; *Зограф* 1951, табл. XL, 2; *Шелов* 1956, табл. III, 37; *Анохин* 1986, табл. 2, 86.

13. 0.62 г; инв. № 12574

Халк

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Голова коня вправо; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 33; *Зограф* 1951, табл. XL, 3; *Шелов* 1956, табл. III, 38; *Анохин* 1986, табл. 2, 87; *SNG BM* I, 876; *SNG Stancomb* 534.

14. 1.89 г; инв. № 12575

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Голова барана вправо; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 27; *Анохин* 1986, табл. 2, 88.

15. 0.60 г; инв. № 12573

Ок. 375-360 гг. до н.э.

Гемидрахма

AR. *Л.с.* Голова бородатого сатира в ¾ вправо. *О.с.* Лев, приготовившийся к прыжку, вправо; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 44; *Зограф* 1951, табл. XL, 13; *Шелов* 1956, табл. IV, 42; *Анохин* 1986, табл. 3, 100; *SNG BM* 862; *SNG Stancomb* 537-538.

16. 2.76 г; инв. № 13735

Гемидрахма

AR. *Л.с.* Голова бородатого сатира в ¾ влево. *О.с.* Лев с копьем в пасти вправо; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XL, 14; *Шелов* 1956, табл. IV, 41; *Анохин* 1986, табл. 3, 101.

17. 2.49 г; инв. № 13736

Ок. 360-340 гг. до н.э.

Драхма

AR. *Л.с.* Голова бородатого сатира в ¾ влево. *О.с.* Голова быка влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 41-42; *Зограф* 1951, табл. XL, 17; *Шелов* 1956, табл. IV, 44; *Анохин* 1986, табл. 2, 121.

18. 3.10 г; инв. № 13738

Ок. 340-330 гг. до н.э.

Гемидрахма

AR. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* Лев вправо, голова обращена назад; ПАNTI.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 69; *Зограф* 1951, табл. XL, 25; *Шелов* 1956, табл. IV, 45; *Анохин* 1986, табл. 3, 105.

19. 2.06 г; инв. № 13737

Тетробол?

AR. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Голова быка влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 62; *Анохин* 1986, табл. 3, 122.

20. 2.39 г; инв. № 13739

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира вправо. *О.с.* Голова быка влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 63-64; *Зограф* 1951, табл. XL, 21; *Шелов* 1956, табл. IV, 51; *Анохин* 1986, табл. 3, 122.

21. 2.39 г; инв. № 13739

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира влево. *О.с.* Голова рыбы вправо; внизу ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 54; *Зограф* 1951, табл. XL, 28; *Анохин* 1986, табл. 2, 81; *Шелов* 1956, табл. IV, 50.

22. 1.21 г; инв. № 12574

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира вправо. *О.с.* Лук тетивой вверх; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 96-97; *Шелов* 1956, табл. V, 52; *Анохин* 1986, табл. 2, 96.

23. 1.02 г; инв. № 12566
24. 0.52 г; инв. № 12567

Ок. 330-315 гг. до н.э.

Обол

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Лук; ПАNTI.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 49; *Зограф* 1951, табл. XL, 30; *Шелов* 1956, табл. V, 54; *Анохин* 1986, табл. 3, 110; *SNG BM* 868; *SNG Stancomb* 539-540.

25. 11.24 г; инв. № 12570

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Протома орлиноголового грифона вправо; внизу осетр влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 39; *Зограф* 1951, табл. XL, 18; *Шелов* 1956, табл. V, 57; *Анохин* 1986, табл. 3, 111; *SNG BM* 871; *SNG Stancomb* 541-542.

26. 7.48 г; инв. № 12580

Дихалки

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира вправо. *О.с.* Протома пегаса вправо; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 88-89; *Зограф* 1951, табл. XL, 19; *Шелов* 1956, табл. V, 56; *Анохин* 1986, табл. 3, 112; *SNG BM* 872; *SNG Stancomb* 543-545.

27. 3.16 г; инв. № 12577
28. 2.83 г; инв. № 12578
29. 3.19 г; инв. № 12579

Халк

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира вправо. Точечный ободок. *О.с.* Лук в горите вправо; ПАNTI.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 91-93; *Зограф* 1951, табл. XL, 20; *Шелов* 1956, табл. V, 55; *Анохин* 1986, табл. 3, 113; *SNG BM* 874; *SNG Stancomb* 545.

30. 1.60 г; инв. № 12571

31. 1.49 г; инв. № 12572

Ок. 315-300 гг. до н.э.

Гемидрахма

AR. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке в ¾ влево. *О.с.* Скальп льва в фас; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 67; *Зограф* 1951, табл. XL, 29; *Шелов* 1956, табл. V, 59; *Анохин* 1986, табл. 3, 103; *SNG BM* 865; *SNG Stancomb* 551.

32. 2.33 г; инв. № 13740

Начало III в. до н.э.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка «12-лучевая звезда». *О.с.* Голова льва вправо; внизу осетр влево; ПАN; надчеканка «горит».

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 72; *Зограф* 1951, табл. XLI, 3; *Шелов* 1956, табл. V, 62; *Анохин* 1986, табл. 4, 130; *SNG BM* 886; *SNG Stancomb* 552-555.

33. 7.28 г; инв. № 12581
34. 5.96 г; инв. № 12582

Около 300-290 гг. до н.э.

Дихалк

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира влево. *О.с.* Голова быка в ¾ влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 35-37; *Зограф* 1951, табл. XLI, 7; *Шелов* 1956, табл. V, 63-64; *Анохин* 1986, табл. 4, 132; *SNG BM* 890-893; *SNG Stancomb* 557-559.

35. 3.91 г; инв. № 12583

Ок. 300-275 гг. до н.э.

Тетрахалк

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Лук и стрела вправо; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 73-74; *Зограф* 1951, табл. XLI, 4; *Шелов* 1956, табл. VI, 65; *Анохин* 1986, табл. 4, 133: *SNG BM* 894-896; *SNG Stancomb* 560-561.

36. 3.82 г; инв. № 12584

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; под типом видна прежняя надчеканка в виде двенадцатилучевой звезды. *О.с.* Лук и стрела вправо; внизу ПАN; под типом видна прежняя надчеканка в виде горита.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 75-78; *Шелов* 1956, табл. VI, 67; *SNG BM* 897-899; *SNG Stancomb* 556.

37. 6.55 г; инв. № 12586
38. 4.16 г; инв. № 12587
39. 5.23 г; инв. № 12588

Ок. 275-250 гг. до н.э. (деградированный тип)

Тетрахалк

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Лук и стрела вправо; внизу ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 79-80; *Зограф* 1951, табл. XLI, 5; *Шелов* 1956, табл. VI, 66; *SNG BM* 900-905; *SNG Stancomb* 562-563.

40. 2.51 г; инв. № 12585

Ок. 250 г. до н.э.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Орел с распущенными крыльями прямо; внизу ПАN.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. VI, 68; *Анохин* 1986, табл. 4, 136; *SNG BM* 907.

41. 2.73 г; инв. № 12589
42. 5.02 г; инв. № 12590

AE. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* Треножник; внизу ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 123-124;

Зограф 1951, табл. XLI, 9; *Шелов* 1956, табл. VI, 69; *Анохин* 1986, табл. 4, 141; *SNG BM* 908; *SNG Stancomb* 564.

43. 2.09 г; инв. № 12591
44. 2.77 г; инв. № 12592
45. 2.07 г; инв. № 12593
46. 2.08 г; инв. № 12594

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Лук и стрела вправо; внизу ПАN; надчеканка в виде треножника.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 125-126; *Зограф* 1951, табл. XLI, 8; *Шелов* 1956, табл. VI, 70; *Анохин* 1986, табл. 4, 139.

47. 3.29 г; инв. № 12595
48. 4.61 г; инв. № 12596

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Лук и стрела вправо или влево; внизу ПАNТ или ПАNТI.

Лит.: *BMC* 3, 27; *Бурачков* 1884, табл. XIX, 51; *Зограф* 1951, табл. XLI, 6; *Шелов* 1956, табл. VI, 72; *Анохин* 1986, табл. 4, 145; *SNG Stancomb* 565.

49. 6.15 г; инв. № 12597
50. 4.36 г; инв. № 12598
51. 2.16 г; инв. № 12599
52. 4.43 г; инв. № 12600
53. 2.12 г; инв.№ 12601
54. 2.04 г; инв.№ 12647
55. 1.78 г; инв. № 12648
56. 1.04 г; инв. № 12649
57. 0.68 г; инв. № 12650
58. 2.75 г; инв. № 12651

Л.с. Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Лук и стрела вправо или влево; внизу ПАN.

Лит.: *Шелов*, табл. VI, 73.

59. 1.30 г; инв. № 12602
60. 1.86 г; инв. № 12603
61. 1.05 г; инв. № 12604

Ок. 250-225 гг. до н.э.

Тетрахалки?

AE. *Л.с.* Голова Посейдона вправо. *О.с.* Корабельная прора влево; внизу ПАNТI.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 153; *Шелов* 1956, табл. VI, 74; *Анохин* 1986, табл. 4, 144.

62. 4.83 г; инв. № 12605
63. 6.28 г; инв. № 12606

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* То же.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 154-158; *Зограф* 1951, табл. XLI, 13; *Шелов* 1956, табл. VI, 75; *Анохин* 1986, табл. 5, 151/153; *SNG BM* 910-912.

64. 7.09 г; инв. № 12607. Надчеканка в виде головы Афины
65. 4.25 г; инв. № 12608. Надчеканка в виде головы Афины
66. 9.90 г; инв. № 12609. Надчеканка в виде головы Афины
67. 4.65 г; инв. № 12610. Надчеканка в виде головы Афины
68. 5.33 г; инв. № 12611. Надчеканка в виде головы Афины
69. 4.17 г; инв. № 12612. Надчеканка в виде головы Афины
70. 5.94 г; инв. № 12613. Надчеканка в виде головы Афины

Ок. 250-200 гг. до н.э.[53]

Драхма

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Протома орлиноголового грифона влево; внизу колос влево; ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 98; *Зограф* 1951, табл. XLI, 18; *Шелов* 1956, табл. VII, 79; *Анохин* 1986, табл. 5, 162.

71. 2.81 г; инв. № 13741

Левкон II (ок. 240-220 гг. до н.э.)

Оболы

[53] Дата по А. Н. Зографу (1951, табл. XLI, 18). Д. Б. Шелов (1956, табл. VII, 79) датирует этот тип последней третью III в. до н.э., В. А. Анохин (1986, с. 143, № 162) — 160-150 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова Геракла вправо. *О.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ. Палица влево и лук тетивой вверх.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 2-3; *Зограф* 1951, табл. XLII, 15; *Шелов* 1956, табл. VII, 76; *Анохин* 1986, табл. 4, 134.

72. 9.81 г; инв. № 12614
73. 13.15 г; инв. № 12615
74. 6.58 г; инв. № 12616

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Афины в коринфском шлеме вправо. *О.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ. Молнии.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 8-9; *Зограф* 1951, табл. XLII, 16; *Шелов* 1956, табл. VII, 77; *Анохин* 1986, табл. 4, 135.

75. 3.61 г; инв. № 12617
76. 4.50 г; инв. № 12618

Дихалк

AE. *Л.с.* Щит и копье. *О.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ. Меч в ножнах вправо.

Лит.: *BMC* 3, 42, no. 1; *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 10; *Зограф* 1951, табл. XLII, 17; *Шелов* 1956, табл. VII, 78; *Анохин* 1986, табл. 4, 136; *SNG BM* 959.

77. 4.81 г; инв. № 12619

Драхма

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Орел, сидящий вправо; ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 102; *Зограф* 1951, табл. XLI, 16; *Шелов* 1956, табл. VII, 80; *Анохин* 1986, табл. 5, 159.

78. 3.04 г; инв. № 13742

Триобол

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Колос.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 145; *Зограф* 1951, табл. XLI, 19; *Шелов* 1956, табл. VII, 81; *Анохин* 1986, табл. 5, 163.

79. 1.94 г; инв. № 13747

Конец III — первая четверть II в. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова быка в ¾ вправо. *О.с.* Плуг влево, вверху колос влево; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 187-189; *Зограф* 1951, табл. XLI, 12; *Шелов* 1956, табл. VII, 83; *Анохин* 1986, табл. 5, 165.

80. 2.50 г; инв. № 12620
81. 1.28 г; инв. № 12621
82. 1.30 г; инв. № 12622

Конец III в. до н.э.

Фракция халка

AE. *Л.с.* Крыло (Пегаса? грифона?). *О.с.* Треножник; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 131; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 19; *Шелов* 1956, табл. VII, 84; *Анохин* 1986, табл. 4, 142.

83. 0.95 г; инв. № 12623

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Тетробол

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Протома скачущего коня; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 104; *Зограф* 1951, табл. XLII, 6; *Шелов* 1956, табл. VIII, 90; *Анохин* 1986, табл. 5, 167; *SNG BM* 918; *SNG Stancomb* 571-572.

84. 2.73 г; инв. № 13743

Ок. 150 г. до н.э.

Тригемиобол

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке вправо. *О.с.* Маяк (алтарь или фимиатерий); ΠΑ.

Лит.: *BMC* 3, 15; *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 1а; *Зограф* 1951, табл. XLII, 7; *Шелов* 1956, табл. VIII, 92; *Анохин* 1886, табл. 5, 164; *SNG BM* 917.

85. 1.40 г; инв. № 13748

Ок. 200-120 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке вправо. *О.с.* Лук в горите влево; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 114; *Зограф* 1951, табл. XLII, 9; *Шелов* 1956, табл. VIII, 95; *Анохин* 1986, табл. 5, 169; *SNG BM* 920-922; *SNG Stancomb* 573-575.

86. 1.90 г; инв. № 12624
87. 2.55 г; инв. № 12625
88. 2.15 г; инв. № 12626
89. 1.64 г; инв. № 12627
90. 1.93 г; инв. № 12652

Ок. 200-150 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* Дельфин влево; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *BMC* 3, 47; *Бурачков* 1884, табл. XXI, 117; *Зограф* 1951, табл. XLII, 10; *Шелов* 1956, табл. VIII, 97; *Анохин* 1986, табл. 4, 140; *SNG BM* 909; *SNG Stancomb* 568.

91. 2.15 г; инв. № 12629
92. 1.16 г; инв. № 12630
93. 0.76 г; инв. № 12631

AE. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* Колос влево; внизу ΠΑΝ.

Лит. *Бурачков*, табл. XXII, 147; *Шелов*, табл. VIII, 98.

94. 0.76 г; инв. № 12632

AE. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* Венок; внизу ΠΑΝ.

Лит. *Бурачков*, табл. XXII, 151; *Шелов*, табл. VIII, 99; *Анохин*, табл. 4, 158.

95. 1.07 г; инв. № 12633

Ок. 125-110 гг. до н.э.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Лук в горите вправо; внизу монограмма ΑΑ, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 113; *Зограф* 1951, табл. XLII, 8; *Шелов* 1956, табл. VIII, 94; *Анохин* 1986, табл. 6, 188.

96. 7.07 г; инв. № 12640
97. 8.41 г; инв. № 12641

120-110 гг. до н.э.

Диоболы

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Лира; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 105; *Зограф* 1951, табл. XLII, 5; *Шелов* 1956, табл. VIII, 91; *Анохин* 1986, табл. 5, 168; *SNG BM* I, 919.

98. 1.38 г; инв. № 13746

Ок. 120-110 гг. до н.э.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров; ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 55-56; *Зограф* 1951, табл. XLI, 20; *Шелов* 1956, табл. VIII, 100; *Анохин* 1986, табл. 6, 175; *SNG BM* I, 924-925; *SNG Stancomb* 2000, 576-578.

99. 3.30 г; инв. № 12644
100. 4.28 г; инв. № 12645

Халки

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* Шапки Диоскуров, увенчанные звездами; внизу ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 81; *Зограф* 1951, табл. XLI, 21; *Шелов* 1956, табл. VIII, 101; *Анохин* 1986, табл. 6, 176; *SNG BM* 926; *SNG Stancomb* 579-580.

101. 2.97 г; инв. № 12568
102. 1.73 г; инв. № 12569
103. 1.66 г; инв. № 12539

Ок. 110 г. до н.э.

Халки

AE. *Л.с.* Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Прора вправо; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 176; *Зограф* 1951, табл. XLI, 14; *Шелов* 1956, табл. VIII, 102; *Анохин* 1986, табл. 6, 183; *SNG BM* 927; *SNG Stancomb* 581-582.

104. 2.14 г; инв. № 12634
105. 1.72 г; инв. № 12635

AE. *Л.с.* Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Трезубец влево; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 177; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 4; *Шелов* 1956, табл. VIII, 103; *Анохин* 1986, табл. 6, 184.

106. 1.12 г; инв. № 12637

Конец II в. до н.э.

Драхмы

AR. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Лук в горите, внизу меч влево; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 109-111; *Шелов* 1956, табл. VII, 87; *Анохин* 1986, табл. 6, 189; *SNG BM* I, 929; *SNG Stancomb* 584.

107. 4.11 г; инв. № 13744
108. 3.18 г; инв. № 13745

Конец II — начало I в. до н.э.

Халки

AE. *Л.с.* Восьмилучевая звезда, между лучами ΠΑΝΤΙΚΑΠ. *О.с.* Треножник.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 130; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 18; *Анохин* 1986, табл. 7, 203; *SNG BM* 941-944; *SNG Stancomb* 587-588; *Frolova, Ireland* 2002, pl. I, 1-26.

109. 2.62 г; инв. № 12636
110. 2.52 г; инв. № 12646
111. 2.16 г; инв. № 12654

100-75 гг. до н.э.

Драхмы

AR. *Л.с.* Голова Артемиды вправо; на левом плече лук и колчан. *О.с.* Пасущийся олень влево; вверху ΚΟΡ; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 14, pl. IV, 9.

112. 1.92 г; инв. № 13749

Дидрахмы

AR. *Л.с.* Голова Диониса в венке вправо. *О.с.* Плющевый венок, перевязанный сверху; внутри виноградная гроздь и ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ; вверху ΚΟΡ.

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 14-15, pl. IV, 15; V, 4.

113. 8.52 г; инв. № 13750
114. 8.45 г; инв. № 13751

Обол

AE. *Л.с.* Голова Мена во фригийском шлеме вправо; справа вверху многолучевая звезда и полумесяц. *О.с.* Дионис стоит влево; в правой руке держит кисть винограда, в левой — тирс; слева у ног пантера; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ; справа внизу ΚΟΡ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 79; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 13; *Анохин* 1986, табл. 8, 201; *SNG BM* 936; *Frolova, Ireland* 2002, 19, pl. VIII, 1-7.

115. 18.80 г; инв. № 12664. Перечеканена на неопределенном пантикапейском типе

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона (Диониса?) вправо. *О.с.* Тирс поперек треножника; слева ΜΕ, справа ΚΟΡ; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 122; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 15; *Анохин* 1986, табл. 8, 202; *SNG BM* 937-940; *SNG Stancomb* 591-596; *Frolova, Ireland* 2002, 20-21, pl. IX, 5-19; X, 1-6.

116. 7.70 г; 21 мм; инв. № 12685. Перечеканена из пантикапейского тетра-Халка типа голова Артемиды/олень с

надчеканкой в виде колоса
117. 7.64 г; 20 мм; инв. № 12686
118. 6.03 г; 21 мм; инв. № 12687. Перечеканена из понтийской монеты типа эгида/Ника

АЕ. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* То же; слева …, справа звезда; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 121

119. 6.73 г; 20 мм; инв. № 12660. Перечеканена

Конец II в. до н.э. — 63 г. до н.э.

Оболы

АЕ. *Л.с.* Голова Диониса (Митридата VI Евпатора) в царской повязке вправо. *О.с.* Лук в горите, монограммы.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 25-30; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 22-23; *Анохин* 1986, табл. 8, 212-212ж; *SNG BM* 946-949; *Frolova, Ireland*, 2002, 24, pl. XIII, 1-17; XIV, 120; XV, 1.

120. 17.82 г; 25 мм; инв. № 12672. *Frolova, Ireland*, 2002, 24, pl. XIII, 1-14
121. 7.21 г; 25 мм; инв. № 12681. То же.
122. 17.55 г; 26 мм; инв. № 12670. *Frolova, Ireland*, 2002, 26, pl. XIII, 15a-17
123. 18.04 г; 28 мм; инв. № 12674. *Frolova, Ireland*, 2002, 26, pl. XIV, 1-3
124. 17.13 г; 25 мм; инв. № 12667. *Frolova, Ireland*, 2002, 27
125. 16.88 г; 23 мм; инв. № 12673. *Frolova, Ireland*, 2002, 28, pl. XIV, 20; XV, 1

63-49/48 гг. до н.э.

Оболы

АЕ. *Л.с.* Голова Аполлона в венке, вправо. *О.с.* Орел на молниях, влево; слева — монограмма; справа — многолучевая звезда; внизу в одну или две строки ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 138-143; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 20; *Анохин* 1986, табл.8, 214; *SNG BM* 945; *Frolova, Ireland* 2002, 32, pl. XV, 8-20; XVI, 1-5.

126. 14.87 г; 28 мм; инв. № 12665. Надпись в одну строку.
127. 17.56 г; 28 мм; инв. № 12666. Перечеканена на Оболе Дионис/лук в горите
128. 12.92 г; 26 мм; инв. № 12655

ФЕОДОСИЯ
Начало IV в. до н.э.

АЕ. *Л.с.* Безбородая голова Аполлона? (Геракла?) влево. *О.с.* Бодающий бык вправо; ΘΕΟ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XVIII, 3; *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 3-4; Шелов 1956, табл. IX, 109; *Анохин* 1986, табл. 4, 82; *Frolova* 2004, 47, 6/2.

129. 2.71 г; 13 мм; инв. № 12723. *Frolova* 2004, 47, 6/2

Около 250-225 гг. до н.э.

АЕ. *Л.с.* Голова Афины вправо. *О.с.* Лук в горите влево, под ним палица вправо; ΘΕΥ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XVIII, 8-9; *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 5; *Шелов* 1956, табл. IX, 110; *Анохин* 1986, табл. 2, 137.

130. 4.09 г; инв. № 12724.

ГОРГИППИЯ
100-75 гг. до н.э.

Тетрахалк

АЕ. *Л.с.* Голова Аполлона вправо. *О.с.* Тирс поперек треножника; справа монограмма; ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 5; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 17; *Анохин* 1986, табл. 8, 211г; *SNG BM* 986; *Frolova, Ireland*, 2002, 20, pl. XII, 13-23.

131. 5.66 г; 20 мм; инв. № 12721
132. 8.61 г; 20 мм; инв. № 12722

ФАНАГОРИЯ
Конец V — начало IV в. до н.э.

Диобол

AR. *Л.с.* Голова молодого кабира в остроконечном пилосе, украшенном лавровым венком, влево. *О.с.* Протома бодающего быка влево; левая нога подогнута; справа зерно; вверху ΦΑΝΑ.

Лит.: *Frolova* 2004, 73, nr. 11/2.

133. 1.01 г; 10 мм; инв. № 13752

II в. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* Лук и стрела вправо; внизу **ΦΑ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 8-11; *Зограф* 1951, табл. XLII, 13; *Шелов* 1956, табл. IX, 112; *Анохин* 1986, табл. 5, 147; *SNG BM* 990-994.

134. 2.79 г; инв. № 12715
135. 2.30 г; инв. № 12716
136. 2.33 г; инв. № 12717
137. 1.87 г; инв. № 12718

100-75 гг. до н.э.

Дидрахмы

AR. *Л.с.* Голова Диониса в венке вправо. *О.с.* Плющевый венок, перевязанный сверху; внутри виноградная гроздь и ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ; вверху .

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. V, 9-10.

138. 8.51 г; инв. № 13753
139. 8.13 г; инв. № 13754

Драхмы

AR. *Л.с.* Голова Диониса в венке вправо. *О.с.* Тирс, перевязанный лентой; ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ; вверху .

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. VI, 19; VII, 2.

140. 3.50 г; 16 мм; инв. № 13755. Без монограммы
141. 3.13 г; 16 мм; инв. № 13756. Монограмма

Начало I в. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова Артемиды вправо; слева лук и колчан. *О.с.* Лань лежит влево, подогнув под себя ноги; ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 21; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 2-3; *Анохин* 1986, табл. 7, 194a; *SNG BM* 1000-1003; *SNG Stancomb* 624; *Frolova, Ireland* 2002, 13, pl. II, 5-19; III, 1-20.

142. 7.68 г; 20 мм; инв. № 12709
143. 6.45 г; 21 мм; инв. № 12710. Вверху ;

100-75 гг. до н.э.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона (Диониса?) вправо. *О.с.* Тирс поперек треножника; слева , справа ; ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 12; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 16; *Анохин* 1986, табл. 8, 208f; *SNG BM* 1007; *SNG Stancomb* 628-629; *Frolova, Ireland* 2002, 24, pl. X, 2-6.

144. 7.67 г; 21 мм; инв. № 12682. Только монограмма
145. 7.06 г; 21 мм; инв. № 12683. То же
146. 8.50 г; 21 мм; инв. № 12684. То же
147. 3.77 г; 18 мм; инв. № 12642. То же
148. 7.41 г; 20 мм; инв. № 12708. ,

СИНДЫ
Вторая половина V в. до н.э.

Диобол

AR. *Л.с.* Голова Геракла в львиной шкуре вправо. *О.с.* Вдавленный квадрат с головой коня вправо; вверху ΣΙΝΔΩΝ.

Лит.: *Frolova* 2004, 64, taf. 29, 10/2.

149. 1.28 г; 14 мм; инв. № 13757

II. РИМСКИЙ ПЕРИОД

Асандр (49/48-21/20 гг. до н.э.)

Оболы

AE. *Л.с.* Мужская голова (иногда голова Ники) в лавровом венке вправо. *О.с.* Прора влево; ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXV, 45-46; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 7; *Zograf* 1977, pl. XLIV, 7; *Анохин* 1986, табл. 9, 224; *Фролова* 1997/I, 175, табл. IIIa, 11a; *RPC* I, 1845; *SNG Stancomb* 607; *Frolova, Ireland* 2002, 40-41, pl. XXI, 1-18; XXII, 1-18; XXIII, 1-3.

150. 12.92 г; 30 мм; инв. № 12655.
151. 14.35 г; 28 мм; инв. № 12656. Перечеканена из Обола Аполлон/орел на молниях
152. 15.12 г; 29 мм; инв. № 12657.
153. 16.02 г; 30 мм; инв. № 12658.

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Ники вправо. *О.с.* Прора влево; ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXV, 47-49; *Анохин* 1986, табл. 9, 225; *RPC* I, 1846; *SNG BM* 962-963; ; *Фролова* 1997/I, 175, табл. IIIa, 11б; *SNG Stancomb* 608-609; *Frolova, Ireland* 2002, 41-42, pl. XXIII, 4-24; XXIV, 1-10.

154. 8.07 г; 24 мм; инв. № 12659. Перечеканена из монеты Амиса: Арес/меч
155. 6.73 г; 25 мм; инв. № 12660. Перечеканена
156. 4.09 г; 25 мм; инв. № 12661. Перечеканена на неопределенном типе
157. 7.18 г; 20 мм; инв. № 13094. Перечеканена из монеты Синопы: Зевс/орел(SNG BM 1543-1544)
158. 8.68 г; 20 мм; инв. № 13095. Перечеканена из монеты Синопы: Зевс/орел(SNG BM 1543-1544)

Городские выпуски 49/48-21/20 до н.э.

Пантикапей

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона-Асандра вправо. *О.с.* Лук и колчан; ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 132; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 10; *Анохин* 1986, табл. 10, 247; *Фролова* 1997/I, 175, табл. IIIa, 13; *SNG BM* 957; *SNG Stancomb* 610; *Frolova, Ireland* 2002, 44, pl. XXV, 11-25.

159. 5.40 г; 20 мм; инв. № 12643

AE. *Л.с.* Голова Аполлона-Асандра вправо. *О.с.* Пасущийся Пегас влево; ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 148-149; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 9; *Zograf* 1977, pl. XLIV, 9; *Анохин* 1986, табл. 10, 250; *Фролова* 1997/I, 176, табл. IIIa, 14; *SNG BM* 955-956; *SNG Stancomb* 611-612; *Frolova, Ireland* 2002, 44-45, pl. XXVI, 1-24; XXVII, 1-8.

160. 6.14 г; 23 мм; инв. № 12662.
161. 7.40 г; 21 мм; инв. № 12663.

AE. *Л.с.* Голова Аполлона-Асандра вправо. *О.с.* Прора вправо; ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 133-135; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 11; *Анохин* 1986, табл. 10, 251; *Фролова* 1997/I, 176, табл. IIIa, 16; *SNG BM* 958; *SNG Stancomb* 613; *Frolova, Ireland* 2002, 46, pl. XXVII, 10-20; XXVIII, 1-8.

162. 7.18 г; 21 мм; инв. № 12628
163. 3.10 г; 15 мм; инв. № 12653

Конец правления Асандра (21/20 до н.э.?)

Дихалк

AE. *Л.с.* Голова Геракла-Асандра в диадеме вправо. *О.с.* Палица и львиная шкура; ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 181; *Анохин* 1986, табл. 10, 248; *Фролова* 1997/I, 176, табл. IIIa, 19-20; *Frolova, Ireland* 2002, 46, pl. XXVIII, 9-14.

164. 3.45 г; 18 мм; инв. № 12638

Фанагория

Тетрахалки

AE. *Л.с.* Голова Аполлона-Асандра вправо. *О.с.* Прора вправо; ΦΑΝΑΓΟ ΡΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 13; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 12; *Zograf A.N.*, 1977, pl. XLIV, 12; *Анохин* 1986, табл. 10, 252; *Фролова* 1997/I, 180-181, табл. IIIa, 16; *SNG BM* 1004-1005; *Frolova, Ireland* 2002, 47, pl. XXVIII, 16-21; XXIX, 1.

165. 5.91 г; 21 мм; инв. № 12714

AE. *Л.с.* Голова Аполлона-Асандра вправо. *О.с.* Лук и стрела; ΦΑΝΑΓΟ ΡΙΤΩΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 14-15; *Анохин* 1986, табл. 10, 249; *Фролова* 1997/I, 180-181, табл. IIIa, 18; *SNG BM* 1006; *Frolova, Ireland* 2002, 47, pl. XXIX, 2-9.

166. 4.31 г; 20 мм; инв. № 12711
167. 3.39 г; 20 мм; инв. № 12712

Пантикапей как Кесария
13-12 гг. до н.э.

Номинал **H = 8**

AE. *Л.с.* Голова Афродиты Урании в калафосе и покрывале вправо. Точечный ободок. *О.с.* Жезл; ΚΑΙ-ΣΑ–ΡΕ-ΩΝ; справа внизу H. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 1e; *Зограф* 1951, табл. XLV, 12; *Zograf* 1977, pl. XLV, 12; *Анохин* 1986, табл. 12, 322а-б; *Фролова* 1997/I, 178-179, табл. II, 1-29, III, 1-7; *RPC* I, 1936; *SNG Stancomb* 614-615; *Frolova, Ireland* 2002, 49-50, pl. XXXI, 1-29; XXXII, 1-7.

168. 7.45 г; 21 мм; инв. № 12676. *Анохин* 1986, № 322.
169. 8.03 г; 21 мм; инв. № 12677
170. 11.40 г; 23 мм; инв. № 12678

Фанагория как Агриппия
13-12 гг. до н. э.

Номинал **H = 8**

AE. *Л.с.* Голова Афродиты Урании в диадеме и покрывале вправо. Точечный ободок. *О.с.* Прора; ΑΓΡΙΠ ΠΕΩΝ; справа внизу H. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 1f; *Зограф* 1951, табл. XLV, 14; *Zograf A.N.*, 1977, pl. XLV, 14; *Анохин* 1986, табл. 12, 323; *Фролова* 1997/I, 180-181, табл. III, 8-25; IV, 1-23; *SNG Cop.* IV, 7-8; *RPC* I, 1935; *SNG Stancomb* 631; *Frolova, Ireland* 2002, 50-52, pl. XXXII, 8-25; XXXIII, 1-23.

171. 5.56 г; 22 мм; инв. № 12679
172. 7.98 г; 23 мм; инв. № 12680

Цари Боспора

Неизвестный правитель BAE
Конец I в. до н. э.

Серия I. Монограмма BAE в качестве типа реверса

AE. *Л.с.* Голова Горгоны с крыльями; под подбородком завязанные в узел две змеи. Точечный ободок. *О.с.* Монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, 228, № 44; *Анохин* 1986, табл. 10, 256; *Фролова* 1997/I, 182, табл. IV, 24; V, 1-5; *SNG Stancomb* 961; *Frolova, Ireland* 2002, 52, pl. XXXIII, 24; XXXIV, 1-5; *Фролова* 1989, табл. IV, 4, 8.

173. 7.89 г; 22 мм; инв. № 12704
174. 8.77 г; 22 мм; инв. № 12705. Две надчеканки.

AE. *Л.с.* Лев, бегущий вправо; над ним звезда. Точечный ободок. *О.с.* Монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, pl. IX, 5; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 18; *Анохин* 1986, табл. 10, 257; *Фролова* 1997/I, 182-183, табл. V, 6-14; *SNG Stancomb* 962-963; *Frolova, Ireland* 2002, 52-53, pl. XXXIV, 6-14.

175. 6.90 г; 18 мм; инв. № 12701. *Фролова* 1989, табл. IV, 20.

Серия II. Монограмма BAE в качестве дифферента

AE. *Л.с.* Голова Афины в шлеме вправо; из-за левого плеча видна часть щита. Точечный ободок. *О.с.* Протома коня; слева монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 9; *Анохин* 1986, табл. 10, 273; *Фролова* 1997/I, 184-185, табл. VI, 9-23; *Frolova, Ireland* 2002, 54, pl. XXXV, 9-23.

176. 11.35 г; 20 мм; инв. № 12692. *Фролова* 1989, табл. VI, 7
177. 9.96 г; 20 мм; инв. № 12693.

AE. *Л.с.* Голова Зевса Аммона вправо. Тройной ободок: между двумя линейными — точечный ободок. *О.с.* Змея, приподнявшаяся на сложенном кольцом конце, вправо; на голове змеи — корона Изиды; слева вверху монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 22; *Анохин* 1986, табл. 10, 274; *Фролова* 1997/I, 185-186, табл. VI, 24-26; VII, 1-7; *Frolova, Ireland* 2002, 55, pl. XXXV, 24-26; XXXVI, 1-7.

178. 5.43 г; 18 мм; инв. № 12688. *Фролова* 1989, табл. VI, 7
179. 4.98 г; 18 мм; инв. № 12689

AE. *Л.с.* Бюст Артемиды вправо. Точечный ободок. *О.с.* Сидящая собака вправо; голова повернута назад; слева вверху монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 18; *Анохин* 1986, табл. 10, 275; *Фролова* 1997/I, 186, табл. VII, 8-14а; *Frolova, Ireland* 2002, 55, pl. XXXVI, 8-14.

180. 3.69 г; инв. № 12695

Серия III. Монеты с монограммой BAE и обозначением номинала

Номинал 6

AE. *Л.с.* Голова Зевса в лавровом венке вправо. Точечный ободок. *О.с.* Орел на молнии вправо; голова повернута назад; справа монограмма BAE, слева ⊂. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 21; *Зограф* 1951, табл. XLV, 3; *Анохин* 1986, табл. 11, 278; *Фролова* 1997/I, 187-188, табл. VII, 20-23, VIII, 1; *Frolova, Ireland* 2002, 56, pl. XXXVI, 20-23; XXXVII, 1.

181. 13.53 г; инв. № 12703. *Фролова* 1989, табл. VII, 9

Номинал 5

AE. *Л.с.* Голова Посейдона в диадеме вправо; за левым плечом трезубец, украшенный повязкой. Точечный ободок. *О.с.* Дельфин вправо; вверху монограмма BAE, внизу E. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 19; *Зограф* 1951, табл. XLV, 4; *Анохин* 1986, табл. 11, 279; *Фролова* 1997/I, 188, табл. VIII, 2-10; *Frolova, Ireland* 2002, 57, pl. XXXVII, 2-10.

182. 7.49 г; 21 мм; инв. № 12698. Знак не виден
183. 12.21 г; 26 мм; инв. № 12699. На *О.с.* - трезубец. *Фролова* 1989, табл. VIII, 2

Номинал 4

AE. *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке вправо; вокруг стилизованный венок и точечный ободок. *О.с.* Треножник, покрытый кортиной, слева монограмма BAE, справа лавровая ветвь; внизу Δ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 15; *Зограф* 1951, табл. XLV, 5; *Анохин* 1986, табл. 11, 280; *Фролова* 1997/I, 189, табл. VIII, 11-20; *Frolova, Ireland* 2002, 57-58, pl. XXXVII, 11-20.

184. 8.22 г; 20 мм; инв. № 12696. *Фролова* 1989, табл. VIII, 14

185. 8.50 г; 20 мм; инв. № 12697. *Фролова* 1989, табл. VIII, 13

Номинал 3

AE. *Л.с.* Лев, припавший к земле, вправо; вверху восьмилучевая звезда, внизу черта. Вокруг дубовый венок, перевязанный внизу лентой, и точечный ободок. *О.с.* Пальмовая ветвь и венок с лентами; справа монограмма BAE, под ней Г. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 13; *Зограф* 1951, табл. XLV, 6; *Анохин* 1986, табл. 11, 281; *Фролова* 1997/I, 189-190, табл. IX, 1-7; *Frolova, Ireland* 2002, 58, pl. XXXVII, 1-7.

186. 6.88 г; 20 мм; инв. № 12702

Номинал 2

AE. *Л.с.* Голова Диониса вправо. Точечный ободок. *О.с.* Мистическая киста с крышкой и двумя тирсами, поставленными крест накрест, украшенными сверху лентами; слева монограмма BAE, под кистой B. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 25; *Зограф* 1951, табл. XLV, 7; *Анохин* 1986, табл. 11, 282; *Фролова* 1997/I, 190-191, табл. IX, 8-12; *Frolova, Ireland* 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 8-13.

187. 4.68 г; 18 мм; инв. № 12690

Номинал 1

AE. *Л.с.* Голова Сераписа в модиусе и венке вправо. Точечный ободок. *О.с.* Рог изобилия с нижним концом, имеющим форму стрелы, украшенный лентой; слева монограмма BAE, справа A. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 11; *Зограф* 1951, табл. XLV, 8; *Анохин* 1986, табл. 11, 283; *Фролова* 1997/I, 190-191, табл. IX, 14-19; *Frolova, Ireland* 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 14-19a.

188. 3.86 г; 15 мм; инв. № 12694

Серия IV. Монеты редуцированного веса с монограммой BAE и обозначением номинала

Номинал **7**

AE. *Л.с.* Голова Персея влево; слева гарпа. Точечный ободок. *О.с.* Герма, справа пальмовая ветвь, перевязанная лентой; слева монограмма BAE, справа внизу Z. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 23; *BMC* 13, 45, nos. 13-14, pl. IX, 7; *Зограф* 1951, табл. XLV, 10; *Анохин* 1986, табл. 11, 286; *Фролова* 1997/I, 191-192, табл. IX, 20-28; X, 1-8; *SNG Stancomb* 965; *Frolova, Ireland* 2002, 59-60, pl. XXXVIII, 20-28; XXXIX, 1-9.

189. 5.84 г; 21 мм; инв. № 12700. *Фролова* 1989, табл. IX, 25

Серия V. Монеты с обозначением номинала, но без монограммы BAE

Номинал 7

AE. *Л.с.* Голова Гермеса в петасосе вправо. Точечный ободок. *О.с.* Крылатый кадуцей; слева Z. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 26; *Зограф* 1951, табл. XLV, 11; *Анохин* 1986, табл. 11, 290; *Фролова* 1997/I, 192-193, табл. X, 10-13; *Frolova, Ireland* 2002, 60, pl. XXXIX, 10-13.

190. 5.84 г; 21 мм; инв. № 12691. *Фролова* 1989, табл. X, 4a

Неизвестный правитель BAM
Конец I в. до н. э.

Номинал 10

AE. *Л.с.* Голова Гелиоса вправо. Точечный ободок. *О.с.* Полумесяц с шестилучевой звездой над ним; внизу монограмма BAM, справа I. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 92; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 4; *Анохин* 1986, табл. 11, 294; *Фролова* 1997/I, 193-194, табл. X, 18-22; *Frolova, Ireland* 2002, 60, pl.

XXXIX, 18-22.

191. 7.91 г; 24 мм; инв. № 12707. *Фролова* 1989, табл. X, 10а

Номинал 4

АЕ. *Л.с.* Голова бородатого Геракла вправо. Точечный ободок. *О.с.* Дерево Гесперид, обвитое змеей; справа монограмма ВАМ, слева Δ. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 11, 296; *Фролова* 1997/I, 194, табл. X, 27-30; *Frolova, Ireland* 2002, 61, pl. XXXIX, 27-30.

192. 3.28 г; 21 мм; инв. № 12706. *Анохин* 1986, табл. 11, 296; *Фролова* 1989, табл. X, 15а

Аспург (14-37)

Номинал 12 — ассы

Тип 1. Голова Тиберия/голова Аспурга

Вариант I

АЕ. *Л.с.* ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ. Голова Тиберия в венке вправо. Точечный ободок. *О.с.* Голова Аспурга в царской повязке вправо, слева монограмма ВАР, справа ΙΒ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 85; *Зограф* 1951, табл. XLV, 16; *Анохин* 1986, табл. 12, 319; *Фролова* 1997/I, 199-200, табл. XIII, 19; XIV, 1-2, 4; *SNG* Stancomb 966-967; *Frolova, Ireland* 2002, 66-67, pl. XLIII, 1-9.

193. 5.06 г; инв. № 12728
194. 3.01 г; инв. № 12729
195. 6.08 г; инв. № 12730
196. 3.74 г; 21 мм; инв. № 12731
197. 12.28 г; 24 мм; инв. № 12733

Вариант II

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 84; *RPC* I, 1903; *Фролова* 1997/I, 200-201, табл. XIII, 20; XIV, 10-21; *Frolova, Ireland* 2002, 67, pl. XLIII, 10-21; XLII, 20.

198. 7.49 г; инв. № 12732

Вариант III

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; но ΒΙ вместо ΙΒ.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 201, табл. XV, 1-8; *Frolova, Ireland* 2002, 67, pl. XLIV, 1-8.

199. 5.09 г; 22 мм; инв. № 12734

Тип II. Голова Аспурга/голова Калигулы

После 18 марта 37 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* Голова Аспурга в царской повязке вправо; слева монограмма ВАР, справа внизу ΙΒ. Точечный ободок. *О.с.* ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Гая Калигулы в лавровом венке вправо. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 87-88; *Зограф* 1951, табл. XLV, 17; *Анохин* 1986, табл. 12, 320; *Фролова* 1997/I, 202-203, табл. XV, 14–20; XVI, 1–21: XVII, 1–7; *RPC* I, 1904; *Frolova, Ireland* 2002, 68-69, pl. XLIV, 14-20, XLV, 1-21; XLVI, 1–7.

200. 9.07 г; 25 мм; инв. № 12735

Номинал ϛ = 6

АЕ. *Л.с.* Голова Ареса в шлеме; слева тамга. Точечный ободок. *О.с.* Трофей из оружия; слева монограмма ВАР, справа внизу ϛ. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 12, 318; *Фролова* 1997/I, 203-204, табл. XVII, 8-14; *RPC* I, 1902; *Frolova, Ireland* 2002, 69-70, pl. XLVI, 8–14.

201. 5.08 г; 18 мм; инв. № 12728

Гепепирия (37-38)

Ассы

АЕ. Л.с. ΒΑCΙΛΙCCΗCΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC. Бюст Гепепирии вправо; на голове царская повязка, концы которой опускаются на пле-

чи. Точечный ободок. *О.с.* Голова Афродиты Урании в калафосе, покрытая покрывалом, вправо; слева или справа IB. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 94; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 7; *Анохин* 1986, табл. 12, 326; *Фролова* 1997/I, 204-205, табл. XVIII, 1–8, 10-18; XIX, 1-3; *RPC* I, 1907; *Frolova, Ireland* 2002, 70-71, pl. XLVII, 1-18; XLVIII, 1-3.

202. 8.01 г; 23 мм; инв. № 12726

Митридат III (VIII) (39-45)

Ассы

Тип 1. 39 г. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ. Бюст Митридата VIII вправо; на голове диадема. Точечный ободок. *О.с.* ΒΑCΙΛΙCCΗC ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC. Задрапированный бюст Гепепирии вправо; на голове диадема; справа IB. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 93; *Анохин* 1986, табл. 12, 331; *RPC* I, 1911; *Фролова* 1997/I, 207, табл. XIX, 9-18; *SNG Stancomb* 968; *Frolova, Ireland* 2002, 71-72, pl. XLVIII, 5-18.

203. 10.13 г; 22 мм; инв. № 12727

Тип 2. 39-45 гг. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ. Бюст Митридата VIII вправо; на голове диадема. Точечный ободок. *О.с.* Палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой; слева — лук в горите, справа — трезубец; справа внизу IB. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 91; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 6; *Анохин* 1986, табл. 12, 330; *RPC* I, 1910; *Фролова* 1997/I, 208-209, табл. XX, 2–18; XXI, 1–17: XXII, 1–11; *SNG Stancomb* 969; *Frolova, Ireland* 2002, 73-74, pl. XLIX, 2-18; L, 1-17; LI, 1-12.

204. 8.30 г; 22 мм; инв. № 12736
205. 7.32 г; 22 мм; инв. № 12737

Котис I (45- 68)

Медные монеты

Серия I. 45-50 гг. н.э.

Номинал ϛ = 6

AE. *Л.с.* Голова Аспурга, отца Котиса I, в диадеме вправо, справа монограмма ΒΑΡ. Точечный ободок. *О.с.* Голова Котиса I в диадеме вправо; справа монограмма ΒΑΚ, над ней часть лука, внизу ϛ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 106; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 12; *Анохин* 1986, табл. 13, 346; *Фролова* 1997/I, 214, табл. XXIV, 2; *RPC* I, 1927; *Frolova, Ireland* 2002, 77, pl. LIII, 2.

206. 3.65 г; 21 мм; инв. № 12738

Номинал H = 8

AE. *Л.с.* Голова Британника вправо. Точечный ободок. *О.с.* Голова юного Котиса I в диадеме вправо; слева монограмма ΒΑΚ, справа H. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 105; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 11; *Анохин* 1986, табл. 13, 345; *Фролова* 1997/I, 214, табл. XXIV, 4-10; *RPC* I, 1926; *Frolova, Ireland* 2002, 78, pl. LIII, 4-10.

207. 5.58 г; 21 мм; инв. № 12739

Серия II. 49-54 гг. н.э.

Ассы

Тип 1

AE. *Л.с.* ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC. Голова Клавдия в лавровом венке вправо; внизу IB. Точечный ободок. *О.с.* ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΚΑΙCΑΡΟC. Голова Агриппины вправо, справа монограмма ΒΑΚ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 107; *Фролова* 1997/I, 215, табл. XXIV, 24; XXV, 1-3; *RPC* I Suppl., 1925a; *Frolova, Ireland* 2002, 79, pl. LIII, 24; LIV, 1-3.

208. 8.98 г; 20 мм; инв. № 12740

Тип 2

AE. *Л.с.* ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC. Голова Клавдия в лавровом венке вправо; внизу ΙΒ. Точечный ободок. *О.с.* ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ CEBACTHN. Голова Агриппины влево, слева монограмма BA. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 109; *Анохин* 1986, табл. 13, 348; *Фролова* 1997/I, 215-217, табл. XXV, 4–21; XXVI, 1-14; *RPC* I, 1925; *Frolova, Ireland* 2002, 79-80, pl. LIV, 4-21; LV, 1-14.

209. 8.91 г; 21 мм; инв. № 12741
210. 5.46 г; 21 мм; инв. № 12742
211. 9.32 г; 21 мм; инв. № 12743
212. 8.08 г; 21 мм; инв. № 12744
213. 9.09 г; 24 мм; инв. № 12745

Серия V. 63–68 гг. н.э.

Номинал МН = 48 — сестерции

AE. *Л.с.* NEPΩNOC ΚΛΑΥΔΙΟΥ CEBACTOY KAICAPOC Голова Нерона вправо. Точечный ободок. *О.с.* Венок, внутри МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 114; *Анохин* 1986, табл. 13, 352; *Фролова* 1997/I, 219, табл. XXVII, 8, 10, 11, 15; *RPC* I, 1932; *Frolova, Ireland* 2002, 81-82, pl. LVI, 8, 10, 11, 15.

214. 12.93 г; 30 мм; инв. № 12747

Номинал КΔ = 24 — дупондии

Тип 1

AE. *Л.с.* NEPΩNOC KAICAPOC Голова Нерона вправо. Точечный ободок. *О.с.* Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; К—Δ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 115; *Анохин* 1986, табл. 13, 353; *Фролова* 1997/I, 219-220, табл. XXVIII, 2, 8-9; *RPC* I, 1933; *Frolova, Ireland* 2002, 82, pl. LVII, 2, 8-9.

215. 9.36 г; 30 мм; инв. № 12748

Тип 2

AE. *Л.с.* Пятиколонный храм; КА—ПЕ. Точечный ободок. *О.с.* Венок, внутри монограмма BA, под ней КΔ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 177; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 17; *Анохин* 1986, табл. 14, 370; *Фролова* 1997/I, 220, табл. XXVIII, 11–18; *RPC* I, 1930; *SNG Stancomb* 973; *Frolova, Ireland* 2002, 79-80, pl. LVII, 11-18; LVIII, 1.

216. 7.26 г; 22 мм; инв. № 12749

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* То же, монограмма BACY, под ней КΔ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 201; *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 4; *Анохин* 1986, табл. 14, 371; *Фролова* 1997/I, 220-221, табл. XXVIII, 19; XXIX, 1–13; *RPC* I, 1931; *SNG Stancomb* 974; *Frolova, Ireland* 2002, 83-84, pl. LVIII, 2-19.

217. 9.77 г; инв. № 12750

Рискупорид II (69-93)

Медные монеты

Серия I. 69-80 гг. н.э.

Дупондии

AE. *Л.с.* BACIΛEωCPHCKOYΠOPIΔOC. Голова Рискупорида II в диадеме вправо. Точечный ободок. *О.с.* Голова Афродиты Урании в калафе и покрывале вправо; слева монограмма…; справа КΔ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 132; *Анохин* 1986, табл. 14, 374; *Фролова* 1997/I, 226, табл. XXX, 21–23; XXXI, 1-2.

218. 5.53 г; 22 мм; инв. № 12762

Серия II. 80-93 гг. н.э.

Группа II

Дупондии

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Голова Рискупорида II в диадеме вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст царицы (?) вправо; К–Δ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 129; *Frolova* 1979, pl. II, 15–16, 19-21, 23; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 5; *Анохин* 1986, табл. 15, 386; *Фролова* 1997/I, 228-229, табл. XXXII, 4–6, 9-11.

219. 6.94 г; 22 мм; инв. № 12760
220. 7.51 г; 22 мм; инв. № 12761

Сестерции, л.с. — царь, попирающий пленника

Тип 1

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок. *О.с.* Бюсты царя и Афродиты Урании (?), помещенные друг против друга; внизу МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 128; *BMC* 13, pl. XII, 5; *Frolova* 1979, pl. III, 3, 5, 8; *Анохин* 1986, табл. 14, 382; *Фролова* 1997/I, 229, табл. XXXIII, 1-2, 5, 7.

221. 13.12 г; 27 мм; инв. № 12763

Тип 2

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок. *О.с.* Ника с венком и пальмовой ветвью, идущая влево; М–Н.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 127; *BMC* 13, pl. XII, 9; *Frolova* 1979, pl. III, 10–15, 20; *Анохин* 1986, табл. 14, 380; *Фролова* 1997/I, 230, табл. XXXIII, 9–15, 18.

222. 9.82 г; 28 мм; инв. № 12751

Тип 3

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок. *О.с.* Городские ворота с конной статуей наверху; справа башня; под обрезом МН.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 126; *Frolova* 1979, pl. III, 23; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 3; *Анохин* 1986, табл. 14, 381; *Фролова* 1997/I, 230-231, табл. XXXIV, 2–4.

223. 13.62 г; 28 мм; инв. № 12753

Тип 4

AE. Л.с. ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок. О.с. Венок; в нем МН.

Лит.: *BMC* 13, pl. XII, 10; *Frolova* 1979, pl. III, 25; *Анохин* 1986, табл. 14, 379; *Фролова* 1997/I, 231, табл. XXXIV, 6.

224. 15.24 г; 28 мм; инв. № 12752

Группа III. Л.с. — царь на троне

Сестерции

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Царь на троне вправо; в руках держит скипетр с бюстом; справа монограмма.. Точечный ободок. *О.с.* ΤΕΙΜΑΙ ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ Круглый щит с копьем; слева голова коня и топор, справа шлем и меч; внизу М—Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 121; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 16; *Frolova* 1979, pl. IV, 1-4; *Анохин* 1986, табл. 14, 375; *Фролова* 1997/I, 231, табл. XXXIV, 8–11.

225. 14.83 г; 30 мм; инв. № 12754
226. 13.73 г; 30 мм; инв. № 12755

Серия III. 90–93 гг.

Сестерции: на *л.с.* — бюст царя, дифференты — трезубец и палица

Тип 1

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст царя вправо; справа — трезубец, слева — палица. Точечный ободок. *О.с.* Скачущий всадник вправо; под обрезом МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 130; *BMC* 13, pl. XII, 6; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 4; *Frolova* 1979, pl. IV, 7, 9-11; *Анохин* 1986, табл. 15, 385; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 4; *Фролова* 1997/I, 232, табл. XXXIV, 15–17; XXXV, 1–3; *SNG Cop.* IV, pl. I, 36.

227. 11.09 г; 28 мм; инв. № 12756
228. 11.54 г; 28 мм; инв. № 12757

Тип 2

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст царя вправо; справа — трезубец, слева — палица. Точечный ободок. *О.с.* Венок; под обрезом МН. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, pl. XII, 8; *Frolova* 1979, pl. IV, 15; *Анохин* 1986, табл. 14, 383; *Фролова* 1997/I, 232-233, табл. XXXV, 9.

229. 11.32 г; 28 мм; инв. № 12759

Тип 3

AE. *Л.с.* ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст царя вправо; справа — трезубец, слева — палица. Точечный ободок. *О.с.* Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 131; *BMC* 13, pl. XII, 7; *Frolova* 1979, pl. IV, 17-18; *Анохин* 1986, табл. 14, 384; *Фролова* 1997/I, 233, табл. XXXV, 12, 14.

230. 17.21 г; 28 мм; инв. № 12758

Савромат I (93-123)

Медные монеты

Серия I. 93-96 гг.

Сестерции

Тип 1

AE. *Л.с.* ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата I вправо. Точечный ободок. *О.с.* Голова Домициана вправо; внизу МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 151; *Frolova* 1979, pl. VII, 17; *Анохин* 1986, табл. 16, 417; *Фролова* 1997/I, 241, табл. XL, 4.

231. 8.72 г; 26 мм; инв. № 12768

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 158; *Frolova* 1979, pl. VII, 20; *Анохин* 1986, табл. 16, 418; *Фролова* 1997/I, 242, табл. XL, 7.

232. 11.57 г; 27 мм; инв. № 12765

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. VII, 22; *Анохин* 1986, табл. 16, 419; *Фролова* 1997/I, 242, табл. XL, 9.

233. 12.32 г; 28 мм; инв. № 12769
234. 13.38 г; 30 мм; инв. № 12770
235. 19.63 г; 30 мм; инв. № 12771
236. 12.90 г; 28 мм; инв. № 12772
237. 9.26 г; 26 мм; инв. № 12773
238. 12.95 г; 28 мм; инв. № 12774

Тип 4

AE. *Л.с.* TI IOYLIOY BACIΛEYC CAYPOMATOY. Бюст Савромата I влево. Точечный ободок. *О.с.* Венок, в нем бюст Афродиты Апатуры влево; на голове калафос и покрывало; M–H. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 155; *Frolova* 1979, pl. VII, 25-28; *Анохин* 1986, табл. 16, 414; *Фролова* 1997/I, 242-243, табл. XL, 12-15.

239. 14.21 г; 29 мм; инв. № 12775

Тип 6

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок, в нем Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; M–H. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. VII, 29-31; *Анохин* 1986, табл. 16, 415; *Фролова* 1997/I, 243, табл. XL, 16-18.

240. 9.76 г; 28 мм; инв. № 12776

Тип 7

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Городские ворота с башнями по сторонам; слева стоящий на коленях пленник; внизу MH. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 157; *Frolova* 1979, pl. VIII, 3-4, 6; *Анохин* 1986, табл. 16, 416; *Фролова* 1997/I, 243, табл. XLI, 2, 3, 5.

241. 13.02 г; 29 мм; инв. № 12764

Серия II. 98–103/104 гг.

Группа I. Л.с. — бюст Траяна

Сестерции

Тип 1

AE. *Л.с.* KAICAPOC CEBACTOY ΓEPMANIKOY NEROYA TPAIANOY. Бюст Траяна вправо. Точечный ободок. *О.с.* Ника, идущая влево с венком в правой руке и пальмовой ветвью — в левой; M — H. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. VIII, 8; *Анохин* 1986, табл. 17, 430; *Фролова* 1997/I, 244, табл. XLI, 6-7.

242. 9.63 г; 28 мм; инв. № 12766

Группа II. Л.с. — курульное кресло

Сестерции

Тип 1

AE. *Л.с.* TIBEPIOY IOYLIOY BACIΛEO CAYPOMATOY. Курульное кресло с венком на нем; слева круглый щит и копье; справа скипетр с бюстом императора. Точечный ободок. *О.с.* KAICAPOC CEBACTOY ΓEPMANIKOY NEROYA TPAIANOY. Бюст Траяна вправо; M — H. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. VIII, 10; *Анохин* 1986, табл. 17, 431; *Фролова* 1997/I, 244-245, табл. XLI, 10.

243. 13.47 г; 28 мм; инв. № 12767

Тип 2

AE. *Л.с.* То же, но надпись TI IOYLIOY BACIΛEOC CAYPOMATOY. *О.с.* Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; M–H. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. VIII, 14; *Анохин* 1986, табл. 17, 436; *Фролова* 1997/I, 245, табл. XLI, 14.

244. 18.51 г; 28 мм; инв. № 12784

Тип 5

AE. *Л.с.* То же, но надпись TI IOYLIOY BACIΛEO CAYPOMATOY. Точечный ободок. *О.с.* Венок, в нем MH. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 165; *Frolova* 1979, pl. VIII, 17-18, 21-22; *Анохин*

1986, табл. 17, 437; *Фролова* 1997/I, 245-246, табл. XLII, 1, 2, 5, 6.

245. 11.93 г; 25 мм; инв. № 12781
246. 12.01 г; 25 мм; инв. № 12779

Тип 6

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* TEIMAI BACIΛEωC CAYPOMATOY. Круглый щит и копье; слева шлем и меч; справа голова коня и топор; внизу М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 161; *Frolova* 1979, pl. IX, 2; *Анохин* 1986, табл. 17, 435; *Фролова* 1997/I, 247, табл. XLII, 14.

247. 10.51 г; 28 мм; инв. № 12785

Тип 7

AE. *Л.с.* То же; но надпись TIBEPIOY IOYLIOY BACIΛEOC CAYPOMATOY. *О.с.* Венок, в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. IX, 4; *Фролова* 1997/I, 247, табл. XLII, 17.

248. 10.04 г; 28 мм; инв. № 12778

Группа III. Л.с. — бюсты царя и царицы

Сестерции

Тип 1

AE. *Л.с.* TI IOYLIOY BACIΛEωC CAYPOMATOY. Бюсты царя и царицы друг против друга; внизу МН. Точечный ободок. *О.с.* TEIMAI BACIΛEωC CAYPOMATOY. Круглый щит и копье; слева шлем и меч; справа голова коня и топор; внизу М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 150; *Frolova* 1979, pl. IX, 10; *Анохин* 1986, табл. 17, 439; *Фролова* 1997/I, 248, табл. XLII, 23.

249. 11.84 г; 26 мм; инв. № 12780

Группа IV. Л.с. — царь на курульном кресле

Сестерции

Тип 1

AE. *Л.с.* TIBEPIOC IOYLIOC BACIΛEYC CAYPOMATHC. Царь на курульном кресле вправо; в левой руке держит скипетр с бюстом императора. Точечный ободок. *О.с.* Голова Траяна вправо; внизу МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. IX, 14; *Анохин* 1986, табл. 17, 423; *Фролова* 1997/I, 249, табл. XLIII, 2.

250. 13.15 г; 28 мм; инв. № 12777

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* TEIMAI BACIΛEωC CAYPOMATOY. Круглый щит и копье; слева шлем и меч; справа голова коня и топор; внизу М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 148; *Frolova* 1979, pl. IX, 16; *Анохин* 1986, табл. 17, 427; *Фролова* 1997/I, 249, табл. XLIII, 4.

251. 9.26 г; 28 мм; инв. № 12786

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* TEIMAI BACIΛEωC CAYPOMATOY. Курульное кресло с венком на нем; слева круглый щит; справа скипетр с бюстом императора; внизу по сторонам от копья М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. IX, 22; *Анохин* 1986, табл. 17, 428; *Фролова* 1997/I, 249-250, табл. XLIII, 12.

252. 9.37 г; 26 мм; инв. № 12783

Тип 4

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок, в нем Ника, идущая влево; в правой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь; М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. IX, 27; *Анохин* 1986, табл. 17, 424; *Фролова* 1997/I, 250, табл. XLIII, 17.

253. 17.45 г; 26 мм; инв. № 12782

Серия III. 103/104-108 гг.

Сестерции

Тип 1

АЕ. *Л.с.* TI IOYLIOY BACIΛEYC CAYPOMATHC. Бюст Савромата I вправо. Точечный ободок. *О.с.* Венок, в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. X, 10-11, 15, 17; *Анохин* 1986, табл. 18, 443; *Фролова* 1997/I, 253, табл. XLIV, 8-9, 12-13, 15.

254. 8.92 г; 26 мм; инв. № 12787

Серия V. 115-118 гг. н.э.

Сестерции

Тип 1

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, pl. XIII, 11; *Frolova* 1979, pl. XII, 20-21б 24, 30; XIII, 7, 10; *Фролова* 1997/I, 260-261, табл. XLVII, 19; XLVIII, 1, 4, 10, 11, 18, 21.

255. 9.38 г; 26 мм; инв. № 12788

Серия VI. 118-123 гг.

Группа I. Л.с. — бюст царя; справа трезубец, слева палица.

Сестерции

Тип 1

АЕ. *Л.с.* BACIΛEωC CAYPOMATOY. Бюст Савромата I вправо; справа трезубец, слева палица. Точечный ободок. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 160; *Frolova* 1979, pl. XIII, 22-23, 25; *Анохин* 1986, табл. 19, 466; *Фролова* 1997/I, 262, табл. XLIX, 8-10.

256. 10.97 г; 26 мм; инв. № 12789
257. 7.93 г; 26 мм; инв. № 12790

Тип 2

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Ника, идущая влево; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XIII, 26-28; *Анохин* 1986, табл. 19, 465; *Фролова* 1997/I, 262, табл. XLIX, 11-13.

258. 11.97 г; 26 мм; инв. № 12791
259. 7.19 г; 25 мм; инв. № 12792
260. 14.20 г; 26 мм; инв. № 12793

Тип 3

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Круглый щит и копье; слева голова коня и топор; справа голова в шлеме и меч в ножнах; МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XIV, 1; *Анохин* 1986, табл. 19, 467; *Фролова* 1997/I, 262-263, табл. XLIX, 14.

261. 9.49 г; 25 мм; инв. № 12794

Тип 4

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Скачущий всадник вправо; под обрезом МН. Точечный ободок.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLVII, 14; *Frolova* 1979, pl. XIV, 2; *Анохин* 1986, табл. 19, 468; *Фролова* 1997/I, 262-263, табл. XLIX, 14.

262. 10.74 г; 25 мм; инв. № 12795

Котис II (123-132)

Медные монеты

Сестерции

Серия I. 123-124 гг. н.э.

Группа 1. Л.с. — курульное кресло

Тип 1

AE. *Л.с.* ВАСІЛЕѡС КОТУОС. Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок. *О.с.* Венок, в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 178; *Frolova* 1979, pl. XVI, 3; *Анохин* 1986, табл. 20, 482; *Фролова* 1997/I, 268, табл. LII, 16.

263. 8.84 г; 26 мм; инв. № 12796

Группа 2. Л.с. — бюст царя вправо

Тип 1

AE. *Л.с.* ВАСІЛЕѡС КОТУОС. Бюст Котиса II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Венок, в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XVI, 10-11; *Анохин* 1986, табл. 20, 485; *Фролова* 1997/I, 269, табл. LII, 24-25.

264. 9.80 г; 26 мм; инв. № 12798

Серия II. Ок. 125 г. н.э. На л.с. дифферент — трезубец

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 176; *Frolova* 1979, pl. XVI, 18-20, 22; *Анохин* 1986, табл. 20, 487; *Фролова* 1997/I, 270, табл. LIII, 8-11.

265. 9.04 г; 25 мм; инв. № 12797
266. 11.33 г; 25 мм; инв. № 12799

Серия III. Ок. 126 г. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* ВАСІЛЕѡС КОТУОС. Бюст Котиса II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Всадник скачет вправо; в правой руке держит копье наперевес, в левой — поводья; МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XVI, 25-26; *Фролова* 1997/I, 270-271, табл. LIII, 16-17.

267. 9.62 г; 25 мм; инв. № 12800

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Круглый щит, украшенный венком, и копье; слева голова коня и топор, справа голова в шлеме и меч; МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 172; *BMC* 13, pl. XIV, 6; *Frolova* 1979, pl. XVII, 9-10; *Анохин* 1986, табл. 20, 492; *Фролова* 1997/I, 272, табл. LIV, 8-9.

268. 11.71 г; 25 мм; инв. № 12801
269. 6.85 г; 25 мм; инв. № 12802

Серия IV. Ок. 129–130 гг. н.э.

Дупондии

AE. *Л.с.* ΤΕΙΜΑΙ ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΚΟΤΥϹΟϹ. Курульное кресло с венком на нем; справа скипетр с бюстом императора. Точечный ободок. *О.с.* ΤΟΥ ΑϹΠΟΥΡΓΟΥ. Щит с копьем; справа — человеческая голова и меч в ножнах, слева — голова лошади и коринфский шлем, под щитом К–Δ. Точечный ободок.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 13, 15-18, 20, 26; *Frolova* 1979, pl. XVI, 15; *Фролова* 1997/I, 274-275, табл. LV, 21-23; LVI, 1-16.

270. 6.56 г; 22 мм; инв. № 12803
271. 4.36 г; 22 мм; инв. № 12804
272. 5.32 г; 23 мм; инв. № 12805

Римиталк (131-154)

Сестерции

Серия II. Ок. 133 г. н.э. На л.с. — курульное кресло

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ. Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 189; *Frolova* 1979, pl. XXI, 25-26, 28, 30, 32; *Анохин* 1986, табл. 22, 526; *Фролова* 1997/I, 282, табл. LXI, 4-5, 7, 8, 11.

273. 8.97 г; 25 мм; инв. № 12806

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Ника, идущая влево; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 190; *Frolova* 1979, pl. XXII, 2; *Анохин* 1986, табл. 22, 527; *Фролова* 1997/I, 282, табл. LXI, 14.

274. 12.92 г; 25 мм; инв. № 12808

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Круглый щит с копьем; слева голова коня и топор, справа шлем и меч; МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXII, 4; *Анохин* 1986, табл. 22, 528; *Фролова* 1997/I, 282, табл. LXI, 16.

275. 11.97 г; 26 мм; инв. № 12807

Серия III. Ок. 133-134 гг. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 189; *Frolova* 1979, pl. XXII, 12, 16, 27-29;*Фролова* 1997/I, 283-284, табл. LXII, 1, 5, 18-20.

276. 6.91 г; 24 мм; инв. № 12809
277. 8.21 г; 25 мм; инв. № 12810
278. 8.63 г; 24 мм; инв. № 12811
279. 9.77 г; 25 мм; инв. № 12812

Ок. 136 г. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ. Бюст Римиталка вправо; справа трезубец. Точечный ободок. *О.с.* Ника, идущая влево; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXII, 6, 10;*Фролова* 1997/I, 283, табл. LXI, 18, 22.

280. 10.48 г; 25 мм; инв. № 12813
281. 10.24 г; 25 мм; инв. № 12814
282. 9.85 г; 25 мм; инв. № 12815

Серия IV. Ок. 133-136 гг. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Круглый щит с копьем; слева голова коня и топор, справа шлем и меч; МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXIII, 24-30; *Фролова* 1997/I, 286, табл. LXIV, 4-10.

283. 9.61 г; 25 мм; инв. № 12816
284. 8.68 г; 24 мм; инв. № 12817

Тип 3 (Без имени царя — гибрид?)

AE. *Л.с.* Венок; в нем МН. *О.с.* Ника, идущая влево; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXIV, 3; *Анохин* 1986, табл. 22, 529; *Фролова* 1997/I, 287, табл. LXIV, 19.

285. 7.13 г; 26 мм; инв. № 12822

Евпатор (154-170)

Сестерции

Группа I. 154-164 гг. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΕΥΠΑΤΟΡΟϹ. Бюст Евпатора вправо; справа трезубец. Точечный ободок. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 198-199; *Frolova* 1979, pl. XXVIII, 20, 24; *Анохин В.А.*, 1986, табл. 24, 547; *Фролова* 1997/I,

298, табл. LXXI, 21; LXXII, 3.

286. 13.02 г; 28 мм; инв. № 12819
287. 9.37 г; 27 мм; инв. № 12820
288. 6.96 г; 27 мм; инв. № 12821

Группа II. 164-170 гг. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 286; *Frolova* 1979, pl. XXIX, 2, 4; *Анохин В.А.*, 1986, табл. 24, 552; *Фролова* 1997/I, 299, табл. LXXII, 10, 12.

289. 7.33 г; 25 мм; инв. № 12818

Савромат II (174/175-210/211)

Статер

493 г. б.э. = 196 г. н.э.

AV. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΓϤY.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 211; *Frolova* 1979, pl. XXXI, 35, 36; *Анохин* 1986, табл. 26, 574б; *Фролова* 1997/I, 307-308, табл. LXXVII, 7, 8, 10, 14; *Фролова 2010а*, 126-127, табл. XXXVII, 504-507.

290. 7.70 г; 20 мм; инв. № 13758. На о.с. — трезубец

Медные монеты

Первый период. 174–186 гг.

Сестерции

Группа II. Л.с. — царь на скачущем коне

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXXV, 1; *Анохин* 1986, табл. 27, 601; *Фролова* 1997/I, 315, табл. LXXXII, 7.

291. 7.04 г; 23 мм; инв. № 12825

Группа III. Л.с. — бюст царя вправо

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Круглый щит с копьем; слева голова лошади и секира; справа голова в шлеме и меч в ножнах; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, pl. XVI, 5; *Frolova* 1979, pl. XXXV, 3-4; *Фролова* 1997/I, 315, табл. LXXXII, 9-10.

292. 7.42 г; 25 мм; инв. № 12826

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Венок; в нем МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXXV, 6-7; *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 8; *Анохин* 1986, табл. 27, 594; *Фролова* 1997/I, 316, табл. LXXXII, 12-13.

293. 7.85 г; 25 мм; инв. № 12827
284. 4.21 г; 24 мм; инв. № 12828

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Ника, идущая влево; М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXXV, 14; *Анохин* 1986, табл. 27, 595; *Фролова* 1997/I, 316, табл. LXXXII, 20.

295. 8.12 г; 25 мм; инв. № 12823
296. 6.88 г; 25 мм; инв. № 12824

Тип 4

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Курульное кресло с венком на нем; слева скипетр с головой императора, справа круглый щит и копье; внизу МН. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XXXV, 23; *Фролова* 1997/I, 314-315, табл. LXXXIII, 7.

297. 7.96 г; 25 мм; инв. № 12830
298. 6.52 г; 25 мм; инв. № 12830

Группа IV. Л.с. — царь на троне

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Восседающий на троне царь вправо; в правой руке держит скипетр. Точечный ободок. *О.с.* Трофей, составленный из шлема, панциря, кнемид и двух овальных щитов; слева пленник, со связанными за спиной руками, сидит влево; голова его обращена назад; М — Н. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 252; *Frolova* 1979, pl. XXXV, 19; *Анохин* 1986, 165, № 598; *Фролова* 1997/I, 317, табл. LXXXIII, 3.

299. 6.91 г; 24 мм; инв. № 12832

Второй период. 186–196 гг.

Двойные денарии

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации в левой держит копье; слева сверху *, справа внизу В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 225; *Frolova* 1979, pl. XXXV, 26-27; XXXVI, 3, 6, 8, 10, 14-18, 21; XXXVII, 6; *Анохин* 1986, табл. 28, 603; *Фролова* 1997/I, 318-319, табл. LXXXIII, 10-12, 15; LXXXIV, 3, 6, 7, 11-14; LXXXV, 11.

300. 14.95 г; 30 мм; инв. № 12834. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера
301. 14.73 г; 29 мм; инв. № 12835. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера
302. 14.29 г; 29 мм; инв. № 12836. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера
303. 17.66 г; 30 мм; инв. № 12837. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь стоит прямо, голова повернута влево; в правой руке держит палицу, в левой — трезубец; справа Ника, венчающая его; * — В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 229; *Frolova* 1979, pl. XXXVII, 7, 9-10; *Анохин* 1986, табл. 28, 604; *Фролова* 1997/I, 319, табл. LXXXV, 13, 4; LXXXVI, 4.

304. 17.43 г; 31 мм; инв. № 12838

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь стоит прямо, голова повернута влево; в правой руке держит палицу; * — В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 228; *Frolova* 1979, pl. XXXVII, 14; *Анохин* 1986, табл. 28, 605; *Фролова* 1997/I, 319, табл. LXXXVI, 5.

305. 15.63 г; 31 мм; инв. № 12839

Серия двойных денариев с изображениями подвигов Геракла

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Геракл, стреляющий из лука, вправо; справа Стимфалийская птица; слева *, ниже В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 234; *Frolova* 1979, pl. XXXVII, 16-17; *Анохин* 1986, табл. 28, 607; *Фролова* 1997/I, 320, табл. LXXXVI, 7-8.

306. 22.82 г; 31 мм; инв. № 12840. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера
307. 10.91 г; 29 мм; инв. № 12841. На *Л.с.* клеймо — голова Септимия Севера

Тип 2

AE. *Л.с.* То же; перед бюстом розетка. *О.с.* Геракл с палицей в поднятой правой

руке гонит быка вправо; * — В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 235; *Frolova* 1979, pl. XXXVIII, 3; *Анохин* 1986, табл. 28, 612; *Фролова* 1997/I, 320, табл. LXXXVI, 15.

308. 12.28 г; 29 мм; инв. № 12842

Тип 5

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Геракл с палицей в поднятой правой руке стоит вправо и борется с конем, поднявшимся на задние ноги, перед ним; * — В. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 238; *Frolova* 1979, pl. XXXVIII, 5; *Фролова* 1997/I, 320, табл. LXXXVII, 2.

309. 10.97 г; 29 мм; инв. № 12843

Денарии

АЕ. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо; перед бюстом иногда розетка. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит шар, в левой — скипетр; справа *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 239; *Frolova* 1979, pl. XXXVIII, 11-14, 16, 24-25; XXXIX, 1, 3-5, 8, 15; XL, 5; *Анохин* 1986, табл. 29, 616; *Фролова* 1997/I, 322-323, табл. LXXXVII, 7-10; LXXXVIII, 1, 7-13; LXXXIX, 3, 11; XC, 2, 10.

310. 10.12 г; 29 мм; инв. № 12844
311. 11.35 г; 29 мм; инв. № 12845
312. 14.16 г; 29 мм; инв. № 12846
313. 10.48 г; 28 мм; инв. № 12847
314. 9.67 г; 27 мм; инв. № 12848
315. 11.12 г; 29 мм; инв. № 12849
316. 13.68 г; 29 мм; инв. № 12850

Номинал РМΔ (144) — драхмы

АЕ. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо; иногда справа розетка из точек. Точечный ободок. *О.с.* Орел с венком в клюве и распластанными крыльями влево; голова повернута назад; вокруг Р–МΔ, РМ–Δ, Р–М–Δ, или справа РМΔ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 246-248; *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 14; *Frolova* 1979, pl. XL, 8-11, 16-17, 19-20, 26-28; XLI, 1, 5, 8, 13-14, 19-20, 26; XLII, 1; *Анохин* 1986, табл. 29, 618-618а; *Фролова* 1997/I, 323-325, табл. XC, 12, 14-17; XCI, 4-5, 7-8, 14-17; XCII, 5, 10-11, 16-17; XCIII, 5, 7.

317. 8.33 г; 26 мм; инв. № 12851
318. 10.09 г; 26 мм; инв. № 12852
319. 9.11 г; 26 мм; инв. № 12853
320. 8.26 г; 26 мм; инв. № 12854
321. 12.44 г; 29 мм; инв. № 12855
322. 9.55 г; 25 мм; инв. № 12856

Сестерции

Тип 1

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Ника, идущая влево; М–Н. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. XLII, 15-16; *Фролова* 1997/I, 327, табл. XCIV, 1-2.

323. 5.02 г; 24 мм; инв. № 12829

Третий период. 196-210 гг. н.э.

Двойные денарии

Тип 1

АЕ. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Царь на коне вправо; справа в штемпеле голова Септимия Севера; В — *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 226; *Frolova* 1979, pl. XLII, 17, 19, 24; *Анохин* 1986, табл. 29, 621; *Фролова* 1997/I, 327, табл. XCIV, 3, 5, 9.

324. 9.49 г; 25 мм; инв. № 12857

Тип 2

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит шар, в левой —

скипетр; слева вверху в штемпеле голова Септимия Севера; слева — В, справа — *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 243; *Frolova* 1979, pl. XLII, 23, 25-27; XLIII, 1-2, 11-12; *Анохин* 1986, табл. 29, 623; *Фролова* 1997/I, 328, табл. XCIV, 10–13, 17-18; XCV, 7-8.

325. 11.57 г; 25 мм; инв. № 12858

Тип 3

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит шар, в левой — скипетр; внизу слева фигурка Эрота, простирающего к ней руки; слева вверху в штемпеле голова Септимия Севера; В — *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 244; *Frolova* 1979, pl. XLIII, 16, 19; *Анохин* 1986, табл. 29, 624; *Фролова* 1997/I, 328, табл. XCV, 13, 16.

326. 10.36 г; 26 мм; инв. № 12859
327. 9.33 г; 25 мм; инв. № 12860

Драхмы

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC CAYPOMATOY. Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок. *О.с.* Орел с венком в клюве и распластанными крыльями влево; голова повернута назад; справа вверху в штемпеле голова Септимия Севера; ΡΜΔ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 249; *Frolova* 1979, pl. XLIII, 27-28; XLIV, 1 *Анохин* 1986, табл. 29, 625; *Фролова* 1997/I, 329-330, табл. XCV, 25; XCVI, 1, 3.

328. 6.65 г; 23 мм; инв. № 12862
329. 6.47 г; 23 мм; инв. № 12863
330. 5.99 г; 23 мм; инв. № 12864

Сестерции

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC CAYPOMATOY. Бюст Савромата II в царской диадеме вправо. Точечный ободок. *О.с.* Венок; в нем ΜΗ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 223; *Frolova* 1979, pl. XLIV, 3, 6-7; *Анохин* 1986, табл. 29, 626; *Фролова* 1997/I, 330, табл. XCVI, 5, 8-9.

331. 6.22 г; 21 мм; инв. № 12861

Рискупорид III (211-226)

Статеры

508 г. б.э. = 211 г. н.э.

EL. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωCΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC. Бюст Рискупорида III в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок. *О.с.* Бюст Каракаллы в панцире и плаще вправо; на голове лавровый венок; внизу ΗΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова 2010а*, 135, табл. XLII, 13759.

332. 7.55 г; 20 мм; инв. № 13759. На о.с. — звезда

513 г. б.э. = 216 г. н.э.

EL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΓΙΦ.

Лит.: *Фролова 2010а*, 145, табл. XLVI, 13760.

333. 7.53 г; 20 мм; инв. № 13760. На л.с. — палица

515 г. б.э. = 218 г. н.э.

EL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΕΙΦ.

Лит.: *Фролова 2010а*, 152-153, табл. L, 13761-13762.

334. 6.91 г; 20 мм; инв. № 13761. На л.с. — меч
335. 7.63 г; 19 мм; инв. № 13762. На о.с. — звезда

519 г. б.э. = 222 г. н.э.

EL. Л.с. То же. О.с. Бюст императора в панцире и плаще вправо; на голове лавровый венок; ΘΙΦ.

Лит.: *Фролова 2010а*, 161, табл. LIV,

13763.

336. 7.67 г; 20 мм; инв. № 13763. На л.с. — звезда

520 г. б.э. = 223 г. н.э.

EL. *Л.с.* То же. *О.с.* Бюст Александра Севера вправо; на голове лавровый венок; КФ.

Лит.: *Фролова 2010а*, 162, табл. LV, 13764.

337. 7.53 г; 20 мм; инв. № 13764. На л.с. — звезда

522 г. б.э. = 225 г. н.э.

EL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ВКФ.

Лит.: *Фролова 2010а*, 164, табл. LVI, 13765.

338. 7.61 г; 20 мм; инв. № 13765. На л.с. — меч

525 г. б.э. = 228 г. н.э. Консекрационный выпуск при Котисе III

AR. *Л.с.* ВАСІΛЕѡС РНСКОУПОРІ-ΔОС. Бюст Рискупорида III в палудаменте и панцире вправо; справа ним буквы ΘЕ и полумесяц. Точечный ободок. *О.с.* Бюст Александра Севера; на голове лавровый венок; справа шар; внизу ЕКФ. Точечный ободок.

Лит.: *Кене* 1857, 308, № 23; *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 269; *BMC* 13, pl. XVII, 2; *Фролова* 1980, 34, табл. XI, 18-21; XII, 1, 4; *Анохин* 1986, табл. 32, 655, *Фролова* 1997/II, 207, табл. XIII, 25.

339. 7.55 г; 20 мм; инв. № 13768

Денарии

Ок. 211-217 гг. н.э.

340. 9.21 г; 24 мм; инв. № 12865
341. 9.19 г; 24 мм; инв. № 12866
342. 8.97 г; 24 мм; инв. № 12867
343. 5.43 г; 24 мм; инв. № 12868
344. 8.39 г; 24 мм; инв. № 12869
345. 12.85 г; 24 мм; инв. № 12870

Группа III. Ок. 218-219 гг. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* ВАСІΛЕѡСРНСКОУПОРІΔОС. Бюст Рискупорида III вправо. Точечный ободок. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; внизу ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LI, 9-12, 20-25; *Анохин* 1986, табл. 31, 645; *Фролова* 1997/II, 209, табл. XV, 13-16; XVI, 1-2, 9, 11-15.

Ок. 218 гг. н.э.

346. 9.57 г; 25 мм; инв. № 12871

Тип 2

Ок. 218-219 гг. н.э.

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Богиня в зубчатой короне на троне влево; слева Эрот, принимающий из ее рук фиалу; внизу ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 282; *Frolova* 1979, pl. LIV, 9; *Анохин* 1986, табл. 31, 650; *Фролова* 1997/II, 214, табл. XXI, 10.

347. 8.44 г; 25 мм; инв. № 12877
348. 8.56 г; 25 мм; инв. № 12880

Тип 6

Ок. 218-219 гг. н.э.

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь, одетый в панцирь, стоит прямо; правой рукой опирается на палицу, в левой держит трезубец; справа ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 285; *Frolova* 1979, pl. LIV, 13-15; *Анохин* 1986, табл. 32, 651; *Фролова* 1997/II, 214, табл. XXI, 15-17.

349. 12.20 г; 25 мм; инв. № 12878

Тип 7

Ок. 218-219 гг. н.э.

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь, одетый в панцирь, (справа) и Ника (слева) воздвигают трофей; у подножья трофея сидит пленник со связанными за спиной руками; под обрезом *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 284; *Frolova* 1979, pl. LIV, 18; *Анохин* 1986, табл. 32, 652; *Фролова* 1997/II, 215, табл. XXI, 19.

350. 8.32 г; 25 мм; инв. № 12879

Группа IV. Ок. 220-226 гг. н.э.

Тип 1

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит фиалу или яблоко; внизу *. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LII, 27–28, 32; LIII, 1-5, 7, 22-25, 28; LIV, 6, 9, 13-15, 18; *Фролова* 1997/II, 213-214, табл. XX, 8-9, 11-12, 15, 17, 20; XXI, 2, 7.

Ок. 225–226 гг.

351. 7.27 г; 25 мм; инв. № 12872
352. 9.21 г; 25 мм; инв. № 12873
353. 9.13 г; 25 мм; инв. № 12874
354. 9.74 г; 25 мм; инв. № 12875
355. 10.06 г; 25 мм; инв. № 12876

Котис III (227-232)

Статер

525 г. б.э. = 228 г. н.э.

EL. *Л.с.* ВАСІΛЕωС КОТУОС. Бюст Котиса III в палудаменте и панцире вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст Александра Севера вправо; на голове лавровый венок; внизу ЕКФ. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 289; *BMC* 13, pl. XVII, 6; *Frolova* 1979, pl. LV, 20-23; *Анохин* 1986, табл. 32, 655 (на л.с. — шар, на о.с. — шар), 655а (на о.с. — шар); *Фролова* 1997/II, 217, табл. XXIII, 7-11.

356. 7.57 г; 20 мм; инв. № 13766

Денарии

Тип 1

AE. *Л.с.* ВАСІΛЕωС КОТУОС. Бюст Котиса III вправо. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит фиалу; справа или слева *. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LVI, 32; *Анохин* 1986, табл. 32, 662; *Фролова* 1997/II, 220, табл. XXV, 13.

357. 9.81 г; 25 мм; инв. № 12881
358. 8.35 г; 25 мм; инв. № 12882
359. 8.98 г; 25 мм; инв. № 12883
360. 8.29 г; 25 мм; инв. № 12884

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; под обрезом *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 293-294; *Анохин* 1986, табл. 32, 663; *Фролова* 1997/II, 220, табл. XXV, 23.

361. 9.62 г; 25 мм; инв. № 12885
362. 9.88 г; 25 мм; инв. № 12886

Двойные денарии

AE. *Л.с.* ВАСІΛЕωС КОТУОС. Бюст Котиса III вправо; перед ним бюст богини в башенной короне. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит фиалу; В — *. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 295; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 14; *Frolova* 1979, pl. LVII, 8, 13-14, 16, 21, 24-25; 27-28; *Анохин* 1986, табл. 32, 664; *Фролова* 1997/II, 220-221, табл. XXVI, 4, 7, 9-11, 17; XXVII, 2-3, 6-7, 9-10.

363. 8.93 г; 23 мм; инв. № 12887
364. 7.17 г; 23 мм; инв. № 12888

Савромат III (229-231)

Денарии

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата III вправо. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит чашу; справа или слева ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 302 (слева ✱), 303 (справа ✱); *Frolova* 1979, pl. LVIII, 37; *Анохин* 1986, табл. 33, 668-669; *Фролова* 1997/II, 224; табл. XXVIII, 24.

365. 9.76 г; 23 мм; инв. № 12889
366. 7.20 г; 23 мм; инв. № 12890

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; внизу ✱. Точечный ободок.

Лит.:; *Frolova* 1979, pl. LIX, 6-7; *Анохин* 1986, табл. 33, 670; *Фролова* 1997/II, 224; табл. XXIX, 9-10.

367. 8.48 г; 23 мм; инв. № 12891

Рискупорид IV (233-234)

Двойные денарии

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Бюсты царя и богини в калафе друг против друга. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит чашу; В — ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 309; *Frolova* 1979, pl. LIX, 21; *Анохин* 1986, табл. 33, 673; *Фролова* 1997/II, 225, табл. XXX, 3.

368. 9.50 г; 24 мм; инв. № 12892
369. 7.38 г; 23 мм; инв. № 12893

Ининфимей (234-238)

Медные монеты

Группа I. 234-235 гг. н.э.

Номинал А — денарий

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ. Бюст Ининфимея в диадеме вправо. Точечный ободок. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; между ногами коня А. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 317; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 17; *Frolova* 1979, pl. LX, 27; LXI, 6, 8-9; *Анохин* 1986, табл. 33, 682; *Фролова* 1997/II, 228-229, табл. XXXII, 2, 7, 9-10, 12, 16.

370. 3.95 г; 22 мм; инв. № 12895. На О.с. знак А отсутствует

Группа II. 236-238 гг. н.э.

Двойные денарии

Тип 1

AE. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ Бюсты царя и богини в калафе друг против друга. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит чашу или яблоко; В — ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LXI, 10, 13, 15, 18-19, 22, 24, 26, 31-32; LXII, 1, 3; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 18; *Анохин* 1986, табл. 34, 683; *Фролова* 1997/II, 229-230, табл. XXXIII, 4, 7, 9, 12-13, 15, 17; XXXIV, 1, 6-9, 11, 15-16.

371. 7.07 г; 23 мм; инв. № 12896
372. 5.77 г; 21 мм; инв. № 12897
373. 7.84 г; 23 мм; инв. № 12898
374. 9.79 г; 23 мм; инв. № 12899
375. 8.84 г; 23 мм; инв. № 12900
376. 7.14 г; 21 мм; инв. № 12901
377. 8.20 г; 23 мм; инв. № 12902
378. 6.27 г; 21 мм; инв. № 12903
379. 5.07 г; 21 мм; инв. № 12904
380. 6.95 г; 23 мм; инв. № 12905

Тип 2

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ✱. Точечный ободок.

Frolova 1979, pl. LXIII, 15; *Анохин* 1986, табл. 34, 686; *Фролова* 1997/II, 232, табл. XXXVII, 6, 9-12.

381. 8.48 г; 20 мм; инв. № 12894

Рискупорид V (242-276)

Статеры

539 г. б.э. = 242 г. н.э.

BL. *Л.с.* ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ. Бюст Рискупорида V в диадеме вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; на голове лавровый венок; внизу ΘΛΦ. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, pl. XVIII, 1; *Frolova* 1983, pl. I, 1; *Анохин* 1986, табл. 34, 690; *Фролова* 1997/II, 233, табл. XXXVIII, 1.

382. 7.32 г; 20 мм; инв. № 12906. На о.с. — палица

540 г. б.э. = 243 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; МФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. I, 8-10; *Анохин* 1986, табл. 34, 691; *Фролова* 1997/II, 234, табл. XXXVIII, 8-10.

383. 6.86 г; 20 мм; инв. № 12907

541 г. б.э. = 244 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; АМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. I, 17-18, 20-21, 26; *Анохин* 1986, табл. 34, 692; *Фролова* 1997/II, 234-235, табл. XXXVIII, 17-18, 20-21, 26.

384. 7.48 г; 20 мм; инв. № 12908. На о.с. — палица

542 г. б.э. = 245 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ВМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. II, 7, 9, 13; *Анохин* 1986, табл. 34, 693; *Фролова* 1997/II, 236, табл. XXXIX, 7, 9, 11, 13.

385. 7.59 г; 20 мм; инв. № 12909. На о.с. — палица
386. 6.70 г; 20 мм; инв. № 12910. На о.с. — палица

543 г. б.э. = 246 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ГМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. II, 23, 25, 27, 29-30; *Анохин* 1986, табл. 34, 694; *Фролова* 1997/II, 237, табл. XXXIX, 23, 25, 27, 29-30.

387. 7.53 г; 20 мм; инв. № 12911. На о.с. — палица

544 г. б.э. = 247 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΔМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. III, 3-4, 7-8; *Анохин* 1986, табл. 34, 695; *Фролова* 1997/II, 238-239, табл. XL, 3-4, 7-8.

388. 6.95 г; 20 мм; инв. № 12912. На о.с. — палица

545 г. б.э. = 248 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ЕМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. III, 20-21, 23-24, 26-27, 30-31; *Анохин* 1986, табл. 34, 696 (на о.с. — палица), 696а (на о.с. — звезда); *Фролова* 1997/II, 239-240, табл. XL, 20-21, 23-24, 26-27, 30-31.

389. 7.57 г; 20 мм; инв. № 12913. На о.с. — палица
390. 7.74 г; 20 мм; инв. № 12914. На о.с. — палица
391. 7.36 г; 20 мм; инв. № 12915. На о.с. — палица
392. 7.36 г; 20 мм; инв. № 12916. На о.с. — звезда

546 г. б.э.= 249 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ϛМФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. IV, 13, 15, 20, 28, 36; V, 4, 12; *Анохин* 1986, табл. 34, 697 (о.с. — палица), 697а (на о.с. — звезда); *Фролова* 1997/II, 242–244, табл. XLI, 13, 15, 20 (на о.с. — палица); 28, 36; XVII, 4, 12 (на о.с. — звезда).

393. 7.17 г; 20 мм; инв. № 12919. На о.с. — палица
394. 7.07 г; 20 мм; инв. № 12917. На о.с. — звезда
395. 6.85 г; 20 мм; инв. № 12918. На о.с. — звезда

547 г. б.э. = 250 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ZMФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. V, 21–23, 29-32, 37; VI, 1, 18, 23; VII, 3, 5-8, 10; *Анохин* 1986, табл. 34, 698 (на о.с. — палица), 698а (на о.с. — звезда), 698б (на *О.с.* трезубец); *Фролова* 1997/II, 245–249, табл. XLII, 21–23, 29-32, 37; XLIII, 1 (на о.с. — палица), 18, 23; XLIV, 1 (на о.с. — звезда), 3, 5-8, 10 (на о.с. — трезубец).

396. 7.25 г; 20 мм; инв. № 12921. На о.с. — палица
397. 7.46 г; 20 мм; инв. № 12922. На о.с. — палица
398. 7.62 г; 20 мм; инв. № 12923. На о.с. — звезда
399. 7.55 г; 20 мм; инв. № 12924. На о.с. — звезда
400. 7.40 г; 20 мм; инв. № 12920. На о.с. — трезубец

548 г. б.э. = 251 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; HMФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. VII, 14, 23, 26; VIII, 8, 11, 25, 27, 29; IX, 3, 5; *Анохин* 1986, табл. 34-35, 699 (без дифферентов), 699а (на л.с. — два шара), 699е (на о.с. — палица), 699з (на *О.с.* — трезубец), 699и (на о.с. — два шара); *Фролова* 1997/II, 249-255, табл. XLIV, 14 (на о.с. — палица), 23, 26, 30 (на о.с. — трезубец); XLV, 8, 11, 25, 27, 29 (на о.с. — два шара); 38-40 (без дифферентов); XLVI, 3 (на л.с. — два шара), 5 (на л.с. — скипетр).

401. 6.52 г; 20 мм; инв. № 12926. На о.с. — палица
402. 6.52 г; 20 мм; инв. № 12927. На о.с. — палица
403. 7.46 г; 20 мм; инв. № 12928. На о.с. — палица
404. 7.11 г; 18 мм; инв. № 12829. На о.с. — два шара
405. 7.81 г; 20 мм; инв. № 12925. На Л.с. и о.с. — без дифферентов

549 г. б.э. = 252 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΘMФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. IX, 6-8, 12-14, 16-18, 20-22; *Анохин* 1986, табл. 35, 700 (на о.с. — звезда), 700а (на о.с. — трезубец), 700б (на о.с. — шар), 700в (на о.с. — два шара); *Фролова* 1997/II, 255-258, табл. XLVI, 6-8 (на о.с. — звезда), 12-14 (на о.с. — шар), 16-18, 20 (на л.с. — два шара), 21- 22 (на о.с. — трезубец),

406. 7.35 г; 20 мм; инв. № 12930. На о.с. — звезда
407. 6.73 г; 20 мм; инв. № 12931. На о.с. — шар

552 г. б.э. = 255 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; BNФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. X, 17-19; *Анохин* 1986, табл. 35, 702; *Фролова* 1997/II, 260, табл. XLVII, 17-19.

408. 7.30 г; 20 мм; инв. № 12932. На о.с. — трезубец

558 г. б.э. = 261 г. н.э.

BL. *Л.с.* BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC. Бюст Рискупорида V вправо. *О.с.* Бюст императора; справа звезда; HNФ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XI, 27; *Анохин* 1986, табл. 35, 706; *Фролова* 1997/II, 261, табл. XLVIII, 27.

409. 7.17 г; 20 мм; инв. № 12933

559 г. б.э. = 262 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* Бюсты Валериана и Галлиена друг против друга; между ними шар; ΘNΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XII, 4-5, 8-9, 12, 16; *Анохин* 1986, табл. 35, 707; *Фролова* 1997/II, 262-263, табл. XLIX, 4-5, 8-9, 12, 16.

410. 7.33 г; 20 мм; инв. № 12934
411. 7.32 г; 20 мм; инв. № 12935

560 г. б.э. = 263 г. н.э.

AR. *Л.с.* То же; справа трезубец. *О.с.* То же; ΞΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XIII, 15; *Анохин* 1986, табл. 35, 709; *Фролова* 1997/II, 264, табл. L, 15.

412. 2.44 г; 16 мм; инв. № 13767

561 г. б.э. = 264 г. н.э.

Тип 1

BL. *Л.с.* То же; справа трезубец. *О.с.* Бюсты Валериана II и Галлиена друг против друга; между ними шар; AΞΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XV, 4-5; *Анохин* 1986, табл. 35, 712; *Фролова* 1997/II, 266, табл. LII, 4-5; *SNG* Stancomb 1024.

413. 6.64 г; 20 мм; инв. № 12939

Тип 2

BL. *Л.с.* То же; справа трезубец. *О.с.* Бюст императора вправо; AΞΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XV, 15; *Фролова* 1997/II, 267, табл. LII, 15.

414. 7.46 г; 20 мм; инв. № 12938

Тип 3

BL. *Л.с.* То же; справа трезубец. *О.с.* То же; справа **I** (10); внизу AΞΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XV, 22; XVI, 2, 9, 11; *Анохин* 1986, табл. 35, 712а; *Фролова* 1997/II, 268-269, табл. LII, 22; LIII, 2, 9, 11

415. 7.12 г; 20 мм; инв. № 12936
416. 7.43 г; 20 мм; инв. № 12937

562 г. б.э. = 265 г. н.э.

Тип 1

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; справа I; внизу BΞΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XVII, 2, 6, 10; *Анохин* 1986, табл. 36, 713; *Фролова* 1997/II, 269, табл. LIV, 1-2, 6, 10.

417. 5.96 г; 20 мм; инв. № 5137
418. 6.61 г; 20 мм; инв. № 12940
419. 6.97 г; 20 мм; инв. № 12941

Тип 2

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; справа K (20); внизу BΞΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XVIII, 5; *Анохин* 1986, табл. 36, 713а; *Фролова* 1997/II, 270-271, табл. LV, 5.

420. 5.83 г; 20 мм; инв. № 12942

563 г. б.э. = 266 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; справа K; внизу ΓΞΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XVIII, 17, 21-22, 24, 27-28; XIX, 3-7, 18; *Анохин* 1986, табл. 36, 714; *Фролова* 1997/II, 271-272, табл. LV, 17, 21-22, 24, 27-28; LVI, 3-7, 18.

421. 7.42 г; 20 мм; инв. № 12943
422. 6.03 г; 20 мм; инв. № 12944

564 г. б.э. = 267 г. н.э.

BL. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; справа К; внизу ΔΞΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XX, 13, 15, 17, 22; *Анохин* 1986, табл. 36, 715; *Фролова* 1997/II, 273-274, табл. LVII, 13, 15, 17, 22.

423. 7.62 г; 20 мм; инв. № 12945

Медные монеты

Двойные денарии

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωCΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC. Бюст Рискупорида V вправо. Точечный ободок. *О.с.* Богиня на троне влево; в правой руке держит фиалу; В — ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 719-722

424. 8.73 г; инв. № 12946
425. 4.34 г; инв. № 12947
426. 5.08 г; инв. № 12948
427. 5.91 г; инв. № 12949
428. 5.84 г; инв. № 12950
429. 5.39 г; инв. № 12951
430. 6.94 г; инв. № 12952
431. 7.39 г; инв. № 12953
432. 3.57 г; инв. № 12954
433. 5.06 г; инв. № 12955
434. 4.86 г; инв. № 12956
435. 7.52 г; инв. № 12957

Фарсанз (253-254 (?))

Статеры

550 г. б.э. = 253 г. н.э.

Bl. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC ΦΑΡCΑΝΖΟΥ. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу NΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXV, 7, 9-10, 14-18, 23-27; *Анохин* 1986, табл. 36, 723 (на о.с. — звезда), 723а (на о.с. — два шара); *Фролова* 1997/II, 279-280, табл. LXII, 7, 9-10, 14-18, 23-27.

436. 7.44 г; 20 мм; инв. № 12958. На о.с. — два шара
437. 7.14 г; 20 мм; инв. № 12959. На о.с. — два шара

Савромат IV (275 г. н.э.)

Статеры

572 г. б.э. = 275 г. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата IV вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу ΒΟΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXVI, 12, 18; XXVII, 3, 7; XXVIII, 2, 6-7; *Анохин* 1986, табл. 36, 725б (на о.с. — орел на сфере с венком в клюве), 725в (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел на сфере); *Фролова* 1997/II, 281-283, табл. LXIII, 12 (на о.с. — орел на сфере), 18(на л.с. — трезубец, на о.с. — орел на сфере); LXIV, 3 (на о.с. — орел на колонне), 7; LXV, 2, 6-7, 12а (без дифферентов)..

438. 7.45 г; 19 мм; инв. № 12961. На о.с. — орел на сфере
439. 7.42 г; 19 мм; инв. № 12960. Без дифферентов

Тейран (266, 275-278)

Статеры

572 г. б.э. = 275 г. н.э.

AE. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC ΤΕΙΡΑΝΟΥ. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу ΒΟΦ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXVIII, 15; *Анохин* 1986, табл. 36, 726; *Фролова* 1997/II, 284, табл. LXV, 15.

440. 6.61 г; 20 мм; инв. № 12962

573 г. б.э. = 276 г. н.э.

AE. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ГОФ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXVIII, 22; XXIX, 6, 10, 14-15, 17-19, 21-22; *Анохин* 1986, табл. 36, 727; *Фролова* 1997/II, 284-286, табл. LXV, 22; LXVI, 6, 10, 14-15, 17-19, 21-22.

441. 6.79 г; 20 мм; инв. № 12963

574 г. б.э. = 277 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΔОФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXX, 5; *Анохин* 1986, табл. 36, 728; *Фролова* 1997/II, 286, табл. LXVII, 5.

442. 6.72 г; 20 мм; инв. № 12964

575 г. б.э. = 278 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ЄОФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXX, 11-12, 14, 16, 19; *Анохин* 1986, табл. 36, 729; Фролова 1997/II, 286-287, табл. LXVII, 11-12, 14, 16, 19.

443. 6.39 г; 19 мм; инв. № 12965

Фофорс (275-308)

Статеры

583 г. б.э. = 286 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ГПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXI, 3, 5, 7-9; *Анохин* 1986, табл. 36, 731а; *Фролова* 1997/II, 287, табл. LXVIII, 3, 5, 7.

444. 6.70 г; 19 мм; инв. № 12966

584 г. б.э. = 287 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΔПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXI, 21, 25; XXXII, 1; *Анохин* 1986, табл. 37, 733; *Фролова* 1997/II, 288-289, табл. LXVIII, 21, 25; LXIX, 1.

445. 7.53 г; 20 мм; инв. № 12967
446. 7.43 г; 20 мм; инв. № 12968
447. 7.82 г; 20 мм; инв. № 12969

585 г. б.э. = 288 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ЕПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXII, 6, 8, 11-12; *Анохин* 1986, табл. 37, 734; *Фролова* 1997/II, 288-289, табл. LXIX, 6, 8, 12, 14.

448. 7.89 г; 19 мм; инв. № 12970
449. 5.99 г; 19 мм; инв. № 12971

586 г. б.э. = 289 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ϛПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXII, 18, 21, 23, 25, 28-29, 31; XXXIII, 4; *Анохин* 1986, табл. 37, 735; *Фролова* 1997/II, 290-291, табл. LXIX, 18, 21, 23, 25, 28-29, 31; LXX, 4.

450. 7.31 г; 20 мм; инв. № 12972

587 г. б.э. = 290 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ZПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXIII, 8, 10, 12-13; *Анохин* 1986, табл. 37, 736; *Фролова* 1997/II, 291-292, табл. LXX, 8, 10, 12-13.

451. 7.37 г; 20 мм; инв. № 12973
452. 7.67 г; 20 мм; инв. № 12970

588 г. б.э. = 291 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; НПФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXIII, 21, 24, 26; *Анохин* 1986, табл. 37, 737; *Фролова* 1997/II, 292-293, табл. LXX, 21, 24, 26.

453. 7.55 г; 19 мм; инв. № 12975
454. 7.49 г; 19 мм; инв. № 12976
455. 6.97 г; 19 мм; инв. № 12977

589 г. б.э. = 292 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΘПФ.
Лит.: монеты этого года не изданы.

456. 7.49 г; 19 мм; инв. № 12978. На л.с. — три шара, на о.с. — шар

590 г. б.э. = 293 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ϟФ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXIV, 5, 9-10; *Анохин* 1986, табл. 37, 738; *Фролова* 1997/

II, 293, табл. LXXI, 5, 9-10.

457. 6.86 г; 19 мм; инв. № 12979
458. 7.53 г; 19 мм; инв. № 12980

591 г. б.э. = 294 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; А^{q}Ф.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXIV, 16-17, 19, 29; XXXV, 2-4, 6-8, 11-12, 14, 15, 17; *Анохин* 1986, табл. 37, 739; *Фролова* 1997/II, 294-296, табл. LXXI, 16-17, 19 (без дифферентов), 28 (на л.с. — трезубец), 29; LXXII, 2-4, 6-8, 11-12, 14 (на л.с. — косой крест, на о.с. — α^{q}Ф), 15, 17 (на л.с. — прямой крест).

459. 7.60 г; 20 мм; инв. № 12983
460. 8.17 г; 20 мм; инв. № 12982.На л.с. — трезубец
461. 6.55 г; 20 мм; инв. № 12981

592 г. б.э. = 295 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; В^{q}Ф.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXV, 24; XXXVI, 1, 5, 7, 9-11, 18, 20; *Анохин* 1986, табл. 37, 740 (на л.с. — трезубец), 740а (на л.с. — шар); *Фролова* 1997/II, 296-298, табл. LXXII, 24; LXXIII, 1, 5, 7, 9 (на л.с. — трезубец), 10-12, 18 (на л.с. — шар), 20 (без дифферентов).

462. 7.21 г; 20 мм; инв. № 12985. На л.с. — трезубец
463. 6.80 г; 20 мм; инв. № 12984. На л.с. — шар

593 г. б.э. = 296 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; Г^{q}Ф.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXVI, 21, 23; XXXVI, 1-2, 6, 8; *Анохин* 1986, табл. 37, 741 (без дифферентов), 741а (на л.с. — трезубец); *Фролова* 1997/II, 298-299, табл. LXXIII, 21, 23-24 (на л.с. — трезубец); LXXIV, 1-2, 6, 8 (без дифферентов).

464. 6.94 г; 20 мм; инв. № 12987. На л.с. — трезубец
465. 6.53 г; 20 мм; инв. № 12986

594 г. б.э. = 297 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; Δ^{q}Ф.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXVII, 16-17, 22, 29; *Анохин* 1986, табл. 37, 742а (на о.с. — три шара); *Фролова* 1997/II, 300-301, табл. LXXIV, 16-17, 22, 29 (на л. и о.с. — три шара); LXXV, 9 (на о.с. — три шара), 10 (без дифферентов).

466. 7.10 г; 20 мм; инв. № 12988. На о.с. — три шара
467. 6.75 г; 20 мм; инв. № 12991. На о.с. — три шара
468. 7.41 г; 20 мм; инв. № 12989
469. 7.18 г; 20 мм; инв. № 12990

595 г. б.э. = 298 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; Е^{q}Ф.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXVIII, 11а-12, 15, 18, 22, 25-27; XXXIX, 1-4, 9, 13; *Анохин* 1986, табл. 37, 743 (на л.с. — ▯), 743а (на л.с. — Ƹ), 743б (на л. и о.с. — три шара); *Фролова* 1997/II, 301-303, табл. LXXV, 11а-12, 15, 18, 22, 25-27; LXXVI, 1 (на л. и о.с. — три шара), 2-4 (на л.с. — X — косой крест), 9, 13 (на л.с. — Ƹ).

470. 7.53 г; 20 мм; инв. № 12992. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
471. 7.76 г; 20 мм; инв. № 12993. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
472. 7.05 г; 20 мм; инв. № 12995. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
473. 8.09 г; 20 мм; инв. № 12999. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
474. 8.10 г; 20 мм; инв. № 12994. На л.с. — X
475. 7.38 г; 20 мм; инв. № 12996. На л.с. — Ƹ
476. 7.69 г; 20 мм; инв. № 12997. На л.с. — Ƹ
477. 7.40 г; 20 мм; инв. № 12998. На л.с. — Ƹ

596 г. б.э. = 299 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ϛϙΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XXXIX, 21, 23, 26-28; XL, 2-3, 12, 15-17; *Анохин* 1986, табл. 37, 744 (без дифферентов), 744а (на л.с. — ꓭ), 744в (на л. и о.с. — три шара); *Фролова* 1997/II, 304-306, табл. LXXVI, 21, 23, 26-28; XXVIII, 2-3 (на л. и о.с. — три шара), 12 (без дифферентов), 15, 17 (на л.с. — ꓭ).

478. 8.15 г; 20 мм; инв. № 13000. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
479. 7.76 г; 20 мм; инв. № 13001. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
480. 7.58 г; 20 мм; инв. № 13002. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара

597 г. б.э. = 300 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ZϙΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XL, 19, 27; *Анохин* 1986, табл. 37, 745а (на л. и о.с. — три шара), 745б (на о.с. — три шара); *Фролова* 1997/II, 306-307, табл. LXXVII, 19, 22, 26 (на л. и о.с. — три шара), 24 (на о.с. — три шара).

481. 7.14 г; 20 мм; инв. № 13003. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
482. 6.90 г; 20 мм; инв. № 13006. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
483. 7.35 г; 20 мм; инв. № 13007. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара.
484. 7.36 г; 20 мм; инв. № 13004. На о.с. — три шара
485. 7.40 г; 20 мм; инв. № 13005. На о.с. — три шара

598 г. б.э. = 301 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; HϙΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLI, 16, 19; *Анохин* 1986, табл. 38, 746 (на л. и о.с. — три шара), 746а (на о.с. — три шара), 746б (без дифферентов); *Фролова* 1997/II, 307-308, табл. LXXVIII, 16 (без дифферентов), 18 (на о.с. — три шара), 19 (на л. и о.с. — три шара).

486. 7.28 г; 20 мм; инв. № 13008. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара

599 г. б.э. = 302 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΘϙΦ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLI, 25, 27–29; XLII, 2, 4, 6-8, 18-20; *Анохин* 1986, табл. 38, 747 (без дифферентов), 747а (на л. и о.с. — три шара); *Фролова* 1997/II, 308-309, табл. LXXVIII, 25, 27–29; LXXIX, 2, 4, 6-8 (на л. и о.с. — три шара), 18-20 (без дифферентов).

487. 7.55 г; 20 мм; инв. № 13009. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара
488. 7.99 г; 20 мм; инв. № 13010. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара

600 г. б.э. = 303 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; X.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLII, 22-23, 26; *Анохин* 1986, табл. 38, 748; *Фролова* 1997/II, 311, табл. LXXIX, 22-23, 26.

489. 6.70 г; 19 мм; инв. № 13011. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара

602 г. б.э. = 305 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; BX.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLIII, 7; *Анохин* 1986, табл. 38, 750; *Фролова* 1997/II, 312, табл. LXXX, 7.

490. 7.58 г; 20 мм; инв. № 13012. На л.с. — три шара, на о.с. — три шара

Радамсад (309–322)

Статеры

606 г. б.э. = 309 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ΒΑCΙΛΕωC ΡΑΔΑΜCΑΔ. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо, справа палица; внизу ϛΗ. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLIV, 4-5; *Анохин* 1986, табл. 38, 755; *Фролова* 1997/II, 313, табл. LXXXI, 4-5.

491. 6.55 г; 20 мм; инв. № 13013

608 г. б.э. = 311 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ХН.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLIV, 15, 17-20; *Анохин* 1986, табл. 38, 757; *Фролова* 1997/II, 314, табл. LXXXI, 15, 17-20.

492. 7.11 г; 20 мм; инв. № 13014

609 г. б.э. = 312 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΘН.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLIV, 27; XLV, 1-3; *Анохин* 1986, табл. 38, 758; *Фролова* 1997/II, 315, табл. LXXXI, 27; LXXXII, 1-3.

493. 6.77 г; 19 мм; инв. № 13015
494. 6.79 г; 19 мм; инв. № 13016

612 г. б.э. = 315 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ВАСІΛЕωС РАΔАМΨ. То же. *О.с.* То же; ВІХ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLV, 18; *Анохин* 1986, табл. 38, 760; *Фролова* 1997/II, 316, табл. LXXXII, 18.

495. 7.36 г; 19 мм; инв. № 13017

613 г. б.э. = 316 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ВАСІΛЕωС РАΔАМСАΔ. То же. *О.с.* То же; ГІХ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLVI, 1–2, 4; *Анохин* 1986, табл. 38, 761; *Фролова* 1997/II, 317, табл. LXXXIII, 1–2, 4.

496. 7.05 г; 19 мм; инв. № 13018

614 г. б.э. = 317 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ВАСІΛЕωС РАΔАМСАΔІС. То же. *О.с.* То же; ΔІХ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLVI, 15–16, 18, 20, 22-24, 26; XLVII, 10-11, 14, 17-18, 21, 24; *Анохин* 1986, табл. 38, 762; *Фролова* 1997/II, 317-319, табл. LXXXIII, 15–16, 18, 20, 22-24, 26; LXXXIV, 10-11, 14, 17-18, 21, 24.

497. 6.88 г; 20 мм; инв. № 13019
498. 6.19 г; 20 мм; инв. № 13028

615 г. б.э. = 318 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ВАСІΛЕωС РАΔАМС. То же. *О.с.* То же; ЄІХ.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLVII, 25-28, 30; XLVIII, 1, 6, 12-13; *Анохин* 1986, табл. 38, 763; *Фролова* 1997/II, 319-321, табл. LXXXIV, 25-28, 30; LXXXV, 1, 6, 12-13.

499. 6.21 г; 19 мм; инв. № 13020
500. 6.81 г; 19 мм; инв. № 13021
501. 6.51 г; 19 мм; инв. № 13022
502. 7.28 г; 19 мм; инв. № 13023
503. 6.50 г; 19 мм; инв. № 13024
504. 7.33 г; 19 мм; инв. № 13025

Рискупорид VI (314–341/342)

Статеры

611 г. б.э. = 314 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ВАСІΛЕωС РНСКОУПОРІС[54]. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу АІХ. Точечный ободок.
Лит.: *Frolova* 1983, pl. XLIX, 23-24; *Фролова* 1997/II, 323, табл. LXXXVI, 23-24.

505. 3.93 г; 18 мм; инв. № 13030. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец
506. 5.31 г; 18 мм; инв. № 13029. На л.с. — венок, на о.с. — двузубец
507. 6.53 г; 18 мм; инв. № 13031. На л.с. — венок, на о.с. — двузубец

[54] Надпись варьируется; ВАСІΛЕωС РНСКОУПОРІΔОС, ВАСІΛЕωС РНСКОУПОРІС, ВАСІΛЕωС РІСКОУПОРІС, ВАСІΛЕУС РІСКОУПОРІС, ВАСІΛЕωС РНСКОУПОР, ВАСІΛЕОС РНСКОУПОР, ВАСІΛЕОС РІСКОУПОРІ и т.д.

614 г. б.э. = 317 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же, справа палица; ΔIX.

Лит.: Монеты с этой датой не изданы.

508. 7.37 г; 18 мм; инв. № 13036

616 г. б.э. = 319 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ϟIX.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. L, 7, 10, 18a, 22, 24, 28; LI, 3, 5, 7, 10-11, 15, 17-18, 21-24; *Анохин* 1986, табл. 38, 765а (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец), 765б (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 765в (на о.с. — шар); *Фролова* 1997/II, 324-327, табл. LXXXVII, 6 (без дифферентов), 7, 10 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 22, 24; LXXXVIII, 3, 5, 7, 10-11, 15, 17-18 (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец), 21-24 (на о.с. — шар).

509. 7.02 г; 19 мм; инв. № 13026. На Л.с. и о.с. — дифферент не виден
510. 6.79 г; 19 мм; инв. № 13027. На Л.с. и о.с. — дифферент не виден
511. 7.12 г; 19 мм; инв. № 13039. На л.с. — трезубец, на о.с. — звезда
512. 7.18 г; 19 мм; инв. № 13035. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец
513. 6.79 г; 19 мм; инв. № 13038. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец
514. 6.52 г; 19 мм; инв. № 13041. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец
515. 7.03 г; 19 мм; инв. № 13040. На л.с. — трезубец, на о.с. — дифферент не виден.
516. 7.06 г; 19 мм; инв. № 13042. На л.с. — трезубец, на о.с. — дифферент не виден

617 г. б.э. = 320 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ZIX.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LI, 26, 29, 31; LII, 1, 5, 7, 9, 12, 14-15, 23, 25, 28-29; LIII, 1; *Анохин* 1986, табл. 38, 766; *Фролова* 1997/II, 327-329, табл. LXXXVIII, 26, 29, 31; LXXXIX, 1, 5, 7, 9, 12, 14-15, 23, 25, 28-29; XC, 1.

517. 7.56 г; 18 мм; инв. № 13037. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец

618 г. б.э. = 321 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; внизу HIX или по сторонам HI — X.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LIII, 5-6, 9, 11, 13, 18, 21-22, 24, 26, 28, 29-30; LIV, 2, 8, 11-12, 15-17, 24, 25a, 26; LV, 1, 4; *Анохин* 1986, табл. 38, 767 (на л.с. — трезубец), 767а (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец), 767б (на о.с. — венок), 767в (на л.с. — венок, на о.с. — двузубец); *Фролова* 1997/II, 329-332, табл. XC, 5-6, 9, 11, 13, 18, 21-22, 24, 26, 28, 29-30; XCI, 2, 8, 11-12 (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец), 15-17, 24 (л.с. — трезубец); 25а (на л.с. — венок, на о.с. — двузубец), 26; XCII, 1, 4 (на л.с. — венок).

518. 6.23 г; 19 мм; инв. № 13043. На л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец; HIX
519. 7.17 г; 19 мм; инв. № 13044. На л.с. — трезубец; HI — X
520. 5.10 г; 18 мм; инв. № 13045. На л.с. — трезубец; HI — X
521. 6.56 г; 19 мм; инв. № 13046. На л.с. — венок; HI — X

619 г. б.э. = 322 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΘIX или ΘI — X.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LV, 8-10, 18, 20, 22-23, 25; LVI, 4, 6, 9-10, 12-13, 15, 18-20, 22, 24, 28, 35; LVII, 4-6, 8a, 11; *Анохин* 1986, табл. 38-39, 768 (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец), 768а (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел на сфере, с венком в клюве), 768б (на л.с. — венок); *Фролова* 1997/II, 333-337, табл. XCII, 8-10, 18, 20, 22-23 (на о.с. — орел на сфере, с венком в клюве), 25 (на л.с. — трезубец, на о.с. — двузубец); XCIII, 4, 6, 9-10, 12-13, 15, 18-20, 22, 24, 28, 35; XCIV, 4-6, 8a, 11 (на л.с. — венок).

522. 6.26 г; 19 мм; инв. № 13047. На л.с. — венок; ΘI — X

620 г. б.э. = 323 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; КХ или К — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LVII, 24, 29; LVIII, 2, 4-5, 7, 9-11, 13, 17, 24, 26, 29-31; LIX, 3-4, 10-12, 18, 20-21, 23-25, 27; LX, 3, 9, 12, 13, 16, 18-19, 21-22, 26, 29-31; LXI, 4, 17-20; *Анохин* 1986, табл. 39, 769 (на л.с. — венок), 769а (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел на сфере, с венком в клюве); *Фролова* 1997/II, 337-345, табл. XCIV, 24, 29; XCV, 2, 4-5, 7, 9-11, 13, 17, 24, 26, 29-31; XCVI, 3-4, 10-12 (на л.с. — венок), 18, 20-21, 23-25, 27; XCVII, 3, 9, 12 (на л.с. — диск с лучами), 13, 16, 18-19, 21-22, 26, 29-31; XCVIII, 4, 17-20 (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел), 23-25 (на л.с. —).

523. 7.79 г; 19 мм; инв. № 13048. На л.с. — венок; К — Х
524. 7.34 г; 19 мм; инв. № 13052. На л.с. — венок; К — Х
525. 7.71 г; 19 мм; инв. № 13053. На л.с. — венок; К — Х
526. 7.91 г; 19 мм; инв. № 13050. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; КХ
527. 7.02 г; 19 мм; инв. № 13051. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; КХ
528. 6.35 г; 19 мм; инв. № 13049. На л.с. — Х

621 г. б.э. = 324 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; АКХ или АК — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXI, 26-28; LXII, 1, 4, 7, 11-12, 14, 16-17, 22, 25-26, 29; LXIII, 3-5, 15; 31-32; LXIV, 1, 3, 5, 7, 12; *Анохин* 1986, табл. 39, 770 (на л.с. — венок), 770а (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел); *Фролова* 1997/II, 345-350, табл. XCVIII, 26-28; XCIX, 1, 4, 7, 11-12, 16-17, 22, 25-26, 29; C, 3-5, 15 (на л.с. — венок), 31-32; CI, 1, 3, 5, 7, 12 (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел).

529. 7.70 г; 20 мм; инв. № 13059. На л.с. — венок; АК — Х
530. 6.52 г; 19 мм; инв. № 13060. На л.с. — венок; АК — Х
531. 6.98 г; 19 мм; инв. № 13061. На л.с. — венок; АК — Х
532. 7.39 г; 20 мм; инв. № 13054. На л.с. — венок; АК — Х
533. 6.90 г; 19 мм; инв. № 13055. На л.с. — венок; АК — Х
534. 7.79 г; 20 мм; инв. № 13056. На л.с. — венок; АК — Х
535. 7.90 г; 20 мм; инв. № 13057. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; АКХ
536. 7.46 г; 20 мм; инв. № 13058. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; АКХ

622 г. б.э. = 325 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ВКХ или ВК — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXIV, 27; LXV, 2, 5-6, 11, 18-19, 22, 24, 25, 27-28; LXVI, 1-3, 8-9, 16-17, 24-25; LXVII, 4, 7, 10, 15, 21, 25; LXVIII, 1, 4-5, 7; *Анохин* 1986, табл. 39, 771 (на л.с. — трезубец), 771а (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 771б (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел), 771в (на л.с. — трезубец, на о.с. — Ника), 771г (на л.с. — венок), 771д (на л.с. — венок, на о.с. — Ника), 771е (на л.с. — венок, на о.с. — звезда), 771ж (на л.с. — шар), 771з (на л.с. — шар, на о.с. — Ника); *Фролова* 1997/II, 350-356, табл. CI, 27 (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел); CII, 2 (на л.с. — трезубец), 5-6 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 10 (на л.с. — трезубец, на о.с. — Ника), 11 (на л.с. — шар), 18-19, 22, 24, 25, 27-28 (на л.с. — шар, на о.с. — Ника); CIII, 1-3, 8-9 (на л.с. — венок, на о.с. — Ника), 16-17 (на л.с. — звезда, на о.с. — Ника), 23-25; CIV, 4 (на л.с. — венок, на о.с. — звезда), 7, 10, 15, 21, 25; CV, 1, 4-5, 7 (на л.с. — венок).

537. 6.41 г; 19 мм; инв. № 13063. На л.с. — шар; ВКХ
538. 6.43 г; 19 мм; инв. № 13062. На л.с. — шар, на о.с. — Ника; ВКХ
539. 6.81 г; 19 мм; инв. № 13066. На л.с. — шар, на о.с. — Ника; ВКХ
540. 7.12 г; 19 мм; инв. № 13064. На л.с. — венок, на о.с. — Ника; ВКХ
541. 7.25 г; 19 мм; инв. № 13065. На л.с. — звезда, на о.с. — Ника; ВКХ

542. 7.22 г; 19 мм; инв. № 13070. На л.с. — звезда, на о.с. — Ника; ВКХ
543. 7.18 г; 19 мм; инв. № 13068. На л.с. — венок, на о.с. — звезда; ВКХ
544. 5.77 г; 19 мм; инв. № 13069. На л.с. — венок, на о.с. — звезда; ВКХ
545. 7.65 г; 19 мм; инв. № 13067. На л.с. — венок; ВК — Х

623 г. б.э. = 326 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ГКХ или Г — КХ, ГК — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXVIII, 9, 17-18, 24; LXIX, 1, 9-11, 19, 23, 27-28; LXX, 5, 7, 17-18, 22; LXXI, 13, 16, 18; *Анохин* 1986, табл. 39, 772 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 772а (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел), 772б (на л.с. — венок), 772в (на л.с. — венок, на о.с. — Ника), 772г (на л.с. — венок, на о.с. — орел), 772д (на л.с. — венок, на о.с. — звезда), 772е (на л.с. — шар, на о.с. — Ника), 772ж (на л.с. — шар, на о.с. — орел), 772з (на л.с. — шар, на о.с. — звезда); *Фролова* 1997/II, 357-364, табл. CV, 9 (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел), 17-18, 24 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), CVI, 1 (на о.с. — звезда), 9-11 (на л.с. — венок, на о.с. — Ника), 19 (на л.с. — венок, на о.с. — орел), 23, 27 (на л.с. — венок, на о.с. — звезда), 28 (на л.с. — венок); CVII, 5, 7, 17-18, 22 (на л.с. — венок); CVIII, 13 (на л.с. — шар, на о.с. — Ника), 16, 18 (на л.с. — шар, на о.с. — звезда).

546. 6.86 г; 20 мм; инв. № 13034. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; ГКХ
547. 7.58 г; 20 мм; инв. № 13071. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; ГКХ
548. 6.98 г; 20 мм; инв. № 13076. На л.с. — трезубец, на о.с. — орел; ГКХ
549. 7.43 г; 20 мм; инв. № 13072. На л.с. — трезубец, на о.с. — звезда; ГКХ
550. 6.80 г; 20 мм; инв. № 13075. На л.с. — трезубец, на о.с. — звезда; ГКХ
551. 7.14 г; 20 мм; инв. № 13077. На л.с. — венок, на о.с. — Ника; ГКХ
552. 7.33 г; 20 мм; инв. № 13073. На л.с. — венок; Г — КХ
553. 7.68 г; 20 мм; инв. № 13078. На л.с. — венок; Г — КХ
554. 6.70 г; 20 мм; инв. № 13079. На л.с. — венок; Г — КХ
555. 7.04 г; 20 мм; инв. № 13074. Дифференты не видны. Плохая сохраннсть

624 г. б.э. = 327 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ΔКХ или ΔК — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXXI, 19, 23, 26; LXXII, 4, 12, 28; LXXIII, 1, 8, 11, 15, 26; *Анохин* 1986, табл. 39, 773 (на л.с. — трезубец, на о.с. — палица), 773а (на л.с. — венок), 773б (на л.с. — венок, на о.с. — палица), 773в (на о.с. — палица); *Фролова* 1997/II, 364-368, табл. CVIII, 19 (на л.с. — трезубец, на о.с. — орел), 23 (на л.с. — трезубец, на о.с. — палица), 26 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда); CIX, 4, 12 (на л.с. — венок, на о.с. — палица), 13 (на л.с. — венок, на о.с. — звезда), 14 (на о.с. — палица), 21 (на о.с. — лук без тетивы), 28; CX, 1, 8, 11, 15, 19 (на л.с. — венок), 26 (на л.с. — трезубец).

556. 6.62 г; 20 мм; инв. № 13083. На л.с. — трезубец, на о.с. — звезда; ΔКХ
557. 6.80 г; 20 мм; инв. № 13084. На л.с. — венок, на о.с. — палица; ΔКХ
558. 7.19 г; 20 мм; инв. № 13080. На л.с. — венок; ΔК — Х
559. 7.23 г; 20 мм; инв. № 13082. На л.с. — венок; ΔК — Х
560. 6.57 г; 20 мм; инв. № 13081. Дифференты не видны. Плохая сохранность
561. 6.68 г; 20 мм; инв. № 13085. Дифференты не видны. Плохая сохранность

625 г. б.э. = 328 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; ЄКХ или ЄК — Х.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXXIV, 1, 4, 6, 8-9, 12, 14; *Анохин* 1986, табл. 39, 774 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 774а (на л.с. — венок); *Фролова* 1997/II, 368-369, табл. CXI, 1, 4 (на л.с. — трезубец, на о.с. — звезда), 6, 8-9, 12, 14 (на л.с. — венок).

562. 6.84 г; 20 мм; инв. № 13087. На л.с. — венок; ЄК — Х
563. 7.05 г; 20 мм; инв. № 13088. На л.с. — венок; ЄК — Х
564. 6.95 г; 20 мм; инв. № 13089. На л.с. — венок; ЄК — Х

633 г. б.э. = 336 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* То же. *О.с.* То же; Г — ΛХ.

Лит.: *Frolova* 1983, pl. LXXV, 5; *Анохин* 1986, табл. 39, 777; *Фролова* 1997/II, 371, табл. CXII, 5.

565. 7.53 г; 20 мм; инв. № 13090

Статеры Рискупорида VI с неясной датой

566. 8.36 г; 20 мм; инв. № 13091
567. 8.21 г; 20 мм; инв. № 13092
568. 5.34 г; 20 мм; инв. № 13093. На л.с. — крест, на о.с. — орел

Указатель материалов, опубликованных в журнале «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» в выпусках 1–4 за 2012 год

	№	Стр.
ИСТОРИЯ		
ДРЕВНИЙ ВОСТОК		
Алпаткина Т.Г. (Москва) — Садово-парковое искусство раннесредневековой Бухары по материалам коллекции резного ганча из дворца Варахши	4	101
Двуреченская Н.Д. (Москва) — Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа	4	69
Дмитриев В.А. (Псков) — Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов	1	144
Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. (Москва) — Монетное дело Парфии в период царствования Аршака II	4	24
Ладынин И.А. (Москва) К вопросу о формальном статусе и личных полномочиях Клемеона из Навкратиса	4	89
Павлова С.В. (Елец) — Преемственность в изобразительном искусстве Тохаристана в XI–XII вв.	4	81
Тихонов Р.В. (Елец) — Местные традиции и греческие новации в керамическом ремесле Бактрии эпохи эллинизма	1	128
Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н. (Москва) — Западные земли Самаркандского Согда.Типология археологических памятников	4	33
de Pontbriand S., Leriche P. (Paris) — Un bâtiment d'artisanat kouchan à l'Ancienne Termez: Présentation générale de la campagne 2011	4	14
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. РИМ. ЭЛЛИНИЗМ		
Власова О.А. (Ярославль) — Сакральная сфера в деятельности римского претора	1	43
Данилов Е.С. (Ярославль) — Несостоявшийся император Марк Оклатиний Адвент	3	54
Дмитриев В.А. (Псков) — «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н.э. в Верхней Месопотамии	3	77
Ефремов Н.В. (Грейфсвальд) — Кария между Пердиккой и Антигоном (Некоторые примечания к истории западной Малой Азии в ранний период диадохов, 321-317 г. до н.э.	1	3
Жаровская А.Н. (Ярославль) — Античные способы сохранения продуктов (по «Кулинарной книге» Апиция)	1	68
Жаровская А.Н. (Ярославль) — Неформальная элита времен Тиберия: Марк Габий Апиций	3	60
Каретникова В.А. (Ярославль) — Подготовка к соисканию магистратских должностей в Римской республике III-I вв. до н.э.: аргументы в пользу потенциального кандидата	3	27

Клейменов А. А. (Тула) — Особенности психологии представителей армии Александра Македонского: ночной инцидент под Галикарнассом 334 г. до н.э. 4 191
Кузьмин Ю. Н., Габелко О. Л. (Казань) — Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50-20-е гг. III в. до н.э..... 1 27
Ленская В. С. (Москва) — Иеропеи в Древней Греции 4 179
Мехамадиев Е. А. (Санкт-Петербург) — Формирование и развитие региональной армии comitatenses в позднеримской Испании в IV-первой трети V вв. 4 250
Мишуров Н. В. (Ярославль) — К вопросу об авторстве работ, приписываемых римскому историку Сексту Аврелию Виктору..... 3 68
Павлов А. А. (Сыктывкар) — Римские концепции плебейского трибуната: Марк Веррий Флакк 3 40
Панов А. Р. (Арзамас) — Артавазд II и армяно-римские взаимоотношения в середине I в. до н.э. 4 239
Смирнов С. В. (Москва), *Юрин А. И.* (Санкт-Петербург) — Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов 4 204
Федина Ю. А. (Магнитогорск) — Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. .. 1 61
Хрусталев В. А. (Санкт-Петербург) — К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э. 1 49

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Букина А. Г. (Санкт-Петербург) — Коринфские котилы шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа..... 1 84
Журавлев Д. В. (Москва) — Фрагмент шуточного кубка с Таманского полуострова... 1 74
Завойкин А. А. (Москва), *Монахов С. Ю.* (Саратов) — Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени 4 117
Камелина Г. А. (Москва) — Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) 2 46
Кузьмина Ю. Н. (Москва) — Монументальное общественное здание эллинистического времени на южной окраине Фанагории 4 128
Могаричев Ю. М. (Симферополь) — Жития св. Херсонских епископов. Версия протографа..... 1 102
Попова Е. А. (Москва) — Городище «Чайка» позднеэллинистического времени и проблема истоков позднескифской культуры 2 3
Селиванова Л. Л. (Москва) — Кабир или Аттис? (Об одной находке из Юго-Восточного Крыма) 2 17
Тарасова Л. В. (Калуга) — Лохаги на Боспоре в первые века н.э. (к вопросу о месте лохагов в государственном устройстве) 2 38

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КАВКАЗ

Ефремов Н. В. (Грейфсвальд) — К вопросу о торговых путях в Восточном Причерноморье в эллинистический период или об одном историческом мифе 3 3
Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В. (Москва), *Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г.* (Сухум) — Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки..... 4 169

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Боталов С. Г., Иванов А. А. (Челябинск) — Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье..... 4 269
Бродянский Д. Л. (Владивосток) — Совы в первобытном искусстве..... 3 87
Бродянский Д. Л., Попов А. Н., Лазин Б. В., Раков В. А. (Владивосток) — Знаковые предметы Янковской культуры на памятнике Русский. Поселение-1 ..... 2 106

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В. (Уфа) — Средневековое святилище на горе Уклакай на Южном Урале 1 179
Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. (Москва) — Об исследовании техники выполнения изображений на скалах 1 158
Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Мазуркевич А.Н. (Санкт- Петербург) — Комплексные исследования глиняной посуды из слоев 23-14 поселения Ракушечный Яр.... 2 91
Дэвлет Е.Г. (Москва) — Об изображениях северных оленей в наскальном искусстве Чукотки 1 153
Свиридов А.Н. (Астана) — Кангюйская проблема в археологии Казахстана 2 113

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Ващева И.Ю. (Нижний Новгород) — «Церковные истории» IV–VII веков: динамика развития жанра 2 129
Когут Е.В. (Москва) — Эволюция права собственности византийской женщины по актам Афонских монастырей в эпоху Палеологов 3 96
Коробов Д.С. (Москва) — Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска 1 188
Фурсова А.А. (Москва) — Концепция монархической власти в государстве Маджапахит в конце XIII — середине XIV вв. (на основе данных исторической поэмы «Негаракертагама») 2 155

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Дерягина И.Г. (Волгоград) — Английская колонизация и народы Южной Африки: политический, социально-экономический и культурный аспекты 2 172
Иванов А.Г. (Магнитогорск) — Советская наука и образование в общественных дискуссиях Канады II половины 1950-х — начала 1960-х годов 1 216
Иванов А.Г. (Магнитогорск) — Советско-канадские образовательные обмены конца 50-х — 60-ее гг. 3 104

ИСТОРИЯ РОССИИ

Галанов М.М. (Санкт-Петербург) — Создание руководящих документов Римско-католической церкви в России и проект С. Сестренцевича «Иерархия Католической Церкви в Империи»: сравнительный анализ 2 178
Дорожкин А.Г., Переверзев В.В. (Магнитогорск) — Первые «социалистические войны» в отражении советской периодической печати 1 236
Макаров А.Н. (Магнитогорск) — Советский индустриальный фоторепортаж 1930-х гг. как средство стереотипизации массового сознания 3 111
Потемкина М.Н. (Магнитогорск) — Историческое пространство эвакуации (1941–1945 гг.) 3 124
Рябова Т.С. (Магнитогорск) — Стратегии выживания беспризорников Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 3 133
Шаповалов В.А. (Белгород) — Провинциальное дворянство и выработка проектов реформы отменены крепостного права: социально-психологический аспект (на примере Центрального Черноземья) 1 226

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абрамзон Т.Е. (Магнитогорск) — Плачи по Ломоносову: поэтика скорби 3 148
Баканова Н.В. (Магнитогорск) — Место крестьянского труда в системе ценностей Г.И. Успенского 3 160
Жаткин Д.Н., Милотаева О.С. (Пенза) — Д.Е. Мин — переводчик поэмы У. Морриса «Земной рай» 1 293
Жаткин Д.Н., Родикова О.В. (Пенза) — Поэзия Д.В. Веневитинова в переводах К.К. Павловой 2 202
Жаткин Д.Н., Холодова Ю.В. (Пенза) — Осмысление творчества Томаса Гуда в русской литературной критике второй половины 1850-х — начала 1860-х гг. 3 169
Зайцева Т.Б. (Магнитогорск) — Чехов и Киркегор: к вопросу о типологических и генетических связях 1 265
Кенько А.А. (Магнитогорск) — О литературоцентризме творчества В. Пьецуха 3 211
Кильдяшов М.А. (Оренбург) — Экстраполяция идеи интертекстуальности на наследие П.А. Флоренского 2 244
Кожевников М.В., Авраменко Ю.И. (Магнитогорск) — Лирический контекст военных романов Г. Бёлля 2 232
Кузнецова А.В. (Магнитогорск) — Генезис жанров утопии и антиутопии в английской литературе XX века 2 248
Ломовцева М.В. (Магнитогорск) — Трансформация образа мольеровского Тартюфа и связанных с ним мотивов в комедии У. Конгрива «Двойная игра» 2 189
Ломовцева М.В. (Магнитогорск) — Отражение образа мольеровского Дон Жуана и функционирование связанных с ним мотивов в комедиях У. Конгрива «Старый холостяк» и «Любовь за любовь» 1 303
Макаричев Ф.В. (Санкт-Петербург) — Феномен Лебезятникова: типичное и индивидуальное в поэтике второстепенного персонажа 3 177
Макаричева Н.А. (Санкт-Петербург) — «Человек ли женщина?»: кривые зеркала гендерного взаимовосприятия в художественном мире Достоевского 2 223
Ничипорчик Е.В. (Гомель) — Здоровье как ценность в паремиологической картине мира (на материале русских и итальянских пословиц и поговорок) 3 218
Полехина М.М. (Одинцово) — Поэмы-сказки Марины Цветаевой (к вопросу об инициации героя) 2 271
Постникова Е.Г. (Магнитогорск) — Мифы русской истории и история глуповского мифа (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») 1 274
Пузанкова С.Н. (Магнитогорск) — Надпись «На Сарское село» М.В. Ломоносова: архитектурно-пейзажный экфрасис 1 254
Севастьянова В.С. (Магнитогорск) — Модель мира в русской литературе 1900-1920-х гг. (В. Брюсов, Е. Замятин) 1 281
Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. (Самара) — Средневековая литература/ современное телевидение: семиотическая оппозиция и общая структурообразующая основа 2 265
Смыковская Т.Е. (Благовещенск) — Образ иконы в художественном мире повести Л. Бородина «Царица смуты» 3 201
Соколова В.В. (Магнитогорск) — Женское и мужское в поэтическом манифесте Е.П. Ростопчиной «Как должны писать женщины» 1 259
Таянова Т.А. (Магнитогорск) — Литература и религия: к вопросу о «двоеверии» религиозного писателя 3 232
Тимофеева О.Е. (Санкт-Петербург) — Образ Мессии в рассказе А. Белого «Адам»... 3 191
Хуббитдинова Н.А. (Уфа) — Произведение башкирской литературы и его фольклорные варианты (к вопросу об обратной связи литературы и фольклора) 1 289

Хуббитдинова Н.А. (Уфа) — Интертекстуальность поэзии М.Акмуллы (к 180-летию башкирского просветителя) 3 185
Черенкова Ю.В. (Оренбург) — «Поэтические дефиниции России (на материале русской поэзии XX века)» 2 239
Читеишвили Е.А. (Магнитогорск) — А.Т. Болотов — повествователь: «История русского Иова» (на материале «История Еремея Гавриловича» 2 195
Шулежкова С.Г. (Магнитогорск) — «Понеже люблю свой природной русский язык…» (к 330-летию со дня смерти протопопа Аввакума)..... 3 141
Ярина Н.В. (Магнитогорск) — «Дневник» Марии Башкирцевой как «нарратив стабильности»: структура дневниковых записей..... 2 217

Круглый стол
«Литература и фольклор в историческом и типологическом аспектах»

Душечкина Е.В. (Санкт-Петербург) — Русская елка: pro et contra 2 278
Белоусов А.Ф. (Санкт-Петербург) — От происшествия — к фольклору: Городские песни-хроники 1920-х гг. 2 284
Петрович М. (Торунь) — «Крепко спит да не пробудится…» — плачи как форма ритуального подтверждения смерти Ленина..... 2 299
Голембиовска-Сухорска А. (Быдгощ) — Традиционные ритуалы «денежной магии» в современном мире 2 311
Власкина Т.Ю. (Москва) — Традиционная культура верхнедонского казачества в произведениях М.А. Шолохова «Тихий Дон» 2 322
Власкина Н.А. (Ростов-на-Дону) — Народный календарь в произведениях М.А. Шолохова..... 2 331
Попова Н.С. (Москва) — Представления о доме в произведениях М.А. Шолохова.... 2 340
Чернова О.Е. (Магнитогорск) — Идеологизация жизненных установок в наивном сознании 2 349
Николаев О.Р. (Санкт-Петербург) — Традиционные формулы крестианской культуры на сломе эпох: «Похоронили хорошо» 2 358
Успенская Л. Н. (Екатеринбург) — Образ верхнедонской казачьей свадьбы в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» 2 370

ЛИНГВИСТИКА

Амирян Т.Н. (Москва) — Конспирология: дискурс и жанр 1 311
Войтещук И.В. (Челябинск) — Количественная характеристика природной воды в немецком и русском языках 3 249
Ерохина Е.Г. (Москва) — Использование маркеров недостоверной информации в повествовательных стратегиях исторического текста..... 3 261
Зарецкая А.Н. (Челябинск) — Средства создания подтекста в авторском кинематографе 1 323
Козько Н.А. (Магнитогорск) — Лингвокультурные особенности концепта «спиртные напитки» в английском языке 1 334
Корда О.А. (Магнитогорск) — Локативность как основа организации креолизованного журналистского текста (на примере публикаций журнала «Русский репортер») 1 343
Лунцова О.М. (Магнитогорск) — Семантическое описание ядра градиент-концепта *дружба-мир-вражда* 1 327
Лунцова О.М. (Магнитогорск) — Трансформация бинарных оппозиций «дружба – вражда», ‘friendship — enmity’ в градултные (опыт экпериментального исследования) 3 255

Савина Е. А. (Москва) — Контактоподдерживающие конструкции как часть системы коммуникативного уровня языка 2 381
Селеменева О. А. (Елец) — Отражение архаических представлений славян о природе в русской языковой картине мира XIX–XX веков 2 393
Смолин И. В. (Магнитогорск) — Методы репрезентации «чужого» российскими СМИ в условиях затяжного политического конфликта (на примере текстов, посвященных отношениям РФ и Грузии) 1 352
Соловьева Н. С. (Магнитогорск) — Проявление оппозиции «свой-чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) 2 388
Швыдкая Л. И. (Магнитогорск) — Словообразовательный механизм и морфологическая структура слова 3 241

Доклады и публикации
Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (Магнитогорск, МаГУ, 26-27 октября 2012 г.)

Разумовская В. А. (Красноярск) — Семантика художественного образа в оригинале и переводе: кот Бегемот 3 268
Ткачева Т. А. (Астрахань) — Прагматический и когнитивный аспекты семантики прилагательного saige в «мемуарах» Филиппа де Коммина 3 278
Швецова М. Г. (Киров) — Роль СМИ в конструировании образа страны 3 288

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Антонов И. В. (Уфа) — Башкиры и венгры в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина1 364
Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — Этническая картина на территории Верхнеуральского уезда — Нагайбакского района с 1842 г. до начала XXI века 2 404
Медведев В. В. (Магнитогорск) — Этническая идентичность верховых чувашей Башкортостана в начале XXI в. 3 299
Хасанова З. Ф. (Уфа) К проблеме башкиро-русских взаимодействий в Башкортостане (на примере обработки шкур диких животных) 2 400

Материалы научно-методического семинара «Образы евразийских пространств: пути, перекрестки, святые места» (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 4 мая 2012 г.)

Бурнаков В. А. (Новосибирск) — Каменные изваяния в сакральном пространстве хакасов 3 335
Любимова Г. В., Лугоненко Д. С., Бут М. В. (Новосибирск) — Рай как сад. Практики сакрализации пространства новых религиозных движений Сибири 3 345
Октябрьская И. В. (Новосибирск) — Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая 3 325
Романова Е. Н. (Якутск) — Священные места Якутии: традиции и современность 3 309
Садалова Т. М. (Горно-Алтайск), *Самушкина Е. В.* (Новосибирск) — Святыни Алтая в контексте программ сохранения культурного наследия 3 317

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Чиглинцев С.А. (Казань) — Античность в современной культуре: теория и практика рецепции 1 371

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Фролова Н.А. (Москва), Абрамзон М.Г. (Магнитогорск) — Боспорские монеты в собрании Государственного исторического музея (Коллекция А.С. Коциевского).... 4 320

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Бухарин М.Д. (Москва) — Письма П.К. Козлова С.Ф. Ольденбургу из собрания ПФА РАН 4 288
Дементьева В.В. (Ярославль) — Поиски современного универсального взгляда на древнюю историю сквозь призму моделей Я. Буркхардта и Эд. Мейера 3 357
Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Швед К.А. (Москва) — Петроглифы Северной Евразии: научно исследовательский ресурс 4 318
Пилипко В.Н. (Москва) — История археологического изучения раннесредневековых памятников Ахала 4 304
Тихонов Р.В. (Елец) — История изучения эллинистической керамики Бактрии на современном этапе (конец 1900-х — начала 2000-х гг.) 4 311

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Соколов М.В. (Магнитогорск) — Всероссийская научная конференция «Современные тенденции в развитии декоративно-прикладного искусства и дизайна на рубеже XX и XXI веков» 2 422

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамовский А.П., Буданов А.В. (Челябинск) — Историография социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. 1 381
Грибан И.В. (Екатеринбург) — Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в англо-американской историографии 1 398
Захаров О.А. (Москва) — Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Potery / J. N. Miksic (ed.). Singapore: Southeast Asian Ceramics Society — Editions Didier Millet, 2009. 176 p. 1 378
Янковская Г.А. (Пермь) — «Проблемы российской истории». М., Магнитогорск: ИРИ РАН, МаГУ, 2009. — Вып. IX. — 295 с. 2 418

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА — Античный мир и археология, Саратов
АО — Археологические открытия. Москва
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГМИКИУ — Государственный. Музей искусства и культуры народов Узбекистана, Самарканд
Зап. ИИМК РАН — Записки Института истории материальной культуры, СПб.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана, Ташкент
МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани, Краснодар.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Ленинград
МКВ — Материальная культура Востока. М.
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МТЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
НЭ — нумизматика и эпиграфика. Москва
ОВГЭ — Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РА — Российская археология. Москва
САНГ — Сообщения Академии наук Грузии. Тбилиси
СА — Советская археология. Москва
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция. Ташкент.
Тр. ГЭ — Труды государственного Эрмитажа, СПб.
ABC — Grayson A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles. New York, 1975.
ABSA — The Annual of the British School at Athens.
ADRTB — Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. T. I. Wien, 1988.
AE — L'Année épigraphique. Paris, 1889-
ASAtene — Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Bergamo, Rome.
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCHP — Finkel I., van der Spek R. J. Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period (www.livius.org).
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BMC 13 — Wroth W. The Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus. London, 1889.
BMC 3 — A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. / Ed. R.S. Poole. London, 1877.
BMM — Bulletin of Miho Museum. Shigaraki, Japan
BSA — The Annual of the British School at Athens.
BSEAA — Boletín del Semin*ario de Estu*dios de Arte y Arqueología. Valladolid, 1932-
CAH2nd — The Cambridge Ancient History, 2nd edition.
CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
CIL — Corpus inscriptionum latinarum (Vol. I²) / Eds. W. Henzen, Chr. Huelsen, Th. Mommsen, E. Lommatzsch (pars II. fasc. I). Berlin. 1893-1918.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I-XVI. Berlin, 1863-1959.
CQ — The Classical Quarterly. Oxford; New York; L.
CRAI - Comptes-rendus des séances de l'année — Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris.
DWL — Demotische Wortliste online. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dwl.aegyptologie.lmu.de/).

FD — Fouilles de Delphes. Épigraphie. Paris 1929–1943.
FGH — Jacoby F. Die Fragmente der Griechischen Historiker. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.
FgrHist — Die Fragmente der griechischer Historiker. Hrsg. von F. Jacoby. B., 1923-1958.
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum. / Ed. C.Müller. Vol. I-IV. Paris, 1841-1884.
GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.
HAnt — Hispania Antiqua. Valladolid, 1971-
HEp — Hispania Epigraphica. Madrid, 1989-
HGK — Herzog R. Heilige Gezetze von Kos. Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1928.
IDidyma — Rehm A. Didyma II: Die Inschriften. B., 1958.
ID — Inscriptions de Délos. P., 1926-1972.
IGLSyr — Inscriptions grecques et latines de *la Syrie, I*V. Laodicée. Apamène / L. Jalabert, R. Mouterde (eds.). P., 1955.
IK Estremo oriente — F. Canali De Rossi. Iscrizioni dello estremo oriente *greco.* Bonn, 2004.
ILCV — D*ie*hl E. Inscriptiones Latinae Christianae Veteres. Bd. I-IV. Berlin, 1925-1967.
ILS — Inscriptiones latinae selectae (Vol**.** I) / Ed. H. Dessau. Berlin, 1892.
JRS — Journal of Roman Studies.
MDAFA — Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan.P.
MGH Chron. min (I) — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Vol. IX. Chronica minora. Pt. I. / Ed. T.Mommsen. Berolini, 1892.
MGH Chron. min (II) — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Vol. XI. Chronica minora. Pt. II. / Ed. T.Mommsen. Berolini, 1894.
MM — Madrider Mitteilungen. Wiesbaden, 1980-
OGIS — Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. I–II. Leipzig, 1903–1905.
OGIS — Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. Vol. I-II. Leipzig, 1903-1905.
P.Hib - B.P. Grenfell, A.S. Hunt. The Hibeh Papyri . I. L. 1906.
p. Rev. Laws — Grenfell B. P. Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1896. Bingen J. Papyrus Revenue Laws. Göttingen, 1952.
Paton-Hicks — Paton W. R., Hicks E. L. TheInscriptions of Cos. Oxford, 1891.
RC — Welles C. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy. L., 1934.
REA — Revue des études anciennes. Bordeaux, 1899-
REG — Revue des études grecques.
RE — Paulus Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. / G.Wissowa, W.Kroll (Hrsg.). Bd. 1-83. Stuttgart, 1893-1975.
RH — Revue Historique.
Schwenk — Schwenk C. J. Athensin the Age of Alexander: The Dates Laws and Decrees of «the Lykourgan era» 338-322 B. C. Chicago, 1985.
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden-Amsterdam, 1923-
SNG BM — Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. Pt I: The Black Sea / Ed. M. Price. London, 1993.
SNG Stancomb— Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000.
SPA — Survey of Persian Art, London — New York
Tit. Calymnii — M. Segre. Tituli Calymnii // ASAtene. 1944–1945. P. 1–248.
Tit.Cam — Segre M., Carratelli G. P. TituliCamirenses // ASAtene 27-19. 1949-1951.
Urk. II. — Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904-1916.
ZA — Zhiva Antika.
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1967-

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Соловьев В. С. (Елец) — Слово об учителе 3

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ВОСТОК

de Pontbriand S., Leriche P. (Paris) — Un bâtiment d'artisanat kouchan à l'Ancienne Termez 14
Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. (Москва) — Монетное дело Парфии при Аршаке II..... 24
Шишкина Г. В., Иневаткина О. Н. (Москва) — Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников 33
Двуреченская Н. Д. (Москва) — Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа 69
Павлова С. В. (Елец) — Преемственность в изобразительном искусстве Тохаристана в XI–XII вв. 81
Ладынин И. А. (Москва) — К вопросу о характере полномочий и формальном статусе Клеомена из Навкратиса 89
Алпаткина Т. Г. (Москва) — Садово-парковое искусство раннесредневековой Бухары по материалам коллекции резного ганча из дворца Варахши 101

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Завойкин А. А. (Москва), *Монахов С. Ю.* (Саратов) — Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени 117
Кузьмина Ю. Н. (Москва) — Монументальное общественное здание эллинистического времени на южной окраине Фанагории 128
Масленников А. А. (Москва) — Повседневность бытия боспорского поселянина (К постановке проблемы) 138
Строкин В. Л. (Темрюк) — Заметки по нумизматике боспора римского времени 161
Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В. (Москва), *Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г.* (Сухум) — Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки 169

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

Ленская В. С. (Москва) — Иеропеи в Древней Греции 179
Клейменов А. А. (Тула) — Особенности психологии представителей армии Александра Македонского: ночной инцидент под Галикарнассом 334 г. до н.э 191
Смирнов С. В. (Москва), *Юрин А. И.* (Санкт-Петербург) — Эпистаты в государствах Антигонидов и Селевкидов 204
Зелинский А. Л. (Киев) — Еще раз к проблеме датировки брака будущего Деметрия II и Стратоники 214
Лапырёнок Р. В. (Саратов) — Lex Sempronia Agraria и союзники 228
Панов А. Р. (Арзамас) — Артавазд II и армяно-римские взаимоотношения в середине I в. до н.э. 239
Мехамадиев Е. А. (Санкт-Петербург) — Формирование и развитие региональной армии comitatenses в позднеримской Испании в IV — первой трети V вв. 250

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Боталов С.Г., Иванов А.А. (Челябинск) — Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье 269

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Бухарин М.Д. (Москва) — Письма П.К. Козлова С.Ф. Ольденбургу из собрания ПФА РАН (вступительная статья, публикация и комментарии М.Д. Бухарина)..... 288
Пилипко В.Н. (Москва) — История археологического изучения раннесредневековых памятников Ахала..... 304
Тихонов Р.В. (Елец) — История изучения эллинистической керамики Бактрии на современном этапе (конец 1990-х — начало 2000-х гг.) 311
Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Швед К.А. (Москва) — Петроглифы Северной Евразии: Научно-исследовательский ресурс 318

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Фролова Н.А. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) — Боспорские монеты в собрании Государственного исторического музея (Коллекция А.С. Коциевского)..... 320

Указатель материалов, опубликованных в журнале «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» в выпусках 1–4 за 2012 год 369

CONTENTS

HISTORY

V.S. Solovyev (Yeletz) — Слово об учителе 3

ANCIENT WORLD HISTORY

THE ORIENT

S. de Pontbriand, P. Leriche (Paris) — Handicraft Building in Ancient Termez (On the Expedition of 2011)..... 14
G.A. Koshelenko, V.A. Gaibov (Moscow) — Parthian Coinage in the Reign of Arsaces II. 24
G.V. Shishkina, O.N. Inevatkina (Moscow) — Western Lands of Samarqand Soghd. Types of Archaeological Monuments 33
N.D. Dvurechenskaya (Moscow) — Early Hellenistic Large-Scale Construction in Kampyrtep..... 69
S.V. Pavlova (Yelets) — Continuity of Tokharistan Graphic Art in the 11th — 12th centuries 81
I.A. Ladynin (Moscow) — Official Status and Personal Powers 89
T.G. Alpatkina (Moscow) — Landscape Art of Early Medieval Bukhara (Based on Carved Ganch Collection from the Varakhsha Palace)..... 101

THE BLACK SEA REGION

A. A. Zavoikin (Moscow), S. Yu. Monakhov (Saratov) — Amphora Neck from Phanagoreia and Two Series of Ceramic Containers of Late Classical Period 117
Yu. N. Kuzmina (Moscow) — Hellenistic Monumental Public Building in the Southern Outskirts of Fanagoria 128
A. A. Maslennikov (Moscow) — Daily Routine of a Bosporus Rural Dweller 138
V. L. Strokin (Temryuk) — A Commentary on the Bosporan numismatics of the Roman period 161
G. V. Treveleva, G. Yu. Yurkov, Yu. V. Gorlov (Moscow), I. I. Tsvinariya, A. S. Agumaa, Sh. G. Kaitan (Sukhum) — Kelasur Wall: Another Approach to Archaeometry 169

ANCIENT GREECE AND ROME

V. S. Lenskaya (Moscow) — Hieropoioi in Ancient Greece 179
F. F. Kleimenov (Tula) — Psychology of Alexander The Great Army Representatives (by the Example of Night Incident Outside Halicarnassus in 334 B.C.) 191
S. V. Smirnov (Moscow), *A. I. Yurin* (St.-Petersburg) — The Epistates in the Antigonid and Seleucid States 204
A. L. Zelinsky (Kiev) — A Rethink of the Dating of Would-Be Demetrios II and Stratonice's Marriage 214
R. V. Lapyryonok (Saratov) — Lex Sempronia Agraria and the Allies 228
A. R. Panov (Arzamas) — Artavazd II and Armenian-Roman Relations in the mid 1st c. B.C. 239
Ye. A. Mekhamadiev (St.-Petersburg) — Forming and Developing Regional Army Comitatenses in Late-Roman Spain of the 4th — early 5th cc. A.D. 250

PREHISTORY

S. G. Botalov, A. A. Ivanov (Chelyabinsk) — New Complex of the Nomadic Aristocracy of the Hun-Sarmatian Epoch in South Zauralye 269

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

Bukharin M. D. (Moscow) — P. K. Kozlov's Letters to S. F. Oldenburg from the Collection of PFA RAS (Introductory article, Publication and Commentary of M. D. Bukharin) 288
V. N. Pilipko (Moscow) — History of Archeological Study of Early Medieval Monuments of Akhal 304
R. V. Tikhonov (Yelets) — The History of Bactrian Hellenistic Ceramics Study at the Present Stage (late 1900-s – early 2000-s) 311
Devlet E. G., Devlet M. A., Shwed K. A. (Moscow) — Petroglyphs of the Northern Eurasia 318

IN WORLD MUSEUMS

N. A. Frolova (Moscow), M. G. Abramzon (Magnitogorsk) — Bosporan Coins in the State Historicle Museum of Russia (A. S. Kotsievsky's Collection) 320

Index of PIFK 1-4, 2012 369

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2012

На 1-ой странице обложки: Медальон эллинистического типа. Термез.

На 4-ой странице обложки: Терракотовые статуэтки эллинистического времени. Термез.

Сдано в набор 10.11.2012. Подписано в печать ??.12.2012.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство. 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

Борис Анатольевич Литвинский
(17.04.1923 — 20.08.2010 г.)

Пустая-оборот портрета

Цветная вклейка № 1 к ст. Leriche et de Pontbriand

Fig. 3 Vue generale Batiment

Цветная вклейка № 2 к ст. Leriche et de Pontbriand

Fig. 4. Médaillon de type hellénistique en plâtre

Цветная вклейка № 3 к ст. Leriche et de Pontbriand

Fig. 5. Figurine masculine

Fig. 6 Figurine Feminine

Fig. 7 Figurine luthiste

Цветная вклейка №4 к ст. Leriche et de Pontbriand

Fig. 8 et 8 bis Fragment de moule de musicienne et tirage de la figurine

Цветная вклейка №5 к ст. Leriche et de Pontbriand

Fig. 9 Félin en terre cuite

Fig. 10 Bol en céramique grise (Grey ware)

Цветная вклейка № 6 к ст. Строкина

Рис. 4.
1 — 559 г.б.э.-262/263 г.н.э. (позолоченный биллон).
2— 560 г.б.э.-263/264 г.н.э. (серебро).